

Памятники исторической литературы

Генрих Штаден

ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ

Иван Иванович Полосин

Fritz T. Epstein

Фриц Теодор Эпштейн

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА»

Генрих Штаден

З А П И С К И
О МОСКОВИИ

В ДВУХ ТОМАХ

М О С К В А
Древлехранилище
2 0 0 9

Генрих Штаден

ЗАПИСКИ
О МОСКОВИИ

ТОМ ВТОРОЙ
СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ

МОСКВА
Древлехранилище
2009

ББК 63.3
Ш 87

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 02-01-00227а,
№ 05-01-16282д

Редакционная коллегия

А. Л. Хорошкевич (ответственный редактор), Е. Е. Рычаловский,
А. Г. Тюльпин (ответственный секретарь), Ю. М. Эскин

Публикация немецкого текста

Е. Е. Рычаловский

Перевод

С. Н. Фердинанд

Редакция перевода

Е. Е. Рычаловский, при участии А. Л. Хорошкевич

Вступительные статьи

1-й том – А. Л. Хорошкевич; 2-й том – А. А. Булычев, С. Н. Фердинанд

Иллюстрации подобраны

А. Л. Хорошкевич, А. Белым
и научным коллективом ГИАХМЗ «Александровская слобода» под
руководством А. С. Петрухно

Рецензент

К. Ю. Ерусалимский

На форзацах гравюра аугсбургского летучего листка 1563 г. «Warhafftige und erschreckliche Zeitung von dem grausamen Feind dem Moscowiter», изображающая захват Полоцка войсками Ивана IV в феврале 1563 г.

ISBN 978-5-93646-144-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

...опричники, веселые, как тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабов,
Кровавыя затеивали игры,
Чтоб увеличить полчище гробов.

...невинных жгли и рвали по суставам,
Перетирали их цепями пополам,
И в добавленье к царственным забавам,
На жен и дев ниспосылали срам...

Константин Бальмонт

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Второй том нашего издания включает следующие разделы: 1) подборка мемуаров об историках, 2) исследования лексики публикуемого памятника и символики Опричнины, 3) комментарии к текстам, 4) справочный аппарат, в состав которого входят списки сокращений, литературы, указатели. Яркость сочинения Штадена своим «отрицательным обаянием» всегда провоцировала его исследователей на адекватно эмоциональное восприятие. Поэтому публикаторы решились предварить основные разделы данного тома подборкой воспоминаний о историках – Иване Полосине и Фрице Эпштейне, которым было посвящено это исследование и издание, и Павле Смирнове, в период сталинского восхваления опричнины спасавшем, подобно С. Б. Веселовскому, честь русской науки. Нам не удалось найти воспоминания о И. И. Полосине, и биографические сведения о нем мужно почерпнуть только из вступительной статьи Л. В. Черепнина к сборнику трудов первого публикатора Штадена. Поэтому мы ограничились изданием посвященного ему фрагмента из воспоминаний А. А. Зимина, который слушал лекции Полосина в Среднеазиатском Государственном университете в Ташкенте в 1942 г.

Эпопея издания нового перевода сочинений Генриха Штадена, в силу обстоятельств, в том числе и непреодолимых, затянувшаяся на несколько десятилетий (1967, 1996, 2007–2008), завершилась – уже после сдачи в типографию первого тома этой публикации – несколько неожиданно встречей с учеником Фрица Эпштейна профессором Берндтом Бонвечем, в то время директором Германского исторического института в Москве, и его любезным согласием написать воспоминания о немецком издателе творений «прославленного» опричника царя-тирана Ивана Грозного (на языке оригинала). Поэтому второй том включает эти воспоминания[1]. Они ясно

[1] К сожалению, в силу малой осведомленности автора этих строк о биографии профессора Норберта Ангерманна, ученика незабвенного Пауля Йохансена, сделав-

показывают, как от средневековья до наших дней тесно и противоречиво переплетались история России и Германии, наука об этом общем прошлом и судьбы частных лиц, честных ученых и патриотов своих стран.

Раздел завершается переизданием фрагмента воспоминаний Б. Г. Литвака о заседании исторического кружка в Историко-архивном институте, где П. П. Смирнов преподнес студентам – бывшим фронтовикам урок гражданского мужества.

Следует отметить, что по техническим причинам, указатели не охватывают перевод И. И. Полосина.

В заключение хотелось бы еще раз выразить благодарность немецким и отечественным (к числу которых в июне 2008 г. присоединилась О. В. Дмитриева) коллегам за сотрудничество и выразить надежду, что новое издание записок Штадена поможет лучше понять прошлое России и Германии, и в дальнейшем будет способствовать правильному выбору молодежью наших стран жизненных идеалов и путей.

шего переворот в изучении Ганзы и русско-ганзейских отношений, и ассистента Фрица Эпштейна в Гамбургском университете в 1965 г., данная публикация, которой он всемерно содействовал, не пополнилась и воспоминаниями первого из названных лиц.

А. А. Зимин

«ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ НЕУДАЧНИК»[2]

Среди преподавателей-феодалов в педагогических институтах [Москвы][3] были и люди довольно интересные. Это в первую очередь – И. И. Полосин (1891–1956). В 1916 г. он кончил Московский университет у А. И. Яковлева и с 1917 г. работал в библиотеке им. Ленина [б. Румянцевском музее], с 1922 г. по 1929 г. работал в Институте истории РАНИОН. К этому времени относятся блестящие статьи Полосина по крепостному праву, выдающееся издание «Записок опричника» (Г. Штадена). Далее известные события, и в 1934–40 гг. мы застаем Полосина проф[ессором] Курского педагогического института, а в 1940 г. он уже преподает в Пед[агогическом] ин[ститу]те им. Либкнехта (профессор еще с 1926 г.)[4]. Затем эвакуация в Ташкент, где я слушал его блистательные, искрящиеся тонкими наблюдениями лекции по методике преподавания истории. В последние годы Полосин преподавал в институте им. Ленина[5].

Полосин – один из первых романтиков в науке. Он пытался рассмотреть многие вопросы истории России сквозь призму сравнительно-исторических представлений. Широта кругозора у него необычайная. Каждая большая работа поражала оригинальностью. Он впервые в 20-е годы поставил вопрос об изучении уставных крестьянских грамот, составлявшихся в ходе реформы 1861 г.[6] Он написал работы о дьяке Тимофееве

---

[2] С любезного разрешения В. Г. Зиминой печатается по первой редакции историографическо-мемуарного труда А. А.Зимина 1976–1977 гг. «Храм науки». Заголовок принадлежит редактору.

[3] Здесь и далее в квадратных скобках дополнения редактора.

[4] Позднее – Московский областной пед. институт им. Н. К. Крупской, ныне – Московский педагогический университет (*здесь и далее – прим. ред.*).

[5] Ныне – Московский педагогический государственный университет.

[6] *Полосин* 1930. С. 7-50.

(1949)[7], издал с комментариями Псковскую судную грамоту (1952)[8]. Источниковедческие гипотезы так и сыпались фейерверком из этих работ. Он выдвинул гипотезу о том, что «Пересветов» было только псевдонимом Ивана IV (1946)[9], написал оригинальную статью о пожаре Москвы (1950)[10]. Но темой жизни, так и не завершенной Полосиным, была, конечно, опричнина царя Ивана (см. статью «Споры об опричнине» 1945 г.[11] и др.): его точка зрения сводилась к тому, что опричнина так никогда и не была отменена, просуществовала в качестве «двора» до 1917 г.

Удивительный был этот красивый человек с бабочкой вместо галстука, галантный с изюминкой надменности[12]. [...] В общем-то (возможно из-за утонченно нервной организации, а м[ожет] б[ыть] из-за обстоятельств) оказался он великолепным неудачником.

Б. Бонвеч

ФРИЦ ТЕОДОР ЭПШТЕЙН – УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ[13]

Сыграл свою роль случай.

27 мая 2008 г. в связи с докладом в Германском историческом институте в Москве Анна Хорошкевич, сотрудница Института славяноведения, в беседе со мной упомянула о том, что она и другие коллеги из различных институтов РАН, РГАДА и музеев работают над новым изданием записок Генриха фон Штадена о Московии XVI века.

Мне сразу же вспомнился первый семинар по русской истории и мой глубоко чтимый учитель – незабвенный Фриц Эпштейн. Случаю было угодно сделать так, что Пауль Йохансен, преподаватель средневековой и восточноевропейской истории и по совместительству директор финно-угорского семинара в университете Гамбурга, в 1965 г. руководил

---

[7] *Он же*. 1949. С. 135-192.
[8] ПСГ.
[9] *Полосин* 1946. С. 25-55.
[10] *Он же*. 1950. С. 122-165.
[11] *Он же*. 1945. С. 40-45.
[12] Иван Иванович происходил из крепостных крестьян (см.: *Черепнин Л. В.* И. И. Полосин как историк // *Полосин* 1963. С. 39 - *прим. ред.*).
[13] Перевод с немецкого Бориса Хавкина.

основным семинаром по истории Ивана IV. В семинаре занимались только студенты, знавшие русский язык. Так как я наряду с историей изучал и славянскую филологию (моим главным иностранным языком тогда был польский), мои университетские друзья стали уговаривать меня записаться в этот семинар, так как там не хватало слушателей. Я согласился. Таким образом, на 7-м семестре я приступил к изучению русской и соответственно восточноевропейской истории.

Темы рефератов для семинара были вывешены на черной доске. Я выбрал тему «Опричнина». Но не потому, что она меня сильно интересовала, а потому, что выступать по этой теме надо было в конце семестра, а у меня было еще много других дел. Тогда я и понятия не имел, о чем пойдет речь. К сожалению, у меня не было прямого контакта с Паулем Йохансеном. Он заболел уже в начале семестра, так что едва ли был в состоянии председательствовать, а семинарские работы проверял в больнице. Семинар *de facto* вели его тогдашние ассистенты Гуго Вечерка и Норберт Ангерманн. Ангерманн принадлежал к лучшим в Германии молодым специалистам по истории Московии времен Ивана Грозного и в то время работал над диссертацией по ливонской политике Ивана Грозного.

Постепенно до меня стало доходить, что за тема свалилась на мою голову. Выясняя характер опричнины и причины ее отмены в 1572 г., казавшиеся мне тогда неясными, я погрузился в труды С. Ф. Платонова, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина; читал и других историков, таких как Р. Ю. Виппер (написанная им биография Ивана Грозного[14] была в 1947 г. издана по-немецки в Москве большим тиражом), и Бярне Норретрандерс, книга которого «Формирование царской власти при Иване Грозном» (*«The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj»*) тогда только вышла в свет.

Важным источником для меня стали «Записки о Московии» немецкого авантюриста Генриха Штадена, с 1564 г. до середины 70-х годов XVI века жившего в Московском царстве в качестве государева опричника, а затем купца. Записки Генриха Штадена были изданы на языке оригинала, т. е. по-немецки, в 1930 г. Фрицем Т. Эпштейном – ассистентом Рихарда Саломона в Гамбургском университете.

---

[14] *Виппер* 1922; 2-е изд. Ташкент, 1942; 3-е изд. М.; Л.,1944; *Он же*. Иван IV. М., 1945. По-видимому, речь идет о переводе первого из этих сочинений, не отмеченном даже К. Р. Симоном (УСЛ. 1917–1952), как рассчитанном на зарубежного читателя. *Прим. ред.*

Кто такой Эпштейн, я знал в то время весьма приблизительно: меня как студента и начинающего учителя истории больше интересовал тогдашний «спор историков» о вине Германии в Первой мировой войне и вообще вопросы германской истории. В этом споре участвовал историк по имени Клаус Эпштейн, написавший книгу об известном политике партии «Центра» Эрцбергере, убитом в 1921 г., «Матиас Эрцбергер и проблема немецкой демократии» (*«Matthias Erzberger und das Dilemma der deutschen Demokratie»*). Еженедельно 1000–1500 слушателей, среди которых был и я, собирались в большой аудитории Гамбургского университета, чтобы послушать лекции самого известного его тогда историка Фрица Фишера. Его книга о политике Германии во время Первой мировой войны «Схватка за мировое господство» (*так в России принято переводить немецкое название «Der Griff nach der Weltmacht» – точнее было бы: «замах на мировое господство» или «порыв к мировому господству»)* тогда только появилась.

Даже должность профессора по истории Восточной Европы была после смерти Пауля Йохансена в 1965 г. упразднена. Лишь когда на следующий год была учреждена гостевая профессура по истории Восточной Европы, я по-настоящему узнал, кто такой Фриц Т. Эпштейн: именно он и стал тем профессором, который взял на себя преподавание истории Восточной Европы. Он был отцом автора биографии Эрцбергера. Для тех, кто интересовался историей Восточной Европы, посещать лекции нового приглашенного профессора было делом само собой разумеющимся.

Фриц Теодор Эпштейн приехал из Блюмингтона, из университета штата Индиана (США). Он был маленьким, хрупким, как бы нуждающимся в защите человечком, едва выглядывавшим из-за кафедры, на которой стоял. При этом Эпштейн обладал энциклопедическими знаниями, прежде всего, по историографии. Каждый исторический сюжет своей лекции он снабжал подробной комментированной библиографией, так что была угроза того, что исторический контекст мог слегка расплыться. Но красную нить профессор никогда не терял: через некоторое время нить Ариадны вновь выводила его на главную тему. Подразумевалось, что у него, как у профессора, приглашенного лишь на летний семестр, будет мало студентов. Но к этим немногим я и принадлежал. Я был учеником Эгмонта Цехлина, в ту пору одного из важнейших контрагентов Фрица Фишера среди немецких историков. Эгмонт Цехлин

обратил на меня внимание, так как я написал хороший реферат на тему «Легенда об ударе ножом в спину» и знал русский язык. Цехлину нужен был историк со знанием русского языка, так как он выступал в качестве эксперта от династии Гессен-Дармштадт на процессе Анастасии. Это было судебное дело об идентификации мнимой дочери русского царя. Процесс проходил в Гамбурге, и я с интересом следил за ним.

Как вузовский преподаватель Фриц Эпштейн подкупал своих слушателей не только глубиной проникновения в мир исторических фактов и литературы, но и знанием немецкой историографии межвоенного периода. Прежде всего, это касалось усилий германских историков, направленных на опровержение «Параграфа о вине за войну» (статьи 231) Версальского мирного договора. Эпштейн сам активно участвовал в актуальной тогда дискуссии по проблеме «вины за войну» и целях Германии в Первой мировой войне[15].

Лишь годы спустя, когда у нас с Эпштейном уже установился личный контакт, я кое-что узнал о его судьбе. Сам Эпштейн не любил говорить на эту тему. В основном я узнавал о нем от тех людей, коллегой которых в дальнейшем стал. Это были Норберт Ангерманн в Гамбурге, Клаус Швабе в Аахене, Клаус Мейер в Свободном университете Берлина, Александр Фишер во Франкфурте на Майне и Дитрих Гайер в Тюбингене, у которого я стал ассистентом в 1972 г. Судьба Эпштейна в связи с его бесконечной готовностью помогать другим людям, обладала для меня особой притягательной силой. Возможно, другие испытывали к нему те же чувства.

Фриц Эпштейн, как он всякий раз кратко и скромно представлялся, снимая телефонную трубку, был еврей. Он происходил из семьи франкфуртских старожилов. Уроженец Франкфурта-на-Майне и известный представитель «Франкфуртской школы» критической теории Теодор В. Адорно был, к примеру, его двоюродным братом. Его отец Пауль Эпштейн был известным математиком, который учился, а затем преподавал в качестве приват-доцента в «Имперском университете» в Страсбурге. После 1918 г. он вернулся в родной ему город Франкфурт, где стал экстраординарным профессором. Взгляды семьи, которые разделял и Фриц Эпштейн, можно охарактеризовать как германо-национальные. Так что борьба против «парагра-

---

15 Die deutsche Ostpolitik. 1964. S. 158-174.

фа о вине за войну» была связана и с его лично-семейным опытом. Его отец в Первую мировую войну был в германской армии, а сам Фриц Эпштейн в 1917 г. добровольцем ушел на фронт и служил до 1919 г. После защиты первой докторской диссертации в 1924 г. у Карла Штелина в Берлине по проблеме государственного управления допетровской Руси[16], Фриц Эпштейн в 1926 г. стал ассистентом Рихарда Саломона, который в Гамбургском университете заведовал кафедрой культуры и истории России.

Вершиной работы Эпштейна в Гамбургском университете стала осуществленная им в 1930 г. публикация записок Генриха фон Штадена, которая может служить образцом научного издания источника. На следующий год, в 1931 г., Эпштейн переехал во Франкфурт для завершения работы над второй докторской диссертацией (Habilitation). Однако его подготовленная к защите работа «Россия и мировая политика 1917–1920 гг.» (*«Russland und die Weltpolitik 1917–1920»*) в 1933 г. уже не смогла пройти ученый совет философского факультета. Франкфуртские профессора, как Эпштейн не раз с горечью вспоминал, перед официальным направлением его работы в ученый совет отсоветовали ему защищаться, так как он, как «неариец» не имел шансов получить *venia legendi* (квалификацию профессора) и возможность преподавать в университете даже вне штата. Эпштейн многократно указывал на то, что Ханна Арендт с ее докторской диссертацией о Рахель Варнхаген, одной из самых известных женщин – и евреек – Германии первой трети XIX в., испытала такую же участь. Книга Ханны Арендт была позже издана, а работа Эпштейна так и осталась не опубликованной. На эту свою работу Эпштейн опирался, когда писал для трехтомника по истории внешней политики Советского Союза большую статью о внешней политике Советской России в 1917–1920 гг.[17]

Преследование евреев в Германии в годы господства национал-социализма для семьи Эпштейн, учитывая ее германо-национальные взгляды, было особой трагедией, если вообще можно так разделять эту трагедию. Рихард Саломон, наставник Эпштейна при работе над «Штаденом», потерял место руководителя семинара в Гамбурге в 1933 г.; в 1934 г. его лишили профессуры, и он эмигрировал в Америку. Отца Эпштейна как участника войны некоторое время не трогали, но после

---

[16] Издана Г. Спековиусом, по случаю 80-летия Ф.Т. Эпштейна: *Epstein* 1978.
[17] *Epstein* 1972. S. 86-149.

Нюрнбергского съезда НСДАП в 1935 г. он лишился своего места во Франкфуртском университете и, после долгих мучений, в 1939 г. покончил жизнь самоубийством, не выдержав постоянного ожидания ареста.

Фриц Эпштейн еще в 1934 г. эмигрировал в Англию, где перебивался случайными заработками, преподавая немецкий язык. В 1937 г. он сумел перебраться из Англии в США и в 1944 г. получил американское гражданство.

И в Америке ему было не легко. Жизнь бросала его из стороны в сторону. Он работал ученым, библиотекарем и преподавателем в разных местах и учреждениях, среди которых было и Управление стратегических служб (УСС – предшественник Центрального разведывательного управления), и Госдепартамент США. Но он не был, как многие американские знатоки России и Восточной Европы, сотрудником соответствующих подразделений УСС или Госдепа; в УСС он работал в отделе Латинской Америки, а в Госдепе – в отделе Германии. В конце концов, в 1963–1969 гг. Эпштейн занял должность профессора истории Восточной Европы в университете штата Индиана в Блюмингтоне, где он одновременно руководил отделом славянских книг в университетской библиотеке.

Обилие и разнообразие дел, которыми Эпштейн занимался, свидетельствовали о его разносторонней одаренности. Но они не показывают оборотной стороны медали: после эмиграции из Германии у него не было постоянной работы, а значит и социальной стабильности в жизни. После войны он многократно приезжал в Западную Германию, например, в 1960-1963 гг. был ответственным секретарем издания «Документы по внешней политике Германии 1918–1945» (*«Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945»*), выходившего под эгидой боннского министерства иностранных дел. В Бонне, в Мекенхайме, у него была квартира. Но, к сожалению, ни один из германских университетов не предложил ему места профессора на постоянной основе. А Эпштейн этого места более чем заслуживал. От случая к случаю его приглашали разные университеты. В 1950 г. он был гостем Свободного университета в Берлине; в 1954 г. преподавал в Бонне; в 1966–1968 гг. – провел летние семестры в Гамбурге. В университетах Бонна и Фрейбурга соответственно в 1961 г. и 1974 г. он был нештатным «почетным» профессором (Honorarprofessor), т.е. он мог преподавать, но не получал за это жалования. Внешне Фриц Эпштейн никогда не показывал своего разочарования таким положением дел. Своим бесчисленным коллегам и молодым немецким историкам послевоенного поколения он охотно помогал практическими и научными советами.

Среди тех многих, кто пользовался его советами, был и я. Когда в 1966 г. я выбирал тему работы для государственного экзамена, я обратился к Эпштейну с вопросом, что он мог бы мне посоветовать. Мои интересы лежали тогда в сфере истории Первой мировой войны – в соответствии с бурными дискуссиями того времени и личным спором между моим научным руководителем Эгмонтом Цехлиным и его оппонентом Фрицем Фишером, на которого я, как и другие студенты, смотрел с восхищением. Однако Фриц Эпштейн предложил мне заняться парижской экономической конференцией союзников в 1916 г., так как эта тема была практически не изучена.

После ознакомления с общей литературой, я решил рассмотреть эту проблему с особым учетом роли России. Эгмонт Цехлин, у которого я хотел писать свою государственную экзаменационную работу, был согласен с выбранной темой и затем, получив результаты моего исследования, дал свой отзыв (*de facto* отзыв писал его ассистент Клаус Зауль). В итоге, предпринимаемые во время Первой мировой войны усилия Франции и Англии, направленные на недопущение конкурирующей с ними Германии на послевоенный рынок России, соответствовали убеждениям Цехлина. Впрочем, я почти уверен, что и Фриц Эпштейн назвал мне эту тему в соответствии со своими германо-национальными убеждениями, о которых я тогда еще ничего не знал.

Мое сочинение было защищено в качестве государственной экзаменационной работы в 1967 г. В 1972 г. оно переросло в диссертацию, которую я написал после года учительствования в одной из школ Гамбурга и изучения архивов в Англии, Франции и США. В предисловии диссертации я сухо отметил, что к изучению избранной темы меня побудил Фриц Эпштейн. Сегодня я сожалею о том, что не написал подробно, в чем состоят его заслуги. Следовало бы поблагодарить его за помощь, оказанную в изучении документов, хранящихся в США – в Стенфордском и Гуверовском институтах, в Национальном архиве в Вашингтоне, в Русском архиве Колумбийского университета и некоторых других американских архивах, содержащих материалы по экономике. Эпштейн всюду звонил своим ученикам и знакомым и просил их оказать мне помощь в работе.

Однако я надеюсь, что он почувствовал, как сильно я ему благодарен и как глубоко его уважаю, когда в 1972 г. при визите к нему домой в Бонне-Мекенхайме я подарил ему экземпляр моей напечатанной диссертации. К сожалению, я вряд ли мог что-то сделать для Фрица Эпштейна. В этой связи я могу записать на свой счет лишь одну едва замет-

ную заслугу: это было в мае 1968 г., в «бурные» времена студенческих протестов против законов о чрезвычайном положении. Студенческие волнения сотрясали не только Гамбург, но и всю ФРГ. Гамбургские студенты объявили «стачку». Лишь сознательные «штрейкбрехеры» проходили через посты бастующих в «башню философов» – здание гуманитарных факультетов на площади «Фон Мелле-Парк».

Однако на лекцию Фрица Эпштейна пришел целый ряд студентов. Когда Эпштейн уже начал читать свой доклад, примерно пять представителей забастовочного комитета вошли в аудиторию, стали объяснять причины стачки и призывать студентов к солидарности, к дискуссии и к окончанию занятий. Эпштейн был очень взволнован и возмущен. Он, дрожа всем телом, заявил свой протест. Он подчеркнул, что уже имел аналогичный опыт: так же срывали занятия в Третьем рейхе. Короче говоря, я сумел сделать так, что представители забастовочного комитета покинули лекционный зал. Лекция Эпштейна была одной из немногих, не сорванных забастовщиками в мае 1968 г. Я до сих пор рад этому.

Не знаю, сохранил ли Фриц Эпштейн этот эпизод в своей памяти. Мы никогда не говорили с ним об этом. Однако именно тогда, во время «Движения 68-го» он учел мою просьбу проконсультировать группу студентов Гамбургского университета, разрабатывавших планы реформ. Я случайно, через своего политически ангажированного друга, попал в эту группу, в которую также входили председатели Всеобщего студенческого комитета «Аста» Детлев Альберс и Герт Хиннерк Бельмер. Они 9 ноября 1967 г. помешали праздничной передаче ректората под лозунгом «Под мантиями – плесень – “тысячи лет“» и этим намеком на роль профессоров в Третьем рейхе очень способствовали развитию студенческого протеста в Гамбурге. Например, однажды Эпштейн присутствовал при нашей встрече с госпожой Гюльк – председателем депутации парламента Гамбурга по культуре и науке. Эпштейн тогда очень расхваливал достоинства американской системы департаментов и умеренной иерархической дифференциации преподавателей американских университетов. Германский ординарный университет, который в Третьем рейхе в целом не стал защитником университетской этики, ему явно не нравился. Даже в 60-е годы Эпштейн был не совсем доволен Гамбургским университетом, так как последний пытался косвенно реабилитировать ректора-историка нацистских времен Густава Адольфа Рейна.

Таким образом, Эпштейн немного поспособствовал структурным изменения в Гамбургском университете, закрепленным в новом университетском

законе от 25 апреля 1969 г. При этом надо отметить, что университеты, как и вообще образование и культура, в то время еще больше чем сейчас, были в исключительной компетенции земель ФРГ. Гамбургский университет был одним из первых в Германии, которые ликвидировали старые факультеты в пользу новых, введя более узкую специализацию. Из 6 старых факультетов было создано 15 отделений. Старый философский факультет был тогда расформирован. Но во многом большие последствия имели введенные тогда революционные правила в отношении права голоса в академическом самоуправлении всех членов университетского сообщества.

Однако не все нововведения, осуществленные тогда под лозунгом «демократизации университета», были к лучшему. Я, например, как представитель от ассистентов, был тогда членом первого совета отделения гамбургских историков, куда также входили и филологи, изучавшие древние языки. Начиная с зимнего семестра 1969–1970 гг. мы заседали по средам с 14 часов и до полуночи. Часто имея перевес голосов над профессорами, мы даже изменяли оценки за диссертации. В особенности деликатным был вопрос замещения должностей. Так называемый «паритет третей», т. е. равное представительство профессоров, ассистентов и студентов в органах университетского самоуправления, иногда приводил к нехорошим решениям. Лишь в 1970 г. правительство ФРГ при первом федеральном министре образования и науки Лёйссинке приняло единый рамочный закон для германских университетов, который, конечно, продолжал изменяться в течение последующих лет.

Фриц Эпштейн едва ли сумел увидеть последствия студенческих протестов. В 1968 г. он в последний раз был в университете Гамбурга в качестве приглашенного профессора. Университет по случаю 70-летия ученого присвоил ему звание почетного доктора. Потом он продолжал свою скромную жизнь ученого уже в отставке, как частное лицо. Еще много лет он переписывался со своими бесчисленными коллегами, никому не отказывая в профессиональном или жизненном совете. По случаю 75-летия Эпштейна его коллега из Блюмингтона Роберт Ф. Бёрнс издал сборник его сочинений под названием «Германия и Восток»[18]. Немецкие коллеги посвятили его 80-летию, отмечавшемуся в 1978 г., юбилейный сборник под названием «Россия, Германия, Америка»[19].

К моему большому разочарованию, вопреки вмешательству Фрица Фишера, меня пригласили не для участия в юбилейном сборнике, а

лишь на церемонию его торжественного вручения юбиляру. Как ученый я был еще слишком молод, к тому же Фриц Эпштейн имел слишком много известных коллег и друзей. Около 300 человек официально поздравили его с 80-летием. Поэтому я посвятил Фрицу Эпштейну отдельное сочинение, касавшееся главной проблематики его творчества – темы «Германия и Россия». Эта статья, в конечном счете, стала возвращением к тому первоначальному импульсу, который я получил от него при написании работы для государственного экзамена[20]. Эпштейн явно обрадовался и утешал меня, если меня обходили другие. У меня была потребность таким образом участвовать в его публичном чествовании.

Фриц Эпштейн умер на 82-м году жизни 6-го декабря 1979 г. Я продолжаю чтить его память и вспоминать о нем как о самоотверженном ученом и заботливом учителе, которому не только я был обязан очень многим.

Москва, июнь 2008 г.

Б. Г. Литвак

УРОК СОПРОТИВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ ШКОЛЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ[21]

П. П. Смирнов[22] о Грозном и Штадене

...все мы вышли из «шинели Сталина» и прошли эту «школу» с разной степенью успешности. Если специалисты по истории дореволюционной России имели возможность во многих случаях дистанцироваться от этой

---

[18] *Epstein* 1973.
[19] Rußland, Deutschland, Amerika. 1978.
[20] *Bonwetsch* 1973. S. 125-149.
[21] Воспроизводится фрагмент эссе специалиста по истории XIX в. и источниковеда, б. сотрудника Института истории, Института истории СССР АН СССР, Института российской истории РАН д.и.н. Б.Г. Литвака (1919-2002) (*Литвак Б.Г.* Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПБ., 2002. С. 9-10; о нем см.: *Рахматуллин М. А.* К восьмидесятилетию Бориса Григорьевича Литвака // ОИ. 1999. № 2. С. 204-209.
[22] О нем см.: *Мицик* 2009. С. 308-311.

«школы», то историки XX в., не говоря уже об историках КПСС, этой возможности были лишены. Впрочем, возможность дистанцироваться и для историков дореволюционной России была призрачной, и Сталин так или иначе накладывал печать своего разумения на принципиально важные этапы русской истории. Например, на характеристику деяний Ивана Грозного. Помнится, что в 1946 г. мы, только пришедшие с фронта на учебу в Историко-архивный институт, пошли в исторический кружок, которым руководил Павел Петрович Смирнов – Лауреат Сталинской премии за исследование «Посадские люди и их классовая борьба». Он предложил темы для докладов, и я выбрал записки опричника Генриха Шадена «О Москве Ивана Грозного». Доклад мой был выдержан в духе тогдашней литературы и, особенно, фильма «Иван Грозный», который демонстрировался в поверженном Берлине под названием «Ivan der Schrecklicher» (что соответствовало настроению немецкого населения»). Смирнов спокойно, не прерывая, выслушал мои излияния, дебаты вокруг доклада, а затем гневно воскликнул: «Как Вам не стыдно, молодые люди, с таким восторгом говорить об изверге, человеке, который не гнушался сажать в ледяную воду голых женщин и детей, залил кровью страну!». Мы обомлели. Но дальше, больше: «Вы будущие историки и должны знать, что, как правило, за редким исключением, на вершину власти добирается не самый талантливый, далеко не честный и порядочный» и т. д.

Это говорилось в двухстах метрах от Кремля, в аудитории института на улице 25 Октября[23]! Это первое занятие кружка запомнилось всем своей опасной неожиданностью – ведь мы были еще в гимнастерсках и солдатских сапогах, еще помнили клич: «За Родину, за Сталина!». Это был смелый поступок профессора – ведь могли и донести, куда следует ...

Этот урок сопротивления сталинской школе фальсификации наложил отпечаток на всю мою дальнейшую творческую жизнь. И не только мою...

---

[23] Это улица, соединяющая Лубянскую и Красную площади, ныне, как и в царское время, - Никольская.

С. Н. Фердинанд

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ЛЕКСИКА В «ЗАПИСКАХ О МОСКОВИИ» ГЕНРИХА ФОН ШТАДЕНА*

Приступая к рассмотрению встречающихся в «Стране и правлении московитов» русских заимствований, стоит, пожалуй, более подробно остановиться на языковой компетенции автора произведения. У себя на родине, в вестфальском городе Алене, Генрих Штаден готовился стать священником, что, без сомнения, предполагало знание латыни. Латинские выражения и формы то и дело встречаются в тексте, хотя нередко это не более, чем официальные клише.

Штаден, без сомнения, хорошо понимал, что знание языка будет выгодно отличать его от соотечественников. Быть билингвом ему было суждено с рождения, как, впрочем, любому уроженцу Северной Германии, мечтавшему о продвижении по служебной лестнице. Его родным языком был нижненемецкий, а не верхненемецкий язык, на котором написана основная часть «Описания», за исключением обнаруженного в Стокгольмском Королевском архиве послания шведскому королю («Описание Севера Русской земли»). В последней трети XVI века в канцеляриях ганзейских городов, системе образования и церкви нижненемецкий язык был полностью вытеснен верхненемецким, возникла ситуация диглоссии, в которой нижненемецкому отводилась роль обиходно-разговорного, в верхненемецкому — письменного языка (ср. *Sodmann* 1973. S. 116-129).

В Ливонии, пробуя себя в различных занятиях, Штаден расширял свои знания языков и выучил латышский (undeutsche) язык. Благодаря своему

* В данной статье тексты сочинения Г. Штадена воспроизводятся по изданию Ф. Эпштейна 1964 г. и первоначальному переводу на русский С.Н. Фердинанд.

знакомству с языком и местными порядками, Штаден оказывался для Ивана Грозного очень полезным человеком в Ливонии: воевода Дерпта Михаил Морозов спрашивает от имени великого князя: «Wiltu Alhir dem Grosfurstenn dienen So wollenn wihr hir dir vonn wegen des Grosf[ürschtenn] landtgütter gebenn. Du weist Lifflandes gelegenheit vnndt kanst ihre sprache» (Л. 72 об.). «Если ты хочешь служить здесь великому князю, мы дадим тебе поместья великого князя. Ты знаешь положение в Ливонии и понимаешь их язык». Однако Штаден остался тверд в своих намерениях отправиться в столицу Московии и получить личную аудиенцию у великого князя.

В тексте нет прямых указаний, где и когда Штаден начал изучать русский язык. По приезде в Москву он был представлен Ивану Грозному. В это время он, вероятно, уже неплохо знал русский язык: «Da wahr ich auff der hohenn schul Der Grosf[ürschte] kante mich vnndt ich ihn Da hup ich an zu studiren Ich konte schonn die Reusche sprach zimmlicher massen» (Л. 73). «Это стало моим университетом. Великий князь знал меня, а я знал его. Тогда я принялся учиться. Русский язык я знал уже изрядно».

Два раза в тексте Штаден упоминает о своей переводческой деятельности. В первый раз великий князь назначил его проверять, правильно ли переводит на русский толмач Каспар Виттенберг во время встречи Ивана Грозного с Вильгельмом Фюрстенбергом, магистром Немецкого Ордена: «Ich stunndt nit weit vonn Wilhelm Fürstennbergk vnndt dem Dolmetscher Caspar vonn Wittenbergk, das ich zuhörenn muste Ob Der Tolmetscher Rechtt dolmetschte» (Л. 12 об.). « Я стоял недалеко от Вильгельма Фюрстенберга и толмача Каспара фон Виттенберга, так как должен был слушать, правильно ли толмач переводит».

В областях Немецкого ордена был распространен средневерхненемецкий письменно-региональный вариант языка (в противоположность нижненемецкому Ганзы), поэтому Фюрстенберг должен был говорить на верхненемецком языке. Штаден, таким образом, владел как письменным, так и устным вариантом верхненемецкого языка, чему способствовала его служба у графа фон Вельденца-Лютцельштейн, связь с купцами из Лейпцига — одного из центров престижного в то время «мейсенского» регионального варианта немецкого языка и многие другие начинания, сталкивавшие его с людьми из разных областей Германии. Штаден помогал также одному поляку при переводе на русский язык немецкого травника (Л. 79).

В «Описании» практически отсутствуют лингвистические комментарии. «Первооткрыватель» России (в особенности для Западной Евро-

пы) — Сигизмунд Герберштейн — в начале своих «Записок о Московии» обращается к читателю, чтобы познакомить его с особенностями языковой ситуации в Московии, произношением отдельных звуков и таким образом дать более полное представление о незнакомом и далеком государстве (*Герберштейн.* 2008-I. С. 31, 33)[1].

Семантически заимствования делятся на несколько групп:

— обозначения учреждений: Semskouora «Земский двор», jamsko ispa «ямская изба», jamme «ям», а также городских частей и пригородов: slabode «слобода», potcletein coeli «подклетные села»

— обозначение титулов, должностей, профессий и сословий: boiar «боярин», knese «князь», podiecie(n) «подъячие», nedelsecke «недельщик», pristave «пристав», prikassiki «приказчики», posnecken «посошники», scaborni «соборный», sotnecke «сотник», сюда же относятся обозначения опричных и земских: die Aprisnischen, die in Aprisnay, die in der Semsky

— обозначение реалий, выдающие хорошее знакомство автора с московскими официальными инстанциями (pammet «память», kormowa pammet stauets «став») и московским бытом (slatky mors «сладкий морс», brasneck «бражник»)

— меры длины, деньги: worst «верста», rubel «рубль», denning «деньга», altin «алтын», scetwerten «четверть»

— названия промысловых животных и рыб: scobol «соболь», pelugo «белуга», ceuruia «севрюга», scorleti «стерлядь», witte balken «белорыбица».

По степени интегрированности в немецкий язык следует различать русские слова, впервые употребленные Штаденом (для них характерно неунифицированное написание в тексте рукописи), *неадаптированные*, и *адаптированные* — появившиеся в немецком языке до написания данного произведения. Первая группа значительно более объемная, чем вторая, поэтому назовем лишь лексемы второй группы (о новых заимст-

[1] Это тем более важно потому, что в европейском сознании до сих пор инородность России и ее культуры во многом связывается с недоступностью на первый взгляд для европейцев кириллицы, по сравнению, например с алфавитами чешского, польского языков, это можно сравнить с нашим восприятием арабского мира. Таким образом, даваемые Герберштейном объяснения из области чужого языка, возможность сравнения его со своим позволяет проникнуть в чужой мир.

ваниях речь пойдет ниже): denning «деньга», woywode «воевода», boiar «боярин», knese «князь», struse «струг», zobel «соболь». Не исключено, что слова «деньга», «воевода», «князь», «боярин», «струг» автору приходилось слышать еще в Ливонии. Штаден не комментирует эти слова, полагая, очевидно, что адресатам его послания — императору Римской империи Рудольфу II и графу фон Фельденцу-Лютцельштейн они понятны. Большая же часть московской лексики в тексте объясняется или служит иллюстрацией немецкого понятия.

Die Pœna was zehen Altin daß machett 30 Margengroschenn oder Polnische g[roschenn] (Л. 5). Пеня была десять алтын, что составляет 30 немецких или польских мариен-гроша.

In der Muscaw wirt ihme gegebenn denselbigenn tagk wenn ehr komptt kormawa pammett Das ist ein Costgelt Zeddell. (Л. 44 об.) В Москве ему выдают в тот же день, когда он приезжает, кормовую память, это записка о кормовых деньгах.

Некоторые русские слова при каждом употреблении своем комментируются:

vff allenn Canzeleienn wahrenn vnderschreiber gewesenn Podiecien vff ezliche 20 30 40 50 auch wenniger oder mehr, die schriebenn alle briffe ins Reine (Л. 7 об.). И во всех приказах были писари, «подъячие», в каждом 20, 30, 40, 50, а также больше или меньше, они переписывали все письма набело.

Alle Podiecienn oder vnntterschreiber die hiltenn stets ihre dintten faß sampt der fedderzeuge vnndt auch das papir in der Lincken hanndt vnndt schriebenn auff das Reine des briffes aufm knie (Л. 8). Все подъячие, или писари, всегда держали чернильницу с перьями, а также бумагу в левой руке и переписывали грамоту начисто на колене.

От предшественника — Герберштейна — Штадена отличает стремление удивить, произвести впечатление человека компетентного и сведущего в языке, а следовательно, и в самой русской жизни. Передача русских слов не отличается точностью, поэтому иногда воспринимается русским читателем «Описания» как ненужная бравада автора. Так, русское «став» — «склейке листов на столбце» (*Срезневский*. Т. 3. С. 489) в немецком тексте имеет форму «stauets». Не исключено, что появление суффикса – «ец» произошло по аналогии со словом «столбец»:

Darnach wante ehr denn briff vmb vnndt schreip auff alle stete da der briff zusammenn geklistertt wahr Stauets, Also das die helffte der buchstabenn auff beyde partt des papirs kam vnndt wann der Leim nicht feste

helt, Das niemant denn briff falsch kuntte machen, oder mehr (Л. 7 об.) dareinn schreibenn kuntte (Л. 8). После этого он переворачивал грамоту и писал на всех местах, так как грамота склеивалась [в] ставы, так что половина букв оказывалась на обеих частях бумаги, чтобы, если клей непрочно держал, никто не смог подделать грамоту или вписать в нее больше.

Почти все русские слова Штаден записывал как слышал, что подтверждают следующие факты:

Отражение на письме аканья — slaboda (только во втором предударном слоге), Aprisna, baiar, scaborni — а также в включенных в текст русских выражениях:

Wann ehr nicht mutes wahr So schlug oder stosse ehr ihn mit diesem stabe vnndt sprach Nedassuch parra isdi (Л. 7 об.). Когда он [воротный сторож] был не в духе, он толкал или бил его [просителя] этим посохом и приговаривал: «Недосуг, подожди!»

В некоторых примерах аканье не отражается на письме:

Wann der kampffschleger sich schlugk So viell Der kampffschleger der vonn anderenn das meiste gelt entpffangenn hatte kegenn seinenn wiederpart in voller Rüstunge nieder zur erdenn vnndt sprach Winouat gosmi Das ist ich bin schuldigk (Л. 8 об.)[2]. Во время боя боец, получивший от другого больше денег, падал супротив своего противника на землю в полном вооружении и молвил: «Виноват; казни!», что значит: «Я виноват».

Реализация /г/ как звонкого заднеязычного спиранта, идущая от церковнославянского, передаваемая в нем как h в словах «господи» и «бог», произносившихся как в церковнославянском:

vnndt welcher nicht gelt hatte vndt klopffete ahn vnndt sprach Haspodi Jesu Christe (Л. 7) Scinni boszy bomilu naß Gresni Mit denn wertenn machete der torhütter demselbigenn auff vnndt ehr ging hinein vnndt batt offte denn knesen Boiarenn oder Canzeler (Л. 7 об.). А у кого не было денег и кто стучал и говорил: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас грешных!» — после таких слов воротный сторож открывал, тот же входил и просил часто князя, боярина или дьяка.

Korzlich alle geistliche vnndt weltliche herrenn Die ihr gutt also midt vnrecht gewunnenn, sprachenn lecherlich also Boch dal id est deus dedit.

---

[2] А. В. Исаченко связывает отсутствие аканья в «Записках» Герберштейна с тем, что последний общался с образованными боярами (*Issatschenko*. 1957).

Gott hatt es gegebenn (Л. 9 об.). Одним словом, все светские и церковные господа, нажившие свое добро неправедно, усмехаясь, говорили: «Бог дал», id est: deus dedit. Бог дал.

Русское слово «верста» имеет форму «worst», «vorst». Чаще всего Штаден должен был слышать это слово в род. п. мн. ч.: десять, двадцать и т. д. верст, из этой формы и возникло, вероятно в тексте записок «worst», как в текстах ганзейских посольств.

Неточная передача окончаний и т. д.

Русские слова имеют в немецком тексте, как было указано выше, различную степень адаптации. Известные автору из более ранних источников заимствования имеют более или менее одинаковый облик (с учетом неунифицированности средневековой орфографии) и адаптированную к немецкой языковой системе форму. Так, нем. слово «struse» (рус. струг) женского рода — по аналогии с другими обозначениями судов в нижненемецком (ср. снн. kogge, snicke, schute — обозначения как торговых, так и военных судов)[3]. Это заимствование пришло в верхненемецкий из нижненемецкого как результат русско-ганзейских связей и зафиксировано в средненижненемецком словаре: «breites, flaches Flußschiff (Weichsel, Düna)» (*Lübben* 1888. S. 387). Форма немецкого слова объясняется, скорее всего, тем, что исходным для заимствования был не именительный, а предложный падеж: др.-рус. струз. Кроме того, в верхненемецком тексте нижненемецкое слово употребляется не обособленно, а в синонимическом ряду:

Vnndt man mus auch in der Erste denn Reussenn abnehmen Ihre bestenn pferde vnndt alle Strusenn Byte, kleine schiffe vnndt vnder die schanze führenn Darmidt man alles midt dem geschuze vorteidig[enn] kann (Л. 60 об.). В первую очередь также необходимо забрать у русских их лучших лошадей и все струги, лодки, небольшие корабли и свезти под укрепление, чтобы все можно было защищать пушками.

Ганзейско-русским связям обязано своим появлением в нижненемецком языке слово «denning» (рус. деньга). Оно встречается в ганзейских грамотах XIV в. (LUB. VI. Nr. 80), в шестой редакции новгородской скры 1514 г. (см. *Schlüter* 1911). В «Описании Московской земли» слово

---

[3] Ср. заимствованное из русского «байдак» нижненем. обозначение грузового судна «peidacke», появляющееся в седьмой редакции новгородской скры и в разговорнике Т. Фонне (woydacke), также с изменением рода из мужского в женский.

имеет такую же форму, как в словаре А. Люббена: «denning — eine kleine Münze, 9 d.=1M» (род русского существительного изменился на мужской, произошло морфологическое переразложение и выделился суффикс -ing по аналогии со словами verdink, penning).

В случае, если заимствование было освоено обоими языками, как рус. «соболь», автор употребляет различные варианты в зависимости от языка в «Описании Московской земли» — «zobolen», в «Описании русского Севера» — «sobolen» — «соболи». Следует заметить, что в ганзейских документах слово «соболь» имело другую форму — «sabel» (ср. *Lübben* 1888. S. 312; *Fenne*. Vol. 2. P. 75. HR -2-1 Nr. 586).

Обозначения русских должностных лиц — knese «князь», woywodde «воевода» — получают окончание (-е) слабого склонения, как большинство существительных мужского рода — обозначений титулов, званий, занятий и т. д. в немецком языке. Употребление слова «knese», похоже, представляет собой перевод русских клише: оно употребляется либо вместе со словом «бояре» (boiar), либо как титул перед именем:

Inn Reuslant bey dem Grosfurschtenn in der Stat Muscau seindt gewesenn Etzliche knesenn oder Fürstenn, welche ihre apgeteilette Lande Stete Heuser vnndt Dorfferr gehabtt haben Als knese Wolodimarr Andröwiz knese Demitrowiz Belsky Knese Michell Waratinsky, Knese Mikita Adoffsky knese Andre Kurpsky, knese Wassily Tamkny, knese Petrsusky vnndt viell andere knesenn mehr (Л. 3) — это единственный раз, когда слово «князь» употребляется самостоятельно, в этом случае его объясняет нем. слово fürsten с тем же значением. В России у великого князя в государстве Московском были некоторые князья, или фюрсты, имевшие свои уделы, города, крепости[4] и деревни, как князь Владимир Андреевич, князь [Иван] Дмитриевич Бельский, князь Михаил Воротынский, князь Никита Одоевский, князь Андрей Курбский, князь Василий Темкин, князь Петр Шуйский и еще многие другие князья.

vnndt ein Izliches heuptt hatt abgeteilte aus gebietenn vnndt stetenn. Die andere knesenn vnndt Boiarenn (Л. 3) Каждый предводитель же имеет выделенных [воинов] (appgeteilte) из областей и городов; у них [были] другие князья и бояре.

Слово «боярин», напротив, несмотря на колебания в правописании

---

[4] Нем. haus: здесь в значении «замок, крепость» (*Grimm*. Bd. IV. 2. Sp. 634).

(а или о в первом слоге: boiar/baiar), применяется в тексте и вне формул.

Der Arabier Starp, vnndt der Grosf[ürschte] schickete einen Boiarenn midt einer Instruction das ehr denn Elephanten solte tottschlahenn midt hulffe der vmbligenden Schogenn vnndt burger im Fleckenn (Л. 17 об.). Араб умер, и великий князь послал одного боярина с наказом убить слона, позвав на помощь близлежащие сохи и горожан посада.

Новые слова, включенные Штаденом в его описание, во многих случаях транслитерированы так, в той форме, в которой автор их все время слышал, т. е. они не подчиняются требованиям системы немецкого языка. Так, русские термины «подклетные села» или «улусы» (последнее заимствовано в русский из тюркского) транслитерированы в форме множественного числа (также scaborni «соборные», prikassiki «приказчики»).

Mikita Romanowiz ist auff der Canzeley der Pottkletein Coeli gewesenn (Л. 4). Микита Романович был в приказе подклетных сел.

Nechst diesen sint gewesen knesenn vnndt Boiarenn, niedriges Standes Dieselbigenn sintt in die Potkletenni Coeli zu amptleuttenn gesezt vnndt in grossenn fleckenn, die nach der hoffhaltung gehorenn (Л. 9). Наряду с этими были князья и бояре низкого сословия; их сажали приказными в подклетные села и в большие посады, относившиеся к дворцовому управлению.

[...] zum beystande die Tatern die in denn beydenn keysertummen kasanenn vnndt Astrockan vnndt die in den vmbligendenn vlussi oder Lantschafften wohnenn, Als Luguwa Nagorni vnndt Seremissenn (Л. 52 об.). [Он также...] пользуется поддержкой татар, живущих в двух царствах: Казанском и Астраханском, а также в окрестных улусах и землях, таких как луговые, нагорные и черемиссы.

Русское название «Земский двор» Штаден интерпретирует как одно слово: Darnach ist der gemeine Richthoff oder Semskoduor. das zeugkhaus (Л. 28 об.). Затем [идет] общий судный двор, или Земский двор, [затем] арсенал.

Автор часто непоследователен в морфологическом оформлении заимствований: так, слово «слобода» в значении «Александрова слобода» в единственном числе имеет окончание, как в русском — (а): Der Großfürschte zeucht aus der Musca in die Slaboda Alexandry, (Л. 10) zwo tagereise vonn der Moscauw vff ruhrs halbenn besezte diese Slobodam midt einer wacht [...] (Л. 10 об.) (последняя форма, вероятно, влияние латыни).

Из-за беспорядков великий князь оставляет Москву и едет в Александрову слободу, в двух днях езды от Москвы, наполняет эту слободу стражей.

Darnach ligt die Slaboda Alexandri. Diese Slaboda ist also gebauwett. Die maurenn seindt vonn Balckenn in einander gebauwet vndt voll Erde geschüttett (Л. 57). Далее находится Александрова слобода. Эта слобода построена так: стены построены из [врезанных] одно в другое бревен и полностью засыпаны землей.

В косвенных падежах и множественном числе она получает окончание (-n), как в слабом склонении в немецком языке,

Diese Slabodenn ligenn vonn der Stat Moscaw ein vierteill meilenn weges (Л. 63). Эти слободы лежат в четверти мили от города Москвы

Der Grosf[ürschte] zoch wieder auß der Slabodenn Alexandri in die Muscow [...] (Л. 16 об.) Великий князь отправляется из Александровой слободы в Москву. А иногда остается в той же форме: [...] vnndt liß vonn Stundt an Bauwenn in der Slaboda eine Steinernne Kirche (Л. 16) [...] и тотчас же велел построить в слободе каменную церковь.

Таким же образом Штаден вводит в немецкий текст русское обозначение земельной меры «соха». В им. п. ед. ч. употребляется форма с неадаптированным окончанием (-a): schoga, а в косвенных и мн. ч. — окончания по типу слабого склонения (-en). Передача этого русского слова в немецком тексте выдает нижненемецкое происхождение автора: русский щелевой заднеязычный [x] он передает через немецкий [g], спирантное произношение которого характерно для нижненемецких диалектов (в нем. [g]- заднеяз. смычный).

Больших усилий стоило, вероятно, автору найти немецкие обозначения явлений русской действительности, появившихся с разделом страны на опричнину и земщину. Сами понятия «опричнина» и «земщина» Штаден передал в немецком тексте соответственно как «Aprisna» и «Semsky», использовав в первом случае русское существительное «опришнина, опричнина», а во втором — прилагательное «земское»[5]. Ориентация автора на устную речь при передаче русских слов очевидна (аканье, затруднение в поиске эквивалентов для русских шипящих, наконец приблизительный

---

[5] Ср. в тексте царского наказа (1571 г.): «А кого в татьбах или розбое изымут опришнинца в земском, и земским губным старостам с теми опришнинцы, кого изымут, ехати в опричнину к губным старостам» (Цит. по: *Срезневский*. СДЯ. С. 694–695).

исход слова). Правописание слов с заглавной буквы, отсутствие (при слове «Aprisna» — всегда, а при слове «Semsky» — иногда) артикля свидетельствует о том, что Штаден воспринимал их как имена собственные. Для обозначения населения опричных и земских земель автор использует либо сами названия земель — Aprisnay —Semsky — die in Aprisna der Semsky, die Aprisna, die Aprisnai (с морфологическим оформлением слова «Aprisna» автор, похоже, испытывал большие трудности), либо образованные от них, уже немецкой модели субстантивированные прилагательные с разной степенью адаптации к новой системе — die Semschen, die Semsken, die Aprisnaischen, die Aprisnischen. Такую низкую степень интегрированности слов «Aprisna» и «Semsky» в системе немецкого языка, пожалуй, не следует списывать исключительно на лингвистическую несостоятельность автора. Это были новые, даже в русском языке, слова, для которых не было соответствий в немецком. Если русское слово «боярин», казалось бы, понятное в городских и княжеских канцеляриях, Штаден часто заменяет немецким эквивалентом «herr», то для обозначения опричнины и земщины, равно как и их жителей он использует только русские заимствования. В этом, проявляется особенная важность и терминологичность данных слов для описания «земли и правления» Русской земли[6].

Употребление заимствований в штаденовском «Описании», без сомнения, требует более фундаментального исследования историками русского языка, куда должно войти и рассмотрение передачи русских имен, топонимов, поговорок и пословиц, однако и беглый комментарий уже позволяет сделать некоторые выводы. Штаден стремится включить в свой рассказ большое количество русской лексики, как правило, незнакомой адресату, а поэтому объясняемой. Нередко пара синонимов — русский и немецкий термин — повторяется на протяжении всего текста (как, например, pammet и memoralzeddel, podecien и underschreiber)[7].

Русские слова автор записывал, как слышал, кроме тех немногих, которые вошли в нижне- или верхненемецкий язык ранее. Двуязычие

---

[6] Так, например, никто не станет, пожалуй, искать русские эквиваленты к немецким словам «Ossi» и «Wessi» без риска утраты терминологичности последних.

[7] Это напоминает характерное для немецкого языка XV—XVI вв. употребление пары региональных синонимов, т. е. слов-обозначений одного денотата, принадлежащих к разным диалектам (ср. в «Описании» обозначение молодых людей: jungen (сев.), buffen (юж.-нем.). Это делало текст надрегиональным.

помогает Штадену включать в верхненемецкий текст русские слова, знакомые ему из нижненемецкого (struse, denning).

Появление русских слов в тексте не всегда кажется оправданным, нередко в нем чувствуется стремление автора произвести эффект (они употребляются в рассказе один раз, а затем заменяются немецким синонимом). Особенно это видно в неадаптированных заимствованиях, их неоднородном написании, сильно искаженном по сравнению с русским, поскольку автор ориентировался на их произношение (stauets «став», Semskouora «Земский двор», pososnecke «посошный», pottcletein coeli «подклетные села»). Большие трудности возникают у автора при морфологической адаптации заимствований. при передаче некоторых русских слов он ограничивается транслитерацией (ulussi, pottcletein coeli, prikassiki). Такие слова служат иллюстрацией, подобно картине в книге, их появление, как правило, однократно. Для обозначения понятий «опричнина» и «земщина» в немецком тексте, Штаден использует только русские слова, имеющие в тексте весьма далекую от русского варианта форму (Aprisnay, Semsky): русские заимствования функционировали как термины, найти немецкий эквивалент к ним было непросто, да и вряд ли обязательно.

Несмотря на свою лингвистическую одаренность, Штаден относится к русскому, и шире — иностранному — языку только как к средству, сам по себе язык интересует его только, когда нужно подчеркнуть значимость своей персоны (так, при присвоении ему царем имени «Андрей Владимирович» он объясняет читателю, что «русское слово «wiz» — рыцарское»), а поэтому в «Описании» читатель не найдет ни широких описаний фонетики, ни языковой ситуации, как в произведении знаменитого предшественника Штадена — императорского посла Сигизмунда Герберштейна, а только отдельные слова, выражения — то, что автор использовал для иллюстрации или большей достоверности описаний. Мир Герберштейна — это мир, где язык, произношение, выбор слов служит показателем культуры человека, для Штадена язык — это прежде всего средство, дорога к новым авантюрам.

Список часто употребляемых Штаденом терминов и их русских соответствий:

боярин (boiar, herr)
великий князь (grosfürst)
воевода (Weywode или oberst)
вотчина (erbgut)
годовое жалование (jahrgelt)
голова (hauptmann)
губернатор (в Ливонии) (jubernator)
гуляй-город (wagenborgk)
Дворцовый приказ (hofcanzelei)
денежник (münzmeister)
Денежный двор (muenzhof)
день пути (tagereise)
дьяк (canzeler)
застава (wacht)
застенок (peineeerei/peinhaus)
земские (die in der Semsky/die Semschen)
Земский двор (Semskoura/das gemeine richthause)
земщина (Semsky)
знать (adel)
имения (güter)
имущество, добро (gut)
Казенный двор (schatzhof)
кабала (hantschrift)
казначей (schatzherr)
князь (knese/fürst)
компания [московская] (company)
в кормлении (zum underhalt)
кормовая память (kormawa pammet/kostgeltzebbel)
корчма (krug)
крепость (schloss/haus)
крестоцеловальник (grusküsser)
купчая (kaufbrif)
купец, торговый человек (kaufmann)
магистр Немецкого Ордена (der Deutsche Meister)
митрополит (pabst)
наказ (instruction)
наместник (stadthalter)
озеро (stehende see)
опричнина (Aprisna)
опричные (die in Aprisna/die Aprisnischen)
палата (sal)
память (pammet, memoralzeddel, zeddel)
пограничные крепости (grenzheuser)
подъячий (schreiber) (?)
полк (haufen)
поместье (lehngut)
Поместная изба, приказ (landstube, - canzlei)
порука (bürgschaft)
посад (fleck)
посадский (bürger)
Посольский приказ (gesandtencanzlei)
править — всегда страд.: (werden gepravet oder gerechtfertiget)

правеж: брать на правеж (vor recht nehmen, auf die probe stellen)
предместье (vorstadt)
приказ (canzelei)
Приказ большого прихода (geltcanzelei)
приказчик(и) (prickassiki/befehlichshabere)
приказные (amptleute)
пристав (pristave или beutel)
проезжая грамота (pas)
Разбойный приказ (moerder-canzelei)
Разрядный приказ (krigscanzelei)
разрядный список (krigsmuster-register)
расписка (quitanzie/quitirung)
рукописание (hantschriften)
сажень (faden/klafter)
сельский приказчик (landesknecht)
смотр (musterung)
смотренные списки (musterregister)
сорок (zummer)
ставить на правеж (auf die prob stellen)
столбец (rolle)
стрелецкий голова (hacken-schutzenheuptmann)
стрельцы (hackenschützen)
суд (recht, gericht)
судебник (rechtbuch)
судебный пристав (beutel)
товары (güter)
уделы (apgeteilete lande)
уезд (gebiet)
управляющий имением (в Ливонии) (amptmann)
холоп (knecht)
царь крымский, турецкий (keiser in Krimmen/krimmische keiser, turkische keiser)
целовальник (geschworne)
ям (jamme/posthaus/post)
ямская изба (jamsko isba, postcanzlei)

Список русских слов, транслитерированных Штаденом:

алтын (altin)
белуга (pelugo)
боярин (boiar)
бражники (brasneck)
братчина (pratzina)
верста (worst)
воевода (weywode)
деньга (denning)
Земский двор (Semskouora)
земщина (Semsky)
земские (semsken, die semschen)
князь (knese)
кормовая память (kormawa pammet)
недельщик (nedelsecken)

опричнина (Aprisna)
опричный (der Aprisnische)
память (pammet)
подклетные села (pottkletein coeli)
подъячие (podiecien)
посошные [люди] (posnecken)
править (praven)
приказчик(и) (prikassiki)
пристав (pristave)
рубль (rubel)
севрюга (ceuruia)
скирда (scherde)
сладки морс (slatky mors)
слобода (slabode)
слюда (sluda)
соболь (zobel, ниж.-нем. s(c)obol)
соборные (scaborni)
сотники (sotnecken)
соха (schoge, ниж.-нем. solge)
сставы (stauets)
стрелядь (scorleti)
струг (struse)
улус (ulus)
четверть (setwerten)
ям (jamme)
ямская изба (jamsko isba)

А. А. Булычев

СИМВОЛИКА СНАРЯЖЕНИЯ ОПРИЧНОГО ВОИНА[1]

По свидетельству И. Таубе и Э. Крузе, Иван Грозный повелел каждому воину-опричнику иметь в конном строю два атрибута, выделявших его из массы прочих служилых людей «по отечеству». Всем им полагалось подвесить «собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»[2]. Очевидец, наблюдавший движение государева поезда по столичным улицам в мае 1570 г., запомнил весьма колоритную деталь в облике венценосца: на шее его коня была подвешена песья голова из серебра, зубы которой клацали от каждого удара копыт о мостовую. Кроме того, на груди одного из опричных командиров, сопровождавшего в тот день монарха, висела свежеотрубленная голова большой английской собаки[3]. Позднее автор так называемого Пискаревского летописца описывал опричного воина: «А ходиша и ездиша в черном (Иван IV. – *А. Б.*) и все люди опришницы, а в саадацех помяла»[4]. Толкование столь нетривиальных атрибутов снаряжения опричника, как песья голова и метла, предложенное иноземными наемниками – со-

---

[1] Эта работа представляет собой доработанный и дополненный новыми материалами для настоящей публикации отрывок из книги «Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного» (М., 2005).

[2] *Таубе и Крузе*. С. 38. Ср. описание спешенного опричника в Записках Г. Штадена: Наст. изд. Т. I. С. 95.

[3] См.: *Каппелер, Скрынников* 1999. С. 137. Ср.: *Колобков В. А.* 2004. С. 361–362.

[4] *Пискаревский летописец* // ПСРЛ. Т. 34. С. 190. По гипотезе В. А. Колобкова, помело могло быть частью снаряжения отнюдь не всех опричников, а, напри-

временниками «тирана Васильевича», не встретило серьезных возражений у большинства отечественных исследователей XIX–XX столетий. Между тем подобная интерпретация, скорее, демонстрировала явно «функциональное» восприятие окружающей действительности самими Таубе и Крузе, нежели проясняет подлинный сакральный смысл этих предметов, усвояемый им Грозным или его подданными.

Вполне обычное для протестантской ментальности рационалистическое объяснение особенностей внешнего облика царских «кромешников», данное И. Таубе и Э. Крузе, оставляло исследователям широкие возможности для изложения своих собственных гипотез на эту тему. Например, И. И. Полосин предположил, что Иван Грозный создавал опричное войско по образцу католической духовно-рыцарской корпорации, наподобие Ливонского ордена, отчего метла и песья голова рассматривались им как некие «орденские символы». В качестве же одной из возможных геральдических западноевропейских параллелей собачьей голове в атрибутике «царевых кромешников» ученый привел эмблему монахов-доминиканцев – «псов Господних» (Domini canes), на которой была изображена собака с пылающим факелом и масличной ветвью. Полосин не только видел в опричниках своеобразную православную «реплику» на «латынский» иноческий орден, выдвинувший из своих рядов немало деятелей Инквизиции, но и считал основной задачей «тмообразных» слуг, наряду с искоренением боярской «крамолы», предотвращение экспансии западноевропейских «псов Господних» на Восток Европы[5]. Впрочем, в отечественной историографии существуют и иные трактовки «вещественной символики Опричнины». По мысли А. М. Пан-

---

мер, только тех из них, кто служил в Розыскном приказе Александровской Слободы и непосредственно производил аресты «государевых ослушников» (*Колобков* 2004. С. 342. Прим. 261).

[5] См.: *Полосин И. И.* 1963. С. 150–154. Похожая мысль посетила и современного церковного историка и религиоведа А. Л. Дворкина. Опричнина представляется исследователю «монашеским орденом (хотя и совсем особого рода), созданным (а точнее, синтезированным) Иваном IV по образцу более или менее известных ему западных духовных орденов – как чисто монашеских (орден св. Доминика, Общество Иисуса), так и смешанного типа (рыцарские ордена)». В этом же «орденском» контексте Дворкин готов рассматривать и особое одеяние «кромешников», и наличие у них специальной эмблематики (*Дворкин А. Л.* 2005. С. 169–177 и особенно С. 173, 176–177).

ченко и Б. А. Успенского, «доктрина наказания, как она сложилась в «политическом богословии» Грозного, в сущности проста. Ее можно выразить с помощью параллелизма: на том свете наказание определяет Бог, а осуществляют сатана и бесы; на этом свете опалу налагает царь, а карательной практикой занимаются опричники-кромешники во главе с Малютой»[6]. Другой отечественный историк культуры, А. Л. Юрганов, считал отрубленную собачью голову в снаряжении опричных слуг Ивана IV зримым подтверждением своей весьма экстравагантной концепции, по которой первый российский царь символически уподоблял их одному из апокалиптических народов – «псоглавцам» или «песьим головам». При этом ученый, подпав под обаяние средневековых сказаний о святом Христофоре, рассматривал кинокефалов не иначе, как «светлых» экзекуторов грешников[7].

Остроумную гипотезу о символическом значении собачьей головы, помела и черного платья опричника предложила американская исследовательница П. Хант. Проанализировав письменные тексты и иконографические памятники эпохи Грозного, она пришла к выводу о том, что представления «тирана Васильевича» о харизме царского служения сформировались под весьма сильным влиянием учения Псевдо-Дионисия Ареопагита о Премудрости Божией. В результате изощренных теологических построений особа государя уподоблялась, или даже прямо отождествлялась, и с самим Божественным Логосом и Премудростью – Христом, и с предводителем Небесного воинства – архангелом Михаилом. Средством «практической» реализации этих представлений стало юродство с его зеркально перевернутыми нормами поведения, добровольно принятым на себя первым московским царем. Одним из последствий подобного богословствования явилось создание сложной системы символов-прообразов, связанных с опричниками, которые, по мнению ученой, «как орудие “грозы” царя <...> были служителями архангела Михаила в священной битве. Во время налетов они, как и Михаил – Ангел Смерти, доставляли грешников в ад (до Страшного Суда)... К тому же, когда опричники знакомили грешника с его грехом и показывали

---

[6] *Панченко, Успенский* 1983. С. 74.

[7] См.: *Юрганов* 1998. С. 395–397. Подробнее о св. Христофоре см., например: *Максимов Е. Н.* 1975. С. 76–89.

скрытые "советы сердечные" перед Страшным Судом, они действовали как юродивые, а также как слуги Архангела. Когда Иван IV снабдил их вениками, он явно сопоставлял суд с активным юродством». В данном контексте песьи головы, привязанные к коням опричных воинов, символизировали и собственно суд, и осквернение опальных, что, «как собаки», злословили о монархе, и, наконец, «юродское» самоосквернение самих царских слуг. Между тем «самоуничижение опричников выходило за рамки их отождествления с собаками или даже с "сором всего мира": в дьявольских одеяниях они выдавали себя за "изгоев" Божьего мира, показывая космический ритуальный смысл добровольной ссылки Ивана IV из Москвы непосредственно перед Опричниной». Участвуя в инфернальном маскараде, более походившем, по тонкому наблюдению исследовательницы, на «провокационное богохульство», «кромешники» демонстрировали крайнее унижение, мистически наполнявшее их сакральной архангельской силой. Поэтому, заключает П. Хант, «и одеяния опричников, и головы собак являлись символами противоречия, присущего юродству: принимая участие в разнузданных карнавальных "забавах" в облике, противоположном их действительной природе, они инсценировали "таинство" "скрытой премудрости" Бога»[8].

Настоящие заметки посвящены изучению символики таких атрибутов снаряжения опричного воина, как черное платье, отрубленная песья голова и метла (помело), на материале памятников древнерусской книжности и восточнославянского фольклора. Исследование семантики названных предметов экипировки позволяет уточнить бытующие в историографии представления о символическом прообразе царского «кромешника» в целом.

* * *

В Библии образ собаки (вариант: «пса») двойственен. С одной стороны, она предстает нечистым животным (Мф 7, 6; 15, 26; Мр 7, 27), которое вместе с «чародеи и блудници, и уб[и]ице, и идолослужителие» и всеми прочими, любящими и творящими «лжу», будет изгнано из рая (Откр 22, 15)[9], а, с другой, собака нередко выступает в роли орудия Бо-

---

[8] См.: *Хант* 2003. С. 245–289 и особенно С. 277–279.

[9] Лицевой Апокалипсис. Л. 322; Библия. Л. 71 (пятая фолиация). Ср. исполненное откровенного антропоморфизма толкование этого новозаветного текста

жия для наказания грешников. Так, пророк Ахия Силомлянин от имени Ягве предрек израильскому царю Иеровоаму, сыну Навата, кару за вероотступничество: «Ты же зол и злая творя паче всех, иже пред тобою быша, яко поиде и твори себе боги чюжди содианны в прогневание Мне, и отвръже Мя созади себе. Сего ради се Аз навожду злая на Дом Иеровоамов <...>, и соберу Иеровоама, яко ж собирается гнои, дондеже совершити. И истощу останки Иеровоамовы: умершаго Иеровоамова во граде изъядят пси, и умръшаго на селе изъядят птицы небесныя; сице глагола Господь Бог» (3 Цар 14, 9–11). Позднее пророк Ииуй, сын Анании, возгласил об аналогичной казни, уготованной правителю Израиля Ваасу и всему его потомству за приверженность к язычеству (3 Цар 16, 4). Вновь подобную угрозу от имени Божия, но теперь уже в адрес царственных идолопоклонников, Ахава и Иезавели, повинных в убийстве праведного Навуфея, повторил пророк Илия Фесвитянин: «И предам Дом твои, яко Дом Иеровоама, сына Наватова, и яко Дом Ваасин, сына Ахаина, о прогневаниих, ими же Мя прогнева и съгреши в Израили. Иезавель, рече глаголет Господь, пси снедят ю в первое падение в Израили. И умръших Ахавлих и в граде снедят пси, и умръшая его на поли снедят птица небесныя» (3 Цар 21, 22–24)[10]. Пророчество о гибели Иезавели исполнилось после убийства полководцем Ииуем ее сына, израильского царя Иорама, в окрестностях монаршей резиденции Изрееля (расположенной близ горы Гельвуй) в 841 г. до Р. Х. Новый государь Израиля Ииуй, тайно помазанный на царство пророком Елисеем, приказал придворным евнухам выбросить вдову Ахава из окна дворца, отчего та разбилась насмерть. Ее труп сначала попал под копыта лошадей, а потом его растерзали собаки, оставив не тронутыми «токмо лоб един и длани руку, и ногу... Умерши Иезавели, яко и гнои на лицы села в части Иезрелеве, яко не рещи к сему, се есть Иезавель» (4 Цар 9, 35–37)[11]. Наконец, пророк

святителем Андреем Кесарийским: «Пси же зде нарицаются не точию безстуднии и невернии, и в пресечении злыи делателие, их же апостол плакаше, но и обратившиися по крещении на свою блевотину (т. е. вернувшиеся к исповеданию язычества или иудаизма. – *А. Б.*). Тем же с блудниками и убиицами, и идолослужытелми оттуждаютъся Горняго Града» (Лицевой Апокалипсис. Л. 322; Толкование на Апокалипсис. С. 200).

[10] Библия. Л. 164 об., 169 об. (первая фолиации).

[11] Там же. Л. 175 об. (первая фолиация). Подробнее о датировке расправы Ииуя со вдовой и сыном царя Ахава см.: Ключ 1982. С. 470.

Иеремия возвестил о страшном наказании от Бога всего еврейского народа за грех вероотступничества Манассии, царя Иудейского: «Сия рече Господь: иже к смерти – к смерти, иже к мечю – к мечю, иже к гладу – к гладу, иже к пленению – к пленению. И посещу на тех четырми образы, рече Господь: меч – на заклание и псы – на растерзание[12], и птица на небеси и звери на земли – на пожрения и расхищение. И дам их в погибель всем царством земным, ради Манасия, сына Езекиина, царя Иудина, всех ради, иже сотвори в Иерусалиме» (Иер 15, 2–4)[13]. Вполне вероятно, что Иван Грозный, владевший с 1558 г. полным списком Геннадиевской Библии, изготовленным в скриптории Иосифо-Волоколамского монастыря[14], мог быть хорошо осведомлен о ветхо- и новозаветной символике образа пса, которая имела немало общего с его трактовкой в устной народной культуре.

В восточнославянском фольклоре отношение к собаке столь же неоднозначно. По широко распространенному среди русских, украинцев и белорусов убеждению, это животное находилось в близкой связи с нечистой силой. Так, облик черного пса (вариант: черного кота) часто прини-

---

[12] Ср. широко известный стих из псалма царя Давида: «изми от оружиа душу мою и из руки песиа единородную мою» (Пс 21, 21) (Библия. Л. 4 об. [вторая фолиация]). В полном согласии с духом Священного Писания известный выговской писатель Семен Денисов повествовал о страшном Божьем наказании, постигшем обидчика соловецкого юродивого Иоанна Похабного: «Некогда ходящу ему (Иоанну. – *А. Б.*) и обычне юродствующу, муж пияный <...>, дияволом наущен, наскочи на блаженнаго, ударив о землю, би его даже до полуумертвия. Иоанн же, мало полежав, воста и, возрев на убийцу, рече ему: «Кий прибыток получил еси? Се вскоре от псов растерзан будеши и ниже следа костей твоих обрящется». Слово блаженнаго дело абие бывает: помале бо грядуще тому (неблагочестивому винопийце. – *А. Б.*) в весь некую, нападше на него пси, всего растерзаша и ниже костей его оставиша по глаголу блаженнаго» (*Семен Денисов*. 2002. С. 41–42).

[13] Библия. Л. 100 об. (вторая фолиация). Ср.: Толковая Библия. С. 57 (вторая пагинация; *репринт*). Любопытно, что о собаках, поедающих людские останки, вспоминал и святитель Андрей Кесарийский в толковании на текст Апокалипсиса, в котором описывалось «разрешение четвертыя печати, являющее наводимыя нечестивым язвы» (Лицевой Апокалипсис. Л. 85 об. – 86; Толкование на Апокалипсис. С. 49–50).

[14] См.: *Зарубин* 1982. № 8. С. 31–32. Ср.: Там же. № 10. С. 32; *Флоря* 2002. С. 101.

мали демоны: например, во время грозы, когда они пытались спастись от «огненных стрел» – молний, пущенных в них Ильей-пророком (особенно 20 июля, на память святого)[15]. Собакой или кошкой могла обернуться Смерть в момент совершения обряда «опахивания» населенного места для оберега его жителей от эпидемии[16]. В образе пса человеку нередко являлись черт[17], леший[18], водяной[19], русалка[20] колдун[21], ведьма[22], до-

---

[15] См., например: *Афанасьев*. ПВС. Т. 1. С. 266, 568, 650, 733. Ср.: *Померанцева* 1975. С. 35–36. Под видом черного пса бес явился в келию к преподобному Феодосию Киевопечерскому (Житие Феодосия Печерского. С. 392).

[16] См.: *Афанасьев*. ПВС. Т. 1. С. 567–568. Ср.: *Левкиевская* 2003. С. 436. По представлениям восточных славян, собаками могли обернуться и демоны болезней (Там же. С. 430).

[17] См., например: *Зеленин*. ВС Вятской губернии. № 66. С. 226; Народная проза. № 272. С. 403. Ср.: *Афанасьев* 1996. С. 37; *Померанцева* 1975. С. 130, 178 (В.I.1к.); *Власова* 1995. С. 342; *Милорадович* 1992. С. 418; *Дашкевич* 1992. С. 535; *Ящуржинский* 1992. С. 567; *Левкиевская* 2003. С. 385, 386 (в облике огненной собаки), 439 и др. В славянских языках известно немало фразеологизмов, где слово *черт* замещается именно эвфемизмом **рьѕъ* (пес): *пес таскает* – в значении '*черт носит*' (оренбурж.); *Пес тебя возьми* (*побери*)*!*, *Иди к псу* (*псам*)*!* и проч. Наконец, похожие рассуждения на эту тему можно отыскать даже в памятниках церковной книжной культуры: например, св. Григорий Синаит упоминал о бесах бесстыдства, легко принимающих образы собак (*Журавлев* 2005. С. 681; *Григорий Синаит*. С. 29).

[18] См., например: *Власова* 1995. С. 204; *Левкиевская* 2001-а. С. 456; *Она же*. 2003. С. 323, 324, 326; *Криничная* 2004. С. 256, 322, 651. Ср.: Фольклор Тверской губернии. № 631/1. С. 466.

[19] См.: *Померанцева* 1975. С. 171 (А.II.1в.); *Левкиевская* 2003. С. 341 (в облике черной собаки).

[20] Там же. С. 237.

[21] См.: *Власова* 1995. С. 181; *Криничная* 2004. С. 650. Ср.: *Зиновьев* 1985. С. 73 (Г*.II.1в.).

[22] См., например: *Афанасьев* 1996-а. С. 37; *Он же*. 1996-б. С. 84; *Власова* 1995. С. 71; *Виноградова* 2001. С. 12; *Левкиевская* 2001-б. С. 383; *Она же*. 2003. С. 360, 363, 373, 374; *Криничная* 2004. С. 667 (в облике черной собаки), 694; *Зиновьев* 1985. С. 71 (Г*.I.1в.). Ср.: СПБелоз. Кн. 1. № 161. С. 644. В связи с этим уместно вспомнить, что, по убеждению украинцев, белорусских полещуков, гуцулов и поляков, одним из устойчивых зооморфных обликов ведьмы была именно белая собака (*Иванов П.В.* 1992. С. 436, 458, 467; *Чеховський* 2001. С. 93–95. Ср.: *Иванов П.В.* 1992. С. 449, 453; *Ящуржинский* 1992. С. 558).

мовой[23], банник[24], рижный (ригачник)[25], кикимора[26], покойник[27] и любое другое инфернальное существо[28]. Наконец, собакой иногда представал перед людьми клад-оборотень, рассыпавшийся деньгами при ударе наотмашь или указывавший на место их схрона в земле[29]. Помимо этого псом может быть обернут и самый обыкновенный человек, разгневавший лешего или чародея[30]. Под собачьй личиной мог скрываться даже чернокнижник, чем-то не угодивший более способному собрату «по цеху». Так, в былине «Три года Добрынюшка стольничал» из Сборника Кирши Данилова описан спор двух колдуний на пиру у великого князя: первая, «молода Анна Ивановна», грозится оборотить сукой другую «еретницу» Марину Игнатьевну за то, что та превратила в «тура-золотые рога» ее крестника, богатыря Добрыню Никитича:

...Честна вдова Афимья Александровна (мать Добрыни. – *А. Б.*),
Наливала она чару зеленого вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!

---

23 См.: *Власова* 1995. С. 127; *Левкиевская* 2003. С. 281; *Померанцева* 1975. С. 174 (Б.I.1и.); *Зиновьев* 1985. С. 66 (Б.I.1и.).

24 См.: *Левкиевская* 2003. С. 308; *Криничная* 2004. С. 34, 405. Ср.: Традиционный фольклор Новгородской области. № 214. С. 246. Подробнее о баннике-баеннике (баннице, баннихе) см.: *Максимов* 1994. С. 44–49; *Будовская* 1995. С. 137–138 и особенно С. 138; *Власова* 1995. С. 44–51.

25 См.: *Левкиевская* 2003. С. 318. «Рижный (ригач, ригачник, ригошник, подрижный)» – дух риги, ее «хозяин» (*Власова* 1995. С. 296–297).

26 См.: *Левкиевская* 2003. С. 260; *Зиновьев* 1985. С. 68 (Б.II.2д.).

27 См., например: *Виноградова* 2001. С. 33, 34; *Толстая* 2001. С. 162. Ср.: Традиционный фольклор Новгородской области. № 321. С. 301–302.

28 См.: Там же. № 250. С. 264; *Афанасьев* 1996-б. С. 65, 81. Ср.: *Пешехонов* 2003. С. 427; *Криничная* 2004. С. 405.

29 См.: Традиционный фольклор Новгородской области. № 299. С. 286; Народная проза. № 216. С. 314. Ср.: *Агапкина* 2002. С. 569; *Левкиевская* 2003. С. 453, 454; *Милорадович* 1992. С. 424.

30 См.: *Худяков* 2001. № 103. С. 317; ВС Вятской губернии. № 39, 102. С. 180, 318; Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1998. Кн. 1. № 247. С. 206–207; СПБелоз. Кн. 1. № 65, 88. С. 328, 418; Сб. А. М. Смирнова. № 180. С. 472; Народная проза. № 256. С. 385–386. Ср.: *Криничная* 2004.

А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ныне на пиру похваляется».
...А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты, ... еретница..!
Я-де тебя хитрея и мудренея,
Сижу я на пиру, не хвастаю;
А и хошь ли я тебя сукой оберну? (выделено нами. – *А. Б.*)
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить»[31].

«Низменная» природа этого домашнего животного в полной мере проявилась в русской народной легенде о Ное Праведном, в которой дьявол даровал шерсть голой собаке, приставленной Богом охранять Ноя (чей образ легко контаминируется с Адамом), а та в ответ позволила нечистому осквернить тело праведника[32]. Вместе с тем в восточнославянском фольклоре пес воспринимался и как верный страж домашнего очага[33], способный предупредить о приближении демонических сил и

С. 667–668, 681, 691, 696, 700–702; *Зиновьев* 1985. С. 65 (A.I.41*); *Иванов П. В.* 1992. С. 478; *Ящуржинский* 1992. С. 558.

[31] *Кирша Данилов*. № 9. С. 49. Ср.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. № 28. С. 163–164. О широко распространенном в традиционной культуре соревновании колдунов см., например: *Левкиевская* 2003. С. 390–391; *Виноградова* 2001. С. 21; *Криничная* 2004. С. 493–494. Ср.: Народная проза. № 252, 257. С. 375–378, 386; Памятники Водлозерья. № 123. С. 116–117 и др.

[32] См.: *Афанасьев*. НРЛ. № 14. С. 91.

[33] Ср.: *Белова* 2000. С. 236. В восточнославянских легендах о появлении на земле первого хлебного колоса Господь нередко вручает этот злак голодной собаке (иногда вместе с кошкой), которая в свою очередь уступает его человеку. В память о столь важной услуге, оказанной людям собакой и кошкой, жители Полесья ежегодно отдают им первый кусок хлеба, выпеченный из зерна нового урожая (*Левкиевская* 2003. С. 138–139. Ср.: *Белова* 2001. С. 140–142).

даже защитить от них[34]. Его лая, наравне с колокольным звоном, страшились не только ведуны и ведьмы, но и сам «лесной хозяин» – леший[35]. Более того, собака наделялась даром предсказания будущего: известен особый способ гадания по тому, как «выет пес»[36].

Возникает вполне закономерный вопрос: не связан ли взгляд восточных славян на собаку как на чудесное существо, в равной степени принадлежащее «светлому» и «темному» мирам, с воспоминанием о «священной» роли этого животного в дохристианскую эпоху? На сакральную функцию пса в идолослужении указывал еще арабский путешественник и писатель X в. Ахмед Ибн-Фадлан, самолично наблюдавший, как негоциант-рус благодарил своих богов за удачную торговлю [37]. Одну часть жертвенного мяса «овец и рогатого скота» купец раздавал для трапезы людям, а с другой – приходил к специально устроенному языческому капищу – «длинному воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю». Оставшееся мясо он оставлял «между тем большим бревном и стоящими вокруг него маленькими», повесив «головы рогатого скота

---

[34] См., например: *Кормина, Штырков* 2001. № 2, 4. С. 223, 224. Ср.: *Афанасьев.* НРС. Т. 3. № 357. С. 119; Народная проза. № 266. С. 392–393. По поверью великороссов, особенным даром распознавать нечистую силу обладали «двоеглазки» – собаки черной масти с двумя белыми пятнами над глазами. Кроме того, судя по материалам украинского фольклора, существовали даже псыистребители ведьм, «ярчуки», у которых якобы имелся «волчий зуб», а под шкурой были скрыты две змеи-гадюки (*Афанасьев.* ПВС. Т. 1. С. 734. Примеч. 4; *Левкиевская* 2004. С. 389. Ср.: Легенди та перекази. С. 52. Подробнее о собаках-«ярчуках» см.: *Иванов П. В.* 1992. С. 450–453).

[35] См., например: *Афанасьев.* ПВС. Т. 2. С. 345. Примеч. 1; Там же. Т. 3. С. 454. Н. А. Криничная, напротив, полагает, что именно собаки (которых исследовательница отождествляет с волками) не только сопровождают путешествующего по лесу лешего, но и охраняют его жилище (*Криничная* 2004. С. 266).

[36] См.: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе // *Гальковский.* Т. 2. С. 93; *Забылин* 1990. С. 276; *Зиновьев* 1985. С. 76 (Е*.I.2.); *Байбурин* 1993. С. 103. Ср.: *Афанасьев.* ПВС. Т. 1. С. 31. Примеч. 1, 733; *Богданович* 1895. С. 179.

[37] Как известно, Ибн-Фадлан нередко смешивал при описании обряды булгар, славян и русов, усвояя тому или иному из перечисленных народов обычаи и ритуалы их соседей (*Заходер.* Т. 2. С. 125).

или овец на это воткнутое [сзади] в землю дерево. Когда же наступит ночь, *придут собаки и съедят все это* (выделено нами. – *А. Б.*). И говорит тот, кто это сделал: «Господь мой уже стал доволен и съел мой дар». Кроме того, Ибн-Фадлан рассказывал о ритуальном рассечении живых собак надвое во время погребения мужчины-руса в ладье[38].

Образ собаки встречается и в русских заговорных текстах «от крови», «на остуду» или «отсушку». В украинских заговорах белый, серый и красный «хорты» (борзые) св. Юрия (Георгия) соответственно слизывают у больного человека бельмо, слезы и кровь, а «злые собаки (вариант: «хорты»)», напротив, нападают на скот[39].

Каков бы ни был ответ на данный вопрос, остается признать, что восприятие пса в средневековой православной культуре весьма разнилось с полуязыческими народными представлениями. Собака фактически причислялась в ней к нечистым созданиям, недостойным, в отличие от кошки, находиться в храме, на чью долю выпало лишь пожирать останки людей, лишенных христианского погребения, а также вместе с другими отверженными существами – змеями – мучить грешников в аду[40]. Особенно ярко это отношение проявилось в русских духовных стихах, создатели которых, по тонкому замечанию Г. П. Федотова, «являются посредниками между Церковью и народом», излагающими понятным языком «то, что наиболее поражает их воображение в византийско-московском книжном фонде Православия»[41]. Так, в раннем духовном стихе «Придете вси человецы, разумейте суету жития сего...», включенном в рукописные сборники середи-

---

[38] *Ахмед Ибн-Фадлан.* С. 142–144. Ныне хорошо ведомо, что арабский путешественник описал древнегерманский (скандинавский) похоронный обряд, в котором, как известно, в качестве одного из жертвенных животных присутствовала собака (*Ганина* 2002. С. 188–191, 193–195 и др.; *Арбман* 2003. С. 58–59. Подробнее об этнической принадлежности русов см.: *Лебедев* 2005. С. 502–504).

[39] См.: *Кляус* 1997. С. 207 [1/III.1.3/A12; 2/III.1.3/A12; 1/III.1.4/A12; 2/III.1.4/A12], 228 [1/I.4.1/A15; 2/I.4.1/A15]; Українські замовляння 1993. № 81, 99, 101. С. 121, 143, 145. Ср.: *Кляус* 1997. С. 207 [1/III.1.5/A12]; *Українські замовляння* 1993. С. 228

[40] Ср, например, похожий взгляд на собаку украинских книжников XVI–XVII вв., а еще раньше и средневековых писателей католической Европы (*Яковенко* 1992. С. 47–91; *Толочко* 1993. С. 36, 40–42. Ср.: *Махов* 2006. С. 349 [со ссылкой на «Золотую Легенду» Якоба Ворагинского <1255–1266 годы>]).

[41] *Федотов* 1991. С. 15.

ны XVI – второй половины XVII веков, содержится весьма примечательный призыв к грешнику покаяться, памятуя о неизбежной смерти:

...Покайся, человече,
Ото своих злых, недобрых, дел
Доколе терпит ти Небесный Царь.
О злый человече неразумный,
Что ся еси зачаял,
Что ся вознесл еси, <...>
Пес еси смрадный (здесь и далее выделено нами. – *А. Б.*),
Где твое спесивство,
Где высокоумие,
Где твоя гордость безумная,
И где твое злато и сребро,
Где твое имение –
Истлеша, изгниша...[42]

Похожим образом описывается жизнь неправедного человека и в позднем старообрядческом духовном стихе «Сокрушение о грехах»:

...Богу я не веря жил,
И, как *смрадный пес, ходил.*
О горе, горе, мне великое...[43]

По Уставу князя Владимира «о церковных судех», юрисдикции епископов подлежали, между прочими, и все те лица, кто «скот или псы, или поткы[44] без великы ноужи въведет, или ино что неподобно церкви подеет»[45]. И доныне храм, куда забежит собака, должен быть закрыт до по-

---

[42] Ранняя русская лирика. С. 262–263. Ср.: Там же. С. 304. О бытовании процитированного духовного стиха в древнерусской книжности см.: Там же. С. 58.

[43] Духовные стихи. Ч. 2. С. 47. Ср. строки из этого же духовного стиха:
... Ничему не верил я,
Жил я как *пес* и свинья.
О, горе, горе, мне великое...
(Там же. С. 48).

[44] «Потъка» – птица (*Срезневский*. Т. 2. Стб. 1758).

[45] Цит. по тексту Синодальной редакции, представленной многочисленными списками XIV–XIX столетий (ДКУ. С. 23. Ср.: Там же. С. 31, 43, 47, 56, 63, 67, 71, 83 и след.). По 88 канону VI Вселенского (Трулльского) собора мирянин, без крайней необходимости приведший в храм скот (например, коня или осла) или запустивший туда птиц, подлежал отлучению от Церкви, а клирик – извержению из сана (ПСА. С. 723–725).

вторного совершения в нем чина «малого освящения», специально составленного для такого случая[46]. Традиция не пускать собак в сакральные места, посвященные божеству или связаные с отправлением религиозного культа, возникла еще в эпоху античного язычества, когда они не допускались ни в Афинский акрополь, ни на священный остров Делос, где родились Артемида и Аполлон; ее должны были избегать и не вводить в свой дом (не говоря уже о святилище) и жрецы Юпитера[47]. По словам Плутарха, «древние считали это животное (пса. – *А. Б.*) не вполне чистым и никогда не приносили его в жертву ни одному из олимпийцев. Только как трапезу для Гекаты Подземной их приносили на перекрестки, и эта жертва служит отвращению и искуплению зла. В Спарте щенков жертвуют самому кровожадному из богов – Эниалию, а в Беотии обряд всенародного очищения состоит в том, что люди проходят между частями разрубленной надвое собаки. Сами римляне убивают собак в месяц очистительных обрядов на «Волчьем празднике», который они называют Луперкалиями, а мы (греки. – *А. Б.*) – Ликеями»[48]. Использование псов в качестве жертвы исключительно в хтонических культах Греции и Рима, наряду с запретами пускать их в священные места, ясно свидетельствовало о «нечистоте» этих существ. Не случайно Артемидор Далдианский писал в знаменитой «Онейрокритике» о них, что будто бы те «подобны людям, отнюдь не благородным и свободным, а, напротив, насильникам и наглецам, ибо таков нрав собак». Иначе говоря, «пес – животное дерзкое, неразумное и подобное горячке», тесно связаное с планетой Сириус. Как хорошо известно, восход Сириуса знаменовал для жителей Средиземноморья начало самой нездоровой знойной поры лета, «наводящей» на человека тяжкие болезни[49].

Показательно, что еще в первой четверти XIV в. Петр, митрополит Киевский, настаивая на отказе в правильном погребении убитому на судебном поединке «в поле», прямо предлагал его труп «псом <...> повречи»[50]. Со

---

[46] См.: Чин 1639. Л. 57 (третья фолиация).
[47] См.: Тигрица и грифон. С. 157–158. Примеч. 26.2.
[48] *Плутарх.* Римские вопросы. С. 200, 205, 221[51, 52, 68 и 111-й вопросы]. Ср.: Там же. С. 502. Примеч. 111/2.
[49] *Артемидор.* С. 162–163 [II, 11]. Ср.: Там же. С. 163. Примеч. 17
[50] Поучение Петра митрополита. С. 187. «Повречи» – оставить на съедение (Сл.ДЯ. Т. 6. С. 475).

словами святителя Петра о посмертной участи грешника вполне солидарны безвестные авторы фольклорных произведений. В одном из вариантов былины «Илья Муромец и Сокольник», записанной П. Н. Рыбниковым, главный герой собственноручно казнит сына-предателя:

...И схватил-то он (Илья. – *А. Б.*) Сокольника за ноги,
И ударил он его о сыру землю, –
Тут-то ему и смерть пришла.
Выходит Илья со бела шатра,
И ступил Илья Сокольнику на ногу,
Рукой хватил за другую,
И половину кинул матери на погребение,
А другую *собакам на съедение*...[51]

Столь же безотрадный удел останкам нечестивца уготован и создателем позднейшего духовного стиха «Уж ты, матушка Владычица, Пресвятая Богородица...»:

...Душа с телом разлучается:
«Ты прости, тело белое, недостойное,
Не быть тебе, телу, петому,
Не служить тебе погребения,
Отдать тебя псам на съедения.
А мне, душе грешныя,
Идти в три путя-дороженьки,
Непроходимыя, невозвратимыя:
Во перву дороженьку – на суд праведной;
Вторую дороженьку – ко Господу явитися,
Ко престолу поклонитися;
В третью дороженьку – идти в муку вечную,
Идти в муку вечную, бесконечную...»[52].

Любопытно, что в Псевдо-Васильевой редакции «Физиолога», сохранившейся в единственном сербском списке XV в., пожирание собакой людской плоти иносказательно изображает покушение демона на жизнь (душу) христианина: «Поищи и ты, человече, камень (здесь: “убежище”. – *А. Б.*) гоним от пса, сиречь от беса, гонещаго день дне, и емлю-

---

[51] *Рыбников*. Ч. 2. № 64. С. 351.
[52] Стихи духовные. № 70. С. 208.

щаго человечьскаго живота»[53]. На богооставленность всякого, чьи останки будут съедены лесными «лошадьми ведьм», волками, ясно указывает виса, услышанная во сне норвежским конунгом Харальдом Суровым из уст Олава Святого, из «Саги о Харальде Суровом»:

...Страшно мне (Олаву. – *А. Б.*), что к горшей
Ты, вождь, идешь кончине.
Волк – *не жди защиты*
Божьей (выделено издателями. – *А. Б.*) – труп твой сгложет[54].

Очевидная близость образов волка и пса в традиционной культуре позволяет отчасти прояснить мотивы, которыми руководствовался дядя Харальда Сурового, конунг Олав Трюггвиссон, повелев сжигать и *травить собаками* (выделено нами. – *А. Б.*) своих «недругов», бондов-язычников[55].

* * *

Подобный взгляд на собаку как на нечистое и даже, в каком-то смысле, инфернальное существо, можно обнаружить и в описании «народной расправы» во время эпидемии или эпизоотии с женщиной, заподозренной в наведении «мора» на людей или животных. Добровольные палачи бросали свою жертву в мешок вместе с псом, черной кошкой и петухом и живыми либо зарывали в землю, либо топили в реке[56]. Типологически эта страшная «очистительная кара» (по образному выражению А. Н. Афанасьева) весьма напоминает экзекуцию, зафиксированную в законодательстве Великого княжества Литовского второй половины XVI в. По Статуту 1588 г., преступника, изобличенного судьями в убийстве родителей, надлежало предать позорной мучительной казни («смертью ганебною маеть каран быти»): сначала «по рынку возечи, клещами тело торгати, а потом в мех скуренный (кожанный мешок. – *А. Б.*), всадивши до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посполу в мех

---

[53] *Александров* 1893. С. 99. Ср.: *Белова* 2000. С. 15, 205.
[54] Сага о Харальде Суровом. С. 453 [Глава LXXXII]. Подробнее об «отдельных висах», органически дополняющих прозаический текст саг см.: *Стеблин-Каменский* 1979. С. 119–124.
[55] См.: Сага об Олаве, сыне Трюггви. С. 150 [Глава LXXXV].
[56] См.: *Афанасьев*. ПВС. Т. 3. С. 523.

всадивши, и зашить, и где наглубей до воды утопити» (Разд. 11, арт. 7)[57]. Как легко заметить, столь изощренный способ расправы с отцеубийцей воспроизводил, применительно к местным природным условиям и, добавим, культурным традициям, знаменитую poena cullei классического римского права, отличавшись от своего античного прототипа только тем, что в мешок к осужденному бросали вместо обезьяны кошку[58].

Наконец, в апокрифическом «Видении мук грешницы в аде» описывалась казнь в преисподней нечестивой «жены», которой «руце... грызяху два пса великие»[59]. С текстом древнерусского апокрифа перекликается старообрядческий духовный стих «Сокрушение о грехах». Ср.:

...Не радел о себе сам,
Душу предал адским псам.
О, горе, горе, мне великое.
С ними мучуся всегда,
Нет отрады никогда.
О, горе, горе, мне великое... [60].

* * *

Помимо собственно собак в православной средневековой книжности и фольклоре весьма красочно описывались и собакоголовые люди – «кинокефалы» или «псоглавцы», принадлежавшие к одному из апокалиптических народов-монстров. В апокрифическом Откровении Мефодия Патарского о «последнех летех» упоминались «человекоядцы[61], нарицаеми песьи главы», – подданные воинственных антагонистов «народа Божьего», языческих царей Гога и Магога[62]. Примечательно, что некоторые из союзников и вассалов этих «нечестивых» правителей, высту-

---

[57] Статут ВКЛ 1588. С. 281, 428.
[58] См.: *Бартошек* 1989. С. 238–239, 248. Ср.: *Афанасьев*. ПВС. Т. 3. С. 524.
[59] *Кушелев-Безбородко*. Вып. 1. С. 105.
[60] Духовные стихи. Ч. 2. С. 46.
[61] В образе «нечистивцев», нападающих на мирные поселения и без всякой жалости пожирающих свои жертвы, предстают псоглавцы в восточнославянском фольклоре (*Левкиевская* 2003. С. 156–157. Ср.: Легенди та перекази. С. 200, 206–207; Закарпатские сказки. С. 189–190; *Худяков И.А.* 2001. № 38. С. 122).
[62] В книгах Ветхого и Нового Завета «Гог» одновременно обозначает и имя языческого «царя», и название подвластного ему народа, а «Магог» – народа и

пивших в поход под их знаменами, сами принадлежали к породе кинокефалов: «Гог же бе крылат... а у оного будет 6 крыл, а у оного будет скотячины, а ины буде песьи главы...»[63].

По пророчеству Иезекииля, перед концом света племена «от пределов севера», предводительствуемые Гогом, нападут на евреев, возвратившихся из рассеяния в Палестину и живущих там в мире и безопасности. Господь не допустит триумфа язычников: их полчища будут чудесным образом истреблены «на горах израилевах», а на страну Магог обрушатся потоки небесного огня (Иез 38, 1–23; 39, 1–20)[64]. В новозаветном Апокалипсисе Иоанна Богослова повествуется о самой последней в Истории попытке сил зла до основания уничтожить Церковь Христову: «егда скончится тысяща лет», дьявол «прельстит» Гога и Магога, а вместе с ними и «языки, сущыя на четырех углех земля», которые в соединении с бесами попытаются «попленить» и разрушить «полк (стан) святых, яве Церковь Христову, <...> и Новый (Горний. – *А. Б.*) Иерусалим, возлюбленный град». Однако планы богоборцев потерпят крах: по промыслу Господню, «сниде огнь с Небесе <...> и снеде я (воинство Гога и Магога. – *А. Б.*). И диавол, прелщаяй их, въвержен есть в езеро огненное

страны. Однако в постбиблейской христианской традиции «Магогом» нередко нарекают и правителя одноименной земли. Например, в апокрифическом Откровении Мефодия Патарского читаем: «В последняя же дни на сконьчание мира Гогог (так в тексте.– *А. Б.*) и Могог выидета на землю Израилтескую и еже суть цари язычестии, яже запечата царь Александр (Македонский. – *А. Б.*) обону страну Севера. Се же суть имена им: Гог и Могог, Аунога, Аног, Ахенас, Дефаи, Фотин...». Такое истолкование этно- и топонима «Магог» выглядит вполне допустимым, если вспомнить, что само слово использовалось уже в Пятикнижии Моисея в качестве имени конкретного человека – в Книге Бытие одного из сыновей Иафета, родившихся после Потопа, звали Магог (Быт 10, 2. Ср.: 1 Пар. 1, 5) (*Мильков* 1999. С. 675–676. История заточения Александром Македонским «дивиих народов», Гога и Магога, в горных кручах, расположенных «на краю света», была хорошо известна русскому человеку не только по памятникам средневекой книжности, но и по фольклорным сказаниям, одно из которых было опубликовано еще А. Н. Афанасьевым: *Афанасьев*. НРС. Т. 3. № 318. С. 43. Ср: *Левкиевская* 2003. С. 157. Подробнее о Гоге и Магоге в иудейской и христианской традициях см.: *Аверинцев* 1991. С. 307).

[63] *Мильков* 1999. С. 676 (конъектура наша.– *А.Б.*).

[64] Библия. Л. 143 об. – 144 об. (вторая фолиация).

и жупелное, идеже и зверь, и лжепророк и мучени будут день и нощ въ веки веком» (Откр 20, 7–10)[65].

Несмотря на то, что кинокефалы ни разу не упоминались в текстах библейских книг, на миниатюрах Лицевых Апокалипсисов XVI – первой половины XVII столетий (представленных тремя редакциями, выявленными еще Ф. И. Буслаевым) все без исключения подданные Гога и Магога изображены с песьими головами. Для того, чтобы лучше уяснить смысл изображений кинокефалов, воспользуемся ставшим уже классическим описанием русских Лицевых Апокалипсисов, выполненным академиком Буслаевым. На первой миниатюре «Гог и Магог, как цари полчища песьих голов, имеют на своих собачьих мордах короны, одеты в византийский наряд с полосами; сидят рядом на престоле, а их воины, *пожирающие праведников* (выделено нами. – *А. Б.*), обнажены, только препоясаны, иные из них с грудями, будто самки...». На другой – «под узкою полосою неба направо <палатное письмо>, состоящее из высоких городских стен с башнею внутри и с церковью о трех главах с осьмиконечными крестами. Это <стан святых и град возлюбленный>. К нему подступают песьи головы с копьями <...> под предводительством Гога и Магога, которые отличаются от прочих <...> коронами на головах, сверх того у одного из них крылья. Между песьими головами помещен один дьявол с волосами торчком, без бороды. Сверху, из раскрывшейся полосы неба, сходит огонь пучком пламенных языков. Город с осаждающими отделен прямой линией от нижней части (миниатюры. – *А. Б.*), в которой лежат низверженные Гог и Магог с несколькими из песьих голов. В самом низу – озеро огненное: в нем Первый и Второй звери и сатана...». На третьей – «со свитком в руке стоит ангел в зеленой тунике и пурпуровой тоге. Перед ним толпа святых, головы в сиянии. Один обращается к нему (ангелу. – *А. Б.*), другие пали. За ними (праведниками. – *А. Б.*) – двое из песьих голов <...> в руках держат топоры: соответствует толкованию <святии зде вскоре мало претерпевше>. Вверху надпись, содержит стих 12 сполна»[66]. На четвертой – «в углу направо на престоле сидит Первый зверь, опирается на клюку. Ему поклоняются люди. Справа, насупротив

---

[65] Лицевой Апокалипсис. Л. 279, 281 об. – 282 об.

[66] Имеется ввиду текст: «Зде есть терпение святых, зде суть съблюдающии заповеди Божия и веру И[и]сусову» (Откр. 14, 12). Ср. чтение Геннадиевской

его, из расселины до половины вылезает Второй зверь, красный, с бараньими рогами; ...на горе толпа подходит к дьяволу, который переднему из толпы налагает печать. Позади дьявола двое из песьих голов палицами побивают тех, кои не поклонились образу звериному...». Наконец, на последней из интересующих нас миниатюр средневековый художник изобразил кратковременное торжество антихриста, осквернившего «стан святых»: «вверху <...> город <...>, окруженный стенами. Внутри стен и около – здания и башни. Посреди (города. – *А. Б.*) – храм с тремя главами, но без крестов; в широком отверстии храма по черному фону писан царь в короне, без сияния, сидящий на престоле. В стенах кое-где видны человеческие фигуры в группах. Кругом стен, а частью и внутри города – песьи головы <...>, иные из них – с дубинами. ...Сверху, как бы с неба, <...> падает на город поток огня. Внизу в обоих углах – подземные пропасти: налево, по черному фону, – светло-серые фигуры дьяволов и песьих голов, направо, по красному фону, – горящее озеро; в нем – змий, оба зверя, царь в короне (антихрист. – *А. Б.*) и опять песьи головы»[67]. Итак, следует признать, что на миниатюрах Лицевых Апокалипсисов XVI – первой половины XVII веков кинокефалы выступают исключительно в роли подручных дьявола или антихриста, в полной мере разделяя участь, уготованную Богом всем инфернальным существам – попадают в ад. Более того, на некоторых иллюстрациях к тексту Откровения Иоанна Богослова они изображены поедающими или избивающими людей с нимбами вокруг головы, то есть святых[68].

Библии 1499 г.: «И зде есть тръпение святых, яко съблюдающе заповедь Божию и веру И[и]сус Христову, възрадуются». В толковании на этот стих Откровения Иоанна Богослова святитель Андрей Кесарийский писал: «Зде есть терпение святых. Нечестивии убо, глаголет, выну в будущем веце мучими будут. Святии же зде крепость терпения показуют, във времени скоро мимоходящем, Божественныя заповеди и веру в Христа неуемлему съхраняюще» (Лицевой Апокалипсис. Л. 195 об.; Библия 1499 г. Т. 8. С. 472. Ср.: Толкование на Апокалипсис. С. 115–116).

[67] *Буслаев* 1884. С. 235, 266 (№ 46), 462 (№ 69), 574 (№ 36), 581 (№ 61). Ср.: Там же. С. 710 (№ 64); *Белова* 1995. С. 165.

[68] В последнее время две подобные миниатюры из Лицевого Апокалипсиса XVI в. (РГБ. Ф. 98. № 1844. Л. 61, 82 об.) были опубликованы, например, в кн.: Библия 1499 г. Т. 8. С. 476, 493.

Иван Грозный вряд ли отважился бы уподобить опричников апокалиптическим монстрам, подданным «нечестивого» правителя, которые, к тому же, находились в полном подчинении у сатаны и выпестованного им «сына погибели» – антихриста. Ведь, если верные слуги московского самодержца – псоглавцы, то он сам должен был отождествлять себя с язычником Гогом, вместе с антихристом и люцифером посмевшим поднять руку на святых и Христову Церковь. Подозревать же «тирана Васильевича» в сознательном богоборчестве или в сколько-нибудь явной непримиримости к христианству не позволяют факты его биографии, совсем недавно блестяще описанные и проанализированные Б. Н. Флорей[69]. Гипотеза А. Л. Юрганова о восприятии Грозным своего опричного войска в качестве символического двойника полчищ собакоголовых людей, помимо прочего, вступает в очевидное противоречие с его собственным суждением об отношении царя к опричникам как к праведной силе, с одинаковым рвением исполняющей волю Божию и монаршую[70].

Гипотеза А. М. Панченко и Б. А. Успенского о соотнесении опричного войска с адскими экзекуторами – чертями представляется весьма остроумной, но при этом также нуждается в уточнении. Действительно, в Третьем послании венценосцу князь А. М. Курбский писал: «вместо избранных и преподобных мужей, правду ти (Ивану Грозному. – *А. Б.*) глаголющих не стыдяся, прескверных паразитов и маньяков, поднес тобе, вместо крепких стратигов и стратилатов – прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарыщи, и вместо храбраго воинства – кромешников, или опришнинцов кровоядных, тмы тмами горших, нежели палачей...»[71]. Хорошо известно, что в русских народных говорах термин «кромешники» служит для обозначения всех нечистых духов в своей целокупности, а также – созданий, населяющих потусторонний мир[72]. В «Истории о великом князе Московском» Курбский охарактеризовал новое окружение монарха, сменившее деятелей Избранной Рады, в еще более энергичных

---

[69] См.: *Флоря* 2002. С. 5–391. Многочисленные факты избиения православного духовенства, безусловно, не может свидетельствовать об отказе Грозного от христианства как вероучения.

[70] См.: *Юрганов* 1998. С. 399.

[71] ПИГАК. С. 116.

[72] См.: *Власова* 1995. С. 195. Ср.: *Веселовский* 1963. С. 14.

выражениях: «Царь же, напився от окаянных, со сладостным ласканием смешаннаго, смертоноснаго яду, и сам, лукавства, паче же глупости, наполнився <...>, собрав и учинив уже окрест себя яко пресильный и великий полк сотанинский...». Более того, по словам опального вельможи, столь откровенно негативный взгляд на опричное воинство вполне разделял митрополит Филипп Колычев, который не побоялся из узилища, тюремной келии тверского Отроча монастыря, возвестить Ивану: «Аще <...> обещаешися покаятися о своих гресех и отгнати от себя оный полк сатанинский, собранный тобою на пагубу християнскую, сиречь кромешников, або апришнинцов нарицаемых, аз <...> благословлю тя и прощу, и на престол мой <...> возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклят в сем веце и в будущем и с кромешники твоими кровоядными, и со всеми согласующими тебе во злостях!»[73]. Мысль князя А. М. Курбского и, быть может, святителя Филиппа о дьявольской природе опричного войска развил их младший современник, русский книжник начала XVII столетия, дьяк Иван Тимофеев Семенов: «Яко волки ото овец, ненавиденых им (Иваном Грозным. – *А. Б.*), отдели любезныя ему, знамения же на усвоеныя воины тмообразны наложи (!); вся от главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их и коня им своя имети повеле; по всему воя своя вся яко бесоподобны слуги сотвори...»[74]. «Кромешниками», в точном значении этого слова, предстают подручники Ивана Грозного и в фольклорном сказании об участи проклятых покойников, которые «плавают по озеру в коробах, обросших мхом, и не тлея стонают от лютого мучения»: в одном из вариантов предания, записанном и опубликованном М. Н. Макаровым, вместе с убийцами князя Андрея Боголюбского в тех гробах оказались и «сподвижники Малюты» – опричники[75]. Таким образом, процитированные выше тексты отражают взгляд на оп-

---

[73] РИБ. Т. 31. Стб. 102–103, 156. Комментарий к этому сообщению Курбского см.: *Колобков* 2004. С. 372–374.

[74] Временник Ивана Тимофеева. С. 12–13. Ср.: *Успенский* 1996. С. 179–180. Примеч. 43.

[75] См.: *Макаров*. Кн. 1. С. 39. Ср.: *Зеленин* 1995. С. 46. По морским волнам носило гроб с телом сказочного живого мертвеца Ивашки Белой Рубашки, который, по собственному признанию, был «великий еретик», проклятый родной матерью. Именно мать приказала положить сына в гроб, «закрыть наглухо крышкою, набить железные обручи» и спустить в воду (*Афанасьев*. НРС. Т. 3. № 575. С. 368–369).

ричных слуг Ивана Грозного его опальных подданных, младших современников и даже весьма отдаленных потомков, однако они нисколько не проясняют отношения к собственному окружению самого российского государя. Отчего до сего дня сохраняет актуальность вопрос: мог ли «тиран Васильевич» сознательно проводить параллель между «опришнинцами» и духами-мучителями, терзавшими грешников в аду?

* * *

Попробуем подробнее разобраться в «тмообразных» атрибутах опричника. Черный цвет одежды в сочетании с вороной мастью боевого коня «царевых слуг» вполне могли восприниматься людьми Средневековья как явный намек на силы, тесно связанные с инфернальным миром[76]. По верованию восточных славян, населявшие его черти или бесы были зооморфными существами черного или синего цветов, а сам дьявол (сатана) часто появлялся в облике черного человека огромного роста[77]. К тому же семантическому ряду относится и образ черного всадника, олицетворявшего Ночь, из русской сказки «Василиса Прекрасная», который прекращал свой чудесный путь по лесной чаще, внезапно исчезая у ограды из человеческих костей, выстроенной Бабой-Ягой вокруг своей избушки[78]. В традиционной культуре бинарная оппозиция день–ночь, как известно, соответствует двоичному противопоставлению свет–тьма[79]. Не случайно поэтому в народном «Стихе о душе греш-

---

[76] Ср.: *Махов* 2006. С. 361, 362.

[77] См.: *Власова* 1995. С. 55, 141, 314, 339, 342; *Виноградова* 2001. С. 37, 38; *Вендина* 2002. С. 240–242, 246–248. Ср.: Оповідання про бунт люципера і ангелів. С. 31; Народная проза. № 313. С. 456. В славянских заговорах черный цвет, прежде всего, ассоциируется с землей, мраком и потусторонним миром (*Раденкович* 1989. С. 128–131, 141–144. Ср.: *Турилов, Чернецов* 1997. С. 106; *Українські замовляння* 1993. № 79, 80, 87. С. 119–120, 129; 269–270).

[78] См.: *Афанасьев.* НРС. Т. 1. № 104. С. 161. В восточнославянских фольклорных текстах инфернальные существа нередко предстают перед людьми в антропоморфном образе черного цвета. Домовой может обернуться ***черным*** человеком, банник – босым ***черным*** здоровенным мужиком, ригачник – страшным ***черным*** косматым мужчиной с огненными глазами, а демон холеры принять облик отвратительной ***черной*** старухи с горящими, как угли, глазами (*Левкиевская* 2003. С. 280, 308, 318, 431. Ср.: *Криничная* 2004. С. 35–36, 333, 335, 340).

[79] Ср.: *Афанасьев.* ПВС. Т. 1. С. 102–107. Аналогичным образом ночь воспринималась и утонченными книжниками-богословами. Так. св. Григорий Синаит

ной» эпитет «ночной» используется для описания обитателя преисподней – безжалостного адского ангела. Ср.:

...Ношноет ангиль проглаголовал:
«У нас во аду огонь горит и смола
кипит,
Тут и черви гимзят[80] неутешимые».
Аминь[81].

Любопытно, что в другом варианте того же духовного стиха к заблудшей душе обращается его антипод, небожитель – «денной» ангел:

...Тут денной ангел проглаголал душе:
«Ты не бойся, душа, не бойся, грешная,
Тебе век здесь (в пекле. – *А. Б.*) вековать, тебе царствовать»[82].

В данном контексте собачья голова, привязанная к шее лошади, представляла собой двойник настоящего, и притом явно ожившего, адского пса[83], поскольку в народной магии голова мертвого зверя (птицы) всегда выступает в качестве его полноценного заместителя[84]. Более то-

---

пишет: «Надвигающаяся ночь есть, по слову Господа, будущая тьма, *когда никто не может делать* (Ин 9, 4). Или, по другому изъяснению, это а н т и х р и с т (разрядка наша. – *А. Б.*), называемый ночью и тьмой, или еще по нравственному толкованию это непрерывная беспечность [о спасении], которая, как беспросветная ночь, умерщвляет душу сном нечувствительности. Ночь [в прямом смысле этого слова] делает всех сонливыми и служит образом смерти от умерщвления. А ночь будущей тьмы опьянит страданиями мертвых и бесчувственных грешников». В другом тексте из «Весьма полезных глав, расположенных акростихами,» выдающийся византийский мистик XIV в. дополняет свои рассуждения новой сентенцией: «Ночь страстей есть тьма неведения, или еще: ночь есть рождающая страсти область, в которой царствует князь тьмы и в которой духи [злобы] – эти в иносказательном смысле звери полевые, небесные птицы и земные гады, – рыкая, ищут жадно схватить нас себе в пищу» (*Григорий Синаит*. С. 19–20, 30).

80 Здесь «гимзят» – шевелятся во множестве (*Даль*. Т. 1. С. 350).

81 Голубиная книга. С. 230.

82 Стихи духовные. № 72. С. 210.

83 Об адских псах, обитающих в преисподней и мучающих грешников, см. выше.

84 Ср.: *Клингер* 1911. С. 117–118; *Успенский* 1982. С. 83. Примеч. 96. Как известно, обладание отрубленной головой сообщало ее владельцу власть над всем существом умершего, который поневоле обязан был служить и помогать своему новоявленному хозяину (*Пропп* 1986. С. 152).

го, если животное умирало неестественной смертью, то оно, как и люди, превращалось в «заложное» существо, сохранявшее способность к активной деятельности и после своей гибели[85]. В таком случае, кого же сопровожали адские псы? Чертей, истязающих грешников в огненных реках преисподней[86]? Отнюдь не обязательно.

* * *

По свидетельству средневековых апокрифических текстов, в аду обитали не отверженные демонические существа, а светлые «немилостивые», «злии» или «лютые» ангелы, которые исполняли те же функции, что бесы или черти, но подчинялись при этом Богу, а не сатане. В «Слове о видении святаго апостола Павла» Господь посылал «анггел немилостивых, никако ж милосердья не имущи», чьи «страшни[и] <...> лица исполни ярости и зуби их преходяще выше устну, очеса же их святяхуся, яко звезда восходяща заутра, и власи главы их <...> распростерти, и пламень огнен из уст их», исторгать души из тел «неверных» в момент кончины. Другие же «злии» ангелы, во главе с Тимелихом, мучали грешников непосредственно в «темници адьстей». Апостол узрел там «старца, его же <...> анггели лютии погрузиша <...> до колену в огненей реце, и волна огнена ударяше в лице, яко буря, и не дадяху ему рещи: "Господи, помилуй мя!"». Затем взору Павла открылась ужасающая по своей жестокости картина наказания лицемера: «анггел мученныи» отсекал огромной «ражженой»[87] бритвой у него, вверженного в огненную реку, губы и язык. В ином месте преисподней он наблюдал, как двенадцать «аньгел страшны[х]» возлагали на шеи двух девиц-распутниц обжигающие жаром «вериги». Наконец, в широко распространенном в средневековой книжности апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» описывается скорбь и мучения самих адских экзекуторов, ангельская природа которых изнемогала от столь тяжких обязанностей. «И видевъше Пресвятую ангели стрегущии възъпиша вси единеми усты, глаголюще: "Свят, свят, свят еси Боже и ты, Богородице! Благословим тя и Сына Божия родивъшагося от тебе! Яко бо от века не видехом све-

---

[85] См.: *Дашкевич* 1992. С. 531.

[86] Ср., например: *Афанасьев.* НРС. Т. 2. № 214, 216. С. 152–153, 164; Там же. Т. 3. № 371. С. 141–142.

[87] Здесь «ражженой» – жгущей, от «ражьжение» – жжение, жар (*Срезневский.* Т. 3. Стб. 19).

та (в геене. – *А. Б.*), и днесь видим свет тебе ради, Богородице!". И пакы възъпиша вси единемь гласъмь, глаголюще: «Радуися благодатьная Богородице! Радуися Просвещение Вечьнаго Света! Радуися и ты, архистратиже Михаиле (сопровождавший Божию Матерь по преисподней. – *А. Б.*)! Моляся Владычице за вьсь мир! Мы бо видимы грешьныя мучащаяся и зело скорбим». И видевъши Богородиця ангелы скърбьны унылы грешник ради и въсплакася Пресвятая. И възъпиша вси единемь гласом, глаголюще: *«Добре есте пришьли въ тьму сию, да ны видит, како ны есть мука* (выделено нами. – *А. Б.*)»[88]. При этом необходимо отметить, что образ обитающих в аду «лютых» ангелов Божиих находит прямую параллель в иудейской традиции: царство мертвых «шеол» населяют не только умершие грешники, «нечистивые» великаны «рефаимы» или злые духи «шедим», но и ангелы-мучители[89].

Помимо апокрифов, описание «немилостивых» ангелов встречается и в других произведениях древнерусской книжности[90]. Так, в представленной множеством списков Второй Кассиановской редакции «Киево-Печерского патерика» (1462 г.), специальная гомилия была посвящена рассказу о чудесном исцелении печерского иеромонаха Тита, пожелавшего примириться перед кончиной со своим давним врагом, иеродиаконом Евагрием: «Больный же (Тит. – *А. Б.*), видев брата (Евагрия. – *А. Б.*), мало въсклонься, паде ниць пред ногама его, съ слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всеми нами (монахами, присутствовавшими при этом разговоре. – *А. Б.*), глаголя: «Николи же хощу с ним прощениа имети, ни в сий век, ни в будущий», исторгъся от руку старец тех, и абие падеся. И хотевшим нам (киевопечерским калугерам. – *А. Б.*) въставити его (Евагрия. – *А. Б.*), и обретохомь его умръша, и не могохом ему ни рукы протягнути, ни устъ свести, яко давно уже умерша. Больный же (Тит. – *А. Б.*) скоро въставъ, и яко николи же болевъ». После того, как тело Евагрия было предано земле, Тит поведал сопостникам поистине необыкновенную историю: «Видех, рече, аггелы отступлъше от мене и плачюшася о души моеи, *беси же радующеся о гневе моем* (здесь и далее выделено нами. – *А. Б.*), и тог-

---

[88] *Мильков* 1999. С. 534–535, 539–541, 548–550, 552, 586, 590, 592.
[89] См.: *Щедровицкий* 1992. С. 641. Ср.: Демонология // Еврейская энциклопедия. Т. 7. Стб. 74–76.
[90] См., например: *Малэк* 2003. С. 205–207.

да начах молити брата, да простить мя. Егда же его приведосте къ мне и видех *аггела немилостива*, держаще пламенное копие, и егда же не прости мене, удари его (Евагрия. – *А. Б.*), и падеся мертв, *мне же подасть руку и въстави мя*»[91]. Как следует из контекста видения Тита, «аггел немилостив», выступая одновременно в роли и экзекутора грешника, и целителя праведника, явственно отличается по своей природе от инфернальных демонов, способных лишь радоваться падению христианина.

В другом назидательном произведении, «Слове 158-м о некоем мнисе», помещенном в популярном «четьем» сборнике «Измарагд», некий «страшный муж», в котором легко узнать божественного посланца, «лютого» ангела, «устреми трезубец огнен в сердце» нераскаянного грешника и «на мног час муча его, исторже душу его с нужею...»[92]. Более того, в одном из поздних видений, записанном, по-видимому, летом 1667 г., «ангел немилостивый» посетил, по попущению Божию, соловецкого инока Ипатия Чудесника еще при жизни: «Наказа мя Господь своею милостию и посла ангела немилостиваго наказати мя за мое преступление (нарушение предписаний монастырского устава. – *А. Б.*) и смири мя до конца, яко и живота моего отчаятися»[93].

Прообразом «лютого» ангела, мучающего или даже убивающего плоть грешника, для средневековых книжников вполне мог послужить беспощадный божественный посланец, Ангел-истребитель (вариант: Ангел-губитель), о чьих страшных деяниях не раз вспоминали авторы книг Ветхого и Нового Завета. Впервые Ангел-губитель упоминается при описании одной из «казней», посланных Господом фараону в наказание за насильственное удерживание израильского народа в Египте. Тогда Бог повелел ему уничтожить всех первенцев, рожденных на территории Египетской державы как человеком, так и скотом. Дабы евреи смогли избежать столь печальной участи, Господь приказал Мои-

---

[91] *Абрамович* 1930. С. 123. Ср.: Древнерусские патерики. С. 35.

[92] Измарагд. Л. 95 об. – 96 (вторая фолиация); *Панченко, Успенский* 1983. С. 69. Ср. знаменитое послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.), где царственный книжник, напоминая братии о «часе смертном», писал о «ангеле немилостиве», который «отводя с нуждею, влекий душю.., связану грехми», на Божий суд и загробные муки (ПИГ. С. 171).

[93] *Чумичева* 1993. С. 289. О времени создания литературного памятника см.: Там же. С. 286.

сею защитить дома единоплеменников специальным знаком на дверных косяках и перекладине, нанесенным кровью жертвенного ягненка. Выполняя волю Всевышнего, «създа <...> Моисий вся старца Израилевы и рече им: «Шедше поимете себе агнъца по сродству вашему и жертвуите пасху; възмете кисть иссопа, омочивши же в кровь, дверныя помажете праги и обою подвою от крови, яже есть близу дверии; а вы да не исходите никто же от дверии дому своего дозаутрия. И миная Господь избивая египтяны, и узрит кровь на празе и на обою подвою, и минет Господь двери, и не попустит Убивающему вънити в домы ваша убивати» (Исх 12, 21–23)[94].

Вновь образ небесного экзекутора появляется в рассказе о моровой «язве», посланной Богом на Израиль в наказание за проведение царем Давидом переписи своих подданных: «И простре Аггел Божий руку свою в Иерусалим расточити я; и не преклони Господь на злобу, и рече Аггелу, расточающему люди: «Довлеет ти, ныне от[ъ]ими руку твою». И Аггел Господень бе стоя пред гумном Орнея Иевсеева. И рече Давид к Богу, внегда виде Аггела биюща люди, и рече: «Аз есмь пастырь зло сътворивый; а сия овца, что сотвориша? Буди ныне рука твоя на мне и на доме отца моего» (2 Цар 24, 16–17)[95]. Похожую картину нарисовал автор повествования о неудачной осаде Иерусалима ассирийским войском во главе с царем Синахерибом около 691 г. до Р. Х.: захватчики вынуждены были отступить от стен города после того, как в их стане началась эпидемия[96]. Пророк Исаия предрек иудейскому царю Езекии, сыну Ахаза, что ассирийцы «не имать внити въ град сей (Иерусалим. – *А. Б.*), и не имать устрелити на нем стрелы, ниже имать положити на нем щита, и не имать объяти его приплотом[97]. Но путем имже прииде, темже и возвратится, и въ град не имать сей внити. Глаголет Господь: «Аз бо защищу о граде сем, и спасу его Мене ради и Давида, раба Моего». Той же ночью «сниде Аггел Господень и уби от полка Асирийскаго 185 тысяч; и въстав-

---

[94] Библия. Л. 30 об. (первая фолиация). Ср.: Евр. 11, 28.

[95] Там же. Л. 153 об. (первая фолиация). Древние евреи считали перепись населения нечестивым поступком, поскольку он нарушал права Бога, как единого повелителя жизни и смерти человеческой (Ключ 1982. С. 83).

[96] Подробнее об этом см., например: *А.С.К.* (*Каменецкий А.С.*) Санхериб // Еврейская энциклопедия. Т. 13. Стб. 952.

[97] «Приплот» – земляной вал (*Срезневский*. Т. 2. Стб. 1445).

ше утро и се обретоша вся трупия мрътва» (4 Цар 19, 32–35)[98]. Наконец, одна из многочисленных исторических аллюзий в посланиях апостола Павла была посвящена Ангелу-губителю, истребившему возроптавших разведчиков, отправленных Моисеем осмотреть Землю обетованную: «ни ропщите, якоже нецыи от них (посланцев Моисея. – *А. Б.*) поропташа и погибоша от Всегубителя» (1 Кор 10, 10. Ср.: Чис 14, 37)[99].

В народных духовных стихах встречаются те же «не тихие, не смирные, не милосливые» ангелы, хорошо знакомые средневековому читателю по письменным памятникам. Именно их Бог посылает «вынимать» душу у скончавшегося неправедного богача, брата «убогого» христолюбца Лазаря:

Сослал ему (Лазарю-богачу. – *А. Б.*) Господи скорую смерть.
Сослал к нему Господи гро́зных ангелов,
Стра́шныих, гро́зныих, немилостивыих,
По его душу по богачеву.
Вынули его душеньку не честно, не хвально́,
Не честно, не хва́льно, сквозь ребер его,
Да вознесли же душу вельми высоко́,
Да ввергнули душу во тьму глубоко́,
В тое злую муку, в геенский огонь:
«Вот тебе, душенька, вечное житье,
Вечное житье бесконечное!...»[100].

Точно такую же участь Бог уготовил и грешному Анике-воину:

---

[98] Библия. Л. 181 об. (первая фолиация). Ср. аналогичный текст в кн.: Ис. 37, 33–36.

[99] Там же. Л. 35 об. (пятая фолиация). Ср.: Ключ 1982. С. 46; Словарь библейского богословия. Стб. 20–21.

[100] Ср. чтение другого варианта этого духовного стиха:
...Ссылает Господь Бог грозных ангелей,
Грозных и страшных, немилостивых.
Как грозные ангели солетывали,
Они грудь у богатого разламывали,
Скипетром душеньку вынимывали,
Вынули душеньку в кровавы уста,
Посадили душеньку на востро копье,
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку в кипимый огонь...

Много Аника по земле походил,
И много Аника войны повоевал,
И много Аника городов разорял,
Много Аника церквей растворивши,
И много Аника лик Божиих поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника Христианския веры облатынил.
Добирается Аника до начального граду Ерусалиму,
И хочет Аника начальной град Ерусалим разорити,
И соборную церковь растворити,
И хочет лик Божий поругати,
И святые иконы переколоти...

Однако путь богохульнику преграждает Смерть, что «от Господа Бога попущённа», и повергает его «во прах»[101]:

Сослал Господь по Аникину душу
Двух ангелов, двух архангелов,
И вынули Аникину душу,
Сквозь ребер-костей,
И не че́стно, не хва́льно, и не ра́душно,
Посадили Аникину душу на копие,
И вознесли Аникину душу вельмы высоко́,
И возрынули Аникину душу во тьму глубоко́,
В муку вечную, во плящий огонь...[102].

(Голубиная книга. С. 122). В быличке «Шилихин пожар», описывающей, в частности, смерть колдуньи, изложена несколько иная картина расставания души нераскаянного грешника с мертвым телом: «какая бы там душа ни была, праведная ли, грешная ли, все одно, – душу из тела, окромя ангела Господня, никакой черт не смеет вынуть. После уже, как ангел-то вынет душу, черти-то и отобьют ее, есть-когда она грешная, а кольми паче еретицкая (т.е. колдуна. – *А. Б.*), отобьют, подцепят на багры да и поколябят (потащут. – *А. Б.*) во тьму кромешную» (Народная проза. № 252. С. 378).

101 Ср, например, русскую сказку-легенду «Побывальщинка», в которой в роли Смерти выступает светлый ангел (ВС Пермской губернии. № 62 (15). С. 312–317. Ср.: ВС Пермской губернии. № 62 (15). С. 531–532).

102 Стихи духовные. № 59, 63. С. 192–193, 197–198, 200, 202; Голубиная книга. С. 104, 109–110. Ср.: Стихи духовные. № 74. С. 211.

По наблюдению Г. П. Федотова, «эти немилостивые ангелы, Божьи посланцы, как будто отличны от демонов, которые в некоторых вариантах (духовных стихов. – *А. Б.*) заменяют их:

Ссылал Господь Бог (к «душе грешной». – *А. Б.*) трех пекельников,
Старших и больших, с железным крючьем,

хотя и «пекельники», т. е. обитатели пекла, посылаются Богом»[103]. Выше уже говорилось о том, что в аду роль палачей могут исполнять не обязательно бесы. Поэтому упомянутые в стихе «пекельники», равновероятно, принадлежат как к светлым «лютым» ангелам, так и к их антиподам, «духам сатанинским».

Свидетельство о светлых ангелах, направленных в преисподнюю из горнего мира для исполнения приговора, изреченного Спасителем на Страшном Суде, сохранил духовный стих «Михайло Архангел-грозный судия»:

...Рече Михайло Архангел чудотворец:
«Ангелы вы мои, архангелы!
Берите прутье железное,
Гоните вы злых-окаянных,
Гоните их в реку огненную,
Засыпьте их песком,
Завалите досками да чугунными,
Не чуть бы от них ни писку, ни верезгу,
Ни зубного бы скрежета!»...[104]

---

[103] *Федотов* 1991. С. 59. Ср. белорусское поверье о выдирании чертями, вооруженными крючьями, души из умершего чародея (*Богданович* 1895. С. 50–51).

[104] Стихи духовные. № 88. С. 241. Ср.: Голубиная книга. С. 247. Похожая ситуация описана и в «Стихе о блуднице»:

...Сослал Господь с небес двух ангелов, двух архангелов
Со прутьями со железными.
Погнали грешницу в тартарары,
В тартарары и скрозь преисподнию земли,
Засыпали перси *люты огненны* (ангелы; выделено нами. – *А. Б.*),
Чтоб не слыхать зыку-крику самому Христу,
Самому Христу, Царю Небесному...

В духовном стихе «Огненная река» грешников загоняют в пламенную реку преисподней уже не ангелы, но апостол Андрей Первозванный. Любопытно, что в быличке о молодце, проклятом родной матерью, железными раскаленными прутьями стегают грешников не «ангелы, <...> архангелы», а самые на-

Описывая наказание грешников по завершении Божественного Последнего Суда, автор духовного стиха лишь строго следует православной эсхатологической традиции. Чтобы убедиться в этом, обратимся к паралитургическим текстам, читатавшимся в эпоху позднего Средневековья в Неделю мясопустную – «Слову... о скончании мира и о антихристе[105], и о Втором пришествии Господа нашего И[и]суса Христа» блаженного Ипполита, папы Римского, и «Слову преподобнаго... Паладия мниха о Втором пришествии Христове и о Страшном Суде, и о будущей муце, и о умилении души» (оба вошли в состав старопечатного «Соборника» [М., 1647]). В первом из них, между прочим, рассказывается о судьбе, уготованной «силам сатанинским»: «Тогда приведен будет сын погибелный, сиречь диавол, с бесы своими и со слугами своими, от ангел лютых и напрасных, и предани будут огню негасимому и червию неусыпаемому, и тме кромешней»[106]. Во втором – повествуется об участи грешников, приговоренных к заключению в преисподней: «Тогда изыдут ангели Господни со оружии страшными и обыдут полки грешных... и абие совокупляют коегождо лика подобна ему, якоже плевелы связующе в снопы во время жатвы, и поженут их, якоже скот, к реце огненой и ко иным мукам комуждо по делом». Причем, как только «ангели, посланные от Бога на въвержение грешником по мукам различным», исполнят возложенные на них обязанности, они «возвратятся к Престолу <...> Бога Вседержителя И[и]суса Христа», после чего все ангельские чины «воспоют песнь красную», прославляющую Предвечного Судию[107]. Ла-

---

стоящие «дьяволы» (Стихи духовные. № 77, 89. С. 218, 242; Народная проза. № 229. С. 329).

[105] В подлиннике: «антихристех».

[106] Соборник. Л. 136. Эта цитату весьма точно воспроизвел составитель т.н. Свитка укоризненного Кириллу Транквиллиону Ставровецкому: «Приведен бо будет, – рече блаженный Ипполит, – сын погибелный, сиречь диявол, с бесы своими и со слугами своими, от аггел лютых и напрасных, и преданы будут огню негасимому и червю неусыпаемому, и тме кромешые». Причем, он снабдил текст глоссой на поле, отсылающей читателя к листу старопечатного московского издания (Свиток укоризненный Кириллу Транквиллиону Ставровецкому // *Опарина* 1998. С. 407–408).

[107] Соборник. Л. 152 об. – 153, 156. Ср.: Там же. Л. 154–154 об. Пассаж из Слова Палладия мниха о небесных экзекуторах грешников творчески использовал составитель т. н. Свитка укоризненного Кириллу Транквиллиону Ставро-

конически точно рассуждения святых богословов изложил внимательный читатель московского печатного Соборника, анонимный составитель Свитка укоризненного Кириллу Транквиллиону Ставровецкому (созданного между концом 1640-х и 1666 годами). По словам древнерусского книжника, сатана, «егда связан будет от святых ангел с бесы своими, и, от Бога уготованным ему и аггелом его вечным огнем жгом будет без конца. Но и грешнии по мукам от святых ангел ввержени имут быти и не имат им оскудети вечное оно мучение Божиим повелением...»[108].

Точно также в эсхатологическом повествовании о видении монахом Григорием Последнего Суда, помещенном в Первой и Второй славянских редакциях Жития преподобного Василия Нового, роль немилостивых экзекуторов грешников отводилась Божьим посланцам – «мучителемь anггеломь», среди которых встречались и обычные «аггелы», и «аггелы огньны», и «нагли аггелы», и специально поставленные «над моуками аггелы <огньны>» и т. д.[109]. Явная зависимость образов исполнителей приговора Страшного Суда Господня в житии византийского святого от образов лютых ангелов апокрифов, истязавших грешников в пекле еще задолго до Второго Пришествия Христова, ныне не подлежит сомнению. Более того не исключено, что именно небесные экзекуторы, столь колоритно описанные в эсхатологических сочинениях, послужили прообразом светлых ангелов-мучителей апокрифов, а те, в свою очередь, вдохновили автора известного памятника греческой агиографии.

вецкому: «Ангели Господни изыдут со оружии страшными и обыдут полки грешных и по разучении лик от лика, погонят их к реце огненней и начнут ударяюще реяти оружии огненными в реку огненныя и воскликнувше грешницы гласом великим, ввержени будут по мукам различным...». Изложение текста Палладия мниха также снабжено глоссой на поле, отсылающей к первоисточнику – Соборнику 1647 г. (Свиток укоризненный... С. 407).

[108] Там же. С. 410. Подробнее о датировке памятника см.: *Опарина* 1998. С. 394–396 (Искренне благодарю Т. А. Опарину за любезное указание на сюжет о светлых ангелах-мучителях грешников в Свитке укоризненном Кириллу Транквиллиону Ставровецкому).

[109] См.: *Вилинский* Ч. 2. С. 528–531, 533–535, 539, 542–543, 545, 550 и след. При этом славянские книжники заимствовали образ «огненного ангела» – экзекутора грешников из греческого протографа памятника (Там же. Ч. 1. С. 47, 51).

В то же время обитателями преисподней в русских духовных стихах вполне могут оказаться и обыкновенные бесы. О нечистых ангелах ада, например, рассказывается в одном из вариантов стиха «Два брата Лазаря»:

...И послал тут Господь за другою душей:
За душей богача – брата Лазаря.
Но послал тут Господь
Двух исподних духов,
Двух исподних духов –
Грозных ангелов.
Сатанинских духов, сильных нечистей.
Ухватили они душу Лазаря,
Душу Лазаря нечестивого, горделивого
В когти страшные, в когти медные
И внесли ее в ад, в пекло смердное...[110]

Отвратительные «огненные» бесы мучают в пекле и «грешную мать» из одноименного стиха:

...Впереди у нее стоят два деймона,
Проклятые, злые, огненные,
Бьют в уста ее камнями горячими.
А назади у нее стоят три деймона,
Проклятые, злые, огненные,
Дерут ее гребенками железными...[111].

Двойственность взгляда авторов духовных стихов на «лютых» ангелов, обитателей «геены огненной», порождает уникальную ситуацию, когда грань между светлым духом и чертом становится едва различимой, а сам этот художественный образ приобретает соблазнительную

---

[110] Ср.: Стихи духовные. № 84. С. 234–235.

[111] Голубиная книга. С. 126–127, 201, 203–204. Ср. чтение «Стиха про блудницу»:

...А глаголит сын своей матери:
«О мати моя родимая!
Чего ради позади тебя стоят (в аду. – *А. Б.*)
Два демона люты огненны
С крючьями со железными,
Терзают, мать, твое тело белое?»...
(Стихи духовные. № 77. С. 217).

способность к поразительной по своей неожиданности и стремительности «знаковой» трансформации.

* * *

Для того, чтобы понять истинное назначение метлы в снаряжении опричника, необходимо прежде уточнить сакральные функции метлы в народной и книжной культурах. По наблюдению Е. Е. Левкиевской, в славянской традиционной культуре семантика помела самым тесным образом была связана с идеей избавления от опасности и очищения[112]. Не случайно поэтому «выметание», как обряд освобождения от скверны, – типичный и устойчивый жест русских юродивых. Имперский дипломат фрайгерр С. фон Герберштайн (Герберштейн) вспоминал, например, о «юроде», который весной 1523 г. «выметал» из Москвы новгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича, заподозренного в государственной измене: «Намекая на это (обвинение. – *А. Б.*) некий юродивый... во время въезда Шемячича в Москву носил повсюду (с собой) метлы и лопату. Когда его спрашивали, зачем они ему, он отвечал, что держава государя (Василия III. – *А. Б.*) еще не совсем очищена, а теперь настает удобное время *вымести и выбросить всякую нечисть* (выделено нами. – *А. Б.*)»[113]. В конце 1666 или в начале 1667 г. другой «похаб», нашедший приют в Соловецком монастыре, точно также «вымел» из обители известного расколоучителя, дьякона Игнатия, избавив его, тем самым, от страшной судьбы мятежных иноков, погибших от рук стрельцов воеводы И. А. Мещеринова десять лет спустя, в конце 1676 г.

Широкую огласку приобрел инцидент с митрополитом Филиппом Колычевым, когда опальный владыка был «выметен» опричниками из

---

112 См.: *Левкиевская* 2002. С. 8, 124–125, 140–141, 178–179. Ср.: *Валенцова, Виноградова* 2004. С. 231.

113 *Герберштейн* 2008-I. С. 321. Менее полувека спустя, весной 1568 г., Грозный распорядился провести по московским улицам арестованных советников митрополита Филиппа Колычева, старца Леонтия Русинова, инока Никиту Опухтина (Апухтина), Федора Рясина и Семена Мануйлова, над головами которых опричники вертели своми помелами (вариант: избивали «жезезными хлыстами» [?!]), символически «выметая» измену из столицы (*Колобков* 2004. С. 300–301. Ср.: *Таубе и Крузе*. С. 43).

кремлевского Успенского собора[114]. Между тем подобным же образом «московиты» (по крайней мере, столичные жители) поступали и с западными христианами, осмеливавшимися на посещение православных церквей. «И если кто из любопытства проберется туда (в храм. – *А. Б.*) тайком, они (русские. – *А. Б.*) сейчас же выводят его (иноверца. – *А. Б.*), схвативши за плечи, *и выметают после него пол, чтобы очистить его от осквернения поганым прикосновением* (выделено нами. – *А. Б.*)», – писал другой «цесарский» посол барон А. фон Майерберг (Мейерберг)[115]. Как свидетельствовал один из лидеров церковного раскола середины XVII в., протопоп Аввакум Петров, отчасти похожие испытания выпали на долю его единомышленника, муромского протопопа Логгина. По совлечении с него сана на литургии в Успенском соборе, Логгин «разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая[116], и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил». На полунагого нарушителя храмового благочиния «возложили чепь и, таща из церкви, *били метлами* (выделено нами. – *А. Б.*) и шелепами[117] до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку...»[118].

Совершая ритуальное «выметание» из какого-либо конкретного места или территории прогневивших их людей, юродивые (или представители церковных и светских властей) поступали в полном согласии с расхожими народными представлениями о сакральных свойствах метлы[119],

[114] См.: *Панченко, Успенский* 1983. С. 73–74. Ср. рассказ об насильственном удалении святителя Филиппа из Успенского собора в Тулуповской редакции его Жития: «Пришедшии (опричники во главе с А.Д. Басмановым. – *А. Б.*) <...> нападоша на святаго, яко суровии зверие, и совлекоша с него святительский сан..; и возложиша на него ризы иноческия многошвенны и раздранны и изгнаша его из церкви, и посадиша его на возило (вариант: «дровни». – *А. Б.*), и вне града повезоша, ругающеся. Инии же ко исходу дебри реюще *его* (Филиппа. – *А. Б.*) и м е т л а м и (разрядка наша. – *А. Б.*) биюще, и тмами злодейственныя укоризны приношаху ему» (Житие и подвизи, и от части чудес исповедание, иже во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московскаго и всея Росии // *Колобков* 2004. С. 583–584; Сл.РЯ. Вып. 4. С. 197 [«дебрь» – ров]; там же. Вып. 22. С. 158 [«реяти» – толкать]).

[115] *Мейерберг*. С. 70.

[116] В тот день патриарх служил обедню в своем кафедральном храме в присутствии царя Алексея Михайловича и царицы.

[117] «Шелеп» – плетка, кнут (*Даль*. Т. 4. С. 627).

[118] Житие протопопа Аввакума. С. 67.

[119] Подробнее об этом см.: *Виноградова, Толстая* 1995. С. 307–313.

зафиксированные в позднейших фольклорных памятниках и записях этнографов XIX–XX столетий. Благодаря чудесным обстоятельствам, главный герой севернорусской сказки «Купец Скоробогатой» (услышанной братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми в экспедиции 1908–1909 годов) получил во владение несметные сокровища, женился на дочери аристократа и «стал жить-поживать, добра наживать, лихо проживать, а зло со двора метлами провожать»[120]. По-видимому, слова о «проводах» зла с крестьянского (в нашем случае – купеческого) подворья метлами могли быть навеяны весьма распространенными обереговыми обрядами изгнания демонических существ: «лихого» домового и кикиморы. Для того, чтобы избавиться от враждебного, чужого, домового, крестьянину надлежало объехать на коне свое хозяйство, размахивая в воздухе помелом и приговаривая: «Батюшка, домовой! Не разори двор, не погуби животину», при этом для достижения бульшего эффекта метлу следовало обмакнуть в деготь, «чтобы отметить домовому лысину, после чего он убегает со двора»[121]. В том случае, если в доме появлялась кикимора, хозяин приглашал ведуна, который, обметая печь и углы избы, творил заклинание: «Ах, ты, гой еси кикимора домовая! Выходи из горюнина дома скорее, а не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-полымем, зальют черной смолою»[122]. После таких магических действий, опасное инфернальное создание должно было исчезнуть[123]. Однако по-

---

[120] СПБелоз. Кн. 1. № 94. С. 432.

[121] *Афанасьев.* ПВС. Т. 2. С. 97; *Он же.* 1986-а. С. 42; *Левкиевская* 2003. С. 296; *Криничная* 2004. С. 219. Ср. описание аналогичного обряда (без участия лошади), который надлежит совершать в ситуации, когда противоборствуют два домовых: «Если заметят, что чужой домовой одолевает своего, тогда хозяин дома берет новую метлу и начинает ею хлестать по всем стенам двора говоря: «Постой-ко, дедушка домовой, я те помогу». После чего чужой домовой уходит. Чужие домовые воруют корм у скота, поэтому крестьяне их и замечают» (*Померанцева* 1975. С. 111).

[122] Афанасьев. ПВС. Т. 2. С. 102. Ср. использование метлы для изгнания болезни и чар в сербскохорватских и белорусских заговорах (*Раденкович* 1989. С. 144; *Кляус* 1997. С. 57 [1/VIII.2.1/А2; 1/IX.1.1/А2; 2/IX.1.1/А2], 58 [1/IX.2.1/А2 – 2/IX.5.1/А2], 59 [1/X.1.1/А2 – 5/X.2.1/А2] и след.)

[123] Ср. изгнание нечистой силы при помощи метлы и веника-голика в русской народной сказке «Мужик и черт», а также широко распространенный обычай «отпугивать» последним болезни (*Худяков И.А.* 2001. № 65. С. 216–217; *Криничная* 2004. С. 75).

мело использовалось не в одних только обереговых церемониях, непосредственно связанных с избой или подворьем. Во время Великого Поста происходил не менее важный обряд – заговор змей: произнося заклятья, ворожея верхом на метле объезжала от запада к востоку луг; в руках она держала кнут, размахивая им в воздухе и ударяя по земле. Позади нее шел старик-помощник, заметавший помелом след, оставленный заклинательницей[124]. Столь же откровенно сакральный характер «заметанию следа метлой» придается в русских народных сказках, где идет речь о Бабе-Яге, летящей в ступе по небу[125]. Причем, устойчивая сказочная формула: «Баба-Яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирает), помелом след заметает», получила широкое хождение в качестве самостоятельного паремийного текста – пословицы[126].

Метла, наряду с кочергой, ухватом, лопатой и голиком, принадлежала к атрибутам очага, с которым в славянском язычестве было связано немало магических обрядов. Благодаря этому обстоятельству, все перечисленные предметы воспринимались великороссами, украинцами и белорусами не иначе, как священные, наделенные, к тому же, сверхестественной энергией[127]. Например, для того, чтобы умилостивить «своего» домового, рассердившегося на хозяев, совершался обряд, называемый «кудесы». Суть его состояла в следующем: в полночь деревенский колдун резал петуха, выпуская кровь жертвенной птицы на голик, а затем, со специальными заговорами, выметал им все углы в избе и на дворе. Продолжалась такая церемония до пения последних петухов[128]. Помимо того, во многих регионах России помело, наравне со сковородой, лопатой и кочергой, считалось на-

---

[124] См.: *Афанасьев*. ПВС. Т. 1. С. 574. Примеч. 2.
[125] См., например: ВС Вятской губернии. № 97. С. 304.
[126] *Даль*. ПРН. С. 934, 975.
[127] См.: *Афанасьев* 1986-б. С. 67; *Он же*. 1996-б. С. 59. Ср.: *Зеленин* 1991. С. 144; *Криничная* 2004. С. 108.
[128] См.: *Афанасьев* 1986-а. С. 43. Ср.: *Криничная* 2004. С. 124 (изгнание «лихого» домового). С сакральным *выметанием* был тесно связан и обряд проводов Масленицы домой в Пошехонском уезде. Для ритуального масленичного поезда специально изготавливалась большая повозка, причем ее рогожная кибитка обязательно вся выпачкивалась и увешивалась *вениками*. На конях, впряженных в эту повозку, восседали вершники в рубищах, вымазанные в саже и с коровьими колокольцами на шеях, одни из них держали в руке «большой кнут своего изделия», другие – *метлу* (*Соколова* 1979. С. 30).

дежным обереговым средством для спасения еще не созревшей хлебной нивы от сильного дождя или грозы. Желая защитить свои посевы, крестьяне просто выбрасывали какой-нибудь из этих атрибутов домашнего очага за порог избы. В Нижегородской губернии было широко распространено поверье о благотворных последствиях еще одного магического ритуала с использованием метлы: утром Великого Четверга каждый сельский хозяин, дабы его не покинуло счастье, объезжал избу верхом на помеле[129].

Волшебные свойства метлы, как сакрального предмета языческого культа, в полной мере раскрываются в русских народных сказках и быличках. Прежде всего, помелом в качестве средства передвижения пользуются ведьма и Баба-Яга, причем в последнем случае явно происходит контаминация образов сказочной лесной старухи (или ее дочери) и колдуньи[130]. При этом зачастую метла приобретает способность к оборотничеству: в одной из быличек бабушка-ворожея, спасая от своих товарок постояльца-солдата, из любопытства увязавшегося за ней на шабаш, дает ему коня, который по возвращении домой превращается в обыкновенное помело[131]. В севернорусской сказке «Охотник и Чудо-мужик» колдун смог вернуть человеческий облик крестьянину, обращенному в воробья, исхлестав его метлой[132].

Наконец, при помощи помела (или нескольких метелок) сказочный богатырь уничтожает огромное вражеское войско. В Сказке о Еруслане Лазаревиче, кстати говоря, бытовавшей в древнерусской письменности в трех независимых друг от друга редакциях уже в XVII столетии, рассказывается, в частности, о чудесном разгроме полчищ князя Данилы Белого: «Он (Еруслан. – *А. Б.*) не поглядел, сходил на сарай, взял две метелки и выехал погулять с Данилиным войськом. Это все войсько этими метлами все и погубил. Без сабли, без тесака все попленил, без меця (меча) и без копья»[133]. Герой

---

[129] См.: *Афанасьев.* ПВС. Т. 1. С. 574. Примеч. 2; Там же. Т. 3. С. 458. Сакральный характер метлы проявился и в приметах, связанных с этим атрибутом домашнего очага. Одна из них, например, гласила: «Через помело шагать – тяжело детей родить» (*Даль.* ПРН. С. 939).

[130] Подробнее об этом см., например: *Власова* 1995. С. 71, 371; *Афанасьев* 1996-б. С. 56. Ср.: ВС Вятской губернии. № 27. С. 139; Северные сказки. Кн. 2. № 241. С. 192.

[131] См.: Народная проза. № 260. С. 388–389. Ср.: *Криничная* 2004. С. 430.

[132] См.: СПБелоз. Кн. 1. № 88. С. 419.

[133] Там же. № 115. С. 496–497. Подробнее о бытовании Сказки о Еруслане Лазаревиче в древнерусской письменности см., например: *Пушкарев* 1980. С. 27–55.

русской сказки «Волшебный конь», Иван-крестьянский сын, обманом завладев чудодейственными помелом и клюкою, использует их против захватчиков, посягнувших на его отечество: «Долго ли, коротко ли, подъезжает он (Иван. – *А. Б.*) к своему государству и видит, что крестного отца (тамошнего монарха. – *А. Б.*) постигла беда немалая: все царство повоевано, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит все огнем пожечь, самого царя злой смерти предать. Иван-крестьянский сын <...> полетел на войско вражее; где помелом махнет – там улица, где перемахнет – там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьем приволок в стольный город»[134]. Метафорически переосмыслен образ метлы, истребляющей «силу поганую», в русской былине «Нашествие татар» («Наезжал собака-вор Каин царь...») из собрания П. Н. Рыбникова. В ней помело предстает уже не в качестве волшебного оружия, непосредственно уничтожающего войско противника, но, скорее, как материализованный символ победы над ним. Ср.:

...Как на тую пору на то времячко
Наехал дядюшка Самсон да сын Манойлович
Со своею дружиной со хороброю,
Как метлой пахнули силу поганую (войско басурманское. – *А. Б.*)
И убили собаку-вора царя Каина...[135]

Аналогичная образная функция усвояется помелу и в былине «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», записанной в Пудожской земле:

...Ну как пошел Ильюшка биться да ратиться,
Как заступился мужицёнков за черниговцев,
А поганое Идолище что метлой спахал,
Как метлой-то ён спахал одни сутоцьки...[136]

Образ помела как магического атрибута Смерти, с помощью которого отбирается у человека жизнь, был хорошо известен не только в восточнославянском фольклоре[137], но и в русской художественной литературе Новейшего времени. В стихотворении «Смерть-уморушка»

---

[134] *Афанасьев*. НРС. Т. 2. № 185. С. 28–29.
[135] *Рыбников*. Ч. 3. № 36. С. 221. Ср.: *Афанасьев*. ПВС. Т. 1. С. 275. Примеч. 1.
[136] Былины Пудожского края. № 31. С. 274. Ср.: *Селиванов* 1990. С. 67 (297.1.2.).
[137] Подробнее об этом см.: *Седакова* 2004. С. 65. Русские крестьяне нередко клали под голову умирающему метелку или веник, дабы облегчить его агонию и приблизить смерть (Там же. С. 49).

(1933–1936 годы) великолепный знаток крестьянской культуры, поэт и прозаик С. А. Клычков, между прочим, писал:

...Тычет Смерть-уморушка
В руки помело!
Закричал Егорушка,
Разбудил село [138]!..

Любопытная параллель народному взгляду на помело обнаруживается в Ветхом Завете. В синодальном переводе Книги пророка Исайи на русский язык, восходящем к еврейскому протографу так называемых «полных пророков», упоминается «метла истребительная», коей Господь «выметет» Вавилонскую державу в наказание за пленение «народа Божия» (Ис 14, 22–23). Однако в славянском тексте этого памятника, помещенном, например, в Острожской Библии 1581 г., пассаж о помеле отсутствует. Дело в том, что в печатной Библии начала 80-х годов XVI в. пророчества Исайи представлены болгарским переводом с греческого так называемых «толковых пророков» с изъятием толкований, заимствованном, в свою очередь, из Геннадиевской Библии 1499 г.[139] Причем, по тонкому наблюдению И. Е. Евсеева, творческую манеру переводчика первоначальной редакции «толковых пророков» (а именно ею в конце XV столетия воспользовались книжники из окружения новгородского архиепископа Геннадия Гонзова) отличал ярко выраженный конфессиональный пуризм. Сталкиваясь в подлиннике с термином, как-либо связанным с языческими обрядами, он обычно старался или заменить его максимально нейтральным в вероисповедальном смысле славянским эквивалентом, или совсем исключить из текста перевода. Очевидно, поэтому хорошо известная в язычестве «метла истребительная» оказалась выпущенной из первоначальной редакции перевода «толковых пророков» и, следовательно, не попала в библейские кодексы 1499 и 1581 годов. Другим источником, сохранившим для отечественных интеллектуалов возможность познакомиться с творениями ветхозаветных пророков на родном языке, оставался славянский Паремийник. Между тем тексты двадцать второго и двадцать третьего стихов из четырнадцатой главы Книги пророка Исайи в его состав не вошли, поскольку не отно-

---

[138] *Клычков*. Т. 1. № 253. С. 260.
[139] См.: *Алексеев А.А.* 1999. С. 198; *Евсеев*. Ч.1. С. 31.

сились к числу обязательных чтений из Ветхого Завета, включенных в годовой круг богослужения[140]. Ср.:

Острожская Библия 1581 г.	***Синодальный перевод Библии на русский язык***
И въстану на ня, глаголет Господь Саваоф, и погублю имя их и останок, и племя, се глаголет Господь. Положу Вавилона пуста, яко въгнездитися ежем, и будет ни во что же, и положу и брению[141] и ождь в пагубу, се глаголет Господь Саваоф[142].	И восстану на них, говорит Господь Саваоф, и истреблю имя Вавилона и весь остаток, и сына и внука, говорит Господь. И сделаю его владением ежей и болотом, и вымету его метлою истребительною, говорит Господь Саваоф.

Отсюда следует, что представление о метле как о чудесном оружии, насмерть поражающем врага, сложилось исключительно под воздействием воспоминаний о языческих верованиях с нею связанных, и на формирование которых никак не повлияла христианская книжность. Иными словами, в традиционной культуре помелу усваивалась весьма важная функция очистительного ритуального предмета, способного не только надежно защитить человека от враждебных злых сил, но и помочь ему одолеть любого противника из инфернального или земного, сюстороннего миров. Именно в качестве магического орудия (притом, языческого по своей природе), позволявшего его обладателю с одинаковым успехом сражаться как с демонами, так и с «окаянными» людьми, метла весьма подходила на роль одного из сакральных атрибутов опричного воина. При этом факт использования помела в едва ли не тех же целях православными юродивыми создавал уникальную социопсихологическую ситуацию, когда царские «кровоядцы», с их добровольным отказом от норм общепринятого поведения, как бы уподоблялись столь почитае-

---

[140] См.: Там же. С. 11, 31–32.
[141] «Брение» – болотная тина (*Срезневский*. Т. 1. Стб. 184).
[142] Библия... Л. 76 (вторая фолиация). Греческий термин «βάραθρον», означавший «пропасть» или «смерть», переводчик «толковых пророков» передал как «ождь». В Острожской Библии вместо «ождь» ясно читается «пождь» (Чтение ветхозаветного текста уточнено по кн.: *Евсеев*. Ч. 1. С. 93. Ср.: *Вейсман*. Стб. 244).

мым на Руси блаженным «похабам», чьи поступки в повседневной жизни, судя по памятникам агиографии, отличались изрядной долей экстравагантности. Однако невозможно всерьез рассматривать опричника в качестве, пусть весьма специфической, культурно-типологической «реплики» Божьего безумца – «юрода»: последние, в отличие от первых, никогда не выступали в амплуа карателей и палачей, удовлетворяясь положением милосердных обличителей человеческих пороков[143].

При рассмотрении всех символических аксессуаров снаряжения «опришнинцов» в их целокупности, возникает совсем иной прообраз государева слуги – светлого ангела-мучителя древнерусских апокрифов (и отчасти духовных стихов), обитающего в преисподней, единственной задачей которого было безжалостное физическое наказание грешников. В этом контексте вполне удобно рассматривать собачью голову как мистический двойник страшного адского пса, а метлу – священного оберега и мощного магического оружия для борьбы с бесами и неправедными, преступными людьми. Причем, функциональная тождественность Божьего ангела-мучителя и его антипода, инфернального демона-«пекельника», сообщала семантике опричного воина соблазнительную двойственность, почти стиравшую и так чрезвычайно зыбкую границу между светом и тьмой, добром и злом. Между тем точно такая же амбивалентность была свойствена символике собак и медведей, нередко использовавшихся «тираном Васильевичем» для казней опальных подданных и военнопленных. Создавая столь изощренный семиотический образ «опришнинца»-«кромешника», Иван Грозный явственно продемострировал прекрасное знание как «высокой» книжной, так и традиционной народной культуры. В связи с этим отнюдь не случайным кажется интерес московского самодержца к культу архангела Михаила, в честь которого, прикрывшись литературной маской Парфения Уродивого, он составил специальные Канон и молитву «Ангелу грозному и воеводе...». Примечательно, что по воле царственного автора, Архи-

---

[143] Противоположной точки зрения на царских слуг, как уже говорилось выше, придерживается П. Хант. Дабы успешно преодолеть возникающее логическое противоречие между взаимоисключающими друг друга ипостасями божьего «похаба» и карателя-палача, исследовательница настаивает на одновременном уподоблении опричников как юродивым, так и служителям Ангела Смерти, архистратига Михаила (*Хант* 2003. С. 277–279).

стратиг Небесных сил предстает в Каноне лишь в одной из своих ипостасей – «смертного ангела», исторгающего душу в момент смерти[144]. Взгляд средневекового человека на Архангела Михаила очень точно передала О. А. Добиаш-Рождественская: «Светлое и мрачное чередуется в нем. В нем надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно увидеть. С другими святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море... Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. *Это гневный Бог и святой сатана* (выделено нами. – *А. Б.*). Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде»[145]. Иными словами, образ светлого ангела – беспощадного экзекутора грешников в полной мере соответствовал умонастроению «тирана Васильевича», известного своим почитанием культа «ангела смерти», «грозного воеводы Небесного воинства» – Архангела Михаила.

Таким образом, изучение семантики таких атрибутов снаряжения опричников, как черное платье, отрубленная собачья голова и помело не оставляет сомнений в том, что их символическими двойниками были «светлые» лютые ангелы древнерусских апокрифов и духовных стихов, мучающие, по воле Господа, грешников в аду. И, напротив, в этом качестве не могли выступать их «знаковые» антиподы – бесы или инфернальные кинокефалы.

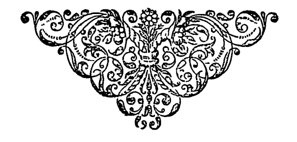
---

[144] См.: *Лихачев Д.С.* 1972. С. 10–27. Ср.: *Панченко, Успенский* 1983. С. 68–70.

[145] *Добиаш-Рождественская* 1917. С. 392 (*гектограф*). К сожалению, данное исследование оказалось недоступным для автора этих строк, отчего оно цитируется по изд.: *Панченко, Успенский* 1983. С. 71.

КОММЕНТАРИИ

2–1. *Великого князя...* – Штаден именует Ивана IV не царем (официальным титулом с 1547 г.), но великим князем, следуя при этом литовско-польско-папской традиции. В Империи же его отца Василия III, лишь стремившегося совершить царское венчание, в 1514 г. «признали» царем (*Герберштейн* 2008-II. С. 42-43. На протяжении всего XVI столетия вопрос о царском титуле оставался одним из самых спорных как внутри России, так и за ее пределами. Он постоянно всплывал во время сношений Княжества всея Руси и Российского царства с Великим княжеством Литовским, а после 1569 г. – с Речью Посполитой (*Хорошкевич* 2003-а).

2–2. ...*Московского*... – в каком значении в данном случае употреблен термин *Moscau*, сказать трудно, так как в зарубежной публицистике этого времени топоним употреблялся для обозначения и столицы государства, и всей страны. Однако судя по тому, что далее в предложении идут слова «*deß ganzenn Lanndes Beschreibung*», то есть «описание всей страны», можно думать, что термином Москва в данном случае обозначалась лишь столица. К тому же в дальнейшем тексте страну Штаден почти постоянно называет *Reuslant*. Иного мнения придерживается С. О. Шмидт, безоговорочно зачисляя Штадена в число тех иностранцев, которые называли Русь и Россию «Московией» (*Шмидт* 1999. С. 267).

В одной фразе Штаден употребляет два термина политико-географического содержания – *Reuslant* и *Stat Muscau*. Фердинанд первоначально перевела переводят второй оборот как «государство Московское», что на первый взгляд кажется противоречащим первому термину. Дело, однако, в том, что первый из них покрывал все пространство Российского царства, второй – относился исключительно к территории города. Подобное словоупотребление характерно уже для конца XV – начала XVI в. Об этом свидетельствуют духовная грамота Ивана III, которой великий князь благословлял «сына своего старейшаго Василья своею отчиною, великими княжствы, чем мя благословил отець мои и что

ми дал Бог» (ДДГ. № 89. С. 354. [1504] г.) и наказ послу в Крымское ханство Ивану Ощерину от августа 1504 г., в котором предусматривалась возможность вопроса крымцев о том, «кого ныне князь велики пожаловал под собою государьствы великими княжствы» (Сб. РИО. Т. 95. № 98. С. 535). Однако ни в духовной, ни в наказе эти «княжства-государьства» не поименованы. Зато они имеются в докончании Василия Ивановича с Юрием Ивановичем от 16 июня 1504 г. – Владимирское, Московское, Новгородское, Псковское и Тверское (ДДГ. № 90. С. 364. 16.VI.1504 г.) Три из поименнованных в докончании 1504 г. земель действительно были великими княжествами, однако причисление к таковым Новгорода и Пскова возможно лишь при допущении, что в момент их окончательного присоединения они уже находились под непосредственной властью великого князя (См. подробнее: *Хорошкевич* 2004-а. S. 102-127). Если принять такое толкование термина «государство», то никакого противоречия в словоупотреблении этих терминов не окажется. Дальнейший рассказ Штаден ведет именно о Московской отчине, бывшей некогда великим княжеством, а с конца XV в. одним из «государств» в пределах Княжества или Государства всея Руси.

Форму «*Muscau*» Фр. Эпштейн, вслед за Г. Ильинским, объясняет тем, что ударное *о* в первом слоге произносилось как *у*, что и нашло отражение в записках иностранцев (*Epstein*. S. 1. Anm. 5; *Iljinskij* 1927. S. 108. Anm. 1).

И. И. Полосин переводит, архаизируя стиль,– с предлогом *на*. Действительно *на* и *в* были в то время в русском языке взаимозаменяемы. Однако в оригинале стоит предлог «*in*», который не дает основания для подобного перевода.

2–3. Фраза считалась безнадежно испорченной (*Epstein*. S. 1. Anm. 2). Думается, нарушен порядок слов и дважды ошибочно переписаны слова «*wie darinnen*». Предложение можно было бы реконструировать таким образом: *Des Grossfürschtenn inn der Moscau Regirung, deß ganzenn Lanndes Beschreibung, wie darinnen nach allerhandt gelegenhetten undt vmbstendenn gehandelt vnndt gelebtt wirdt* и соответственно перевести: Великого князя в Москве правление, всей страны {земли} описание, какие в ней согласно различному местоположению и обстоятельствам соблюдают обычаи и как живут.

2–4. *...Римскому императору и королю Венгерскому и Чешскому... Рудольфу* – император Священной Римской империи (с 1576 г.), венгер-

ский (с 1572 г.) и чешский (с 1575 г.) король Рудольф II (1552–1612). Его политика контрреформации вызвала протест в различных частях Империи, в результате которого в 1609 г. Чехии была предоставлена свобода вероисповедания. Его младший брат Матвей, опираясь на дворянство, в 1608 г. получил власть над Верхней и Нижней Австрией, Венгрией и Моравией. В 1611 г. Рудольф отрекся от престола.

Штаден использует обычную со времен Фердинанда I формулу обращения к императору (*Epstein.* S. 1. Anm. 3; см. подробнее: *Lünig* 1720. S. 400). Титулатура Рудольфа указывает на то, что данная часть комплекса написана или отредактирована после 1575 г.

3–1. *...князья или фюрсты...* – думается, Штаден неправомерно ставит на одну доску русских князей и немецких фюрстов. Последние в третьей четверти XVI в. выступали по преимуществу в качестве глав самостоятельных политических образований самых разных размеров. В России все князья, за исключением последнего, Владимира Андреевича Старицкого, на протяжении XVI в. потеряли политическую независимость и превратились в «холопей государевых».

3–2. *... имевшие свои уделы...* – лишь часть князей сохранила свои родовые вотчины. Штаден же пишет, что у всех у них были *apgeteilete lande.* Полосин осторожно переводит это выражение как особые им выделенные области (1925) или удельные (1938) земли. В немецком выражении ясно звучит нота не наследственного приобретения земель, то есть удела, но отделения – «Особые отделенные земли». Эпштейн и Фердинанд считают немецкое выражение буквальным переводом русского термина *удел.* Однако трудно думать, что Штадену было доступно точное понимание этого последнего термина, поскольку к числу владельцев подобных земель он относил не только членов московского правящего дома, но и бояр.

3–3. *...города...* – Полосин переводит – замки; Фердинанд – города; Эпштейн, в соответствии с Гриммом (*Grimm.* Bd. IV. Th. 2. S. 634), предлагает оба эти толкования, не соответствующие, впрочем, русской действительности.

3–4. *...дворы...* – И. И. Полосин в 1925 г. слово *Heuser* переводил как *дворы*; в 1938 г., под влиянием Эпштейна – *замки.* Между тем русским реалиям того времени больше бы отвечал термин *усадьба.*

3–5. *князь Владимир Андреевич* – Владимир Андреевич Старицкий (1535–1569), двоюродный брат царя, сын Андрея Ивановича Старицко-

го, в 1537 г. поднявшего мятеж против вдовы Василия III – Елены Васильевны Глинской, которая не передала ему волоцких земель в соответствиями с условиями завещания покойного мужа, и пытавшегося 2 мая 1537 г. отъехать в Новгород Великий. Попытка мятежа Андрея Старицкого не удалась. В начале июня он был заточен, а 10 декабря того же года умер (*Зимин* 1960. С. 243-248). Князь Владимир и вдова кн. Андрея – Евфросинья Старицкая были выпущены из «нятства» в 1540 г. Ближайший родственник Ивана IV и единственный взрослый, а посему и наиболее возможный претендент на великокняжеский, а затем с 1547 г. и царский трон, Владимир Андреевич в течение всей своей жизни служил знаменем бояр, не соглашавшихся с политикой, по преимуществу внешней, проводившейся Иваном IV. Во время так называемого «мятежа» 1553 г., случившегося в условиях внешнеполитического кризиса и болезни царя, именно он был назван в качестве возможного претендента на царский трон. Страх царя потерять власть, усугубляемый непризнанием его царского титула со стороны части боярства и нежеланием последнего участвовать во внешнеполитических авантюрах царя, трагически сказался на судьбе Владимира Андреевича. С 1554 г. последний потерял право пополнять свой двор новыми людьми. В 1563 г. Владимир Андреевич стал рупором настроений боярства, именно он ходатайствовал перед Иваном IV о прекращении похода в Великое княжество Литовское после захвата Полоцка. И поплатился за это потерей части земель, а его мать – властная и честолюбивая княгиня Евфросиния Старицкая – новой потерей свободы (она была насильно пострижена в монахини). Очередное осложнение внешнеполитических отношений с ближайшим западным соседом России сопровождалось сменой земель Владимира Андреевича: вместо Старицы и Звенигорода он получил Дмитров и Верею. Внешнеполитический кризис 1569 г., наступивший в результате авантюрной политики царя, неудачи на западном фронте, голод и эпидемии в северо-западных русских землях обострили противоречия с неофициальным главою робкой боярской оппозиции. В том же 1569 г. он был обвинен в покушении на жизнь государя и отравлен. Подробнее см. комм. 16 об.-3.

Показательно однако, что и десятью годами позже Штаден ставил его на первое место среди князей «Московского государства». Стало быть, память о нем была жива в России и в 70-е годы. А в Ливонии его имя связывалось с новым ставленником Ивана IV – датским герцогом

Магнусом, которого царь женил на младшей дочери Владимира Андреевича от второго брака с Евдокией Романовной Одоевской – Марии.

3–6. *князь Дмитриевич Бельский* – Иван Дмитриевич Бельский, Гедиминович (от Владимира Ольгердовича Киевского), внук выходца из Великого княжества Литовского 1482 г. Федора Ивановича Бельского и княгини Анны Рязанской. Его положение очевидно отличалось от положения удельного князя Владимира Андреевича, он, как и его отец и дед, был служилым князем. Активно участвовал в обороне «крымской украины» и в Ливонской войне (воевода Большого полка в походе на Полоцк). Несмотря на свойство с царем в результате женитьбы 1554 г. на двоюродной племяннице Ивана IV Марфе Васильевне Шуйской член Ближней (Навысшей, по терминологии царя и И. П. Федорова 1562 г.) думы, наместник владимирский и навысший воевода того же 1562 г. и один из глав Земщины постоянно находился у царя на подозрении в изменнических намерениях, поскольку в 1534 г. его дядя Семен Федорович выехал в Великое княжество Литовское. Накануне введения опричнины был обвинен в желании бежать в Литовское княжество и отпущен на поруки 149-ти человек (СГГД. Ч. 1. № 175). В 1567 г. снова обвинен в сношениях с польским королем и великим князем литовским Сигизмундом II (впрочем, к написанию в высшей степени оскорбительного для Сигизмунда Августа ответа от его имени несомненно приложил руку сам царь), но сумел оправдаться и даже получил отобранные у него в 1562 г. Луховские земли. Погиб в московский пожар во время набега крымского хана Девлет-Гирея 1571 г. На помин его души Иван Грозный пожаловал земли ряду монастырей (*Милютин* 1859. С. 94. Прим. 186; АЮ. Т. 1. № 126; АИ. Т. 5. № 182, 200).

3–7. *князь Михаил Воротынский* (в оригинале фамилия передана с типично московским аканьем – *Waratinsky*), как и Бельский, принадлежал к черниговскому роду Великого княжества Литовского, восходящему к кн. Михаилу Семеновичу Черниговскому (из Перемышля), представители которого на Руси заняли положение служилых князей (*Зимин* 1972. С. 404 и др.). Все они активно участвовали в обороне Великого княжества Руси и Российского царства, однако их положение в Государстве всея Руси и Российском царстве было неустойчивым. Так Иван Михайлович попал в опалу в середине 20-х годов XVI в. В 1525 г. он был прощен (ПСРЛ. Т. 24. С. 22; СГГД. Ч. 1. № 154. С. 425-427) и попрежнему владел своим уделом (Воротынск, Перемышль, Старый Одоев, Ново-

силь. См.: *Зимин* 1988. С. 133). Повторил судьбу отца, умершего в 1535 г., и М.И. Воротынский, по словам Курбского, «муж зело крепкии и мужественныи, в полкоустроениях зело искусныи» (РИБ. Т. 31. Стб. 287). М. И. Воротынский с 1543 г. был воеводой на южных рубежах России, а в 1552 г. прославился при завоевании Казани, где был вторым воеводой Большого полка. За это он был пожалован почетным званием «слуги», что однако не исключало ряда периодов опал. В сентябре 1562 г. он был отправлен в тюрьму на Белоозеро, а удел Воротынских (Воротынском и Перемышлем он с братом Александром владел по третям См.: *Зимин* 1988. С. 133; *Назаров* 1969. № 2. С. 210-218) был ликвидирован. В апреле 1563 г. по нем были взяты две поручные грамоты. Одну дали восемь бояр на 15 тысяч рублей, другую – на такую же сумму 100 княжат и детей боярских (СГГД. Ч. 1. №№ 178, 179. С. 487-489). Ситуация повторилась в 1565 г. Возвращенный из ссылки в апреле 1566 г. М.И. Воротынский вместо родовых земель – трети г. Перемышля и Воротынского у. получил Одоев, Новосиль и острог на Черни (Там же. № 189-191; см. подробнее: *Веселовский* 1947. 113-114; *Зимин* 2001. С. 107; *Беликов, Колычева* 1992. С. 94-98, 110-117). Летом 1566 г. (28 июня – 2 июля) участвовал в Земском соборе, принявшем губительное для страны решение о продолжении Ливонской войны (*Хорошкевич* 2003-а. С. 443-445). В это же время князь составил свою духовную, согласно которой города Одоев и Новосиль и острог Чернь должны были перейти его сыну Ивану (АСЗ. Т. 3. № 86. С. 73-74. VI. 1566 г.)

Как и И. Д. Бельскому, М. И. Воротынскому в июле 1567 г. было направлено предложение Сигизмунда Августа перейти к нему на службу. И на этот раз в составлении ответа «Воротынского» заметно участие царя или лиц из его ближайшего опричного окружения. Несмотря на обвинение Воротынский не подвергся опале. Но в 1569 г. его прежние земли были отобраны, взамен них он получил Стародуб Ряполовский в качестве вотчины и села в Муромском и Нижегородском уездах (АСЗ. Т. 3. № 86. С. 75. IV. 1569; *Юрганов* 1992. С. 53, 54, 68, 70). В 1571 г. снова отправлен на охрану южных границ, ему поручалось ведать «станицы и сторожи и всякие... польские службы», в связи с чем при его участии или авторстве в это же время был составлен устав сторожевой службы, что, впрочем, не помогло предотвратить набега Девлет-Гирея с тяжелейшими последствиями для России и ее столицы. Во время этой службы, находясь в Серпухове, 15 мая 1571 г. М.И. Воротынский сделал очередную

припись к своему завещанию, в которой, сообщая об отказе И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева выступить его душеприказчиками, всю надежду исполнения своей духовной возлагал на царя. Второй набег крымского хана был прерван победоносной битвой Воротынского с крымцами при Молодях 30 июля 1572 г., следствием чего оказалось возвращение титула «слуги» и Перемышльских земель вместо Стародуба. Казалось бы, это обеспечивало М. И. Воротынскому спокойную старость. Однако в июле 1573 г. он снова оказался в опале. Вероятно, против него были выдвинуты старые обвинения в измене царю и сношениях с крымским ханом. Он умер по дороге в ссылку.

3–8. *князь Микита Одоевский* – Никита Одоевский, сын Романа Ивановича Сухорука (ум. ок. 1541), также, как и Воротынский, принадлежал к роду черниговского князя Михаила Всеволодовича. Роман Иванович, боярин с 1532 г., связанный родством с И. М. Воротынским, как и тот, оборонял южные границы Руси, а иногда нес службу под началом последнего (в 1512 г., например, преследуя крымцев из Козельска и Калуги, или в 1531 г. См.: *Зимин* 1988. С. 129, 130, 134). Большую часть своего удела Одоевские потеряли в конце XV в. и в течение 20-х годов XVI в. Остатки его перешли Никите Романовичу Одоевскому (*Веселовский* 1947. С. 114-115). В Тысячной книге значится в качестве служилого князя (ТКДТ. С. 117). Его военная деятельность развернулась в основном в период опричнины – есаул в полоцком походе 1562-63 г., воевода в Дедилове в 1565 г., в Почепе – в 1567, в Донкове – в 1569 г., воевода полка правой руки в Тарусе в 1570 г., с этого же года опричник. Летом 1571 г. выступает поручителем за подозреваемого в измене И. Ф. Мстиславского. В 1572 г. он временно перемещается с юга на север: в качестве боярина выступает вторым воеводой сторожевого полка в походе на шведов, но позднее был назначен первым воеводой правой руки при отражении второго похода Девлет-Гирея под началом М. И. Воротынского. В том же качестве направлен в полки, стоявшие «на берегу» и в апреле 1573 г., но проявить себя в качестве воеводы на этот раз не успел, будучи казненным до того. Одоевский приходился шурином князю Владимиру Андреевичу Старицкому – о последнем см. комм. 3-5 (РК 1475–1598. С. 221, 225, 229, 23, 242, 247, 250, 319; *Кобрин* 1960. С. 53-54).

3–10. *князь Андрей Курбский* – Андрей Михайлович Курбский (ок. 1528 – 23/24.V.1583) (далее – К.). Отец – Карамышев Курбский М. М. из князей ярославской ветви Рюриковичей, мать – Тучко-

ва М. М. из старомосковской знати, четвероюрдный брат царицы Анастасии Романовны Захарьиной, первой жены Ивана IV (ПИГАК. С. 109, 373). Брат К. Иван умер от ран, полученных во время штурма Казани в 1552 г. Их сестра вышла замуж за другого представителя ярославских Рюриковичей кн. А. М. Прозоровского (*Зимин* 1988. С. 240; *Рыков* 1982. С. 193-198; *Auerbach* 1985. S. 20-21). Впервые упоминается в свадебном чине брата царя кн. Юрия Васильевича сентября – октября 1547 г. как второй в ряду ярославских князей (*Назаров* 1975. С. 53). В ноябре 1549 г. один из стольников «в есоулех» в походе на Казань (РК 1475–1605. Ч. 1. С. 380). По разряду 16 августа 1550 г. – воевода в Пронске (РК 1475–1598. С. 129; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 394). В 1550 г. имел земельный оклад высшей категории в 200 четей (ТКДТ. С. 55), получив подмосковные владения в результате тысячной реформы (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 254. Л. 7 и сл.), хотя к середине 1550-х гг. родовое село Курбских Курба уже принадлежало кн. И.Д. Бельскому (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 20. Л. 303 об., 304, 304 об., 305 об.). *К.Ю.Е.*

По мнению Ю. Д. Рыкова, межевые книги Троице-Сергиева монастыря 1554 - 1557 гг., использованные автором этого комментария, дают право несомненно утверждать лишь о переходе в поместное владение боярина князя И. Д. Бельского ряда деревень «Курбского села», граничивших в межах с ростовскими землями Троице-Сергиева монастыря к 1554 – 1557 гг., но не о переходе в то же владение самого родового села Курбы, находившегося в собственности Курбских с XV в. Вопрос о переходе вотчинного села Курбы в поместную собственность И. Д. Бельского не может считаться решенным на основании кратких и не-полных сведений одних вышеуказанных межевых книг, и поэтому на данном этапе мнение комментатора о переходе родового села Курбы может рассматриваться в лучшем случае только как допустимое предположение, но не больше (см. об этом: Рыков Ю. Д. Князья Ярославского княжеского дома в исторических представлениях и свидетельствах царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского // Краеведческие записки / Ярославский гос. историко-архитектурный и худож. музей-заповедник: Вып. 9. Материалы X Тихомиров-ских чтений (в печати). – *А. Л. Х.*

Об участии К. в общественной жизни конца 40-х – начала 50-х годов говорит то, что в «Истории о князя великого Московского делех» упоминает реформы Избранной рады и предшествующие им события, симпатизируя преобразованиям в духовной сфере, политике, админист-

рации, суде и военном деле конца 1540-х – начала 1550-х гг. В социальных, религиозных и эстетических представлениях К. испытал влияние Максима Грека.

С мая 1551 г. К. служит вторым воеводой полка правой руки под началом кн. П. М. Щенятева «по берегу» у Зарайска (РК 1475–1598. С. 132; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 402; РК 1550–1636. С. 13). В октябре 1551 г. К. второй воевода в полку кн. М.И. Воротынского «по нагайским вестям» в Рязани (РК 1475–1598. С. 133; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 407; РК 1550–1636. С. 14-15). По разряду мая–июня 1552 г. Щенятев и К. в прежнем порядке «стояли на Кошире» (РК 1475–1598. С. 135; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 412-413; РК 1550–1636. С. 17; ПСРЛ. Т. 13. С. 184). К этому времени относится местническое дело Д. И. Плещеева против К. (*Эскин* 1994. С. 49. № 101). Оттуда в июне их полк с 15 тыс. чел. был направлен против крымского хана Девлет-Гирея на Тулу. В полуторачасовой битве под Тулой с отрядом Ак-Магомет-улана К. получил раны «яко на главе, так и на других составех» (РК 1475–1598. С. 136; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 414-415; РК 1550–1636. С. 19; ПСРЛ. Т. 13. С. 188; РИБ. Т. 31. Стб. 176). В 1564 г. Иван Грозный упрекал К., что воеводы устроили пир и позволили противнику уйти на безопасное расстояние (ПИГАК. С. 42).

Затем полк с 13 тыс. чел. направился «х Казани» через Рязанскую и Мордовскую земли, заслоняя основные российские силы от заволжских «княжат нагайских» (РК 1475–1598. С. 136; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 418; РК 1550–1636. С. 21; РИБ. Т. 31. Стб. 177). Во время штурма Казани 2 октября К. возглавлял ударные силы (полк правой руки) в направлении «нижайших» Елабугиных ворот, сражался на подступах к городу и в уличных боях (ПСРЛ. Т. 13. С. 215; РИБ. Т. 31. Стб. 194). Удар части отступающих из Казани татар пришелся на позиции К., он был сбит с коня и тяжело ранен, но «последи оздравел» (ПСРЛ. Т. 13. С. 218; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 438; РИБ. Т. 31. Стб. 218-219).

В мае – июне 1553 г. К. был в «кириловском езде» царя, беседовал с Максимом Греком, входил в группу доверенных лиц Ивана Грозного (РИБ. Т. 31. Стб. 207-218). В октябре 1553 г. К. служит по коломенскому разряду первым воеводой полка левой руки (РК 1475–1598. С. 143; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 455-456; РК 1550–1636. С. 30; ДРК. С. 164). В декабре того же года К. возглавляет сторожевой полк в походе на «Арские места» под Казанью (РК 1475–1598. С. 144; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 461; РК 1550–1636. С. 31; ДРК. С. 165; РИБ. Т. 31. Стб. 218-219). Полки вы-

ступили из Нижнего Новгорода «с Николина дни», т. е. 6 декабря 1553 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 234-235). За Казанскую службу К. получил золотой угорский (РК 1475–1605. Ч. 1. С. 462-463; РК 1550–1636. С. 32-33). На Рождество Богородицы, 8 сентября 1555 г. К. возглавил карательный поход против луговой черемисы (РК 1475–1598. С. 153; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 500-501; РК 1550–1636. С. 49; ДРК. С. 177; ДАИ. Т. 1. С. 11). Позднее Иван Грозный высказал недовольство тем, что К. из похода «в повинных место неповинных к нам привел» (ПИГАК. С. 42).

В июне 1556 г. в чине боярина находился в царской свите во время «похода в Серпухов» (РК 1475–1598. С. 156; РК 1475–1605. Ч. 1. С. 511; РК 1550–1636. С. 54; ДРК. С. 181; ТКДТ. С. 112; ПИГАК. С. 8; NM. f об.). К этому времени относятся местнические счеты К. с Д. И. Плещеевым (*Эскин* 1994. С. 52. № 129). 8 сентября 1556 г. К. возглавляет полк левой руки в Калуге (РК 1475–1598. С. 160; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 4; РК 1550–1636. С. 60; ДРВ. Ч. 13. С. 247; ДРК. С. 186). В октябре того же года К. – второй воевода в полку правой руки под командованием кн. П. М. Щенятева (РК 1475–1598. С. 162; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 7; РК 1550–1636. С. 62; ДРК. С. 187; ДРВ. Ч. 13. С. 252). С «Петровы памети чюдотворцовы», т. е. с 21 декабря, 1557 г. К. – первый воевода «на Туле» (РК 1475–1598. С. 170; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 38; РК 1550–1636. С. 72; ДРК. С. 197; ДРВ. Ч. 13. С. 268).

В январе 1558 г. в рати, выступившей из Пскова «воевать неметцкие ливонские земли», К. возглавлял сторожевой полк (РК 1475–1598. С. 171; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 18; РК 1550–1636. С. 72-73; ДРК. С. 198; ДРВ. Ч. 13. С. 270). В походах на Нейшлосс, Нейгауз, Дерпт, Вербек во главе передового полка были К. и Д. Ф. Адашев (РК 1475–1598. С. 172-174; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 27-29; РК 1550–1636. С. 75; ДРК. С. 201; ДРВ. Ч. 13. С. 274, 275, 276). Вплоть до июня К. в военных действиях не участвовал – он был в это время «во Пскове своея ради потребы» (ПИГАК. С. 38). Поход полка задерживался, и царь более семи раз отправлял в Псков посланников с требованием начать боевые действия (ПИГАК. С. 38). Начало похода «к немецкым городам» войска кн. П. И. Шуйского и К. относится к июню 1558 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 299; ПЛ. Вып. 2. С. 236; РК 1550–1636. С. 76). К. считает себя одним из «трех великих воевод», которые руководили царскими войсками в походе против «вероотступников» (РИБ. Т. 31. Стб. 227). Полк из Пскова направился к Нейгаузу, который 30 июня, после трехнедельной осады, сдался (ПСРЛ. Т. 13. С. 303; ПЛ.

Вып. 2. С. 236; РИБ. Т. 31. Стб. 233). После падения «Нового» отряд К. преследовал войско ливонского магистра Вильгельма Фюрстенберга до Кеси (РИБ. Т. 31. Стб. 234). 18 июля при участии К. был взят Дерпт (РИБ. Т. 31. Стб. 235-236). В начале зимы 1558 г. К. вернулся в Москву «со великою и светлою победою» (РИБ. Т. 31. Стб. 235).

В походе «по крымским вестям» из Бронниц против Девлет-Гирея 11 марта 1559 г. полк правой руки возглавляют кн. И. Ф. Мстиславский и К. (РК 1475–1598. С. 178; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 46, 56; РК 1550–1636. С. 82-83; РК 1559. С. 7-8; ДРК. С. 207; ДРВ. Ч. 13. С. 286, 292; Синб. сб. С. 1; РИБ. Т. 31. Стб. 236). В том же году К. направлен из Калуги в Мценск, на оборону южных рубежей «по берегу» (РК 1475–1598. С. 179, 181; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 56; РК 1550–1636. С. 86; ДРВ. Ч. 13. С. 288; ДРК. С. 211; РК 1559. С. 8; Синб. сб. С. 2). К. выступал сторонником наступательной войны против Крымского ханства, однако эта позиция не получила поддержки царя (РИБ. Т. 31. Стб. 240-241).

В феврале–марте 1560 г. после конфиденциальной беседы с Иваном Грозным К. назначен первым воеводой большого полка в походе «в Немцы» (РК 1475–1598. С. 189; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 76-77; РК 1550–1636. С. 96-97, 296; ДРК. С. 221-222; ДРВ. Ч. 13. С. 310-311; ПСРЛ. Т. 13. С. 326; РИБ. Т. 31. Ст. 247-248). Под его командованием были совершены успешные походы полка примерно в 5 тыс. чел. из Дерпта на Вейсенштейн и против войска магистра Готтхарда Кеттлера (РИБ. Т. 31. Стб. 248-249). После десятидневного отдыха в Дерпте и присоединения к полку 2 тыс. новых воинов К. отправляется первым воеводой передового полка московской рати на Феллин (РК 1475–1598. С. 190; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 78; РК 1475–1605. Ч. 3. С. 103; РК 1550–1636. С. 97, 99; ДРК. С. 222, 223; ДРВ. Ч. 13. С. 313; ПСРЛ. Т. 13. С. 327; РИБ. Т. 31. Стб. 249). Когда полк К. совершал обходной маневр, чтобы отсечь магистра от крепости Гапсал, 2 августа под Эрмесом русский отряд под командованием кн. В. И. Барбашина нанес поражение небольшому отряду ландмаршалла Ф. Шалла фон Белла, сам ландмаршалл был пленен (ПСРЛ. Т. 13. С. 330; ПЛ. Вып. 2. С. 239; РИБ. Т. 31. Стб. 251-252; *Russow* 1584. S. 60; *Henning* 1594. S. 39). К. в беседах с фон Беллом признал его искусным ритором, предлагал Ивану Грозному использовать «ламмакшака» для подчинения Ливонии, а в своей «Истории» подробно пересказал речь фон Белла «о Лифлянской земли» (РИБ. Т. 31. Стб. 252-257). Во время трехнедельной осады Феллина К. «и иные воеводы» были посланы по

Рижской стороне, а полк кн. А. М. Курбского под Вольмаром нанес поражение присланному «изгоном» литовскому отряду во главе с кн.. А. И. Полубенским (РК 1475–1598. С. 192; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 83; РК 1550–1636. С. 100; ПЛ. Вып. 2. С. 240; *Russow* 1584. S. 61; *Bienemann.* Bd. 4. S. 40-42), принял участие в осаде Феллина и в захвате еще «двух или трех» городов – возможно, Тарваста и Полчева (РИБ. Т. 31. Стб. 257-259; ПСРЛ. Т. 13. С. 330). В конце 1560 г. произошла неудачная для русских битва под Вейсенштейном, в исходе которой Иван Грозный обвинял К. (ПИГАК. С. 38).

Возможно, в конце 1560 и в начале 1561 г. К. оказался свидетелем описанного в его «Истории» падения лидеров Избранной рады (РИБ. Т. 31. Стб. 259-267). В рати, отправленной весной 1561 г. на Оку «для прихода крымских людей», К. – второй воевода полка правой руки, во главе с кн. И. Ф. Мстиславским (РК 1475–1605. Ч. 2. С. 192). По окончанию срока перемирия России с Великим княжеством Литовским 25 марта 1562 г. К. – один из воевод в пограничных Великих Луках (РК 1475–1598. С. 196; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 105-106; РК 1550–1636. С. 110; ДРК. С. 231; ДРВ. Ч. 13. С. 325; ПСРЛ. Т. 13. С. 340). 28 мая К. «с товарыщи» напали на Витебск, захватили острог с артиллерией, сожгли посад и округу – в городе было сожжено 24 церкви, в чем позднее К. раскаивался (ПСРЛ. Т. 13. С. 341; ПЛ. Вып. 2. С. 242; ПИГАК. С. 108). В августе полк К. и кн. Ф. И. Троекурова столкнулся под Невелем с польско-литовским войском, которым командовал С. Лесьневольский. Русское войско превосходило противника по численности, но вынуждено было отступить со значительными потерями (ПЛ. Вып. 2. С. 243; ПИГАК. С. 2-43; *Bielski* 1856. S. 1151-1152). К. был ранен (РК 1475–1605. Ч. 2. С. 105-106).

По Полоцкому разряду сентября 1562 г. К. третий воевода сторожевого полка после царевича Ибака и кн. П. М. Щенятева (РК 1475–1598. С. 198; РК 1475–1605. Вып. 2. С. 114; РК 1559. С. 14; РК 1550–1636. С. 115; ДРК. С. 233; ДРВ. Ч. 13. С. 330; Синб. сб. С. 4; ПСРЛ. Т. 13. С. 349; КПП 1563. С. 32-33). Кн. П. И. Шуйский и К. собирают во Ржеве воинов из Боровска, Вятки, Углича и Устюга (КПП 1563. С. 34). К 7 декабря в его полку 625 детей боярских угличан, боровичей, новгородских недельщиков, шацких детей боярских «малых статей» (КПП 1563. С. 43). При переходе царя через Двину сторожевой полк занимает место между большим полком и яртаулом (КПП 1563. С. 62). С ночи на 6 февраля 1563 г. К. ставит туры у города со стороны рек Полоты и Двины (РК

1475–1605. Ч. 2. С. 121; РК 1550–1636. С. 117), а 11 февраля К. и Петр Зайцев назначены охранять их со стороны Полоты (РК 1475–1605. Ч. 2. С. 127; ПСРЛ. Т. 13. С. 357). После взятия Полоцка 8 марта К. был «отпущен» годовать в Юрьеве Ливонском от дня Вербного воскресенья – с 3 апреля (РК 1475–1598. С. 201; РК 1475–1605. С. 138; РК 1550–1636. С. 121; КПП 1563. С. 81-82; ДРК. С. 238; ДРВ. Ч. 13. С. 336). К. считал службу в Юрьеве несправедливым преследованием, а Иван Грозный утверждал, что наложил на К. «с милостию опалу» (ПИГАК. С. 8, 38; РИБ. Т. 31. Стб. 381). В качестве юрьевского наместника К. в конце 1563 г. проводит неудачные переговоры с шведским наместником графом Арцем о передаче г. Гельмета русским, безуспешно пытается ввести привилегии ливонскому дворянству и купечеству, в феврале 1564 г. рассматривает уголовное дело ревельских бюргеров против сына боярского Асана Гурьева (*Auerbach* 1985. S. 94-99). В ожидании гонений «от Вавилона» за какие-то преступления К. заручился двумя письмами с приглашением переехать на службу к королю Сигизмунду II Августу (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 199. Л. 135; *Иванишев*-2. С. 193). Ночью 30 апреля 1564 г. К. во главе небольшого отряда слуг бежал из Юрьева в Гельмет, а затем в Вольмар (*Скрынников* 1977. С. 293-302; *Зимин* 2002. С. 44-48; *Auerbach* 1985. S. 99-101).

Выезд К. был воспет и прославлен польскими и литовскими поэтами как крупная военно-политическая удача (*Каппелер* 2005. С. 318-325). В России К. стал символом измены, мать, жена и сын – вся семья – были брошены в тюрьму, а владения конфискованы (NM. Bd. 1. Lfg. 1. Bl. 3v; ПСРЛ. Т. 13. С. 383, 388; *Лихачев* 1888. С. 83). К. направил Ивану Грозному послание, в ответ на которое к 5 июля 1564 г. царь составил и пространное письмо беглецу. 4 июля 1564 г. на сейме в Бельске К. назначен старостой Ковельским, однако фактически К. принимает должность в 1565 г. (*Auerbach* 1985. S. 106-107, 121). В сентябре–октябре 1564 г. К. во главе 200 конников принял участие в боевых действиях против царских войск в одном полку с кн. Б. Ф. Корецким под Полоцком и Великими Луками (РК 1475–1605. С. 165; РК 1550–1636. С. 137; ПСРЛ. Т. 13. С. 390; ПИГАК. С. 108-109; *Иванишев*-1. С. 37-38; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 67. Л. 111 об.-113). На сейме в Трабах К. обязуется выставить на военную службу 400 коней (*Любавский* 1901. С. 684). С марта 1565 г. в течение полугода К. участвует в боевых действиях во главе собственного отряда в 200 конников под Великими Луками (*Устрялов* 1842. С. 395-396;

РК 1550–1636. С. 151; *Auerbach* 1985. S. 112-113, 204). Вскоре после эмиграции К. получил староство Кревское, которое сохранял за собой до 1571 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 806; *Auerbach* 1985. S. 115-117).

Последние три года жизни К. проводит в борьбе с могущественными противниками. Его не поддерживают ни Стефан Баторий, ни митрополит Онисифор. К. чаще болеет. В ходе бракоразводного процесса в Вильно 5 июня 1581 г. он пишет завещание (РИБ. Т. 31. Стб. 523-540; *Auerbach* 1985. S. 202-203; *Ерусалимский* 2003. С. 166). Из Московского похода 1581 г. он возвращается больным, и в июле–августе 1581 г. его неоднократно встречают молящимся в виленской Пречистенской церкви (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 68. Л. 138 об.). Пошатнувшиеся здоровье и статус К. позволяют активизироваться его противникам и надеяться на решение в свою пользу старых претензий. В 1581 г. панцирный боярин Кузьма Порыдубский жаловался, что его и его семью К. 6 лет держал в заключении. Курбскому было предписано вернуть захваченное и возместить убытки пострадавших (*Иванишев*-2. С. 80-90). Отношения К. с ковельскими боярами вновь обострились, когда в августе 1581 г. на военную службу отказался ехать боярин Я. К. Осовецкий, за что его заставили покинуть свое имение Осовец. Королевским постановлением имение было возвращено Осовецким, но дело окончилось мировой сделкой только 28 февраля 1583 г. (*Иванишев*-2. С. 90-120). В сентябре 1582 г. против К. выдвинуто обвинение в заказе на убийство его служебника П. В. Вороновецкого (*Иванишев*-2. С. 121-141, 156-180). Королевский суд К. с Борзобогатыми за Туличев был отложен 17 октября 1582 г. в связи с болезнью К. (*Auerbach* 1985. S. 207). 24 апреля 1583 г. К. составил второе завещание (РИБ. Т. 31. Стб. 541-564). 23 мая К. сделал последнее заявление во Владимирском суде. В тот же день или в начале следующего дня К. умер (*Auerbach* 1985. S. 209). В последние годы жизни К. особенно усиленно занимается книжными проектами, рассылает знакомым в Речи Посполитой послания и тексты своего перевода, продолжает переписку с Иваном IV и дописывает историю его царствования (*Auerbach* 1990. S. 13-190; *Калугин* 1998; *Ерусалимский* 2004. С. 591-618; *Он же.* 2005-б. С. 225-248). *К. Ю. Е.*

3–11. *князь Василий Темкин* – Василий Иванович Темкин-Ростовский – потомок вел. кн. Константина Всеволодовича Ростовского, правнук кн. Андрея Александровича Ростовского, по материнской линии являвшегося, в свою очередь, правнуком Ивана Калиты. Военная и адми-

нистративная деятельность его отца длилась недолго. Он участвовал в русско-литовской войне 1501 г., был наместником в Ивангороде в 1509 г. и в Орешке – в 1513 г. В 1514 г. погиб под Оршей. В 1500 г. имел поместье в Вотской пятине (*Зимин* 1988. С. 81). В. И. Темкин появляется в разрядах лишь спустя 25 лет после смерти отца и сразу в качестве первого воеводы под Рязанью в 1539-40 г. В 40-е годы служил Владимиру Андреевичу Старицкому. Во время Ливонской войны попал в плен, откуда после весьма длительных переговоров об обмене его на полоцкого воеводу Станислава Довойну с «придатком» в 10 000 злотых вернулся в 1567 г. (Сб. РИО. Т. 59. № 27. С. 386-387, 452-453; Ср. комм. 41-1). На следующий год, искупая позорный плен, Темкин рьяно действовал в Соловецком монастыре как глава комиссии, состоявшей из суздальского епископа Пафнутия, андрониковского архимандрита Феодосия и дьяка Дмитрия Пивова и расследовавшей «провинности» активного противника опричнины митрополита Филиппа (Колычева). Следом деятельности комиссии, искавшей, как полагается, доказательства финансовой нечистоплотности митрополита в бытность его игуменом монастяря, осталось упоминание в соловецкой описи 1570 г. «выписи» комиссии с указанием суммы наличных денег (ОСМ. С. 83). Видимо, комиссия вполне угодила царю, за что в 1569 г. В. И. Темкин был пожалован чином опричного боярина и в этом качестве участвовал в переговорах «о рубежах» и титуле с литовскими послами в мае-июне 1570 г. (Сб. РИО. Т. 71. № 24. С. 716-717). Продолжая начатое в 1568 г. дело, сам участвовал в опричных казнях (вся семья дьяка Разбойного приказа Григория Шапкина, включая дьяка, его жену и двух сыновей, зарублена В. И. Темкиным). Это, впрочем, самого его не спасло. В 1571 г. во время набега крымского хана на Москву деятельность Темкина, как главы опричного войска, стоявшего за Неглинной. и не сумевшего предотвратить гибели царского дворца, вызвала нарекания. В 1571 г. он был казнен вместе с сыном Иваном (*Зимин* 2001. С. 276; *Колобков* 2004. С. 66).

3–12. *князь Петр Шуйский* – Петр Иванович Шуйский, суздальский князь, потомок Василия Дмитриевича Кирдяпы (за наследниками последнего, остававшимися представителями рода князей суздальских, закрепилась фамилия Шуйские – по принадлежавшей им вотчине в г. Шуе, что в 60 км. от Суздаля). Среди его предков наместник во Пскове 1470–1471 гг. Федор Юрьевич, прадед Петра Ивановича – Василий Федорович, сын предшествующего – наместник в Новгороде

1480–1481 г., а с 1491 г. – наместник во Пскове, где и умер в 1496 г. Дед Иван Васильевич участвовал в военных начинаниях Ивана III с 1502 г., в 1512 г. – наместник Василия III в Рязани, с 1514 по 1518 г. – наместник во Пскове, в 1520–1523 гг. – наместник в Смоленске. Боярин с 1531 г., угличский дворецкий в 1535 г., наместник в Москве с 1540 до смерти 14 мая 1542 г. Отец Иван Губка в 1536 г. бежал в ВКЛ (*Зимин* 1988. С. 67-72, 99; *Он же.* 2001. С. 316, примеч. 151). Петр Иванович Шуйский начал военную карьеру с должности головы в полку у Николы Зарайского в 1539 г. В 1547 г. воевода передового полка казанского похода, а в ноябре возглавил погоню за беглецами в ВКЛ М. В. Глинским и И. И. Турунтаем Пронским. В 1552 г. годовал в Свияжске и участвовал в Казанском взятии. Его подвиги в Ливонской войне (воеводы Большого полка в походе на Юрьев в 1558 г., воеводы войска, захватившего в 1560 г. Полчев и Тарваст (ПЛ. Вып. 2. С. 241), резиденцию магистра Фюрстенберга, воеводы Большого полка полоцкого похода 1562–1563 г.) завершились скандальным поражением почти 20-тысячного русского войска от значительно меньшего литовского войска Николая Радзивилла и Григория Ходкевича 21 января 1564 г. на р. Уле. По одной из версий В. И. Шуйский расстался с жизнью в колодце, где его утопили крестьяне соседней деревни. Был погребен Н. Радзивиллом в соборе Пречистой в Вильне рядом с великой княгиней литовской, королевой польской Еленой Ивановной. Его «кость» по челобитью Ивана и Никиты в 1567 г. должна была вернуться на родину в обмен на прах супруги Довойны – Петрониллы Радзивилл (РК 1475–1598. С. 96, 110, 135, 139, 196, 198; ПСРЛ. Т. 13. С. 141; Т. 34. С. 183, 190; ПЛ. Вып. 1. С. 236, 238, 239, 245; Сб. РИО. Т. 71. № 23. С. 599-602; *Абрамович* 1991. С. 30-57; *Зимин* 2001. С. 79; *Янушкевіч* 2004. С. 32–42). Ср. комм. 41-3. По Н. М. Карамзину, этого в 1567 г. не произошло из-за ссоры виленского воеводы с Довойной (*Карамзин.* Т. IX. Гл. II. Прим. 231).

3–13. *...также Иван Шереметьев* – Иван Шереметев в записках Штадена открывает перечисление нетитулованной знати. Однако, какого именно И. Шереметева автор имел в виду, с уверенностью сказать трудно (*Epstein.* S. 4; *Шокарев* 2002. С.150). И Иван Васильевич Большой, и Иван Васильевич Меньшой Шереметевы принадлежали к старомосковскому роду, близкому к Захарьиным-Юрьевым, восходящему к Андрею Кобыле через Александра Беззубца и Федора Кошку. Своей фамилией потомки Константина Александровича Беззубца обязаны деду

Андрею Константиновичу Шеремету, жившему, как и отец, в Угличском у. Их отец умер в 1548 г. монахом Троице-Сергиева монастыря (принял постриг ок. 1537-38 г.).

Карьера Ивана Большого прослеживается с 1500 г., когда он с двумя братьями находился на свадьбе В. Д. Холмского с великой княжной Евдокией. Однако в разрядах о нем становится известно лишь с 1521–1522 г., когда он был воеводой в Коломне, Вязьме и снова в Коломне и Голутвине. Его использовали то на южном, то на восточном направлении: он возглавлял конный полк в Казанском походе 1524 г., в 1527 г. ожидал прихода Ислам-Гирея в Бачманове, в 1529 г. он снова в Коломне, а в 1530 г. – в очередном неудачном казанском походе. С 1532 по 1537 гг. он снова упоминается как воевода.

Старший из сыновей Василия Андреевича – Иван Большой еще при жизни отца в 1539 г. стал воеводой в Муроме, в качестве конного воеводы был направлен в Нижний Новгород в 1541 г., на следующий год поддержал заговор Шуйских. В 1548-49 г. – окольничий, с 1550 г. – боярин, с 1553 г. входивший в состав Ближней думы, сторонник кандидатуры царевича Дмитрия на царский престол. В 1555 г. в двухдневной битве с крымцами Девлет-Гирея на Судьбищах (в 150 км. от Тулы) ранен. В 1564 г. попал в кратковременную опалу и тюрьму, откуда летом того же года был отправлен в Калугу в качестве воеводы сначала передового, а затем Большого полка. В 1571 г. принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, обвиненный вероятно в том, что пытался «бесерменьство на християнъство наводити» (ПИГ. С. 191) и превратился в объект ядовитых насмешек царя (ПИГ. С.172-173, 175, 177-180).

Иван Меньшой вступил на военное поприще 13 годами позднее брата, но делал карьеру успешнее Ивана Большого. Сын боярский по Коломне в 1550 г. через два года стал головой в царском полку во время похода из Казани на «арские места», а в 1554 г. воеводой Передового полка в походе из Галича в Казанскую землю. Он быстрее брата перешагнул из окольничих (1557-58 г.) в бояре (1558-59 г.), В 1560 г. получил жалованную данную и несудимую грамоту на с. Борисоглебское с многочисленными деревнями в Костромском у. (АСЗ. Т. 3. № 494. С. 411-412. 6.X.1560 г.). По следам Ивана Большого стал членом Ближней думы царя, правда уже в условиях опричнины в 1566 г. В это время он существенно расширил свои земельные владения. Три из четырех сохранившиеся купчих Шереметевых опричного периода принадлежат ему. Он покупал земли в Ряж-

ском у. (АСЗ. Т. 2. № 460. С. 390-391. 1567/68 г.) и Рязанском, где приобрел вотчины родственников – дяди и двоюродных братьев Головиных и у Семена и Василия Ивановичей Мокринских (АСЗ. Т. 3. № 496. С. 413. 1566/67 г.; № 497. С. 414. 1569/70 г.). В 1570-71 гг. сферой его деятельности стало южное порубежье страны: в 1570 г. Иван Меньшой стоял «на берегу» Оки с войском правой руки. Участвовал в обороне Москвы в 1571 г. и в битве на Молодях. Последнее обстоятельство делает более возможной мысль о том, что Штаден имел в виду именно Ивана Меньшого. Однако в 1573 г. царь обвинял его в том, что он и его братья «не престанут в Крым посылать да бесерменьство на христианъство наводити» (ПИГ. С. 191). Упрек безосновательный, поскольку именно благодаря дезинформации Шереметева, Девлет-Гирей повернул восвояси: «человек» И. Ф. Мстиславского Константин уверял, будто И. и Ф. Шереметевы поддерживали связь с крымским ханом в 1572 г., присланные последним 12 татар неделю прожили у них, и «царь (т. е. хан. – *А. Л. Х.*) по Иванову да по Федорову приказу... поворотился, блюдясь тебя, государя» (*Богоявленский* 1912-а. С. 29-30; ПИГ. С. 639). Погиб спустя 7 лет под Колыванью в 1577 г.

Если сравнивать биографии братьев Шереметевых, то более логично предположить, что Штаден мог упомянуть Ивана Меньшого, еще активно действовавшего во время пребывания немца в России. Впрочем настаивать на этом невозможно, поскольку среди князей и бояр в его записках фигурируют не только те, кто расстался с жизнью во время пребывания немца в России, но и лица, завершившие свою карьеру до его прибытия туда или вскоре после этого (Курбский бежал, а Шуйский погиб в 1564 г., Старицкий отравлен, а Турунтай Пронский казнен в 1569 г.). Видимо, однако память обо всех четверых сохранялась еще в 70-е годы XVI в.

В пользу иного предположения – о старшем брате, как герое записок Штадена, может служить место упоминания «Iwann Seremeti» в его сочинении: после поименного списка князей следует указание «и еще многие другие князья, также Иван Шереметев, равно как и Турунтай». Таким образом, Шереметев попал в число князей, хотя Турунтая Штаден князем не называет. Княжеский титул Шереметева в записках Штадена может подразумевать его легендарное происхождение от «решских князей», о котором пишет Курбский в своей «Истории» (*Ерусалимский* 2005-б. С. 231–232).

О широких замашках и привычке к княжеской роскоши, сохранившихся даже у инока Кирилло-Белозерского монастыря Ионы, свиде-

тельствует послание в этот монастырь Ивана Грозного, раздраженного донесшими до столицы слухами о стиле жизни «инока». Впрочем, о стиле жизни Ивана Меньшого данных нет вообще. Так что не невероятной представляется и гипотеза о том, что Штаден писал об Иване Меньшом.

3–14. *Турунтай* – Иван Иванович Турунтай Пронский, князь – выходец из рода Пронских князей, в конце XV в. потерявших свое княжество, иногда даже именовавшееся великим, в пределах Рязанского, праправнук последнего пронского князя Ивана Владимировича. Деятельность отца Турунтая – Ивана Дмитриевича лишь в течение полутора десятилетий оставила какой-то след в источниках по истории Руси. Он владел землями в Ярославле в начале века, в 1505 г. присутствовал на свадьбе В. Д. Холмского, в 1512–1514 гг. участвовал в войнах: в 1512 г. в походе на Киев, в 1513 г. охранял Тулу, а в 1514 г. во время битвы под Оршей попал в плен, находился в Вильне, где и скончался до 1538 г. (*Антонов, Кром* 2002. С. 170). Его сын И. И. Турунтай Пронский, один из виднейших полководцев времени правления Грозного, в 1532 г. был воеводой сторожевого полка в Нижнем Новгороде и вплоть до 1568 г. принимал участие в охране южных границ России. Он был «дружкой» Анастасии на свадьбе царя 2 февраля 1547 г. Направленный наместником во Псков Турунтай-Пронский своим самоуправством вызвал негодование жителей, которые в Москве били на него царю челом, но были за это подвергнуты пыткам. После московского восстания в ноябре 1547 г. вместе с М. В. Глинским и семьями обоих пытался бежать в ВКЛ, дорогу куда уже в конце XV столетия проторили его четвероюрдные братья Семен и Андрей. Беглецам пришлось возвратиться, узнав о погоне, и оправдываться незнанием дороги. Благодаря заступничеству митрополита Макария, использовавшего свое право «печалования», был прощен, но несмотря на крестоцеловальную запись на верность царю, лишился вотчин. Вопреки всему этому в 1549 г. получил чин боярина, что не помешало ему во время «боярского мятежа» 1553 г. быть сторонником Владимира Старицкого (*Зимин* 2001. С. 137). Член Ближней думы царя и в период Избранной рады в 1555 г. и накануне, и в период опричнины – в 1561–1568 гг., он пользовался поддержкой царя Ивана во время местнического спора с кн. А. Воротынским в 1564 г. (РК 1475–1598. С. 210; РК 1559-1605. С. 21-35), ездил к царю в Александрову слободу в числе челобитчиков о возвращении государя в столицу в 1565 г., и в том же году выступал в числе поручителей по А. И. Яковлеве (СГГД. Ч. 1. № 184),

наконец, подписал злополучное решение Земского собора 1566 г. о продолжении Ливонской войны. От коего, видимо, пострадал и сам, ибо в октябре следующего 1567 г. вынужден был принимать участие в бессмысленном походе царя, ему было поручено вывести свои войска из Ржевы к Великим Лукам. На Ршанском яме принимал участие в совещании об отмене похода (*Зимин* 2001. С. 172). Этот поход ясно обнаружил недееспособность российских войск и кризис всего народного хозяйства страны. Позор поражения вызвал у царя озлобление против советников и проводников его же собственных внешнеполитических начинаний (*Хорошкевич* 2003-а. С. 487-488). Первой жертвой пал Владимир Андреевич Старицкий, а вслед за ним и лица, поддерживавшие последнего. Среди них, несмотря на весьма извилистую карьеру и переменчивость политических пристрастий, оказался и И. И. Турунтай Пронский. Он, поняв угрозу своей жизни, надеялся сохранить ее, приняв постриг в 1569 г., но, по сведениям Курбского, Иван Грозный решил погубить не только тело, но и душу давнего сторонника Владимира Старицкого: «от чреды спасения извлече и в реце утопити повелел» (РИБ. Т. 31. Стб. 285). Видимо, сообщение Таубе и Крузе об ином способе умерщвления кн. И.И. Турунтая Пронского, которого якобы забили батогами, ошибочно (*Таубе и Крузе*. С. 17). Помещение кн. И. И. Турунтая Пронского после боярина Шереметева и отсутствие титула «князь» может свидетельствовать о его реальном месте в политико-экономической элите Российского царства конца 60-х годов.

3–15. *Алексей и его сын Федор Басмановы* – Алексей Данилович и Федор Басмановы принадлежали к роду Плещеевых, в свою очередь восходившему к Федору Бяконту, выходцу конца XIII в. из Черниговской земли, тому же, из которого вышел московский митрополит Алексей, один из первых святых и московских чудотворцев. Фамилия Басманов восходит к отцу Алексея Данииле Алексеевичу Басману, постельничему Ивана III (о генеалогии Басмановых см. подробнее: *Кобрин* 2008. С. 61-62). Дед Алексея Даниловича окольничий Андрей Михайлович Плещеев сопровождал Ивана III в его походе «миром» на Великий Новгород в 1475 г. (*Зимин* 1988. С. 20, 195). Отец А. Д. Басманова Даниил в 1514 г. в битве под Оршей попал в литовский плен и с 1519 г. упоминался в списках пленных, находившихся в Троках, где и умер до 1538 г. (*Антонов, Кром* 2002. С. 170). С 1543 г. А. Д. Басманов, которому было уже 30 лет, принимал участие в придворной борьбе, в этом году он показал

себя сторонником Шуйских, изгнавших любимца великого князя Ивана Ф. Воронцова. А с 1544 г. стал занимать воеводские должности, из них наиболее значительной была должность третьего воеводы в Казани в 1552 г. В 1555 г. отличился в двухдневной битве с крымцами Девлет-Гирея на Судьбищах, после чего получил чин боярина. Он в 1563 г. подписал поручную грамоту по А. И. Воротынском (СГГД. Ч. 1. № 178. С. 487). К октябрю 1564 г. относится его новая воинская удача. Находясь в своем рязанском поместье, он с сыном, собрав местных служилых людей, сумел отразить неожиданный набег крымского хана Девлет-Гирея. И с этого же года вошел в состав Ближней думы царя, он сопровождал царя при выезде того 3 декабря 1564 г. из Москвы в Александрову слободу. В 1563-64 г. и летом 1566 г. участвовал в переговорах с литовским посольством, внеся в них оскорбительный для послов стиль, весьма далекий от дипломатического. Согласно Пискаревскому летописцу выступил одним из организаторов опричнины, в начале 1565 г. стал членом опричной Боярской думы и присутствовал при первом царском «переборе людишек» из Суздаля, Вязьмы и Можайска. Но все это, как и расправа с опальным митрополитом Филиппом 8 ноября 1568 г., не уберегло его от смерти в 1570 г., когда обнаружился очевидный крах внешней и внутренней политики опричнины.

Возвышение его сына Федора Алексеевича, любимца царя, относится ко времени полоцкого похода 1562-63 г. Рында с третьим саадаком при подготовке похода, юноша уже во время осады города «за государем ездил». Стремительная карьера не осталась незамеченной в придворных кругах. Он подвергался осуждению со стороны представителей знати. В частности, со стороны племянника фаворита Елены Глинской И. Телепнева – Дмитрия Федоровича Овчинина, поплатившегося жизнью, по словам А. Шлихтинга, за упреки в адрес Ф. Басманова в «нечестном деянии, которое тот обычно творил с тираном. Именно, тиран злоупотреблял любовью этого Федора, а он обычно подводил всех под гнев тирана» (*Шлихтинг*. С. 16-17; ср. мнение А. М. Курбского на этот счет: РИБ. Т. 31. Стб. 305, 349). Федор Алексеевич, судя по разрядной книге Хрущовых, частично включившей аналогичную книгу Плещеевых, кравчий со времен введения опричнины, в сентябре 1569 – июне 1570 г. был первым воеводой Большого полка (*Анхимюк* 2001. С. 29). Основанием для казни Басмановых было обвинение в измене, которую относили еще к 1567 г. (*Хорошкевич* 2003-а. С. 522). Обстоятельства смерти Басмановых неясны: то ли оба были убиты

в имении, куда были сосланы, то ли отец зарезан собственным сыном, то ли они казнены по распоряжению царя. Безусловную причастность последнего к смерти преданных слуг доказывает отправка царем денег в Троице-Сергиев монастырь на помин их душ в 1570-71 г. – 100 руб. по Ф. А. Басманове, а в 1583 г. – 455 руб. по ним обоим (ВКТСМ. С. 99).

Как бы то ни было на самом деле, расправа с Басмановыми ясно обозначила «новый курс царя» (определение Л. М. Сухотина) на ликвидацию опричнины.

3–16. *Иван Мстиславский* – кн. Иван Федорович Мстиславский (1530–1586), названный Штаденом последним в ряду князей и глав знати, принадлежал к роду, переселившемуся на Русь сравнительно незадолго до появления в России Штадена. Род Мстиславских восходил к третьему сыну Гедимина – Евнутию. Дед современника Штадена – Михаил Иванович Ижеславский бил челом Василию III в тот момент, когда войска последнего осаждали Мстиславль, но после поражения под Оршей изменил новому государю, тем более, что король польский и великий князь литовский Сигизмунд I оставил его «при чести» несмотря на вынужденную присягу великому князю всея Руси (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 9. Л. 89 об.-90 об.). В июле 1526 г. окончательный выбор в пользу Василия III сделал его сын Федор Ижеславский, женатый на дочери И. Ю. Мстиславского, не имевшего мужских наследников. Он-то и принял фамилию жены. Поскольку Ф. М. Мстиславский собственной вотчины не имел, Василий III передал ему «в вотчину» Ярославец, а в кормление – Каширу, еще в 1521 г. обещанную крымскому царевичу Садает-Гирею (*Моисеев* 2006-б. С. 491). Мстиславский занимал в Кашире пост то воеводы, то наместника, а в 1529 г. породнился с великим князем: Василий III выдал за него свою «сестричну», дочь царевича Петра.

В это же время Ф. М. Мстиславский дал запись на верность Василию III, пообещав отказаться от сношений с прежней родиной, верно служить новому государю и не отъезжать от него. Запись не помогла: новобрачный князь угодил в опалу по обвинению именно в этом желании, но в августе 1530 г. был прощен в связи с рождением Ивана IV. Вот тогда-то он действительно решился на отъезд, но добрался лишь до Можайска и вынужден был остаться, дав вторую запись на верность, под угрозой церковного проклятия В результате однако он потерял вотчину в Ярославце, замененную небольшими ярославскими волостями Юхоть и Черемха. Умер 30 июня 1540 г. (СГГД. Ч. 1. С. 439-443; ГАР. С. 44, 161; *Зимин* 1988. С. 128).

Иван Федорович Мстиславский, рында в царском походе на Коломну 1547 г., получил земли отца по жалованным грамотам Ивана IV от 27 августа 1548 г. и 2 декабря 1550 г. (АФЗХ/АМСМ. № 100) и позднее сумел расширить вотчину в тех же волостях, а также в Слободище, присовокупив к ним земли на юге страны (в окрестностях Венева и Епифани). В промежутке между этими пожалованиями вступил в Боярскую думу, член Ближней думы с 1553 г., в 1562 г. считался наместником Великого Новгорода. Во время «боярского мятежа» поддерживал кандидатуру царевича Дмитрия, что в дальнейшем обеспечило ему постоянное благоволение Ивана IV. *А. Л. Х.*

В 1571 г. после сожжения Москвы войском Девлет-Гирея подозревался в измене, но получил поручителей и продолжал осуществлять высшее руководство в земщине. Мстиславский вошел в регентский совет после смерти Ивана Грозного, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастырь в 1585 г. *К. Ю. Е.*

3–17. *...главы высшего сословия* – список представителей знати у Штадена отчасти совпадает с членами «Навысшей рады», названными И. П. Федоровым Челядниным в послании гетману А. Ходкевичу в сентябре 1562 г.: И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, В. М. Глинский, Д. Р. Юрьев Захарьин (Сб. РИО. Т. 71. № 5. С. 74-75) и почти полностью совпадает с членами Боярской думы, принявшими приговор о продолжении Ливонской войны летом 1566 г. Это были кн. И. Д. Бельский, кн. И. Ф. Мстиславский, И. П. Федоров, М. Р. Юрьев, кн. И. И. Пронский Турунтай, И. В. Шереметев Меньшой, кн. В. С. Серебряный, кн. М. И. Воротынский, И. В. Шереметев Большой, М. Я. Морозов, И. П. Яковля, И. М. Воронцов. Часть их прочно связана друг с другом. Так, М. И. Воротынский своими душеприказчиками в 1566 г. назначил И. Ф. Мстиславского и Н. Р. Юрьева, которые впрочем в 1568 г. отказались от этой опасной «чести» (АСЗ. Т. 3. № 86. С. 74, 76. VI.1566 г., 15.V.1571 г.).

У Штадена – это [И.] Д. Бельский, М. Воротынский, Н. Одоевский, В. Темкин Ростовский, А. Курбский, П. Шуйский, И. Мстиславский.

Можно отметить совпадение списка ведущих политических деятелей России с теми, кто скончался или был казнен в 1573 г., в частности, появление в списке Штадена Воротынского и Одоевского между Бельским и Курбским представляется весьма симптоматичным. Видимо не случаен и подробный рассказ о Воротынском и Одоевском у Курбского,

которым в его «Истории о великом князе Московском» замыкается список погубленных Иваном Грозным князей.

3–18. *...против заклятого врага России, царя Крыма* – под *царем* имелся ввиду крымский хан. Действительно, начиная с 1502 г. недавний союзник Княжества всея Руси в борьбе против Большой орды – Крымское ханство вошло в число безусловных врагов Русского государства. Оно стало претендовать на роль преемника и наследника Большой орды со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе даннической зависимостью Руси от Крыма (о различиях в понимании пережитков подобных отношений, материализованных в форме «поминков», см.: *Моисеев* 2006-а. С. 88-90). Боярское правление подорвало международный престиж государства, и правительство молодого великого князя и даже царя в первые годы после его венчания на царство придерживались политики уступок Крымскому ханству ради сохранения мира в этом регионе. На иной позиции стояла так называемая Избранная рада. Пытаясь использовать благоприятную для проведения активной антикрымской политики (голод из-за засухи и падежа скота в Крыму в середине 50-х годов XVI в. резко снизил обороноспособность ханства), она пыталась организовать военные походы в Крым. Однако из-за нерешительности царя походы совершались весьма малыми силами, что и обрекло их на неудачу. В особенности ясной стала правильность высказанной Штаденом мысли после набега Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. В результате набега столица была сожжена. Трудно сказать, является ли это сообщение Штадена результатом его собственных наблюдений и размышлений, или оно продиктовано его общением с лицами, придерживавшимися убеждений, сходных с теми, что лежали в основе деятельности Избранной рады. Впрочем, ход его дальнейшего рассказа свидетельствует скорее в пользу первого предположения.

3–19. *...пять особых предводителей* – далее следует раздел, посвященный структуре русского войска, которая охарактеризована им правильно. Передовой полк, Большой полк, правой и левой руки, царский полк, иногда Сторожевой. Однако как правило, войско делилось на 5 полков во главе с пятью воеводами, назначаемыми даже чаще, чем раз в год, то есть посезонно. В особенности важными были весенние и осенние назначения, когда увеличивалась опасность крымских набегов. Кроме того, по мере необходимости происходило распределение войск в пограничные земли, и в это время снова пересматривались назначения воевод (*Епифанов* 1977-а. С. 342, 365-370).

3–20 ... *из областей и городов* – исходя из перевода И. И. Полосина. С. Ю. Шокарев видит в этой фразе сообщение об уделах, которыми владели те или иные князья. Этому утверждению противоречит определение «*abgeteilte*», относящееся не к областям и городам, а к воинам. В данном случае речь идет просто о территориальном принципе формирования войска – одной из главных особенностей его даже в централизованном государстве. Этот принцип был закреплен в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Многообразие терминов, которые Штаден применил для обозначения этого института светской власти, свидетельствует о том, что он недостаточно ясно понимал его сущность. Однако со свойственной ему цепкостью восприятия материальной стороны жизни и в особенности источников легальных и нелегальных доходов он вполне оценил этот институт с точки зрения возможностей пополнения казны самих наместников. Впрочем, и на этот раз трудно быть уверенным в том, что эти сообщения – результат собственных наблюдений автора. Не исключено, что критика или хотя бы обсуждение действий наместников звучали в тех кругах, в которых вращался Штаден. Разумеется, ему доводилось общаться с купцами. Что же касается крестьян, то их судьба занимала умы многих передовых людей 50-х годов (стоит только вспомнить труды Ермолая Еразма). И отзвуки подобных настроений еще могли звучать и в трагические годы опричнины. Если это предположение правильно, то сочинение Штадена можно рассматривать как осколок того кривого зеркала, в котором отражались движения не просто общественной мысли России 60-70-х годов XVI в., но передовой. В комментарии С. Ю. Шокарева (*Шокарев* 2002. С. 154-155) уже была высказана мысль об аналогиях описания злоупотреблений наместников с их критикой в послании А. М. Курбского Вассиану Муромцеву («о нерадении же державы...» РИБ. Т. 31. Стб. 395) и в грамоте Ивана Грозного митрополиту Афанасию ... от 3 января 1565 г. об опале на бояр за многие неисправления: «его государства людем...» (ПИГАК. С. 392). Однако и в том, и в другом случаях речь шла не совсем о том, о чем писал Штаден: Курбского волновала проблема правосудия и землевладения, Грозного – пополнение государевой казны. Штаден же рассказывал о бедствиях купцов и крестьян, полностью выпавших из поля зрения знатных критиков боярских злоупотреблений. Думается, И. И. Полосин заблуждался, характеризуя рассказ Штадена как «россказни... о суде в опричнине» (*Полосин* 1963. С. 186).

3–21. *Князья и бояре, те, что [посланы] со своих поместий и вотчин...* – теперь говорится о служилых князьях, имена которых Штаден назвал в первой части своего рассказа. Штаден не упоминает помещиков, хотя, казалось бы, если прав С. Ю. Шокарев, здесь, коль скоро зашла речь о поместьях, и следовало бы говорить о их владельцах, у Штадена в этом качестве фигурируют только князья и бояре. Возможно, это ошибка автора, впрочем, и землевладение этих социальных категорий было весьма пестрым (*Кобрин* 1969-а. С. 3-17; *Он же*. 1985. С. 136-140).

3–22. *Muster Registers* – смотренные (разрядные) списки, составлявшиеся, как правило, весной перед началом распределения войск по границам. В это время в Москву должны были прибыть все способные носить оружие землевладельцы с собственными мелкими или крупными в зависимости от размеров владений отрядами. Регулярное ведение подобных документов началось в 50-ые годы XVI в. в соответствии с Уложением о службе: царь должен был «уведать... свое воинство, хто ему как служит и государское к ним по тому достоинству жалование» (ПСРЛ. Т. 13. С. 270-271). В литературе считается, что смотренные списки составлялись при объявлении военных действий для установления факта явки воина и фиксации его снаряжения (*Шмидт, Князьков* 1985. С. 53). Можно однако предполагать, что Штаден имел в виду скорее десятни, списки служилых людей по уездам, составлявшиеся во время смотров для верстания поместьями и назначения денежного жалования (*Шокарев* 2002. С. 154)

3–23. *...самым знатным...* – принцип знатности при назначениях воевод в войско оставался главным на протяжении всего XVI в. Это создавало базу для бесконечных местнических споров (*Эскин* 1994).

3–24. *...эти пять полков стояли отдельно...* – боевое расположение войск охарактеризовано Штаденом совершенно правильно. Отсутствие координации и централизации при руководстве боевыми действиями были столь же пагубными, как и местнические споры. Стоявшие отдельно полки подчинялись каждый своему воеводе и не просто воеводе, но капризам последнего. Если ему мстилось, что он получил назначение ниже того, которому соответствовало его знатное происхождение, он мог и не выступить в поддержку «выскочке» – воеводе другого полка. На протяжении 1564–1578 годов такие случаи были отнюдь не редкостью (*Эскин* 1994). В литературе подчеркивается польза государственной власти от местничества – «служебно-родового старшинства», которое, являясь якобы «своеобразным компромиссом царской власти с верху-

шечной группой феодалов», помогало этой власти ослабить, разобщить аристократию» (*Шмидт* 1999. С. 90).

3 об.–1 *...губернаторами, воеводами или наместниками* – сообщение Штадена относительно сроков назначения наместников в целом соответствует действительности, хотя на практике случалось, что пребывание наместника продлевалось на различные сроки – от полугода-года даже до 10 лет (*Зимин* 1974. С. 291; *Он же.* 1972. С. 255; *Пашкова* 2000. С. 28-30). Многообразие терминов, которые Штаден применил для обозначения этого института светской власти «губернаторы», «воеводы» и «наместники», свидетельствует о том, что он недостаточно ясно понимал сущность каждого из них в условиях России второй половины XVI в. Первый из этих терминов явно польско-литовского происхождения. В соседней с Россией части Ливонии, оказавшейся в Речи Посполитой, представителем королевской власти был ливонский губернатор.

3 об.–2 *...в отдельных землях и городских областях* – представления Штадена об административном устройстве России восходят к немецким и ливонским реалиям.

3 об.–3 *...писаные своды законов* – ко времени пребывания Штадена в России действовал судебник 1550 г., сменивший судебник 1497 г. Множественное число, употребленное Штаденом по отношению к основам судопроизводства, заставляет предполагать, что в ходу и в это время были кормчие книги, включавшие Русскую правду Пространной редакции (*Зимин* 1999. С. 321-335), сохранившиеся в многочисленных редакциях. Однако сообщение о небрежении наместников этими сводами законов говорит скорее в пользу Судебника, известного доселе лишь в одном списке. Можно высказать и другое предположение. Под судебниками Штаден мог иметь в виду Уставные книги приказов, том числе и Московского судного (в таком смысле приговор о губных делах 22 августа употребляет слово судебник, говоря о записи «в Судебник холопью суду» (ПРП. Вып. 4. С. 370). В указной книге Московского судного приказа содержится 26 «законов», часть которых имеется и в указных книгах Разбойного и Земского приказов (*Назаров* 1963. С. 461-484; *Петров* 2005. С. 101) Справедливость же утверждения о «забвении» подтверждается отсутствием ссылок на Судебник в судных делах времени Штадена (АГР. Т. 1). Попытка К. В. Петрова приуменьшить роль актового материала, как не репрезентативного источника из-за малочисленности самих актов, не представляется удачной (*Петров* 2005. С. 40). В данном случае скорее можно

принять толкование С. О. Шмидтом термина «уложение», соответствующего «своду законов» нового перевода, как совокупности «судебников, указных книг, грамот и отдельных приговоров» (*Шмидт* 1999. С. 229).

3 об.–4. *...[правом] суда* – обладали бояре во всех главных приказах. Главы же приказов, имевших подсобное чисто делопроизводственное значение, были его лишены (*Ерошкин* 1968. С. 44-45; *Леонтьев* 1961. С. 108-110, 128-129 и др. Подробную библиографию истории приказов см.: *Рогожин, Эскин* 2006. С. 235-240).

4–1. Число бояр – глав приказов значительно уступало княжеской знати.

4–2. *...что он приказывал дьяку (канцлеру) писать, то и должен был тот делать* – Эта фраза почти буквальный перевод первой фразы ст. 29 Судебника 1550 г.: «А которые дела судят бояре, и тот суд велети записывати перед собою». Дальнейший текст, содержащий ограничение прав истцов, которые не могли присутствовать ни при записи решения, ни при его зачтении, Штаден опустил (Судебники. С. 149), ибо в данном случае его интересовали лишь отношения боярина-судьи и дьяка.

4–3. *Иван Петрович Челяднин* – Федоров-Челяднин, потомок старинного боярского рода. Его пост в Москве Штаден не называет наместничеством. Москва среди других административных единиц России оказалась на особом положении, последним ее наместником был И. Патрикеев в конце XV в. После этого столица находилась под непосредственным управлением великого князя и царя (*Богоявленский* 1910. С. 81-96). В отсутствие великого князя, как правило, Москвой управляли члены Боярской думы (*Загоскин.* Т. 2. Ч. 1. С. 76). Сообщение о Федорове, как «заместителе» царя уникально, как своеобразна и сама его судьба. Представитель старомосковского боярского рода уже в 30-е годы участвует в политико-административной жизни страны. Федоров – воевода в Муроме за городом, воевода правой руки в походе из Мурома на Нижний Новгород в 1536 г., в 1544 г. боярин, опальный вместе с кн. И. И. Кубенским и Воронцовыми, сосланный в 1546 г. на Белоозеро, но уже в 1547 г. возвращенный в Москву, и снова воевода сторожевого полка в казанском походе, в котором однако не участвовал, будучи отправленным в Москву на лечение. В следующем походе 1549 г. назван конюшим. В событиях боярского «мятежа» 1553 г. поддерживал кандидатуру сына царя Ивана – Дмитрия в качестве преемника престола. В феврале 1559 – апреле 1560 г. был наместником и воеводой в Смоленске (Сб. РИО.

Т. 59. С. 563, 625), а с сентября 1562 г. стал воеводой в Юрьеве Ливонском, где снискал благодарность жителей Нарвы, Феллина и Дерпта, не подвергавшихся в его наместничество выселению в Россию. Вскоре он получил послание литовского надворного гетмана, троцкого воеводы и ливонского губернатора Г. А. Ходкевича от 10 сентября 1562 г., обращенное к «человеку побожного и справедливого живота», с предложением заключить перемирие с Великим княжеством Литовским, исходя из христианских норм морали. Глубоковерующий человек И. П. Федоров принял это предложение и собственной властью заключил перемирие, в высшей степени неуместное с точки зрения царя, развернувшего именно в это время активную подготовку к грандиозному походу на Полоцк. Царское повеление от 4 октября того же года требовало от «царского величества боярина и воеводы, державцы ярославского» ответить литовскому корреспонденту, пообещав известить «государя вотчинного земли Вифлянское» царя Ивана IV о предложении Ходкевича. В результате судьба некогда приближенного к царю боярина была решена.

Согласно легенде, зафиксированной Шлихтингом, царь посадил его на трон и высмеял, как претендента на престол. Однако эту легенду разумнее связывать с эпизодом заключения перемирия с литовским гетманом Гр. Ходкевичем, на что Федоров не просил, а соответственно и не получил санкции государя (*Хорошкевич* 2001-а. S. 163-174).

И. П. Федоров-Челяднин погиб 11 сентября 1568 г.

Владения Федорова были отписаны на царя. В Белозерском крае в его вотчину входило с. Воскресенское с 12 крестьянскими дворами и двумя церквами. К селу тянуло 38 деревень и починков со 114 дворами. Их население было обязано хлебным и пушным оброком – «с выти по четверти ржи да по две чети овса» и по пяти белок. К с. Богоявленскому на Ерге в Надпорожском стане тянули 21 деревня и починок с 65 крестьянскими и бобыльскими дворами (*Шумаков*. Вып. 2. Сотная 1543–1544 гг. и 1568 г. С. 117, 127-136, 154-163; *Тихомиров* 1962. С. 236-237). *А. Л. Х.*

Штаден излагает другую версию гибели И. П. Федорова: «*...ему было приказано явиться в Москву, где он был убит и у Малой Неглинной в Москве и брошен в Поганую лужу (С. 101)* О локализации «Поганой лужи» см. комм. 16 об.–7

В глазах средневекового москвитянина неестественная насильственная смерть опального соотечественника выглядела и соблазнитель-

ной, и нечистой, поскольку, по народному убеждению, каждому человеку при рождении отпускается свой срок жизни либо до глубокой старости, либо до *естественной* смерти от терминальной болезни. В противном случае усопшие не попадают сразу на «тот свет», а доживают за гробом положенный им срок земной жизни, превращаясь в весьма опасных «заложных» покойников (*Зеленин* 1995. С. 39-43. Ср.: *Седакова* 1990. С. 55; *Байбурин* 1993. С. 101-103). Обычно они обитают в местах своей гибели или близ собственных могил (если кто-то из таких нечистых мертвецов был все же погребен), сохраняя присущие им при жизни характер, привычки и поведение. Способность передвигаться в пространстве позволяла «заложным» покойникам являться живым людям, причем, как правило, с недобрыми намерениями, поскольку с момента вынужденной смерти они «находятся *в полном распоряжении у нечистой силы*» (*Зеленин* 1995. С. 46-61. Ср.: *Он же*. 1994. С. 231-246; *Он же*. 1999. С. 18-32). Последнее обстоятельство проясняет причины регулярного повторения сельским населением Европейской и Азиатской России, Украины и Восточной Белоруссии на могилах «заложных» мертвецов обереговых обрядов, имитировавших участие в ритуале погребения, в виде символических приношений веток, клочьев сена, камней, щепок, тряпиц и т. п. даже в конце XIX в. Кроме того, суеверный народ приписывал им способность вызывать особо опасные для будущего урожая весенние заморозки, засуху, другие природные катаклизмы. Страх перед подобными покойниками оказывался столь велик, что крестьяне совершенно не отличали скончавшегося насильственным образом иноверца-чужестранца от погибшего православного соплеменника. Более того, по замечанию Д. К. Зеленина, они вообще не интересовались обстоятельствами нечаянной гибели и поведением перед ней умершего. Именно поэтому в народном сознании «заложными» мертвецами считались и ногайский воин, застреленный из пищали при отражении набега кочевников на Курские земли, и вологодский разбойник Аника, осмелившийся поднять руку на странника-богомольца и надругаться над священными реликвиями, и погребенный в одном из курганов на границе Великолуцкого и Торопецкого уездов «храбрый витязь, богатырь славный, павший в честном бою за веру христианскую» (*Зеленин* 1995. С. 63-70).

По убеждению восточных славян, водная среда служила идеальным «местом» погребения «заложных» мертвецов, поскольку в реке, или в озере никого хоронить не приходится, а в мочажине (*Мочаг, мочак* – мо-

крое, непросыхающее место, особенно на солонцах. Сл.РЯ. Вып. 9. С. 281), в болоте, или в трясине земля сама «засосет» брошенный труп – только разве для ускорения природного процесса его следовало бы еще и затоптать. Дело в том, что в народном сознании само участие в полноценном христианском погребении «заложного» мертвеца в земле могло причинить вполне ощутимый вред всякому, кто присутствовал на этой церемонии, так как «нечистота» покойника автоматически распространялась на всех его могильщиков (*Еремина* 1991. С. 46). К тому же, водоемы, судя по известным восточнославянским пословицам: «было бы болото, а черти найдутся», «в тихом озере черти водятся» (вариант: «у тихому болоти чорти плодяцця»), «из омута в ад как рукой подать!», «где черт ни был, а на устье реки поспел», «черт огня боится, а в воде селится» и т. д., явно считались нечистыми местами (*Афанасьев*. ПВС. Т. 2. С.236; *Зеленин* 1995. С. 113; *Померанцева* 1975. С. 118-119, 122).

Похожее отношение к водной стихии, как месту обитания бесов, можно встретить и в русских заговорных текстах. (Сибирский сб. С. 256. Ср.: *Турилов, Чернецов* 2002. С. 32, 44, 46). Водная среда изображается местом пребывания демонических сил и в русских народных сказках (*Афанасьев*. НРС. Т. 1. № 117-120, 150-152. С. 196-200, 333-337, 339-340; Там же. Т. 2. № 216, 226, 228-229. С. 163-164, 209, 214-216; Там же. Т. 3. № 349, 350. С. 107, 110; *Худяков И.А.* 2001. № 65. С. 215; ВС Вятской губернии. № 2, 5, 36, 80. С. 50, 65, 172, 254; Северные сказки. Кн. 2. № 162, 170. С. 59-60, 90-92; СПБелоз. Кн. 1. № 155. С. 631 и др.).

Не случайно, поэтому в балтийских и восточнославянских языках термину «черт» нередко соответствует эвфемизм, семантически связанный с водной стихией и, прежде всего, с болотом (*Толстой* 1995. С. 247-248). Кроме того, по верованиям населения Новгородского края, именно лесную «болотину» нередко выбирает для своего дома еще один персонаж славянской низовой демонологии – леший. Там же обитает, между прочим, и сказочная Баба-Яга, чью избушку, как известно, поддерживают весьма экстравагантные сваи – «курьи ножки» (*Власова* 1995. С. 209; ВС Пермской губернии. № 31 (28). С. 166. Ср.: *Афанасьев*. НРС. Т. 1. № 173. С. 440; *Берегулева–Дмитриева Т.Г.* [Комментарии к №№ 12 (86) и 31 (28)] // ВС Пермской губернии. С. 522, 526).

В средневековой России болотная жижа неоднократно становилась как местом исполнения чудовищной по своей жестокости казни, так и могилой для инфернальных «заложных» покойников. По сообщению

А. Гваньини, опричники поймали по дороге в Литву сто пятьдесят «знатных» дворян, которые попытались бежать из страны и перейти на службу к польскому королю. Иван Грозный распорядился «всех их загнать в глубокое и очень грязное болото и уложить там наподобие моста», а затем живыми втоптать в гать (*Гваньини.* С. 151). В фольклорных преданиях рассказывается о случаях расправы крестьян на болотах с польско-литовскими интервентами в Смуту начала XVII в. Так, среди русского населения Карелии по сию пору бытует сказание об избиении одной из шаек «панов», напавших на деревню Совдозеро в 1613–1614 годах: тогда местные крестьяне заманили разбойников на болото, где и перетопили их, превратив трясину в могилу захватчиков (*Криничная* 1991. № 284. С. 159). Очевидно, с похожими намерениями костромской крестьянин И. Сусанин привел в заболоченное место отряд польско-литовских жолнеров, намеревавшихся погубить будущего российского царя Михаила Федоровича Романова в 1612 г. По версии одного из устных рассказов, мученическая кончина героя, зарубленного интервентами, не осталась без отмщения: там же на болоте поляков уничтожили подоспевшие русские «солдаты»-стрельцы, после чего прах Сусанина они торжественно перенесли в деревню Деревеньки, а останки жолнеров оставили без погребения на прихваченной льдом трясине (Сказание о спасении от поляков. С. 19). Аналогичное по содержанию предание было записано на Русском Севере: безвестный вологодский крестьянин завел банду «панов» на болото, где та погибла вместе с героем-проводником. Похожий сюжет известен и в западноукраинском фольклоре: во времена монгольского ига безвестный галицийский «парубок» точно также привел зимой на болото и хитростью погубил татарский отряд, предложив захватчикам развести большой костер на льду (*Криничная* 1991. № 307. С. 168-169; Легенди та перекази. С. 196).

«Похороны» христиан, объявленных верховной светской властью государственными преступниками, в болотной жиже, по-видимому, совершались даже в последние десятилетия XVII в. Возможно именно таким способом были преданы земле тела князей И. А. и А. И. Хованских и еще пяти стрельцов, спешно казненных, по распоряжению регентши, царевны Софьи, в окрестностях села Воздвиженского 17 сентября 1682 г. По широко распространенному среди жителей окрестных сел и деревень мнению, трупы отца и сына Хованских были затоптаны в болотную грязь Голыгинской гати, расположенной в двух верстах от Воз-

движенского на Московской дороге, при впадении реки Пажи в Ворю. Превратившись в «заложных» мертвецов, они лишились упокоения и в загробном мире, отчего в полночь под гатью слышны стоны убиенных князей, а иногда их призраки появляются на самой гати, умоляя случайных прохожих свидетельствовать перед Богом о своей невиновности и незаслуженно суровом наказании. При этом князь И. А. Хованский кланяется путникам, снимая отрубленную голову наподобие шапки (*Шереметев* 1908. С. 88-89). Позднейший вариант фольклорного рассказа о месте захоронения останков опальных вельмож записал вскоре после окончания Второй Мировой войны известный отечественный искусствовед М. А. Ильин. По словам одной из жительниц села Софрино (Сафарино), погубленные князья Хованские, держа в руках отрубленные головы, по-прежнему в полночь выходят на Старое Ярославское шоссе и теперь уже автомобилистов просят засвидетельствовать в Москве свою невиновность (*Ильин* 1973. С. 19-20).

По народному преданию, во время одного из набегов «бесерменов»-ногаев на Курск защитники города убили из пищали огромного роста ногайского воина, обезглавленный труп которого они сбросили и затоптали в болото. Кроме того, даже в конце XIX – начале XX веков суеверные крестьяне-великороссы, опасаясь засухи и иных стихийных катаклизмов, сталкивали в болотную трясину трупы еще одной категории «заложных» мертвецов – опойц вином (*Зеленин* 1995. С. 90-91, 100-104, 108-109). *А. А. Б.*

4–4. *...на Казенном дворе* – Казна, «колыбель приказного аппарата нового Русского государства», по выражению Ю. Г. Алексеева, «хозяйственно-финансовое ведомство, первая из общегосударственных управленческих структур, имевшая уже в 1491 г. собственное помещение – Казенный двор, где хранился государственный архив» (*Алексеев* 1998. С. 276). На основании этого ряд исследователей делает вывод о формировании приказной системы уже в конце XV в. Убежденным сторонником подобной теории в наше время является Ю. Г. Алексеев и менее последовательно его ученик К. В. Петров, к середине XVI в. относили складывание системы приказов А. А. Зимин и А. Л. Леонтьев (См. подробнее: *Петров* 2005. С. 11-20, 32; *Леонтьев* 1961. С. 43-51). Помимо тех функций, о которых точно написал Штаден, Казна выполняла и другие. Так, для губных старост Казна была высшей инстанцией по делам о мел-

ких уголовных преступлениях (АСЗ. Т. 2. № 492. С. 422-423. 14.III.1564 г.)

Кроме того, именно это ведомство раздавало иностранцам кормовые памяти, т. е. документ, согласно которому беспоместные иностранцы обеспечивались продовольствием и напитками. С. Ф. Платонов полагал, что по такой памяти Поместный приказ выделял иностранцу жалованную грамоту на поместье (*Платонов* 1995. С. 210; *Таценко* 2002. С. 200) и подорожные всем (в частности, такую подорожную, подписанную обоими казначеями – Фуниковым и Тютиным, 7 марта 1561 г. получил Иван Борисович Голохвастов (АСЗ. Т. 1. № 61. С. 52). О предварительных этапах поступления на царскую службу см. подробнее: *Скобелкин* 2006. С. 7-12).

4–5. *Микита Фуников* – Никита Афанасьевич Фуников (Курцев) – в течение четверти века вплоть до казни в июле 1570 г. находился на политической сцене в России. Послух в различных актах 1538–1549 г., он уже в 1545 г. служил дьяком в казне, в 1549–1553 г. был печатником и в это же время участвовал в походах на Казань. Притворившись больным, в 1553 г. не присягнул царевичу Дмитрию, но тем не менее опала постигла его лишь через год, когда он был тверским дворецким. О его кратковременной в течение 1554–1555 гг. опале, по-видимому не связанной с «мятежом» 1553 г., Грозный писал Курбскому, что Фуников провел «в заточении много лет, в далних странах, во алчбе и наготе», возлагая постфактум вину за это на ненавистную царю Избранную раду (ПИГАК. С. 91). С 1560 г. Фуников выступает в роли казначея, участвует в полоцком походе 1562–1563 гг., Земском соборе 1566 г., но кончает жизнь на «Поганой луже» в июле 1570 г., будучи обвинен в причастности к новгородской измене. (*Шлихтинг*. С. 48; *Таубе и Крузе*. С. 21; АСЗ. Т. 2. № 492. С. 423. 14.III.1562 г.; *Веселовский* 1975. С. 282; *Зимин* 2001. С. 139, 228, 264; *Шмидт* 1999. С. 155 – 158). Можно предполагать, что несмотря на разгром Новгорода, пополнивший казну и не только государеву, у царя не хватало денежных средств для дальнейшего продолжения войны, и он с удовольствием расправлялся с теми, кто набивал свою мошну, нанося тем самым ущерб государевой казне.

4–6. *Непрей Хозяин Тютин* – В списке имя, предположительно, искажено почти до неузнаваемости. Neprey – Непея. Если это так, то речь идет о Хозяине Юрьевиче Тютине, и мы узнаем еще одно его имя. Был казначеем уже в 1555 г., в 1566 г. участвовал в приеме литовских послов.

Его совместная деятельность с Фуниковым зафиксирована в 1561 г. Она могла продолжаться до 1568 г., когда, по словам Курбского, он был убит «всеродно», то есть вместе с женой и малолетними сыновьями (РИБ. Т. 31. Стб. 297; *Таубе и Крузе*. С. 40). «Муж зело богатый», по словам того же Курбского, оказался вовлеченным в финансовый конфликт варзужан с опричными двинянами из-за прав на промыслы семги. Не только причастность к конфликту, но и попустительство жителей кольских волостей, в том числе и варзужан, в захвате промысловых угодий и привела дьяка, по мнению Садикова, к трагическому концу (*Садиков* 1950. 208-209; *Лихачев* 1888. С. 264, 270). Но имущество его попало в государеву казну, из которой он и черпал третью деньгу.

4–7. *Григорий Кокуров* (Колуров) – видимо, имя также искажено. Самое естественное искать его среди Колударовых, однако Григория среди известных по русским источникам не имеется. Иван Иванович Колударов, староста, в 50-е годы XVI в. был дворовым по Угличу (ТКДТ. С. 206). Деятельность Василия Григорьевича, скорее всего сына казенного дьяка, служившего в 70-е годы в Разрядном приказе и Ямской избе, а 1584-85 гг. занимавшего должность дворцового дьяка в Великом Новгороде, приходится на вторую половину 70-х-вторую половину 80-х годов (*Веселовский* 1975. С. 253; АСЗ. Т. 1. № 306. С. 297. 4.V.1578; там же. Т. 3. № 250. С. 205. 9.II.1576 г.) В 1610 г. городовым приказчиком в Угличе был Семен Колударов (Там же. Т. 2. № 484. С. 416-417). Можно лишь предполагать, что Григорий «Кокуров» принадлежал к дьяческому роду Колударовых. Колудар, «Кулудар» или «Кулодал» (Иван Владимирович) Ирежский около 1448 г. был дьяком можайского князя Ивана Андреевича и в 40-е годы XV в. по распоряжению отца в его память, матери Олены и сына Бориса вложил в Троице-Сергиев монастырь ряд сел и деревень и охотничьих угодий (ДДГ. № 51. С. 155, 454; ВКТСМ. С. 162; АСЭИ. Т. 1. № 229. С. 163). Вкладную «подписалъ Кулударъ само своею рукою», причем не по-русски, но уйгурским письмом или стилизацией под него, несмотря на то, что сам принадлежал уже ко второму поколению жителей Углича. Впрочем, использование уйгурской письменности – отнюдь не редкость в Русском государстве даже после его освобождения от ордынской зависимости (*Морозов* 2006. С. 173-199). *А. В. А., А. Л. Х.*

4–8. *...третий пфенниг* – разумеется, речь шла не о пфенниге, а о деньге. Видимо, двумя первыми «пфеннигами» следует считать дань и ям-

ские деньги, два основных налога, платившихся деньгами. Размеры их, судя по этому замечанию, были равны. (См.: *Милюков* 1992. С. 9, 21-22, 90).

Что же касается замечания по существу, то Штаден имеет единомышленника Т. Тетерина – беглеца в Великое княжество Литовское, откуда тот писал М. Я. Морозову: «А есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, а которых дьяков отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют» (ПИГ. С. 537).

4–9. *Микита Романович* – Никита Романович Захарьин-Юрьев происходил из старомосковского рода. Женитьба Ивана IV на его сестре Анастасии содействовала успешной карьере и бурному возвышению 16-летнего(?) юноши – рынды в походе на Коломну в 1547 г. В 1559 г. он уже второй воевода передового полка в ливонском походе и окольничий. В 1562 г. получил чин боярина, в дипломатических отношениях с ВКЛ 1562, 1568 и 1570 гг. назван тверским наместником (Сб. РИО. Т. 71. № 5. С. 74-75). С конца 1564 г. – дворецкий. Таким образом, сообщение Штадена характеризует его деятельность после 1564 г. На протяжении 1564–1575 г. был активным участником военных и дипломатических начинаний царя, заседал на Земском соборе 1566 г., поддержал идею продолжения Ливонской войны. Несмотря на это в 1575 г. попал в опалу с конфискацией имущества и потерей должности дворецкого. Но продолжал оставаться весьма популярным среди московской знати («добрый боярин» народных исторических песен), что заставило Ивана Грозного включить его в завещание в качестве члена регентского совета при Федоре Иоанновиче. Оставался он так же популярным и во время московского восстания 1584 г., после которого ушел в тень. Ранний инсульт лишил его дееспособности в течение последних двух лет жизни. Скончался в 1586 г.

4–10. *...в приказе подклетных сел* – словосочетание содержит редкое обозначение дворцовых волостей (*Рождественский* 1866. С. 71. 1556; Архив Строева. Т. 1. № 168. Стб. 292. 1547 г.; *Большаков, Рожков* 1925. С. 161. См. комм. 49-1). Появление данного названия, бытовавшего, повидимому, исключительно в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в., в тексте Штадена трудно объяснимо, хотя и не вызывает сомнений в подлинности, тем более, что определение приведено как транслитерация. Штаден называет эти земли «дворами («hoefe»), которые принадлежали к дворцовому хозяйству». Русское название происходит, видимо, от термина, которым обозначалось помещение Дворца. Подклеть существовала уже

в 1567 г. и имела настолько пристойный вид, что литовским послам было предложено дожидаться царского пира именно там (Сб. РИО. Т. 71. С. 545). Видимо, прав Фр. Эпштейн, предполагавший, что в данном случае слово «подклеть» употреблялось в значении казнохранилища (впрочем, подобного значения ни О. В. Малкова, составитель соответствующей словарной статьи в Сл.РЯ. Т. 17. С. 266-267, ни В. И. Даль не дают). Само учреждение, согласно мнению Фр. Эпштейна, соответствовало позднейшему Приказу Большого дворца (*Epstein.* S. 10. Anm. 8). Гипотезе Эпштейна противоречит использование помещения для дипломатических целей. Как известно из более поздних сообщений иностранцев, их лишь изредка допускали в казнохранилище с тем, чтобы произвести впечатление богатством государя, а соответственно и мощью страны (*Маржерет.* С. 169). Помещение государевой подклети в начале XVII в. было довольно большим, оно имело 10 окон и было обито сукном, хотя и дешевым (См.: *Малкова О. В.* Указ соч. С. 267). Видимо, именно его Штаден и имел в виду, говоря о «канцелярии». Врядли ему самому приходилось иметь дело с этим учреждением, поэтому он не мог заметить разницу между ним и другими центральными приказами, вероятно, отличавшимися от дворцового своим убранством и функциями. В обязанности дворецкого входило управление дворцовыми селами, суд по делам, связанным с этими землями и их населением, обмен и межевание земель и другие аналогичные вопросы (*Леонтьев* 1961. С. 33-43; *Зимин* 2001; *Он же.* 1972. С. 246, 247).

4–11. *Landcanzelei* – Поместный приказ (в русских источниках Поместная изба). Это учреждение, ведавшее обеспечением служилых людей землями, вернее имениями, то есть землями на правах условного землевладения, оформилось в ходе военных реформ 1555–1556 гг. (*Epstein.* S. 228; *Зимин* 1960. С. 449). Вероятно, именно здесь составляли списки опричных, о чем в конце 80-х годов сообщал и Флетчер: «и тех, и других (опричных и земских. – *С. Ш.*) по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников» (*Флетчер.* С. 49). Эти списки не сохранились, однако, генетически близок к подобным спискам документ, опубликованный Д. Н. Альшицем, являющийся, скорее всего, объединенным списком опричных и земских (*Альшиц* 1949. С. 3-71; *Кобрин* 1960. С. 17, 18). Во времена Штадена в России действовало два подобных приказа – Земский и Опричный, о каком из них писал Штаден, неизвестно. *С. Ш., А. Х.*

4–12. *Путила Михайлович* – Путило Семен Михайлов сын Нечаев Митрофанов (далее – П. М.), дьяк Поместной избы в 1555–1569 гг. Можно полагать, что он родился в период правления вел. кн. московского Василия III, примерно в 1520-х гг. Происходил из среды ярославских и подмосковных вотчинников и являлся одним из крупных землевладельцев времени царя Ивана Грозного.

В Ярославском у. П. М. принадлежали родовые вотчинные земли: с. Константиновское и д. Константиново. Возможно, под этими землями имеются в виду д. Старое Константиново и д. Новое Константиново в Пажецкой вол. Ярославского уезда, принадлежавшие позднее Ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю (см.: *Антонов* 1997. С. 99. № 102; *Черкасова* 1996. С. 28). Именно этому монастырю в 1565/66 г. он пожертвовал впоследствии константиновские вотчинные земли на помин родичей (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 178; ОПИ ЯГМЗ. Инв. № 15184. Л. 153 об.; Там же. Инв. № 15426. Л. 69 об.; ИАЯСМ ДКК. С. 31). Из данных приправочного списка с Ярославских писцовых книг 1567–1569 гг., можно сделать общий подсчет размеров этих константиновских владений. Они составляла 90 четвертей худой пашенной земли в трех полях, 5 десятин пашенного леса и 6 десятин непашенного леса, а сенокосные угодья давали ежегодно 40 копен (ПМЯУ. С. 159). Очевидно, кроме вотчинных константиновских владений, пожертвованных Спасо-Преображенскому монастырю, Путилу в Ярославском у. принадлежали и другие земли: в 1565/66 г. он дал в этот монастырь лишь половину своих константиновских лугов и пожен (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 178).

Крупное подмосковное вотчинное владение П. М. находилось в бассейне р. Истры, на стыке Сурожского ст. Московского у., Воинической вол. Рузского у. и вол. Мушковой трети Дмитровского у. Центром этих земель было с. Нефимоново-Покровское, на границе двух последних волостей. К селу тянуло 10 окрестных деревень: Бабкино, Балино (Болино), Березовец, Быково, Дубровки-Потырино, Орешники, Подсосенье, Семенчаково (Семенчково), Харитоново и Яковлево. (см.: АРГ/АММС. № 80. С. 196, 476; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 113; РУПК. С. 63. Л. 275-276; РГАДА. Ф. 281. № 58/7200. Л. 2; там же. № 136/10367; Там же. № 137/10368; Там же. Ф. 1209. Оп. 1. № 425. Л. 351-352 об.; Там же. № 845. Л. 305-397 об.; *Шумаков*. Вып. 3. № 222. С. 67-68). Общая площадь владений нефимоновской вотчины составляла примерно 500–600 десятин пашенной земли в трех полях (*Назаров В. Д.* Комментарий // АРГ/АММС. № 80.

С. 476), иначе говоря, 1000–1200 четвертей; данное имение в момент вклада его в Московский Богоявленский монастырь в начале 70-х гг. XVI в. оценивалось в 500 руб. (см.: АРГ/АММС. № 80. С. 196). Судя по названию села, прежде оно принадлежало детям боярским Нефимоновым.

П. М. принадлежала также сц. Копытово на рч. Копытовке (Дретовке) в Васильцове ст. Московского у. Вотчинное владение располагалось по дороге в Ярославль и было сравнительно небольшим (150 четвертей, или 75 десятин пашенной земли в трех полях, к которой примыкало 3 десятины леса «пороснягу»). Позднее, в 70-х гг. XVI в., уже после смерти П. М., Копытово превратилось в одноименную «объзжую» пустошь, которая в 1621 г. была пожалована как поместная земля боярину кн. Д. Т. Трубецкому. По выстроенной здесь позднее каменной церкви во имя св. Алексия Человека Божия имение на рч. Копытовке стало называться с. Алексеевским. После смерти вдовы кнг. Анны Васильевны Трубецкой с. Алексеевское перешло в государеву казну. Ныне находится в составе г. Москвы в качестве ее района под названием «Алексеевское» (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 4; СНМ. Московская губ. № 308. С. 15; ИМР. С. 405). Копытово соседствовало с вотчинными землями служилого человека А. Д. Басманова, происходившего из знатного боярского рода Плещеевых, представители которого издавна были на службе у московских государей (об А. Д. Басманове подробнее см.: *Кобрин* 1960. С. 58–59). В связи с этим соседством, П.М. 2 июля 1549 г. стал одним из послухов при оформлении купчей А. Д. Басманова архимандриту Московского Чудова монастыря Вассиану с братией на с-цо Хороброво, д. Ивакино и с-ще Бываловское в Васильцове ст. Московского у. (см.: *Кистерев* 2003-а. С. 95). Среди других соседей П. М. в Васильцове ст. были такие известные исторические деятели, как боярин кн. Иван Андреевич Куракин и царский казначей Никита Афанасьевич Фуников-Курцев, чьи вотчинные земли после их царской опалы также запустели в 70-х гг. XVI в. (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 4). Помимо этих подмосковных владений, П. М. ранее принадлежала вотчинная д. Полубояриново в Оглоблинском ст. Коломенского у. Площадь пахотных угодий в этой деревне составляла 210 четвертей в трех полях; к деревне примыкали лес и сенные угодья (см.: АФЗХ/АМСМ. № 187. С. 235). По ретроспективным данным писцовой книги Коломенского у. можно уточнить, что Полубояриново находилось в Большом Микулине ст. на рч. Невеселе. На вотчиннай земле утвердилась трехпольная система ведения хозяйства, при которой пашня

содержала 90 четвертей «середней» земли, 75 четвертей перелога и 45 четвертей; лесные угодья состояли из трех десятин рощи и двух десятин леса, росшего по оврагам. Сенокосы по речке и по заполью составляли 15 копен (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 375). Позднее П.М. обменял свою деревню на приданую костромскую д. Зайцево с деревнями кнг. Арины Волконской. Обмен состоялся не ранее 1558 г., так как муж кнг. Арины кн. Иван Дмитриевич Волконский в последний раз упомянут живым в источниках 22 апреля этого года (см.: *Волконская* 1900. С. 727, 793). Писцовых описаний д. Зайцево XVI–XVII вв. неизвестно. По данным сер. XIX в., с. Полубояриново с прудом и колодцами находилось в 20 верстах от Коломны по правую сторону дороги из Коломны в Каширу и насчитывало 28 дворов (СНМ Московской губ. № 4006. С. 154).

П. М. являлся также богатейшим вяземским помещиком: в Лосменском ст. Вяземского у. Михайлову принадлежали обширные поместья: с. Скоблево на рч. Лосменке, а также с-цо Юшино на рч. Волсте, которое раньше было деревней (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 764, 767). Возможно, эти поместья вошли в состав земельного фонда дьяка еще в доопричные времена, но он мог получить их при переходе в опричнину. По ретроспективным данным приправочного списка с писцовой книги Вяземского у. с. Скоблево с припущенными к нему деревнями «Константиновское, а Старостино другое тож, да дер. Григорьево» имело 195 четвертей «середней» пахотной земли и перелога в трех полях, а также водяную «немецкую» мельницу на рч. Лосменке под селом. В селе была также старая Спасо-Преображенская церковь с двумя приделами, которая имела 33 четверти пахотной средней земли в трех полях, а также новая церковь во имя Николы Чудотворца, которая имела 29 четвертей пахотной средней земли в трех полях. К с. Скоблево, помимо припущенных в пашню деревень, тянуло еще 23 деревни и 3 с половиной починка. Согласно итоговой записи приправочного списка с писцовых книг Вяземского у., скоблевское поместье содержало в целом свыше 2004 четвертей пахотной земли разного качества в трех полях, 44,5 десятины пашенного леса и 139 десятин непашенного леса; с сенокосов накашивалось 661 копна (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 767). Позднее скоблевское поместье стало собственностью нового помещика Тимофея Замятни Ивановича Сабурова (Там же); который, скорее всего, был опричником (см.: *Веселовский* 1963. С. 231-232, 438-439; *Он же* 1969. С. 89; *Зимин* 2001. С. 215, 379, прим. 247; ср.: *Кобрин* 1960. С. 91). Вероятно, скоблевское поместье стало владени-

ем З.И. Сабурова во времена опричнины и, может быть, после пострижения П.М. в Московском Богоявленском монастыре в 1570 г. В 1571 г. Замятня попал в опалу и был утоплен по приказу царя в Волхове (*Веселовский* 1963. С. 232, 438-439; *Он же* 1969. С. 191).

Второе из числа принадлежавших П. М. поместий – с-цо Юшино, по тем же ретроспективным данным, насчитывало 105 четвертей худой пахотной земли и перелогу в трех полях и 1,5 десятины пашенного леса; сенокосные участки давали 30 копен сена. Владельцем этого сельца П. М. мог стать также в доопричное время или после своего в опричнину. К сельцу тянули 5 деревень, один починок и полпочинка. По нашему подсчету, юшинское поместье содержало в целом 465 четвертей пахотной земли разного качества и 150 четвертей перелога в трех полях, 33 четверти земли, поросшей лесом, в трех полях, 6,5 десятины пашенного леса и 2 десятины непашенного леса. Сенокосы давали ежегодно 220 копен (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 767). Прежний владелец с-ца Юшина – тысячник 3-й статьи кн. Юрий Петрович Репнин-Оболенский, родной брат убитого 30 апреля 1564 г. по приказу царя опального боярина кн. Михаила Петровича Репнина-Оболенского. Сведения о ратной службе кн. Ю.П. Репнина-Оболенского, начавшейся еще с 1547 г., обрываются на 1563 г. (РК 1475–1598 гг. С. 171, 198, 200; РК 1475–1605 гг. Т. 1. С. 324, 338); в родословцах кн. Юрий Петрович показан бездетным (*Кобрин* 1995. С. 110. № 147). Можно полагать, что он мог умереть около 1563 г., и его поместные земли были возвращены в этой связи в государеву казну, а затем отданы дьяку П. М. Впрочем, они могли вернуться в казну и до смерти кн. Юрия и поступить в поместную раздачу. В частности, одна из деревень Юшинского поместья – д. Мелзина – ранее принадлежала двоюродному брату кн. Юрия Петровича кн. Андрею Васильевичу Репнину-Оболенскому, ратные службы которого прослеживаются с 1562/63 г. по 1577 г. (РК 1475–1598 гг. С. 582 [по указ.]; *Кобрин* 1995. С. 110. № 148). После П. М. с-цо Юшино, 5 тянувших к нему окрестных деревень и полпочинка стали собственностью новых вяземских помещиков Василия Ильина и Льва Волковых. Согласно итоговой записи приправочного списка с писцовых книг Вяземского у., поместье насчитывало свыше 567 четвертей пахотной земли разного качества в трех полях, 6, 5 десятин пашенного леса и 3 десятины непашенного леса; с сенокосов накашивалось 245 копен (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 767).

Как долго эти вяземские поместья были владением П. М., сказать трудно. Вязьма с уездом была взята в опричнину сразу же в 1565 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 394), но было ли в уезде проведено полное выселение всех земских помещиков, как этого требовал указ об опричнине (см.: Там же. С. 395), точно неизвестно. Как отмечал А. А. Зимин, «в опричных уездах, вероятно, была чересполосица владений» опричных и земских владельцев (*Зимин* 2001. С. 204). Поэтому, если П. М. получил здесь земли до 1565 г., то вполне возможно, что выселение из опричного Вяземского у. могло не коснуться близкого к царю дьяка. Скорее всего, эти вяземские земли поступили в государеву казну после окончания служебной карьеры П. М. и затем уже через новую поместную раздачу оказались соответственно в руках З. И. Сабурова и Волковых.

Не исключено, что Михайлову ранее принадлежала также и вотчинное с-цо Супонево с деревнями Звенигородского у., которыми в XVI в. владел его старший сын Никита Семенович Путилов (*Шумаков*. Вып. 3. № 420. С. 116; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 638. Л. 137-137об.). До 1558–1560 гг. данное с-цо Супонево с шестью окрестными деревнями было собственностью, тысячника 3-й статьи, дворового сына боярского ярославского кн. Василия Михайловича Троекурова (ТКДТ. С. 63. Л. 124 об.; С. 120. Л. 92: ГИМ. Муз. собр. № 3417. Л. 47об.), упоминавшегося на ратных службах в разрядах в 1559/60 – 1567/68 гг. (РК 1475–1598 гг. С. 192, 193, 225). В составе имения насчитывалось 361 четверть с осьминой пашенной средней земли, 29 четвертей худой пашенной земли, 70 четвертей пашенного леса, 40 четвертей непашенного леса и 84 четверти лесной рощи (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 671; ПСПКЗУ. Вып. 1. С. 36). В родословцах кн. В. М. Троекуров записан бездетным (Бархатная книга. Ч. 1. С. 117).

Состав земельных владений П. М. был, по всей вероятности, еще шире, чем указано в комментарии, но скудость известных источников не позволяет установить это в полной мере.

В состав русского средневекового чиновничества П. М. вошел еще в годы деятельности правительства «Избранной рады».

В 1550 г., вскоре после прошедшего в феврале 1549 г. в Москве т. н. «собора примирения», знаменовавшего собой превращение страны в сословно-представительную монархию (см.: *Юшков* 1950. С. 43-44; *Тихомиров* 1958. С. 4-9; *Зимин* 1960. С. 325-326; *Носов* 1967. С. 5-68; *Назаров* 2009), П. М. уже выступает в служилом дьяческом чине, ибо в первых числах сентября 1550 г. он был участником свадьбы двоюродного брата

Ивана IV кн. Владимира Андреевича Старицкого и Евдокии Александровны Нагой. Во время свадебной церемонии дьяк П. М. стоял «на постельном дворце» вместе с дворцовым дьяком Постником Путятиным (ДРВ. Ч. 13. С. 55). Очевидно, П. М. также состоял тогда в дворцовом ведомстве, которое возглавлял влиятельный сановник – царский свойственник боярин и дворецкий Данила Романович Юрьев, шурин царя (*Смирнов* 1958. С. 136, 210; *Зимин* 1960. С. 311; *Скрынников* 1992. С. 97). Не исключено, что появление служащих дворцового ведомства, в том числе П. М., на свадьбе царского брата было обусловлено протекцией боярина и дворецкого Д. Р. Юрьева и личным указанием Ивана IV.

Дьяческий чин Путило получил, возможно, сразу же, минуя чин подьячего, благодаря своему дворянскому происхождению, родственным и дружеским связям с княжескими и иными дворянскими фамилиями, а также образованности и деловым качествам. В 1551/52 г. он уже был «большим дьяком» и записан в Дворовой тетради Ивана Грозного 8-м в числе дьяков этой категории (ТКДТ. С. 115. Л. 88 об.; ГИМ. Муз. собр. № 3417. Л. 45). Во время службы приближенный к царю большой дьяк П.М. мог по поручению самого царя и А. Ф. Адашева заниматься решением различных текущих вопросов поместно-вотчинного характера и принимать плодотворное участие в разработке 85-й статьи Судебника 1550 г., посвященной ведению суда по вопросам боярско-вотчинного землевладения, в подготовке приговора от 11 мая 1551 г., ограничивавшего земельные привилегии духовных феодалов.

Поместная изба как орган центрального государственного управления образовалась в результате военных реформ «Избранной рады» и ведала вопросами земельного обеспечения военно-служилого сословия, описанием, дачей и обменом поместно-вотчинных земель. Все операции, связанные с куплей-продажей и обменом вотчинных земель, фиксировались в специальных книгах. Очевидно, благодаря богатому опыту по дворцовому управлению поместно-вотчинным землевладением П. М. возглавил деятельность Поместной избы вместе со своим помощником, вторым дьяком Василием Степановым («Стефановым») вплоть до 1569 г.

Начиная с 1555 г., П, М. и В. Степанов с санкции царя становятся на долгие годы дьяками Поместной избы (*Лихачев* 1888. С. 262 – 264; *Веселовский* 1975. С. 333). Не исключено, что назначение П. М. главным дьяком Поместной избы состоялось по протекции Д. Р. Юрьева. Только на

протяжении 1555/56 г. поместные дьяки подписали 70 грамот, связанных с земельными делами новгородцев (*Лихачев* 1888. С. 262-264).

Как руководитель Поместной избы, П. М. участвовал в проведении компромиссной земельной политики «Избранной рады», которая в то время полностью соответствовала представлениям и устремлениям самого царя Ивана. По Штадену, царские предписания в виде указов о наделении служилых людей поместной землей поступали на Казенный двор [т. е. в царскую канцелярию. – *Ю. Д. Р.*], а уже там составлялись соответствующие памяти поместным дьякам «Путиле Михайловичу» и «Василию Степановичу», которые должны были затем такие земли подыскать в государевом поместном фонде, дать их вновь поступающим на царскую службу и записать поместную дачу в специальных книгах. П. М. со своими «товарищами», приказными людьми, старался правильно организовать верстание служилых детей боярских поместными землями и привести землевладение дворян в соответствие с их служилыми обязанностями и порученными предписаниями. Очевидно, он принимал участие и в разработке законов, связанных с поместно-вотчинным землевладением, в частности в подготовке Уложения о службе 1556 г. и закона от 11 января 1558 г. о заложенных вотчинах.

Будучи дьяками Поместной избы, П. М. и В. Степанов по указанию царя занимались также сбором пошлин для государевой казны с земель, шедших в поместную раздачу представителям служилого класса. Очевидно, именно эту сторону деятельности названных поместных дьяков и имел в виду Штаден, когда писал, что оба этих приказных деятеля «хорошо набили свою мошну» в ходе исполнения ими своих служебных обязанностей. Достоверность данных Штадена о «наживе» дьяков не поддается прямой источниковедческой проверке, однако такое положение вещей вполне вписывается в общую картину злоупотреблений государственных чиновников при управлении страной в это время. Современник П. М. кн. А. М. Курбский, обличая систему злоупотреблений этих чиновников в отношении купецкого чина и земледельцев, писал в начале 60-х гг. XVI в. старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, что последние «стражут безмерными данми продаваеми, и от немилостивых приставов влачими, и без милосердия биеми, и овы дани вземше, ины взимающе, о иных посылающе, и иные умышляюще» (БЛДР. Т. 11. СПб., 2001. С. 510).

В 1556–1562 гг. П. М. дополнительно осуществлял и особые кормленые функции по управлению богатой и обширной Двинской землей. Дьяк имел даже право личного доклада государю (ААЭ. Т. 1. № 250. С. 273). Из кормленых функций поместного дьяка в начале 60-х гг. XVI в. сложилась специальная «Четверть» П. М. (*Садиков* 1950. С. 235-237; *Зимин* 1960. С. 424, 449. Прим. 3). Выполнение П. М. кормленых функций в течение длительного времени свидетельствует о несомненном особом расположении к нему царя Ивана.

После падения в 1560 г. окольничего А. Ф. Адашева и «Избранной рады» Поместная изба, а соответственно и ее глава, стали осуществлять в земельной политике курс на более активное ограничение княжеско-боярского землевладения и обеспечения служилого дворянства новыми землями. Эта политика была следствием отказа царя Ивана IV от политики компромисса «Избранной рады». Уже в сентябре – октябре 1560 г. все вотчины А. Ф. Адашева и его брата Д. Ф. Адашева в Костромском и Переяславском уездах отписываются в государеву казну, а вместо них Адашевым «за опалу» даются земли в Топальской вол. Бежецкой пятины (см.: *Корецкий* 1962. С. 120-128). 15 января 1562 г. новым царским правительством был принят закон о княжеском землевладении, который запрещал служилым князьям продавать и менять их вотчинные владения или давать эти земли дочерям в приданое. При отсутствии у князей наследников мужского пола их земли должны были отписываться в казну. Выморочные земли бояр и других светских феодалов должны были также поступать в государеву казну (см.: *Зимин* 1960. С. 476-477). Эти новопоступившие в казну земли должны были пополнять земельный фонд для раздачи поместий служилым дворянам.

В начале января 1565 г., в преддверии учреждения в России опричнины, дьяк Поместной избы П. М. вместе с дьяком Посольской избы Андреем Васильевым по личному указанию царя зачитывал в Кремле его грамоту из Александровой Слободы, обращенную к жителям московского посада (ПСРЛ. Т. 13. С. 392). Этот факт – еще одно убедительное доказательство особого доверия царя Ивана к П. М. и А. Васильеву. После введения в феврале 1565 г. опричнины П. М. остался в Земщине, поскольку царским указом об опричнине дьякам и всем приказным людям предписывалось «быти по своим приказом и управу чинити по старине» (Там же. С. 395). В этой связи П. М. и В. Степанов остались руководить Поместной избой, подведомственной правительству Земщины.

П. М., несомненно, принимал активное участие в осуществлении новой земельной политики Грозного: перемещениях земских служилых людей из опричных уездов на земли, находившиеся в ведении Земщины (*Веселовский* 1963. С. 178-183; *Зимин* 2001. С. 192-212; *Скрынников* 1992. С. 217-223 и др.). Кроме того, в результате начавшихся в феврале 1565 г. казней и опал представителей многих княжеских и нетитулованных дворянских фамилий их вотчинные земли по указу Ивана IV должны были отписываться на государя и поступать затем в царскую казну. Опальные же служилые люди вместе с женами и детьми по царскому указу ссылались «на житьё» в Казань, Свияжск и Чебоксары, где ссыльным взамен их бывших конфискованных вотчин выделялись поместные земли (см. об этом подробнее: РК 1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С. 196; *Зимин* 2001. С. 92-97; *Скрынников* 1992. С. 244-261).

В январе–марте 1566 г. П. М. участвовал в компании по насильственному обмену удельных земель кн. Владимира Андреевича Старицкого на царские дмитровские, боровские, звенигородские и стародубские земли. П. М. осуществлял этот обмен вместе с боярином и конюшим Иваном Петровичем Федоровым, боярином и дворецким Никитой Романовичем Юрьевым и казначеем Никитой Афанасьевичем Фуниковым (ДДГ. № 103. С. 422-426; ОАПП 1626 г. С. 65. Л. 59-59об.; *Зимин* 2001. С. 99-100: *Скрынников* 1992. С. 238-239). Значительная часть земель Старицкого удела, ликвидированного царем в результате насильственного «обмена», вошла в состав Опричнины.

В связи с амнистированием половины опальных служилых людей (РК 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 196) и их возвращением из ссылки из Казани и Свияжска, поместным дьякам, начиная с мая 1566 г., пришлось много потрудиться в деле обеспечения прощенных ссыльных землями. Им не всегда возвращались конфискованные ранее земли, поскольку часть этих земель была взята в Опричнину и отдана в поместье новым людям. Дьякам приходилось в ряде случаев взамен ранее отобранных родовых вотчин предоставлять попавшим под амнистию бывшим ссыльным иные земли в других уездах (*Зимин* 2001. С. 196-208, 230; *Скрынников* 1992. С. 246-247, 274-277 и др.).

В 1565/66 г. П. М. оформил данную о пожертвовании ярославского вотчинного с. Константиновского и д. Константиново с половиной лугов и пожен в Ярославский Спасо-Преображенский монастырь с целью вечного и повседневного церковного поминовения здесь своих родственни-

ков («родителей») (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 178; ОПИ ЯГМЗ. Инв. № 15184. Л. 153 об.-154; ИАЯСМ ДКК. С. 31; *Антонов* 1997. С. 99. № 102;.*Черкасова* 1996. С. 28). Возможно, это делалось по духовному завещанию его умершего отца Михаила Митрофанова, являвшегося постриженником этого монастыря. Как значилось в кормовой книге Спасо-Преображенского монастыря, 4 июня [т. е. в день памяти патриарха Константинопольского Митрофана, небесного покровителя деда Путила-Митрофана (см.: *Лихачев Н. П.* Двойные имена // ИРГО. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 127)], монахам обители ежегодно было «велено 3 литургии служит(ь), братию и нищих, прилучившихся ту, кормит(ь)» (ОПИ ЯГМЗ. Инв. № 15184. Л. 153 об.-154; ИАЯСМ ДКК. С. 31).

В июне–июле 1566 г. П. М. был в числе участников Земского собора, обсуждавшего по указанию царя вопрос о дальнейшем продолжении Ливонской войны. Им был подписан приговор собора о продолжении войны (СГГД. Ч. 1. № 192. С. 554-555).

Последние известные прямые упоминания о службе П. М.в должности поместного дьяка относятся к 1568 г. и к январю 1569 г. В мае 1568 г. он участвовал в составлении приговора Ближней думы о польско-русских рубежах и был записан первым в списке дьяков (Сб. РИО. Т. 71. С. 564-565; *Богатырев.* Ч. 2. С. 103-104, 111). А 28 ноября 1568 г. он вместе с дьяком В. Степановым был назначен сборщиком оброка в царскую казну с отписанной на государя половины белозерской вотчины казненного 11 сентября 1568 г. боярина И. П. Федорова (см.: *Кобрин* 1958-б. С. 157). 27 января 1569 г. Михайлов продолжал быть главным поместным дьяком (см.: АСЗ. Т. 4. № 45. С. 35), пока не перешел где-то во второй половине 1569 г. на службу в опричнину.

Благодаря высокому авторитету поместного дьяка у элиты средневекового русского общества и у самого царя, П. М. не раз успешно исполнял и роль душеприказчика у видных представителей знати. Так, 11 декабря 1559 г. П. М. «по приказу» царского дяди боярина кн. М. В. Глинского вместе с боярином кн. И. И. Турунтаем-Пронским, кн. Д. М. Жижемским и своим постоянным сподвижником и помощником поместным дьяком Василием Степановым сделали гигантский 500-рублевый вклад по душе умершего кн. Михаила в Троице-Сергиев монастырь (ВКТСМ. С. 50. Л. 151). Около этого времени Михайлов сделал также 10-ти рублевый вклад по душе того же князя Михаила, носившего крестильное имя «Лазарь», в Махрищский Стефанов монастырь (*Леонид (Кавелин)* 1878.

С. 8). Вскоре после 26 октября 1564 г. вместе с боярином Н. Р. Юрьевым он внес заупокойные денежные вклады по старшему брату царицы Анастасии дворецкому Д. Р. Юрьеву в Московский Симонов монастырь в размере 30 руб. (ВККМСМ. С. 61) и в Ростовский Борисоглебский монастырь в размере 20 руб. (*Титов* 1881-а. С. 35). В 1564/65 г. дьяк П. М. «с товарищи» по приказу царя сделали 30-тирублевый вклад по душе погибшего «от нечестивых турок» служилого князя Ивана Амашука (Ахамашука) Черкасского в Иосифо-Волоколамский и Ростовский Борисоглебский монастыри (*Титов* 1881-б. С. 59 – 60; Das Speisungsbuch von Volokolamsk. S. 93; *Титов* 1881-а. С. 24). А 10 июля 1565 г. Путило вместе с дворцовым и посольским дьяком А. Васильевым сделали денежный вклад в размере 20 руб. в Троице-Сергиев монастырь по душе покойного Игнатия Иванова сына Курицына (ВКТСМ. С. 48. Л. 141 об.; *Веселовский* 1975. С. 279), происходившего из видной дьяческой фамилии, тесно связанной с Государевым двором и княжеской знатью.

Где-то, во второй половине 1569 г. биография П. М. была уже связана с опричниной, ибо в одной из грамот Боярской думы 1583 г. П. М. упомянут в качестве опричного казначея, умершего 12 лет назад (см.: КПМВКЛ 1573–1580. Т. 2. С. 278). В царской грамоте от 27 декабря 1569 г., присланной в Москву боярам, П. М. значился как член Опричного двора Ивана Грозного, ибо ему вместе с боярином Иваном Яковлевичем Чеботовым «в опришнину» была послана специальная память Грозного с указанием обеспечить кормами приехавших литовских послов в Вязьме и других опричных городах (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 9). И. Я. Чеботов явно исполнял в данное время функции опричного дворецкого, а П. М. находился у этого дворецкого в непосредственном подчинении как опричный казначей (*Богатырев* Ч. 2. С. 107).

Можно полагать, что П. М. стал опричным казначеем вскоре после смерти или отставки Угрима Львова сына Пивова, который в последний раз упоминается в этом чине в царской грамоте 12 июня 1569 г. (см.: *Садиков* 1940. № 37. С. 235 – 237; *Он же*. 1950. С. 312). Назначение П. М. на казначейскую должность в Опричный двор свидетельствовало об особом авторитете главного поместного дьяка и о продолжающемся расположении и доверии к нему со стороны царя. Его старший сын Никита Путилов уже ранее состоял на службе в Опричном дворе. В сентябре 1567 г. Никита как поддатня к третьему саадаку упомянут в опричном разряде похода царя Ивана Грозного и его сына царевича Ивана в Ливонию про-

тив короля Сигизмунда II Августа (РК 1475–1598. С. 228; *Кобрин* 1960. С. 68). Занятая Михайловым должность казначея в Опричном дворе царя Ивана Грозного, безусловно, была более значимой и весомой, чем исполнявшаяся им прежде на протяжении нескольких лет должность поместного приказного дьяка в Земщине.

В этой должности П. М. долго, правда, служить не пришлось. В ноябре 1569 г. из рук дьяка В. Я. Щелкалова царь получил безымянный донос на некоего Петра Волынца, который слышал какие-то «непригожие речи» о государе. В Великом Новгороде якобы была найдена некая «польская память», о которой отписали в Москву новгородские дьяки А. Безносов и К. Румянцев. Подозревая намерение Великого Новгорода и Пскова «изменить» царю и отложиться под власть польского короля Сигизмунда II Августа (ГАР. С. 427, 544-545; *Зимин* 2001. С. 186; *Кобрин* 1969-б. С. 215-219; *Скрынников* 1992. С. 367), в конце декабря 1569 г. Иван IV предпринял карательный поход войска опричников на северо-запад страны и жестоко расправился с жителями Клина, Торжка, Твери, Вышнего Волочка и Великого Новгорода. По возвращении в феврале 1570 г. в Александровскую Слободу царь вместе с главой сыскного ведомства Малютой Скуратовым продолжил поиск подозреваемых в «измене» лиц.

27 мая 1570 г. состоялось заседание членов Ближней думы (Сб. РИО. Т. 71. С. 666), в состав которой П. М. входил прежде как большой дьяк (*Богатырев*. Ч. 2. С. 104, 111). Сведений о его присутствии на данном заседании нет. Возможно, это было вызвано тем, что опричный казначей по своему статусу не имел права присутствовать на заседаниях ближних думцев: ведь сведений об участии в них прежнего опричного казначея У. Л. Пивова у нас также не имеется. Однако последнее обстоятельство может объясняться плохой сохранностью источников. Если предположить, что П. М. с учетом его особой близости к царю мог оставаться членом Ближней думы и в должности казначея, то факт отсутствия П. М. на этом заседании может объясняться той причиной, что он находился в это время не в Москве, а вне ее, например, в своем подмосковном вотчинном селе. По крайней мере, в нашем распоряжении сейчас имеется драгоценный факт, что 5 июля 1570 г., в день памяти преп. Афанасия Афонского, П. М. был в своей подмосковной вотчине с. Нефимонове и сделал книжный вклад «в наследие вечных благ» в вотчинную церковь во имя святого и праведного Симеона Богоприимца, которую он сам устроил взамен бывшей в с. Нефимонове церкви Покрова Пре-

святой Богородицы, от названия которой, очевидно, и происходило второе параллельное название с. Нефимонова – Покровское (НИОР РГБ. Ф. 98. № 8. Л. 9, 24, 37, 49, 61, 72, 87, 99, 110, 122, 134, 150, 169, 183, 201, 221, 239, 263, 287, 318, 342, 378, 403, 430, 464; *Рыков* 2009). Именно под таким престольным названием «Покровское» с. Нефимоново упоминалось в Писцовой книге 1567–1569 гг. кн. Михаила Васильевича Литвинова-Мосальского, Григория Степановича Пильемова и Андрея Никитича Сабурова. Однако сведений о существовании в это время в данном вотчинном селе Покровской или иной церкви нет (см.: РУПК. С. 63. Л. 275 – 276). Главный престол новой частной Путиловской церкви в этом селе был посвящен небесному покровителю вотчинника – Симеону Богоприимцу (АРГ/АММС. № 80. С. 195).

Появление Симеоновской церкви в родовой вотчине П. М. могло состояться в период времени между августом 1569 г. (крайнее время окончания описания Рузского у. по сентябрьскому византийскому календарю) и 5 июля 1570 г. (дата книжного вклада Михайлова в храм). С учетом наличия в новопостроенном храме в июле 1570 г. освященного главного престола во имя святого и праведного Симеона Богоприимца можно думать, что это освящение произошло вскоре после постройки храма. Наиболее удобным временем для постройки церкви могла быть осень 1569 г., когда были завершены все необходимые сельскохозяйственные работы по уборке урожая в вотчине.

Как рачительный и благочестивый хозяин, П.М. всемерно заботился о пополнении книжного собрания своего частного храма и его внутреннего убранства. Часть икон в этот храм была передана самим Путилом, часть – его старшим сыном (АРГ/АММС. № 80. С. 195).

Книжное собрание, скорее всего, рукописное, церкви Симеона Богоприимца сложилось, очевидно, путем покупок необходимых богослужебных книг самим П. М., поскольку храм являлся такой же феодальной частной собственностью Путила, как и окружавшие этот храм земельные владения данного вотчинника, составлявшие церковный приход. Последней купленной П. М. для своего храма в с. Нефимоново книгой была Минея служебная на май-август в списке сер. XVI в. (НИОР РГБ. Ф. 98. № 8). Однако процесс комплектования собрания богослужебных книг для частного путиловского храма к началу июля 1570 г. еще не был вполне завершен, чем и объясняется, в частности, отсутствие в храмовой библиотеке церковного устава, основного практического ру-

ководства для священника при совершении богослужения. Видимо, вплоть до 5 июля 1570 г. П. М. еще не был в опале, что и позволило ему заниматься церковным благоустройством в родовой вотчине.

После отъезда 3 июля 1570 г. из Москвы в Речь Посполитую польско-литовских послов во главе с Яном Кротоским (Сб. РИО. Т. 71. С. 745) в столице вновь возобновились утихшие было розыски подозреваемых лиц и царские казни и репрессии обвиненных в «новгородской измене» русских подданных. 20 июля 1570 г., в Ильин день, по приказу царя Ивана были казнены боярин и воевода кн. П. С. Серебряный и дьяк Мясоед Вислый. Затем было перебито свыше 150 человек польских пленных (*Шлихтинг*. С. 37-44; *Гваньини*. С. 137-141; РИБ. Т. 31. Стб. 280). Однако особой кульминации царские репрессии достигли 25 июля, в день св. Иакова, когда были совершены массовые казни русских людей на рыночной площади в Москве (*Шлихтинг*. С. 46-47; *Гваньини*. С. 141-149; ср.: *Штаден*. Наст. изд. С. 121).

После отъезда польских послов в июле 1570 г., царская подозрительность к подданным в «измене», особенно усилилась, и деятельность сыскного аппарата Ивана Грозного приобрела новый импульс, в результате чего значительно расширился и круг подозреваемых в «измене». Возможно, что именно в это время к следственному «дознанию» мог быть привлечен и вернувшийся из родовой вотчины царский «верник» опричный казначей П. М., вызвавший какие-нибудь подозрения у царя и у представителей сыска о возможной причастности к «новгородскому изменному делу» наряду с руководителями земского приказного аппарата управления и начальными людьми из Опричнины. В числе первых были печатник И. М. Висковатый, казначей Н. А. Фуников-Курцев, дьяк Большого прихода И. Булгаков, посольский дьяк А. Васильев, поместный дьяк В. Степанов, дьяк Разбойной избы Г. Шапкин и др.; в числе вторых – такие известные опричные деятели, как боярин А. Д. Басманов, его сын кравчий Ф. А. Басманов, оружничий кн. А. И. Вяземский и др. Со многими из них П. М. был тесно связан прежде служебными и личными отношениями, особенно с дьяком Поместной избы В. Степановым. С Басмановыми П. М. был хорошо знаком еще до своего поступления на дьяческую службу, ибо был их соседом по земельным владениям в Васильцове ст. Московского у. К постоянным контактам с царским казначеем Н. А. Фуниковым приводили не только общие административные дела, но также и

соседство в Васильцове ст. Московского у. Некоторое церемониальное участие П. М. принимал и в дипломатических приемах в Москве послов Польского королевства и Литовского княжества. Еще с предопричных времен, а затем и после введения опричнины П. М. был хорошо знаком и с печатником И. М. Висковатым, и с дьяком Посольской избы А. Васильевым.

Значительная часть государевых служилых людей, привлеченных к следствию по подозрению в «измене» и приговоренных после завершения строгого «розыска» к казни, была затем неожиданно «прощена» Иваном Грозным и даже «пожалована» особой царской «милостью», поскольку им была сохранена жизнь. По данным этих источников, первоначально опричниками было приведено на рыночную площадь Москвы до 300 человек, приговоренных к смертной казни, однако свыше 180 человек затем получили монаршее «прощение» (*Шлихтинг*. С. 46-47; *Гваньини*. С. 141-143, 131-149). В числе главных фигурантов новгородского «изменного дела» были московский аристократ боярин Семен Васильевич Яковля Захарьин и дьяк Посольского приказа Андрей Васильев (ДДГ. С. 480; ОАПП 1626 г. С. 257), которые оба были, очевидно, прощены самим Иваном Грозным (см.: *Зимин* 2001. С. 265). Впрочем, С. В. Яковля Захарьин позднее (весной 1571 г.) всё же был казнен вместе со своим сыном Никитой (*Скрынников* 1992. С. 432).

Возможно, и П. М. находился в числе тех опальных, которых царь заподозрил как лиц, причастных к новгородскому «заговору», а затем милостиво «простил» во время казней 25 июля 1570 г. и в порядке монаршего «жалованья» повелел отдельных опальных постричь в монахи. Ведь именно вскоре после 25 июля 1570 г. опальный П. М. удалился «из мира» и постригся в монахи, подобно своему начальнику опричному боярину и дворецкому Ивану Яковлевичу Чеботову, который был явно насильственно пострижен в Ростовском Борисоглебском монастыре летом 1570 г., но, в любом случае, до 31 августа 1570 г. (*Кобрин* 1960. С. 83-84). Не исключено, что постриг в монахи этих двух опричных деятелей, попавших в государеву опалу в ходе начавшихся летних гонений 1570 г., был практически одновременным (*Богатырёв*. Ч. 2. С. 108) и произошел в период между 25 июля и 31 августа 1570 г. Пострижение в монахи «прощенных» опальных опричников могло рассматриваться царем Иваном IV как «мягкая» форма их «наказания». Так, ранее царь сохранил жизнь опальному боярину кн. Д. И. Курлятеву-Оболенскому, повелев 29 октября

1562 г. насильственно постричь этого боярина в монахи «за его великие изменные дела» вместе с сыном Иваном и сослать обоих в Коневецкий монастырь, а его жену княгиню и двух дочерей также принудительно постричь и сослать в Челмогорскую женскую пустынь (ПСРЛ. Т. 13. С. 344). Точно так же, как в 1565 г., были не казнены, а насильственно пострижены в монахи опальные князья Иван Андреевич Куракин и Дмитрий Иванович Немого Телепнев Оболенский (Там же. С. 395 – 396).

В 1570 г. П. М., в иночестве Сергий, был уже в составе братии элитного Московского Богоявленского монастыря, расположенного за Торгом в Китай-городе неподалеку от московского Кремля. С учетом того, что Сергий был «новоначальным иноком» данной обители, следует полагать, что его пострижение в монахи было первоначально рясофорным, но затем он принял схиму. Перед пострижением в иночество бывший опричный казначей сделал традиционный в таких случаях денежный вклад в Богоявленскую обитель с распоряжением поминать за тот вклад своих родственников («родителей») на церковных службах и во время устройства поминальных кормов в данном монастыре (АРГ/АММС. № 80. С. 196. Ср.: Там же. С. 476). Очевидно, в связи с этим пострижением П. М. составил духовное завещание и назначил душеприказчиком по завещанию своего старшего сына Никиту, которому дал «приказ» передать в Богоявленский монастырь на помин своей души и душ умерших родственников подмосковную вотчину – с. Нефимоново с окрестными деревнями, что неукоснительно и выполнил Н. С. Путилов, подчеркнув при этом в данной грамоте, что передача родовых путиловских земель Богоявленскому монастырю делается им не только по «приказу» отца, но и по распоряжению «матери своей Парасковьи, да братьи своеи: Семена, да дву Васильев, да Оксентья» (АРГ/АММС. № 80. С. 195). В счет этого щедрого земельного вклада в соборе Московского Богоявленского монастыря должно было осуществляться регулярное церковное поминовение умершего П. М. и его многочисленных однородцев и свойственников, чьи имена были занесены в вечный и повседневный синодики данного монастыря (АРГ/АММС. № 80. С. 196; РНБ. ОСРК. Ф. 550. Q. IV. 129. Л. 39 об.-46, 91; ГИМ. Епархиальное собр. № 706. Л. 38 об.-42; *Алексеев* 1995. С. 119, 123). Род Путила Михайловича и его сына Никиты был также занесен для церковного поминания в синодики главных московских кремлевских соборов – Успенского (ГИМ. Собр. Московского Успенского собора. № 64. Л. 252 об.; Там же. № 65. Л. 278, 286-286

об.; *Веселовский* 1975. С. 334) и Архангельского (НИОР РГБ. Ф. 218. № 1518. Л. 67 об.), а также в синодики Московского Кремлевского Чудова (РНБ. Ф. 550. F. IV. 194. Л. 197; *Лихачев* 1888. С. 263, прим. 2), Ярославского Спасо-Преображенского (*Титов* 1895. С. 18. Л. 103 и 108; ОПИ ЯГМЗ. Инв. № 15145. Л. 127 об.-128, 173 об.-174, 176-177; Там же. Инв. № 15585. № 191а-191а об.; Там же. Инв. № 15458. Л. 108; Там же. Инв. № 15426. Л. 69 об.-70 об.) и Ростовского Богоявленского Авраамиева (ГМЗРК. Р–222. Л. 28; Там же. Р–760. Л. 30 об.-40) монастырей. Помимо этого, персональное поминание П. М. и корм по нем для монахов устраивался также в Кирилло-Белозерском монастыре (*Сахаров* 1851-а. С. 68; *Лихачёв* 1888. С. 263, прим. 2; *Алексеев* 2006. С. 369. Л. 15 об.); поминался П.М. и в Иосифо-Волоколамском монастыре (*Титов* 1881-б. С. 59-60. № 308; ГИМ. Епархиальное собр. № 414. Л. 52, 68 об.; РГАДА. Ф. 1192. № 365. Л. 133).

Данная Н. С. Путилова в Московский Богоявленский монастырь не имеет точной датировки. Она дошла до нас лишь в списке, включенном в монастырскую копийную книгу актов начала 1680-х гг. (АРГ/АММС. № 80. С. 197). Не сохранилось ни вкладной, ни кормовой книг Московского Богоявленского монастыря, которые, несомненно, велись в этой обители. Данная грамота Н. Путилова имеет лишь датировку 7079 г. (Там же. С. 196). Исходя только из этого указания, она может быть датирована между 1 сентября 1570 г. и 31 августа 1571 г. Эту датировку, очевидно, можно сузить благодаря указанию богоявленского игумена Феодосия (АРГ/АММС. № 80. С. 196), который впервые упоминается в источниках летом 1571 г., когда он подписал «проклятую грамоту» боярина кн. И. Ф. Мстиславского, составленную кн. Иваном вскоре после сожжения Москвы крымскими татарами 24 мая 1571 г. и своей опалы (Продолжение ДРВ. Т. 7. № 67. С. 59, 62, 66, 67; СГГД. Ч. 1. № 196. С. 564 – 565). До этого времени в Богоявленской обители после смерти игумена Германа в 1568 г. никакого игумена на протяжении около двух лет не было (см.: *Строев* 1877. Стб. 175). Следовательно, данная Н. Путилова может быть отнесена к лету 1571 г. А если это так, то инок Сергий скончался, скорее всего, до лета 1571 г. Предположительно он мог скончаться 4 марта 1571 г., ибо в одном сводном синодике Ярославского Спасо-Преображенского монастыря 1731 г. панихидное поминание членов Путиловского рода показано не в день именин П.М. - 3 февраля, а в иной день - 4 марта (ОПИ ЯГМЗ. Инв. № 15426. Л. 69 об.). Поэтому не исключено, что это родовое

поминание 4 марта было связано с реальным днем смерти самого инока Сергия. Ведь церковное панихидное поминание умершего обычно устраивается в день его Ангела и в день его «преставления».

Невольно обращает на себя внимание тот факт, что вклад в Богоявленский монастырь был осуществлен Никитой Путиловым не только «по приказу» отца – инока Сергия, но и одновременно «по приказу» матери Прасковьи и четырех братьев: Семена, Василия Большого, Василия Меньшого и Авксентия (АРГ/АММС. № 80. С. 195).

Душеприказчик Н. С. Путилов в конце грамоты сделал указание монастырской администрации поминать всех названных выше лиц, а также других их однородцев – кнг. Дарью, Иоанна («Ивана») и схимника Никандра – в общей форме: «на их преставленье», однако самих дат «преставленья» этих родичей не сообщил. Выше им были указаны лишь конкретные дни именин отца, матери, братьев и княгини Дарьи, в которые их следует поминать на церковных службах и во время устройства поминальных кормов в монастыре (Там же. С. 196). Не свидетельствует ли это в пользу того, что подобная *массовость* поминания названных лиц, полное отсутствие каких-либо известий о заупокойных вкладах П. М. по их душах и отсутствие указаний на конкретные дни их «преставленья» в данной Никиты вызваны гибелью этих лиц в катастрофический московский пожар 24 мая 1571 г., когда «многое множество людей» погорело или задохнулось от угарного дыма и зноя? С учетом того, что вклад Н. Путилова в Московский Богоявленский монастырь был сделан лишь им одним без каких-либо других его братьев, можно полагать, что к моменту вклада он, очевидно, оставался единственным живым сыном П. М.

О Путиле Михайлове см. также: *Шумаков* 1910. С. 49; *Садиков* 1950. С. 195, 233-239; *Зимин* 1960. С. 424, 434, 449-450; *Он же*. 2001. С. 122, 230, 386; *Богатырев* 1981. С. 38-39; *Граля* 1994. С. 504 (по указ.); *Шмидт* 1984. С. 34, 71, 110; *Шокарев С. Ю.* Комментарий // *Штаден* 2002. С. 158-159; *Рыков* 2009. *Ю. Д. Р.*

4–13. *Василий Степанович* – Василий Степанов назван Штаденом дьяком в Поместном приказе. По русским материалам в этом качестве он зафиксирован с 31 августа 1555 г. по 24 марта 1556, возможно там же он служил и 20 марта и 4 июля 1556 г. (*Веселовский* 1975. С. 491). 4 марта 1556 г. как поместный дьяк подписал подтверждение недорослям Бирилевым на земли в Угличском у. (АСЗ. Т. 1. № 26. С. 28). Василий Сте-

панович в 1558 г. дьяк в Москве, в одном приказе с Угримом Львовым и Дружиной Лазаревым (последний был в Поместном приказе также в или вскоре после 1562 г. (АСЗ. Т. 1. № 172. С. 142. 12.IX.1568 г.). 30 мая 1560, 12 мая и 8 сентября 1567 г. он снова в Поместной избе. Их совместное с Путилой Михайловым пребывание в этом приказе зафиксировано в июне 1566 г. (*Веселовский* 1975. С. 491). В связи с «отделами» земли в Рязанском у. упомянут 4 мая 1568 г. Сам он в это время в Рязани отсутствовал, так как был «послан на государевы дела» (АСЗ. Т. 1. № 169. С. 140). 24 декабря 1569 г. он подписал ввозную грамоту С. Ш. Приклонскому на поместье в Нижегородском у. (АСЗ. Т. 3. № 346. С. 284). Наряду с административной деятельностью Василию Степанову приходилось участвовать и в дипломатических сношениях, и в общегосударственных мероприятиях: 2 июля 1566 г. он дьяк на Земском соборе, а в июне 1570 г. дьяк у справки перемирной грамоты с Великим княжеством Литовским, фактически закрепившей поражение царских войск. Это-то последнее поручение, вероятно, и стоило ему жизни. Иван Грозный, раздраженный военным и дипломатическим поражением, жестоко расправился со всеми теми, кто был причастен к его собственной внешней политике, в особенности в конце 60-х годов. Василий Степанов был казнен 25 июля 1570 г. с женой и двумя сыновьями (*Лихачев* 1888. С. 262-266; *Веселовский* 1975. С. 491, 492). Если Василий Степанов и Василий Леонтьевич Степанов – одно и то же лицо, то можно думать, что ему до 25 января 1568 г. в Жданском стане Московском у. принадлежало именье, состоявшие из половины двух деревень и половины двух селищ (АСЗ. Т. 1. № 365. С. 315). Среди довольно многочисленных упоминаний о деятельности дьяков Василия Степановича и Путила Михайловича лишь два раза – 1 февраля и в июне 1566 г. они выступают вместе. Не исключено, что Штаден или лицо, записки которого он использовал, имели возможность познакомиться с Путилой Михайловым и Василием Степановым именно в то время, когда еще в самом разгаре был передел собственности, производимый в результате введения опричнины.

4 об.–1. *...а кто не имел, что дать, тот не мог и ничего получить* – В связи с сообщением Штадена о взяточничестве уместно отметить, что подтверждение жалованной несудимой грамоты Нечаю Петровичу Бирилеву, данное его потомкам в 1556 г., т. е. во времена Избранной Рады, содержит много деталей, обычно отсутствующих в подобного рода актах. Указаны все наследники Нечая в первом и во втором коленах, их

возраст и родственные связи с владельцем имения, рассказано о судьбе самого Нечая и его старшего сына, погибшего на Каншати в период Черемисской войны. Заботливый тон подтверждения, согласно которому дети и внуки Нечая обязаны заботиться об отце и матери, а также пяти сестрах, заставляет вспомнить характеристику составителя Пискаревского летописца, данную им А. Ф. Адашеву, с одной стороны, и, с другой, сообщение А. М. Курбского о предложении Максима Грека позаботиться о судьбе вдов погибших при взятии Казани воинов и их детях («тех избиенных жены и дети осиротели и матери обнищадели, во слезах многих и в скорбех пребывают. И... лутше тех тобе пожаловати и устроити, утешающе их от таковых бед и скорбей...»), не принятое впрочем, самим царем (РИБ. Т. 31. Стб. 210).

4 об.–2. *Иван Григорьевич* – Выродков Иван Григорьевич, происходил из потомственной дьяческой семьи. Его дядя Данило Иванович и Иван Данилович положили начало династии. 3 августа 1538 г. И. Г. Выродков направлен в Ногаи, как «ближний человек». В 1546–1549 г. дьяк у «наряда», т. е. артиллерии, во время казанских походов. В 1548 и 1555 гг. участвовал во встречах литовских послов (Сб. РИО. Т. 59. №№ 18, 30. С. 267, 459). В течение 1549–1551 гг. потерял «брата» и мать (ВКТСМ. С. 75), около 1550 г. подписал продление царской жалованной кормленой грамоты И. Б. Голохвастову на г. Шую (АСЗ. Т. 1. № 56. С. 49). Против мнения об инженерной деятельности И. Г. Выродкова, в частности, при строительстве Свияжска, выступал М. К. Каргер. Он считал, что Выродков был лишь организатором этих работ (*Каргер* 1929. С. 135-137). По русским материалам его деятельность в качестве дьяка Разрядного приказа зафиксирована только в 1554/55–1555/56 гг., то есть почти десятью годами ранее появления Штадена в России. Штаден мог узнать об этом либо со слов, либо из сочинения кого-либо иного. Тем более, что отправленный в Астрахань в 1558 г. в качестве калужского и угличского дворецкого И. Г. Выродков оказался в опале весной 1561 г., после чего был привезен в Москву. Несмотря на опалу он тем не менее упоминается в русских источниках во время Полоцкого похода 1562 /63 г. и снова в качестве дьяка «у наряда». В конце 60-х годов, возможно, возглавлял Земскую Посольскую избу. Если А. А. Зимин прав в этом предположении, то гибель Выродкова можно связать с неудачей российско-литовских переговоров. Были и другие причины его опалы – сложности транспортировки артиллерии зимой 1562/63 г. могли вызвать неудовольствие царя, о котором тот помнил вплоть до 1570 г., когда подво-

дил кровавые итоги своему авантюрному военному начинанию. Именно тогда-то, по одному из предположений А. А. Зимина, Выродков и мог быть казнен вместе с большинством родственников (*Зимин* 2001. С. 264; *Веселовский* 1975. С. 111, 112). Не исключено, что причиной его казни послужили махинации с десятнями, если верить Штадену, Выродков за взятки успешно освобождал от воинской повинности князей и бояр, весьма неохотно участвовавших в военных начинаниях царя и постоянно мечтавших о «тишине». Однако слишком большой разрыв между службой И. Г. Выродкова в Разряде в 1554/55–1555/56 гг. и его казнью делает это предположение маловероятным. Его сын Василий владел вотчиной – пустошью Высокое в Костромском у., память о чем сохранялась вплоть до 1599 г. (АСЗ. Т. 2. № 26. С. 42. 29.VIII.1599 г.)

4 об.–3. ... *тот должен был отправляться, даже если ничего, кроме палки, не мог принести на площадь для смотра* – Возможно, одно из установлений «Уложения о службе» («а хто землю держит, а служба с нее не платит, и на тех самих имать денги за люди». См.: ЗАРГ. С. 38) на практике приобрело такой вид. *С. Ю. Ш.*

4 об.–4. *В этой канцелярии ведали всеми польскими делами...* – если полагать, что под «польскими делами» Штаден имел в виду дипломатические сношения с Великим княжеством Литовским и Короной Польской, а с 1569 г. – Речью Посполитой, то для времени Штадена это по меньшей мере неточно. С образованием Посольского приказа (избы – в 1549 г.) все сношения с западным соседом России осуществлялись лишь там, а не в Разрядном приказе, образованном в 1555–1556 гг. (*Леонтьев* 1961. С. 80; *Зимин* 1960. С. 450-454). Видимо, это указание дает основание сомневаться либо в авторстве Штадена, либо в точности единственной сохранившейся копии сочинения. Впрочем, территориальная близость Посольского и Разрядного приказов, если принять гипотезу А. В. Белякова, могла сыграть плохую шутку с памятью автора. Здание Посольского приказа «напротив Ивана святого», впервые упомянутое в 1565 г. (*Белокуров* 1906. С. 61-62), А.В. Беляков предположительно идентифицирует с «отдельно стоящим строением между помещениями центральных приказов и Архангельским собором» на плане Кремленаграда (*Белокуров* 1906. С. 27; *Беляков* 2006. С. 15)

4 об.–5. *Иван Булгаков* – Булгаков Иван, сын Коренева в 1557 г. находился в походе с царем, в 1562–1563 г. дьяк в том же приказе, что и Меньшой Мелентьев, в 1564 г. оба они в Приказе Большого прихода, как

и в 1563–1565 г., в 1566 г. дьяк на Земском соборе, в том же году находился в одном приказе с Василием Колзаковым, куда Путила Михайлов и Василий Степанов прислали челобитную П. И. Прокудина (АСЗ. Т. 1. № 242. С. 216), в 1568 г. первый дьяк Большого прихода (*Садиков* 1950. С. 278, 279, 289; *Веселовский* 1975. С. 71).

4 об.–6. *...в денежной канцелярии* – это учреждение обычно идентифицируют с Приказом Большой казны.

4 об.–7. *...здесь считали и взвешивали...* – любопытно упоминание не только о пересчете монет, но и об их взвешивании, хотя в основном взвешивались иностранные монеты (талеры), шедшие на перечеканку в государевых монетных дворах Новгорода и Пскова, Твери и Москвы (*Спасский* 1977. С. 229-247; *Мельникова* 1989. С. 34).

Указание Штадена об удержании в этом приказе каждой пятидесятой монеты, то есть 2 %, вероятно, отчасти объяснялось оплатой труда приказного аппарата – взиманием печатной и подписной пошлин, «за челобитье», о размерах и механике которого можно подробно узнать из более поздних (начала XVII в.) книг Печатного приказа (ДПП; см. также комм. 9-2). Судя по этим материалам, Штаден явно преувеличивал потери челобитчика, как правило, не превышавшие полтины за приложение печати к грамотам на поместье, об управе в самых разных уголовных и гражданских делах.

4 об.–8. *В канцелярии по делам об убийствах* – термин, по С. О. Шмидту, свидетельствует о сходстве российских приказов с европейскими канцеляриями (*Шмидт* 1999. С. 227-229). В данном случае речь идет о Разбойном приказе, который был образован после проведения губной реформы в начале 40-х годов, согласно которой территория государства была разделена на округа-губы, уголовные дела («татба дворовая, или с поля лошади и всякую животину тати покрадут») в которых разрешались местными учреждениями того же названия во главе со старостами. Центральным органом губных учреждений и был Разбойный приказ, Губные старосты должны были сноситься с Разбойным приказом в письменной форме (*Зимин* 1960. С. 366, 396). Приказ руководствовался в своей деятельности приговором об уголовных делах от 18 января 1555 г., которым открывается Указная книга приказа 1616 г. Из нее явствует, что избранные старостами лица отнюдь не торопились приступать к своим обязанностям на местах, отсиживаясь в столице.

4 об.–9. *Григорьевич Шапкин* – Шапкин Григорий Федорович. Судя по русским источникам, основной сферой его деятельности была дипломатическая (будучи подьячим, состоял приставом у литовских послов в январе 1556 г. , в октябре того же года встречал литовского посланника в Дорогомилове, в декабре 1558 г. давал кормы литовским послам, 18 августа 1560 уже в качестве дьяка получил назначение в посольство Ф. И. Сукина в Великое княжество Литовское, в мае—июле 1566 г. участвовал во встречах литовских послов перед аудиенциями у царя. (См. подробнее: *Веселовский* 1975. С. 573). Сопровождал царя в Полоцком походе 1562 г. (РК 1475—1605. Т. 2. Ч. 1. С. 111), находясь среди дьяков «в суде у бояр». К какому времени относится деятельность Г. Ф. Шапкина в Разбойном приказе, сказать трудно. По-видимому, она могла иметь место в середине 50-х годов (одним именем – Григорий подписал приговор о губных делах 22 августа 1556 г., см. ПРП. Вып. 4. С. 370) . Странно, что Штаден не упоминает о его злоупотреблениях во время Полоцкого похода, шумном деле, отзвуки которого донеслись до Пскова и оказались зафиксированными в Третьей Псковской летописи. Странно и отсутствие упоминания о его судьбе. Шапкин был казнен в июле 1570 г. вместе с женой, двумя сыновьями и дочерью на Поганой луже. Не исключено, что раздел о Шапкине был написан до июльских казней 1570 г.

4 об.–10. В изложении казуса, описанного Штаденом, рассмотрение которого регулировалось Судебником 1550 г., обращает на себя внимание упоминание о «купцах» и «богатых крестьянах» (вместо неопределенного: «а на кого тать взмолвит» в Судебнике), которые становились жертвами наговора. Практика очевидно была прямо противоположной норме, узаконенной в Судебнике, которая требовала тщательного рассмотрения дела и личности обговоренного: «а на кого тать взмолвит, и про того обыскати. И будет по обыску в какове деле прежнем прирочнои человек з доводом, ино его пытати... А не будет на него довода и в обыску про него худа не скажут, ино татиным речам не верити, дати его на поруку» (Судебники. С. 158, 159). Подробности судопроизводства в таком случае излагают ст. 4-5 приговора о разбойных делах от 18 января 1555 г. (Уставная книга Разбойного приказа // ПРП. Вып. 4. С.357).

5–1. *В общей судной палате или Земском дворе...* – Учреждение впервые упомянуто в 1564 г. Однако Н. П. Лихачев высказал предположение, что Земский двор существовал уже в XV в. (*Лихачев Н.П.* 1888.

С. 55-56), поскольку земский дьяк фигурирует в крымских делах (Сб. РИО. Т. 41. С. 316, 326, 338).

Возможно, образование этого двора связано с упорядочением городской жизни в столице, установкой в 1503 г. решеток на улицах, которые перекрывали движение по ним с наступлением темноты. Во времена Штаден на содержание этих сооружений взимались так называемые решеточные деньги (*Богоявленский* 1910. С. 87; *Лаппо-Данилевский, Миклашевский* 1902). См. также комм. 29-4.

5–2. *Иван Долгоруков* – С. Ю. Шокарев идентифицирует его с Иваном Михайловичем Долгоруким (Долгоруковым) Птицей, который в 1579 г. находился в Разбойной избе (*Шокарев* 2002. С. 160; РК 1475–1598. С. 301). Его земельные владения располагались в разных уездах (*Кобрин* 1995. С. 115). Время его деятельности в Земском дворе неизвестно.

5–3. *Иван Мятлев* – Иван Иванович Житый Мятлев, дворянин, служивший в 50-ые годы XVI в. по Вязьме (сын боярский третьей статьи), в 1555–1557 был воеводой в Чебоксарах, участвовал в Полоцком походе (дозорщик и есаул), вступил в опричнину, после чего пошел в гору. Во время печально знаменитого царского похода 1567 г. был «дворянином в стану у государя». В 1568–1569 г. получил назначение третьим воеводой «из опричнины» в Ржеве. В 1569 г. поднялся еще выше, став вторым воеводой опричного полка правой руки береговой службы. Однако на этом его особые успехи закончились. В 1570 г. был знаменщиком в царском походе на Девлет-Гирея из Александровой слободы. А в 1572 и 1577 гг. отмечен в русских источниках как судья Земского двора (ТКДТ. С. 188, 205; РК 1475–1598. С. 245, 301; *Кобрин* 1960. С. 49; *Веселовский* 1963. С. 221; *Шокарев* 2002. С. 160-161; *Кобрин* 2008. С. 51-52). И. И. Мятлев владел двумя деревнями в Горетовом стане Московского у., одной деревней в Зарадомском стане Дмитровского у. У него был двор в Москве, видимо, в районе Никитской улицы, поскольку его духовным отцом был Федор «никитцкий свещенник»(АСЗ. Т. 3. № 81. С. 67-68. 1600/01 г.). Не исключено, что эти владения (двор) появились у Мятлева, ранее служившего по Вязьме, после его вступления в опричнину, а двор – уже в конце 60-начале 70-х годов (Никитская улица входила в опричную территорию столицы).

5–4. *...всех тех, кого ночью находили... и поймали* – Рассказ Штадена подкрепляется сообщениями других иностранцев, например, Мартина Груневега, и некоторыми данными писцовых книг. Так, в писцовой кни-

ге Казани 1565–1568 гг. указано время, в течение которого городовые ворота должны быть заперты: от последнего часа дня до первого. В это время по городу ходят дети боярские «с фонари», наблюдая за соблюдением порядка (ПКгК. С. 1). Вероятно, и в Москве детям боярским вменялось в обязанность отлавливать нарушителей, передвигавшихся по городу после наступления темноты. См. комм. 5-1, 29-4.

5–5. *Пеня была 10 алтын, что составляет 30 мариен-грошей или польских грошей* – Существенно указание о размерах штрафа за нарушение этого порядка. При этом Штаден приравнивает рубль к двум талерам. Однако почти современная его пребыванию в России Торговая книга 1575 г. содержит сообщение о государственной уставной цене талера – 36-36, 5 копеек, высокопробный же талер по «объективной» (определение А. С. Мельниковой) цене соответствовал 43-44,5 коп. (*Мельникова* 1989. С. 34). Таким образом, Штаден дает несколько завышенную цену талера. Причин тому может быть несколько. Поскольку он находился в Москве в пору тяжелого кризиса, вызванного опричниной и Ливонской войной, возможно, курс был именно таким. Кроме того, коль скоро речь идет о штрафе, нельзя исключать заинтересованности казны в получении большего числа копеек и, совсем наоборот, заинтересованности сотрудников госаппарата в повышении цены талера. *А. Л. Х.*

Мариенгрош (*mariengroschen*) – нижнесаксонский толстый крупный грошен с изображением Девы Марии в рост, чеканился с 1503 г. с разным весом в разных городах (1,504, 2,75, 2,88 г) и равнялся 1/36 рейхсталера (СН. С. 143). *С. Ю. Ш.*

Неясно, имел ли он хождение в России, или Штаден производил сложные пересчеты привычной ему монеты на русские деньги. *А. Л. Х.*

5–6. *...в тайных корчмах находили пиво, мед или водку...* – Запрет производства, повседневного употребления и розничной торговли алкогольными напитками существовал с XV столетия (*Хорошкевич* 1987. С. 189-191; *Барбаро и Контарини*. С. 229). Употребление подобных напитков в «частном секторе» допускалось только на двунадесятых церковных годовых праздниках (шести-семи). В XVI столетии этот запрет был направлен на упрочение великокняжеской, а затем и царской монополии на продажу горячительных напитков. Об этом было известно и иностранцам (*Герберштейн*. С. 132; *Поссевино*. С. 206), и местному населению из указов и уставных грамот. Так, одна из них, адресованная крестьянам двинских волостей в 1552 г., предписывала, «чтобы ... крестьяне

питья на продажу не держали». В случае нарушения запрета питье конфисковалось, на нарушителей возлагался штраф («заповедь») 2 рубля, «питухи» в этот же «оброк» должны были вносить по полуполтине, повторное нарушение грозило упорствующим «быть от меня, царя и великого князя, кажненным» (*Копанев* 1953. С. 17). Именно это и проделали опричные дьяки в Великом Новгороде в 1571 г.: «поимают винщика с вином или пияного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечут с великого моста» (НЛ. С. 105). Важно отметить, что Штаден был точно информирован о размерах штрафа. В период опричнины, как впрочем и раньше, исключение делалось для иностранцев, вероятно, из финансовых соображений, ибо торговля горячительным питьем была весьма доходной и позволяла ограничивать официальную плату за службу иностранцев (*Прыжов* 1991. С. 34-84). Именно с этой торговлей была связана одна из наиболее доходных авантюр Штадена.

5–7. *...что составляет 6 талеров...* – См. комм. 5-5.

5–8. *...и публично прогнан по торгу, отхлестываемый бичами* – Обычай торговой казни – был официально закреплен в законодательстве России. Торг издавна был местом объявления официальных решений и наказаний за мелкие правонарушения (ст. 99 Судебника 1550 г., ст. 107 Судебника 1589 г.). Статьи 5 и 28 Судебника 1550 г. грозили подьячим, польстившимся на «посул» и неправильно записывавшим решение, торговой казнью – «бити кнутом». Если же он уносил судебные документы домой, его следовало «выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти». Такая же казнь согласно ст. 34 и 47 полагалась и жалобщику, сообщившему в иске неправильные сведения, и ездоку недельщика, нанесшему ущерб населению той местности, куда он послан (Судебники. С. 176, 142, 149, 150-151, 155).

5–9. *Множество приказчиков или начальников...* – Приказчикам в городах по Уставной земской грамоте трем двинским волостям от 25 февраля 1552 г. запрещалось брать различные пошлины с двинян, везших оброк в Москву (ПРП. Вып. 4. С. 197). Судебник 1550 г. в обязанности городового приказчика включил регистрацию людей, отданных на поруки до суда или после суда (Судебники. Ст. 70. С. 164-165). Штаден отлично понимал роль городовых приказчиков в управлении, потому и обратился к городовому приказчику в Переславле, узнав, что обокравшие его люди находятся там (см. л. 83)

5–10. *...к какому- либо купцу или торговцу...* – интерес к судьбе купцов и торговцев – именно этих социальных категорий городского населения и неявно выраженный протест против «жирных гусей» – важных господ составляет одну из наиболее характерных черт «Описания Московии», резко контрастирующую с «Автобиографией» Штадена.

5–11. *Целовальники* – судебные выборные чиновники, сборщики пошлин, выбиравшиеся на общем собрании земского мира – населения того или иного пункта, исполнявшие эту неоплачивавшуюся повинность в течение года, с 1 сентября (дня Симеона Столпника) до 31 августа, «на вере», «за страхом суда праведного Божия». Наименование должности зафиксировало способ приведения целовальников к присяге – «хресного целования». На таможне, как правило, было несколько целовальников, трудившихся под руководством головы (*Шемякин* 1994. С. 41-42; *Шумилов* 2006. С. 366 – 372).

5–12. Что же касается описания «подмета», то и здесь сообщение Штадена вполне соответствует действительности. Судебники 1497 (ст. 9) и 1550 (ст. 61) гг. трактуют этот казус, прокламируя борьбу с подобными «подметчиками». (Судебники. С. 20, 160)

5 об.–1. *Там было много недельщиков...* – «Приставы-недельщики» – низшие должностные лица административно-полицейского аппарата, в обязанности которых, согласно ст. 48-54 Судебника 1550 г., входило непосредственное исполнение административных и судебных решений того или иного приказа: вызов в суд ответчиков, дача их на поруки, сыск и поимка преступников. На этот пост назначались дворяне, которые выполняли свои обязанности посменно с недельным интервалом и получали пошлины – «хоженое» в пределах одной местности и «езд» при вызове сторон из другого города, «полевое», «избное», «вязчее» – за поручения, связанные с исполнением наказания (*Садиков* 1950. С. 218-222). В их распоряжении находились ездоки, рассылавшие приставные грамоты с вызовом в суд (*Петров* 2005. С. 77-78; *Шахматов* 1935. С. 29-34; *Шокарев* 2002. С. 162). Кроме того, этим же термином «недельщик» именовались лица, выполнявшие обязанности сторожей при иностранных дипломатах – послах, посланниках и гонцах.

5 об.–2. *...с ближайших таможен...* – Таможни за пределами волостей – это отголосок тех времен, когда существовали независимые княжества или уделы (*Николаева* 1950. С. 264-266). Как правило, приезжие из других уездов и областей платили повышенную пошлину, подобно иноземцам. Так в

1571 г. в Новгороде «москвитин, тверитин и смольнянин» при покупке судов оказывались в положении иностранцев (ААЭ. Т. 1. № 170. С. 138-139; СГГД. Ч. 2. № 43. С. 55). Разница в размерах пошлин с местных и приезжих была трех-четырехкратной (*Шемякин* 2000. С. 25-28), хотя по головщине она была лишь двукратной (*Шумилов* 2006. С. 315).

5 об.–3. *...вертеть ручную мельницу...* – Несмотря на широкое распространение в течение XVI в. водяных мельниц, в том числе и немецких (ср. с. 121 наст. изд.), и появление мельниц с конским приводом, в мелких хозяйствах – малоземельных дворянских и крестьянских, сохранялся помол на ручных каменных жерновах. Тяжелый труд вращения каменного жернова неоднократно изображали на миниатюрах XVI в., часто в доказательство подвигов святых (*Горская*. С. 73-77. Илл. С. 76, 218).

5 об.–4. *Ямская изба* ведала организацией доставки почты. Ямская повинность была установлена Иваном III по образцу аналогичной монгольской службы. На расстоянии 30-40 верст создавались ямские дворы, население которых должно было обслуживать проезжающих по распоряжениям государя посланцев. «Охочие люди» набирались из крестьян и посадских. С. М. Каштанов показал, как ям из почтовой повинности XV в. (*Сергеевич*. Т. 3. С.189-198) на протяжении первой трети XVI столетия превратился в денежный налог – ямской сбор, ямские деньги (*Каштанов* 1988. С. 14, 18, 63, 66 и др.). Первоначально он не имел фиксированного размера. Лишь в 80-х годах XVI в. он был четко установлен на уровне 10 рублей с сохи. Центральным учреждением по сбору ямских денег и явилась Ямская изба. Время ее возникновения относят по преимуществу к 70-х годам XVI в. (*Гурлянд* 1900. С. 299-301; *Рожков* 1923. С. 87; *Сергеевич*. Т. 3. С. 198; *Козловский*. Т. 1. С. 23, 29 прим. 2). Однако уже Герберштейн отмечал наличие ямов и удивлялся быстроте передвижения по Руси в его бытность, т. е. в 1517 и 1526 г. Действительно, путь от Новгорода до Москвы занимал всего 72 часа (ПДС. Т. I. С. 113). Несомненно, что Ямская изба создана ранее основной массы приказов. На это намекает и наименование учреждения, переданное Штаденом в транслитерации, «изба», которое предшествовало «приказам» середины XVI в. Тем не менее, вероятно наиболее точная датировка возникновения Ямской избы 1550–1555 годами дана А. А. Зиминым и А. К. Леонтьевым (*Зимин* 1960. С. 332, 333, 425, 426: *Леонтьев* 1961. С. 172-178).

Несмотря на изобилие отечественных материалов об организации ямов на территории России (Устройная и отдельная книга яма Вышнего

Волочка 7082 г. // РИБ. Т. 2. Стб. 84-98; *Гурлянд* 1901; *Маслов* 1916. С. 3-12), краткие замечания Штадена представляют интерес, поскольку показывают изнанку деятельности Ямской избы (см. также комм. 24 об.-4).

6–1. *В канцелярии, где зачитывали все прошения* – Челобитенный приказ, созданный после собора 1549 г. (*Шмидт* 1950. С. 446-453; *Он же*. 1999. С. 69-73). Впрочем новейшие исследователи ставят его существование под сомнение (*Рогожин, Эскин* 2006. С. 237). Если, по С. О. Шмидту, в XVI в. в нем по преимуществу занимались распределением челобитных по другим приказам, то в XVII в. его роль выросла до аккумулятора предложений реформ и соответственно их катализатора, в первую очередь (*Дитятин* 1905. С. 10-24; *Смирнов П. П.* 1915). Сообщение о Челобитенном приказе в «Описании Московии» написано с интересом к судьбе простолюдинов и посадских людей, что отнюдь не характерно для Автобиографии Штадена и большей части текстов комментируемого комплекса сочинений.

6–2. *В канцелярии Казанского и Астраханского царств* – В рукописи буквально *в Казанской и Астраханской канцелярии или... царств*. Текст испорчен. Эпштейн исправляет *oder* на артикль *der*. Возможно, после *oder* было пропущено несколько слов, и в оригинальных записках должно было стоять: *oder Canzeley der Kasanskenn vnndt Asrokanskenn kayserthumbenn* (толкование – *Е. Е. Р.*). Возможно, перед союзом *oder* находилась латинская транслитерация русского слова «царств», которое Штаден снабдил и переводом (аналогичный случай – *приказчики* или *befelichshabere*).

Отдельного приказа Астраханского царства до 1634 г. не существовало. Его территория, как и всего Поволжья и Сибири была подведомственна Казанскому приказу. Иная ситуация сложилась в области церковного управления. Казанская и Астраханская епархии были образованы в 1555 и 1602 гг., уже в 1568 и 1578 годы в Астрахани были основаны Никольский и Спасо-Преображенский мужские монастыри. До образования собственной епархии Астраханью по-видимому ведала Сарская (*Дубаков, Тюменцев* 2003. С. 45-57).

6–3. *Луговая* сторона Казанского ханства – левая по течению Волги, *Нагорная* – правая, возвышенная.

6–4. *Черемисы* – мари («вотяки») заселяли правый высокий берег Волги. Впервые их название упоминает Герберштейн (*Герберштейн* 2008-I. С 301, 303, 387, 431; *Kappeler* 2003. S. 66-71). Уже в 20-е годы XVI в. часть черемис эмигрировала в Великое княжество Литовское.

6–5. *В Рязанской канцелярии...* – точнее, дворце, как и во многих других землях, где уже во времена их независимости сложились учреждения типа московских дворцовых. Их сохранили в отдельных местах и после присоединения к Княжеству всея Руси. Таким образом, в Дмитрове, Новгороде, Угличе, Бежецке сохранились дворцы во главе с дворецкими, по своим функциям уже не отличавшиеся от обычных приказов (*Epstein*. S. 236; *Рожков* 1906. С. 79; *Зимин* 1960. С. 176-179; *Он же* 1958. С.180-205; *Сметанина* 1982), почему Штаден и называет его стандартным для остальных приказов термином.

6–6. *Крымский царь поступил с этой землей так же, как великий князь с Лифляндией* – По-видимому, речь идет о нарушении осенью 1564 г. крымским ханом Девлет-Гиреем шерти, заключенной только что в январе 1564 г. с послом царя Ивана А. Нагим, и нападении на Рязанскую землю (ср. комм. 3-14). Само это событие наделало много шума в Москве (*Зимин* 2001. С. 76, 86).

6–7. *Андрей Васильевич* – Андрей Васильев. Штаден считает, что он служил в Посольском приказе. Начинал же Васильев в Разряде (1549–1556). В первой половине 50-х ходил в Казанские и другие походы царя. В 1551/52, 1555/56, 1561/62 и 1563/64 участвовал в царских приемах выезжих ханов, а с 1560/61 по 22 июня 1570 г. и в приемах литовских и шведских дипломатических представителей, в том числе таких поворотных, как в 1566, 1569 и 1570 гг. В это же самое время сопровождал царя в походах (1557, 1558/59 и 1562 гг.), ему наряду с Путилой Михайловым в декабре 1564 г. царь доверил зачитать свое послание к московскому посаду. В течение всего пребывания в Посольской избе, остававшейся в земщине, Васильев составлял опись Царского архива, являясь с 1562 г. главой избы – думным дьяком (ГАР. С. 25). Однако его деятельность на этом поприще либо имела некоторые перерывы, либо совмещалась, в частности в 1563 г. и, возможно, 1568 и 1569 гг., с работой в Казне. Участник (в качестве большого дьяка) собора 1566 г. был обвинен в измене в 1570 г., но казни избежал (*Лихачев* 1888. С. 237-239 и др.; *Веселовский* 1975. С. 80; *Зимин* 2001. С. 69, 107, 122).

6 об.–1. *...всеми немецкими и татарскими делами* – Странно, что Штаден упоминает лишь о сношениях Посольского приказа с немцами и татарами, может быть, потому, что сношения с Великим княжеством Литовским и Короной Польской носили нерегулярный, прерываемый длительными периодами войн характер.

6 об.–2. *...до Корельской земли* – Карелия сохранила некоторую автономию в пределах Княжества всея Руси и Российского царства, хотя и была инкорпорирована в состав первого уже в 1478 г. вместе с Новгородской землей. Так, там долго сохранялось отдельное наместничество (*Лихачев* 1903. С. 57-58; *Epstein*. S. 14; *Гадзяцкий* 1941; *Кочкуркина* 1986; *Kappeler* 2003. S. 21-22).

6 об.–3. *...толмачи всевозможных языков* (народов) – переводчики получали имения (*Мулюкин* 1908. С. 322) и годовое содержание (годовой корм) согласно кормовой памяти (в словаре Ричарда Джеймся 1619 г. это просто «память»), подобной тем, что выдавались приезжим дипломатам и другим иностранцам, поступавшим на царскую службу (последних в первой четверти XVII в. именовали «кормовыми» (*Ларин* 2002. С. 261, 287). В Датском королевском архиве сохранился образец подобной памяти датским дипломатам 12 или 13 апреля 1559 г., своим внешним видом явно отличающийся от тех, что описывал Штаден. Это небольшой клочок бумаги без указания имени послов и адреса, содержавший простое перечисление приходившегося им довольствия – dröck och ffetaltji, как гласит датская надпись на обороте (ДА. № 101. С. 34). Что же касается получения переводчиками земельных владений, то, вероятно, подобную практику можно сравнить с политикой по отношению к другим специалистам, находившимся на службе в России. Так, знаменитый архитектор Петрок Малый (Пьетро Гарибальди), тайком покидая Княжество всея Руси в 1535 г., увозил с собой и грамоты на земли, которые в конце-концов нашли покой в шведском королевском архиве (*Kivimae* 1996. S. 21-28). Известны иноземцы – владельцы имений и во времена Штадена. Так, в походе на Оку участвовал «немец», служивший с поместья, если это не был он сам (ДСМ. С. 173).

6 об.–4. *На яме, или дворе...* – почтовый двор, где иноземцы получали корм (см. подробнее комм. 5 об.-4). И. И. Полосин предполагал, что это был Сытенный или Кормовой двор. В XVII в. помещение, находившееся на территории современного Исторического музея на Красной площади в Москве, именовалось «отдаточным двором».

6 об.–5. *Иван Тарасович Соймонов* – К сожалению, новыми данными относительно названного Штаденом лица комментаторы не располагают. Редкое для московского региона того времени отчество, более распространенное в будущих украинских землях, поиску названного лица не помогает. Остается вслед за С. Ю. Шокаревым привести мнение П. А. Са-

дикова, полагавшего, что речь могла итти о подьячем Большой казны конца XVI в Иване Симонове, хотя это совершенно невероятно, поскольку Штаден называет его по имени-отчеству, что свидетельствует о солидном возрасте и положении (*Шокарев* 2002. С. 163; *Садиков* 1950. С. 297).

6 об.–6. ...*за своим медом и кормовыми деньгами*... – Речь идет об иноземцах, находившихся в столице на царской службе. Мед, который выдавали им, носил название «русского» (Сб. РИО. Т. 129. С. 87, 89, 109). Наряду с медом столь же популярным напитком было и пиво, особым сортом которого было «старое» (Там же. С. 97). Во время похода 1572 г. допускалась продажа меда и пива, которые предписывалось изготовить «сохам». При этом сохранялась и практика раздачи этих напитков с учетом положения получателя в военной иерархии и наличия земельных владений: норма колебалась от одного ведра «медку» «на голову» – владельцу имения, одного ведра пива, одного ведра меда и по гривне – главе ругодивских «немцев» Карлусу, а членам его отряда по 10 ефимков, Юрию Францбеку и 30 «немцам» по 2 ведра меда, 3 ведра пива. В начале XVII в., пишет Ж. Маржерет, «все, кто является служить императору, получают свой... гостинец, состоящий из денег и, в соответствии со званием, и платья золотой парчи, или такое количество бархата, атласа, камки или тафты, чтобы сшить одежду» (См. подробнее: *Маржерет.* С. 170; ДСМ. С. 173; ср. *Шокарев* 2002. С. 163; *Скобелкин* 2002-а. С. 58). *А. Л. Х.*

Юрген фон Фаренсбах Нельфийский – ливонский дворянин, уроженец Вика (северо-западная Эстония), волею судеб профессиональный воин, участник датско-шведской войны в начале 60-х гг., ландскнехт в войске гугенотов во Франции, около 1564 г., находясь в имперском войске, сражался в Венгрии против османов, затем в Нидерландах на стороне протестантов. В возрасте 18 лет в 1570 г. вернулся в Ливонию и участвовал в попытке освободить Ревель (Таллинн) от шведов. Войско ливонского короля Магнуса, возглавленное Кл. фон Курцелем, дядей Фаренсбаха, находившегося там же, освободило Ревель, но не на долго. Шведы вернули себе Ревель, Курцель был обезглавлен, Юрген Фаренсбах успел бежать в родной Вик и спешно поступил на службу Магнусу. Его первым поручением стала охрана посольства дворянской корпорации Вика и Эзеля в Москву. Фаренсбах так рьяно взялся исполнять свои обязанности, что за насилия над местным населением попал в Москве в тюрьму, но не только туда, но и в фавор к царю, высоко оценившему воинственный темперамент и талант опытного воителя с царскими под-

данными. Однако во время крымского набега 1571 г. Фаренсбаху еще не пришлось воочию продемонстрировать эти качества в настоящем бою. Зато, когда Иван Грозный начал создавать отряды немецкого образца, во главе одного из них он поставил 19-летнего ливонца, который навербовал свой отряд в Вике и Эзеле, только что отобранных Фредериком II Датским у «короля» Магнуса . Имея в своем распоряжении 1000 воинов, Фаренсбах предложил Магнусу отвоевать Эзель, но тот не согласился. Тем не менее он сумел оказать услугу прежнему сюзерену – отстоял Оберполен, где находился Магнус, от нападения шведов, и доставил «короля» в Москву, где в 1573 г. был заключен второй брак последнего с Марией Владимировной Старицкой. А сам Фаренсбах, как и дерптские, ругодивские и московские немцы направились на «берег», т.е. на Оку, где они в составе войска М. И. Воротынского выиграли знаменитую битву на Молодях в 1572 г. (*Опарина* 2007; *Скобелкин* 2002-б. С. 6-32). *Т. А. О.*

6 об.–7. *На каждого иностранца была записка* – т.е. «память» (русский термин Штаден упоминает ниже). *С. Н. Ф.* См. также комм. 7-3.

7–1. Живые сцены посещения иностранцами подвала в Ямском дворе показывают, что автор Описания был хорошо знаком с царившими там порядками, даже с махинациями при составлении отчетов и изготовлении питейного меда, в который видимо на 1/3 добавлялось воды. В конце данного абзаца Т. Эспер добавил разъяснение: мед сохраняли или продавали по своему усмотрению (*Esper* 1967. P. 13).

7–2. *...чтобы в соответствующей области страны сидел суд* – Каждому приказу были подведомствены определенные территории, где они вершили судопроизводство и доходы от которых (основой их был «наместнич корм») шли на нужды самого приказа, с одной стороны, и на содержание служилых людей, получавших жалование «из чети» («четвертчиков»), с другой. Система «территориальных», так называемых четвертных приказов, сложилась в результате реформ Избранной рады, в частности, завершающего этапа губной реформы (*Сташевский* 1908; *Дьяконов* 1894. С. 197; *Садиков* 1950. С. 213, 214, 301-303).

7–3. *einer* – каждый (?). Текст, по-видимому, испорчен. Речь идет о таком «четвертчике», который не мог получить свое жалование в той чети, к которой принадлежал. Тогда-то ему и требовался документ – «память», переадресовывавший его в другой приказ.

7–4. *свитки* – склеенные листы разрезанной александрийской бумаги, свертывавшиеся в трубку. Первоначально – в XIV в. употреблялся

термин «сверток» (*Тихомиров* 1973. С. 357-358; ДДГ. №№ 1, 5. С. 8, 20). Судебник 1550 г., в котором слово «столбец» еще отсутствовало, предусматривал лишь роспись дьяка «по ссставом», то есть местам соединения отдельных листов (Судебники. Ст. 28. С. 149). Вероятно, поэтому и Штаден не упоминает русского термина, вошедшего в обиход с 20-х годов XVII в. (ПРП. Вып. 5. С. 432). В уложении 1649 г., написанном на огромном столбце длиной 309 м, данный термин также отсутствует. Столбцовая форма делопроизводства отменена в 1700 г. (*Тихомиров* 1973. С. 362-363; *Шмидт, Князьков* 1985. С. 16-17).

7–5. *...били по голове...* – Вряд ли, вслед за С. Ю. Шокаревым, действия сторожей можно считать нарушением ст. 7 Судебника 1550 г., которая предписывала боярину, дворецкому, казначею и дьяку «жалобников своего приказу от себя не отсылати, а давати жалобником своего приказу во всем управа» (Судебники. С. 142-143), поскольку действия воротных сторожей в ней не регламентировались. Демагогия и в XVI в. была удобным инструментом государственной власти.

7–6. *...палкой длиною в локоть* – Может быть точнее был бы перевод – *дубинкой*, поскольку и назначение и размер напоминает резиновые дубинки современных полицейских. То же касается и посоха воротного сторожа. «Дубинку» вряд ли стоит сопоставлять с посохом, «знаком власти и управления» Шлихтинга (ср.: *Шокарев* 2002. С. 164), непременным атрибутом князей, бояр и дьяков (см. л. 7 об.–3).

7 об.–1. *Nedassuch parra isdi* – Ответ сторожа транслитерирован или переписан копиистом с ошибкой. Обычно его передают двумя словами, как и в настоящем переводе, в соответствии с немецким толкованием самого Штадена – *«недосуг, подожди»*.

7 об.–2. *Все князья, бояре и дьяки имели в приказах и церквях...* – Примечательно, что церковь, как место официальной презентации каждой ветви власти, приравнивалась к приказам.

7 об.–3. *...палку (посох)* – В отличие от короткой дубинки сторожей представители высшего сословия, находившиеся «в должности», в том числе, по сообщению Таубе и Крузе, и опричники, в официальных местах – приказах и церквах, пользовались символом власти другой формы и размера – посохами (*Шлихтинг*. С. 21; *Таубе и Крузе*. С. 22). Посохами пользовались и духовные и светские лица (*Герберштейн*. С. 89, 91, 92, 109, 110, 122).

Посох главы государства вошел даже в официальную сфрагистику. Он был изображен на печати новгородских наместников (*Данилов* 1880. С. 10; *Stökl* 1972. S. 23-25; *Хорошкевич* 1997-а. С. 175).

7 об.–4. *...каждое дело... ежегодно записывают в книги* – Регистрация делопроизводства в приказах, прежде всего в Казне, осуществлялась в виде книг. Входящие документы, в том числе, царские указы, заносились в «указные книги», часть которых дошла до нашего времени. Это указная книга Разбойного приказа 1555–1556 гг., Холопьего суда 1597 г. (ПРП. Вып. 4. С 356-374), записные, розметные и др. Исходящие документы заносились в книги свершеных дел, доходы приказов за оказываемые служащими в приказе дьяками и подьячими услуги фиксировались в приходных (*Садиков* 1950. С. 256-257; *Шмидт, Князьков* 1985. С. 83).

7 об.–5. *...вишневые и сливовые косточки, чтобы на них считать* – Счет на косточках оказался зафиксированным в языке («Счетные кости – или счеты, доска с пронизями на прутках». *Даль*. Т. 2. С. 176).

8–1. Описание процесса составления документа в приказе очень точное. Оно полностью соответствует содержанию ст. 28 Судебника 1550 г., где процедура изготовления документа зафиксирована дважды: «А которые дела дадут дьяки подьячим с черна начисто переписывати, и дьакам к тем жалобницам и к делом по сставом руки прикладывати. А как подьачей с черна начисто перепишет дело, и дьаку те все дела справити самому, да к тем делом дьаку руку свою приложить» (Судебники. С. 149). Так же этот процесс описывал и спустя 100 лет Гр. Котошихин, достоверность сведений которого очень высоко ценил М. Н. Тихомиров (*Тихомиров* 1973. С. 351-352; *Шмидт, Князьков* 1985. С. 17-18).

8–2. *...парней или малых...* – Штаден приводит два абсолютных синонима со значением «молодой человек» из южно-немецких (buffe) и северно-немецких (junge) диалектов для обозначения разносчиков прохладительных напитков. Такое одновременное употребление региональных синонимов делало текст понятным адресатам – носителям разных диалектов. *С. Н. Ф.*

Возможно, это свидетельство различного происхождения фрагментов текста, использованных Штаденом.

8–3. *Каменные кувшины* – Керамические кувшины, изготовленные по образцу немецких глазурованных, так называемой рейнской керамики (Steinzeug). Образцы такой посуды, которой переполнены музеи Германии и Северной Польши (территории бывшей Речи Посполитой, здесь,

как правило, импортной), находят и при археологических раскопках в северо-западных, белорусских и русских городах, в частности, во Пскове (*Иванова* 1975. С. 274-276; *Марзалюк* 1998. С. 59. См. также: *Левко* 2004).

8–4. *...с деревянными чашами...* – Домашняя посуда изготовлялась не только из глины, но и из дерева. Такой посудой, в том числе и деревянными чашами, славилась например Калуга (*Бахрушин.* Т. 2. С. 256)

8–5. *...за один чешский пфенниг* – Обозначение цены напитков выглядит довольно странно. Если в основном Штаден употреблял наименования немецких денежных единиц (мариенгрошей, талеров), то в данном случае он прибегал к чешским (пражским) пфеннигам или грошам (*Epstein.* S. 17, note). Впрочем, на территории Речи Посполитой и в частности Великого княжества Литовского они продолжали обращаться и в XVI в. (*Никитенков, Никитенкова.* С. 13-17; *Мороз, Никитенков.* С. 287-295).

8–6. *...напиток, называвшийся сладким морсом. Готовили его так...* – Можжевеловый морс употреблялся наряду с другими ягодными морсами, в XVII в. особенно славился нижегородский можжевеловый морс (*Горская* 1977. С. 222; *Вдовина* 1979. С. 228). В XVII в. можжевеловые ягоды ценились как сырье для высокоэфективных лекарств от «ветрости вредительной в голове» (головокружения), ломоты, глухоты и др. болезней (*Гурлянд* 1903; *Флоринский* 1888. С. 48, 131, 132, 217-218). К XIX в. главным способом заготовки ягод можжевельника стала сушка, а использования – курение ягодами на похоронах (*Даль.* Т. 3. С. 338). Изготовление можжевелового кваса описано Штаден с технологическими подробностями, не очень отличающимися от практики XIX в.

8 об.–1. *Если кто... не мог найти справедливости, он шел в тот или иной приказ* – Обращение в приказы в случае невозможности получить ответ на местах оформлялось челобитными, сохранившиеся до нашего времени образцы имеют, как правило, обращение не к судье того или иного приказа (о них см: *Князьков* 1987. С. 268-285), но к царю (*Маштафаров* 2003. №№ 2, 3, 5, 6. С. 276, 277, 280, 281). Гораздо реже жалобщики адресовались к земским судьям (Там же. № 1. С. 275).

8 об.-2. *...жалобщик дал клятву и имел деньги...* – Отношения жалобщика и обвиняемого в Судебнике 1550 г. специально не регулируются, в этом законодательном памятнике речь идет по преимуществу об отношениях каждой из сторон с представителями власти. О том же сообщает и Р. Джемс в словаре 1619 г. Обложенные налогом в пользу царя лица должны присягнуть на кресте («что они и делают, но часто дают ложную

клятву» относительно сообщаемых ими сведений о стоимости имущества, включая носильные одежды и розданные в долг деньги (*Ларин* 2002. С. 265). На тему отношений заимодавца и должника некоторые сведения содержат записки Маржерета. Он пишет; «Споры, которые можно рассудить на глазок, завершаются присягой [в церкви]. Те, кто несет конную службу императору, избавлены от личной присяги, так как они посылают целовать крест слуг, за исключением тех случаев, когда присягают государям» (*Маржерет.* С. 162).

Отношения же жалобника (истца) и обвиняемого («на ком ищут», т. е. ответчика) по Штадену больше всего соответствуют отношениям послухов, свидетельствующих в пользу истца, и ответчика Судебника 1497 г.:

Некоторая неопределенность правовой терминологии судебников и особенно Судебника 1550 г., порой приравнивавшего послухов каждой из сторон к самим спорящим сторонам (такого же мнения придерживался и Б. И. Сыромятников: *Сыромятников* 1915. С. 56; позже его точка зрения была оспорина: *Романов* 1952. С. 83) привела и к неточности терминов Штадена и в особенности его переводчиков. И Фр. Эпштейн, и С. Н. Фердинанд говорят об истцах-жалобщиках и ответчиках-обвиняемых (*Epstein.* S. 17. Anm. 13-14), тогда как разумнее говорить о свидетелях-послухах, что больше соответствует и немецким терминам.

8 об.–3 ... *на поединок* – Судебный поединок, так называемое «поле», разрешавшийся внеюридическим путем, с помощью боя тяжущихся сторон. Поединки отдельных бойцов служили средством доказательства правоты в судебных делах. Разрешение споров производилось драками, а не дуэлями. Обвиняемый заявлял: «... вручаю себя правосудию божию и требую поля и поединка». Бойцы выходили в продолговатых латах, иногда двойных, в кольчуге, шлеме и были вооружены копьем, топором и по-видимому кистенем. К этому виду правосудия часто прибегали иноземцы, которые постоянно наносили поражение русским до тех пор, пока один литовец не убил бойца, у которого на счету было 20 побед в подобных сражениях, и, по словам С. Герберштейна, произошла ситуация, несколько напоминающая ту, что изобразил М. Ю. Лермонтов в «Песне о купце Калашникове». Правда, на этот раз великий князь, увидя литовца, лишь плюнул на землю и впредь запретил иноземцам вступать в поединки с русскими.

Судебные поединки часто перерастали в обычные бои, когда сторонники одной из сторон считали, что их бойцу нанесена обида. Однако

эти драки мало отличались от боев «стенка на стенку». Сторонники тяжущихся «таскают друг друга за волосы, бьются кулаками, палками и обожженными кольями» (*Герберштейн* 2008. I. С. 259, 261).

Правила сражения на «поле» зафиксированы в Судебниках 1497 и 1550 г. Первый из них в статьях 4-7 устанавливал размер пошлины в пользу судебных органов с лица, признанного виновным, в зависимости от того, на какой стадии был прекращен процесс: если «побиются на поли», ее размер должен был соответствовать сумме или цене иска. Статья 11 Судебника 1550 г. уже ограничивала размер подобной пошлины (Судебники. С. 19, 144). В Судебнике 1550 г., в отличие от предшествующего – 1497 г. (Судебники. С. 20. ст. 12-13), не упоминается даже крестное целование.

8 об.–4. *По Москве...* – Возможно также толкование – «В Московии». *Е. Е. Р.*

...нанять... бойцов.... за плату – Уже в первой четверти XVI в. допускалась замена сторон профессиональными «бойцами». Судебник 1550 г. позаботился о равенстве возможностей тяжущихся сторон и в этом случае статья 14 включила запрет «бойцу с небойцом не битися», исключение было сделано лишь для тех случаев, когда «небоец» сам желал сразиться с «бойцом» (Судебники. С. 144-145. ст. 14). Ср. комм. 8 об-1.

8 об.–5 *...неправый должен был давать больше денег, чем правый* – Стабильный интерес иностранцев к полю, как форме судебного состязания, о котором подробно писали Герберштейн и Ричард Ченслор (*Герберштейн.* С. 119; Английские путешественники. С. 31; *Барберини* 1843. С. 22-23), показывает, что на протяжении всего столетия этот архаический способ судопроизводства оставался в ходу. Ченслор объяснял причину нечестного ведения и несправедливой оценки боя: «хотя они (наемные бойцы – *А. Л. Х.*) и дают клятвы, что будут биться честно и по правилам, но часто наблюдается противоположное, потому что обычно наемные бойцы не имеют средств к существованию» (Английские путешественники. С. 63). Это наблюдение вполне соответствует сообщению Штадена.

9–1. *Иван Висковатый* – Иван Михайлов Висковатый. Назван в Описании Московии печатником, должность которого он занимал в 1561—62 гг. Один из богатейших приказных дельцов времени Ивана Грозного. Только два сельца и 10 деревень, находившихся в его владении, стоили 200 руб (АИ. Т. 1. № 180/II. С. 342-343). О его прокрымских «симпатиях» Штаден мог узнать из обвинения, выдвинутого против него в 1570 г. (*Хорошкевич* 1996-а. О Висковатом подробнее см.: *Граля* 1994).

9–2. *...хранившему печать... через месяц* – В ведомстве печатника документ (льготная, уставная, полетная грамоты) снабжались красной печатью (т. е. оттиском печати на красном воске). Оформление печати по статье 43 Судебника 1550 г., сопровождалось уплатой пошлин: «что возмет печатник от печати от которые грамоты, а дьяку от подписи взяти то же» (Судебники. С. 153. О пошлинах «от печати и от подписи» см. комм. 4 об.-7, 9-2). При этом, вероятно уже в XVI в., грамоты регистрировались, хотя книги Печатного приказа сохранились лишь с 1613 г. Первая из них издана по копии С.Б. Веселовского.

9–3. *... к христианам же он был очень враждебен* – Враждебность Висковатого к христианам следует понимать, вероятно, как последовательность в отстаивании интересов России в сношениях с Короной Польской и Великим княжеством Литовским, он это делал, сохраняя вежливый дипломатический стиль, резко контрастировавший с опричным хамством. Ср.: *Граля* 1994; *Хорошкевич* 2006. С. 253-259).

9–4. *Наряду с этими были князья и бояре низкого сословия....* – Этот фрагмент представляется органическим продолжением текста на л. 5 перед «*Приказчики ...*» Речь идет о рядовых дворянах и детях боярских, вершиной карьеры которых могло стать назначение приказчиком в княжеских или дворцовых владениях или губным старостой. См. комм. 5-9.

9–5. *Кто хотел жаловаться великому князю... его сажали в башню* – Заключение жалобщика в тюрьму, если его челобитье рассматривалось. как необоснованное («не по делу, и бояре ему откажут») предусматривалось статьей 7 Судебника 1550 г. (Судебники. С. 143). Этим заключительным установлением статьи 7 ликвидировалось фактически прокламировавшееся в начале статьи право обращения с челобитьями к властям разных уровней и уничтожалась надежда на справедливый суд в России.

9 об.–1. *...то во власти папы* – «папа» Штадена – это московский и всея Руси митрополит, который обладал правом печалования за опальных. Этим правом митрополит Афанасий пользовался даже в 1564 г. Так, митрополит «отпечаловал» боярина Яковлева и кн. Воротынского (*Соловьев С. М.* Т. 6. С. 538).

9 об.–2. *И кто чинил разбой, убийство, кражи и бежал с добром в монастырь...* – Ссылка в монастырь предоставляла действительно некоторую свободу действий, особенно в том случае, если опальный в монастыре не находился под таким бдительным наблюдением царя, под которым

оказался Иван Шереметев в Кирилло-Белозерском монастыре. (См. подробнее: ПИГ. С. 176-177).

9 об.–3. *...все светские и церковные господа...* – Общий почти разоблачительный тон по отношению к ним звучит в унисон с высказываниями А. М. Курбского в адрес православной церкви. В Послании Вассиану Муромцеву Курбский писал: «посмотри же и на священнический чин... Не токмо душа своя за паству Христову полагают, но и расхищают... не вдовиц и сирот заступляют, ни напатствованных и бедных избавляют, ни пленников от пленения искупают, но села себе устрояют, и великие храмины поставляют, и богатства многие копят...» (РИБ. Т. 31. Стб. 395-396). Упрек Курбского относительно неучастия в освобождении пленных легко объясним в связи с тем, что пленные – и русские, и ливонские попадали в руки торговцев живым товаром. Если их не выкупали родные и друзья в Москве, из отправляли на невольничий рынок в Каффе. О судьбе ливонских пленных писал и Горсей: «большая часть ее [Ливонии] была захвачена в плен и продана в рабство в Персию. Татарию, Турцию и отдаленную часть Индии» (*Горсей.* С. 69. О существовавших порядках выкупа пленных см. подробнее: *Шмидт* 1999. С. 83-90). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

Параллель высказываний Штадена и Курбского относительно судеб пленных, на которую уже обратил внимание С. Ю. Шокарев (*Шокарев* 2002. С. 166), ведет к атмосфере ожесточенных публицистических споров о судьбах страны и роли отдельных сословий, который развернулся в середине XVI в. Наконец, говоря об источнике происхождения богатств светской и духовной знати, Штаден передает предреформационные настроения русского общества середины XVI в. (*Зимин* 1958-а. С. 131-132). Трудно сказать, что это – отголоски более ранних споров или влияние того источника, который был создан до приезда Штадена в Россию и был положен им в основу «Описания Московии».

9 об.–4. *id est: deus dedit* – что значит: Бог дал (лат.). *С. Н. Ф.*

9 об.–5. *...опричные дела* – Это попытки утверждения самодержавной власти великих князей, отказа от соуправления с Боярской думой, которые предпринимали уже дед и отец Ивана IV – Иван III и Василий III. Само определение «опричный» прилагалось не только к лицам и действиям, но и к войсковым частям. В январе 1544 г. во время местничества Ивана Кашина с Осипом Тростенским великий князь велел сообщить спорящим, что «сторожевому полку до правые и до левые руки дела нет, то полки опричонные» (РК 1475-1605. Т. 1. Ч. 2. С. 313). Впро-

чем, не исключено, что в данном случае это – вставка, сделанная после 60-х гг. XVI в.

9 об.–6. *...взял княжну... из Черкесской земли...* – это Мария (Гуащанэ, Гошаней) Темрюковна – дочь кабардинского князя Темрюка (Идаровича) Айдаровича, который в 1557 г. по собственной инициативе просил о принятии его в подданство русского царя. Брак с княжной состоялся 21 августа 1561 г. В результате Иван IV стал свойственником астраханского царевича Бекбулата и Тинехмата (Дин-Ахмеда), сына ногайского князя Измаила (женами которых были сестры новой царицы), что способствовало расширению политического влияния на юге и юго-востоке от России, поскольку, оказывая поддержку Темрюку, «оберегать» которого в 1565 г. была направлена рать кн. И. Д. Дашкова из Шацка на Астрахань (РК 1475-1605. Т. 2. Ч. 1. С.191), царь выступал в роли покровителя и опекаемых Темрюком Малых Ногаев. Однако этот союз повышал и авторитет князя Больших Ногаев Дин-Ахмеда, видевшего в родстве жен взаимное «племянство».

О том, оказала ли Мария Темрюковна влияние на внутреннюю политику Ивана IV, мнения историков расходятся. Обзор некоторых точек зрения сделал С. Ю. Шокарев, который склоняется к мнению Р. Г. Скрынникова, полагающего, что по малолетству кабардинская княжна не могла оказать влияния на царя. Думается, оба автора упускают из виду, что Мария Темрюковна явилась в Москву далеко не одна, а окружение ее было столь велико, что внимательным иностранцам удалось услышать «черкесскую» речь на улицах Москвы. В. Н. Сокуров указывает, что с братом Марии – Михаилом (Султануко) в опричнине служили два его двоюродных брата Семен (Уардащао) и Федор Жилеютовичи, братья Даутоковы (Таатуковы) – Иван. Владимир и Борис (о них и других родственников царицы см. подробнее: *Кобрин* 2008. С. 93-95). Обычно выезжего княжича сопровождали ближние учдени, воспитатели, телохранители (*Сокуров* 2006. С. 297, 303-305). Разумеется, не следует преувеличивать роль пришлого населения, тем более, что идея создания независимого от подданных князей и бояр войска давно витала в Москве. В этом же плане можно рассматривать и избранную тысячу 1559 г. (*Кушева* 1963; *Скрынников* 1992. С. 226; *Шокарев* 2002. С. 167; *Трепавлов* 2001. С. 307, 313; *Павлов* 2006. С. 217). Однако в марте 1571 г., когда уже обнаружились негативные последствия опричнины, Иван Грозный практически исключил Марию из числа своих покойных род-

ственников, по которым отправлял милостыню в Афонские монастыри. Так, по царице Анастасии он отправил на Афон 1300 руб, а по Марии Темрюковне – лишь одну чару (Россия и греческий мир. Т. 1. №№ 143, 145-147, 150. С. 292, 292, 295, 298-306).

9 об.–7. *...500 стрельцов из своего народа...* – так Штаден определил первоначальный размер опричного войска, указав при этом, что кроме 500 стрельцов в опричнину вошли и представители других народов. Можно предполагать, что войско не превышало 1000 человек, ведь и число тысячников не превышало этой цифры. В литературе принято иное мнение: В. Б. Кобрин полагал, что в новом войске было 6000 человек. К сожалению, конкретно удалось установить имена лишь 200 человек (*Кобрин* 1960. С. 16-91).

10–1. *отборное войско* – Штаден открыто и ясно связывает введение опричнины с выполнением воинских обязанностей представителями тех или иных родов, связанных с охраной его особы. Приблизительно так же рассматривал их и А. Шлихтинг: в переводе А. И. Малеина *celeres* даны как «проворные» (*Шлихтинг.* С. 18). По мнению исследователя ватиканского списка Шлихтингова Сказания И. Д. Горшкова – этот термин употреблен автором по аналогии с римскими конниками – отрядом, который был создан Ромулом для своей охраны (*Горшков* 2005. С. 137). В отличие от Штадена, Шлихтинг не скрывал своего отношения к ним как к «подонкам разбойникам», «опричным наглейшим и преступнейшим», избранным из «убийц, кинжальщиков», «гнафонов» – «прихлебателей и лизоблюдов» (по имени одного персонажа пьесы Теренция «Евнух», ставшего нарицательным для обозначения обедневшего свободного человека, выступающего в роли шута, льстеца и обжоры, в надежде на бесплатное угощение. Там же. С. 137-138).

10–2. *...не находили... что он не служил его предкам...* – текст в этой фразе несколько испорчен: появилась лишняя отрицательная частица *не*. Тем не менее смысл фразы ясен: лишались земли представители тех родов, чьи предки уклонялись от несения воинских обязанностей великим князьям московским или всея Руси. Тем не менее эта направленность опричнины практически осталась нераскрытой в историографии и «доштаденовского периода», и XX в. Теории опричнины, как правило, строились на анализе внутренних социально-политических и экономических отношений. Это касается и теории опричнины С. Ф. Платонова, полагавшего, что опричнина была направлена против княжеско-боярской аристокра-

тии, и построений П. А. Садикова, обнаружившего фактические отклонения от правила, считавшегося Платоновым непреложным, и теория А. А. Зимина, будто опричнина была направлена против удельных пережитков – в положении Великого Новгорода, последнего удельного князя Владимира Андреевича Старицкого, самостоятельности церкви. Эту точку зрения разделял и В. Б. Кобрин.

Вопрос о социальном составе опричников долго оставался спорным. С. Б. Веселовский полагал, что опричники набирались из старого государева двора (*Веселовский* 1963. С. 68-70, 143), Р. Г. Скрынникову казалось, что опричники были по преимуществу выходцами из провинциального дворянства (*Скрынников* 1992. С. 219, 220). Наконец А. А. Зимин и В. Б. Кобрин, специально занимавшиеся этим вопросом, пришли к выводу об разнородности опричного и земского войска. Исследования А. П. Павлова подтвердили наблюдения А. А. Зимина и В. Б. Кобрина, и обнаружили социальную пестроту лиц, пострадавших от опричных выселений (*Павлов* 1990; *Он же*. 2006. С. 219-220).

В каждой из этих теорий имеется зерно истины, однако главным стержнем опричных преобразований был вопрос о пополнении войска боеспособными силами, а казны – финансами для продолжения крайне непопулярной Ливонской войны. К 1564 г. уже ясно обнаружились все негативные стороны и последствия этой войны. Российским князьям и боярам, недавним выходцам из Великого княжества Литовского, на протяжении первой половины XVI столетия занявшим ведущие позиции в политической элите страны, приходилось вести войну с единоверцами – православными того же Великого княжества Литовского. И как бы ни подогревали антикатолические или антипротестантские настроения идеологи русской церкви, всем оставалось ясным – война идет с единоверцами. Цель ее – утверждение государева имени на международной арене и расширение царской «вотчины» оставались чуждыми основной массе привилегированного сословия. В этом отношении очень показательно именование Штаденом Ивана IV не царем, но лишь великим князем. Оно отражало не только влияние польско-литовской традиции, но и стандартное словоупотребление самих русских в быту, где с трудом прививался титул «царь». В этом отношении сочинение Штадена можно сравнить с «Историей о великом князе московском» А. М. Курбского.

10–3. *Положение князей и бояр, взятых в опричнину...* – В Москве в опричнину были взяты территории от Москвы-реки на запад и северо-

запад до Никитской улицы, включая ее левую сторону: «Чертольскую улицу и з Семчинским селцом и до всполья, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцовым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никитцкой улицы половину улицы, от города едучи левую стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы...», кроме того, три ближние подмосковные слободы: Ильинская под Сосенками, Воронцовская, Лыщиковская (ПСРЛ. Т. 13. С. 395). Кремль и Китай-город, называемый Штаденом, «городом», в опричнину действительно не вошли. В дальнейшем, как сообщает Штаден, опричная территория в Москве расширялась и дошла до Неглинной (*Зимин* 2001. С. 213 -216; *Кобрин* 1960. С. 16-91; *Он же* 1989. С. 110, 111).

10–4. *...устанавливалось по рождению, не по богатству* – Положение опричников из среды князей и бояр устанавливалось не в соответствии с их богатством (это Штаден подчеркивает), но по рождению – генеалогический принцип родовитости, основной критерий в иерархии правящего сословия, действительно сохранялся в опричнине. «... удержав, таким образом, всю московскую «лествицу чинов», основанную на старине и признании «чести» рода, – писал по этому поводу П. А. Садиков, – опричнина с первых же шагов своего существования стала нарушать предположенный порядок, наполнять эту служебную иерархию новым классовым содержанием. Те же из «знатных», которые все-таки были приняты в опричнину, должны были встретиться там с такими «страдниками», по выражению Грозного в письме к опричнику Василию Грязному, каковые в земщине на них и смотреть не смели» (*Садиков* 1940. С. 138, 139). Сохранение принципа родовитости оказывало самое негативное влияние на проведение внешнеполитических акций. Местнические споры как внутри опричников и земских, так и между ними нередко оказывались причиной поражений. Впрочем, местничество переживало буйный расцвет не только во времена опричнины, но и в последнее десятилетие Ливонской войны (*Эскин* 1994).

10–5. *...те давали присягу не иметь... никакой дружбы* – Текст присяги опричников известен по ее переложению в «Истории о великом князе московском» А. М. Курбского. Царь, по его словам, обязал их «клятвами страшными и принудил окаянных не знатись не токмо со друзи и братиями, а ни с самими родители, но точию во всем ему угож-

дать и скверно его и кровоядное повеление исполняти». То же читаем и в послании Таубе и Крузе (РИБ. Т. 31. Стб. 322; *Таубе и Крузе*. С. 35, 36. Ср.: *Pavlov, Perrie* 2003. P. 112). Олеарий подчеркивал, что принесение присяги и клятвы отнюдь не поощрялись. Тому, кто клялся без особой нужды, причастие давалось лишь через три года (*Олеарий*. С. 286-287). При этом отношение к крестному целованию светской власти и церкви различалось. *А. Л. Х.*

Крестное целование имело немалое значение для средневекового человека. Это и форма клятвы на суде или в спорных делах, и неотъемлемый элемент принесения присяги, и удостоверение в искренности намерений человека. Однако церковь не всегда одобряла принесение крестного целования, а порой церковные и светские постановления вступали в противоречие относительно использования крестного целования как клятвы.

Действительно, церковь резко осуждала нарушение обещания, данного с крестным целованием, или целование креста «на криве», то есть заведомо ложно. П. С. Стефанович подробно разобрал святоотеческие и древнерусские тексты, послужившие основой для почитания креста и резко негативного отношения церкви к ложному крестному целованию. Однако в целом, опираясь на летописи и церковно-учительную литературу XI–XIV вв., автор приходит к выводу, что средневековый человек делал различие между клятвой вообще и крестным целованием, и что, как правило, осуждалось нарушение крестного целования, а не принесение его. Автору известен опубликованный А. И. Алмазовым исповедный текст XVI в., в котором порицается само принесение крестного целования (*Алмазов*. Т. 3. С. 149-151), но П. С. Стефанович не предлагает объяснения этому явлению (*Стефанович* 2004. С. 86-113).

Между тем не только в рукописи, указанной А. И. Алмазовым, но и в ряде других исповедных вопросников XV–XVII вв. у кающегося спрашивают, не целовал ли он креста «на праве» (РНБ. Кир.-Бел. 530/787. Л. 155 об.; Колоб. 478. Л. 14-22 об.; Мих. Q 10. Л. 111 об.-115 об.; Погод. 308. Л. 278 об.-281 об.; Погод. 313. Л. 213-217 об.; Соф. 838. Л.. 191; Соф. 875. Л. 131, 133-134 об.; Соф. 1065. Л. 2 об.; Соф. 1090, л. 454-466; Соф. 1095. Л. 15-25; Соф. 1102. Л. 32; СпбДА AII/128. Л. 245 об.-251 об.; СпбДА AIV/7. Л. 114-121 об.; БАН. Калик. 1. Л. 11 об., 18 об.-19; Чуван. Р-134. Л. 22, 35 (XIX в., старообрядческая рукопись); 1.2.23. Л. 93; РГБ. Волок. 154. Л. 4 об.; Вологод. 24. Л. 171-177; ГИМ. Синод. 898. Л. 218;

ИРЛИ. Перетц 12. Л. 115 об. См. также: *Корогодина* 2006. С. 174-179). Таким образом, церковь осуждает не только нарушение крестного целования, но и вообще целование креста как клятву.

При этом крестное целование широко использовалось в средневековой юридической практике. Крест целовали князья, заключая договоры друг с другом (*Сергеевич* Т. 2. С. 200-210. В летописях многочисленны известия о заключении договоров, сопровождавшихся крестным целованием, о нарушении их и о разрешении князей от крестного целования духовенством); простые люди, присягая князю, а позже царю (до нашего времени дошли подкрестные записи рубежа XVI–XVII вв.: царю Борису Федоровичу Годунову от 15 сентября 1598 г., царю Дмитрию Ивановичу (Лжедмитрию I) от 12 июня 1605 г., царю Василию Ивановичу Шуйскому от 20 мая 1606 г., королевичу Владиславу от 19 августа 1610 г., царю Дмитрию Ивановичу (Лжедмитрию II) от января 1611 г. (См.: ААЭ. Т. 2. С. 57-61, 94-95, 102-103, 280, 293). На крестное целование указывают Судебники 1497 и 1550 гг. как на способ приведения к судебной присяге: «А на кого взмолвят детей боярскых человек пять или шесть добрых, по великому князю по крестному целованию, или черных человек пять-шесть добрых христиан целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому гыбель плачивал, ино на том взять исцеву гыбель бес суда» (РЗ X—XX вв. Т. 2. С. 55-56, 97-120). Наконец, крест могли целовать при разрешении спорных вопросов вне официального судебного разбирательства. Какое же целование креста осуждала церковь?

Очевидно, изначально целование креста должно было заменить в христианизировавшейся стране приведение к роте, то есть к языческой клятве. Однако очень быстро под «ротой» стала пониматься не обязательно клятва с соблюдением языческих обрядов. Приведение к роте предписывалось княжескими уставами (Краткой и Пространной редакцией Русской правды, Псковской судной грамотой) для приведения к присяге свидетелей (РЗ X—XX вв. Т. 1. С. 47-49, 64-80, 331-344). В Ипатьевской летописи под 6453 г. рота упоминается при описании заключения договора князя Игоря с византийским императором Романом I, – христиане клянутся в церкви, а нехристиане приносят клятву языческим богам, причем слово рота употребляется по отношению к обоим видам клятвы (ПСРЛ. Т. 2. С. 35-42). В текстах XIV–XVI вв. рота часто упоминается наравне с другими формами клятвы (в том числе с крест-

ным целованием) и не несет на себе какого-либо языческого оттенка; например, в рукописях XVI в. говорится о том, что крест целуется «в роте» (РНБ. Кир.-Бел. 530/787. Л. 152 об.-156; Соф. 1102. Л. 28-30; БАН. Калик. 1. Л. 10-12 и 17 об.-19 об).

Но уже в начале XV в. слишком широкое использование крестного целования (и, по всей видимости, как следствие, участившиеся случаи целования креста «во лжу») стало волновать церковных иерархов. В 1409 г. в новгородском Софийском соборе у иконы святых Гурия, Самона и Авива был чудесно явлен вор, которого не могли обнаружить до этого (ПСРЛ. Т. 43. 169). По этому случаю новгородский архиепископ Иоанн дал «благословение» и «указ» прихожанам собора святой Софии больше не целовать крест в спорных вопросах, касающихся краж, а ходить к иконе свв. Гурия, Самона и Авива и брать специально приготавливаемую просфору. «Слышю зде, што у вас о великой и о малой гибели ходят ко кресту; ино то деете не по Божию закону», — говорится в «Благословении» (*Макарий*. Кн. 3. С. 457). Таким образом, традиционно суд Божий осуществлялся через целование креста. Митрополит Макарий (Булгаков) считал, что постановление архиеп. Иоанна выполнялось недолго (Там же. С. 177-178), но нам представляется, что списки XVI в. «Благословения» и «Указа» говорят о том, что и спустя одно-два столетия идея архиеп. Иоанна о недопустимости слишком частого и широкого использования крестного целования находила сочувствие в умах читателей и переписчиков (РНБ. Соф. 836. Л. 114-116).

Подтверждение этому находится в одной из рукописей третьей четверти XVI в., хранящейся ныне в Софийском собрании РНБ. Значительный по объему чин исповеди в этой рукописи сопровождается текстом, обращенным к приходским священникам и озаглавленным «Указ о крестном целовании» (РНБ. Соф. 890. Л. 250 об.-253 об. См. также: *Корогодина* 2006. С. 550-551). В тексте рассматриваются различные случаи принесения крестного целования. Особенное внимание уделяется крестному целованию, даваемому в «неверной земле» взятыми в плен на войне или послами и купцами, которых «засадили» иноземцы. Если пленника понуждают целовать крест, что он не убежит, и он, дав обещание, бежит из плена, то по возвращении на родину священник должен наложить на него епитимью до смерти, заключающуюся в весьма строгом посте и отлучении от причастия. «Лутче бы человеку умерети, а честнаго бы креста не поцеловати, занеже крестному целованию покаяния

нет, то есть грех смертный», – говорится в «Указе». Очевидно, здесь причиной для запрещения крестного целования является слишком большой соблазн нарушения его. Далеко не каждый будет искренним, целуя крест, если такой ценой он сможет сохранить жизнь или сбежать из плена, и составитель «Указа» подчеркивает неискупимость нарушения крестного целования, – греха, о котором склонны были забывать пленники.

Действительно, в XVI в. крестное целование было основным способом убедиться в искренности намерений пленников и заручиться их верностью. В 1581 г. Киприан Оничков, оборонявший Соловецкий монастырь и поморские волости от шведов, писал Ивану Грозному о взятых в плен лазутчиках. Согласно его посланию, пленников пытали, но казнить не решились без указа государя, и Оничков просил Ивана Грозного дать указ, что делать с лазутчиками дальше (Грамота Ивана Грозного Киприану Оничкову (ААЭ. Т. 1 . № 310. С. 374-375). Грозный велит казнить тех, кто действительно оказался лазутчиком, но кто по собственным словам и по свидетельству местных жителей неповинен в шпионстве, тех следует отдать на поруки и привести ко кресту, что они будут сохранять верность русскому царю. В то же время для людей, оказавшихся волею судьбы на стороне противника во время военных действий и желающих вернуться в отчизну, важно было удостовериться в том, что они не будут после возвращения преданы светскому или церковному суду как изменники. Герой Повести о Тимофее, относимой исследователями к 1470—1480 гг., требует прощальной грамоты и от великого князя, и от митрополита; такая грамота должна послужить ему гарантией безопасности при обратном переходе на службу к Ивану III от татар (РП. С. 119-123).

Другой повод для принесения крестного целования – судебное разбирательство. Сурово осуждая ложное свидетельство, сопровождаемое целованием креста, «Указ о крестном целовании» запрещает священникам пускать таких людей в церковь, ходить к ним домой и читать для них молитвы, служить молебны и поминать на литургии, брать у них свечи, просфоры или приношения. Если же священнику случится служить требу в доме, где есть «ротники», то последних на время службы надлежит выгнать из помещения. Особое внимание составитель текста уделяет вельможам, целующим крест «на виновате». Отмечая на поле словом «зри», составитель убеждает священников не бояться и не стыдиться проявлять твердость по отношению к вельможам: «вы, попове,

тех не стыдитеся, в церковь их не пущайте, а в дом к ним не приходите». Фактически, это означает полное отлучение от всей церковной жизни.

Впрочем, суровое осуждение тех, кто сознательно лжет, целуя крест, не является новым. В исповедном тексте XVI в. нарушение крестного целования по тяжести епитимьи (20 лет поста) приравнивается к сознательному убийству, а в епитимийном тексте XIV в. за измену крестному целованию положено «до смерти плакатися» (РНБ. Соф. 1088. Л. 358-360; см.: *Алмазов.* Т. 3. С. 148; ГИМ. Синод. 3. Л. 293 об.-294; см.: *Смирнов И. И.* 1912. С. 142). В то же время в тексте, созданном в XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре, за нарушение крестного целования назначалась епитимья всего два года поста, – составитель намного более реалистично подошел к решению проблемы, связанной с церковным покаянием (РНБ. Кир.-Бел. 22/1099. Л. 431-433 об. и Кир.-Бел. 9/1086. Л. 81 об.-84 об.; см.: *Алмазов.* Т. 3. С. 150).

Однако «Указ о крестном целовании» запрещает также целование креста «на праве», даже если оно вынужденное. Тем, кто целует крест «на праве», составитель предлагает назначать трехлетнюю епитимью, запрещая им ходить в церковь и принимать от них приношения. Поцеловавших же крест «на криве» и пришедших на исповедь, чтобы раскаяться в содеянном, составитель связывает 30-летней епитимьей, отлучая их на этот срок от участия в церковной жизни и обязывая соблюдать строжайший пост; причаститься же они могут только перед смертью. Составитель, очевидно, понимал, что не только кающимся будет тяжело нести такую епитимью, но и духовникам непросто предъявлять столь строгие требования. Привлекая внимание читающего словом «зри», выписанным на поле, составитель описывает адские муки, которые грозят духовникам, постеснявшимся выгнать из церкви или отказаться от приношения «ротников»: «вы с ними злую муку приимите и геону огненую, и тму кромешную». Автор текста приравнивает «ротников» к еретикам и самоубийцам, которые по втором пришествии без суда пойдут в муку вечную.

С «Указом о крестном целовании» перекликается исповедный вопросник, адресованный вельможам и помещенный в той же рукописи (РНБ. Соф. 890. Л. 179-181 об.; см.: *Корогодина* 2006. С. 510-511). Собственно, лишь одна статья говорит непосредственно о целовании креста: «На крестном целовании у своего государя бывал еси какове власте?». Обратим внимание, что в статье осуждается само крестное целование, без уточнения – «на криве» или «на праве», причем говорится о крест-

ном целовании, необходимом в силу исполнения должности, то есть узаконенном нормами светского права. Однако другие статьи также говорят о делах, непосредственно связанных с принесением крестного целования. Здесь спрашивается о верности государю и предательском сговоре с иноземцами, о поведении во время военных действий и в плену, особенно много вопросов об отправлении суда. Верность и честность во всех этих случаях удостоверялась целованием креста, и преступая свой долг, вельможа преступал также крестное целование.

Исповедные тексты, говорящие об обязанностях вельмож, выступают в данном случае неофициальным гарантом честности и добросовестности вельможи перед государем и нижестоящими людьми. Одним из источников для составления исповедных вопросников, как убедительно показал Б. Н. Флоря, были крестоцеловальные записи, в которых рассматриваются те же вопросы верности государю во всем (*Флоря* 1994. С. 204-214). Подобных покаянных текстов для великих князей и царей не существовало (единственный в своем роде образец исповедного вопросника для царей был выпущен московским печатным двором около 1630 г.). Однако церковные иерархи могли требовать от князя, как и от всякого другого человека, выполнения обещаний, заверенных крестным целованием, и наложить запрещение за отказ держаться данного слова. В 1447 г. великий князь Василий Васильевич обращается к церкви как к арбитру, обвиняя Дмитрия Юрьевича Шемяку в нарушении крестного целования. В результате от имени российских иерархов: епископов, архимандритов, игуменов и священников было составлено послание Дмитрию Шемяке, в котором пастыри укоряли князя за нарушение обещаний, закрепленных крестным целованием: «Что ж ты, господин наш, запросто учинил еси собе то честнаго и животворящаго креста целованье и те крепкие и утверженые ваши речи и писания, которыи сам еси на себе написал <...> и честный и животворящий крест целовал? <...> Попрал еси свое православие и крестное целование ни во что же вменив, ни к единому своему слову достоверен сътворился еси» (АИ. Т. 1. С. 75-83).

В 1503 г. дочь Ивана III, Елена, которую отец выдал замуж за литовского великого князя Александра Ягеллона, убеждает отца прекратить военные действия против ее мужа. Главный аргумент Елены – соблюдение Александром обещаний, данных Ивану Васильевичу с крестным целованием, и следовательно, необоснованность и беспричинность недовольства Ивана III литовским князем: «Доведаешся ты, государь и отец

мой, что ж король его милость во всем тебе подле грамоты свое докончалные правил, и с крестного целования ни в чем не выступил; <...> и, поразумевши правду государя моего, <...> возми по старому первую любовь и дружбу с братом и с зятем своим, с королем и великим князем Александром» (ААЭ. Т. 1. С. 104-110). Впрочем, у Ивана III было свое мнение о том, выполняет или нет зять данные обещания, и он посоветовал дочери не вмешиваться. *М. В. К.*

Вероятно, в связи с позицией церкви по отношению к крестному целованию следует учитывать и тот факт, что при принесении клятвы сохранялись, при чем весьма долго, языческие обычаи. Некоторые из них сохранились вплоть до XIX в., судя по записям этнографа С. М. Пономарева, опубликованным А. Л. Рогачевским. Так, в Белебеевском у. «В клятву всегда ели землю». В с. Троицком, Чернского у. С. М. Пономарев записал: «Кто ложно присягнул, говорят: съел присягу понапрасну». В Заполье, Чаусского у. существовал обычай: «баба должна палец на палец крестом сложить и поцеловать, а потом ком земли съесть перед миром, тогда муж прощает жену за неверность». В Чаусском уезде при решении дел, видимо, гражданских, в суде «при божбе через икону руку подают друг другу. Через (с помощью. – *А. Рогачевский*) детей снимают икону: «Одна я через своего ребенка не побожусь. И ты через ребенка своего клянись». И оба: и истец, и ответчик, клянутся». Помимо иконы в некоторых местностях клятвы принимали в сопровождении колокольного звона. Так в Архангельске «присягу через звон (в сопровождении колокольного звона) гонят». Бывает, что через 12 звонов вызывает – и через 12 евангелиев, и в собор большой загоняют. Как подойдет к присяге и затрясется». И иконы, и колокольный звон должны были выявить ложноприсягающих.

Большое значение при клятве придавалось земле. В д. Хорновке Мглинского у.в этом случае клали «на голову комочек земли», приговаривая: «Чтоб я не дождался закатного солнышка». В той же деревне если межа нарушена, – собираются три деревни, заставляли одного вырезать копец (ямку); дерн он кладет на голову и с ним три раза кланяется в землю и несет на голове; сколько пронесет, та земля и его; неправо присягнувшие год не выживали и умирали» (*Рогачевский* 2001. С. 12-16. Благодарю автора за предоставление этой статьи). Этот обычай давно известен. Он происходит от очень древнего культа почитания земли, следы которого можно обнаружить даже в сочинениях такого право-

славного ортодокса, как Иосиф Волоцкий. В послании вельможе Иоанну о смерти князя он приветствовал адресата таким образом: «...челом ударяю в лице матери общая земля» (ПИВ. С.154.). В послании брату Вассиану Санину он же, сетуя на то, что «олядиневшу... винограду Рускиа земля», патетически восклицал: «О земле и солнце, как тръпиши!» (Там же. С. 173). *А. Л. Х.*

10–6. ... *укрепленные на палке веник или метлу* – То же отмечал и автор Пискаревского летописца начала XVII в.: «... ходиша и ездиша в черном, и все люди опришницы, а в саадацех [где должны были бы находиться стрелы. – *А. Л. Х.*] помяла» ПСРЛ. Т. 34. С. 190), и современники иностранцы (Таубе и Крузе, Шлихтинг). Одежда опричников и их принадлежности истолковывались по разному, И. И. Полосин считал опричнину пародией на Ватикан, а одеяние опричников – пародией на символику доминиканцев – «псов господних» (См. подробнее: *Шокарев* 2002. С. 169-170). Новое толкование предложено А. А. Булычевым (см. в наст. издании: *А. А. Булычев.* Символика снаряжения опричного воина).

10–7. *Из-за беспорядков...* — Варианты перевода – или – «из [опасения] мятежа», или – «во [избежание] мятежа», предлагаемые С. Б. Веселовским (*Веселовский* 1963. С. 55), существенного значения не имеют, ибо ни самих «беспорядков», ни даже реальной угрозы их или мятежа в этот период не было. О ней сообщил лишь один поздний летописчик, в котором неизвестно, на основании каких источников, говорилось, будто «многие знатные вельможи собрали в Литве и в Польше немалую партию и хотели со оружием итти против царя своего» (*Шмидт* 1974. С. 349-350). Скорее всего, это было отражением и искажением слухов, бродивших в Речи Посполитой во времена жизни автора этого сочинения (ср.: *Шокарев* 2002. С. 150).

10 об.–1. *...и велит доставить из Москвы и других городов господ, которых хотел <видеть>* – Посылка за лицами, которых царь хотел видеть в Александровой слободе, в русских летописях не отмечена. Напротив, в них подчеркивается самостоятельность решения об отправке довольно представительной делегации к царю с просьбой вернуться в столицу на царство. Умолчание об инициативе царя объясняется, вероятно, официальным характером летописей, составители которых сочли, что указание на инициативу царя могло бы умалить его достоинство. Самый факт подобной инициативы Ивана IV, на наш взгляд, вполне возможен. Беспокойный, если не сказать больше, характер царя заставлял его дей-

ствовать и тогда, когда разумнее было бы выжидать «челобития» оставленных им жителей столицы и царства. Ситуация несколько напоминает переговоры 1556 и 1570 г., когда царь, нарушая дипломатический протокол, выступал перед послами короля польского и великого князя литовского с многочасовыми речами. На принудительность приезда митрополита, епископов, князей И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского, дьяков И. М. Висковатого и А. Васильева намекает как будто и характер их приема царем. Все они «как явные враги, – по сообщению Таубе и Крузе, – приведены под охраной и стражей (сам он расположился как в военном лагере) к нему на аудиенцию» (*Таубе и Крузе*. С. 33).

10 об.–2. ... *из-за этого указа земские заробели* – На факт несовпадения текста указа, переданного Штаденом, и изложенного русскими летописями и Таубе и Крузе, в литературе уже неоднократно обращали внимание (*Шокарев* 2002. С. 171). Штадена, или его предшественника, интересовала, в основном, финансовая сторона опричнины, источники пополнения богатства самых верных слуг царя, то есть те самые источники, которыми он, находясь в опричнине, весьма успешно пользовался.

11–1. При изложении событий опричного времени в «Описании Московии» появляются серьезные хронологические несообразности, свойственные и сбивчивому рассказу в «Автобиографии» Штадена. Так. в «Описании Московии» тотчас вслед за сообщением о введении опричнины Штаден помещает рассказ о смерти Ивана Петровича Федорова, в действительности имевшей место тремя с половиной годами позднее – 11 сентября 1568 г. Одновременно Штаден начинает повторяться – его характеристика И. П.Федорова-Челяднина почти дословно повторяет ту, которая была уже дана в самом начале описания. Правда, на этот раз он ведет рассказ не только о судебной деятельности в пределах основной территории России, но и о его временном наместничестве в Ливонии – в начале 60-х годов и Полоцке. О мученической смерти Федорова Штаден сообщает после описания деятельности и судьбы преемников Федорова в должности ливонского воеводы – А. М. Курбского и М. Я. Морозова.

11–2. ...*был воеводой и наместником в Дерпте и Полоцке*... – Точные даты наместничества Федорова в Юрьеве и Полоцке неизвестны. В феврале 1550 – апреле 1560 г. он был воеводой в Смоленске (Сб. РИО. Т. 59. С. 563, 625). 24 декабря 1563 г. Федоров находился в Москве, он был послан царем к умирающему митрополиту Макарию (*Кунцевич* 1910. С. 14). Таким образом, его деятельность в качестве наместника

Дерпта и Полоцка должна была уместиться именно в промежутке между апрелем 1560 г. и ноябрем-декабрем 1563 г. (наместничество в Полоцке могло быть с марта по конец августа 1563 г.). Оно могло быть еще короче, ограничившись 1561/2–1563 гг., ибо свидание Ст. Довойны, бывшего полоцкого воеводы, а затем почетного царского пленника, с литовским посланником Вас. Мацкеевым (Мацкевичем) состоялось на Казенном дворе у боярина И. П.Федорова, казначея Н. А.Фуникова и посольского дьяка А. Васильева 7 сентября 1563 г. (Сб. РИО. Т. 71. № 10. С. 169). Предварительная встреча пленников с царскими слугами боярином И. П. Федоровым, казначеем Н. А. Фуниковым, печатником И. М. Висковатым и дьяком Андреем Васильевым произошла в Набережной палате 18 декабря 1563 г. Пленники просили о разрешении увидеться с литовскими послами, били челом Федорову и другим влиятельным лицам из боярского окружения царя, чтобы «господине бояре наше челобитье слезное (о встрече с послами. – *А. Л. Х.*) до государя донесли». Те выполнили эту просьбу, и царь приговорил 5-6 человекам пленных встретиться с послами (Сб. РИО. Т. 71. № 12. С. 231-282). Однако когда очередному литовскому гонцу было позволено видеться с полоцкими пленниками в Посольной (Посольской) палате в присутствии казначея Н. Фуникова, печатника Висковатого, дьяка А. Васильева (Там же. С. 334-335; *Граля* 1994. С. 292), то на встрече с ними 26 апреля 1566 г. отсутствовал лишь один член этой «команды» – И. П. Федоров. Позднее 15 июля 1566 г. аналогичная встреча пленников имела место «на Казенном дворе у боярина Ивана Петровича Федорова да у казначеев у Никиты у Фуникова, у Хозяина Тютина, а печатнику Ивану Михайлову и дьяку Андрею Васильеву туто же государь велел быти». Ни в 1563 г., ни в 1566 г. должность Федорова не указана. В промежутке между этими «казенными делами» Федорова то посылали осенью 1564 г. «на берег», т. е. на Оку, то оставляли в сентябре 1565 г. в Москве «для ведения государственных дел» (*Зимин* 2001. С. 216). Но уже после 1563 г. наместничество Федорова представляется невозможным ни в Ливонии, ни в Полоцке. Все это говорит о том, что полоцким наместником Федоров мог быть несколько месяцев – с марта по сентябрь 1563 г., а ливонским – после апреля 1560 г. до февраля 1563 г., что не исключало возможности его временных приездов в Москву.

11–3. *...немцы не страдали так...* – Действительно, в это время таких массовых выселений немцев, как в предшествующее и последовавшее в

1565 г., не было. Соблюдая «прямое слово» воевод – их обещание не выселять немцев из Дерпта – «не изводить их из города» (ПЛ. Вып. 2. С. 236, 237), того же придерживался и И. П. Федоров. Однако «выводы» и «своды» населения к 60-м годам XVI в. стали обычным приемом социально-демографической политики русских государей (*Платонов* 1923. С. 101; *Перхавко* 1997).

Захват Полоцка сопровождался резней горожан (до двадцати тысяч, судя по чрезвычайно сильно преувеличенным сведениям «Правдивой и страшной газеты про ужасного врага Московита»), в особенности, женщин, девушек и детей, весть о которой далеким эхом пронеслась по всей Европе, и пленением многочисленных полочан, в том числе женщин, которые были уведены в Россию (*Kappeler* 1988. S. 163; *Сагановiч* 1998. С. 263-270; *Янушкевiч* 2005; обзор новейшей литературы вопроса см.: *Straszewicz* 2005. Z. 3. S. 449-453). Впрочем, и в этом акте насилия И. П. Федоров, кажется, не участвовал.

Наместничество в Ливонии закончилось для Федорова весьма плачевно. Заключив осенью 1562 г. договор с великим литовским гетманом Г. А. Ходкевичем в тот самый момент, когда царь готовил грандиозный поход на Полоцк, и поставив Ивана IV в известность об этом лишь post factum, он навлек на себя гнев царя, усмотревшего в этом, правда, с некоторым опозданием, покушение на свою власть.

11–4. *...в Россию...* — Рассказ о судьбе Федорова прерван вставкой о Курбском и Морозове и продолжен через два абзаца на л. 11 об. Возможно перебивка текста объясняется тем, что и вставка и продолжение рассказа о Федорове начинались с одного и того же предлога Nach – после.

11–5. *...воеводой и наместником стал князь Курбский* – Наместничество Курбского в Ливонии началось, видимо, сразу после захвата Полоцка, то есть в марте 1563 г. (ср. комм. 12).

11–6. *[Курбский] понял суть опричных дел* – Причем, не только теоретически. Царь однажды в разговоре с польско-литовским посланником якобы объявил: «Курбский убежал потому, что я огрел его татарской плеткой и хотел у него все отнять» (*Hansen* 1894. S. 141. Цит. по: *Epstein.* S. 23. Anm. 4). Судя по тому вниманию, которое Курбский уделил проблеме конфискации имущества опальных (*Хорошкевич* 2001-б. С. 288-296), второе желание царя «все отнять» действительно могло касаться самого Курбского. Не представляется невероятным и первое объяснение. Стоит вспомнить, как яростны были вспышки гнева у ничем нео-

бузданного «великого государя» и к каким катастрофическим последствиям они приводили. Подобный инцидент с Курбским мог произойти, в частности, после неудачи воеводы под Невелем во время царского похода на Полоцк зимой 1562–1563 г. Позднее в посланиях Курбскому царь ставил воеводе в вину это поражение: «сами от них (литовского войска, угрожавшего захватом Невеля. – *А. Л. Х.*) возвратистеся, ничто же успевше» (ПИГАК. С. 94; *Соловьев С. М.* Т. 6. С. 525).

11–7. *...оставил свою супругу и детей...* – Перевод И. И. Полосина 1925 г. сообщения о судьбе семьи князя Курбского был неточен и поэтому вызвал споры и упреки в адрес автора сочинения, немецкого текста которого комментаторы не читали (*Шокарев* 2002. Комм. № 153. С. 171).

11–8. *...к королю Сигизмунду Августу* – Сигизмунд II Август – король польский и великий князь литовский (1548–1572).

11–9. *...в Польшу* – Точная дата бегства Курбского – ночь с 29 на 30 апреля 1564 г. (*Arbusow* 1897. S. 72; *Кунцевич* 1914. С. 281-285). Курбский выехал однако не в Польшу, а в ВКЛ, где и получил земли.

11–10. *...князь Михаил Морозов* – у Штадена Михаил Яковлевич Морозов (ум. 1573) ошибочно назван князем, на самом деле он происходил из старомосковского боярского рода. В 1549-50 гг. – участник похода на Казань, в 1552 г. под Казанью отвечал за артиллерию, а позднее постоянно выступал в качестве воеводы «на берегу», в 1558 г. воевода сторожевого полка, в 1560 г. – у наряда в Большом полку. Впервые получил наместничество в Смоленске в 1562-63 гг. (*Шокарев* 2002. С. 170-171). Однако Т. Тетерин и М. Сарыхозин считают, что Морозов провел на наместничестве в Смоленске 5 лет (ПИГ. С. 536), то есть находился там с 1558/59 года. Ливонским наместником Морозов был в 1564-65 гг. В мае-июле 1564 г. ему адресовали свое послание беглецы в ВКЛ Т. Тетерин и М. Сарыхозин (РИБ. Т. 31. Стб. 489-490). В 1569 г. именно он возглавил большой полк при отвоевании Изборска, сданного литовцам при участии Тетерина и Сарыхозина за две недели до этого и успешно справился с задачей. Еще в 1572 г. боярин «из земского» был в походе на шведов в качестве воеводы сторожевого полка. Казнен в 1573 г. по обвинению в оплошности во время военных действий против Крыма. (ПИГ. С. 655; *Шокарев* 2002. С. 171).

11 об.–1. *...из Дерпта, Феллина и Нарвы...* – Сведения Штадена о городах, население которых было выведено в Россию, разноречат с показаниями русских дипломатов, занесенных в посольские книги по сноше-

ниям с ВКЛ. Наказ В. М. Желнинскому 1565 г. содержал утверждение, будто в 1565 г. пострадали «за измену» только жители Юрьева, которые якобы «ссылалися с маистром с ливонским... и хотели государю нашему изменити, а маистру служити». Жители других городов – «которые немцы в иных государевых немецких городех, а измены их ко государю никоторые нет, а в тех городех те немцы и ныне живут на государском жаловании, как их государь прежде жаловал». Точно то же должен был отвечать в ВКЛ и другой посланник Ф. И. Умной в 1567 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 322, 469). Обращает на себя внимание тот факт, что вывод ливонцев состоялся после неудачных переговоров с магистром Фюрстенбергом, которого Грозный хотел использовать как орудие окончательного подчинения всей Ливонии. «Дружба» с Московией, которой якобы добивались ливонцы в 1564 г. ради освобождения Фюрстенберга, будто бы давно враждебно относившегося к королевству, вызвала серьезные опасения Сигизмунда Августа (EFE. T. IX. № 31. P. 45. 13.IX.1564). Фюрстенберг однако уже в 1560 г. писал из своего заточения в России, сетуя на неверность бывших слуг в Феллинской крепости. В Вильне ходил слух, что ради освобождения захваченного московского князя возможен отпуск на родину магистра Фюрстенберга (EFE. T. XLIV. № 137. P. 139. 4.X.1560). В связи с этим более правдоподобным выглядит утверждение Штадена, что Морозов «оболгал» юрьевских немцев, как и горожан Феллина и Нарвы, которые таким образом оказались между двух огней.

11 об.–2. *...в свою страну в четыре города...* – Названия трех городов, куда были переселены немцы из ливонских городов в июне 1565 г. в рукописи «Описания Московии» переданы достаточно вразумительно – Кострома, Владимир, Углич. В целом они соответствуют летописным данным (ПСРЛ. Т. 13. С. 397; Т. 29. С. 346; ПЛ. Вып. 2. С. 248). Что касается Костромы, то оттуда около 310 детей боярских были в 1566 г. переселены в Деревскую и Обонежскую пятины Великого Новгорода и превратились, по предположению В. Н. Козлякова, «в авангард московского войска в Новгородском уезде» (*Козляков* 2004. С. 16-24, особенно с. 19).

Относительно последнего названного Штаденом пункта переселения – Kassma в литературе разногласия: И. И. Полосин (а вслед за ним и А. А. Зимин) принимал этот город за Кашин, Фр. Эпштейн – за Казань. *А. Л. Х.*

Что касается Кашина, то история этого города не дает оснований для такого отождествления. Кашин расположен в 17 км от р. Волги, на

холме, в крутой излучине р. Кашинки. Первое упоминание города относится к 1288/89 г.: к тому времени он вполне уже мог выдержать девятидневную осаду московских и союзных с ними войск (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 34). По завещанию Михаила Ярославича, с 1318 г. Кашин стал центром одного из уделов великого княжества Тверского (*Кучкин* 1984. С. 169). Отстаивая свои интересы, местные князья периодически прибегали к помощи Москвы. С 1375 по 1382 гг. Василий Михайлович Кашинский вместе со своими владениями пребывал в вассальной зависимости не от тверского князя, а непосредственно от владимирского, иными словами, от вел. князя московского (ДДГ. № 9. [1375] г.) Со второго десятилетия XV в., практически в одно время с Тверью, в Кашине налаживается чеканка серебряных и медных монет (*Гайдуков* 1993. С. 42-43; *Сотникова* 2000. С. 134-136; *Она же.* 2005. С. 120-130). Надо полагать, в результате борьбы последнего кашинского князя за тверской стол (*Тюльпин* 2005), город оказался в совершенном запустении, так, что «ни основанию градъскому знатися». С середины 20-х гг. XV в. кашинские земли сливаются с тверской великокняжеской отчиной. В 1447 г. великий князь Борис Александрович Тверской за год заново отстроил деревянный кремль, остатки укреплений которого и сохранились до наших дней (ИФСП. С. 298). При возведении валов использовалась система городен. На границе валов – рубленные деревянные стены с башнями. Город имел два посада – к северо-западу от кремля и к юго-востоку. Причем, первый посад был защищен рекой, второй – валом и рвом. С внешней стороны к посадам примыкали слободы (*Рикман* 1949. С. 62-69; АКР. Ч. 1. С. 211-215). После присоединения Тверского княжества к Москве в 1485 г., кашинская знать, надо полагать, как и тверская, не утратила своих владений (*Зимин* 1973. С. 124 – 134; *Флоря* 1975. С. 281 – 290). В 1504 г. Иван III завещал Кашинский удел, как и Дмитровский, своему второму сыну Юрию Жилке (ДДГ. № 89). Последний управлял Кашином зачастую через своих городовых воевод (*Тихомиров* 1962. С. 41) и наместников (АСЭИ. Т. 3. №№ 175, 177; АРГ. №№ 14, 33 и др.). Впрочем, так было и в прежние времена, когда Борис Александрович, находясь в Твери, держал Кашин через своих наместников и бояр (ПСРЛ. Т. 15. С. 495; ИФСП. С. 330). При Юрии Жилке был возведен Воскресенский четырехстолпный пятиглавый собор – единственное известное каменное строение средневекового Кашина. С заточением и смертью дмитровского князя, в 1534 г., Кашин стал одним из уездных го-

родов Российского государства и, продолжая терять свою значимость, оказался в ведении Углицкого дворца. Сохранилось известие о том, что в 1554 г. половина Кашина на год была отдана в кормление представителям младшей ветви ярославских князей – братьям Щетининым (*Антонов* 2004. С. 99). Данные за вторую половину XVI в. настолько скудны, что мысль о том, будто бы в захиревший к этому времени город на западе Российского царства могли выводить пленных ливонцев, представляется весьма сомнительной. *А. Г. Т.*

Предположение относительно отождествления с Казанью более правдоподобно, поскольку в писцовых книгах второй половины XVI в. упоминаются и немецкие имена. Тем более, что в летописи в качестве четвертого пункта назван Нижний Новгород. В пользу мнения Эпштейна свидетельствуют разнородные материалы. Так, в писцовой книге Казанского у. Ивана Болтина 1602—1603 г. упоминаются и люди с прозвищем «латыш», правда, почти всегда с дополнением «новоприходец» и несколько Анцев (Гансов), а также Данило, Григорий немчины с фамилиями и без (ПККУ. С. 55, 96, 116, 118, 131,134). Среди последних оказался и землевладелец немчин Христофор Кондратьев (Там же. С. 161, 192). В группе слов, явно записанных Р. Джемсом в 1619 г., на Волге, находится и термин «латыш» в значении некрещеного человека, язычника или вообще иноземца: «Латыш, не умеет говорить!» (*Ларин* 2002. С. 287). В последнем случае это полный аналог другого собирательного этнонима «немец». Трудно сказать, когда в Казанском у. появились «латыши». Думать, что их прибила в Российское царство первая волна беженцев из Речи Посполитой рубежа XVI–XVII вв., в результате которой в Нижегородском у. в 1591–1597 гг. получил поместье литовский новокрещен В. Головня, служилые литвины А. Подоленин и А. Роща, служилые немцы В. Фарстенбарх (не родственник ли Фюрстенберга?), Матвей Иванов и многие другие (*Антонов* 1999. С. 213-215, 217, 219 и др.), а в Казань в октябре 1600 г. попал литовский «выходец», принадлежавший к знаменитому роду Мамоничей – Василий (ДИКК. С. 55-56), довольно трудно, поскольку социальный статус литовцев, в том числе и Мамонича, и немчинов и латышей резко различался. Литовцы в основном или поступали на службу, или в качестве пленников оказывались в подневольном состоянии. Латышей ждал только последний вариант (ср. комм. 28 об.–12).

Однако форма изучаемого топонима, несомненно искаженного автором или переписчиком, – Kassma скорее указывает на Касимов, бывший (до 1471 г.) Городец, откуда происходили многие завоеватели Ливонии, заинтересованные в получении своей доли добычи от походов в Прибалтику, а одной из главных форм «прибыли» и в это время, как и в домонгольское, оставались пленные. «Латыши» упоминались в составе населения «Ханства касимовских царевичей» и на рубеже XVI–XVII вв. (*Беляков* 2003. С. 192-199. Благодарю М. Хамамото за данное указание; *Моисеев* 2006-б. С. 487). *А. Л. Х.*

11 об.–3. *...у Малой Неглинной* – р. Неглинная – граница – к западу от нее располагались старая улица Арбатская и новая, получившая название Никитской от одноименного монастыря, названного в честь св. Никиты, якобы покровителя русского воинства при взятии Ругодива – Нарвы (*Чернин* 2005. С. 35-38).

11 об.–4. С наречия *darnach* автор продолжает (ср. Л. 4-3) рассказ о судьбе И. П. Федорова: *...После этого великий князь ... сжег по всей стране все вотчины, принадлежавшие этому Ивану Петровичу...*». Случай физического уничтожения вместе с преступником его домочадцев и всего принадлежавшего ему имущества подробно описывается в ветхозаветной Книге Иисуса Навина. Преемник Моисея приговорил к столь суровому наказанию Ахана из колена Иудина за кражу некоторых трофеев, что были захвачены в поверженном Иерихоне и потом пожертвованы Богу: золотой и серебряные слитки, а также драгоценная «сеннаарская» одежда. Последствия этого преступления оказались поистине катастрофическими для народа-скитальца, связанного коллективной ответственностью за преступление любого из своих представителей. «Разгневася Господь яростию на сыны Израилевы» (Нав 7, 1. Здесь и ниже славянские тексты книг Священного Писания цитируются по изданию: Библия. Острог, 12.VIII.1581), и военная удача отвернулась от них – после триумфа под иерихонскими стенами евреи потерпели сокрушительное поражение почти трехтысячного отряда, посланного против жителей Гая, небольшого города к востоку от Вефиля. В соответствии с Моисеевым законом Ахана, сознавшегося в святотатстве, постигло чрезвычайно жестокое наказание: под градом камней погиб не только сам вор, но и все его потомство. Кроме того, тотальному уничтожению подлежали даже домашние животные, шатер и весь прочий скарб, который нашелся в хозяйстве преступника. Добровольные палачи сначала предали

огню трупы казненных людей и скота, а потом их прах, смешанный с пеплом от сожженного жилища и имущества, завалили грудой камней на месте экзекуции в долине Ахор (Нав 7, 1-26).

Иван Грозный мог узнать о судьбе Ахана непосредственно из Книги Иисуса Навина, поскольку с 1558 г. он обладал полным списком знаменитой Геннадиевской Библии 1499 г., специально для него изготовленном в скриптории Иосифо–Волоколамской обители (*Флоря* 2002. С. 101). Судя по характеру упоминания имени Моисеева преемника в Первом послании «тирана Васильевича» к князю А. М. Курбскому, московский венценосец считал Навина идеальным правителем – созидателем мощного государства, способного эффективно противостоять как «внешним», так и «внутренним» противникам древних евреев (ПИГАК. С. 21, 36, 55-56, 71, 84). Подвергнув опальных подданных участи Ахана, повинного в «сведении» гнева Божия на своих соплеменников, Иван IV явно стремился таким изощренным способом уподобить «царевых ослушников» библейскому преступнику, дерзнувшему нанести оскорбление самому Господу.

Использование первым московским царем ветхозаветного рассказа о казни «нечестивца» Ахана, его домочадцев и имущества в качестве литературного прообраза опричных экзекуций позволял оправдать невероятную жестокость проводимых в ту пору массовых репрессий ссылкой на прецедент, описанный в Священном Писании. Более того, в результате «материализации» текста Библии в реальной жизни российского общества второй половины XVI в., истребление опальных получало столь необходимую сакральную санкцию, превращавшую борьбу монарха со своими личными недругами в праведное противостояние с врагами Божиими. Подобно Иисусу Навину, российский самодержец фактически отводил себе роль лишь орудия Небесного Правосудия, силой обстоятельств принужденного искоренять «скверну» теми методами, которые прежде уже получили одобрение Господа. *А. А. Б.*

Разгром владений И. П. Федорова произошел вероятно после трагической смерти боярина, т. е. после сентября 1568 г. Судя по Штадену, этот акт царской мести следовало бы отнести к 1566 г. В соответствии с этим и «заговор» земской элиты должен был передвинуться по крайней мере на два года, что противоречит действительности. Да и о самом «заговоре» имеются лишь неточные и отрывочные данные. Так, Шлихтинг в «Сказании» вообще не упомянул об этом факте, хотя в «Новостях из

Московии» называл даже главу «заговора» – И. П. Федорова (*Горшков* 2004. С. 46). Неслучайно в Пискаревском летописце речь идет лишь о «челобитной» великому князю и стремлении некоторых «уклонятися (склоняться к – *А. Л. Х.*) князю Владимиру Андреевичю» (ПСРЛ. Т. 34. С. 190). Впрочем, и новейшие исследователи А. Павлов и М. Перри сомневаются в существовании заговора (*Pavlov, Perrie*. P. 137-138). Ср. комм. 4–3.

11 об.–5. *Чаша терпения земских переполнилась...* – Сообщение о заговоре земской элиты с целью замещения царя Ивана Владимиром Андреевичем, чья дочь была за Магнусом, судя по месту, определенному ему в повествовании Штадена, отнесено последним ко времени после 1566 г.

11 об.–6. *Герцог Магнус* (1540–1583) – второй сын Христиана III и брат Фредерика II. С детства отец предназначал его к получению духовного звания. Учителем Магнуса были голландец Пауль Новимагнус, придворный проповедник короля, соборный пробст из Риги Каспар Муге и Лука Бакмейстер, позже ставший профессором в Ростоке. Много внимания сыну уделяла мать – королева Доротея. Когда Магнусу было два года, он перенес глазную болезнь, в результате которой потерял один глаз. Впоследствии его враги дали ему прозвище «Кривой». В 1557 г. Кристиан III отправил Магнуса в Саксонию ко двору своего родственника курфюрста Августа (1553–1586) для совершенствования образования и знакомства с европейской жизнью. Некоторое время он слушал лекции и лютеранском университете в Виттенберге (до 1559 г.).

Уже в юношеские годы вполне определился характер Магнуса, доставлявший немало хлопот его родственникам и близким. До конца жизни его преследовала репутация человека легкомысленного, расточительного и склонного к чрезмерной чувственности.

В конце правления Кристиана III встал вопрос о выделении Магнусу земельного владения, на которое он вправе был рассчитывать в королевской части герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Чтобы не ослаблять влияния в герцогствах старшего сына, будущего короля Фредерика II, Христиан III решил не производить раздела, а купить для Магнуса епископство Эзельское, что и было осуществлено. В 1559 г. во время коронации Фредерика Магнус согласился отказаться от всех светских и духовных прав на герцогство Шлезвиг и Гольштейн в обмен на получение эзельского епископства.

В апреле 1566 г. двадцатилетний Магнус прибыл на о. Эзель. 13 мая епископ Иоганн фон Мюнгхаузен отрекся от сана, и епархиальный капитул избрал в епископы Магнуса, передав ему ключи и жезл – знак духовной и светской власти. Затем чины епископства присягнули ему как своему законному господину, а он в свою очередь подтвердил их старинные права и вольности.

В том же году Магнус расширил свои владения в Ливонии, купив у Морица фон Врангеля епископство Ревельское, а также земли в Курляндии, расположенные вокруг замка Пильтен. Однако удержать свои владения без военной помощи из Дании Магнусу было трудно. Поэтому весной 1561 г. он отправился в Данию, где вынужден был признать над своими землями верховную власть Фредерика II. Магнус также согласился допустить в свое епископство королевского наместника статхольдера, с которым отныне он должен был согласовывать свои решения и действия.

В 1560-е гг., потеряв практически всю власть в своих владениях, оказавшихся в руках его брата, шведов и русских, Магнус пытался заручиться поддержкой польского короля Сигизмунда II Августа, он рассчитывал жениться на его сестре и получить за ней в приданое ту часть Ливонии, которая находилась во власти поляков. Но этот замысел не был осуществлен. Неудачей также закончилась попытка Магнуса склонить на свою сторону горожан Ревеля и Риги, отдавшихся под власть Швеции и Польши.

В конце 1560-х гг. Магнус сблизился с царем Иваном IV, который выразил готовность передать ему ливонские земли, но с условием, что Магнус признает себя «голдовником» (вассалом) русского государя. Договоренность об этом была достигнута во время пребывания Магнуса в Москве с 10 июня по 6 июля 1570 г. Тогда же состоялась и коронация. 26 сентября Иван IV сообщил датскому королю о назначении его сына королем Ливонии в качестве царского «голдовника» (РИБ. Т. 16. № 24. Стб. 93-94). Одновременно он был обьявлен женихом княжны Евфимии, дочери кн. Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата царя, а после смерти Евфимии в 1571 г. – ее сестры Марии, которой тогда шел только 13-й год. Свадьба состоялась 12 апреля 1573 г. в Новгороде. Венчал Магнуса и Марию православный священник, а затем они получили благословение от лютеранского пастора. Таким образом, Мария Владимировна была обручена с ним в 1571 г., а обвенчана – почти 5 годами позднее мифического «заговора» знати против Ивана Грозного.

Реальных выгод, однако, от сближения с Иваном IV Магнус не получил. В его распоряжении находилось только несколько замков. Русский царь испытывал мало доверия к своему вассалу и препятствовал распространению его влияния на ливонских жителей. Когда в 1577 г. во время большого похода царя в Ливонию, Магнус, откликнувиись на чаяния местного населения, занял ряд замков, Иван IV пришел в ярость и потребовал его к себе. Представ пред «ясные очи» грозного царя, король Ливонии, стоя на коленях, едва смог вымолить себе прощение. Царь вернул ему Каркус (Каркси) и Оберполен (Пыльтсамаа), добавив к ним еще и ряд других, при этом, правда, обязав Магнуса под угрозой нового ареста уплатить к Рождеству 40 тыс. венгерских гульденов.

Не имея возможности исполнить эту царскую волю и поняв, что царь Иван не собирается уступать ему власть над Ливонией, Магнус решил отдаться под покровительство врага русского государя польского короля Стефана Батория и тайно вместе с женой бежал к полякам в Курляндию, где поселился в принадлежавшем ему замке Пильтен. Здесь Мария в конце 1581 г. родила ему дочь, которую окрестили по православному обряду и нарекли Евдокией. Последние годы жизни Магнус провел в беэуспешных попытках добиться от короля Стефана и польского сейма передачи ему в лен ливонских земель, завоеванных Польшей. Он умер 18 марта 1583 г. и был погребен в замковой церкви в Пильтене. В 1662 г. его останки был перенесены в Данию, где их похоронили в кафедральном соборе города Роскилле – усыпальнице датских королей. Вдова Магнуса, королева Мария, сперва поселилась в Риге, получив приличное содержание от польских властей, но затем вернулась в Россию. Здесь ее дочь вскоре умерла, а сама она, по слухам, была насильственно пострижена в монахини под именем Марфа. Год смерти инокини Марфы точно неизвестен. Её останки, по-видимому, были погребены в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры, где и сегодня можно увидеть надгробие с надписью «лета 7105 (1597) июня 13 дня преставися благоверная королева инока Марфа Владимировна» Однако сохранились документальные свидетельства, из которых следует, что вдова герцога Магнуса продолжала жить ещё в первое десятилетие XVII в.: в 1609 г. она пребывала в осажденной поляками Троице-Сергиевой лавре. В отличие от своего мужа, Мария Владимировна, по сообщениям современников, отличалась нравом кротким и добросердечным; она оказывала покровительство сиротам, а также тем ливонцам, которые оказа-

лись в русском плену (*Карамзин.* Т. IX. Гл. III. Прим. 335; *Цветаев* 1878. С. 57-85; *Busse* 1871; *Donnert.* S. 181-196; *Rasmussen* 1935. S. 355-356; *Kleis* 1927. S. 296-299; *Leimus* 1995. S. 60; *Renner* 1988. S. 137-158). *А.В.А.*

12–1. *Верховные и князья* ... – Странен переход от заговора к ведущим лицам в земщине. Штаден вновь возвращается к перечислению глав земской знати: опять упоминаются Владимир Андреевич, И. Д. Бельский, Д. Р. Юрьева заменяет его брат Н. Р. Захарьин-Юрьев. Этот список раза в три короче того, который был приведен в начале сочинения. Зато теперь упомянуты и представители церковной иерархии – митрополит и 13 епископов. Отражает ли это изменение соотношения сил в России во второй половине 60 годов сравнительно с концом 50-х-началом 60-х годов или изменение источника сведений автора, трудно сказать. Однако более вероятным представляется второе.

12–2. *митрополит Филипп* – Федор Иванович Колычев, самый яркий представитель старомосковского боярского рода Колычевых (11.II.1517 – 23.XII.1569), святой, митрополит московский и всея Руси в 1566–1568 гг. В 1539 г. в возрасте 32 лет принял постриг в Соловецком монастыре, куда он отправился в 1537 г., как считают, после неудачи «мятежа» кн. Андрея Ивановича Старицкого. В 1546 г. Был рукоположен в игумена. Чрезвычайно энергичный.и явно одаренный технически, он реорганизовал хозяйство монастыря, введя в обиход механические решета и различные орудия сельскохозяйственного производства, усовершенствовал соляной промысел, наладил железоделательное и кирпичное производства, литье более крупных колоколов, чем ранее (при нем лили колокола весом 140 и 80 пудов, ранее ограничивались 1—30-пудовыми), увлекался строительной деятельностью. Трудно сказать, участвовал ли он лично в пушной торговле, или этим занимались монастырские купчины. Скорее первое, ибо вплоть до описи 1570 г. тщательно хранились «Филиповской коробьи одиннацать лисиць красных, да куниць сто тритцать три, да песец» (ОСМ. С. 84). В 1550–1551 г. он посетил Москву, своей энергией произвел благоприятное впечатление на царя, получил от него жалованные грамоты монастырю, значительное число церковных облачений и богослужебные книги (Там же. С. 109-110, 147, 158). В 1552 г. Заложил каменный Успенский собор, освященный в 1557 г. 6 августа 1566 г. был освящен и храм Преображения Господня. Такую же активность он проявил и в «идеологической» сфере. Высокообразованный игумен Соловецкого монастыря Филипп принял почитание реликвий основателей

монастыря Зосимы и Савватия и сделал объектом поклонения погибших летом 1553 г. монахов (*Зимин* 2001. С. 153). Неудача царя Ивана с его прежним любимцем и духовником Андреем – митрополитом Афанасием и безуспешная попытка передать престол казанскому архиепископу Герману, на котором нареченный митрополит продержался лишь два дня лишь для того, чтобы увещевать царя править мирно и справедливо, заставила его обратиться к соловецкому игумену. Царь, как справедливо предполагает А. В. Карташев, рассчитывал на преданность и благодарность соловецкого игумена за милости, оказанные монастырю (*Карташев* Т. 1. С. 445). Тот принял предложение занять митрополичью кафедру лишь при условии сохранения права печалования, «советования» царю (22.VII.1566 г.). Однако со своей стороны обязался «в опришнину и в царский домовый обиход не вступаться». Однако выполнить это обещание оказалось свыше его сил. Многочисленные опалы 1567 г. (результат сокрушительного поражения под Уллой, обостривщего отношения царя с его подданными) вызвали резкую критику митрополита. В сферу его внимания попали и изменения в быту – проникновение мусульманских традиций в обиход, обусловленные широким привлечением в ходе Ливонской войны иноверного войска из числа новых царских подданных. Открытые и резкие обличения царя вызвали у того раздражение митрополитом. В Соловецкий монастырь была направлена комиссия во главе с кн. В. И. Темкиным для поиска компромата на митрополита. «Порочное поведение» бестрепетного критика опричнины было «доказано». 4 ноября он был низложен Освященным собором, 8 ноября 1568 г. опричники, нарушив святость литургии, схватили митрополита в Успенском соборе, кощунственно «ободраша ризы» на нем. Филипп был отправлен сначала в Московский Богоявленский монастырь, а затем в Тверской Отроч. Там он и окончил свои дни несломленным ревнителем православия 23 декабря 1569 г. Его задушил Малюта Скуратов, безуспешно требовавший благословения на поход на Новгород. Мощи митрополита в августе 1591 г. были перенесены в особую гробницу Соловецкого монастыря, в котором и было составлено его житие. В 1652 г. митрополит Филипп канонизирован на волне пересмотра деяний Ивана Грозного, хотя служба ему была внесена в печатную минею уже в 1636 г. (*Ключевский* 1871. С. 311-312; *Васильев* 1893. С. 213; *Голубинский* 1903. С. 118; *Рамазанова* 1997). Житие митрополита Филиппа издано лишь в XXI в.: в 2000 г. – по Тулуповской редакции, в 2004 г. – по Тулуповской и Колычевской редакциям (*Федо-*

тов Т. 1. С. 130 – 243; *Колобков* 2004. С. 554 – 619) и, наконец, в краткой редакции – в 2006 г. (*Лобакова* 2006). Соотношением двух его пространных редакций занималась Г. Г. Латышева. Соотношение Краткой 1591–1597 гг. и Пространной редакций выяснила И. А. Лобакова. К Краткой редакции последняя возводит Хронографическую и соответственно все три ее подвида (1, 2 летописного свода 1652 г. и особый). К архетипу Пространной редакции наиболее близки Тулуповская 1630—1640 (с восходящим к ней проложным списком 1650-60 гг.) и Колычевская того же времени. Ближе к концу XVII в. возникла редакция милютинской минеи. Служба и сказание, составленные между 30 мая 1646 г и 1652 г. по случаю перенесения 25 июля 1652 г., по инициативе патриарха Никона, его мощей из первоначальной гробницы в Преображенский храм монастыря, похвальное слово по этому поводу не ранее 1652 г. и проложное житие опубликованы столетием ранее, хотя праздник так и не был установлен (*Никольский* 1916. С. XXXVII–XXXVIII, 1-64), несмотря на перенесение мощей Филиппа в Успенский собор Московского Кремля. Наиболее информативно похвальное слово, в котором за характерным для XVII в. плетением словес можно уловить отзвуки реальных распрь середины XVI в.: ссора с царем из-за отказа митрополита поддержать «дело, недостойное благословения», ликвидация «единства державы» и сопровождавшее ее организованное царем кровопролитие, призыв митрополита «ненавидити богомерзких языческих обычаев и законов и державы царствия своего разделением не возмущати», проповедь «милования» ратников, призыв к царю украшать себя «добродетельми и человеколюбным нравом и милостию», только благодаря которым царь может быть «не тяжек послушным и грозен ратникам, любезен же подвластным всем же» (Там же. С. 36-40). Все это мотивы посланий Курбского Грозному и «Истории о великом князе московском» первого из них.

12–3. *...со своими епископами... в Ливонии – Дерптским* – Список епископов Штадена имеет ошибки и пропуски. В его время. в русскую митрополию входили Новгород со Псковом, Тверь с Кашином, Ростов с Ярославлем, Суздаль с Таруссой, Смоленск с Брянском, Рязань с Муромом, Коломна с Каширой, Великая Пермь с Вологдой. Штаден пропустил Тверь, Великую Пермь и неточно сообщил пределы Ростовской и Рязанской епархий, опустив Ярославль и Муром. Зато Штаден добавил в список Астрахань, где епископия была образована лишь в 1602 г. До того Астраханские земли входили в состав Казанской епархии. Среди

епископов, названных Штаденом, несколько глав епархий, образованных уже в XVI в. Это Казанская, возникшая в 1554 г., с 1556 г. архиепископия, Дерптская – 1560–1570 гг. и, наконец, Полоцкая – 1563 г., в 1571 и 1572 гг. – архиепископия (ДЛВ. № 1. С. 34, 35; № 3. С.42; *Покровский* Т. 1. С. 39, 53, 400; *Здравомыслов* 1918. С. 8; *Строев* 1877).

Впрочем, существование юрьевской епископии Фр. Эпштейн считает кратким эпизодом, даже слегка сомневается в самом этом факте. Хотя сам приводит свидетельства прямо противоположного характера. О православном епископе Дерпта писали А. Поссевино (*Поссевино*. С. 132) и Р. Гейденштейн, правда, без указания точной даты этого события (*Гейденштейн*. С. 253). Личность первого, неизвестного по имени дерптского епископа заслужила весьма нелестной оценки пастора Иоахима Балка из Аренсбурга, включенной им в молитву 4 мая 1571 г.: «великий князь недавно ввел и назначил епископом в Дерпт вавилонскую блудницу, московитского черта» (*Bergengrün* 1899. S. 143). Видимо, возмущение пастора было так велико, что он не постеснялся столь сильных выражений в благочестивой молитве.

Сомнения Фр. Эпштейна в долговечности юрьевской епархии подтверждает и ситуация, охарактеризованная русскими материалами более позднего времени. В конце 70-х годов была развернута широкая программа строительства церквей в тех городах, которые еще находились под российским владычеством. Организующей силой сооружения сети церквей выступала центральная власть и воеводы северо-западных русских городов. В 1578 г. по царскому указу должна была быть возведена церковь Успения Богородицы в Кукунойсе (Кокнезе), образами же, книгами и церковными ризами ее должен был снабдить Псков, «персоналом» – восемью священниками, двумя дьяконами, дьячками и пономарями – Новгород, конкретно новгородские воеводы (ДЛВ. С. 62, 72-73). Крейцбургский воевода, тогда же получивший приказ построить храм, сетовал на то, что «храм соорудить некем и посоха с Руси не бывала» (ДЛВ. С. 61). Впрочем, в Борзуне в это время храм, построенный в 1577 г., уже существовал, в нем должны были служить два попа, которых следовало вытребовать у новгородских воевод и дьяка (Там же. С. 70-71, 75). Таким образом, как и во всех пограничных зонах, только присоединенных к России или присоединяемых к ней, церковным строительством занимались светские и не просто светские, но военные власти. Впрочем аналогичная картина наблюдалась и позднее в XVII в. на вновь при-

соединяемых южных территориях (*Папков* 2004). Никакой роли в этом процессе дерптский епископ не играл, видимо, в 70-ые годы XVI в. его уже или еще не было.

Любопытно довольно точное перечисление глав епископий, которого трудно было бы ожидать от простого иноземного опричника, все интересы которого сосредоточивались на наживе, и употребленное им настоящее время глагола в рассказе о возможности установления новой епископии в Риге. Сведения о структуре православной церковной организации могли происходить от какого-либо лица, приближенного к церковным кругам и во всяком случае местного. Время глагола указывает, что данная фраза была написана не только еще при жизни, но и до опалы Филиппа, то есть до ноября 1569 г. Поскольку автор знает о гибели Федорова, то именно эти годом – от 11 сентября 1568 г. по октябрь 1569 г. можно датировать написание основного текста «Описания Московии».

12–4. *...в Вербное воскресенье...* – Упрек одного из новейших комментаторов записок Штадена С. Н. Таценко в адрес их автора по поводу неточного указания дня недели крестного хода во Входо-Иерусалимский придел Покровского собора следовало бы обратить переводчику. *Palmentag* – это Вербное Воскресенье, традиционная церемония, посвященная основному событию последнего воскресения перед Пасхой – входу Христа в Иерусалим, которая производила неизгладимое впечатление на иностранцев (*Андреев И. Л.* 2006. С. 346-363). Символическое значение как самого придела Покровского храма, так и крестного хода в Вербное воскресенье, становится особенно понятным после анализа Л. А. Баталовым архитектурных замыслов царя и его ближайшего окружения (*Баталов* 1996; *Flier* 1994. P. 213-242). Ср. комм. 25 об.- 4.

12–5. *Вскоре опричными... стали* – Обозначение времени крайне неопределенно: что имел в виду Штаден: вскоре после гибели Федорова и митрополита Филиппа или вскоре после образования опричнины, неясно. Первое предположение противоречит реальности, второе соответствует уже сделанным выше наблюдениям о хронологической сумятице в изложении фактов опричного времени в «Описании Московии» и дальнейшему тексту «Записок».

12–6. *князь Афанасий Вяземский* — Афанасий Иванович Вяземский (прозвище – Долгой) (? – ок. 1570/71), князь, видный русский государственный деятель и дипломат. Происходил из младшей ветви захудалого на московской службе рода князей Вяземских, вынужденных подчи-

ниться власти великого князя Ивана III Васильевича и его наследников в результате захвата их владений в 1493 г. Впервые упоминается вместе с братьями в начале 50-х гг. XVI в. среди «Литвы дворовой», в Дворовой тетради, отражавшей основной список лиц, входивших в Государев двор царя. В 1553 г. Вяземский фигурирует в разряде в качестве стольника отправленного на двор к царю Симеону Касаевичу (до крещения – казанскому хану Ядгар-Мухаммеду). Во время Полоцкого похода 1562-1563 гг. Афанасий Иванович навел порядок в движении русских войск , благодаря чему снискал особое расположение царя. В декабре 1564 г. сопровождал Ивана IV в Александрову слободу, где сразу же занял видное место в первом опричном правительстве, став келарем при «игумене» царе. Последний неоднократно принимал из его рук лекарства. В 1565 г. проводил набор детей боярских в опричнину из Вяземского, Можайского и Суздальского уездов; в 1566 г. размежевывал на Мезени земские и опричные владения. Между 1565-1566 гг. начал исполнять должность опричного оружничего, который приравнивался к чину окольничего. В 1566 г. во время переговоров в дипломатами Великого княжества Литовского о перемирии был назван в дипломатических документах как царский окольничий, оружничий и наместник города Вологды, входившей в состав опричного удела царя. В феврале 1567 г. вместе с боярином и воеводой Алексеем Даниловичем Басмановым-Плещеевым принимал активное участие в заключении союзного договора со шведскими дипломатами. В сентябре 1567 г. участвовал в походе Ивана IV из Великого Новгорода на земли Великого княжества Литовского. Тогда же участвовал в тайных переговорах царя с английскими послами А. Дженкинсоном в Москве (сент. 1567) и Т. Рандольфом в Москве и Вологде (февраль – июнь 1569). Вяземский добивался установления военного союза между Россией и Англией, а также получения гарантий от английской стороны на случай бегства царя со своей семьей и своим ближайшим окружением из России в Англию. В 1568 г. вместе с видными опричниками Григорием Лукьяновичем Малютой Скуратовым-Бельским и Василием Григорьевичем Грязным Вяземский был назначен расследовать заговор, приписываемый царскому конюшему и боярину Ивану Петровичу Федорову в пользу удельного дмитровского князя Владимира Андреевича Старицкого. В 1569 г. получил чин опричного боярина. В конце 1569-1570 гг. сопровождал царя в карательном походе его опричников против Твери, Великого Новгорода и Пскова. В отличие

от Малюты Скуратова, роль Вяземского в этой акции неясна. Видимо Вяземскому было далеко до той темной роли, которую сыграл этот думный дворянин в казнях горожан и подданных вотчин убитого И. П. Федорова. Уже летом 1570 г. Вяземский попал в опалу: вместе с новгородским архиепископом Пименом, царским печатником и дьяком Посольского приказа И. М. Висковатым, видными опричниками А. Д. и Ф. А. Басмановыми-Плещеевыми он был обвинен в тайных переговорах с польским королем Сигизмундом II Августом Ягеллоном, целью которых была сдача Великого Новгорода и Пскова «на его имя». Прямых улик против него не было. Тем не менее, по сведениям А. Шлихтинга, князь пострадал из-за доноса опричного ловчего Г. Д. Ловчикова, который обвинил Вяземского в том, что он якобы предупредил архиепископа Пимена о готовящемся походе царя на Новгород и Псков. Подозрения царя усиливал тот факт, что родная сестра Вяземского была женой видного деятеля земщины – Н. А. Фуникова-Курцева, чьи родственники погибли в период опричного разгрома Великого Новгорода в 1570 г. Узнав об опале, первые пять дней Вяземский скрывался в доме царского врача А. Лензея. Однако вскоре он был отстранен от службы и «взят на правеж». Все имущество князя было конфисковано, а сам он приговорен к крупной выплате денежного штрафа. Подвергаясь ежедневным пыткам на рыночной площади, Вяземский был вынужден оговаривать крупных московских купцов и торговых людей в том, что они якобы были должны ему деньги. Позднее эти суммы изымались опричниками у последних в пользу царской казны. После окончания правежа Вяземский был сослан. Согласно уникальным данным Г. Штадена, местом его заключения стал Городецкий посад, где князь вскоре умер «в железных оковах». Наследников Вяземский не оставил. Интересно отметить, что в отличие от имен княжеских слуг имя самого Вяземского не было внесено царем в его «Синодик опальных» (*Кузьмин* 2006-а. С. 197-198; *Он же* 2006-б. С. 199-200). *А. В. К.*

Исход жизни А.И. Вяземского А.П. Павлов, вслед за В.А. Колобковым, связывает со сменой руководства опричниной на рубеже 60-70-х гг. XVI в. (*Павлов* 1962. С. 221; Колобков 2000. С. 155-156; ср.: *Кобрин* 2008. С. 34). *А.Л.Х.*

12–7. *Малюта Скуратов* – Григорий Лукьянович Малюта Скуратов (ум. 1573), опричный думный дворянин в мае 1570 г. В 50-х годах дворовый сын боярский по Белой. Третий голова в царском походе на ВКЛ. Прославился не воинскими подвигами, но жестокостью и беспринципно-

стью. Возвышение его началось с гонений на митрополита Филиппа, разгрома вотчин И. П. Федорова, уже упоминавшегося ареста жен неугодных царю лиц разного социального статуса – от князей до купцов 19 июля 1568 г. Вершиной опричной карьеры думного дворянина стала роль понамаря в опричном «монастыре» и присутствие на свадьбах царя Ивана с Марфой Собакиной 28 октября, а царевича Ивана – с Евдокией Сабуровой 4 ноября 1571 г. , а последним «подвигом» – роль одного из палачей на июльских казнях 1570 г. (*Таубе и Крузе*. С. 51). 1 января 1573 г, храбрый воитель с беззащитными – дворовый воевода, впервые принимавший реальное участие в военных действиях, погиб в бою под Пайдой (Вейссенштейном). Однако царские милости с исчезновением любимца не прекратились. Его вдова Мария получала оклад мужа, а все четыре дочери были удачно выданы замуж (Анна стала женой кн. И. М. Глинского, Ирина – Бориса Годунова, Екатерина – кн. Д. И. Шуйского, Мария – женой опричного татарского князя Ивана К. Келмамаева; *Кобрин* 2008. С. 24, 156-160).

12–8. *Алексей и его сын – Федор – Басмановы* – См. комм. 3-14.

12–9. *...ничего не зная об этом совете...* – Рассказ о походе Ивана Грозного, связанный с сообщением о «заговоре», помещен после известия о присоединении к опричнине Афанасия Вяземского (в действительности одного из инициаторов опричнины), Малюты Скуратова и Басмановых (ср. комм. 3-14).

12 об.–1. *...он хотел взять город Вильна в Литве, а не Ригу в Ливонии* – Речь шла о царском походе навстречу Сигизмунду Августу, который стоял в Радошковичах. В противопоставлении Вильнюса и Риги слышится нота какого-то спора Штадена с теми, кто считал целью данного похода именно Ригу. Кто это, пока неясно.

Как бы продолжая полемику, Штаден начинает перечислять причины, почему царь не двинулся на Ригу. Правда, вслед за первой причиной (*«во-первых»*) почему-то не последовало изложение других или хотя бы второй.

12 об.–2. *Ротевильде* – Миколай Юрьевич Радзивилл Рыжий, Красный (1512–27.04.1584) – князь Священной Римской империи с 1547 г., с 1540 г. великокняжеский наместник в Вильне, троцкий воевода в 1550–1566 гг., виленский воевода в 1566–1579 гг., великий литовский гетман в 1566–1579 гг. Командовал войсками в победоносной битве под Уллой в 1564 г. (*Epstein*. S. 28-29. Anm. 8; *Грыцкевіч А*. 2006. С. 493). А. А.Зи-

мин видит здесь игру слов и предлагает переводить Рыжий из Вильны, которая в Описании Московии именуется *Wilde* (*Зимин* 2001. С. 355, прим. 15). Однако поход на Ригу проводил не он, а Ян Ходкевич, губернатор Ливонии и староста Жемайтии. Сами Радошковичи и соседний с ним Лебедев принадлежали Радзивиллам (*Кононовіч* 1999).

12 об.–3. *Тогда под Ригой были убиты несколько тысяч поляков* – Поход М. Ю. Радзивилла на Ригу состоялся в 1568 г., то есть позднее радошковичевского «выезда» короля. Сведения Штадена о высоких потерях поляков в битве под Ригой также не вполне достоверны, ибо все ливонские хронисты пишут просто о потерях (*Henning* 1874. S. 27-30; *Epstein* S. 29. Anm. 8).

12 об.–4. *...за великим магистром Вильгельмом Фюрстенбергом* – Фюрстенберг назван «*heermeister*», хотя термин вошел в употребление позднее (*Epstein*. S. 29 Anm. 1). Ливонская карьера выходца из Вестфалии, постоянно поставлявшей кадры орденских братьев, началась с должности комтура в Дюнабурге и Феллине. В 1556 г. он стал коадъютором магистра Генриха фон Галена, после смерти которого в июне 1557 г. – магистром ордена. Однако его проимперская позиция (он принес присягу императору Фердинанду Габсбургу в августе 1556 г.) не находила поддержки у большинства членов ордена. В результате этого в августе 1559 г. он сложил с себя полномочия, его преемником стал бывший до того коадъютором Готтхард Кеттлер. Вернувшись в Феллин, Фюрстенберг 21 августа 1560 г. попал в плен. Он получил в кормление г. Любим – захудалый городок к северу от Ярославля, куда был выслан вместе с дерптским епископом Германом (*Форстен* 1889. С. 88; *Он же*. Т. 1. С. 111-112; *Гессен* 1923. С. 66). Однако Фюрстенберг не потерял права переписки. Последнее его письмо брату Готтхарду датировано маем 1566 г. (Mitteilungen zur livländischen Geschichte. Bd. 2. S. 544. № 152). Ему, как почетному пленнику, позволено было вывезти на 50 санях свое имущество, предоставлен дом и оставлены слуги числом 12 (*Bienemann*. Bd. 4. S. 193. 14.XII.1560). Это не помешало однако распространению слухов, зафиксированных в «летучих листках» о его смерти в результате жестокого обращения (*Höhlbaum* 1876. S. 121; *Epstein*. S. 65. Anm. 2).

Разноречивы и сведения о его вероисповедании во время пребывания в России. Одни (в частности Дионисий Фабрициус) обвиняли его в переходе в православие (*Hansen* 1894. S. 4-7; *Fechner*. Bd. 1. S. 41. Anm. 1), другие восхваляли преданность католичеству (*Pabst* 1858. Sp. 499).

Несмотря на многочисленные попытки императоров Фердинанда I и Максимилиана II и Немецкого ордена добиться освобождения Фюрстенберга (*Крашенинников* 1896. С. 200-223; *Übersberger*. Bd. I. S. 359-361; *Лурье* 1951. С. 490-491), бывшему магистру суждено было оставаться в России. Скончался он, по-видимому, в 1568 г. Еще в XIX в. обнаруживали следы его могилы в Любиме, а в Ростовском музее предположительно находили портрет пленного магистра (*Böhm* 1899. S. 86; *Keussler* 1909. S. 68-70. См. подробнее: *Epstein*. S. 29-30. Anm. 2).

12 об.–5. *Старший сын* – Иван Иванович Молодой (1554–1581). Прием Фюрстенберга происходил в то краткое время, когда Грозный пытался организовать венчание сына на царство в 1561 г., хотя к дипломатическим переговорам он активно привлекал его лишь в 70-е годы – в 1571, 1576, 1577 гг. (*Савва* 1917. С. 267. Прим. 1).

12 об.–6. Каспар фон Виттенберг – толмач, пробывший на русской службе весьма длительное время, так, он участвовал в приеме датского посла Якоба Ульфельдта, однако несмотря на свой высокий профессонализм не заслужил достойной репутации. Фейт Зенг (о нем см.: *Доннерт* 1965. С. 184) называл его «мамелюком», что в устах человека середины XVI в., испытывавшего постоянный страх перед турецким нашествием, было самым серьезным ругательством. Однако, по словам Зенга, он был самым знаменитым (fürnemester), потому что учился и переводил письма, присланные царю, с латыни на немецкий, а потом на русский, однако он «совершенно отпетый парень» (*Fechner*. Bd. 1. S. 99; *Epstein*. S. 30. Anm. 2). Возможно, подобный отзыв определялся переходом Каспара фон Виттенберга в православие, что вызвало осуждение пастора Одерборна. «Любимый из переводчиков [царя]... клятвенно отрекшись от отечественной религии и приняв крещение по обряду русских... бессовестно клеветал, будто у германцев нет никакого порядка в божественных делах, нет никаких алтарей богу, нет никаких религиозных обрядов» (*Fechner*. Bd. I. S. 69. Anm. 2).

12 об.–7. *Dolmetscher-Tolmetscher* – это даже не руссизм, а скорее тюркизм, причем очень древний (*Фасмер*. Т. 4. С. 72; *Радлов*. Т. 3. С. 1091, 1390, 1770). По Фасмеру, из какого-то западно-славянского или венгерского языка слово проникло в средневерхненемецкий. *А. Л. Х.*

Штаден кроме приведенной выше средневерхнемецкой формы, дает и нововерхненемецкую – *dolmetsch*. *С. Н. Ф.*

13–1. *...хотим тебя снова назначить в Ливонию...* – Попытка использовать Фюрстенберга как орудие покорения Ливонии в 1567 г. была предпринята уже не в первый раз. В самом начале войны, согласно обращения комтура Дюнабурга Георга Зиберга фон Вишлингена к рейхстагу в Аугсбурге 4 апреля 1559 г., царь «обещал милостиво принять [в свое подданство] и всеми своими силами защищать его страну, если он подчинится ему со всей своей землей, но если же нет, он поразит его мечом и огнем и усмирит его подобно тому, как он уже усмирил великодержавных татарских царей (keisere) и многих других» (*Reimann* 1876. S. 353).

По поводу времени изображенной Штаденом сцены в литературе нет полной ясности. Ее относят или к 1564, или 1565 г. (Шиманн, Полосин и др.) или к 1567 г. (Крашенинников, Эпштейн, Колобков). Если исходить из биографии Штадена, только в 1564 г. прибывшего в Россию, наиболее вероятна третья дата.

13–2. *...кроме Ревеля* – Исключение Ревеля (Таллинна) из числа тех территорий, которые Грозный был согласен вернуть Фюрстенбергу, дало основание для размышлений о смысле и задачах Ливонской войны. По мнению Фр. Эпштейна, овладение этим городом могло сделать царя господином всей Балтики (ср.: *Форстен* 1889. № 10. С. 14-28). Намерение же царя завоевать город современники передавали неоднократно, при этом в очень сходных выражениях: «он де завоюет город, если даже тот будет висеть на небе на цепи; он добудет город, если даже тот будет сведен на небо» (*Epstein*. S. 32; *Hansen* 1886. S. 317).

13–3. *...молодой магистр (herrmeister) Вильгельм Кетлер* – Отечественные комментаторы записок Штадена (Полосин и Шокарев) идентифицируют его с курляндским герцогом Кеттлером, согласно виленскому договору с Сигизмундом Августом от 28 ноября 1561 г. получившим эту землю и Жемайтию из рук польского короля в качестве ленного владения. Однако, царь, стремившийся упрочить свою власть в Ливонии, вряд ли был заинтересован в передаче ее польскому леннику. Более вероятно предположение Фр. Эпштейна, что царь намеревался сделать наследником Фюрстенберга своего пленника Вильгельма Кеттлера фон Нессельроде, в то время находившегося в плену в России (*Epstein*. S. 32. Anm. 1).

13–4. *...«О подобном я не слышал и не знал, что Ливония до балтийского берега – это твое отцовское наследство»* – Изумление Фюрстенберга относительно трактовки Ливонии как отчины царя на самом деле не удивительно, ибо аргумент об исконности владения Ливонией то ли от Рюри-

ка, то ли от Ярослава Владимировича был введен отнюдь не с самого начала Ливонской войны, а только весной 1562 г. самим царем на переговорах с литовским представителем Барколабом Корсаком (Сб. РИО. Т. 71. № 5. С. 72-73; *Хорошкевич* 2003-а. С. 291, ср. 179, 267). Также в качестве своей вотчины царь, «наследник» Мстислава Владимировича Мономаха, рассматривал и Волынскую и Подольскую земли, и Вильну, которые якобы все были к Киеву, «и то есть вотчина наша» (*Janicki* 2006. S. 76-84).

13–5. ...«*Я присягнул Римской империи на том, что буду стоять до смерти*» – Магистры в XVI в. были вассалами императора, они имели права и титул имперских князей, были полноправными членами рейхстага, где выступали в защиту прав ордена (*Epstein*. S. 32. Anm. 4). Императоры же ограничивались весьма беспомощными попытками переговоров с великим князем и царем в пользу ордена, не оказывавшими никакого воздействия на реальный ход событий (*Reimann* 1876).

Ниенштедт описывает несколько иначе сцену встречи царя и магистра: Элерт Крузе уговаривал магистра, если тот сложит присягу императору, и от имени всех ливонских сословий и городов принесет присягу царю и его законным наследникам, тот восстановит его власть в Ливонии в полном объеме. Фюрстенберг, подумав некоторое время, поблагодарил царя за достойное предложение и выразил надежду, что и в дальнейшем он согласно обещанию будет пользоваться тем же. Однако, «поскольку его из-за того несчастья, в которое он попал, сочли способным на позорное для его чести отречение от клятвы, которую он принес Римской империи, то он не может обременять этим свою совесть и предпочтет закончить жизнь в ссылке с чистой совестью, нежели избавиться от нее (ссылки) с нечистой». Столь пышноторжественное заявление, которое Ниенштедт приписал Фюрстенбергу, подверглось критике, кажется, сраведливой, со стороны С. А. Белокурова (*Белокуров* 1898-б. С. 250. Прим. 1, 2; См. подробнее: *Epstein*. S. 33. Anm. 5).

13 об.–1 ...*лежал бы его путь с великим князем к Риге* – На этот раз, противореча самому себе (ср. комм. 12 об.-1), Штаден утверждает, что целью похода была именно Рига, а не Вильна.

13 об.–2. *Князь Владимир Андреевич сообщил великому князю о договоре...* – На самом деле заговора не было, имела место попытка польского короля перетянуть на свою сторону лиц, близких к власти – крупных военачальников, без которых царь не смог бы продолжать войну. Попытка обвинить Владимира Андреевича в доносе на заговорщиков была предпринята

опричным окружением царя, дабы скомпрометировать его в глазах остальных земских деятелей. Штаден был единственным, кто дважды – в том числе, и в биографии, писал о выдаче кн. Старицким остальных «заговорщиков». В это время главным источником сведений немца были именно опричники, в том числе и расположенные к нему Басмановы. Между тем полосинский перевод стал одним из основных и веских доказательств организации заговора в 1567 г., целью которого было убийство царя и передача трона Владимиру Старицкому. Испугавшись измены, царь отказался от похода (в литературе известного как «радошковического») и вернулся в центр страны (*Колобков* 2004. С. 54, 205, 206, 237, 249, 254).

Шлихтинг писал более неопределенно: «...сказал день и ночь» (*Шлихтинг*. С. 96).

13 об.–3. *vff der Post* – Перевод Полосина (*«на ямских»*) абсолютно исключен, поскольку царь никогда не пользовался ямскими лошадьми, располагая собственными огромными конюшнями. Фр. Эпштейн вслед за А. А. Чумиковым (АРГА 1450-1610. № 12. С. 18) принимает толкование *«по ямской дороге»* (*Epstein*. S. 34 Anm. 4). В конце 1547 г. царь Иван с братом Юрием добрались из Москвы до Новгорода «в пять дней» (ПЛ. Вып. I. С. 116).

13 об.–4. *...застава, называвшаяся Каринская...* – Село Каринское в 5 верстах от Александровой слободы (*Стромилов* 1883. С. 13). По Шокареву, это одно из Каринских (Большое или Малое) на р. Пичкуре к юго-западу от Александрова (*Шокарев* 2002. С. 177).

14–1. *...в слободу в приказ...* – Приказ в Александровой слободе назван тем же термином, что и земское учреждение того же типа – *Canzelei*. К началу 1568 г., по наблюдениям В. А. Колобкова, относится формирование в Александровой слободе параллельной системы управления государством опричных приказов Боярской думы (*Колобков* 2000. С. 155-156).

14–2. *...митрополит попал в немилость и приговорен был остаток жизни провести на железной цепи огромного размера* – Серединой и второй половиной 1567 г. датируется начало открытого опричного террора. Рассказ о казнях и об увещаниях митрополита Филиппа вновь перебивает хронологию повествования. Автор уже писал о судьбе Филиппа. Вторичный рассказ явно уступает первому по своей достоверности. Второй раз Штаден говорит лишь о заточении Филиппа, прикованного к цепи, причем аттестует его как *добродетельного* митрополита.

14–3. *Великий князь избрал нового митрополита по своему усмотрению* – Формула, примененная Штаденом для характеристики возведения на престол митрополита, очень показательна. С одной стороны, речь идет об избрании, а с другой, подчеркнута определяющая роль царя. Хотя избрание митрополита формально проходило на Освященном соборе, воля государя в течение всего столетия была решающей, и уж, конечно, после сведения с престола строптивого Филиппа. На этот раз ставленником царя с 1566 г. стал архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл, скончавшийся 8 февраля 1572 г. (*Строев* 1877. С. 139; *Карташев*. Т. 1. С. 448), при котором опричный беспредел достиг своего апогея.

14–4. *Затем он вместе с опричными покинул Александрову слободу* – По ходу изложения можно думать, что это произошло в том же 1568 г. Однако дальнейший рассказ заставляет в этом усомниться. Речь идет о заставах, введенных будто бы из-за чумы. Эпидемия в центре свирепствовала вообще не в 1568 г., а годом позднее. Еще далее говорится о новгородском походе царя, имевшем место в самом конце 1569 г. См. комм. 17-2.

14 об.–1. *Прибыли на ям... Черная* – Теперь повествование ведется от имени участника событий. Действительно, Штаден сопровождал царский поход в Новгород.

Черную Полосин отождествил с Черной грязью.

14 об.–2. *...город Тверь* – столица одного из крупнейших русских княжеств, в XIV в. соперника Москвы в качестве центра собирания русских земель. Потеряла независимость в 1485 г., однако на протяжении долгого времени казалась опасной русским государям. Крепость построена Всеволодом Большое гнездов в конце XII в. на Волге в устье р. Тьмаки. Восстановлена на более широкой площади в 1239 г. К этому времени относятся остатки башни 1290-х годов в устье Тьмаки, рва и вала на центральной территории позднейшего Кремля. Следующий этап строительства относится к 1317 г. От «Большего града кремленика» Михаила Ярославича осталась насыпь начала XIV в. на восточной крепостной стене. В 1373 г. около вала был выкопан ров, а в 1394 г. на приволжской стороне были сооружены городни. Наиболее обитаемым местом города уже в домонгольское время был мыс у р. Тьмаки. Вдоль правых берегов Тьмаки и Волги культурный слой достигает 4-5 м. Активное заселение южной и восточной части города относится к середине-второй половине XIII в., что связано с демографическими сдвигами послемонгольского времени (*Жилина* 1999. С. 53-54; *Тюльпин* 2002-а. С. 409-414). *А. Г. Т.*

14 об.–3. Что касается воздействия похода Ивана Грозного 1569 г. на жизнь Твери, то иностранные авторы других записок об этом событии рисуют ужасающие картины и называют тысячные цифры жертв. Таубе и Крузе давали такие цифры: от более 90 тыс. погибших жителей в одном списке до 27 тыс в другом, более исправном. Однако и те, и другие цифры для XVI в. вообще фантастичны. Более реалистичны данные Шлихтинга – 500 казненных пленных полочан, находившихся в Твери, и 19 расстрелянных пленных татар, оказавших сопротивление опричникам. Такова же участь псковичей, выселенных в Тверь после января 1569 г. (*Таубе и Крузе*. С. 49; *Шлихтинг*. С. 33, 34). К сожалению, новейший комментатор, приводя эти данные, не дал им никакой оценки, видимо, полностью доверяя сведениям Таубе и Крузе (*Шокарев* 2002. С. 177-178), использовавших свое сочинение в пропагандистских и даже милитаристских целях. *А. Л. Х.*

...спускали под лед в речку Волгу – Водная стихия как место казни человека, обвиненного в совершении особо тяжкого преступления, известна на Руси с XIII в. В 1230 г. во время внутригородских беспорядков в Великом Новгороде посадник Внезд Водовик приказал схватить и сбросить с моста в реку сторонника своего политического оппонента Степана Твердиславича, Иванко Тимошкинича (НПЛ. С. 69. Ср.: *Подвигина* 1976. С. 147). В 1291 г. по приговору вечевого суда были «посажены в воду» двое «коромолников», грабивших торг (НIVЛ. С. 247). В 1316 г. восставшие новгородцы подобным образом расправились с приверженцами тверского князя Михаила Ярославича: в частности, с Игнатом Беском, которого сначала «биша... на вечи», и только потом, еще живого, «свергоша... с моста в Волхов» (НПЛ. С. 95. Ср.: *Черепнин* 1960. С. 465). В 1375 г. в Великом Новгороде состоялась казнь пяти еретиков-стригольников, приговоренных вечевым судом к потоплению в реке (НIVЛ. С. 305). В апреле 1418 г., от рук «черных людей» во главе с неким Степанкой едва не погиб новгородский боярин Данила Иванович, «Божин внук»: избитый на вече «близ смерти», в беспомощном состоянии он был «сринут» с моста в воду, где полумертвого «вячьшего» человека подобрал в лодку «рыбник», названный летописцем лишь по отчеству, «Личковым сыном». Весьма показательно, что на спасителя Данилы Ивановича, так неосмотрительно помешавшего свершению казни, незамедлительно обрушился гнев сограждан, разграбивших в отместку его дом (НПЛ. С. 409. Ср.: *Бернадский* 1961. С. 178-180, 190-199). В 1446 или в самом начале 1447 г. в Великом Новгороде разразился крупный

скандал по поводу массовой порчи монеты. Посадник Сокира (Секира) с боярами, напоив вином главного ответчика по делу, «ливца и весца серебряного» Федора Жеребца, смогли в ходе судебного разбирательства не только отвести от себя обвинения в злоупотреблениях, но и добиться осуждения «серебренника» и оговоренных им на допросе восемнадцати человек. По приговору вечевого суда, «иных с мосту сметаша, а иных домы разграбиша и ис церквеи вывозиша животы их» (НIVЛ. С. 443-444. Ср.: *Черепнин* 1960. С. 785-786; *Бернадский* 1961. С. 183).

В Средневековье не одни только новгородцы «сажали в воду» людей, приговоренных к смерти. Так, в 1497 г. великий князь Иван III, воздвигнув опалу на свою жену Софию Палеолог, которая осмелилась пригласить к себе в покои «баб с зелием», повелел тех ворожей «казнити – потопити в Москве-реке нощию» (ПСРЛ. Т. 6. С. 279. Ср.: *Афанасьев.* ПВС. Т. 3. С. 614). А в царствование его внука, Ивана IV, умерщвление государственных и иных особо опасных преступников в реках или каких-либо других водоемах превратилось в едва ли не самый распространенный вид массовых казней в Российской державе. Помимо описанных Штаденом экзекуциях над опальными в Тверской земле в декабре 1569 г., отечественные и иностранные источники сохранили леденящие кровь рассказы о еще нескольких подобных «водяных казнях». Так, по свидетельству князя А. М. Курбского, «тиран Васильевич» повелел утопить в реке одного из старейших членов Боярской Думы, князя И. И. Турунтая Пронского, принявшего незадолго до гибели иноческий постриг. Р. Г. Скрынников датировал опалу и трагическую смерть И. И. Пронского приблизительно 1568–1569 годами (*Курбский.* История. Стб. 125. Ср.: *Скрынников* 1992. С. 354). В самом начале января 1570 г. опричники подступили к стенам Великого Новгорода. Началось планомерное уничтожение крупнейшего города на Северо-Западе России. За те полтора месяца, что длился «государев разгром», сотни, если не тысячи, его жителей были перетоплены в водах Волхова. Одних царские «кромешники» сбрасывали в полыньи с моста, других самодержец распорядился сначала поджигать «некоею составною мукою огненною», а потом привязывать по одному за голову и ноги к саням и сбрасывать с Великого моста в Волхов (по-видимому, Иван IV пытался устроить инсценировку погребальной церемонии с участием еще живых людей: как известно, на Руси покойника везли на погост на санях. При этом, если верить сообщению Книги Степенной царского родословия, составлен-

ной за несколько лет до описываемых событий, то весьма похожая участь постигла останки убийц Андрея Боголюбского, «окаянных» Кучковичей. После казни палачи зашили их тела в рогожные кули, положили в коробы, которые затем были подожжены и горящими сброшены в Поганое озеро. (См.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 240-242; *Анучин* 1890. С. 81-226; *Лимонов* 1987. С. 93. Ср.: *Успенский Б. А.* 1985. С. 330, 335. Прим. 6). Третьих выгоняли на реку, обрубали вокруг них лед, который под тяжестью людей погружался в холодную воду, унося обреченных с собой на дно (*Ульфельдт* 2002. С. 300; ПСРЛ. Т. 3. С. 258; *Гваньини*. С. 115. Фольклорную версию событий, произошедших в Новгороде в январе–середине февраля 1570 г., см.: Легенды. Предания. С. 99; Народная проза. № 45. С. 81). Множество трупов, запрудивших Волхов, явились причиной необычайного по силе весеннего паводка, когда река уже «не могла течь по своему прежнему руслу, но разлилась по зеленеющим лугам и плодородным полям и все затопила своей водой»,– писал датский дипломат Я. Ульфельдт (*Ульфельдт* 2002. С. 300-301). Печальную судьбу горожан в полной мере разделило новгородское белое и черное духовенство: «монахов, игуменов, настоятелей монастырей и прочих церковнослужителей» Иван Грозный повелел сначала лишить имущества, а потом умертвить различными способами: «изрубить топорами, заколоть пиками, утопить» (См., например: *Гваньини*. С. 117. Ср.: *Петрей де Ерлезунда*. С. 251). Причем, зачастую избиению подвергались целые обители: так, по свидетельству того же Я. Ульфельдта, всех насельников подгородного Николо-Вяжищского монастыря царь приказал без всякой жалости «посадить в воду» (*Ульфельдт* 2002. С. 338).

В Москве царь обрек на смерть в реке более шестидесяти жен и детей «изменников», погибших во время массовой экзекуции 25 июля 1570 г. Причем, перед тем, как сбросить свои жертвы в воду, палачи разбивали им головы (*Шлихтинг*. С. 49; *Гваньини*. С. 149; *Петрей де Ерлезунда*. С. 254. Ср.: *Скрынников* 1992. С. 403). Между маем 1571 и 1574 годами Иван IV повелел утопить видного опричного боярина князя В. И. Темкина–Ростовского (*Штаден*. Наст. изд. С. 143. О времени совершения казни см.: *Скрынников* 1992. С. 434, 544. Князь А. М. Курбский, напротив, полагал, что, по распоряжению Грозного, Василий Темкин-Ростовский вместе с сыном Иваном были «разсеканы от кромешников его». РИБ. Т. 31. Стб. 123. Ср.: *Рыков* 1978. С. 341), а при отмене Опричнины, в 1572 г., убить одного из стрелецких командиров, К. Т. Унковско-

го, тело которого было затем спущено под лед (*Штаден.* Наст. изд. С. 143. О дате экзекуции см.: *Веселовский* 1963. С. 461). Подобным способом власти Московии, как свидетельствовал Д. Флетчер, расправлялись обычно с простолюдинами: сначала палач умерщвлял приговоренного ударом в голову, а уже потом мертвое тело заталкивалось под лед (*Флетчер* 1991. С. 76. Ср. рассказ Штадена о похожей экзекуции, совершенной над его слугой, татарином Рудаком: *Штаден.* Наст. изд. С. 143). По версии Московского летописца, в 1575 г. Грозный приказал утопить «арханъгильского протопопа Ивана», священника кремлевского собора в Москве, что был казнен в одно время с новгородским архиепископом Леонидом и чудовским архимандритом Евфимием (ПСРЛ. Т. 34. С. 226. Ср. с Пискаревским летописецем: Там же. С. 192). Очевидно, погибший протоиерей Иоанн был настоятелем Архангельского собора в Кремле, т. е. фигурой, безусловно, весьма влиятельной в среде московского белого духовенства. Причислить же его к монашествующим и, тем паче, к епископату Русской Церкви не позволяют лаконичные, но при этом исчерпывающе точные сообщения о титуле умерщвленного священнослужителя в летописных источниках (Ср.: *Скрынников* 1992. С. 496). Ср. с. 108-109. *А. А. Б.*

14 об.–4. *...в городе Торжке... ни одного монастыря или церкви* – Торжок – один из древнейших городов Новгородской земли (где в XII в. управляли князья – новгородские наместники), существовавший уже в XII в., в XIV–XV вв. делился по половинам – то между смоленским и вяземским князьями (1406 г.), то между Новгородом и Тверью (в начале XVI в.) (*Малыгин* 1996. С. 79, 80. Ср. *Куза* 1989. С. 108; *Раппопорт* 1961. С. 84). В первую половину XVI в. город уверенно первенствовал в своей округе благодаря географическому положению между Тверью и Новгородом, на одной из главных торговых артерий внутри Руси и благодаря монопольному положению, созданному жалованной грамотой Ивана IV от 16 декабря 1539 г. Согласно этого акта, направленного городовым приказчикам Торжка, в Новоторжском уезде разрешалось производить торговлю только на посаде г. Торжка и в с. Медна Троице-Сергиева монастыря (ААЭ. Т. 1. № 188. С. 165-166). Однако во время новгородского похода царя в 1569 г. город был разорен, 30 человек казнено (*Скрынников* 1969. С. 276). Несмотря на это в первой трети XVII в. Торжок оставался хорошо укрепленным городом с большим количеством монастырей и церквей (*Кирпичников* 1990). *П. Д. М.*

15–1. *Великий Новгород* – Пострадал от насилия Грозного весьма основательно. Летописи сообщают о 10 000 человек, погребенных в скудельницах (НЛ. С. 101). Шлихтинг считал, что чернь была истреблена полностью (*Шлихтинг*. С. 29). Иные цифры погибших новгородцев сообщали Таубе и Крузе: 12 000 знати и 15 тысяч ремесленников и простых горожан (*Таубе и Крузе*. С. 30). Свидетельство летописей принял В. Б. Кобрин, он писал о гибели 10-15 тысяч человек (*Кобрин* 1990. С. 81-83). Полярные точки зрения были представлены А. А. Зиминым, который в 1964 г., ссылаясь на демографа А. Г. Ильинского, полагал, что общее число погибших достигало 45 тысяч человек, а позднее лишь осторожно приводил это мнение (*Зимин* 1964. С. 302; *Он же*. 2001. С. 189), и Р. Г. Скрынниковым, который, скрупулезно посчитав сведения синодиков, остановился на цифре 2170–2180 (*Скрынников* 1992. С. 382-385). То же сделал и его ученик В. А. Варенцов. В его коллективной с Г. М. Коваленко монографии приводится цифра «около 2500–3000 человек» (*Варенцов, Коваленко* 1999. С. 23). Думается, обе точки зрения уязвимы. С одной стороны, нельзя считать лишь тех, кто записан в царские синодики, неполнота перечня которых очевидна. Нельзя исключать родственников, слуг и холопов тех людей, что записаны в этих поминальных памятниках. С другой стороны, что касается цифры Ильинского, то она кажется преувеличенной по сравнению с численностью населения других европейских городов, где в это время проживало от 5 до 20-30 тысяч человек. Однако если к погибшим во время самого похода добавить тех, кто оказался косвенной жертвой опричного произвола, замерз или погиб от голода и болезней вследствие потери жилья, кормильца, места службы, то цифры Скрынникова покажутся серьезно заниженными. Фактом остается одно: после похода Грозного на Новгород, город, уступив первенство Пскову, превратился в захудалый центр, который уже никогда не смог вернуть себе того положения, которое занимал до этого.

15–2. *Таких монастырей в городе и за его пределами было триста и ни одному из них не было пощады* – Монастыри были ограблены и разорены (*Сметанина* 1978). Штаден округлил их число до 300, вероятно, несколько преувеличив их количество, даже по сравнению со своими современниками Шлихтингом и Гваньини, дающими соответственно цифру 170 и 175 монастырей (*Шлихтинг*. С. 29; *Гваньини*. С. 115). Однако они помимо центров культуры, были крупными хозяйственными центрами, существенно влиявшими на экономическое развитие города и его округи.

Что касается цифры 300, то она в сочинении Штадена приобрела почти магическое значение. Он упоминает о 300 воинах, оставшихся способными к бою после пожара опричного двора (л. 30), 300 пушках, хранящихся в Вологде (л. 56, Описание Севера IV), 300 князьях и боярах – 300 конниках в битве на Молодях (л. 94). Поэтому к этой цифре и ее производным – 30 000 ногайских коней и т. д. нужно относиться с осторожностью.

15 об.–1. *Эти беда и несчастье продолжались в городе шесть недель...* – Иван Грозный въехал в Новгород 6 января и покинул его в начале февраля 1570 г.

15 об.–2. *Все лавки и палаты, где... [находились] деньги и добро, были опечатаны* – Целью этой, с позволения сказать, военной экспедиции было пополнение оскудевшей за время Ливонской войны государевой казны. Судя по уже привлеченному С. Ю. Шокаревым документу Соловецкого монастыря, некоторые из духовных корпораций пытались откупиться, не допустив уничтожения своего имущества. Так, находившийся на Соловецком подворье дворник вынужден был заплатить за монастырское помещение на Щитной улице «в государские подати в две тысячи рублев, в улицкий розруб полтину московскую» (АФЗХ/АМСМ. № 00. С. 222. 11.VIII.1570 г.). По-видимому, вся Щитная улица должна была уплатить 2000, на долю же Соловецкого подворья «по розрубу», то есть по разделу между уличанами, пришлось 50 руб.

15 об.–3. *...изрублены все красивые ворота усадеб, лестницы и окна...* – Именно эти детали архитектурных сооружений украшались особенно тщательно. Лестницы на второй этаж, как правило, были внешними и поэтому легко доступными для уничтожения. См. план Москвы Сигизмунда Герберштейна (*Герберштейн* 2008-I. С. 732-733) и рисунок Мартина Груневега, побывавшего в России в 1585 г. *А. Л. Х.*

В эпоху Средневековья истребление «скверного» имущества, которое было либо приобретено предосудительным образом, либо принадлежало особо опасному преступнику, повсеместно практиковалось в странах Христианской Ойкумены. Например, в «Хронографии» Продолжателя Феофана, византийском историческом сочинении X в., описывался инцидент с громадным торговым судном, принадлежавшим супруге императора Феофила (829–842), августе Феодоре. Василевс, разгневавшись на то, что его жена умалила императорскую честь занятием коммерцией, «приказал... спустить с корабля людей, а само судно предать огню вместе с якорями, парусами и всем грузом». Спустя столетие, в 923

или 924 г., болгарский царь Симеон Великий, выступив в поход против императора Романа I Лакапина, «опустошил Фракию и Македонию, все пожег, порушил, *повырубал деревья* (выделено нами. – *А. А. Б.*)...» (Продолжатель Феофана. С. 42, 168).

Похожую ситуацию можно было наблюдать и в Западной Европе, где даже во время восстаний в городских коммунах имущество жертв, как правило, не разворовывалось, но уничтожалось. Именно таким образом поступили, в частности, флорентийские ремесленники – чомпи, когда летом 1378 г. принялись громить жилища своих богатых сограждан. По свидетельству Маркионне Стефани, участники массовых беспорядков, дабы не выглядеть заурядными грабителями, «действовали так: подойдя к какому-нибудь дому, чтобы поджечь его, они хватали вещи, выносившиеся оттуда другими, – сукна, жемчуга, серебро, кровати – и жгли все это на кострах. Когда жгли дом Микеле ди-Ванни Кастеллани, один человек ни за что не хотел выпустить из рук петуха и кусок соленого мяса, я сам видел, как его ударили сзади пикой, а петуха выхватили, обломили ему ноги и бросили в огонь» (Цит. по: *Уваров* 2000. С. 190-191). Помимо явного стремления восставших горожан придать своим действиям хотя бы тень легитимности, ими двигал и очистительный пафос – «скверное» имущество «негодяев» подлежало непременному истреблению в огне. Позже аналогичным способом члены городских коммун устраивали публичное «сожжение сует» – предметов, «мешающих спасению общины» (*Там же*. С. 191).

В средневековой России к уничтожению «нечистого» имущества прибегали не только венценосные правители царства, но и «вольные» казаки. «Тиран Васильевич», как известно, повелел опричникам истребить большую часть недвижимости и прочие «животы», принадлежавшие жителям Великого Новгорода. При этом царские «кромешники» были обязаны уничтожать имущество новгородских купцов как в самом их родном городе, так и в пограничной Нарве, использовавшейся новгородцами в качестве перевалочной базы для иноземных и отечественных товаров. Через восемьдесят лет, шведский торговый агент в России Иоганн де Родес сообщал в донесении королю Карлу X Густаву от 15 ноября 1654 г. о том, что русский царь Алексей Михайлович отдал распоряжение своим войскам целенаправленно разорять окрестности осажденного Витебска: «На 70 миль пути почти все сожжено и опустошено, урожай на полях выжжен, вытоптан и скормлен; напитки: венгерское вино,

коньяк, медовуха и пиво – вылиты на землю и смешаны с дерьмом. Солдатам и офицерам высочайше предписано не пить ни капли [этих напитков]. Скот забивается солдатами только ради получения кожи, а мясо достается воронам» (*Иоганн де Родес*. С. 19-20, 25). Подобную же участь уготовили помещичьему скоту «воры и мятежники», вставшие под знамена донского атамана Степана Разина в Нижегородском крае (*Кабанов* 1917. С. 419). *А. А. Б.*

15 об.–4. *...в... Псков, где начал вершить дела тем же способом* – В Пскове 20 февраля 1570 г. был казнен крайне негативно настроенный по отношению к опричнине игумен Псково-Печерского монастыря (с 1529 г.) Корнилий, при котором был построены Благовещенская в 1541 г. и Никольская надвратная в 1565 г. церкви, а также церковь Одигитрии на Печерском монастырском подворье, две церкви в окрестностях монастыря, весьма своевременно обнесенного каменной крепостной стеной с 9 башнями и тремя воротами (это спасло монастырь от войск Стефана Батория в 1581 г.). Корнилий первоначально поддерживал идею Ливонской войны, в ходе которой ему удалось спасти иконы, находившиеся в Нарве (Ругодиве), содействовать отдельным победам в Ливонии (после прибытия посланного им со святой водой священника загорелся г. Вельян – Велюона), именно в Псково-Печерском монастыре регулярно возносились молитвы о даровании успехов царскому воинству, в 1570 г. после разгрома опричным воинством Новгорода сам Корнилий встречал царя во Пскове и служил молебен в Троицком соборе, что впрочем ему самому не помогло: 20 февраля того же года он был казнен. Причины казни исследователи ищут разные, но прежде всего в связях монастыря с А. М. Курбским. Не исключено и другое: Корнилий, как автор или редактор Псковской третьей летописи, полной конкретных деталей относительно хода военных действий, бедствий населения в результате их, а также мора и самоуправств опричных войск на территории Псковского у., мог «поделиться» с царем своими наблюдениями. Его, как рачительного хозяина и строителя монастыря (его истории он посвятил особую Повесть), судьба обители, ее владений и населения их в годы Ливонской войны вряд ли устраивала. Участь настоятеля разделил и келарь этого же монастыря Вассиан Муромцев, иноки Дорофей Курцев, Афанасий Ежов и другие. В синодиках записаны еще 85 человек дворян, приказных и холопов (*Насонов* 1946; *Скрынников* 1992. С. 539 – 540; *Зи-*

мин 2001. С. 62, 190, 326; *Плешанова* 1966. С. 162. См. подробнее: *Охотникова* 1988. С. 480-484).

16–1. *И послал в Нарву... к Ладожскому озеру...* – сообщение Штадена о расправе с русскими помещиками под Нарвой и у Ладожского оз. уникально. Если верить Штадену, то можно предположить и причину немилости к ним царя: весьма значительное число русских поселенцев покидали свои земли в этих краях и перебирались в Шведское королевство, где к исходу XVI столетия образовалась весьма значительная «колония» русских дворян, постепенно ассимилировавшихся (Eine unbekannte version 1960. S. 131-148; *Линд* 2000).

16–2. *Микула – добрый малый* – Рассказы об этом своеобразном жителе Пскова занесены и в летописи (ПЛ. Вып. 1. С. 115, 116; ПСРЛ. Т. 34. С. 191) и в записки иных иностранцев (*Таубе и Крузе.* С. 50, 51; *Горсей.* С. 54; *Флетчер.* С 101-102). Слава псковича Микулы достигла и польского королевского двора. Стефан Баторий, по словам саксонского посла Яна Коха 1577 г., заявил, что царь Иван «не прекратил бы убийств, если бы его прорицатель по имени Микуло не запретил бы ему этого. Указанный Миколо умер только год тому назад» Однако рассказ Штадена наиболее подробный, видимо, ему этот Микула был известен не по наслышке. Обличения царя юродивым Николой Псковским, прославленным в 1576 г., по мнению О. А. Туминской, одобрительно рассматривались церковью, а упоминания им «крови» и «мяса» – как прообразов крови и тела Христова, которых христиане причащаются в виде «вина» и «хлеба» (*Туминская* 2005. С. 194, 196). С первым можно согласиться, если под «церковью» понимать печерского игумена Корнилия, весьма скептически относившегося к деятельности царя. Второе же кажется некотороей натяжкой, поскольку, как признает и сама О. А. Туминская, речь шла о человеческой крови и убийстве безвинных людей.

16–3. *Великий князь послушался этого Микулы и ушёл из города Пскова* – В начале Третьей псковской летописи по списку Оболенского и 3-му Архивскому списку излагается несколько иная версия с изложением дополнительных причин ухода царя изо Пскова. Заслуга частичного спасения города приписывается кн. Юрию Токмакову, который повелел горожанам «пред домы своими трапезы поставляти и хлебы полагати» – приметы добросердечного гостеприимства. Уже в монастыре св. Николы в Любятове, где царь ночевал, услышав колокольный звон к субботней заутрене, он якобы умилился и запретил совершать убийства

в городе. Вид горожан, в воскресенье целыми семьями встречавших его у своих дворов с хлебом и солью («стоящи все коиждо пред домом своим со женами и детьми, изнесше хлеб и соль пред враты и падше поклонишася цареви»), подготовил Ивана IV к восприятию наставлений блаженного Миколы, которым он однако первоначально не внял. Лишь неожиданная гибель его лучшего коня убедила монарха в необходимости оставить в покое имущество церкви (хотя колокол городского собора св. Троицы был уже снят): царь «ужасен вскоре бежа из града и повеле грабити имение у гражан, кроме церковнаго причту» (ПЛ. Вып. I. С. 118; Ср.: *Карамзин.* Т. IX. Гл. III. Прим. 297-298). *А. Л. Х.*

Юродство как тип поведения предполагает от избравшего его человека добровольного и, притом, тотального отвержения ценностей мирской жизни «ради служения Христу через свидетельствование о внеположности Христова пути мирской мудрости и мирскому величию». Внешне такой путь святости реализовался в облике «безумца» или даже «бесноватого», публично попиравшего нормы приличия и благочестия, который лишь ночной порой в безлюдном месте раскрывал свою подлинную сущность православного подвижника в тайной молитве Богу. Первые юродивые появились среди египетских монахов еще в V столетии: автор знаменитого «Лавсаика», Палладий, поведал историю об инокине, чья богоугодная жизнь была сокрыта под маской притворного безумия и одержимости демонами. Введенные в заблуждение откровенно анормальными поступками сопостницы, прочие монахини искренне считали ее σαλή («потрясенной»). И только позднее, когда святость мнимой «бесноватой» стала очевидной окружающим, насельницам пришлось раскаяться в своей ошибке. Подвиг юродства этой инокини, как справедливо отметил Палладий, воплотил в реальной жизни известную максиму апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будет безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (I Кор 3, 18-19), которую сам первоверховный апостол лаконично выразил в том же Послании: «Мы безумны Христа ради» (I Кор 4, 10).

Такой тип святости предполагает «внешнее безумие (бесноватость) как крайнее средство изничтожения гордыни, способность к прорицанию, осуществляемому под видом безумия и лишь постепенно постигаемому людьми, смиренное приятие поношений и побоев..., обличение

грешников и способность видеть бесов, их окружающих, ночные тайные молитвы и демонстративное неблагочестие днем и т. д.». Этому вполне соответствовал и внешний вид «божьих безумцев», круглый год ходивших в рубище или совсем нагими и умерщвлявших плоть тяжелыми веригами. В средневековой Руси юродство получило весьма широкое распространение, а сами «святые похабы» пользовались непререкаемым авторитетом у населения: к их голосу прислушивались не только простолюдины, но и венценосцы (*Живов* 1994. С. 106-110).

Иными словами, портрет спасителя Пскова от опричного погрома, нарисованный Штаденом, весьма далек от реального облика православного юродивого – подвижника-аскета, не помышлявшего о поиске пропитания и материального достатка. Немец-опричник, описывая блаженного Николая Псковского, по-видимому, старался максимально приблизить его образ к протестантскому идеалу «доброго христианина», которому более соответствовал богатый бюргер (в нашем случае – «прожиточный» скотовод), нежели городской маргинал – нищий «безумец». Однако в отличие от других иноземных писателей, Штаден не стал злонамеренно очернять русского святого в глазах своих читателей. Для того, чтобы убедиться в справедливости этого замечания, обратимся к мемуарам английского торгового агента в Московии Дж. Горсея и имперского дипломата А. фон Мейерберга, посетившего Россию в царствование царя Алексея Михайловича. Например, Горсей, рассказывая о блаженном Николае, отнюдь не стеснялся прибегать к откровенно уничижительным эпитетам – «колдун», «мошенник», «жалкое существо»: «Но во Пскове его (Ивана Грозного. – *А. А. Б.*) встретил *колдун* или *мошенник* (здесь и далее выделено нами. – *А. А. Б.*), которого они (псковичи. – *А. А. Б.*) почитали как своего оракула, святой человек по имени Микула Свят; он встретил царя смелыми проклятиями, заклинанием, руганью и угрозами, называя его кровопийцей, пожирателем христианской плоти, клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-нибудь из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей этого города, предназначенного Богом и Его добрым ангелом для лучшей участи, нежели разграбление... Я сам видел этого *мошенника* или *колдуна*: *жалкое существо, нагое зимой и летом,* он выносит как сильную стужу, так и жару, совершает многие странные действия благодаря *дьявольскому колдовскому отводу глаз*, его боятся и почитают все, как князья, так и народ» (*Горсей*. С. 54).

Почти столетие спустя имперский дипломат, А. фон Мейерберг, весьма желчно отозвался по адресу другого отечественного местного святого, погибшего в крымском плену окольничего князя С. Р. Пожарского: «В 1659 году пал в передовом полку в сражении с польским, казацким и татарским войском (под Конотопом. – *А. А. Б.*) князь Семен Романович Пожарский..., человек отягченный бесчестными делами и преступлениями и недавно снискавший себе дурную известность убийством жены; и [царь] Алексей Михайлович торжественно причислил даже и его к мученикам, и в честь его ныне бывает особенное служение в церкви» (*Мейерберг* . С. 110). Очевидно, что негодование Мейерберга, старательно передавшего в своих мемуарах самые грязные сплетни о Пожарском, вызывал не столько моральный облик новопрославленного князя, сколько сам факт существования в православии культа святых. Именно последняя причина побудила его после филиппики по адресу С. Р. Пожарского еще с большим сарказмом обрушиться на преподобного Сергия Радонежского и сотворенные им чудеса. Между тем, уникальное сообщение Мейерберга об учреждении местного почитания князя Пожарского (причисленного, скорее всего, к лику блаженных) подтверждается русскими письменными памятниками. Недавно были обнаружены в приложении к одному из списков Летописного свода 1652 г. тексты тропаря и кондака, специально составленных «новому страстотерпцу... благоверному князю Семиону Пожарскому» (РГБ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 320. Благодарю А. В. Лаврентьева, любезно сообщившего о своей находке). *А. А. Б.*

16–4. *...приказал строить в слободе каменную церковь...* – В Слободе находились Покровский (ранее – Троицкий), Успенский храмы и Распятская церковь-колокольня, внутри которой сохранилась восьмигранная башня-часть звонницы начала XVI в. В XX в. принято было нынешний Троицкий собор, открывающий собою крупнейший ансамбль средневековой России, считать постройкою Ивана Грозного. В 1929 г. исследователи (первым был А. И. Некрасов) установили, наконец, каким, в действительности, было посвящение большого собора, а с ним впервые обрели истинную дату этого архитектурного колосса. Исследователи упорно не желают видеть в разбросанных на громадной территории (в границах бывшей «Осыпи») церковных зданиях причудливой и одновременно строго унифицированной архитектуры, остатков единого, подчиненного общему замыслу грандиозного архитектурного ансамбля (*Бата-*

лов 1989; *Подъяпольский* 2002; *Ширина* 2005). Ни тождество строительного материала, кирпича, железа, белого камня, кровельной черепицы и т. д., ни единое для всех четырех храмов колористическое решение фасадов (по-европейски открытая снизу доверху фактура кирпичных и белокаменных кладок, белокаменные подклеты и апсиды, красные стены и барабаны, и черные «графитовые» кровли), ни итало-готическая резьба церковных порталов, поясов и карнизов – не может поколебать их старинной, основанной на случайных свидетельствах иностранцев, уверенности, что здания Слободы сооружались не в один, как это видят наши глаза, а непременно – в два приема с разрывом в 50 лет между ними: первая группа зданий – собор и церковь под колоколы – при Василии III, а вторая – две церкви на погребах и подклетах в глубине двора, а также гигантская шатровая столпообразная колокольня, заново возведенная над старой церковью под колоколы (и все, что к ним некогда «примыкало», включая новые деревянные хоромы и «дьячьи избы» и т. п.) – при Грозном, в эпоху опричнины. Таков вердикт, вынесенный самому загадочному русскому «гражданскому» средневековому ансамблю большинством исследователей. Этот вердикт не может не вызывать тревоги и сомнений. Ведь перед нами художественное явление колоссального значения, вполне сопоставимое с королевскими дворами Европы.

А именно: официальная резиденция московских государей западного типа с каменными палатами для приемов (во все времена, начиная с 1513 г.) – была в государстве одна единственная – и только в Слободе. Ее оставление во второй половине XVII в. (фактический «уход» из нее государей начался, разумеется, значительно раньше) упадок и последующее «невозобновление» имело сложные культурные, религиозные, политические и эстетические, – вообще, мировоззренческие причины, вплоть до изменения стиля жизни.

В опричнину Слобода была перестроена. Сколь глубоко и как – основной вопрос, волнующий сегодня ученых. Разумеется, – в камне и дереве, с прибавлением новых комнат и палат, но без сооружения новых церквей, что крайне важно. О перестройке Слободы прямых свидетельств не имеется, есть только показания позднего нарративного источника о ее традиционном, по-русски, – «возобновлении» в дереве. Старое хоромное строение заменялось свежерубленным, менялся кровельный тес, все «избяное» «освежалось» и даже, якобы заново, «ставился город», т. е. крепость вокруг Государева двора. В какой мере перестройка косну-

лась каменных палат (если они, разумеется, в городе были), можно лишь догадываться. Предполагать мы вправе, конечно, все. Два дворцовых храма из четырех имеют вид реконструированных еще в древности. Это – церковь под колоколы Алексея митрополита (с начала XVIII в. – «Распятская колокольня») и домовая церковь Троицы на теплых подклетах и погребах. Интересно, что оба храма – шатровые, однако, конструкции их шатров различны.

Распятская колокольня – выдающийся памятник эпохи опричнины. Сегодня это огромный шатровый столп с несохранившимися часами и четырьмя деревянными циферблатами на четыре стороны света, – по-сути, – часовая башня или «часобитня» готического пошиба. Узкий вытянутый, первоначально глухой шатер часовой башни напоминает готические шпили Северной Европы. Русским элементом башни являются яруса кокошников под звонами. При часобитне, в перевязку с нею, была выстроена огромная звонница на столбах для благовестных очепных колоколов – своих и трофейных, и площадка-ризалит под церковной главой для колоколов «язычных». При своем сооружении Распятская колокольня была поставлена на стены старой и почти во всем повторяла гиптогональную церковь Алексея митрополита 1513 г., которая, как показали исследования, была этой тяжестью буквально раздавлена (сейчас церковь-капелла Алексея митрополита образует внутренний объем Распятской колокольни). Старое здание оказалось увеличенным в высоту в 2,5 раза и превращено в часовую башню. Остался открытым только вопрос о дате перестройки.

Точная дата постройки нового звонничного комплекса неизвестна, но поскольку на нем (на звоннице) был установлен трофейный новгородский (так называемый «пименовский») колокол, считается, что это произошло после новгородского похода 1570 г. Распятская колокольня в своем сегодняшнем виде свидетельствует о серьезности предпринятых в Слободе в опричнину перестроек. Подколоколенных сооружений подобной высоты и типа на Руси XVI в. не строили, тем более, – с «готическим» завершением. Это была воиистину «столичная» постройка, долгое время не имевшая себе равных. Знаменитый комплекс Ивановских колоколен во главе с Иваном Великим в Московском Кремле в своем настоящем виде сложился только к 1680 г. Венчающий ажурный «киоск» Распятской колокольни (шатровый восьмерик со звонами) – самый ранний, из числа до нас дошедших. До надстройки подобным же «готическим» за-

вершением Спасской башни оставалось еще пол-века. Комплекс Распятской колокольни является одним из главных аргументов в пользу распространенной в ученом мире идеи капитальной перестройки (и даже постройки заново!) каменных корпусов слободского дворца после 1565 г. – года учреждения опричнины и переноса столицы, но аргументом всего лишь косвенным и не отвечающим на главный врпрос нашего исследования: чем был Государев двор в 1513 г., в момент его возведения?

Характер перестройки домовой Троицкой (нане Покровской) церкви, напротив, с трудом поддается расшифровке. К ней в определенный момент были пристроены – западный притвор («трапезная») и северный придел-капелла Федора Стратилата, и есть предположение, что тогда же был реконструирован ее верх: вместо барабана гипертрофированных размеров (подобного барабану гарнизонной церкви Иван-города 1516 г.), над ней, по мнению большинства ученых, был возведен нынешний «короткий» каменный шатер. Здание Троицкой церкви настолько необычно, что строгая датировка ее второго строительного периода представляется делом исключительно сложным. Вместе с тем, есть основани полагать, что ее реконструкция совершилась еще при Василии Ш, а если это так, перед нами памятник первого, а не второго этапа строительства слободского дворца, и помочь определению стилистики исчезнувших палат ничем не может. Между тем, здесь главная проблема изучения памятника: к какому архитектурному типу принадлежал наполовину уничтоженный дворец? Относился ли он к ренессансной культурной традиции, подобно Большому Кремлевскому дворцу в Москве, или это было нечто подобное укрепленному немецкому феодальному подворью (типа бурга) с каменными многоэтажными «избами» со ступенчатыми торцами и островерхими крышами, – «опричный замок» в стиле Северного Ренессанса? Или это было и вовсе изысканное, заключавшее в себе и то, и другое: русско-итало-немецкий позднеготический шедевр, подобный Успенскому собору Аристотеля Фиораванти в Москве, где количество готицизмов, как известно, преобладает над значительно менее заметными итальянизмами? *В. В. К.*

Шатер б. Троицкой церкви был расписан. О дате росписи мнения были разные. Наиболее вероятной представляется дата, предложенная В. М. Сорокатым – 1571 г. (*Сорокатый* 1997).

В период опричнины Александрова слобода не именовалась «городом». Это указание появилось в документах 1580–1581 г., но снова ис-

чезло из употребления после 1581 г., когда Иван Грозный после смерти сына переехал туда. В 1581 г. в Слободе действовали Дворовый судный приказ и нечто вроде отделения Посольского приказа во главе с А. В. Шерефетдиновым (*Морозов* 2006. С. 11-26).

Перевод государственного аппарата и опричного войска в Слободу, конечно, сопровождался массовым деревянным строительством – приказов, казарм, хозяйственных построек и хором (о чем вскользь говорит вышеупомянутый летописец). Иное дело – сам дворец, его «анфилады» – столовая и тронная залы, его парадные покои. Невозможно предположить, что все это возводилось заново. Ведь выбор столицы царем Иваном был выбором «старого», а не «нового» места. Настоящим строителем второй «богомольной столицы» России Слободы был, несомненно, Василий III. А Иван Грозный превратил ее на время в политическую столицу (См.: *Морозов* 2004. С. 110-114). Ср. комм. 57–2.

16 об.–1. *К церкви приставили дверь...* – Речь идет о Васильевских вратах XIV в. , получивших свое название от новгородского владыки Василия Калики, при котором они были изготовлены в 1336 г. для южных врат Софийского собора. Это «златописные» медные пластины, изображающие ветхозаветные, новозаветные и неканонические сюжеты. Ныне находятся в южном портале современной Троицкой церкви (*Мясоедов* 1910. С. 1-8; см. подробнее: ДПИВН; *Бочаров* 1995. С. 112-124). Согласно новым изысканиям, техника золотой наводки, характерная для ряда произведений домонгольских времен, происходит из Германии – района Рейна, Мааса (*Манукян А. М.* О происхождении техники «золотой наводки» в домонгольской Руси // Искусство христианского мира. Вып. XI. М., 2009. В печати. Знакомству с данной работой обязаны Э. С. Смирновой).

16 об.–2. *На двери были отлиты фигурные истории* – Штаден очевидно путает с так называемыми Магдебургскими вратами, вмонтированными в южном портале Софийского собора (см. подробнее: ДПИВН; *Царевская* 2003).

16 об.–3. *...великий князь приказал отравить прилюдно на пиру князя Владимира Андреевича...* – Последовательность изложения нарушена, а гибель князя описана неточно. Владимир Андреевич (о нем см. подробнее комм. 3-5) был обвинен в заговоре против царя по доносу своего повара и на Боганском яме по дороге в Слободу 9 октября 1569 г. вынужден был выпить яд (*Кобрин* 2008. С. 159). Ни один из других иностранцев-со-

временников не сообщает о том, что это произошло «прилюдно» (Таубе и Крузе, Ульфельдт, Гейденштейн). Видимо Штаден воспроизвел какие-то слухи, которые курсировали в Москве. Да и за пределами столицы точными сведениями вряд ли кто располагал. Одерборн писал, что Владимир Андреевич был повешен, Гваньини, – что обезглавлен. Даже А. М. Курбский считал, что жена Старицкого Евдокия Романовна Одоевская была расстреляна вместе с двумя малолетними сыновьями (РИБ. Т. 31. Стб. 285, 286), тогда как на самом деле из их детей остались в живых две дочери – Евфимия и Мария, и сын Василий, в 1573 г. присутствовавший на свадьбе своей сестры Марии и «ливонского короля» Магнуса (ДАИ. Т. 1. № 222; *Сахаров* 1851-а. С. 95). Видимо, смерть Владимира Андреевича была сугубой тайной, так что вокруг ее обстоятельств рождались столь неверные слухи. Странно лишь, что Штаден не сумел узнать правды, даже будучи в новгородском походе вместе с царем.

16 об.–4. *Великий князь... велел схватить всех приказчиков... в земщине и всех дьяков* – И на этот раз Штаден ошибается, полагая, что арестованы были только земские. Он, в отличие от автора одного из летучих листков, где сказано о 106 казненных, указывает цифру в 130 человек, участвовавших в управлении страной. Однако в числе них были и опричники. Причина казней для современников событий осталась неясной. Хотя некоторые из иностранцев с официального голоса твердили о заговоре и передаче России под власть «Татарина», т. е. крымского хана (Летучий листок «Совершенно достоверное описание». *Epstein*. S. 40. Anm. 1).

16 об.–5. *...в Приказе Большого прихода...* – Судя по тому, что Штаден сам называет лишь трех человек из 130, а именно тех, с кем ему ранее приходилось иметь дело, сам он не был свидетелем казни и скорее всего не находился в Москве в июле 1570 г. Да и сведения об этих троих несколько устарелые (о Булгакове см. комм. 4 об.-5; о Висковатом – 9-1). Впрочем, и другие иностранные авторы, сообщавшие о казнях 1570 г., упоминают не большее число погибших, по преимуществу ограничиваясь Висковатым и Фуниковым (см. комм. 4-5).

16 об.–6. *Ивану Висковатову сначала отрезали нос и уши, потом отрубили руки...* – Весьма распространенный в средневековой России способ расправы – «иссечение» живой или мертвой человеческой плоти «в дробные части» – иногда мог быть заменен на еще более ужасную по своей жестокости казнь, когда осужденного преступника заживо «резали по суставом». На практике первыми применили эту страшную экзе-

куцию, предполагавшую долгую и невероятно мучительную агонию, татаро-монголы. По сообщению Новгородской Четвертой летописи, 19 июля 1270 г. в Орде хан Менгу–Тимур приговорил к смерти рязанского князя Романа Ольговича, которому «заткаша уста его оубрусом (т. е. плотно закрыли рот платком или полотенцем. См.: *Срезневский*. Т. 3. Стб. 1117-1118. Ср.: Сл.ДЯ. Т. 3. С. 353. – *А. А. Б.*), и начаша резати по суставом и метати разно, и тако розоимаша, оставиша труп един, они же (ордынцы. – *А. А. Б.*) одраша голову его и на копье взотькнуша...» (НIVЛ. С. 241; ПСРЛ. Т. 18. С. 73). Почти столетие спустя, 28 октября 1339 г., хан Узбек после почти месячных раздумий об участи своих тверских вассалов повелел казнить у себя в ставке князя Александра Михайловича и его сына Федора: подобно Роману Рязанскому, они «разоимани быша по суставом» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51. Ср.: *Клюг* 1994. С. 122-123; *Горский* 2000. С. 64-65).

В царствование Ивана Грозного такая жестокая экзекуция была совершена 25 июля 1570 г. над влиятельным думным дьяком, печатником И. М. Висковатым, осужденным по «новгородскому изменному делу». Опальный администратор перед смертью не только публично свидетельствовал о собственной невиновности, но и имел мужество обличить своих палачей – опричников во главе с самим государем, апеллируя к высшему, небесному, правосудию: «Несчастные вы люди вместе с великим князем; разбойники вы и прислужники его бессовестных деяний; проливаете вы незаслуженно безвинную кровь; вы поступаете как тираны, право и неправо посылаете смертных на гибель. Все, в чем вы меня обвиняете, совершенно ложно, но для вас нет ничего легче, чем погубить невиновного. Но придет час, которого вы не ждете, Бог когда-то вас накажет и сурово за все покарает» (ср. комм. 9-1, 9-3). Произнеся эти или, быть может, иные похожие по смыслу слова, И. Висковатый выбрал наиболее сильный способ выказать степень своего презрения к убийцам – плюнув им в лицо. Вслед за тем он был подвешен на виселице вниз головой, а потом каждому из присутствующих на экзекуции придворных надлежало отрезать у него по одному «члену» – уху, губам и т. д. К огорчению Ивана IV, мучения злосчастного канцлера окончились относительно скоро: он испустил дух после того, как некий подьячий отсек ему «тайные уды». Сняв с виселицы обезображенный труп, царские «кромешники» продолжали истязать уже мертвое тело, «рассекая его на части, а сперва отрезав голову» (*Гваньини*. С. 145. Ср.: *Граля* 1994. С. 388.

Прим. 15. По сообщению Д. Горсея, аналогичная экзекуция была совершена над царским «старшим конюхом» (?) И. Обросимовым (*Горсей.* С. 62. Ср. с комм. А. А. Севастьяновой: там же. С. 180. Прим. 60). *А. А. Б.*

16 об.–7. *...на торге...* – И на этот раз Штаден неточно определяет место казни. И. М. Висковатый вместе с другими осужденными по делу новгородского архиепископа Пимена были казнены на столичной рыночной площади, называемой «Поганая Лужа» (ПСРЛ. Т. 34. С. 191). По сию пору среди исследователей нет согласия относительно локализации этого места на карте Москвы. Например, А. А. Зимин помещал его в окрестностях Поганых (ныне Чистых) прудов, а И. Граля, напротив, полагал, что оно находилось в непосредственной близости от Кремля и Китай-города (*Зимин* 2001. С. 263; *Граля* 1994. С. 382-384. Прим. 11). Действительно, на «Сигизмундовом» плане российской столицы 1610 г. местность, именуемая «Poganiski jesoro, seu lacus», обозначена номером «15», который ясно виден в нижней части чертежа, недалеко от стены Белого города, в районе Покровских ворот (См.: Сигизмундов план // ПМиКМ. № 15). Таким образом, если признать тождественность «Поганой Лужи» Пискаревского летописца и «Поганого озера» на плане Москвы 1610 г., то необходимо принять идентификацию места экзекуции над И. М. Висковатым, Н. А. Фуниковым-Курцевым, В. Степановым-Угримовым, И. Булгаковым, Г. Шапкиным, другими «новгородскими изменниками», предложенную А. А. Зиминым, как единственно правильную. Однако нельзя совсем исключить вероятность того, что «Поганой Лужей» могла называться и заболоченная низменность в районе нынешней Театральной площади, известная в более поздний период как «Поганый Брод». Это был «топкий, непроходимый, чрезвычайно загрязненный участок» в центре города, неподалеку от Кремля и Китая. Там весьма длительное время существовала «большая грязная, зловонная лужа», куда вплоть до 1824 г. продолжали свозиться нечистоты (см., например: *Дик, Соловьев* 1947. С. 52; *Лущихин* 1947. С. 98-99). Ср. комм. 4–3. *А. А. Б.*

16 об.–8. *...время великого голода...* – Конец 1570 – первая половина 1571 г. (до нового урожая), голод, равного которому, по словам Таубе и Крузе, «не было со времен разрушения Иерусалима» (*Таубе и Крузе.* С. 50). Сведения о нем отметили даже летописцы (*Зимин* 1950. С. 21; *Корецкий, Морозов* 1984. С. 214; *Анхимюк* 1992. С. 128-129). Слух об этом катастрофическом голоде и невероятной дороговизне в «Московском»

государстве достиг Данцига (Гданьска), послание из которого от 20 июня 1572 г. было доставлено Фуггерам в Аугсбург (*Pirożyńska, Pirożyński.* S. 93).

17–1. *скирд* (*scherden*) – транслитерация русского слова. *С. Н. Ф.*

17–2. *...чумное поветрие...* – Имеются в виду эпидемии 1566–1572 гг., бравшие свое начало из Полоцка в 1563 г. В 1566 г. эпидемия распространилась в порубежной зоне, местах наиболее постоянных военных действий и прилегающей к ним территории – на Смоленск, Великие Луки, Торопец, Новгород, Псков, Можайск и другие города. Один из кратких летописцев под 1568 г. сообщает: «мор был силен по всей Русской земли». Благодаря принятым мерам первоначально удалось не допустить распространения болезни в Москве. В 1569–1571 г. эпидемия захватила Москву и другие города. Составитель Морозовского летописца писал, что «такового поветрия не бысть, отнеже и царство Московское начася, понеже невозможно исписати мертвых множества ради». На Устюге в 1571 г. умерло 12000 человек, «опроче прихожих», «а мерли прищем да железою» (ПСРЛ. Т. 13. С. 404; Т. 29. С. 351, 352; ПЛ. Вып. 2. С. 244, 248, 249; НЛ. С. 336; *Шлихтинг.* С. 59; *Зимин* 1950. С. 21, 22; С. 109; *Тихомиров* 1979. С. 197, 227; *Альшиц* 1956. С. 427-430; *Кобрин* 1958-а. С. 266-267; *Зимин* 2001. С. 389-397). Однако из центральных районов болезнь вторично распространялась на запад. Ливонские крестьяне называли новую вспышку болезни «русским бедствием» (*Чумиков* 1898. С. 19). *С. Н. Т.*

17–3. *Offene stadt* – город, «ворота которого не заперты, открыты, в более широком смысле – не окруженный стенами и без ворот, не укрепленный» (*Grimm.* Bd. VII. Sp. 1167-1168). *С. Н. Ф.*

17–4. *...городах, монастырях, незащищенных посадах и деревнях...* – Перечисление типов населенных мест в «Описании России» Штадена обращает на себя внимание тем, какое высокое место автор отвел монастырям, упомянув их вторыми после городов, т. е. поселений, имевших оборонительные сооружения. Неукрепленные посады или слободы, по-видимому, к этому времени тоже получили достаточно широкое распространение. Удивляет отсутствие княжеских или боярских усадеб и отсутствие дифференциации крестьянских поселений, суммированных термином «деревни», из которых не выделены села.

17–5 *...никто не мог добраться друг до друга* – Изолирование местностей, пораженных эпидемией, в средние века было обычным способом, которым пытались прекратить распространение болезней. Заставы во

время «морового поветрия» практически останавливали передвижение людей и товаров, задерживали поездки дипломатических представителей. Ответственные за прекращение всех видов коммуникаций люди в случае небрежения сами могли оказаться сожженными. Так, кн. В. М. Гвоздеву царь угрожал: «а будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия, и вам быть от нас самим сожженными» (*Альшиц* 1956. С. 429). Естественно поэтому рвение не только светских, но и духовных лиц. Первые в Новгороде, например, в 1566–1567 гг. «которые люди побегоша из града, и тех людеи, беглецов, имаша и жгоша», а вторые должны были исполнять «человеколюбивый» запрет исповедывать больных: «а учнет которои священник тех людеи каяти, бояр не доложа, ино тех священников велели жещи с теми ж людьми с болными» (НЛ. С. 111, 391; *Шокарев* 2002. С. 182).

17–6 *...большие канавы...* – скудельницы, кладбище, общее место погребения, общие могилы, где вне святой земли хоронили бродяг, безродных убитых, самоубийц, утопленников или погибших во время мора и различных общих «по какому-либо несчастному случаю» (*Даль*. Т. 4. С. 212). В Семик (четверг седьмой недели по Пасхе) покойников отпевали, а ямы закапывали (См. подробнее: *Снегирев* 1826. С. 235-263). В часовнях при скудельницах, носивших то же наименование, в Дмитриеву субботу служили общую панихиду.

17 об.–1. *...особые церкви...* – Как правило, это были деревянные церкви «однодневки», т. е. выстроенные в течение одного дня в соответствии с народными поверьями о возможностях избавления от подобного бедствия (*Zelenin* 1927. S. 70; *Он же*. 1911).

17 об.–2. *...слон вместе с арабом...* – подарок персидского шаха Тахмаспа I Сефеви (1524–1576), потенциального противовеса Османской империи в мировой политике (*Бушев* 1976; *Кримьский* 1996. С. 149-153, 157-158), рассматривавшегося возможным союзником царя. Слон вызвал пристальное внимание жителей столицы и оказался отмеченным в летописях (ПСРЛ. Т. 34. С. 202), как и другие экзотические для России животные, в частности львы.

17 об.–3. *...в тайных корчмах...* – В противоположность царским устройство и открытие частных корчем разрешалось лишь иностранцам. Иногда вместе с кормлением предоставлялось и право устройства «карчмы». Такое право получил 25 мая 1567 г. Н. П. Клементьев Чепчугов в г. Опочка (АСЗ. Т. 1. № 297. С. 289). Он же в качестве наместника в Арза-

масе в 1585 г. мог держать там два кабака с «питьем», медом, пивом и вином, в том числе и горячим (*Успенский.* Ч. 2. С. 89). Городское же и сельское население могло иметь подобные напитки лишь две недели в год – на масляной и великоденской неделях. Тому же Клементьеву Чепчугову вменялось в обязанность вести борьбу с нарушителями запрета в г. Опочка и налагать на них штраф в размере двух рублей. То же касалось и крестьянских братчин (Там же. № 298. С. 290; Ср.: *Ульфельдт* 2002. Комм. 105. С. 377). Нарушителей подобного запрета, видимо, было достаточно много.

17 об.–4. *...бросают кости* – Игра в кости была излюбленной азартной игрой и в XVI столетии, и в следующем (*Веселовский* 1909. С. 291-306; *Бахрушин* 1987. С. 118-141; *Чернышев* 1928. С. 45-68).

17 об.–5. *посад Городки* – И. И. Полосин идентифицировал с посадом Городецким, Бежецкого у. (*Полосин* 1963. С. 169). Более вероятным, в силу близости к столице, представляется идентификация этого пункта с местностью Городок – Городец, некогда резиденцией звенигородских князей, а в XVI в. – посадом Звенигорода. В самый город в XVI в. отправляли пленных ханов (*Кистерев* 1998. С. 65-88). Неподалеку от столицы в некогда бывшую столицу звенигородских князей, окруженную высоким валом, могли сослать и опального слона.

17 об–6. *сохи* (*schogen*) – Население сох – это черные люди (*Штаден* 1925. С. 93). Примечательно, что жителей посадов (Flecken) Штаден называет *Bürger*, то есть горожанами. Штаден четко заметил, что основным занятием жителей посадов и слобод были ремесло и торговля.

18–1. *...[слон] издох...* – В отличие от Штадена, объясняющего убийство слона жестокостью пьяниц, с одной стороны, и суевериями царя – с другой, П. Одерборн видит главную причину гибели подаренного слона в том, что тот не покорялся дрессировке и не оказывал искомого Иваном Васильевичем почтения к его царскому достоинству. Царь жаждал увидеть слона на коленях перед собой и добивался этого, прокалывая ему жезлом кожу на лбу (*Полосин* 1963. С. 211). Однако слон такого метода дрессировки не понимал, за что и потерял жизнь.

18–2. *...те, которые в опричнине... с земскими браком* – Штаден возвращается к теме опричнины и дополняет свои предшествующие сообщения о присяге, даваемой опричниками при поступлении в опричники. См. выше 10-5.

18–3. *...город и крепость...* – В данном случае Штаден разделяет эти особые виды поселения, дополняя описание города сообщением о крепости, которая ранее Штаденом не была выделена (Ср. комм. 17-3, 17-4).

18–4. В принятой Фр. Эпштейном редакции текста были выпущены имеющиеся в рукописи слова, далее выделенные курсивом: *nahm er auch von den umbligenden vorsteten ein oder zwei strassen in der strassen nach sich in Aprisna.* Если сохранять верность рукописному тексту, можно перевести таким образом: «он забирал себе в опричнину также из прилегающих предместий 1 (одно) или 2 (две) улицы в улицах (или из улиц)». Подобный, отнюдь не гладкий перевод исходит – помимо самого текста – из представления об появлении улиц в предместьях, часть которых была еще лишена оных, ибо улицы формировались с большим отставанием от основания того или иного поселения. Даже в Москве первоначальным ориентиром в городе были не улицы, а церкви, к которым стягивались различные пути, со временем превращавшиеся в улицы (*Хорошкевич* 1997-б. С. 113, 116-117). К сожалению, о расширении опричной территории в столице за счет улиц на протяжении опричного периода судить крайне трудно, ибо имеются материалы лишь об отдельных дворах, откуда выселяли земских.

18 об.–1. *...чтобы... дали им... другие имения в других областях* – Проверить утверждение о наделении землей лиц, исключенных из опричного списка, довольно трудно, поскольку до сих пор, несмотря на усилия нескольких поколений историков, точно неизвестна территория опричнины. Так, в частности, нельзя ответить, был ли связан с опричниной обмен волоцких владений И. В. Меньшого Шереметева на дворцовые земли и деревни Никольского Дудина монастыря, произведенный по распоряжению царя 12 марта 1571 г. Против подобного предположения говорит дата акта (это время, когда опричнина уже сходила на нет), с одной стороны, а, с другой, и сами условия обмена, ибо новые владения Шереметев должен был «держать по старым крепостям, по которым крепостям держал вотчину свою в Волоцком уезде» (АСЗ. Т. 1. № 303. С. 295-296). Скорее речь шла об обычном для этого времени выселении из центра лиц, попадавших в опалу или просто немилость (*Зимин* 2001. С.198-199. Ср. *Павлов* 1990).

18 об.–2. *...речка* (нем. *Bach*). Для обозначения рек Штаден использует, часто непоследовательно, разные слова: *bach* (как для Неглинной, так и для Москвы-реки, Волги и Оки), *strom* (Онега, Двина, Волга,

Днепр), заимствованное через нидерландский из французского *rever* (Мезень, Онега н т.д.), *fluss* и *wasser* (Шексна). *С. Н. Ф.*

18 об.–3. *...большой двор...* – Речь идет об Опричном дворе, его строительство, в том числе и судных изб, началось в апреле 1566 г. (11 апреля приставы И. П. Новосильцев и Д. Головин должны были отвечать литовскому гонцу Федору Юрше: «волен государь, где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит; от кого ся государю отделивати?» (Сб. РИО. Т. 71. С. 331) и продолжалось до 12 января 1567 г., когда Иван Грозный переехал в Новый двор за Неглинной (Сб. РИО. Т. 71. С. 464-465. Наказ Умному Колычеву). См. комм. 31–1.

18 об.–4. *...земские хотели бы спалить этот двор...* – Сооружение огромного двора, предпринятое в 1565 г., действительно могло вызвать неудовольствие и своими претензиями заменить древний Кремль (двор подобных Кремлю размеров располагался на такой же высоте, как и Боровицкий холм, см.: *Кондратьев, Кренке* 2003. С. 498), и дороговизной строительства. К сожалению, о последнем из-за гибели документов Казны в пожаре 1626 г. точно судить невозможно.

19–1. *Александр Полубенский* – князь Александр Иванович Полубенский (? – 1606 или 1608 г.). От имени отца управлял Новогрудским воеводством, с 1586 г. – новогрудский каштелян. Его наследственные владения располагались в Полоцкой земле, имел владение Деречны в Слонимском пов., был известным полководцем времени Ливонской войны, в Ливонии держал Вольмерское староство. В 1562 г., во время отъезда Я. Ходкевича из Ливонии, он в качестве старосты вольмарского и зегевольдского вступил в переписку с И. П. Федоровым Челядниным (Сб. РИО. Т. 71. С. 87, 88). В 1566 г. осаждал занятый шведскими войсками Каркус. Самой большой удачей было взятие 9 января 1569 г. одного из важнейших пригородов Пскова – Изборска, для которого впрочем, ему не понадобилось применять свое искусство полководца, хотя его сопровождало 800 воинов. Как подчеркивает В. Б. Кобрин, «число переодетых опричниками поляков было 800 человек – их число не вызвало удивления ни у стражи крепостных ворот Изборска, ни у Штадена» (*Кобрин* 2008. С. 101; Сб. РИО. Т. 71. С. 584-610. Ср. комм. 28 об.–12). Его карьера была прервана пленением, последовавшим в результате выдачи его вольмарскими бюргерами ливонскому королю герцогу Магнусу в 1577 г., в период последнего наступления Ивана IV в Ливонии (*Новодворский* 1904. С. 58. Прим. 2; ПИГ. С. 374-381, С. 644). По-

лубенский, по сообщению П. Одерборна, был тотчас отправлен в Москву. В плену он послужил Ивану IV, открыв ему тайну изменнических переговоров Магнуса с польским королем Сигизмундом Августом. В результате был отпущен царем, отправившим с ним свои послания А. М. Курбскому, Таубе и Крузе, Я. Ходкевичу, Т. Тетерину (ПИГАК. С. 103, 165). Царь несмотря на невысокое мнение о самом князе (он высказал его в послании Полубенскому – «дудке, пищалке, самаре, нефирю (то все дудкино племя!)» надеялся с его помощью установить отношения с новым польским королем Стефаном Баторием, что ему и удалось (КП МВКЛ. Т. 2. С. 27-28). А. И. Полубенский в 1586 г. стал новогрудским каштеляном и умер в 1607 г. (*Беляшевский* 1896. С. 304; *Он же.* 1900. С. 117-138; *Epstein.* S. 44. Anm. 7; PSB. T. 28; *Позднякоу В.* Палубінскія // ВКЛ. Энцыклапедыя. Т. 2. С. 392-393).

19–2. *...трое русских бояр...* – *vmar Scarigusin* – Марк (в русских источниках) Сарыхозин, новгородский помещик, по предположению С. Ю. Шокарева, Деревской пятины, бежавший, до ноября 1565 г. (*Шокарев* 2002. С. 183). Судя по фамилии, татарин. Примечательно, что Штаден дает его неруссифицированное имя. Бежал в Литву, вероятно, вместе с А. М. Курбским, он и Т. Тетерин уже в мае-июле 1564 г. обратились с посланием к ливонскому наместнику М. Я. Морозову (РИБ. Т. 31. Стб. 489-490). По сведениям А. М. Курбского, с которым он поддерживал отношения (его послание М. Сарыхозину (см.: Там же. С. 415-417), родственники Сарыхозина истреблены «всеродне» (Там же. С. 307).

Anis – Анисим Сарыхозин – брат Марка, упомянут только Штаденом в качестве участника взятия Изборска.

Тимофей Тетерин – Тимофей Иванович Тетерин Пухов – сын боярский. В 1549/50 гг. в походе на Казань значился «у коня» Ивана IV. В тысячной книге 1550 г. записан по третьей статье в Суздале, но в Дворовой тетради – по Можайску (ТКДТ. С. 64, 186). В 1554 г. направлен на «казанские места» через Соль Вычегодскую. В 1556 г. в походе на Астрахань – стрелецкий голова. В 1558 г. с сеунчем о победоносном походе в Ливонии вернулся в Москву. В конце 1559 г. совершил последнее громкое дело на службе у Ивана IV – участвовал в разгроме рыцарского войска, покинувшего Юрьев (РК 1475–1598. С. 123, 148; ПСРЛ. Т. 29. С. 244, 260, 261, 263, 264, 266, 268, 282). Военная карьера на стороне России завершилась в 1563 г. насильственным пострижением в монахи под именем Тихона и ссылкой в Антониев Сийский монастырь, где он, веро-

ятно встретил Артемия. В 1564 г. расстрига покинул Россию, предстал, как пишет Штаден, перед королем в камилавке, что отнюдь не помешало ему занять довольно заметное место в ВКЛ (РИБ. Т. 31. Стб. 489-493). Ему, как и другим беглецам (Кошкарову и Хотену Валуеву) «именьишко подаваны от вифлянскои границы, а приезжи к старосте к жемотцкому (Я. Ходкевичу. – *А. Л. Х.*) и на службу с ним ходят» (Сб. РИО. Т. 71. С. 807. 1571 г.). Тетерин вместе с М. Сарыхозиным направил в мае-июле 1564 г. послание ливонскому наместнику М. Я. Морозову. Первый ответ последовал вскоре: в 1565 г. было сослано в Казань 11 Тетериных, 17 человек из этого рода расплатились жизнью за бегство Тимофея-Тихона (*Скрынников* 1992. С. 187, 188). Письменный ответ Т. Тетерин (уже один) получил не сразу, а через 13 лет, и не от воеводы, но от царя, которому не терпелось оповестить беглого «холопа», что находится «в убежище твоего государя князя Андрея Курбского» – в своей «вотчине» в городе Вольмаре (ПИГ. С. 212, 389. 12.IX.1577 г.). На этом внимание царя к рядовому сыну боярскому – «ростриге богатырю» не угасло. Иван IV требовал выдачи Тетерина не только в 1581 г., но и, позднее, его сына Федора (Сводку сведений других источников см.: *Epstein*. S. 44-45; *Веселовский* 1963. С. 121, 454; *Зимин* 1960. С. 146; *Шокарев* 2002. С. 184).

19–3. ...*«Открывай, я из опричнины!»* – Если эти слова действительно произнес Полубенский или кто-либо из его воинов, следует думать, что они настолько владели русским, что выговор не вызвал подозрений.

19 об.–1. ...*поляки застали врасплох Изборск*... – Штаден не делает различия между поляками, литвинами и русью – будущими белоруссами и украинцами. Впрочем эта традиция сохранилась и позднее.

Дата взятия Изборска в разных источниках определяется почти одинаково. В псковской третьей летописи это: «7077-го году Литва взяла Изборск оманом, впрошалися опритчиною, генваря в 11 день» (ПЛ. Вып. 2. С. 261; *Зимин* 2001. С. 182). Гваньини относил это событие к 9 января (*Гваньини*. С. 129). Изборск, несмотря на крепкие и высокие стены, переходил из рук в руки не только в январе 1569 г., но и в 1581 г. Но и во второй раз польско-литовская власть в городе продержалась недолго.

В 1569 г. к городу были отправлены и земские (во главе с М. Я. Морозовым и И. В. Меньшим Шереметевым) и опричные (во главе с З. И. Очиным-Плещеевым и В. И. Умным Колычевым) войска. Город был возвращен в состав России действительно через две недели. На надгробии Стефана Иванова сына Скрыпицына, убитого «от Литвы» под

Изборском, стоит дата 23 января 1569 г. (*Плешанова* 1966. С. 174). Однако даже за те две недели, что Изборск находился в руках кн. Полубенского, их воины были наделены имениями и крестьянами. С. Ю. Шокарев считает, что речь шла о пленных, попавших в Россию после освобождения Изборска в конце января 1569 г. (*Шокарев* 2002. С. 185). Однако следующая фраза – о казни тех, кто хотел удержать только что полученные имения, говорит против этого предположения.

Иван IV требовал возвращения стрелецких голов, захваченных в плен в 1569 г. С этой целью в ВКЛ был направлен сын боярский Федор Мясоедов (Сб. РИО. Т. 71. № С. 588-589; КП МВКЛ. Т. 1. № 180. С. 279). В июле вернулись изборский наместник А. Нащокин, городовой приказчик Р. Перхуров и ямской дьяк А. Иванов. Все трое, по Шлихтингу, были казнены в Александровой слободе (Там же. С. 605; *Шлихтинг*. С. 40; *Гваньини*. С. 151; *Скрынников* 1992. С. 361). При взятии Изборска русскими войсками они захватили в плен 100 человек, из них 50 во главе с ротмистром Ф. Г. Путятой вернулись на родину в обмен на изборских представителей власти и приказных. На остальных царь хотел выменить изборских пленников, попрежнему находившихся в ВКЛ. На тех же условиях пытался получить образ Богородицы, находившийся в Вильне, но все это оказалось безуспешным (Сб. РИО. Т. 71. С. 585, 609, 654). В. А. Колобков считал, что «заурядный случай кратковременного захвата города... превратился в новгородскую измену», и даже послужил перемене политического курса, направленного отныне на ликвидацию опричного землевладения (*Колобков* 2004. С. 383).

19 об.–2. *Русские захотели отдать полякам Феллин, Тарваст и Мариенбург в Ливонии* – Сообщение Штадена о желании русских сдать три крепости – Феллин (Вильянди), Тарваст (Тарвасту), Мариенбург (Алуксне) уникально. Разумеется, потеря, пусть и временная, Изборска вызвала у царя подозрение в «измене». Он не ограничился казнями воеводы, приказчика и дьяка, попавшими в плен: после возвращения Изборска та же участь постигла подьячих и двух псковичей. Шокарев вслед за Скрынниковым связывал с изборской «изменой» и высылку новгородцев и псковичей и их казнь в Торжке и Твери во время новгородского похода конца 1569 г. (*Скрынников* 1992. С. 361; *Шокарев* 2002. С. 185; *Колобков* 2004. С. 353). Не исключено, что новгородские и псковские казни не имеют отношения к попытке передать три ливонские крепости литовцам.

19 об.–3. *...их головы привезли в мешках в Москву* – Способ оповещения о произведенной казни, практиковавшийся и ранее (при убийстве Филиппа Колычева) соответствует восточным обычаям (*Krug* 1837. С. 218; *Epstein*. S. 45. Anm. 6).

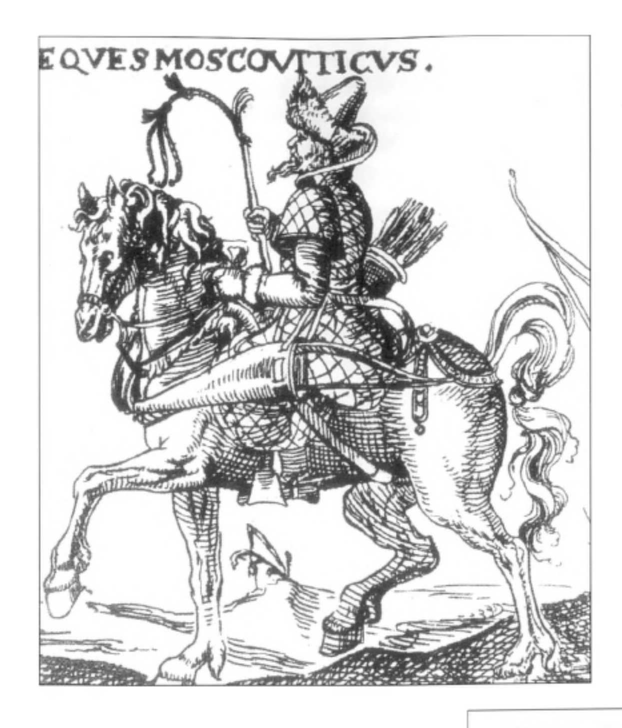
19 об.–4. *...не впускать никого, кто якобы из опричнины* – Указ не впускать в пограничные крепости и города людей, объявляющих, что они из опричнины, – если таковой был, – можно рассматривать, как первый шаг к ее отмене.

19 об.–5. *Западное море (westsehe)* – Идентификация этого гидронима представляет трудности в связи с подвижностью географической терминологии XVI в. Эпштейн оставил открытым вопрос о том, какое море имел в виду Штаден, – Балтийское или Белое (*Epstein*. S. 46). Шокарев обходит этот вопрос вообще. Трудно думать, чтобы Штаден, уже покинув Москву и отправившись на север, мог знать о том, на какие махинации решились опричники на побережье Балтики. Если даже во время выбора невест он еще был в пути и не достиг побережья, то обстоятельства новой проделки опричников ему могли быть рассказаны по ее свежим следам. Кроме того, на Балтийском побережье проживали в основном не русские люди. Вряд ли любовь царя к иноземцам была так велика, чтобы он согласился жениться на латышской или эстонской крестьянке. На северное побережье Белого моря намекает и социальный состав тех лиц, у которых опричники вымогали деньги под предлогом выбора невесты для царя, и характеристика населенных пунктов, где они проживали. Штаден пишет о неукрепленных поселениях, богатых купцах и крестьянах, ни словом не упоминая о привилегированных сословиях, что также указывает на черносошный север, переживавший в тот период расцвет благодаря широким иноземным связям (*Копанев* 1978). И. П. Шаскольский, вводя в оборот финский источник середины XVI в. о Карелии, несколько неуверенно писал о том, что Западное море – это Ледовитый океан, указывая одновременно, что в раннем средневековье так именовали Северное море, а позднее Атлантический океан (*Шаскольский* 1973. С. 126). В предшествующей Штадену географической традиции, в частности у Олая Магнуса, Белое море считалось озером, занимая территорию Кандалакшского залива (*Савельева* 1973. С. 79; *Вальдман* 1973. С. 92).

19 об.–6. *Тем самым они добывали деньги* – Шокарев обратил внимание на свидетельство Таубе и Крузе о выборе невест для царя и царевича Ивана Ивановича, где речь шла о девушках «высшего и низшего со-

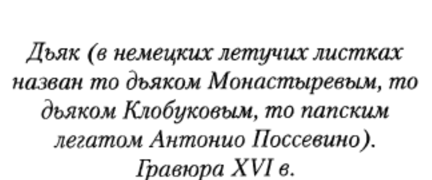

Василий III. Гравюра из книги С. Герберштейна «Записки о Московии». 40-е гг. XVI в. С гравюры А. Хиршфогеля

Русский всадник.
Гравюра Г. Хиршфогеля
из книги С. Герберштейна
«Записки о Московии».
40-е гг. XVI в.

Дьяк (в немецких летучих листках назван то дьяком Монастыревым, то дьяком Клобуковым, то папским легатом Антонио Поссевино).
Гравюра XVI в.

Царское место в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.

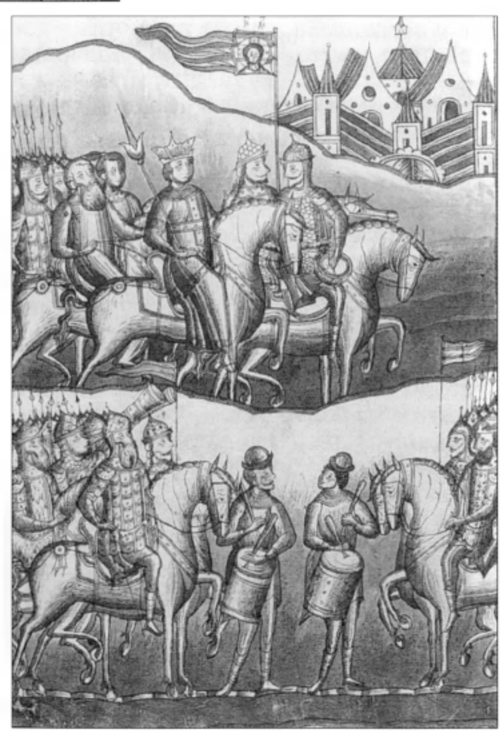
Г. Вайгель. Иван IV Васильевич.
Гравюра 80-х годов XVI в. Нюрнберг.

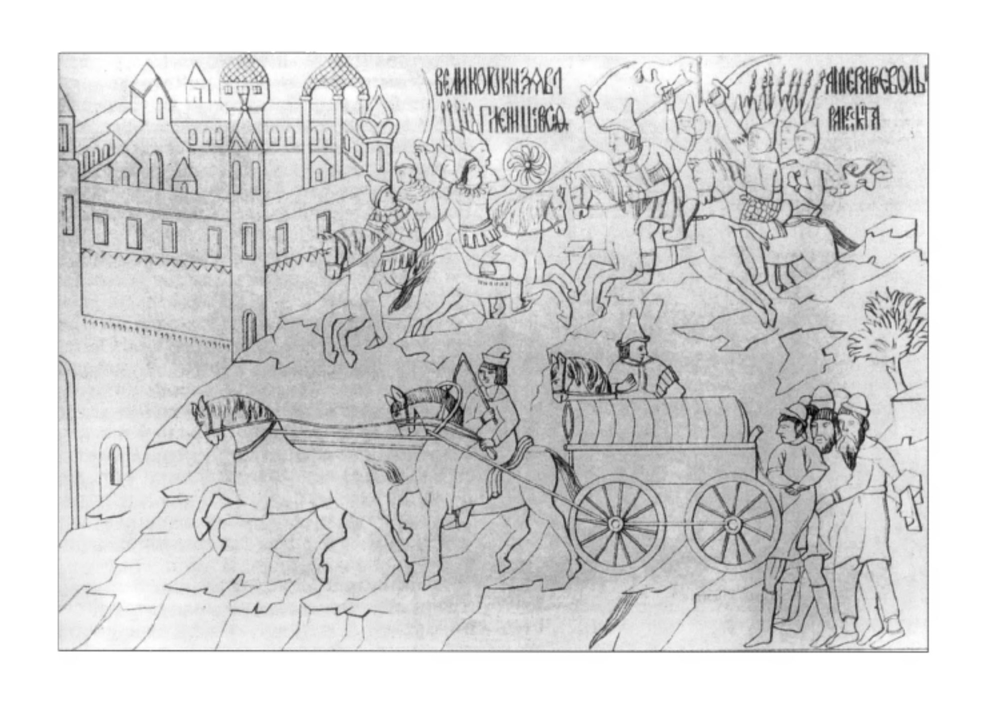
Царь Иван Грозный. Парсуна «белорусского» письма. XVII в.

*Выход в поход.
Красноглиняный изразец
XVI в. Гос. музей-заповедник
«Коломенское»*

*Выступление в поход.
Миниатюра из «Истории о
Казанском ханстве»
XVII в. БАН*

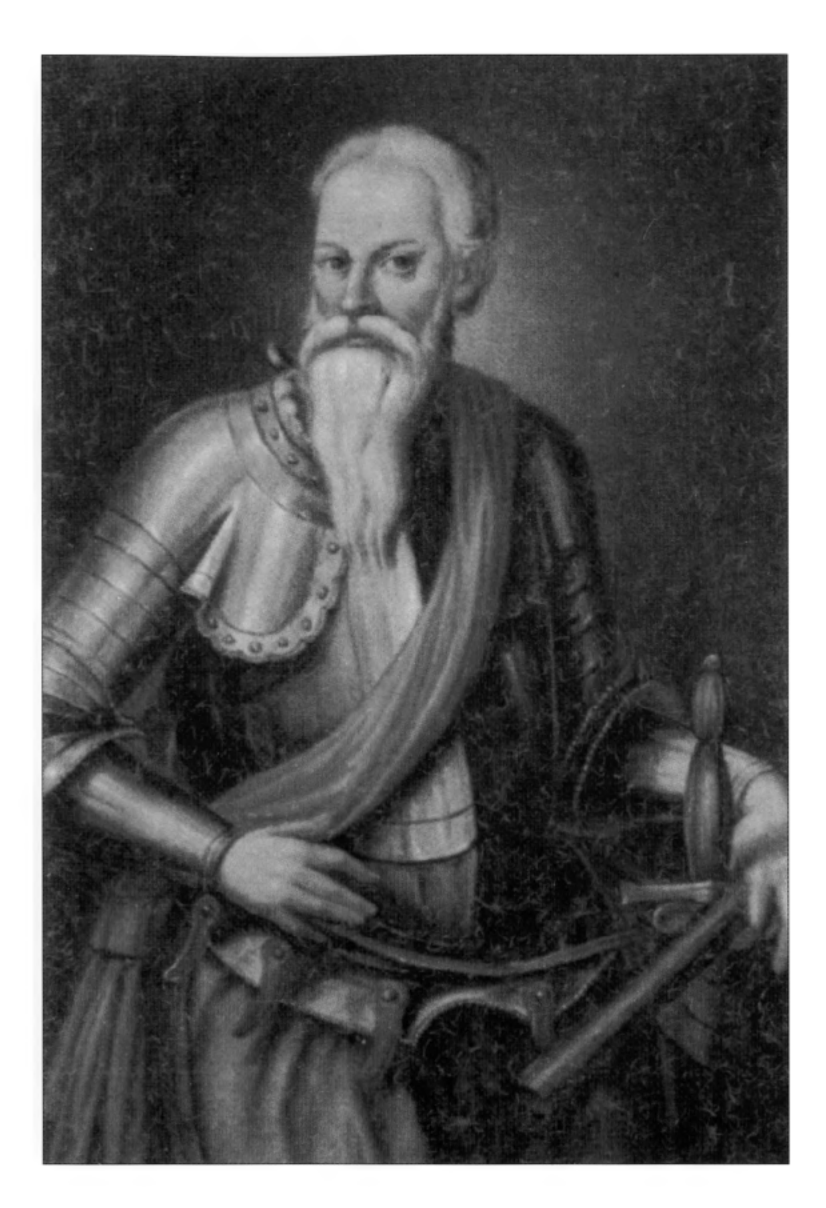
Пленные. Деталь Царского места в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г. Прорись

Печать XVI в. с изображением Магнуса

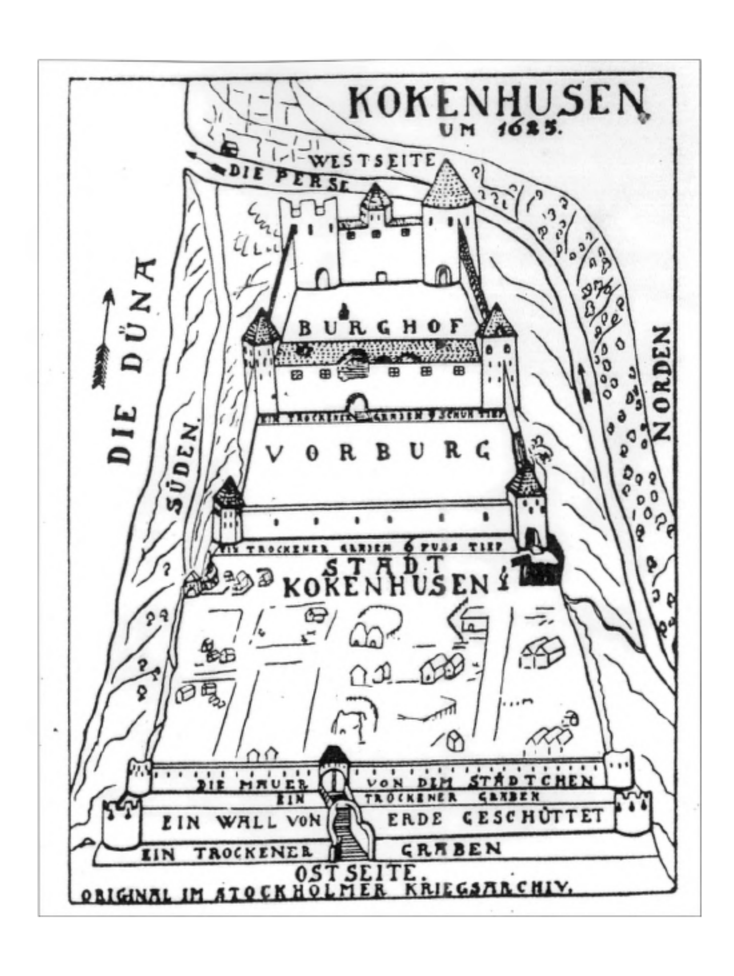
Портрет Марии Владимировны Старицкой

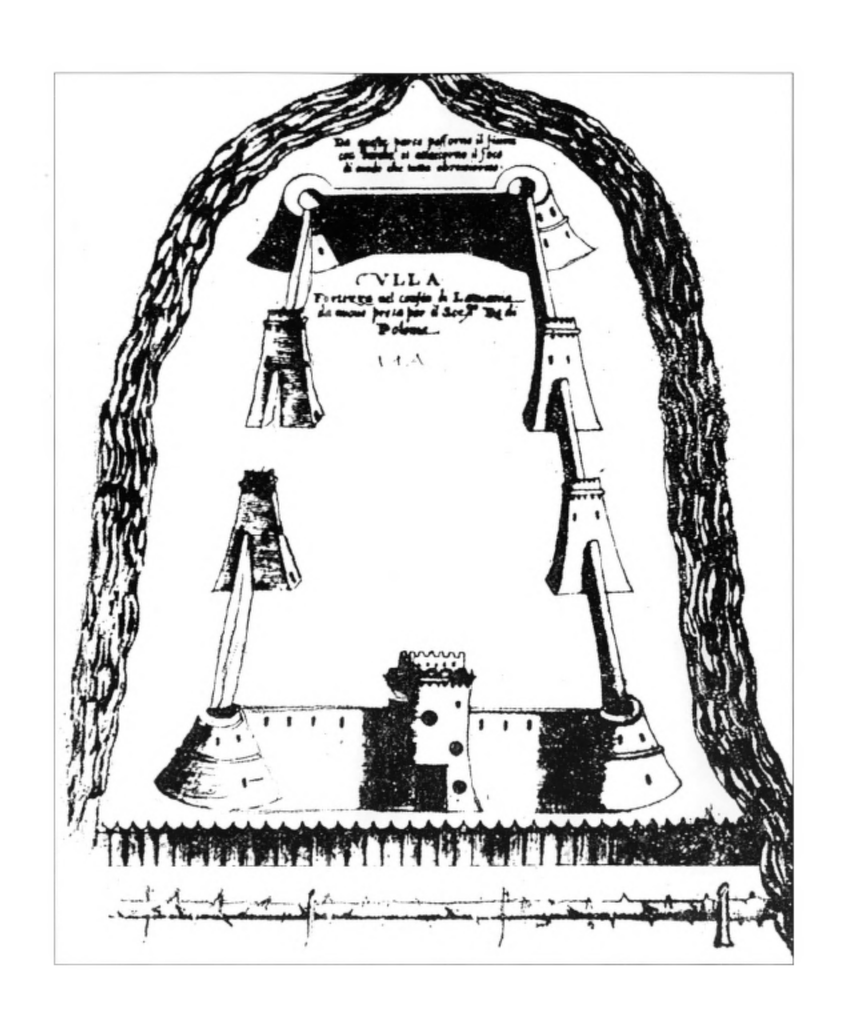
Миколай Радзивилл «Рыжий». XVII в.

Печать Миколая Радзивилла. XVI в.

Шведский план крепости и города Кокнезе (Кокенгузен). 1625 г. Копия

План крепости Улла. 1579 г.

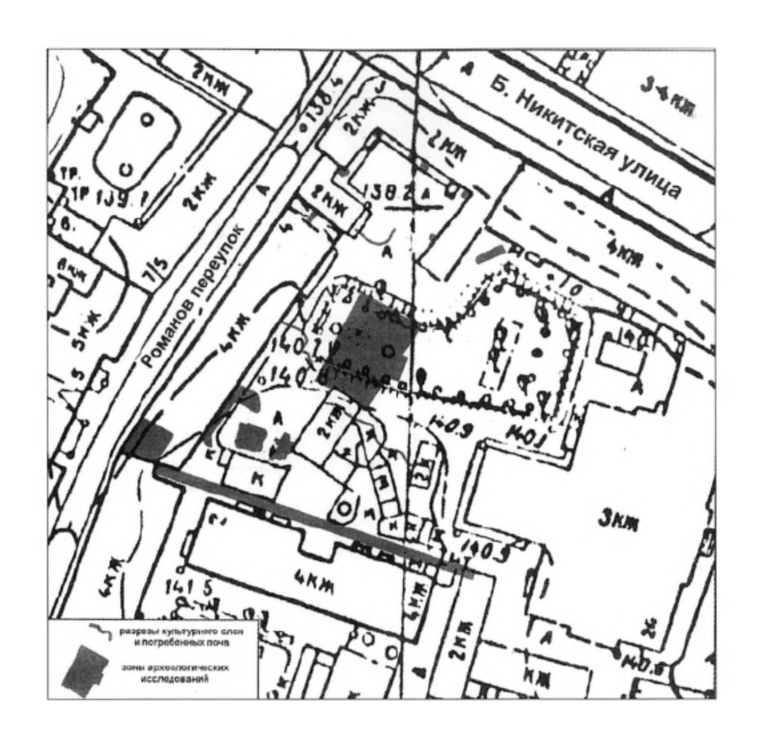
Копание рва от Боровицких ворот к Москве-реке.
Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. РНБ

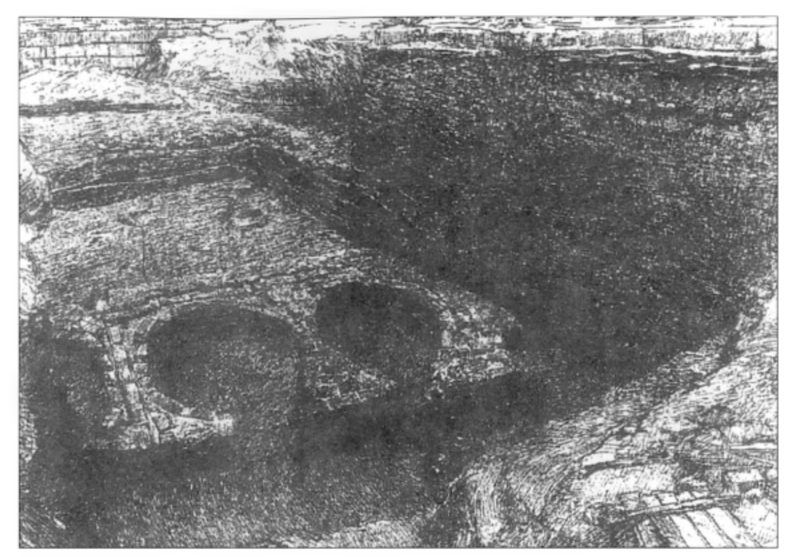
Московские храмы: Успенский собор; собор св. Алексея (миниатюра XVII в.); собор Василия Блаженного; церковь в с. Дьяково

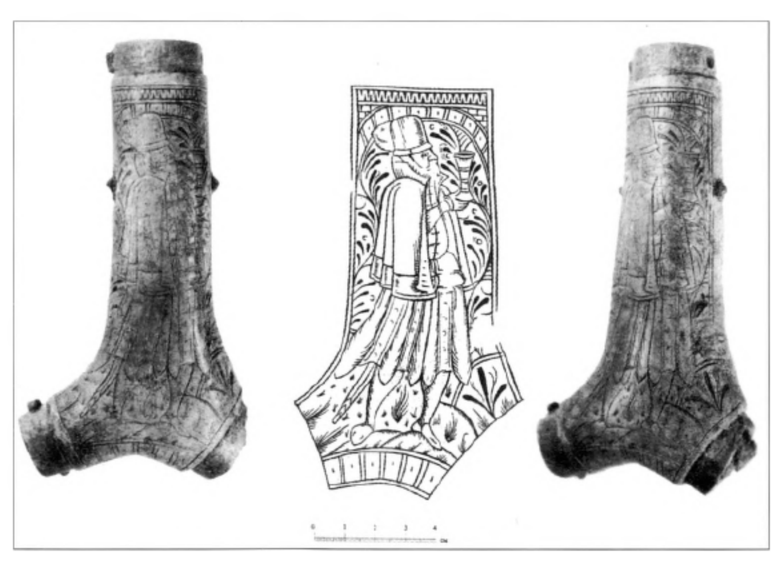
Английское подворье в Москве, в Зарядье. XVI–XVII вв.
(современный вид)

Опричный двор в Москве, ситуационная схема археологических раскопок на «Романове дворе» (ул. Моховая, д. 9) Н.А. Кренке

Романов двор. Блок варочных надворных печей XVI в. в раскопе 1998 г.

Романов двор. Пороховница

Въезд царской семьи в Александровскую слободу.
Миниатюра Лицевого свода XVI в.

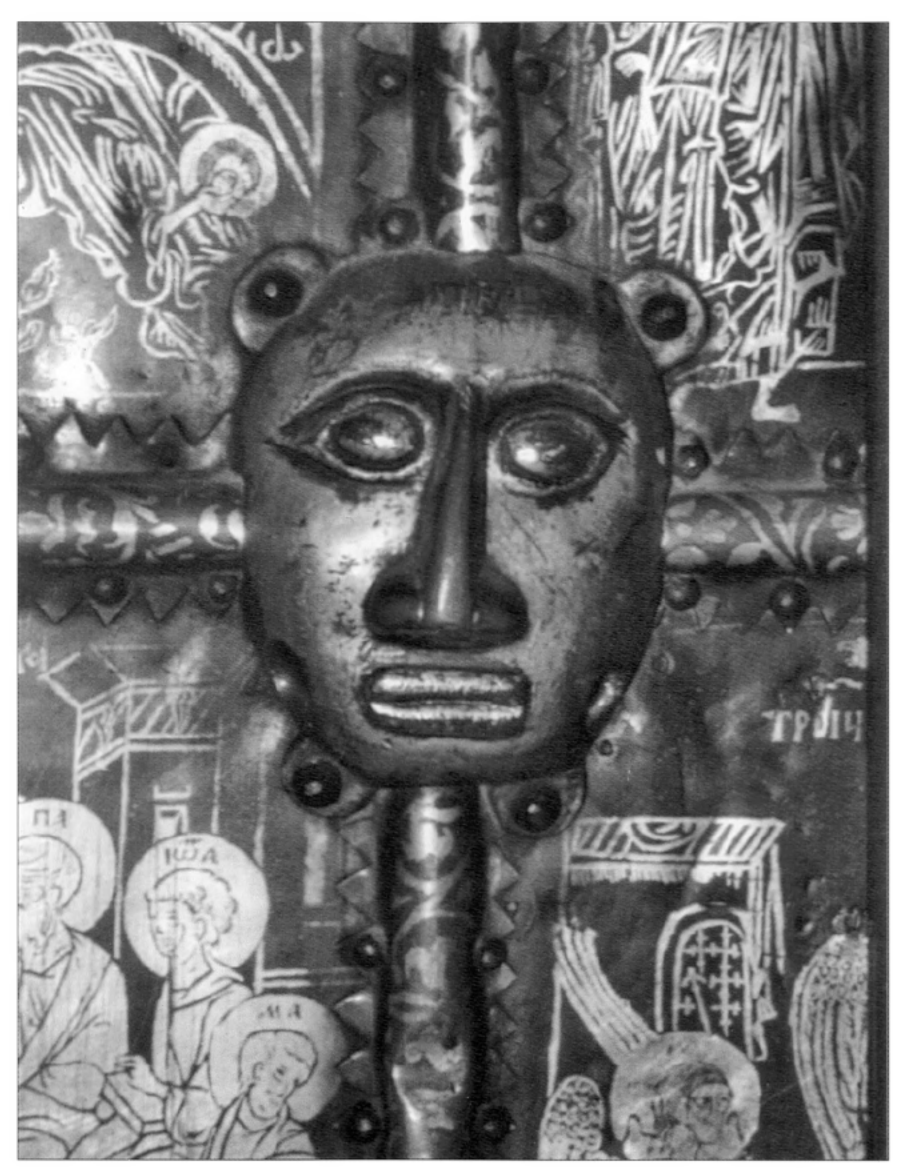
Графитти с изображением двуглавого коронованного орла на памятнике Александровской слободы

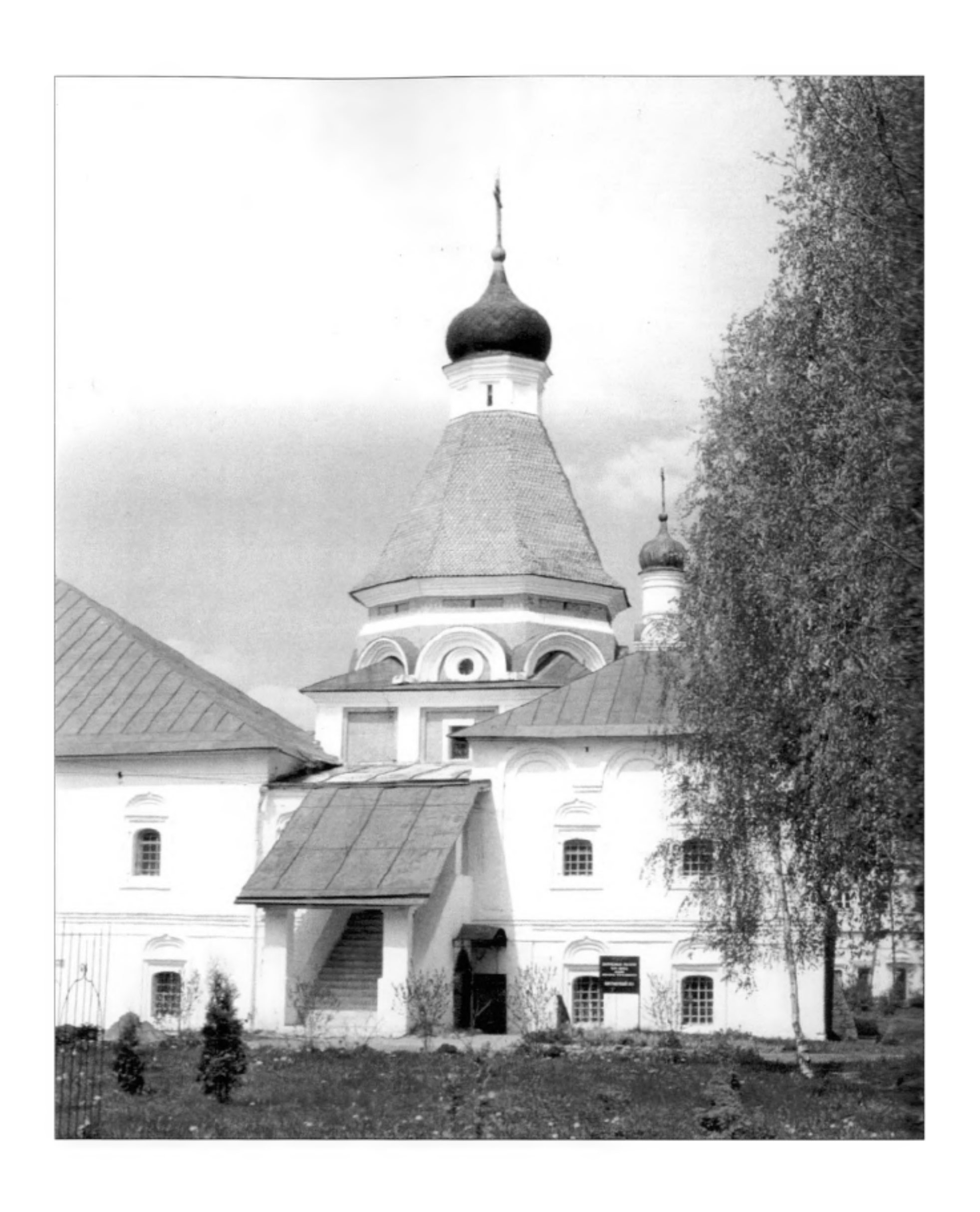
Покровский собор (ныне Троицкий) Александровской слободы

Покровский собор (ныне Троицкий). Васильевские врата. XIV в.

Покровский собор (ныне Троицкий). Васильевские врата. XIV в. Фрагмент

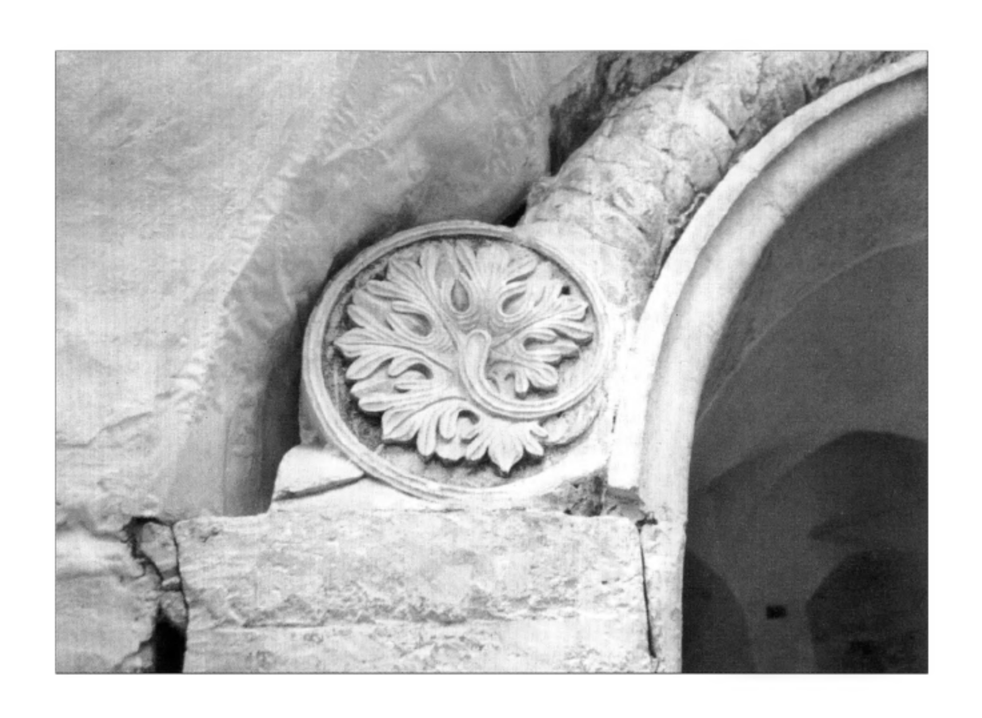
Троицкая (ныне Покровская) церковь в Александровской слободе. XVI–XVII вв.

Троицкая (ныне Покровская) церковь в Александровской слободе. XVI–XVII вв.

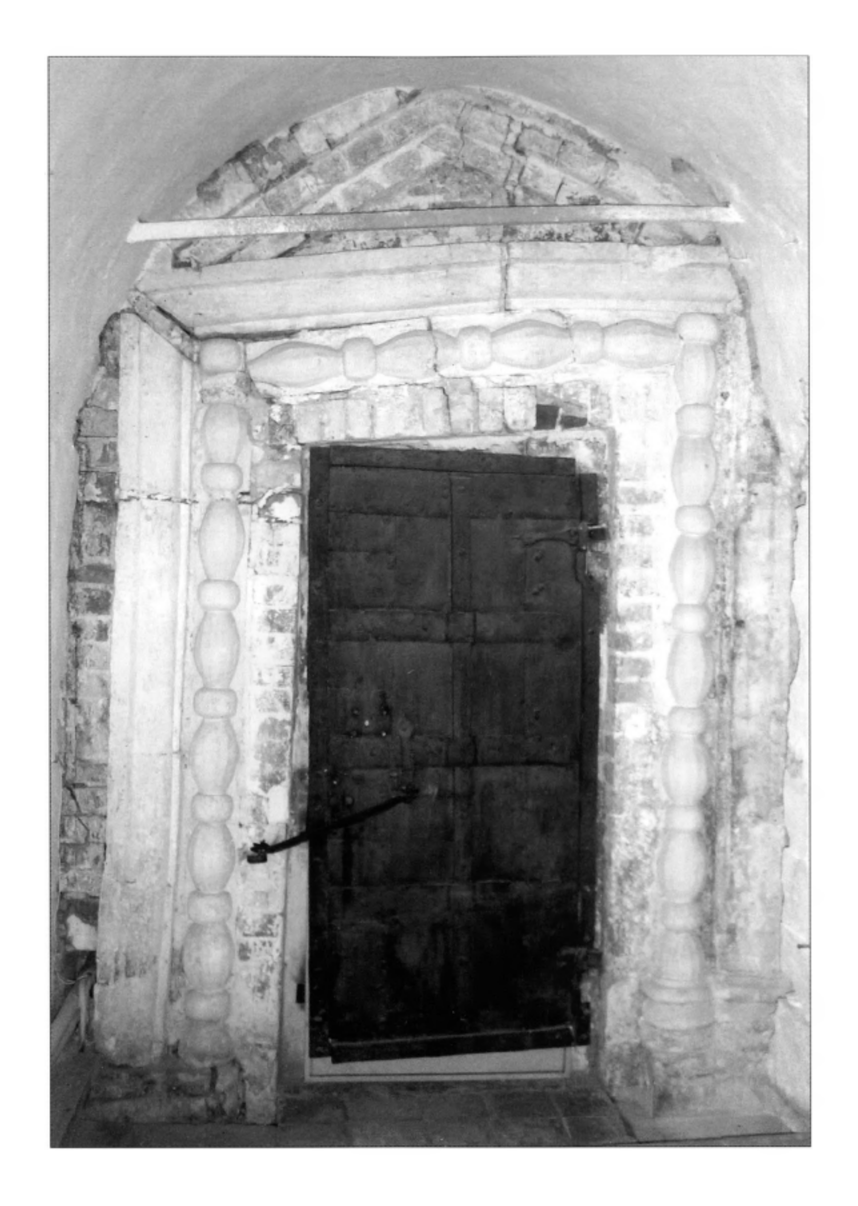
Троицкая (ныне Покровская) церковь в Александровской слободе. XVI–XVII вв.

Завершение Западного портала Троицкой (ныне Покровской) церкви. XVI в.
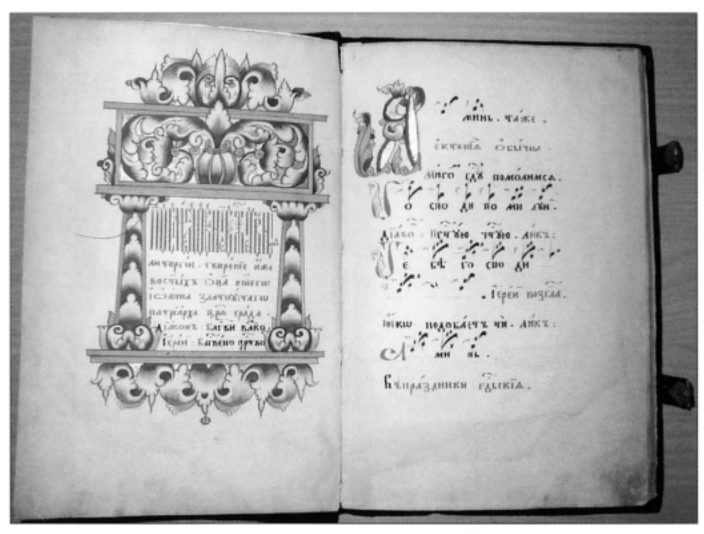

Лик Адама. Восточная грань шатра Троицкой (ныне Покровской) церкви в Александровской слободе. Около 1571 г. Фотография 1926 г.

Портал Федоровского придела Троицкой (ныне Покровской) церкви. XVI в.

Слободская псалтырь 60-ых годов XVI в.

Рукописный сборник с нотами «осмогласного» пения.
Из собрания музея Александровской слободы

Поддон медного подсвечника XVIII–XIX (?) в. с изображением опричника

Казни Ивана Грозного. Гравюра из немецкой книги «Разговоры в царстве мертвых». 1725 г.

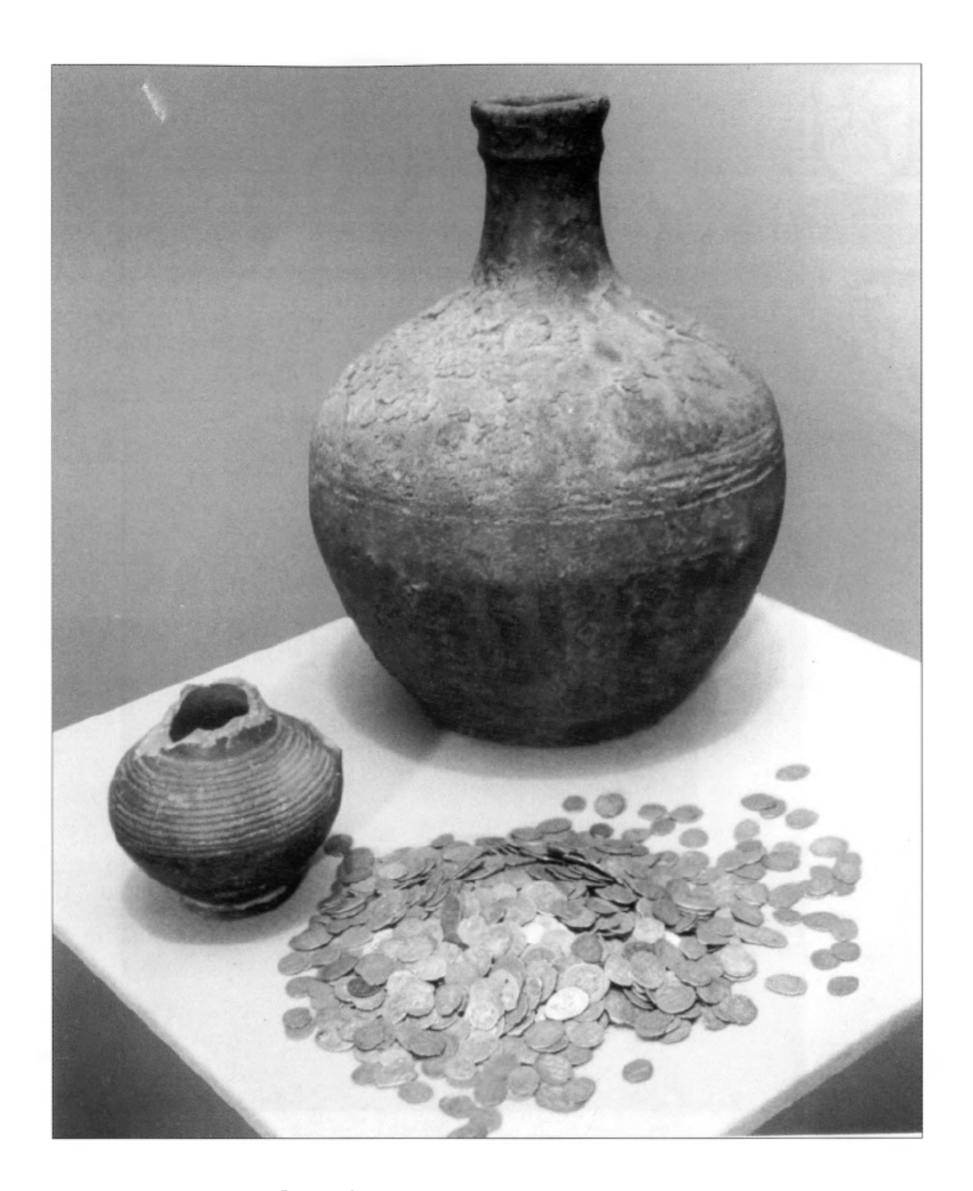
Митрополит Филипп (Колычев). Миниатюра XVII в. ГИМ

*Богоматерь Волоколамская, с избранными святыми на полях. 1572 г.
Музей им. Андрея Рублева, Москва. Согласно преданию, исполнена в Москве
в 1572 г. по заказу Малюты Скуратова (Григория Бельского)
для Иосифо-Волоколамского монастыря*

Город Ален. 1616 г.

Клад серебряных монет кон. XVI – нач. XVII в.
Из собрания музея Александровской слободы

Надгробие Каспара Эльверфельда.
XVI в. МИГМ

Богоматерь Одигитрия, типа Тихвинской, со сценами жития Богоматери. Кон. XV в. Новгородский историко-художественный музей-заповедник

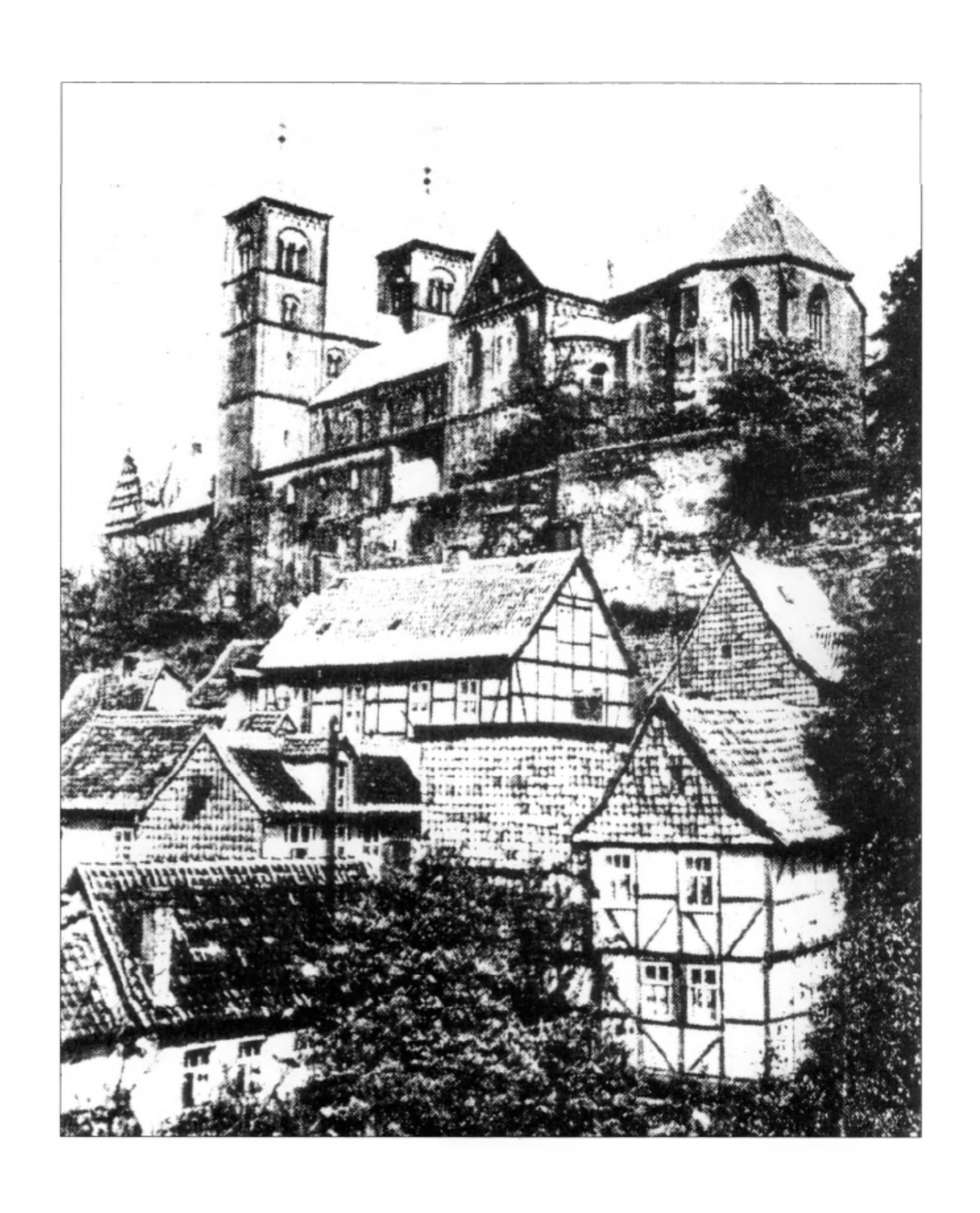

Богоматерь Одигитрия Тихвинская. Втор. четверть – середина XVI в.
Музей им. Андрея Рублева. Москва

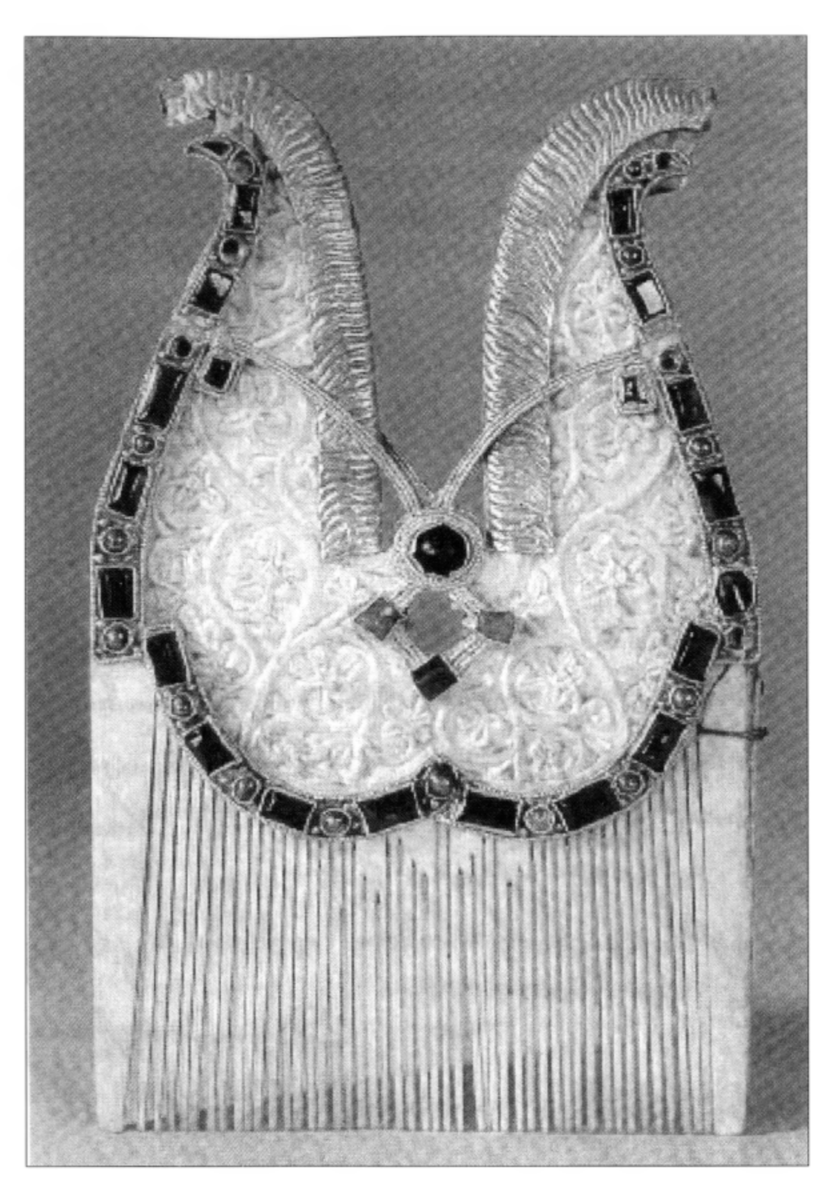

Езда на оленях в Карелии. XVIII в.

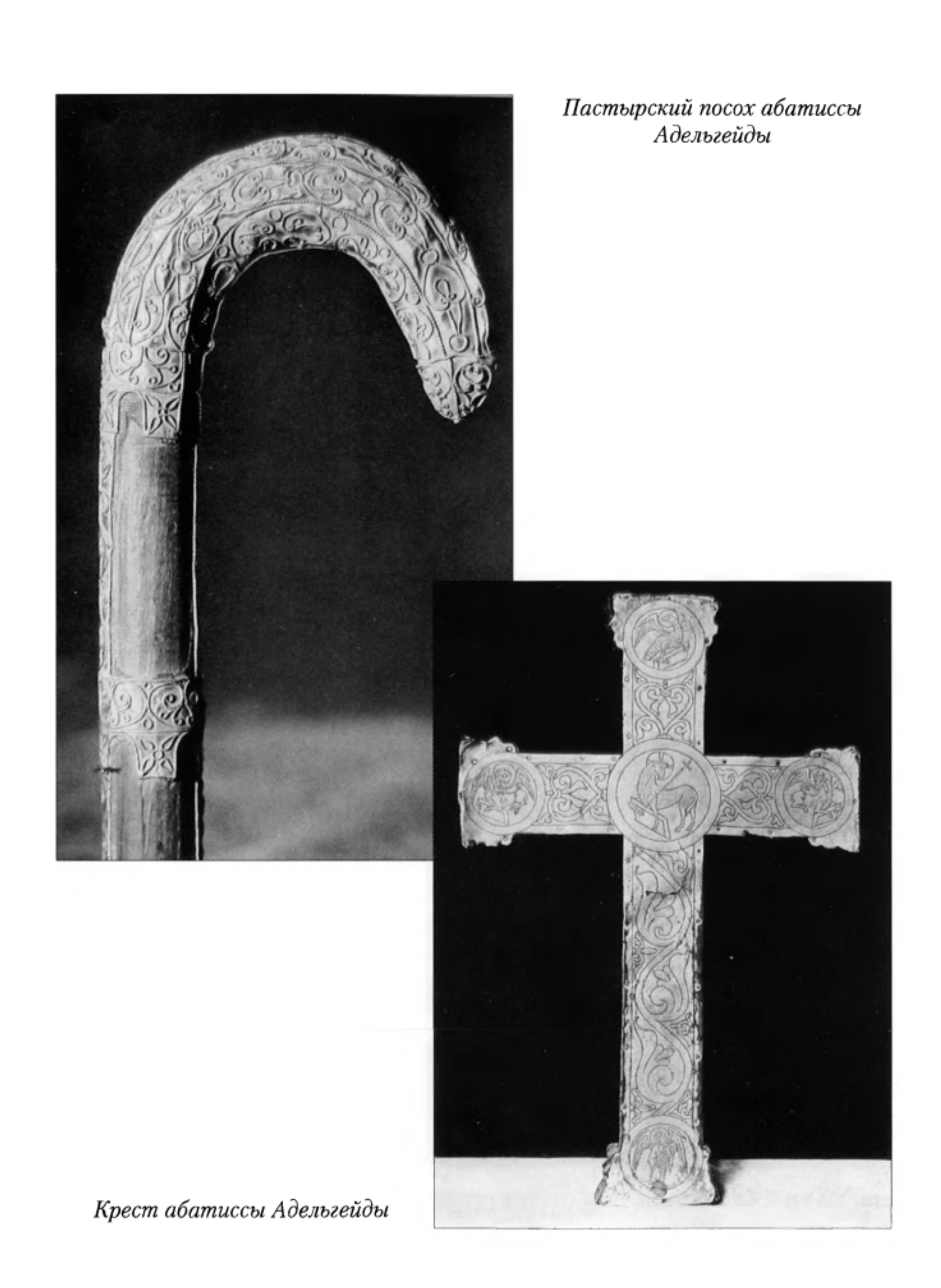
Автограф Штадена

Вид города Кведлинбурга

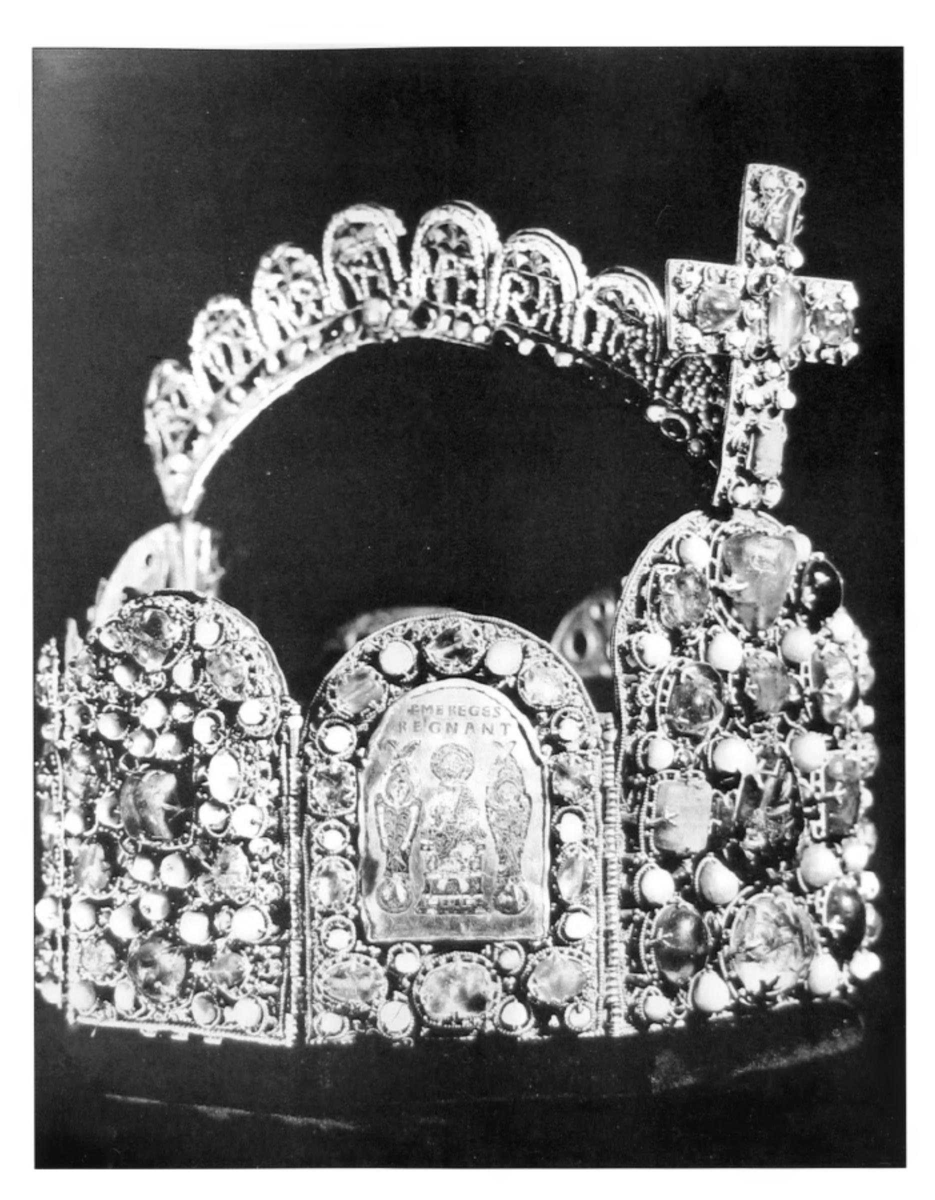

Гребень абатиссы Адельгейды

Пастырский посох абатиссы Адельгейды

Крест абатиссы Адельгейды

Корона короля Генриха I

словия»: «в 70 году послал он нескольких лиц во все края, где только ни простиралась его обширная страна, осмотреть всех девушек, молодых и старых, высшего и низшего сословия, заметить и описать их имена, рост и наружность, чтобы не могло быть никакого подмена и обмана, и велел всех их, в количестве 2 000, привести в Александровскую слободу» (*Таубе и Крузе*. С. 55). Вряд ли однако речь могла идти о крестьянках и купеческих девицах. Скорее смотру подлежали знатные девушки и дворянские дочери. Сам факт подобного подбора невест не редкость. Аналогичный смотр был проведен в 1505 г. и 1546 г. (*Назаров* 1976. С. 110-123). Шокарев датировал остроумную выдумку опричников 1571 годом. Скорее всего она имела место зимой 1570/1571 г., когда во всей стране лихорадочно искали красивых и здоровых девиц и проделка на севере верных государевых слуг не могла вызвать никакого подозрения.

20–1. *...выкапывали две канавы... к земщине* – Ограничение своих владений с помощью канав и копцов практиковалось и раньше, однако при межевании более распространенной была установка соответствующих знаков или использование особенностей уже существовавшего рельефа, растительности и т.д. (АСЭИ. Т. 1-3. См. предметный указатель – «рубежи»). Устанавливались изгороди «около поль». (АСЗ. Т. 1. № 194. С. 163-164. 20.VI.1568 г.). В рассказе Штадена исчезло посредствующее властное звено между владельцами земли. Из рассказа Штадена следует вывод о большой роли опричников, действовавших методом самозахвата: если им нравилось то или иное земельное угодье, то, вероятно, они его захватывали и тогда-то и ограничивали. Однако в актах прослеживается роль верховной власти в лице писцов.Так, рязанские писцы отделили в поместье земли вотчины Никиты Сем. Вердеревского, уже побывавшие в руках Богдана Андреевича Житова (Там же. № 169. С. 140. 4.V.1568 г.). Степан и Филипп Хомутовы, взятые в «опришнину», были пожалованы поместьем в Ржеве Володимеровой, свое новгородское поместье они «отказали писцом», а те в свою очередь выделили его кн. К. И. Мещерскому (Там же. № 172. С. 142. 12 IX.1568 г.).

20–2. *...забирали силой и вне срока* – В повествование о различных злоупотреблениях опричников органично входит и сообщение относительно насильственного перевода крестьян из земщины в опричнину. Оно открывается изложением 88 ст. судебника 1550 г., подтвердившего аналогичное установление предшествующего судебника 1497 г. о свободном переходе крестьян в Юрьев день осенний, хотя Штаден пишет о

«зимнем». Перевод же в опричнину совершался в течение года, за пределами установленного срока, он сопровождался – в случае отказа крестьян делать это добровольно,– вывозом или уничтожением их домов, хозяйственных построек, убийствами и ранениями крестьян (*Самоквасов*. Т. 2. С. 49, 55, 57, 65, 67, и др.; *Кобрин* 1957. С. 468; *Шокарев* 2002. С. 185-186). Вследствие этого одним из самых трагических последствий опричнины стало массовое разорение крестьянства (*Каштанов* 1963).

20–3. *...богатых купцов... и богатых гостей* – нем. *kauffherrn*. Фр. Эпштейн считает, что Штаден различает купцов, торговых людей (*kaufmann*, мн.ч. *kaufleute*) и находившихся в привилегированном положении гостей (*Epstein*. S. 47. Anm.). Подобное противопоставление однако встречается в тексте только один раз. *С. Н. Ф.*

Штаден четко проводит грань между рядовой массой купечества и богатой верхушкой – гостями, большая часть которых находилась на государевой службе, прежде всего финансовой. Статья 26 Судебника 1550 г. содержит такие их обозначения как «торговые гости болшие» и «торговые люди» (Судебники. С. 148; ср.: *Перхавко* 2006. С. 500).

20–4. *...вместе с вотчинами...* – Вотчинами купечество располагало лишь в редких случаях (*Готье* 1906. С. 422; *Варенцов* 1989; *Варенцов, Коваленко* 1999. С. 19-26).

20–5. *...продали им свои вотчины...* – Продажа земскими и купцами своих земель знакомым опричникам – один из путей фактического сохранения этих земель в своих руках – неудавшаяся попытка избежать конфискации, которой сопровождалось внедрение в жизнь утопического проекта разделения страны.

20 об.–1. *Они сами придумывали наказы* – Относительно практики изготовления опричниками «царских» указов о конфискации земель в пользу государевой казны см. подробнее: *Садиков* 1940. С. 15.

21–1 Нем. *Junge* – «первоначально молодой человек, занимающнй положение слуги или ученика в ремесле» (*Grimm*. Bd. IV. Abt. 2. Sp. 2375-2376), ср. рус. малый – «слуга, прислужник» (*Даль*. Т. 2. С. 293). *С. Н. Ф.*

21–2. ... *Все челобитья с реестрами и расписками откладывали. <Потому как> они <опричные> давали клятву не водить дружбы с земскими и не иметь с ними никаких дел.*

К сожалению, существующие переводы не снимают противоречий рассказа Штадена о финансовых махинациях опричников. Все переводчики исходили из значения глагола *angeklaget* – обвинили, оговорили и

немецкий текст	пер. Полосина	пер. Фердинанд	пер. комментатора
Da nun die Aprisnay Reuslantt die ganze Semsky wohl gemarttertt nach ihrem eigenenn wohlgeffallenn vnndt willenn das der Grosfurschte selbst bekennt, es sey genungk, So habenn sich doch die Aprisnai nicht erssettigenn konnenn, des Gelts vnndt guttes der Semskenn	А когда опричные подвергли по своему усмотрению и прихоти Рейслантию, всех земских таким мучениям, сам великий князь признал, что [этого] хватит, опричные все же не могли насытиться добром и деньгами земских.	Когда же опричные так измучили всю Россию, всю земщину, по своей прихоти и желанию, что сам великий князь признал, что де довольно, опричные все же не могли насы-титься добром и деньгами земских.	Когда же опричные так измучили всю Россию, всю земщину, по своей прихоти и воле, что сам великий князь признал, что [этого] де хватит, опричные все же не могли насытиться добром и деньгами земских.
vnndt wenn sie einen auß der Semsky angeclagett hettenn, auff tausentt Rubell als dann nahmenn sie hundertt vnndt noch geringer Quitiretenn sie aber volnkommenn.	Если опричники искали на комнибудь из земских 1000 рублей, хотя они [земские] получали от них только сотню, а то и того меньше, но выдавали расписку на всю [якобы полученную в долг сумму].	И если бы [ранее] они кого-либо из земских оговорили на 1000 рублей, теперь они брали сто или еще меньше, но расписку давали на всю сумму.	И если они на кого-либо из земских подавали [иск] в 1000 рублей, тогда как [те - земские] брали сотню или еще меньше, но выдавали расписку на полную сумму.
Alle die supplicationes wurdenn beygelegtt samt denn Registern vnndt Quitungenn.	Все прошения [жалобы] [опричников] прилагались к судебным реестрам и квитанциям.	Все челобитья с реестрами и расписками откладывали.	Все челобитья [земских?] прилагались [им придавали равное значение] наряду с реестрами и расписками.
Sie hattenn geschwohrenn das sie keine freuntschafft midt den Semskenn habenn wolten Auch mit ihnen nichtes zuschaffenn zu habenn,	Они [опричные] клялись,что они не будут дружить с земскими и не иметь с ними никаких дел.	[Потому как] они [опричные] давали клятву не водить дружбы с земскими, и не иметь с ними никаких дел.	Они [опричные] давали де клятву, что не будут водить дружбы с земскими, и не [будут] иметь с ними никаких дел.
In deme spilt der Grosfurschte das	Великий князь воспользовался этим	В это время великий князь предпринял	В это время великий князь предпринял

wiederspill vnndt liß	и сделал контрход: он приказал	обратное [ожидаемому] и приказал:	обратное ожидаемому и приказал...
alle Supplicationes wurdenn vbersummierett vnndt wo die in Aprisna gesagtt hetten auff tausent vnndt wahr Quitiret hettens aber nicht volkommenn entpffangenn die selbenn Aprisnai soltenn denn Semskenn wider aufflegen vnndt bezahlen,	подобрать все прошения [потерпевших земских] и, если опричные говорили о тысяче и на эту сумму была дана расписка, то они [опричники] должны были выплачивать земским дополнительно [недополученную земскими сумму]	Все челобитья учли и где из опричники вели речь о тысяче и имелась расписка расписка, получили же они [земские] не полностью, эти опричные должны были земским вернуть обратно и заплатить	Все челобитья были пересчитаны [пересмотрены], и там, где [люди] из опричнины говорили о тысяче и на эту сумму была дана расписка, однако они [земские] не полностью получили, эти самые опричные должны были земским отдавать и платить.
Diese meinung geffil den Apris[nai] nitt wohl.	Это решение пришлось не по вкусу опричным.	Эта мысль не особенно понравилась опричным.	Это решение пришлось не по вкусу опричным.
So fernne die Muscau nicht wehre ausgebrant midt allem das darinn wahr So hettenn die semskenn nach der Aprisnischenn Quitirung die vnrecht wahren welche sie vonn denn Aprisnischenn nach willenn vnndt befehlich des Grosfurschttenn wieder entpffangenn soltenn, so hetten sie groß gelt vnndt gutt vberkomm[enn]	Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по выданным Априсным неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от Αприсны по воле и указу великого князя.	Если бы Москва не сгорела со всем, что там было, досталось бы земским по ложным распискам опричных из того, что они должны были получить обратно от опричных в достатке денег и добра.	Если бы Москва не сгорела со всем, что там было, тогда бы земские получили бы от опричных большие деньги и [много] добра по ложным опричным распискам (22 об.),
Do aber die Musca vorbrantte midt allenn Supplicationibus Registernn vnndt Quitanzienn behiltenn die Semskenn denn Schadenn.	Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все прошения, [судные] реестры и расписки, земские остались в убытке.	Но так как Москва сгорела со всеми челобитьями, реестрами и расписками, земские остались в убытке.	Но так как Москва сгорела со всеми челобитьями, реестрами и расписками, земские понесли убытки.

вели речь о долгах земских опричникам и наоборот. Ни один из комментаторов анализируемого юридического казуса не коснулся. Между тем можно рассматривать этот фрагмент, как продолжение рассказа о продаже земскими своих земель опричникам. В таком случае первая часть этого рассказа намекает как будто на то, что земские, которые за свои земли получали от опричников в действительности около 100 рублей, давали расписку в том, что получили 1000. К сожалению, известны лишь немногочисленные купчие периода опричнины. Все они оформляли купли (см. комм. 3-12). Несколько больше отдельных и ввозных грамот. Так, Ивану Семеновичу Манову были отделены три деревни в Костромском у., поместья, принадлежавшие ранее В. М. Серблянину, Г. М. Тихменеву и кн. Ивану-Семейке Юрьевичу Засекину (АСЗ. Т. 3. № 231. С. 189. 29. X.1565 г.). О перераспределении поместья в Соловском и Плавском у. речь идет и во ввозной грамоте от 17 мая 1566 г. (Там же. № 299. С. 245).

Во второй части рассказа который, видимо, соотносится с некоторым изменением земельной политики Ивана IV в мае 1566 г. – амнистированием части опальных служилых людей (*Зимин* 2001. С. 196-208, 230; *Скрынников* 1992. С. 246-247, 274-277), стороны меняются ролями. Не связаны ли эти перемены с сидением января 1568 г.? (*Корецкий* 1987): опричники должны были вернуть земским 1000 руб. согласно распискам последних, хотя те получили за свои владения лишь 100, выдав опричникам расписку в получении всей тысячи. Примечательно при этом, что вопрос о возврате самой земли, так неудачно проданной земскими опричникам, не стоял. Таким образом, если верить Штадену, следует думать, что земли оставались во владении новых хозяев, а в результате опричнины, как известно, произошло грандиозное перераспределение земельных владений в стране. Ср. комм. 4–12.

21 об.–1. *...истреблять высших глав в опричнине...* – это заключительный этап ликвидации опричнины. Если прологом ее отмены был запрет впускать в пограничные крепости и города тех, кто называл себя опричником, а первым этапом – возвращение земским отобранного у них движимого и недвижимого имущества или, вернее, денежного эквивалента, то третьим стало уничтожение самих опричников. Царь начал с глав опричнины.

21 об.–2. *Князю Афанасию Вяземскому назначено было умереть [прикованным] на железной цепи в посаде Городецком* – Несмотря на разноречия с Шлихтингом, который утверждал, будто князь открыл тай-

ный смысл царского похода на Новгород и после чего его долго пытали, требуя, чтобы тот оговаривал невинных, якобы его должников, но не сообщал о его смерти (*Шлихтинг.* С. 32, 33), Б. Н. Флоря принял версию Штадена, основываясь на отсутствии имени Вяземского в синодиках (*Флоря* 2002. С. 252). О посаде Городецком см. комм. 17 об.-5.

21 об.–3. *Виттенштейн* (Вейссенштейн) – Пайда в 16 милях от Юрьева (Дерпта), одна из наиболее прочных ливонских крепостей (Обзор литературы см.: *Epstein.* S. 49. Anm. 7). Штурм состоялся 1 января 1573 г. (см. там же).

21 об.–4. *Малюту Скуратова застрелили... о нем творятся... молебны в церквях* – Малюта Скуратов умер в декабре 1572 г. от смертельного ранения под Вейссенштейном. Его останки были привезены в Иосифо-Волоколамский монастырь и погребены в «родовой усыпальнице Скуратовых-Бельских» (*Тихомиров* 1973. С. 123). С этим монастырем Малюта был и ранее связан: он «обещался... воздвигнути храм камен Сретенье иконы пречистые Богородицы Владимирские» и прислал и икону, и 200 руб. (*Зимин* 1977. С. 55. Прим. 89). К 1589 г. на его средства было закончено сооружение надвратной иконы Петра и Павла (ПИВ. С. 296-319; *Зимин* 1977. С. 55).

Вдове, в отличие ото всех остальных, был сохранен денежный оклад Малюты размером 400 руб. О судьбе дочерей см. 12–7. «Вечное поминание» в церквах Иосифо-Волоколамского монастыря было обеспечено довольно высокими вкладами, как считал С. Б. Веселовский, царя, а, по мнению А. А. Зимина, родственников – 150 руб., в Кирилло-Белозерский – 100 руб. (*Веселовский* 1963. С. 203; *Кобрин* 1960. С. 24; *Альшиц* 1949. С. 20), а по «душе» Малюты Скуратова монастырь получил 1300 руб (*Зимин* 1977. С. 130) Во время поездки по монастырям в сентябре 1575 г. царь дал еще 2 ½ руб, а также 100 руб. «на масло», монахам «по рукам» и т.д. (Там же. С. 124-125, прим. 116).

21 об.–5. *Князя Михаила, [Темрюкова] сына из Черкесской земли [и] шурина великого князя...* – Михаил Темрюкович – сын Темрюка Айдаровича Черкасского, Салтанук (в крещении Михаил), брат царицы Марии, Доманука, Булгерука и Мамстрюка (*Кушева* 1963). Фр. Эпштейн обратил внимание, что шурином в рукописи, где нет места соединительному союзу «и», назван его отец, а не он сам (*Epstein.* S. 49 Anm. 9). Впрочем Штаден неоднократно путал Темрюка и его сына. В отличие от своих братьев, недолго находившихся в России, Михаил остался здесь на всю

жизнь. Вплоть до смерти сестры он занимал видное место при дворе: оруженосец у «большого саадака» царя при штурме Полоцка в 1563 г., первый дворовый воевода и глава Опричной Боярской думы в 1567 г., весной 1571 г. – навысший воевода, владел г. Гороховцом с уездом и был приравнен к удельному князю. Женат на 13-14-летней дочери боярина В. М. Юрьева, племяннице царицы Анастасии. Его юная жена, мать двух, умерших в младенчестве, детей – Сильвестра и Евдокии, была казнена до смерти мужа, вместе с полугодовалым сыном. Сведения о гибели Михаила Темрюковича противоречивы – по официальной версии летом 1571 г. пропал без вести, на самом деле – казнен. Грозный сделал вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь – 60 руб. за «два ошейка на бархате.., да паперсть» (ВКТСМ. С. 123). 24 мая 1571 г. погибли теща Михаила Темрюковича Анастасия Дмитриевна Юрьева с сыновьями Иваном и Федором, Анна, жена Даниила Романовича Юрьева с сыновьями Иваном и Федором. Мнения историков о причинах казни Михаила Темрюковича разошлись. Опираясь на сообщение Штадена об участии его отца в походе Девлет-Гирея на Россию в 1571 г., С. Б. Веселовский считал казнь сына ответом на поступок Темрюка. Его мнение оспорил В. Б. Кобрин, поскольку царский посол В. Клавшов добивался освобождения сыновей Темрюка из крымского плена. Б. Н. Флоря, расценивая слух об участии Темрюка в походе 1571 г. как ложный, полагает тем не менее, что именно он и послужил причиной казни Михаила (сводку литературы см. *Epstein*. S. 50; *Шокарев* 2002. С. 119-120; *Зимин* 1962. S. 375-383; *Флоря* 2002. С. 266; *Сокуров* 2006. С. 303-304).

21 об.–6. *Князь Василий Темкин* – см. комм. 3-10.

21 об.–7. *Иван Зобатов* – у Таубе и Крузе он *Schaboto* (*Таубе и Крузе*. С. 32). Согласно предположению Полосина – это Иван Сабуров Зобатый. Зимин, вслед за ним и Шокарев идентифицируют его с Иваном Яковлевичем Чеботовым, в схиме Ионой, выходцем из старомосковского рода. Форма фамилии в немецкой транслитерации позволяла бы думать и о Зубатых, если бы среди представителей рода, известных в конце XVI – начале XVII вв., был бы Иван. Следуя наиболее вероятному предположению А. А. Зимина, приводим биографические данные опричника Чеботова. В 1550 г. сын боярский третьей статьи, служивший по Переславлю. Однако уже в 1551 г. окольничий, участник похода 1552 г. на Казань, в 1559 г. сопровождал царя на пути из Бронниц в Серпухов. С 50-х годов служил при дворце, боярин в походе на Полоцк (РК

1475–1605. Т. 2. Ч. 1. С.110; КПП. С. 46-76), в 1563 г. дал поручную запись по А. И. Воротынском (СГГД. Ч. 1. № 178. С. 178), участник собора 1566 г., после июля 1566 г. вошел в опричнину, в 1569 г. – в опричную думу. В мае 1570 г. принимал литовских послов (Сб. РИО. Т. 71. С. 665, 666). Вероятно, в том же году принял постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре (*Зимин* 2001. С. 214, 223, 264; *Кобрин* 1960. С. 83, 84; *Веселовский* 1963. С. 236, 237, 467, 468; *Шокарев* 2002. С. 186).

21 об.–8. *Петр Зайцев* – или по Таубе и Крузе – *Peter Santzen* (*Таубе и Крузе*. С. 41). Мнения исследователей об этой жертве Грозного также разошлись. Полосин считал его Петром Щеней, последним представителем рода Щенятевых, казненным в 1568 г. (*Штаден* 1925. С. 97. Прим. 166). Эпштейн допускал мысль о Петре Зайцеве, думном дворянине и опричнике (*Epstein*. S. 50. Anm. 6). С ним безоговорочно согласился Шокарев (*Шокарев* 2002. С. 186-187), приведший вслед за Веселовским (*Веселовский* 1963. С. 212, 213, 384, 385) и Кобриным (*Кобрин* 1960. С. 38, 39), биографические данные о Петре Зайцеве. Карьера его схожа с другими средней руки дворянами, подавшимися в опричнину. Выходец из старомосковского рода Добрынских, уже в 1542 г. отличился жестоким убийством в тюрьме кн. И. Ф. Бельского. Однако в Тысячной книге 1550 г. он все еще сын боярский третьей статьи. В 1553 г. стрелецкий голова в походе против восставших на Луговой и Арской стороне черемис. С 1556 г. участвовал в приемах литовских послов (в 1556, 1562, декабре 1563 – январе 1564, 25 июня 1566 г., вел себя крайне грубо и оскорбительно по отношению к послам, в частности «лаял» Ю. В. Тишковича (Сб. РИО. Т. 71. С. 473), а также в 1570 г. В 1566 г. скрепил своей подписью приговорную запись о необходимости продолжения Ливонской войны, поскольку в литовском противне перемирной грамоты 1566 г. отсутствовали титулы «полоцкий и государь земли Вифлянское» по отношению к царю, зато в титуле Сигизмунда Августа было определение «вифлянский». В 1570 г. скрепил и новый приговор, подведший плачевный итог 12 годам этой войны. Кроме того в 1567 г. П.В. Зайцев принимал шведских послов (*Хорошкевич* 2003-а. С. 158, 314, 366, 435), в 1558 г. – ясельничий. После полоцкого похода оставлен в завоеванном городе чинить крепостные сооружения («город делати»). В 1564–1570 гг. дворянин Опричной думы. Однако не избежал казни в 1570 г. вместе с И. М. Висковатым, с которым, по мнению царя, разделял ответственность за неудачи в Ливонской войне.

21 об.–9. *Спальня* – Вероятно, это верхняя горница (*Громов* 1977. С. 194-195). Если это так, можно думать, что ворота двора опричника были достаточно высоки.

21 об. –10. *князь Андрей Овцын* – И Полосин, и Эпштейн, и Шокарев идентифицируют его с Андреем Овцыным, права которого на княжеский титул весьма сомнительны. Шокарев объясняет употребление Штаденом этого титула по отношению к Андрею Овцыну тем, что согласно родословной легенде Овцыны были потомками муромских князей. Врядли однако возможна подобная ошибка, в других случаях относительно титулатуры Штаден крайне редко заблуждался. Против подобного отождествления говорит форма фамилии. Кроме московского аканья и оглушения согласной перед шипящей, также характерного для московского говора, других ошибок в фамилии нет – Овчинин. Такому отождествлению не противоречит и сопутствовавшая убийству А. Овчинина «казнь» овцы, заживо распятой рядом с виселицей, на которой был повешен князь. Ибо фамилия Овчинин, так же и предлагаемая предшествующими исследователями – Овцын, происходят от корня – овц(а). Трактовки этой второй «казни» или неверны (Полосин видел в ней намек на измену Овчинина в пользу шведского короля, незадолго до того утвердившего орден овцы), или недостаточны: Кобрин усмотрел проявление садистского юмора царя (*Кобрин* 1990. С. 126; Эпштейн привел аналогию с немецким обычным правом, где практиковалось опозорение казненного повешением рядом с ним собаки). Ни в одной из этих трактовок нет связи с реальностью, подтолкнувшей мысль царя к столь изуверскому способу оскорбления. Андрей Овчинин принадлежал к роду кн. Телепневых Оболенских, одному из представителей которого, как утверждали злые языки, обязан был своим появлением на свет сам первый царь России.

21 об.–11. *на улице Арбатской* – Улица в Занеглименьи, одна из немногих, чудом сохранявших свое наименование в течение 500 лет (*Сытин* 1958. С. 391-394; *Он же*. Т. 1. С. 32, 49, 61 и др).

21 об.–12. *Булат* – Названный Штаденом «*маршалком*», вероятно то же лицо, которое Гваньини охарактеризовал как «magister equitum» и считал его руководителем казни дьяка Мясоеда Вислого. Полосин отождествлил Булата с татарским царевичем, имя которого встречается в разрядных книгах вплоть до 1564 г. Он не исключал также возможности того, что под этим именем скрывался упомянутый Курбским ротмистр Федор Булгаков (РИБ. Т. 31. Стб. 305). Эпштейн вспомнил и о мурзе Була-

те, который в 1576 г. перешел на сторону осажденных ревельцев. Оба предположения маловероятны. Ротмистр врядли мог мечтать выдать за царя свою дочь, а судьба Булата не соответствует судьбе персонажа, о котором писал Штаден. Более вероятное предположение высказали Веселовский и Зимин, отождествившие его с сыном боярским Булатом Дмитриевичем Арцыбашевым. В 1570 г. он «приказной человек конюх» при печально знаменитом посольстве Речи Посполитой, с которым поступил невежливо. «Ездил у коня» на свадьбе царя Ивана с Марфой Собакиной. Летом 1572 г. находился в Новгороде. Записан в синодике опальных как казненный (Сб. РИО. Т. 71. С. 786; ДРВ. Ч. 13. С. 89, 95; *Веселовский* 1963. С. 200, 201, 357; *Зимин* 2001. С. 214, 276; *Скрынников* 1992. С. 544). Однако и в данном случае вызывает некоторые сомнения в достоверности сообщение Штадена о матримониальных проектах Булата Арцыбашева.

21 об.–13. *Курака Унковский* – Курака Тимофеевич Унковский – стрелецкий голова. До 1571–72 гг. оставался в живых, так как давал по родителях и по себе в Троице-Сергиев монастырь вотчину с. Дуплево в Сурожском стане Московского у. (*Веселовский* 1963. С. 461; ВКТСМ. С. 145). См. комм. 14 об.-3.

21 об.–14. В рукописи оставлено пустое место для пропущенного имени. *Прим. Фр. Эпштейна.*

21 об.–15. *...съеден псами у заставы Каринской Александровой слободы* – Грозный весьма часто использовал собак и медведей в качестве орудия умерщвления опальных подданных и военнопленных. Помимо расправы у Каринской заставы в окрестностях Александровой слободы, упомянутой Штаденом, похожий инцидент произошел в октябре 1569 г., когда московский самодержец приказал уничтожить «знатных женщин», сторонниц опального старицкого княжеского дома. «Сперва их для постыдного зрелища травили собаками... а затем они были застрелены и растерзаны ужасным образом и их оставили лежать непогребенными под открытым небом, птицам и зверям на съедение» (*Таубе и Крузе.* С. 47). По позднейшему сообщению П. Петрея, «раз велел он (Иван IV. – *А. А. Б.*) зашить в большую медвежью шкуру одного знатного дворянина и привести его на лед. На него натравили больших княжеских и меделянских собак, которые, считая его настоящим медведем, изорвали в мелкие клочки...» (*Петрей де Ерлезунда.* С. 259. Гваньини, описывая эту страшную казнь, специально отметил тот факт, что особенно часто травили опальных собаками в присутствии «тирана Васильевича» в его ре-

зиденции в Александровой слободе (*Гваньини*. С. 127, 129). Не исключено, что в 1574/75 г. аналогичным способом был умерщвлен и новгородский архиепископ Леонид, которого российский самодержец, «взя к Москве, и сан на нем оборвал, и, в медведно ошив, собаками затравил» (Псковская Третья летопись по Архивскому 2-му списку... С. 262). На основании свидетельства Д. Горсея, якобы подтвержденного «Кратким владычным летописцем», Р. Г. Скрынников полагал, что новгородский архиепископ умер в заточении 20 октября 1575 г. Однако умолчание о дикой казни Леонида в «Кратком владычном летописце», вполне могло быть вызвано откровенно шокирующими обстоятельствами гибели опального архиерея. В связи с этим уместно напомнить о явном противоречии между описаниями казней и способов погребения новгородского черного духовенства, убиенного во время опричного разгрома северо-западных регионов страны зимой 1570 г. в мемуарах датского дипломата Я. Ульфельдта и в отечественной Повести «о приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Русии самодержца, како казнил Великий Новгород...». Автор последней, в частности, отрицал факт утопления их останков в реке, а Я. Ульфельдт, напротив, лично наблюдал опустевший Николо-Вяжищский монастырь, насельники которого, по царскому повелению, были «посажены в воду» (*Скрынников* 1992. С. 492-493. Ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 256; *Ульфельдт* 2002. С. 300-301). Необходимо, впрочем, заметить, что традиция отдавать приговоренных к смерти людей на съедение собакам, существовала на Руси задолго до правления «тирана Васильевича». Так, зимой 1377 г. нижегородский князь Дмитрий Константинович снарядил вторую карательную экспедицию против «мордвы» во главе с со своим младшим братом князем Борисом Городецким. Русские воины «взяша землю Мордовьскую и повоеваша всю и села их (мордвы. – *А. А. Б.*) и погосты их и зимници пограбиша, а самих посекоша, а жены и дети их полониша..., и всю землю их пусту сотвориша и множество живых полонивше и приведоша их в Новъгород (Нижний. – *А. А. Б.*) и казниша их казнию смертною, травиша их псы на леду на Волзе» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 120. Ср.: *Абрамович* 1991. С. 41-42).

Травля опального плотоядными животными: собаками и, в особенности, медведем,– помимо чудовищных предсмертных мучений, как правило, освобождала палачей от необходимости хоронить его останки в земле. В справедливости данного суждения можно легко убедиться на примере рассказа Д. Горсея о казни семерых иноков около 1575 г.: «Мед-

ведь... с яростью набросился на него (казнимого чернеца. – *А. А. Б.*), поймал и раздробил ему голову, разорвал тело, живот, ноги и руки..., растерзал в клочки его платье, пока не дошел до его мяса, крови и костей. Так зверь сожрал первого монаха, после чего стрельцы застрелили зверя. Затем другой монах и другой медведь были стравлены, и подобным образом все семеро, как и первый, были растерзаны» (*Горсей.* С. 67). Вполне очевидно, что такой способ расправы над преступником идеально соответствовал традиции квазипогребения нечистых «заложных» покойников вне земной тверди. *А. А. Б.*

22–1. *Григорий Грязной* – Григорий Грязной Борисович Меньшой (№ 9 схемы) – опричник, начальник опричного Земского двора (*Веселовский* 1963. С. 214; *Кобрин* 1960. С. 40. О бурной судьбе роде Грязных см.: АСЗ. Т. 1. №№ 66-77. С. 55-62, 329-333; *Баранов* 1994. С. 83-84).

Воспроизводим родословную роспись Грязных, составленную Фр. Эпштейном и дополненную по материалам АСЗ. Т. 1, опубликованным К. В. Барановым, А. В. Антоновым:

1. Илья Борисович	
2. Василий Ильич	
3. Григорий Васильевич	(2)
4. Борис Васильевич	(2)
5. Василий Григорьевич, опричник	(3)
6. Григорий Борисович, опричник	(4)
7. Григорий Меньшой, судья Земского приказа	(4)
8. Тимофей	(5)
9. Никита	(7)

В родословной росписи остаются некоторые неясности.

22–2. *...а его сын Никита* – В 1567 г. подрында ко второму саадаку в литовском походе (РК 1475–1598. С. 228; *Кобрин* 1960. С. 40). *С. Н. Т.*

22–3. *...его брата Василия* – Грязной Василий Григорьевич – опричник, думный дворянин. Начал свою службу, вероятно, в уделе кн. В. А. Старицкого. В 1567 г. третий голова в походе на Литву, с этого времени или согласно предположению А. А. Зимина, с 1566 г. служил в опричнине и находился в числе приближенных царя. В 1568 г. вместе с кн. А. И. Вяземским и М. Скуратовым послан забрать жен и детей служилых и торговых людей земщины. В том же году выступал против митрополита Филиппа, «тщахуся с престола его изнати», а в 1568 г. участвовал в карательно-грабительской экспедиции по Подмосковью, а в 1569 г. – в суде

и расправе над кн. В. А. Старицким, в 1570 г. думный дворянин из опричнины. В 1572 г. в Ливонском походе ездил в числе дворян «з бояры». Весной 1573 г. послан станичным воеводой на р. Дон, что П. А. Садиков считает формой опалы. Взят в плен во время разведки в степи. В плену назвал себя приближенным царя, и татары захотели обменять его на Дивей-мурзу. Описал историю своего пленения и условия татар в письме к царю. Осенью 1574 г. получил жесткий ответ царя, который иронизировал по поводу обстоятельств пленения Грязного и отвечал, что обменять его на Дивей-мурзу невозможно, однако, сообщал, что его сын пожалован поместьем и деньгами, а за него самого царь согласен дать выкуп в 2000 рублей, но не более. В марте 1576 г. в Москве было получено ответное послание Грязного царю. В 1577 г. Грязной присутствовал на приеме московских послов в ханском дворце. В том же году состоялся его выкуп, однако, сам Грязной был задержан ханом и неизвестно, возвратился ли он в Россию вообще (*Садиков* 1922. С. 43-57). Послания Грязного к царю, и послание царя к Грязному см.: *Там же*. С. 73-78; ПИГ. С. 193, 194, 370, 371; Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным. С. 142-162; *Зимин* 2001. С. 132, 163, 181, 225; *Флоря* 2002. С. 293-295). Тот факт, что Штаден не упоминает об усилиях Василия Грязного освободиться из крымского плена, свидетельствует о том, что столичная информация перестала поступать к нему уже в 1574 г., в это время он скорее всего уже за пределами страны или на ее севере. *С. Н. Т.*

22-4. *Посник Суворов* – Суворов Алексей Посник Григорьевич – опричный дьяк, присутствовавший на Земском соборе 1566 г. В отличие от Штадена и российских исследователей (*Веселовский* 1963. С. 195, 450; *Зимин* 2001. С. 122; *Шокарев* 2002. С. 189) Эпштейн считал его дьяком Дворцовой казны, а не Поместного приказа (*Epstein*. S.51). В 1570 г. получал жалование (оклад 150 руб.) по особому списку. Участник новгородского похода на шведов, в 1572 г. оставлен в Великом Новгороде при наместнике С. Д. Пронском (ТКДТ. С. 219; РК 1475–1598. С. 243, 246; *Альшиц* 1949. С. 20).

22–5. *Осип* (Иосиф) *Ильин* – опричный дьяк, хотя время поступления в опричнину, где он ведал земельными делами, неизвестно (*Зимин* 2001. С. 134, 228; о нем и его родственниках см.: *Кобрин* 2008. С. 42-43). В 1567 г. на границе с ВКЛ участвовал в обмене бывшего полоцкого воеводы С. Довойны на кн. В. И. Темкина. В 1569 г. судил на опричном дворе в столице. 8 марта 1569 г. скрепил послушную царскую грамоту Иоа-

киму, игумену Богородицкого Игрицкого монастыря (Строевой горы), на село и две деревни в Костромском у. (*Антонов* 2001. № 112. С. 217). В 1572 г. участвовал в походе царя на шведов. В 1574–1575 гг. , а может быть и с начала 70-х годов (ср. л. 76 об. и 84) дворцовый дьяк. После возведения на трон Симеона Бекбулатовича в 1575 г., по предположению Р. Г. Скрынникова, казнен при разгроме Дворцового приказа вместе с тремя подьячими и записан в синодик опальных (ПСРЛ. Т. 13. С. 408; РК 1475–1598. С. 241; *Кобрин* 1960. С. 40; *Веселовский* 1963. С. 388; *Скрынников* 1992. С. 496, 497). *С. Н. Т.*

22–6. *...писали записку, в которой стояла причина их смерти... к одеждам мертвеца...* – Согласно Каролине вплоть до середины XVIII в. к телам преступников прикреплялась записка или дощечка, где было описано или изображено преступление, за которое они понесли наказание (*Günther* 1891. S. 9. Anm. 147. См. подробнее: *Epstein*. S. 51. Anm. 40).

22–7. *мертвец должен был оставаться лежать на улице день и ночь народу в назидание* – Практика не хоронить опасных преступников, политических или религиозных оппонентов сразу после казни существовала еще в эпоху античности. По весьма точному замечанию выдающегося французского историка Н.-Д. Фюстеля де Куланжа, «весь древний (греко-римский. – *А. А. Б.*) мир был убежден, что без погребения душа несчастна, страдает и что обряд погребения делает ее навеки счастливой». Именно поэтому античный «закон поражал великих преступников наиболее ужасным наказанием – лишением погребения. Таким образом наказывалась сама душа и обрекалась почти на вечную муку» (*Фюстель де Куланж* 1906. С. 12-13). Однако к подобному посмертному наказанию душ казненных прибегали не только официальные судебные инстанции Римской империи, но и толпы горожан, безжалостно истреблявших «врагов» общества во время массовых беспорядков. После того, как по Сирии прокатилась волна еврейских погромов, учиненных местным населением под влиянием известий о восстании в Иудее 66 – 73 годов, во многих тамошних «городах можно было видеть груды непогребенных тел, трупы стариков и детей, брошенные вместе, трупы женщин, совершенно ничем не прикрытые» (II / 26, 2). Печальную участь иудеев в полной мере разделили и первые христиане. Беспощадным гонителем последователей Христа был римский император Марк Аврелий Антонин (Марк Анний Вер), который на семнадцатом году своего правления повелел преследовать их на всей территории Империи. Так, целых шесть

дней в Лугдуне (провинция Галлия, ныне Лион. – *А. А. Б.*) обезображенные останки христиан лежали на земле в качестве зримого символа «торжества» языческого государства над собственными инакомыслящими гражданами. Чудовищную по своей жестокости картину правительственных репрессий запечатлел Евсевий Памфил в «Церковной истории»: «Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно охраняли днем и ночью, чтобы никто из наших (христиан. – *А. А. Б.*) не похоронил их. Выбросили [и] то, что осталось от огня и звериных зубов; истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ – все это много дней подряд оставалось без погребения и охранялось с воинской старательностью... Тела мучеников, всячески поруганные в поучение всем, оставались шесть дней под открытым небом, затем беззаконники их сожгли и смели пепел в реку Родан (Рону. – *А. А. Б.*), протекающую поблизости, чтобы ничего от них на земле не оставалось. Они (язычники. – *А. А. Б.*) это делали в расчете победить Бога и отнять у них (христиан. – *А. А. Б.*) возрождение. Они (язычники. – *А. А. Б.*) так и говорили: «Чтобы и надежды у них (христиан. – *А. А. Б.*) не было на воскресение, поверив в которое, они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук» (V, 59, 61-63) (*Евсевий Памфил.* С. 77, 167 (конъектура наша. – *А. А. Б.*). По убеждению античных греков и римлян, «для того, чтобы душа умершего была водворена в подземном жилище, приличествующем ей для посмертной жизни, необходимо было, *чтобы тело, с которым она продолжала быть тесно связана, было покрыто землей* (выделено нами. – *А. А. Б.*). Душа, лишенная могилы, не имела своего жилища. Она была скиталицей. Напрасно жаждала она покоя, к которому должна была стремиться после трудов и волнений этой жизни; она осуждена была вечно бродить, скитаться в виде призрака, «ларвы», никогда не останавливаясь, никогда не получая ни приношений, ни пищи, которые были ей необходимы (*Фюстель де Куланж* 1906. С. 11).

Традиция оставлять тела политических и религиозных противников без правильного христианского захоронения, хотя бы на непродолжительный срок, продолжала соблюдаться и в православной Ромейской державе. В декабре 820 г. в алтаре одной из дворцовых церквей погиб от рук заговорщиков император Лев V Армянин: по словам Продолжателя Феофана «кто-то отрубил ему голову, оставив тело валяться словно бу-

лыжник». Затем «люди Михаила (будущего василевса Михаила II Травла. – *А. А. Б.*) ... его (Льва. – *А. А. Б.*) труп без всякого сожаления и жалости через Скилу (ворота и зал Большого дворца в Константинополе. – *А. А. Б.*) вытащили на ипподром...». Император-иконоборец Феофил, подвергнув гонениям приверженцев иконопочитания, погубил немало православных монахов, не пожелавших изменить своим религиозным убеждениям. «Их святые тела, не сподобившись погребения, были брошены на землю и долго лежали без тления и порчи, пока не увидели их благочестивые люди и не похоронили с почестями, подобающими мученикам за Христа» (Продолжатель Феофана. С. 21, 22, 47). В течение целого дня, 11 декабря 969 г., обезглавленный труп василевса Никифора II Фоки, убитого заговорщиками во главе с будущим императором Иоанном Цимисхием, «валялся на снегу под открытым небом; ... только поздним вечером Иоанн (Цимисхий. – *А. А. Б.*) приказал предать его подобающему погребению» (*Лев Диакон.* С. 50).

В западноевропейских городах эпохи Средневековья труп преступника после совершения точно также оставался висеть на виселице по многу лет вплоть до полного разложения. Именно по этой причине городские виселицы редко пустовали, хотя сами смертоубийственные экзекуции происходили относительно нечасто (Подробнее см.: *Тогоева* 2000. С. 353, 360). Причем, долговременное пребывание мертвого тела на виселице предусматривалось даже в тех случаях, когда осужденного не ожидала гибель от удушения. Так, 17 октября 1409 г. начальнику финансов французского короля Жану де Монтегю, обвиненному в государственной измене, сначала отрубили голову, а затем его обезглавленный труп был вздет на виселицу. Любопытно, что аналогичным образом древнеиудейская традиция предписывала поступать с останками особо опасных преступников – богохульников и идолослужителей, приговоренных к побиванию камнями. После казни их тела подвешивались на дереве за связанные вместе руки, наподобие туш животных (Там же. С. 355-356; *Арьес* 1992. С. 72-74. Ср.: Талмуд. Т. 4. С. 280-281).

Практика не погребать прах казненных не только на христианском кладбище, но и вообще в земной тверди получила весьма широкое распространение в средневековой Руси, прежде всего, из-за отношения к ним как к инфернальным «заложным» покойникам, недостойным *правильного* захоронения. Более того, по убеждению восточных славян, сама «мать сыра земля» лишает отверженных мертвецов (будь то великие

грешники, запятнавшие себя при жизни преступными деяниями, или люди, скончавшиеся от насильственной, неестественной, смерти) упокоения в своих недрах, исторгая их останки на поверхность. В севернорусских преданиях подобной участи не избежал, например, «злой колдун» и богатырь Калга, убитый посошком чудесного «старичка» (в одном из вариантов этого предания в роли чудесного избавителя поморов от Калги выступает святитель Николай Мирликийский). «Пораженные священным ужасом промышленники (поморы. – *А. А. Б.*) спешили уехать домой (с острова, получившего впоследствии название Колгуев. – *А. А. Б.*), но сперва зарыли в землю труп Калги. В следующий год другие промышленники, случайно пристав к этому острову, увидели, что труп Калги вышел из глубины могилы и очутился на поверхности земли. Тогда, вбив кол в тело колдуна, промышленники снова опустили его в могилу, из которой он более уже не выказывался» (*Криничная* 1991. № 245. С. 137. Ср.: Там же. № 246. С. 138). В быличке, записанной на Ветлуге, земная твердь «не принимает» гроб с покойником, проклятым родной матерью (Народная проза. № 233. С. 337). Наконец, в народной сказке «Солдат-богатырь» повествуется о трех убиенных воинах, все попытки похоронить которых оканчиваются крахом: по совершении над ними *правильного* погребального обряда, останки мертвых богатырей вновь появляются на поверхности. Главный герой сказки, солдат, хоронит трупы погибших с шумом, смехом, плясками и драками, за что получает от каждого из них в благодарность по волшебному подарку, позволившие ему одолеть всех врагов и стать царским зятем (*Зеленин.* ВС Вятской губернии. № 7. С. 75. Комментарий Д. К. Зеленина к ней см.: Там же. С. 464-465. Ср. обычай русского населения Вятской губернии сопровождать погребение «заложных» покойников в Семик «разными дурачествами и беспутствами»: *Зеленин* 1995. С. 131-139).

Любопытный материал об участи останков нечистых покойников можно обнаружить в памятниках русского фольклора. Так, в одном из вариантов известной былины «Три поездки Ильи Муромца», главный герой – многоопытный старый витязь – не желает предавать земле труп девицы, жестоко расправлявшейся со своими женихами:

...Да срубил ей по плеч буйну голову,
Да рассек, разрубил тело женское,
Да куски-ты разметал по чисто полю,
Да серым-то волкам на съедение,

Да черным воронам на пограянье...
(Былины. 1957. № 12. С. 121).

Аналогичным образом поступает и русский сказочный герой Ивашко-Медведко с предавшими его товарищами–богатырями Усыней, Горыней и Дубыней: «выхватил он боевую палицу, убил всех трех богатырей *и выбросил их тела в чистое поле лютым зверям на съедение*» (НРС. Т. 1. № 141. С. 307).

Подобное обращение с останками убитых врагов описано в одном из вариантов известной былины «Илья Муромец и Идолище», в котором святой ратоборец советует царьградскому венценосцу, «царю Константину Боголюбовичу» вывезти прах только что уничтоженного богатыря-иноверца Идолища:

...Возговорит калика перехожия,
Перехожая калика Илья Муромец:
«Уж ты, царь Константин Боголюбович!
Увози Идолища поганого в чисто поле,
Серым волкам на съденьице,
Черным воронам на пограянье»...
(*Киреевский*. Песни. С. 38).

С совершенно иной ситуацией сталкиваются персонажи былины «Данило Ловчанин» – Данило Денисьевич и его «молода жена» Василиса Никулишна. В результате интриги князя Владимира, воспылавшего похотливой страстью к супруге своего приближенного, оба они принимают смерть от собственных рук, т. е. добровольно обрекают себя участи «заложных» мертвецов. Неудивительно, что Василиса перед тем, как заколоться «булатным ножем» над останками мужа, умоляет сопровождавших ее богатырей:

...Вы подите, скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружком,
Со тем ли Данилой Денисьичем
(Былины. 1957. № 47. С. 364-365).

Немало примеров подобного обращения с телами политических противников, государственных и церковных изменников или разбойников, умерщвленных по воле монарха или же убитых во время народных возмущений, сохранили отечественные письменные источники эпохи Средневековья и Нового Времени. Так, 18 сентября 1147 г. киевляне

растерзали свергнутого ранее с великокняжеского стола князя-инока Игоря Ольговича, который пострадал за свою принадлежность к черниговскому дому, враждовавшего в ту пору с его преемником на киевском престоле, великим князем Изяславом Мстиславичем. Торжествующая толпа горожан с глумлением и надругательством проволокла нагое полумертвое тело бывшего правителя на княжий двор, где добила невинного мученика. Оттуда его труп «на кольях» был отвезен на Подол и брошен на торговой площади. Убийцы, подвергшие останки Игоря Черниговского столь откровенному поруганию, по-видимому, не собирались хоронить их по православному обряду. Судя по тексту Ипатьевской летописи, инициатива погребения исходила от родного брата Изяслава, князя Владимира Мстиславича, в ту пору управлявшего городом в отсутствие великого князя. Однако даже после того, как обнаженный труп страдальца был положен в церкви святого Михаила, почти сутки он оставался не только лишенным заупокойного отпевания, но и вообще какого-нибудь одеяния. Только на следующий день федоровский игумен Анания, посланный митрополитом Климентом, облачил тело Игоря в надлежащую его сану одежду, исполнил над ним положенные по церковному уставу песнопения и отвез «на конец града» для захоронения в родовом Симеонове монастыре (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349-354, т. 1. Вып. 2. Стб. 316-318. Ср.: *Франклин, Шепард* 2000. С. 496-497).

Немногим больше четверти столетия спустя, 29 июня 1175 г., от рук изменников-придворных во главе с родственниками боярина Степана Кучки и дворцовым ключником Анбалом Ясином погиб владимиро-суздальский великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Как следует из текста Пространной редакции Повести об убиении сына Юрия Долгорукого, заговорщики, зарезав своего сюзерена, выволокли его обезображенное нагое тело в огород, где оно, подобно нечистой падали, валялось по меньшей мере еще сутки, пока о нем не позаботился верный княжеский слуга, Кузьмище Киянин. Между тем, убийцы вообще не предполагали устраивать Андрею Боголюбскому полноценные христианские похороны: напротив, они намеревались отдать его прах на растерзание собакам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 586-594. Подробнее о времени создания и авторе Пространной редакции летописной Повести об убиении Андрея Боголюбского см.: *Колесов* 1987. С. 365-367). В 1262 г., во время антиордынского восстания, ярославцы убили монаха-расстригу Зосиму, перешедшего в магометанство. По сообщению Лаврентьевской летописи, тот

служил в Ярославле у некоего «титяма» Кутлу Бега (Кутлубия), который представлял в городе хана Золотой Орды. По-видимому, подобно другим предателям и религиозным ренегатам, «Изосима преступник», сотрудничая с захватчиками, особенно усердно преследовал бывших единоверцев, «творяше хрьс<т>яном велику досаду, Кресту и с<вя>т<ы>м ц<е>рквам поругаяся». Весьма показательно, что его останки соотечественники не пожелали погребать в земле, оставив их на «ядь псом и вороном» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476. Ср.: *Феннел* 1989. С. 160-161). *А. А. Б.*

Далее следует абзац о возвращении земским их денег, который Эпштейн рассматривал как окончание л. 21 и соответствующим образом поместил в своем издании.

22 об.–1. *...и велел брать с них налог, с одного меньше, с другого больше, по своему усмотрению...* – Причины предпочтения купцов, торговавших с «заморскими» бюргерами, лежат в том, что именно они, вопреки запретам соседних стран, постоянно поставляли в Россию различные виды вооружения. В особенности отличались этим купцы из Гданьска, пренебрегавшие запретами и Англии, и Швеции. Для понимания развития торговли России со странами Западной, Северной и Центральной Европы XVI в. попрежнему основными остаются классические работы XIX – начала XX в. Н. И. Костомарова, М. В. Довнар-Запольского, И. М. Кулишера, В. Н. Кашина, А. А. Введенского.

22 об.–2. *Турецкий купец Чилибей* – Чилибей (Челеби) (*Scilibea*) – турецкое «господин». В русских документах не всегда можно отличить родовое имя Челеби от почетного наименования.

В XVI в. известны два купца-посланника Мустафа и Магомет (Мухаммед) Челеби. Мустафа Челеби в 1558 г. передал письмо Сигизмунда II Августа Ивану Грозному. В 1562 г. у него конфискован свинец, который он вывозил в Польшу. Фр. Эпштейн предполагает, что речь шла о втором из них – Мухаммеде (Махмете) Чилибее, который неоднократно посещал Россию в 1564, 1570, 1575, 1580 гг. (*Epstein*. S. 52, 53, 198; *Савва* 1917. С. 347). По сообщению городенского и могилевского старосты Гр. А. Хоткевича в Орше был задержан «турчын», двигавшийся «до земъли непрыятеля нашого великого князя московъского до купъца цесара турецкого Магметь Челебея» и в соответствии с распоряжением Сигизмунда Августа от 20 ноября 1568 г. был пропущен в Россию (LM. Knyga 531. № 135. L.137). Не исключено, что приезд этого «турчына» и

послужил предлогом для опалы на Мухаммеда Челебея, ибо беспрепятственный проезд через Великое княжество Литовское в стране, государь которой страдал синдромом шпиономании, мог быть расценен как вредоносное лазучество. Странно, что Штаден ничего не пишет о русских купцах на востоке, торговля которых – наряду с английской – уже в его время достигла высокого уровня (*Фехнер* 1956; *Martin* 1985. P. 29-36).

23–1. *...и могли уводить их в свои и другие земли* – Отношения с Османской империей ограничивались преимущественно торговлей (о турецко-русской торговле см. подробнее: *Фехнер* 1956), в которой важным предметом оставались пленные, о чем речь шла и в Стоглаве, правда, о весьма специфическом ее аспекте. Турки, греки и армяне приводили русских пленных, купленных в Крыму или у крымских татар, в Москву в надежде получить за них богатый «окуп» (выкуп). Однако жители окраин, даже бояре и боярыни, далеко не всегда находили в столице родных и знакомых, а посему по-прежнему оставались в плену и вывозились из Москвы (*Шмидт* 1999; *Хорошкевич* 1996-б. С. 23-34). О торговле пленными писали и другие иностранцы – Горсей, Флетчер. Пленных из России в течение средневековья и возрождения охотно покупали в странах Западной и Южной Европы (*Verlinden*. Т. 1; *Хорошкевич* 2001-в. С. 208-215).

23–2. *...в казне великого князя* – Казна иногда именовалась соболиной, вероятно потому, что именно в ней и хранились дорогие северные и сибирские меха, прежде всего соболи. Они составляли основную часть милостыни русских государей в Афонские монастыри: в 1509 г. от 3 до 5 сороков, в середине XVI в. – константинопольскому патриарху Иоасафу – в 1557 г. 50 сороков на 2000 руб. (Россия и греческий мир. Т. 1. №№ 18, 19, 24, 26, 29, 32. С. 143, 144, 146, 147, 149, 151. 1509 г.; №№ 88, 92, 96, 102, 103. С. 212, 221, 224, 229, 232. 1557 г.)

23–3. *Из Персии ехали... на Холмогоры* – Англичане получили монопольное право транзита через территорию России на Восток – в Бухару, Шемаху, Персию, Индию и Китай. (*Willan* 1956; *Iid*. 1963).

23–4. *Холмогоры* стали одним из крупнейших центров русской внешней торговли с Англией и Голландией. Здесь уже в 50-е годы XVI в. действовали две канатные мануфактуры во главе с англичанами, которые, конкурируя с Гданьском, пытались достичь более высокого качества своей продукции (*Любименко* 1912). Холмогоры принадлежали к опричнине и процветали до сооружения в самом устье Двины г. Архангельска в 1584 г. (*Тихомиров* 1960. С. 250-251).

23–5. *...дикопольский...* – прилагательное от словосочетания «Дикое поле». Первоначально в летописях степная полоса к югу от Оки, простиравшаяся до северных владений Крымского ханства, Большой и Ногайской орд именовалась просто Поле. В середине XVI в. началось интенсивное освоение северной части Поля, а остальная территория между нижней Волгой, где кочевала Ногайская орда, и Доном, куда летом заходили крымские татары, получила определение Дикого (то есть незаселенного и неосвоенного) поля (*Замысловский* 1884. С. 63; *Epstein.* S. 54. Anm. 1; *Сыроечковский* 1932. С. 193-237; *Он же.* 1935; *Он же.* 1940. С. 3-71; *Хорошкевич* 2001-в). См. комм. 49 об.-2.

23–6. *taderen Scirkansin* – в столь изуродованной форме нелегко узнать черкесов, которых Штаден в других местах называет пятигорскими татарами (*die Pedigorsken Tateren*). О них см.: *Некрасов* 1990. С. 29-31; *Kämpfer Fr.* 1991. S. 43-51).

23–7. *Nageier* – Ногаи восходят к монгольскому племени мангытов, жительствовавшему в конце XII – начале XIII в. южнее среднего Амура (современная китайская провинция Хэйлунцзян), позднее они переселились в Дешти Кипчак, где еще позднее образовался Мангытский юрт, население которого продолжало мигрировать на запад. В течение первой половины XIV в. произошла его массовая тюркизация (*Трепавлов* 2001).

23–8. *...возвратился обратно с кораблем и товаром* – Корабль англичан, нагруженный восточными товарами – шелками и пряностями, поднимался вверх по Волге, в соответствии с движением англичан перечислялись и народы, представители которых могли напасть на купцов. Однако уже в низовьях Волги англичанам было естественно видеть регулярное российское войско, под которое маскировались или в которое входили стрельцы, напавшие на судно Джеффри (Годфруа) Дакетта в мае 1573 г. Шокарев вслед за Ю. В. Готье, переводчиком записок англичан, справедливо считает напавших казаками (*Шокарев* 2002. С. 189). Этот эпизод, подробнейшим образом описанный неким П. И. со слов агента Лайонеля Плэмтри (см.: Пятое путешествие в Персию, начатое в июле 1568 г // Английские путешественники. С. 253-255), на несколько лет омрачил и без того сложные англо-русские отношения (королева Елизавета направила царю два послания от 26 мая 1574 г. и от 9 мая 1575 г., где подробно изложила обстоятельства потери корабля с драгоценными товарами (они опубликованы: *Любименко* 1912. С. 97, прим. 4 и прилож. № 7. С. 146-148; *Willan* 1956. P. 121-125).

23–9. *Великий князь взял у английской компании много денег и добра в свою казну* – Если сообщение о конфискации английских товаров не является продолжением повествования о захвате корабля Дакета, то его следует отнести к 1570 г., когда Иван IV испытывал недовольство тем, что Англия не собирается вступать с Россией в какой-либо политический союз, а намерена ограничиваться лишь экономическими отношениями (*Любименко* 1916. С. 34; *Лурье* 1961. С. 429-432). Я. С. Лурье считал переговоры о русско-английском союзе частью внешнеполитической программы Ивана IV, который одновременно пытался заключить договор со шведским королем Эриком XIV антигабсбургской (?) направленности), и произвел описанную акцию (*Willan* 1956. P. 110). 1570-ый год был кризисным и переломным годом в ходе Ливонской войны. Перед царем замаячила, как вполне реальная, перспектива поражения в войне. Естественно поэтому каждую новую внешнеполитическую неудачу Иван Васильевич воспринимал крайне болезненно. Елизавета протестовала против подобного самоуправства царя в послании от 24 октября 1570 г. (*Толстой* 1875. С. 110) и извещала об этом Юхана III в январе 1571 г. (*Гамель*. С. 100, 101; *Willan* 1956. P. 114-119).

23–10. *Какие деньги попадают в опалу, те не возвращают* – Русское выражение, транслитерированное Штаденом (*Apalni dengi ne otdadut*), по смыслу отличается от его же перевода на немецкий язык (в русской фразе речь идет не о деньгах, а об их владельцах), что ставит под сомнение факт знания Штаденом русского языка.

23 об.–1. *Август* (31.VII.1526 – 12.V.1586, саксонский курфюрст 1553–1584), обучался в Лейпцигском университете, из-за семейных распрь с братом Морицем после смерти отца Генриха Благочестивого в 1541 г. бежал в Вену к эрцгерцогу Фердинанду, в 1544 г. управлял епископством Вюрцбург, а в 1545 г. вернулся в Дрезден. Во время Шмалькальденской войны 1546–1547 гг. Мориц получил поддержку императора Карла V, а Август в 1548 г. женился на лютеранке 16-летней дочери датского короля Кристиана III – Анне и возглавил княжескую оппозицию Карлу V. В 1553 г. стал курфюрстом и последовательно поддерживал лютеран против католиков. Победа последних в период контрреформации привела Августа к потере престола.

23 об.–2. *Каспар Куник* – Каспар Кениг, лейпцигский бюргер с 1549 г., вел торговлю деньгами и участвовал в восточной торговле. О деятельности его сына в России 10 октября 1570 г. сообщил датский коро-

левский секретарь при герцоге Магнусе Фридрих Гросс, попавший в польский плен. По его мнению, ливонцы, настроенные против Магнуса, продолжали активную торговлю с Россией, а сын Кенига уже и до того неоднократно был в Москве и на этот раз выехал из Ростока через Нарву с партией свинца в обмен на ценные меха (КА-2. С. 50). В 70-е годы торговец разорился и в залог за 300 гульденов и двух долгов по 240 гульденов предложил часть своего сада (*Epstein*. S. 55-56. Anm. 4).

23 об.–3. *...цирюльный, или хирургический инструмент...* – Главным методом лечения в средние века было кровопускание. Этим занимались так называемые рудомёты, известные по всей Руси. Этих лекарей упоминают новгородские банные книги начала XVII в., сохранившиеся в так называемом архиве Делагарди в Швеции, и писцовые книги города Казани 1646 г. (*Хорошкевич* 2004-б. С. 130-136; ПКгК. С. 87, 109, 122, 124). Свою деятельность рудометы осуществляли при банях, одновременно подстригая мужских посетителей. В соответствии с двумя «профилями» деятельности рудометов, орудие их работы и носит у Штадена двойное наименование.

23 об.–4. *Павел Гульден* – в 1556 г. член братства Черноголовых, в 1557 г. присягнул на верность магистру В. Фюрстенбергу, не позже 1558 г. стал ревельским бюргером, в 1559 г. городским денежным мастером, хотя патент на денежное дело получил в 1561 г. В 1589 г. был денежным мастером бранденбургского маркграфа. Умер в 1600 г. (*Epstein*. S. 56. Anm. 20).

23 об.–5. *Соха* – наименование окладной единицы, получившей в середине – второй половине XVI в. размеры в 800 четей доброй земли (1000 для средней и 1200 для худой) для поместных земель, и 600 четей (соответственно – 700 и 800) для большинства монастырских (большая московская соха). Процесс распространения большой московской сохи растянулся на несколько десятилетий. До введения этой единицы и наряду с ней существовали более мелкие единицы обложения: выти, обжи, луки, сошки различных размеров. В разных территориях, и по отношению к разным категориям земель применялись различные окладные единицы. Ко времени появления Штадена в России большая московская соха была распространена на значительной части Российского царства, но далеко не везде (*Веселовский*. Т. 1. С. 1, 2, 87-89. Указ о количестве земель, приходящихся в соху см.: ЗАРГ. С. 48). *С.Н.Т.*

23 об.–6. *...каждая соха имеет собственное записанное имя* – Земельные описания стали регулярно производиться еще во времена монгольского ига (*Хорошкевич* 1988. С. 152-163), а со второй половины XV в. стали мощным орудием финансово-экономической и политической централизации (*Каштанов* 1988. С. 22-40).

23 об.–7. Сообщение о равном положении крестьян на землях светских и духовных феодалов отнюдь не соответствует истине. Штаден, как уже отмечалось выше, был плохо знаком с ситуацией духовных феодалов. В жалованных грамотах церковные и монастырские крестьяне освобождались от основных денежных налогов – дани и яма (*Каштанов* 1988. С. 164-167).

24–1. *...великого князя князья и бояре... были обязаны лично нести военную службу со своих имений* – О порядках смотров войск и составлении списков служилых людей – десятней, боярских списков, перечней) Штаден уже писал ранее (см. комм. 3-20). Здесь сообщаются лишь детали относительно порядка выхода землевладельцев на военные смотры и выставления ими сопровождающего отряда и уточняются реальные возможности участвовать в них в конце 60-х годов.

24–2. *...теперь больше пустующих, чем населенных сох* – К какому бы времени – к 60-м или 70-м годам XVI столетия ни относилось замечание Штадена о преобладании пустых земель над живущими, оно соответствует действительности. Точку зрения преобладающей части историков XIX–XX вв. о хозяйственном кризисе в России во второй половине XVI в. (Ключевского, Платонова, Пичеты, Зимина, Скрынникова и др.) ныне подкрепляют материалы писцовых книг, в особенности новгородских, опубликованных в самое последнее время (ПКНЗ. ТТ. 2, 3, 5).

24–3. Нем. *Gruskûsser* – калька русского «крестоцеловальник», в то время, как во всем остальном тексте Штаден переводит «целовальник» словом «*geschworene*». Данный термин широко представлен в русско-ганзейских грамотах. (Ср. определение у Люббена «*kruzekussinge* – целование креста, подтверждение (мирного) договора; сам (мирный) договор» (*Lübben*. S. 192). *С. Н. Ф.*

24–4. Отличие термина *krüskusser* от ранее постояннно употребляемого Штаденом термина *geschworene* (см. комм. 24-3) может свидетельствовать о самых разных явлениях – усвоении Штаденом общепринятого в русско-ганзейском обиходе первого из этих терминов, разновременности

составления отдельных частей Описания Московии, и наконец, разных авторах этих частей.

24 об.–1а – 24 об.–1б. *Повсюду... должны содержать сохи* – Штаден весьма непоследовательно уже в третий раз возвращается к теме почтовых ямов (см. комм. 5 об.-4; 23 об.-5).

24 об.–2. *...выварку селитры...* – Имеется в виду налог «за ямчужную варю», т. е. на обеспечение производства пороха из селитры, который взимался с середины XVI в. и распространялся на посады, черные и дворцовые волости (*Веселовский*. Т. 1. С. 103). Производство пороха из селитры в условиях Ливонской войны, поглощавшей огромное количество боеприпасов, приобрело огромные размеры (*Епифанов* 1977-б. С. 308-310), и эта пошлина за «ямчужную варю» становилась особенно обременительной для населения (*Веселовский*. Т. 1. С. 103). *С. Н. Т.*

24 об.–3. *подклетные села* – дворцовые (см. комм. 4-10).

24 об.–4. *...кто [был] посошным парнем...* – Крестьяне, выполнявшие поземельные натуральные повинности по перевозке военного снаряжения, прежде всего, тяжелого, сооружения укреплений, по исправлению и созданию дорог и мостов. Количество людей, взимавшихся с каждой сохи, зависело от объема и срочности указанных работ (*Срезневский*. Т. 2. Стб. 1252). Посоха существовала с XV в. как в Северо-Восточной Руси, так и на территории Великого княжества Литовского (о ней говорит Судебник Казимира 1468 г. *Старостина* 1991. 236-240). Особое значение эта повинность приобретала в периоды войн. Так, Троице-Сергиев монастырь в 1517 г. не был освобожден от яма и посохи (АРГ. № 146; *Каштанов* 1988. С. 61-62).

Ужесточение правил набора посохи связано с нередкими случаями, когда посоха разбегалась, оставляя на дорогах или в болотах неподъемно тяжелые артиллерийские орудия. Злоупотребления при использовании посохи связаны были и с освобождением боярских людей от выполнения этой повиннности, в результате чего вся тяжесть транспортировки приходилась на долю черных, то есть государственных крестьян. За получении взяток за подобное освобождение боярских людей был казнен дьяк Казарин Дубровский.

Исполнение натуральной повинности могло заменяться деньгами, как следует из текста Штадена. Замена, скорее всего, произошла или при нем или в обозримое им время. Однако это происходило и раньше. В период Ливонской войны верховная власть вынуждена была в основ-

ном перейти на наем посошан, как то отмечено во Второй псковской летописи под 7071/1564 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 244). Налог был настолько велик, что горожаном в 1569–1570 гг. пришлось отказаться от его уплаты и вернуться к натуральной форме исполнения повинности (ПЛ. Вып. 1. С. 115-116; *Епифанов* 1977-а. С. 359-361).

25–1. *Эта порука заполнялась на обеих сторонах у нотария и подписывалась свидетелями* – Документы подобного рода не сохранились, но сомневаться в точности сообщения не приходится. Порукой царь и его правительство пытались связать все верхние слои общества. Так, поручительство по подозрению в намерении изменить царю подписывало огромное число людей. В качестве «нотария» выступали, вероятно, дьяки, которые таким образом становились также ответственными за выполнение посошной повинности нанятыми посошными людьми. Требование к последним «вести себя исправно» учитывало предшествовавший плачевный для царской администрации опыт 1561 г., когда в походе на Пайду «разбежалась» новгородская посоха, и псковичам пришлось нанимать по 22 человека с сохи по «бешеным ценам» – по 3-3, 5 рубля на месяц с лошадьми и телегами (ПЛ. Вып. 2. С. 240-241).

25–2. *Теперь монастыри должны выставлять... войско... по числу своих владений* – Относительно участия монастырских людей в военных действиях сохранились лишь более поздние данные 1602 г. (Согласно приговору от 12 июня монастыри обязаны были участвовать в защите страны ратными людьми в доспехах и снабженных продовольствием, либо уплатить по 1 гривне с каждой четверти своей земли. ЗАРГ. С. 72-73). Тем не менее несмотря на отсутствие современных написанию сочинения данных, сомневаться и в этом сообщении Штадена не приходится, поскольку явный недостаток военной силы ощущался в течение всей войны. Об этом достаточно подробно говорит Штаден в следующем абзаце.

25-3. *...дабы никто в голодное время чумного поветрия не мог сбежать из опричнины в другие земли... были повешены* – Касаемо борьбы с эпидемиями с помощью изоляции пораженных местностей выше уже шла речь (см. комм. 17-5, 17-6). На этот раз Штаден рассказывает о конкретных мерах, которые принимали по отношению к нарушителям запрета передвижения. Обращает на себя внимание, что автор говорит о беглецах на запад – на территорию Речи Посполитой, в том числе и в ВКЛ, которых было достаточно много (*Grala* 1999. S. 101-130; *Ерусалимский* 2006. С. 71–89). *К. Ю. Е.*

25–4. *Cor domini in manu dei* – О распространенности этой пословицы свидетельствует, что ее записали авторы 20-х годов и 80-х XVI в. Герберштейн и Поссевино (*Герберштейн.* С. 74; *Поссевино.* С. 23, 207). Это же выражение употреблял и Иван Грозный в послании Курбскому, доказывая свое право на полное «самовластие» (ПИГ. С. 13).

25 об.–1. *...на восток город имел двойные ворота – «Городом»* Штаден называет Китай-город. «Двойные» ворота (ворота с двумя арочными проемами) показаны на «Сигизмундовом» плане Москвы и на более позднем плане Москвы А. Мейерберга. Первые ворота, Москворецкие (или Водяные), на самом деле были обращены на юг. Вторые, Неглинные, выходили на север. *С. Н. Т.*

25 об.–2. *Было трое ворот: у крепости были одни ворота на запад и двое ворот на север* – Из кремлевских (крепостных) ворот Штаден указывает на Ризположенские, что «на запад», Никольские и Фроловские, что «на север», хотя они были обращены на восток. Об остальных воротах Кремля (Боровицких, Тайнинских и Константино-Еленинских) Штаден не пишет (см.: Сигизмундов план // ПМиКМ; Кремленаград // Там же. № 10; Петров чертеж // Там же. №№ 5, 6, 18, 32, 1, 17, 13; *Тихомиров* 1979. С. 203; *Белокуров* 1898-а. С. 5; *Бартенев* Ч. 2. С. 198). *С. Н. Т.*

25 об.–3. *Город от восточных ворот до западных... был площадью* – Площадь вдоль восточной стены Московского кремля, от Москворецких до Неглинных ворот, появилась в результате принятых мер противопожарной безопасности, когда после пожара 1493 г. по повелению Ивана III городские деревянные строения были перенесены от кремлевских стен на 110 саженей. Возникший здесь затем «рынок» дал и первоначальное название площади – «Торг» – бытовавшее в Москве и при Штадене (см.: Кремленаград // ПМиКМ; ПСРЛ. Т. 39. С. 169; *Флоря* 1996. С. 111-119) . *С. Н. Т.*

25 об.–4. *...перед крепостью стояла церковь... жемчугом и серебром* – Собор Покрова что на Рву, Покровский собор или храм Василия Блаженного (именовался также иностранцами Троицкой церковью и Иерусалимом) был посвящен Покрову пресвятой Богородицы. Праздник Покрова приходится на 2 октября. В 1552 г. в этот день русские войска взяли Казань. В честь этого события через четыре года и началось строительство храма.

Покровский собор построен незадолго до появления Штадена в России, в 1555–1561 гг., Постником Бармой на месте деревянной Троиц-

кой церкви, почему собор первоначально унаследовал это же наименование. Круглая форма собора, отмеченная Штаденом, объясняется его планировкой: на одном основании вокруг центрального самого высокого столпа-храма были возведены восемь столпообразных церквей-пределов. Позднее над могилой московского юродивого Василия Блаженного появилась еще одна, десятая, церковь. То, что Штаден называет переходами – это открытая галерея, гульбище на уровне первого «этажа». Штаден не отмечает конструктивных особенностей храма (наречие *rund* С. Н. Фердинанд в отличие от И. И. Полосина переводит не прилагательным «круглый», а наречием «вокруг»). Он представлял собой композицию из центрального столпа и окружавших его аналогичных столпов-храмов, каждый из которых был посвящен различным церковным праздникам, событиям или святым. Иностранцы же XVI–XVII вв., неизменно проявлявшие внимание к нему, называли его Входоиерусалимским, описывая крестный ход, возглавлявшийся митрополитом «на осляти», который совершался в Вербное воскресенье в конце шестой недели Великого поста (за неделю до Пасхи). Особое значение ему придавал и Иван Грозный, конструируя идеологему своей власти и великой миссии (*Баталов* 1996). Штаден не очень точен в характеристике и внешнего вида храма и тем более его интерьера. Он не увидел или не понял разницы между росписью стен и иконами, действительно покрытыми позолотой и украшенными драгоценными камнями, жемчугом и серебром.

Покровский собор считался одним из красивейших в Москве. Внешний вид храма, первоначально сочетавший красный (кирпич) и белый (камень) цвета, во второй половине XVII в. претерпевает существенные изменения: стены украшаются росписью, а шатры и купола приделов – изразцами. Украшение храма, возможно, стало одной из причин закрепления за площадью нового названия – Красная. (ПСРЛ. Т. 13. С. 251, 334; *Лопяло* 1989. С. 41, рис. 5; Иностранцы о древней Москве. С. 137; *Ильин* 1977. С. 302, 303). *С.Н.Т.*

26–1. *Возле этого храма висело много колоколов* – Штаден указывает на звонницу, которая стояла с юго-восточной стороны от Покровского собора. Она представляла собой трехярусное прямоугольное в основании сооружение, увенчанное тремя шатрами. Звонница изображена на всех аксонометрических (панорамных) планах-чертежах Москвы XVII в., а наиболее детально на чертеже Кремля начала XVII в. – «Кремленград». Наиболее ранний рисунок этого сооружения, отличающийся от указанного

выше, принадлежит Мартину Груневегу (См.: Кремленаград // ПМиКМ; *Хорошкевич* 2000-а. С. 16-21). *С. Н. Т., А. Л. Х.*

26–2. *...площадь сама по себе высокая, как маленькая гора* – Особенности местности поразили и Мартина Груневега в 1585 г., он подчеркнул это в тексте и выразительно показал на схеме Москвы. *А. Л. Х.*

Возвышенность, указанная Штаденом, от которой в сторону Москвы-реки шел крутой спуск, получила название Лобного места (Лоб или Взлобья). Трудно сказать, от чего получило свое наименование Лобное место – от Лба, или Взлобья как микротопонима или от опричного назначения этого места, казни земских людей, о чем Штаден повествует ниже. Как самое высокое место в Китай-городе его также характеризует и автор «Иного сказания». В начале XVII в. при царе Борисе Годунове здесь был сооружен кирпичный помост, круглый по форме, очевидно, заменивший деревянный. На «Петровом чертеже» он обозначен под № 3 (Китай-город) с указанием «Лобное место, помещение или возвышение, выстроенное из кирпича...» (*Смолицкая, Горбаневский* 1982. С. 104; см.: Кремленаград // ПМиКМ; Петров чертеж // Там же. № 3; ИС. С. 56). *С. Н. Т.*

26–3. *...на той же площади несколько пушек, так, что можно стрелять поверх стены восточных ворот и Москвы-реки* – Сообщение Штадена о пушках, стоявших у Покровского собора на Лобном месте, подтверждается русскими и иностранными источниками. Об их использовании, однако совсем не в том направлении, которое указал Штаден, известно из летописного рассказа о восстании московских горожан против Б. Я. Бельского и Б. Ф. Годунова: опасавшиеся восстановления опричнины они направили одно из орудий – «пушку большую» на Фроловские ворота Московского кремля (ПСРЛ. Т. 34. С. 195). Как полагает Е. Л. Немировский, это была пушка «Павлин», отлитая в 1488 г. мастером «Павлином Фрязиным Дебосисом». К этому времени были известны еще два крупных орудия – «Кашпирова пушка» Кашпира Ганусова и «Павлин» Степана Петрова (ПСРЛ. Т. 34. С. 195). Дон Хуан Персидский сообщает, что площадь была заставлена огромными пушками (Из рассказов Дон Хуана. С. 182; *Немировский* 1982. С. 37-39; *Хорошкевич* 1984. С. 65-68). *С. Н. Т.*

26–4. *... убивали господ из земщины...* – Рассказ о массовых казнях земских людей С. Н. Таценко отнес к июлю 1570 г. (*Штаден* 2002. С. 193). На первый взгляд это достаточно заманчиво. Однако принять эту гипотезу трудно. Площадь в XVI в. еще не имела определения, казнь

же 1570 г. проходила на точно обозначенном существительным и прилагательным месте – Поганой луже. Кроме того, Штаден ясно указывает, что казнили лишь представителей, причем отнюдь не рядовых, а «господ» из земщины. Между тем в 1570 г. царь расправлялся отнюдь не только с земскими людьми, но и с собственными опричниками. Кроме того, в рассказе Штадена отсутствуют весьма примечательные детали казни 1570 г. – котлы с горячей водой, виселицы, с помощью которых царь и царевич доказывали свое рвение по уничтожению преданных слуг престола. Скорее казнь, описанную Штаденом, как проходившую на Площади, следует отнести к 1565 г., к моменту возвращения царя из Александровой слободы, когда действительно были лишены жизни одни лишь земские люди.

В данном случае в отличие от мнения С. Н. Таценко нарушения хронологической последовательности не наблюдается. Просто, описывая Площадь, автор кстати вспомнил одно из мероприятий, проведенных царем Иваном Грозным на этом месте.

26–5. *...в поле в яму в одну кучу* – О захоронении в подобных ямах умерших в период эпидемии чумы см. комм. 17-6. Современные русские источники по-разному указывают место, где происходили массовые казни периода опричнины. В одном случае, они упоминают «Поганую лужу», в другом – «площадь», в третьем – «Полое место» в Китай-городе. «Поганая лужа», как показал А. А. Зимин, известна и в фольклоре. В повести начала XVII в. о купце Харитоне Белоулине сообщается, что опричные казни совершались «на Пожаре среди Москвы». «Пожаром» на рубеже XVI–XVII вв. называлась будущая Красная площадь. Д. Н. Альшиц не совсем точен, когда, связывая название «Пожар» с нашествием Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., отмечает, что к 80-м гг. оно исчезает из источников. На самом деле «Пожар» был известен и в более позднее время. Так, в 1586/87 г. «на Пожаре» были казнены Федор Нагай и шесть московских гостей. По одному из ранних сообщений русской летописи можно судить, что на площади находилось специальное место для проведения публичных казней. Так, в Царственной книге под 1547 г. летописец приводит данные об убийстве восставшими москвичами князя Юрия Глинского в Успенском соборе и перенесении его тела за город (Кремль): «положиша перед Торгом, идеже казнять».

О казнях на площади, кроме Штадена, сообщает и Шлихтинг. Косвенным подтверждением тому, что казни происходили на площади, могут

служить церкви-обыденки у кремлевского рва, построенные по преданию на крови казненных и изображенные на чертеже «Кремленаград». Бельский летописец под 1599 г. содержит сведения о чистке кремлевского рва и строительстве на нем деревянных церквей. Однако есть сведения, что они существовали и в более раннее время. Так, известно, что в Китай-городе во время пожара 1547 г. уцелело две церкви, стоявшие на Рве. Это говорит о том, что казни здесь происходили задолго до опричнины (ОАПП. Ч. 1. С. 257; Кремленаград // ПМиКМ; ПСРЛ. Т. 13. С. 456; Т. 29. С. 52; Т. 34. С. 190, 239; Т. 14. С. 37; *Тихомиров* 1979. С. 226; *Зимин* 2001. С. 263-265; *Альшиц* 1988. С. 133-134). *С. Н. Т.* Ср. комм. 16 об-7).

«Яма», упоминаемая Штаденом, представляла собой, очевидно, «убогий дом», «скудельницу», («гноище», «божий дом», «буйвище»), служивший на Руси местом последнего упокоения различных категорий «заложных» мертвецов (казненных преступников, людей, умерших в эпидемию, убиенных на поле брани воинов, иноземцев и всех тех, кто скончался без христианского напутствия). При этом необходимо заметить, что русская «скудельница» (за исключением, быть может, «божьих домов» Пскова периода независимости) отнюдь не являлась прямым местным аналогом западноевропейской братской могилы, устраиваемой на освященной земле кладбища для массового погребения исключительно неимущих единоверцев, скончавшихся в мире с Церковью. Типологически отечественное «буйвище» больше напоминало древнеиудейскую судебную гробницу – позорную могилу для умерщвленных врагов еврейской религии и государства. Не случайно подобное захоронение (куда свозились останки не только умерших без покаяния православных, но и трупы «воров и изменников» и даже иноверцев) всегда располагалось вне пределов кладбища, а иногда и на границе городской территории, «в чистом поле», которое, как известно, считалось обиталищем демонических сил (*Арьес* 1992. С. 82-84; Талмуд. Т. 4. С. 283. Ср.: *Арьес* 1992. С. 71; *Булычев* 2006. С. 57).

Детальное описание «убогого дома», устроенного рядом с приписанной к Иосифо–Волоцкому монастырю Спиридоньевой обителью, помещено в волоколамском Обиходнике 1581/82 г.: «У того же монастыря (Спиридонова. – *А. А. Б.*), близ от церкви оставлен есть молитвеный храм, в нем ископана есть глубокая могила, иже нарицают дом божий. В нем же полагают, по благословению настоятеля болшего монастыря и соборных старцов, преставльшихся раб своих всех православных

христиан, иже нужными всякими смертьми скончавшихся от глада и губителства, огня, и меча, и межусобныя брани, сиречь от разбоя и от тат[ь]бы, и от потопа, и Божиим гневом мором умерших, и в воде утопающих, и где ни будет на пути, и на лесу, и на пустых местех, повержена телеса усопших кто обрящет и пришед возвестит игумену и старцом. И игумен, и старцы прикажут строителю богарадному, повелит взяти... тело наго умершаго и положити в божей дом и спировскому (так в тексте, надо: «спиридоновскому». – *А. А. Б.*) игумену над ним, отпев обычныа молитвы погребал[ь]ные, положити в той молитвеный храм, и в книги писати, Бога ради, коих имена ведомы». По замечанию Н. М. Гальковского, «молитвенный храм» над выкопанной ямой-могилой представлял собой обыкновенный сарай, а сложенные там останки «заложных» покойников добровольные могильщики хоронили в Семик после церковного отпевания на общей панихиде (*Горский, Невоструев.* Отд. 3. Ч. 1. С. 401-402; *Гальковский.* Т. 1. С. 199-200. Подробнее об «убогих домах» см.: *Зеленин* 1995. С. 95-99).

Ныне невозможно сколько-нибудь точно установить время появления первых «скудельниц» на Руси (весьма вероятно, что именно подобного типа захоронения были обнаружены археологами на территории Москвы и Подмосковья: *Юшко* 1991. С. 168-169; *Шокарев* 2003. С. 142-143). Самые ранние письменные свидетельства об устройстве специальных «буйвищ» для погребения христиан, умерших без покаяния в голодные годы или во время эпидемий, сохранились в Новгородской Первой летописи старшего извода. Так, в 1128 г. в Великом Новгороде «люте бяше... и ядяху люди листъ липовъ, кору березову, инии молиць истълъкше, мятуце съ пелъми и съ соломою; инии ушь, мъхъ, конину; и тако другымъ падъшимъ от глада, трупие по улицямъ и по търгу и по путьмъ и всюду; *наяша наимиты возити мъртвьця из города* (выделено нами. – *А. А. Б.*); а смородъмь нелга вылести». Впервые же термин «скудельница» встречается в летописной статье, повествующей о голоде в Новгороде осенью 1215 г., когда оставшиеся в живых горожане «поставиша скудельницю, и наметаша полну». В голод 1230–1231 гг. можно было «видяще мьртвьця по уличамъ лежаща, и младенця от пьсъ из[ъ]едаемы. И вложи Богъ въ сердце благое створити архепископу Спуридону: и постави скуделницю у святыхъ Апостолъ, въ яме, на Просьскои (Прусской. – *А. А. Б.*) улици; и пристави мужа блага, смерена, именьмь Станила, возити мьртвьця на кони, кде обидуце по городу;

и тако беспрестани по вся дни влачаше, и наполни до върха, иже бысть в неи числомь 3000 и 30». Между тем, осенняя трагедия 1230 г. получила свое страшное продолжение весной следующего года, отчего городским властям пришлось соорудить «другую скудьлницю *на поли* (выделено нами. – *А. А. Б.*)» в конце Чудинцевой улицы, а затем по ее заполнении и «3-тьюю поставиша на Колени, за святым Рожьствомъ, и та бысть пълна, въ неиже числа несть» (НПЛ. С. 22, 54, 69-70, 71). В 1420–1421 гг. в Новгороде «бысть глад и моръ великъ, и наметаша мертвых три скуделнице: одину въ святеи Софеи за олтарем, а две у Рожества *на поле* (выделено нами. – *А. А. Б.*)». Нередко «божий дом» становился могилой для останков православных христиан, погибших не только от голода или болезней, но и в результате военных действий. Например, после разгрома тверской ратью Торжка, в 1372 г., новгородские воины вместе с избежавшими смерти новоторжцами «наметаша избиеных людии, и съжьженых, и истоплых 5 скуделниць...» (НПЛ. С. 372, 414). Поэтому неудивительно, что в сентябре 1570 г. в традиционном для Великого Новгорода месте погребения «заложных» мертвецов – «убогом доме» у Рождества Христова «на поле» – были приданы земле несколько тысяч местных жителей – жертв опричного террора, а также голода и чумы, обрушившихся на несчастный город вскоре после отъезда карателей (*Веселовский С. Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // *Он же.* 1963. С. 325; *Скрынников* 1992. С. 382-383). *А. А. Б.*

26–6. *У этого храма одни ворота на крепость* – Фроловские ворота (с 1658 г. – Спасские). Предположительно название происходит от церкви св. Фрола, располагавшейся рядом или даже за пределами Кремля. Фроловская проездная башня Московского кремля известна еще с XIV в. Особое, первенствующее, значение башня приобретает в XV в., о чем свидетельствуют работы московского зодчего В. Д. Ермолина по ее украшению. В 1491 г. Фроловская башня была построена заново итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари.

Недалеко от Покровского собора располагались и Константино-Елененские (Тимофеевские) ворота, не отмеченные Штаденом. (НIVЛ. С. 313-314; Т. 6. Вып. 2. Стб. 329; Т. 18. С. 250; Старинная Москва. С. 41-42; Кремленаград // ПМиКМ. № 1; *Забелин* 1905. С. 184-186). *С. Н. Т.*

26–7. *На востоке... церковь как другие русские церкви* – По всей видимости, это церковь Николы Гостунского, построенная в 1506 г. и стоявшая на пути от Фроловских ворот к центру Кремля. Хотя, возможно, Штаден

имеет в виду церковь Константина и Елены, давшую название еще одним воротам Кремля. Кроме них, в юго-восточной части Кремля располагались церкви Афанасия и Кирилла (подворье Кирилло-Белозерского монастыря), Петра митрополита и Рождества Пречистой Богородицы. Эти церкви со стороны Фроловских ворот были скрыты кремлевской возвышенностью и застройкой. (*Забелин* 1905. С. 194-195, 214-215; см.: Кремленаград // ПМиКМ; *Голубцов* 1952-а; *Он же* 1952-б). *С. Н. Т.*

26–8. *Затем самые знатные приказы... приходившие от великого князя и подписанные* – В XVI–XVII вв. здание приказов стояло на южной стороне Ивановской площади. Во времена Штадена из всех известных приказов только один, Посольский, размещался в одноэтажных каменных палатах. Они были построены в 1565 г. и располагались к югу от колокольни Ивана Великого. Помещения других приказов, находившихся поблизости, были деревянными и назывались избами. Очевидно, с возведением каменных палат для Посольского приказа предполагалось перестроить в камне и другие приказные помещения. В 1591 г. палаты Посольского приказа были перестроены в двухэтажное здание, а деревянные помещения остальных приказов заменены двухэтажным каменным строением «П» – образной формы, один конец которого примыкал к Посольскому приказу, а другой выходил к Архангельскому собору. Насколько полон перечень, указанных Штаденом «знатнейших» приказов, собранных в одном месте, сказать трудно. Например, здание Разбойного приказа стояло в юго-восточной части Кремля. Известно, что в новом каменном здании размещались Разрядный приказ, Поместный приказ, Казенный приказ и Большой приход. И в том, и в другом случае, перечислены не все приказы, учрежденные во второй половине XVI в. В 60-70-х гг XVII в. в приказном здании и в посольских палатах находилось до 16 приказов. (ПСРЛ. Т. 13. С. 397-398; Кремленаград // ПМиКМ. № 7, № 10, № 11; *Тихомиров* 1979. С. 203; *Забелин* 1905. С. 160-161; *Белокуров* 1898-а. С. 5; *Бартенев* 1916. С. 198). *С.Н.Т.*

26 об.–1. *...церковь... почившие великие князья* – Архангельский собор, построенный итальянским архитектором Алевизом Новым в 1508 г. на месте собора 1333 г., служил усыпальницей великих, удельных князей и царей московского дома, начиная с Ивана Калиты.незадолго до появления Штадена в России в нем был похоронен брат Ивана Грозного князь Юрий Васильевич (1563 г.). В 1569 и 1574 гг. Архангельский собор стал местом погребений князей Владимира Андреевича и Василия Владими-

ровича Старицких («на той стороне, где опальные князи кладутца»). До них список опальных князей, похороненных на северной стороне собора, был представлен князем Андреем Васильевичем Углицким (ум. 1493 г.), дядьями Ивана IV князем Юрием Ивановичем Дмитровским (ум. 1536) и князем Андреем Ивановичем Старицким (ум. 1537 г.). (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 339; Т. 13. С. 10, 114-115, 121, 372; *Тихомиров* С. 173, 197, 229; *Забелин* 1905. С. 145; *Ильин* 1977. С. 283). *С. Н. Т.*

26 об.–2. *Казенный двор* располагался между Архангельским и Благовещенским соборами. Его каменная палата была заложена в 1483–1484 гг., одновременно с началом строительства Благовещенского собора. В 1491 г. в одном из помещений Казенного двора содержался под стражей Андрей Васильевич Углицкий. В основном Казенный двор предназначался для хранения царской золотой и серебряной казны, для чего были отведены подклет самой каменной палаты, а также подклеты Архангельского и Благовещенского соборов. Изображение Казенного двора на миниатюрах, посвященных коронационным торжествам Михаила Федоровича, позволяет судить о его внешнем облике. Это было каменное одноэтажное здание, стоявшее на высоком подклете (который мог считаться и нижним этажом), главным фасадом обращенное в сторону Благовещенского собора. (Кремленаград // ПМиКМ. № 14; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 317, 332; Т. 39. С. 165-166; *Забелин.* Т. 1. С. 73; *Он же.* 1905. С. 135, 148). *С.Н.Т.*

26 об.–3. ... *правили...* – в данном случае Штаден правильно употребляет немецкий термин *gerecht fertigett*. Ср. комм. 23–1.

26 об.–4. ... *еще одна двойная церковь с лестницей.... в нижнюю церковь* – Благовещенский собор – домовая церковь великих князей и царей московского дома построен псковскими мастерами в 1484-1489 гг. на месте собора начала XV в. После пожара 1547 г. был обновлен и расписан заново. В 1563–1564 гг. собор значительно перестраивается. Открытая паперть перекрывается сводами, на четырех его углах возводятся церкви – приделы, на восточной стороне крыши храма надстраиваются еще два купола.

Определение, «двухэтажная», данное Штаденом, объясняется наличием высокого подклета – казнохранилища, который автор ошибочно называет «нижней церковью». Под «сводом» у Штадена надо понимать крытое гульбище – паперть или галерею, откуда начинался путь во дворец.

Роспись свода и его стен 1520 г., на которую обратил внимание Штаден, была восстановлена после пожара 1547 г. (до наших дней полностью не сохранилась). «Святыми в образе человеческом» могли быть изображения московских князей от Даниила Московского до Василия III или портреты «эллинских мудрецов» (ПСРЛ. Т. 39. С. 163, 164; Т. 13. С. 337; *Забелин* 1905. С. 135, 148; *Мнева* 1977. С. 313, 314; *Сизов* 1964; Воображены подобия князей). *С.Н.Т.*

26 об.–5. *...церковь, крытую медью с позолотой* – Штаден указывает путь во дворец. Он начинался с северной галереи Благовещенского собора и шел вверх по лестнице до открытых Переходов, называемых Штаденом «четырехугольной площадкой». Эти Переходы назывались еще Красным или Верхним крыльцом. Со второй четверти XVI в. этим путем для посещения дворца могли пользоваться только христиане, включая и посольства европейских государств. Послы стран Востока или мусульманских правителей попадали во дворец по Средней лестнице, которая сразу вела с Соборной площади к Переходам.

Переходы соединяли в единый комплекс ряд дворцовых сооружений: Среднюю Золотую палату (ее парадный фасад выходил на Соборную площадь), стоявшую за ней Столовую избу (палату), к которой со стороны двора примыкали «комнаты Ивана Грозного или Брусяные избы». От паперти Благовещенского собора, по Переходам, можно было пройти и к Набережным палатам, внешний фасад которых выходил в сторону Москвы-реки. (*Забелин.* Т. 1. С. 76, 77; *Бартенев* 1916. С. 103. рис. 135; *Голубцов* 1952-б; *Лопяло* 1972. Приложение; *Юзефович* 1988. С. 92). *С. Н. Т.*

26 об.–6. *Палата великого князя была из дерева* – Эта та самая палата, на которую указывает Штаден при подъеме по лестнице на Переходы. Скорее всего, он имеет в виду Среднюю Золотую палату, которую видно было сразу с Переходов. По всей видимости, эта палата называлась еще Проходной. Под таким названием она упоминается во время пожара 1571 г. наряду с Грановитой и Набережной палатами. *С. Н. Т.*

По мнению С. С. Подъяпольского, речь идет о Столовой палате. Исследователь также указывает на терминологическую разницу при описании Столовой (*Sahl*) и Набережной (*Pallast*) палат (*Подъяпольский* 2003-б. С. 112). Обобщая более поздние данные, он связывал ее название с более древним смыслом слова «престол» (княжеский, отчий) (Там же. С. 113). *А. Л. Х.*

Трудно сказать, почему Штаден называет княжескую палату деревянной. Очевидно, это его ошибка. Правда, за Средней Золотой палатой стояла Столовая изба или палата, которая при Иване Грозном, возможно, была еще деревянной. Со Средней Золотой палатой она была соединена переходными сенями. Описание Золотой палаты дает Хуан Персидский при посещении Москвы в 1599–1600 г. Назначение дворцовых палат при Иване Грозном не всегда соответствовали их названиям. Так, в Средней Золотой палате и Столовой избе устраивались не только обеды, но и приемы иностранных послов. В Грановитой палате чаще всего проходили торжественные пиры, и только в XVII в. она окончательно стала местом аудиенций иностранных дипломатов (ПСРЛ. Т. 13. С. 301; *Бартенев* 1916. С. 103; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 1; Из рассказов Дон Хуана. С. 180, 181; *Юзефович* 1988. С. 96, 97). *С. Н. Т.*

26 об.–7 *...напротив палаты, на востоке был дворец, стоявший пустым* – Штаден имеет в виду Набережную Большую палату, которая располагалась к югу от Средней Золотой палаты. Она была построена в 1487 г. на месте княжеского терема. Внешним фасадом здание было обращено к Москве-реке. В нем же, под одной кровлей, кроме Набережной Большой палаты, размещались Средняя и Малая Набережные палаты. Последняя палата служила местом дипломатических переговоров. В 1560 г. по повелению Ивана IV «позади Набережные болшие полаты» были выстроены «особной» двор для царевичей Ивана и Федора и Сретенский собор (ПСРЛ. Т. 39. С. 164; Т. 13. С. 328; *Забелин.* Т. 1. С. 74; *Он же.* 1905. С. 148; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 6-10). *С.Н.Т.*

26 об.–8 *...лестница к погребам, поварням и хлебням* – Это место в описании дворца Штадена не совсем ясно. Скорее всего, Штаден имеет в виду сенник или Переходную палату, которая находилась за сенями Грановитой палаты. Через нее можно было попасть на Постельное крыльцо (или Боярскую площадку), откуда шла лестница во внутренний двор, где размещались дворцовые службы. Под кремлевскими церквами, упомянутыми Штаденом, очевидно, в данном случае, надо понимать дворцовые церкви. При Иване Грозном это были: Сретенский собор (за Большой Набережной палатой), Спасский собор (на внутреннем дворе), церкви Рождества, Святого Лазаря, Иоанна Предтечи. Дворцовые церкви служили своеобразным ориентиром для указания местоположения дворцовых палат. Так, по источникам известны палата у Лазаря Святого, палата на Дворце у Рождества Иоанна Предтечи, хоромы у

Спаса на Дворце (ПСРЛ. Т. 13. С. 102, 121, 329; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 19). *С. Н. Т.*

26 об.–9. *...площадью* Штаден именует дворцовые Переходы или, как он еще писал, площадку. Путь с Переходов по лестнице на запад, а не на юг, как у Штадена, вел во внутренний двор дворцового комплекса, где находились хозяйственные службы. При закладке нового великокняжеского дворца в 1499 г. летописец указывал, что погреба и ледники планировалось разместить под каменными и кирпичными палатами. При Иване Грозном дворцовые службы (погреба, ледники, поварни) размещались на заднем дворе, между хоромами царицы и Куретными воротами. Хоромы царицы занимали заднюю часть правого крыла дворцового комплекса, за церковью Рождества и Святого Лазаря (ПСРЛ. Т. 39. С. 172; Т. 13. С. 394, 395; *Бартенев* 1916. С. 103, рис 135; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 11). *С. Н. Т.*

26 об.–10. *...еще один переход к большой палате... стояла открытой – «Большой палатой»* Штаден именует Грановитую палату. Название, данное Штаденом, встречается и в русской летописи. В 1491 г. «Марко да Петръ Антонеи архитектонъ Фрязове съвершили болшоую полатоу князя великого на площади». Современное название палаты – Грановитая – закрепилось за ней, возможно, уже во времена Штадена. Первые ее упоминания под названием «Грановитая» при Иване Грозном встречаются в летописи под 1552 г. и при описании московского пожара 1571 г. Происхождение названия палаты, под которым она вошла в историю, связано с украшением ее главного фасада белым камнем, выступающий своими гранями наружу. Двухэтажная Грановитая палата выходила на Соборную площадь и примыкала к дворцовому комплексу с северной стороны. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 331; Т. 39. С. 165; Т. 13. С. 227, 301; *Забелин.* Т. 1. С. 74; *Бартенев* 1916. С. 103; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 11). *С. Н. Т.*

27–1. *...в середине от перехода была четырехугольная лесница...* – Штаден имеет в виду ту лестницу, которая позднее стала называться Красным крыльцом. Однако в то время она являлось лишь частью Передних Переходов. Эти Переходы и назывались Красным крыльцом. Именно здесь, согласно позднему преданию, Василий Шибанов подал Ивану Грозному послание от Андрея Курбского. Сама же лестница носила название Красной золотой лестницы. По ней царь поднимался на Красное крыльцо и входил во дворец. С Красного крыльца путь вел в светлые сени Грановитой палаты. С него же можно было попасть и в се-

ни Средней Золотой и Шатерной палаты. Последняя вместе со Средней Золотой палатой находилась в одном здании и была соединена общими сенями (*Забелин* 1916. С. 76; *Лопяло* 1989. Реконструкция № 15; *Бартенев* 1916. С. 103; ПИГАК. С. 381-382). *С. Н. Т.*

27-2 *...в шелках или золотой парче...* – Неясно, к чьей одежде относится это описание – самого царя или его князей и бояр. К первому мнению, кажется, склонялся Ф. Эпштейн (*Epstein.* S. 63. Anm. 16-17), приведший литературу о торжественном облачении царя (*Забелин* 1916; *Жмакин* 1881; *Костомаров* 1917. С. 86-88). Это мнение представляется вполне обоснованным в связи с употреблением Штаденом термина *bliant* – шелк, по преимуществу пурпурно-коричневого тона с золотыми нитями (*Grimm.* Bd. 1. S. 305; *Schiller-Lübben.* 1. S. 356) и приведенной Эпштейном аналогии с описанием царской одежды Буссовым (*blianten und gueldene stuecke*). *С. Н. Ф.*

27–3. *... посох с тремя крупными драгоценными камнями* – См. комм. 7 об-3.

27–4. *...новожалованные господа...* – Об этом Штаден писал и раньше (см. комм. **4–8**).

27–5. *... погреба, поварни и хлебни* – Штаден возвращается к описанию пути к хозяйственным службам, видимо, хорошо ему знакомому (см. комм. 26 об.-8).

27–6. *...церковь с пятью главами...* – Успенский кафедральный собор. Древнейшее его здание, первое каменное в Москве, было заложено при участии митрополита Петра в 1326 г. Современный Штадену храм был построен в 1479 г. итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти. Успенский собор – усыпальница митрополитов московских и всея Руси, с 1589 г. – патриархов. Центральная глава собора, выделенная Штаденом, была позолочена в 1551 г. В годы опричнины Успенский собор стал местом ожесточенных столкновений Ивана Грозного с митрополитом Филиппом, который выступал с проповедями против разделения государства. Здесь же, во время одной из проповедей, митрополит был схвачен опричниками (ПСРЛ. Т. 39. С. 160; *Тихомиров* 1999. С. 227; *Шмидт* 1951. С. 297; *Забелин* 1905. С. 124-126; *Зимин* 1964. С. 253, 254, 256; *Кобрин* 1989. С. 77, 78). *С. Н. Т.*

27–7. *...двор митрополита с... приказами* – Появление митрополичьего двора на территории Кремля московская летописная и житийная традиция связывает с именем митрополита Петра. Во всяком случае,

преемник Петра митрополит Феогност уже окончательно поселился в Москве. Место первоначального размещения митрополичьего двора точно неизвестно. По одним косвенным данным он располагался близ церкви Иоанна Предтечи «в бору» у Боровицких ворот, по другим – напротив западных дверей Успенского собора. С XV в. источники связывают его с тем местом, на которое указывает и Штаден. К 1450 г., 1474 г. и 1493 г. относятся известия о постройке кирпичных палат и проездных ворот на территории митрополичьего двора, на восточной стороне которого была выстроена еще и церковь Ризоположения, перенесенная в 1484 г. к западным вратам Успенского собора. Во время пребывания в Москве Штадена территория митрополичьего двора простиралась от западных дверей Успенского собора до Троицкого подворья и двора Владимира Андреевича Старицкого на Троицкой улице, ведущей к Ризоположенским воротам Кремля. По данным на конец XVI в. митрополичий (с 1589 г. патриарший) двор включал в себя: церковь Ризоположения, Малую, Столовую, Большую, Белую палаты, церковь Соловецких чудотворцев (на старом месте церкви Ризоположения) и построенную в 1590-е гг. церковь Трех Святителей. На рубеже XVI–XVII вв. на его территории располагались и административно-хозяйственные приказы: Казна, Разряд (позднее патриарший разряд), Судный, Дворцовый и др. Управление митрополичьими владениями и людьми повторяло структуру царского центрального аппарата (ПСРЛ. Т. 28, С. 110, 116; *Забелин* 1905. С. 494, 495, 502; *Голубцов* 1952-а; *Он же.* 1952-б; *Писарев* 1904; *Красножен* 1917. С. 153-156; *Epstein.* S. 64. Anm. 8). *С. Н. Т.*

27–8. *...ворота ... в опричный двор* – Троицкие ворота Московского Кремля. До перестройки кремлевских укреплений в 1485-1495 гг. ворота назывались Ризоположенскими. Это название было связано со старой церковью Ризоположения на митрополичьем дворе, закладка которой относится к 1450 г. И. Е. Забелин указывал и на другую церковь Ризоположения, на Арбате, с которой также могло быть связано происхождение древнейшего названия Троицких ворот. Новая проездная башня, заложенная «не по старои основе» в 1495 г., какое-то время называлась Богоявленской, так как поблизости от нее находилась церковь Богоявления, относившаяся к подворью Троице-Сергиева монастыря. Однако новое название за башней не закрепилось. В XVI в. ворота, указанные Штаденом, по-прежнему именовались Ризоположенскими. В 1561 г. на дворе Игнатия Вешнякова у Ризоположенских ворот была временно по-

селена княжна Кученей (Мария Темрюковна). Современное название проездной башни – Троицкая – было закреплено царским указом 1658 г. (ПСРЛ. Т. 28. С. 110, 290; Т. 29. С. 292; Т. 39. С. 169; Т. 13. С. 333; *Забелин* 1905. С. 417, 419; *Голубцов* 1952-а). *С. Н. Т.*

27 об.–1. *... каменные мосты... во всей стране* – Троицкий мост был перекинут через р. Неглинную между Троицкой (Ризоположенной) и Кутафьей башней. Сведения о его перестройке в камне относятся к 1516 г., тому времени, когда в 1514–1516 гг. на Неглинной (у устья реки, у Боровицкой и Ризоположенской башен) устраивались плотины. В XVI в. мост назывался Каменным. После постройки в начале XVII в. на р. Неглинной второго каменного моста (Неглинский или Воскресенский), мост, отмеченный Штаденом, стал именоваться Старым каменным (ПСРЛ. Т. 30. С. 141, 142; Т. 34. С. 192, 203; *Голубцов* 1952-а; *Он же.* 1952-б). *С. Н. Т.*

27 об.–2. *...несколько сотен житниц... опричному двору* – Сообщение Штадена о расположении житных дворов вдоль западных стен Кремля находит подтверждение в источниках позднего происхождения. В XVI–XVII вв. от Ризоположенских до Никольских ворот проходила Житная улица. На плане Кремля указан двор Григория Васильевича Годунова, который позднее был отдан под Житный двор. На одном из планов Кремля 60-70-х гг. XVII в. есть указание о передаче т. н. «Лыкова двора» под житные хранилища. Количество указанных Штаденом житных дворов сильно преувеличено. Скорее всего, автор имел в виду житницы – небольшие помещения. Принадлежность их к опричному двору может вызвать сомнения, так как Кремль не входил в состав опричной территории (Кремленаград // ПМиКМ. № 31; *Забелин* 1905. С. 379-380; *Белокуров* 1898-а. С. 10-12; *Голубцов* 1952-а; *Он же.* 1952-б). *С. Н. Т.*

27 об.–3. *...где погребают... великих князей и других знатных господ* – Здесь, прежде всего, имеются в виду монастырь в честь Чуда Архистратига Михаила (мужской Чудов монастырь) и монастырь Вознесения Господня (женский Вознесенский монастырь). Их расположение соответствует тому месту, которое отвел им Штаден в своем топографическом описании Кремля. Штаден мог видеть монастыри, идя по Новой или Большой улице от Фроловских ворот к приказным избам, а также находясь на Ивановской площади или Никольской улице в Кремле.

Чудов монастырь был основан в XIV в. митрополитом Алексием. В XVI в. берет свое начало традиция крестить царских детей в главном соборе монастыря, имевшая место и в XVII столетии. Кроме монастыр-

ской братии на монастырском кладбище погребались и отдельные представители боярских родов Морозовых, князей Оболенских, князей Трубецких и др.

Вознесенский монастырь основан в 1407 г. вдовой Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией, которая и была погребена в том же году в главном монастырском храме Вознесения Господня. В XV–XVII вв. храм являлся усыпальницей княгинь и цариц московского дома.

Кроме выше названных в Кремле располагались и небольшие монастыри – монастырь Св. Афанасия на Кирилловском подворье, Богоявленский на Троицком подворье (Кремленаград // ПМиКМ. № 2, 26; *Забелин* 1905. С. 248-255, 303, 425). *С. Н. Т.*

27 об.–4. ...*церковь с красной круглой башней* – В центре Кремля на площади стояла столпообразная колокольня Ивана Великого (до 1600 г. – Святого) – трехярусный восьмигранник. Очевидно, ее Штаден называет круглой башней. В первом ярусе этого сооружения размещалась церковь, два последующих яруса служили ей колокольней. Иван Святой был возведен в 1508 г. итальянцем Боном Фрязиным после разборки церкви Ивана Лествичника «иже под колоколы» 1329 г. Летописец указывает, что храм был возведен не на старом месте. В 1532–1543 гг. с северной стороны к колокольне архитектором Петроком Малым была пристроена звонница, прямоугольная в основании с барабаном и куполом наверху. Третий ее ярус занимала церковь Воскресения Христова. Не зная основного назначения этой постройки, Штаден по внешнему виду называет ее церковью. Строительство здания окончательно было завершено в 1552 г., когда московские мастера соорудили церковные двери и лестницу, по которой можно было подняться в церковь.

Оба сооружения, Иван Великий и Звонница, были возведены из кирпича. На основании данных Штадена, можно полагать, что в XVI в. колокольня Ивана Великого и Звонница не были побелены и еще сохраняли естественный кирпичный цвет. Дж. Горсей указывал, что колокольня была построена из тесанного камня и называлась Благовещенской. Однако известно, что из камня был сложен только фундамент и цоколь здания. Вероятно, в конце XVI в колокольня была уже побелена, поэтому казалась выстроенной из камня. Есть известие, что в начале XVII в. она была вся выбелена. В 1599/1600 г. колокольня Ивана Великого была надстроена еще на «12 саженей». Но и до этого она поражала современников своей высотой. В послании Андрею Курбскому Иван

Грозный так характеризовал ее: «... еже Иван Святый водою кропити, толику безмерну высоту имущу?» (Кремленаград // ПМиКМ. № 23, 24; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 372; Т. 13. С. 444; Т. 34. С. 202, 239; Т. 37. С. 72; Т. 39. С. 179; ПИГАК. С. 29; *Горсей.* С. 92; Иностранцы о древней Москве. С. 149; *Забелин* 1905. С. 155, 309; *Подъяпольский* 1995). *С. Н. Т.*

27 об.–5. *...колокола... Ливонии* – Колокола, как символ триумфа, подлежали перемещению на территорию победителя – в Москву и другие центры, сначала – после присоединения Великого Новгорода в 1478 г. и после новгородского разгрома в 1569 г., а также – ливонские из орденских центров – в первую очередь из Вольмара (*Epstein.* S. 64. Anm. 17, S. 132. Anm. 1). Конструкция русских колоколов (*Макарий.* Кн. 4. Ч. 2. С. 24-25; *Голубинский* Т. II. С. 385-387), в которых звук извлекался движущимся «языком», резко отличался от конструкции европейских. В последних колокол, прочно укрепленный на горизонтальной оси, двигался вместе с ней сам (подробнее см.: *Кавельмахер* 1985. С. 39-40, 48, 73, 74). Использование в России иностранных колоколов по назначению требовало изменения техники крепления. Однако колокола рассматривались и как источник цветных металлов, от отсутствия которых в средние века постоянно страдала Русь. Эпштейн указывает, что на исходе XVI столетия купцы из Нидерландов и Голландии пытались продавать колокола и ненужную в реформированной церкви утварь в Польшу и Россию (*Epstein.* S.132. Anm. 1). Данные об этом за 1579–1580 г. сохранились в архиве Симанки (*Шмурло.* Т. III. Ч. 2. С. 225, 313). Балтазар де Мушерон, в 80-90-ые годы ведший активную торговлю в России, переправил туда в 1587 г. 2000 фунтов разбитых (geheele) колоколов (*Epstein.* S. 49). Видимо, в торговле подобным товаром участвовало и семейство де ла Дале (де ла Вале?). Так, во вкладной книге Антониева Сийского монастыря под 1581 годом записаны пожертвования «немчина Ивана Делал Ишпанской земли» – «подсвечник медян пол-9 гривенки» и Ивана Михайлова с. Торопчанинова – «колокол шпанского дела» (*Изюмов* 1917. С. 6). У Яна де Валле монастырь за двор в г. Холмогоры приобрел колокол «шпанского дела», договор о чем, по мнению Б. Н. Флори, был заключен в Москве (*Флоря* 1973. С. 131). В начале 80-х сложилась компания Юстрова де Фогелера и Андриана и Тимофея Лукьянова Себерехта. Корабль, на котором находились «торговые иноземцы Ондреянов брат Тимоха с товарищи», прибыл в Архангельск в 1584/85 г. (Там же. С. 134). Наконец, в 1597 г. русская торговая компа-

ния получила разрешение вывезти из Англии колоколов, колокольного боя и меди весом в 23 000 фунтов (*Любименко* 1912. С. 82).

27 об.–6. *...ливонская артиллерия... для обозрения* – почти вся она к исходу третьего года войны оказалась в руках царя. Однако цифры, сообщаемые русскими источниками и принятые отдельными историками России и Ливонии, а именно 552 орудия и 230 – в Нарве (ЛР. С. 91; *Карамзин*. Т. VII. С. 414, 427; *Hansen* 1858. S. 30) малодостоверны. Эпштейн полагает, что к артиллерийским орудиям были приравнены ручные пищали, самопалы с сошкой (*Epstein*. S. 64. Anm. 1). Однако и Курбский давал схожие цифры – только для Феллинского замка он указал цифру – 18 осадных пушек, стреляющих картечью, для города – 450 орудий (РИБ. Т. 31. Стб. 258 и далее). Эти пушки – символ побед в Ливонии, хотя и сомнительных в итоге, стояли у кремлевской стены вплоть до начала XVII в. Они изображены на Петровом чертеже.

27 об.–7. *...челобитья, рукописания и расписки* – Штадену принадлежит одно из первых упоминаний о так называемых площадных подьячих. Это был своеобразный делопроизводственный институт, который сформировался в рамках приказной системы к 60-м годам XVI в. (*Злотников* 1916. С. 82-130). Несколько позднее они появились и в других городах – в Новгороде в 1567 г., Твери – 1573 г., Переславле Залесском – 1585–1586 г., Пскове – в 1591–1592 г., Ивангороде – в 1593 (*Лихачев* 1922. С. 139-143; *Epstein*. S. 65. Anm. 4). В обязанность площадных подьячих вменялось правильное оформление документов частным лицам, в основном тех, что были указаны Штаденом, и выполнение различных нотариальных услуг. Возможно именно площадных подьячих Штаден уже ранее называл «нотариями», тем более, что они приносили присягу, подобно нотариям (см. комм. 25-1). Размещались они на Ивановской площади Кремля, на которую выходила и часть приказных изб. Значительное развитие институт приказных подьячих получил уже в XVII в. (*Забелин* 1905. С. 312, 313). *С. Н. Т., А. Л. Х.*

28–1. *geprauett* – от русского слова – «править», взыскивать долги. Любопытная германизация русского слова, к которому Штаден добавляет и немецкое выражение *gerecht ffertigett*.

28–2. *...пока священник не вынесет... и не ударят в... колокола* – Время работы судебных приставов, равно как и казней, определял еще Стоглав, отводя для этого время церковной службы до выноса даров – Большого входа.

28–3. *Между башней и церковью... висел колокол, он был самым большим в стране* – Возможно, здесь имеется в виду колокол «Благовестник» в тысячу пудов, отлитый в 1533 г. Николаем Немчиным. На Соборной площади, перед колокольней Ивана Великого, для него была выстроена невысокая деревянная башня. В своих записках колокол упоминают и другие иностранцы. Изображение колокола помещено на плане Кремля начала XVII в. Однако Дон Хуан Персидский сообщал, что огромный колокол висел в «наибольшей» из церквей, и что в него могли звонить 30 человек по дням рождения и коронования государя (Кремленаград // ПМиКМ. № 25; Из рассказов Дон Хуана Персидского. С. 180; Иностранцы о древней Москве. С. 149; *Забелин* 1905. С. 154). *С. Н. Т.*

28–4. *...в день Симона Иуды...* – Эпштейн считал, что Штаден неправильно указал начало Нового года в России, отнеся его ко дню Симона Иуды, который приходится на 28 октября (*Epstein.* S. 66. Anm. 5). С конца XV в. встреча Нового года в России стала отмечаться по византийскому стилю летоисчисления и праздноваться 1 сентября – в день Симеона Столпника. Описание празднования Нового года от сотворения мира, данное Штаденом, встречается и у других иностранцев. Дж. Флетчер отмечает, что 1 сентября, в первый день года вносятся в казну все государственные подати. (*Флетчер.* С. 61; Иностранцы о древней Москве. С. 89). *С. Н. Т.*

28–5. *...новую кормовую память* – О кормовой памяти см. комм. 4-4, 6 об-3, 6 об.-4.

28–6. *...другие ворота из крепости в город* – Никольские или Николаевские ворота Московского Кремля. Впервые упоминаются в 1491 г. Закладка и строительство проездной Никольской башни были осуществленные итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари. Название ворот связано с находившимся поблизости монастырем Николы Старого, известного с конца XIV в. Улица, на которую выводили Никольские ворота, называлась Никольской (ПСРЛ. Т. 39. С. 165; Т. 13. С. 94, 153; *Тихомиров* 1992. С. 113-114). *С.Н.Т.*

28–7. Нем. *wehre* – «вал, стена вокруг города». Здесь вероятнее всего значение: верхняя часть, окончание крепостной стены» (*Grimm.* Bd. XIV. Sp. 188). *С. Н. Ф.*

28–8. *...покрыты обожженным красным кирпичом* – Штаден недвусмысленно говорит о том, что кирпич был облицовкой. Внутри же мог использоваться и более дешевый белый камень – известняк, или даже

деревянные срубы с засыпкой землей, и два ряда тынов, пространство между которыми также заполнялось землей (*Каргер* 1929. С. 139). В XVII в. стены Кремля и Китай-города, как и другие крепости России уже в XVI в., даже деревянные, по сообщению М. Груневега, белились известью. Отсюда, вероятно, и берет свое начало выражение «Москва белокаменная». При Иване Грозном, как показывает Штаден, кирпичные стены Москвы еще имели свой естественный цвет. Это подтверждается сведениями других иностранцев, посетивших Москву в середине XVI в. (Иностранцы о древней Москве. С. 28, 38). *С. Н. Т., А. Л. Х.*

28–9. *Здесь находятся двойные ворота...* – Следует описание китайгородских ворот, известных в дальнейшем под названием «Воскресенских». Примерно также описывает Штаден и другие ворота Китай-города, находившиеся на противоположенной стороне «площади». В 1548 г. эти ворота назывались еще «Неглименьскими». Появление клетки со львами, символом англо-русского сближения, присланными в подарок царю Ивану английской королевой Марией I Тюдор с его послом Осипом Непеей в 1557 г. (*Гамель*. С. 63; *Лурье* 1961. С. 427-428) и погибшими в пожаре 1571 г., дало им и второе название – «Львиные». «Львиными» эти ворота обозначены и на «Петровом чертеже» и на схеме города К. Буссова 1611 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 155; Петров чертеж // ПМиКМ. № 5). По-видимому, от них Воскресенские ворота Китай-города получили название Львиных, сохранившееся и в XVII в. (*Кукушкина, Назаренко, Хорошкевич*. С. 49-54). *С. Н. Т., А. Л. Х.* См. комм. 25 об.-1. Эти же ворота он упоминает ниже, на л. 28 об.

28 об.–1. *...судный двор, или Земский двор* – Местоположение Земского двора-приказа, указанное Штаденом, не менялось на протяжении XVI–XVII вв. Он обозначен почти на всех планах Москвы первой половины XVII в. На «Петровом чертеже» и «Сигизмундовом» плане Земский двор отнесен несколько дальше от ворот по Сретенской (Никольской) улицы. Более точно он обозначен на плане А. Мейерберга.

Земский приказ возник в середине XVI в., ведал тягловым население Москвы, следил за благоустройством и порядком в городе. В экспликации «Петрова чертежа» Земский двор значится как «Судный двор, где разрешаются гражданские тяжбы и определяются наказания за более легкие преступления, как, например, за кражу и тому подобное».

С введением опричнины за рекой Неглинной был учрежден еще один Земский двор, ведавший населением опричной половины столицы.

Упоминание о нем встречается в поздних источниках. (Петров чертеж // ПМиКМ. № 32; ПСРЛ. Т. 34. С. 202; *Альшиц* 1988. С. 165; *Скрынников* 1992. С. 61). *С. Н. Т.*

28 об.–2. *Премн (Premn)* – не исключено, что это, испорченое при переписке, начало транскрипции русского слова.

28 об.–3. *...печатный двор* – Учрежден в 1563 г. Располагался несколько далее от Кремля, за Никольским монастырем, давшим наименование улице и соседствовавшем со стороны Кремля с Цейхгаузом. Он вплотную примыкал к китайгородской стене за Неглиненскими воротами. В 1565 г. его посетил Барберини (*Барберини* 1843. С. 34). О расположении цейхгауза-арсенала в Китай-городе сообщал И. Масса, описывая восстание москвичей 1584 г. На «Сигизмундовом» плане Москвы 1610 г. арсенал обозначен под № 17 (Петров чертеж // ПМиКМ. №№ 24, 31, 33; Сигизмундов план // Там же. № 17; *Масса.* С. 29).

На месте Печатного двора в XVII в. располагалась Синодальная типография (*Румянцов* 1869; *Покровский* 1913; *Он же.* 1914. С. 23-34; *Некрасов* 1926. С. 63-106; *Соловьев А.* 1917; *Немировский* 1959). *С. Н. Т*

28 об.–4. *Отводная башня* (нем. *zwinger*) – здесь укрепленное сооружение, вынесенное за пределы главной крепости (кремля, детинца) и находящееся в черте внешней крепостной стены. Однако на л. 57 рукописи этим термином обозначены обычные воротные башни. *Е. Е. Р.*

...зелье – нем. *kraut* – «огнестрельный порох» (*Grimm.* Bd. V. Sp. 2110), ср. сходное семантическое развитие русского слова «зелье»: стар. огнестрельный порох (*Даль.* Т. I. С. 676). *С. Н. Ф.*

Топографические сведения Штадена о цейхгаузе являются самыми ранними и отличаются точностью. Примерно в том же месте указывают цейхгауз и составители «Петрова чертежа». Он располагался в начале Сретенской (Никольской) улицы и вплотную примыкал к китайгородской стене за Неглиненскими воротами. О расположении цейхгауза-арсенала в Китай-городе сообщал И. Масса, описывая восстание москвичей 1584 г. На «Сигизмундовом» плане Москвы 1610 г. арсенал обозначен под № 17. Факт хранения пороховых запасов в стенах и башнях Кремля и Китай-города известен и по другим источникам. Так, летописцем отмечен случай взрыва одной из башен Китай-города при пожаре 1547 г. Во время пожара 1571 г. взрывом порохового склада был снесен участок китайгородской стены недалеко от Земского приказа (ПСРЛ. Т. 13. С. 152; Т. 34. С. 191; *Богоявленский* 1912-б. С. 81). *С. Н. Т.*

28 об.–5. *...северные ворота* – Сретенские ворота Китай-города. В середине XVI в. эти ворота выходили на Сретенскую улицу. Название улицы было связано с событиями 1395 г., когда под угрозой вторжения воителя Тимура в Москву была доставлена икона Владимирской Богоматери. Со времен встречи ее москвичами на городской окраине берет свое начало и Сретенская улица. Вероятно, до постройки китайгородской стены она была значительно длиннее и доходила до Никольских ворот Кремля.

После переименования китайгородской части Сретенки в Никольскую улицу прежнее название ворот сохраняется. В XVII в. появляется еще одно название ворот – Владимирские, которое было связано с иконой Владимирской Богоматери, список которой висел на проездной башне (ПСРЛ. Т. 13. С. 94; Т. 29. С. 17). *С. Н. Т.*

28 об.–6. *...до средних ворот* – Ильинские ворота Китай-города. Название ворот дано по одноименной улице, в начале которой стоял храм Ильи Пророка, освященный в 1521 г. Однако до начала XVI в. улица именовалась Дмитровской – по названию более древней церкви Дмитрия Солунского. В летописном перечне ворот Китай-города 1535 г. (Сретенские, Троицкие, Всехсвятские и Козмодемьянские) Ильинские ворота не упоминаются. Вероятно, проездной Ильинская башня стала несколько позднее, так как и после появления Ильинских ворот улица Ильинка вела не на Покровку, а в сторону Мясников и Сретенской улицы. Об этом может говорить направление пожара 1547 г.: «по Ильиньской улицы до Флора Святаго в Мясникех» (ПСРЛ. Т. 13. С. 153; Т. 29. С. 17, 336; Т. 30. С. 145). *С. Н. Т.*

В одной фразе Штаден употребляет три термина – собирательный die stadt и два других, обозначающих отдельные его части der schloss и vorstedten-предместья. В городе, то есть Китай-городе, он заметил двойные ворота, обращенные, по его мнению, на восток (реально, по С. Таценко, на юг) – Неглининские, но название их не указал (см. комм. 28-9).

28 об.–7. *большие тюрьмы... как дворы* – В Китай-городе в XVI–XVII вв. действительно находилась тюрьма или «место тюремное». Однако располагалась она не у Ильинских («средних») ворот, а в районе Варварских ворот. Причем, «Петров чертеж» указывает «Бражную тюрьму» за пределами Китай-города (Петров чертеж // ПМиКМ. № 30; Сигизмундов план. // Там же. № 9; *Белокуров* 1898-а. С. 17, 19). *С. Н. Т.*

Возможно, именно здесь и сидели пленные полочане. Во всяком случае на это намекает надпись на обороте завещания Анны Рагозиной 1563 г. – удостоверение священника Михаила Клементовского, церкви св. Климента на Варварке, известной и в XVII в. (*Straszewicz* 2005. S. 458). См. комм. 28-9. *А. Л. Х.*

28 об.–8. *...до третьих ворот на север* – Варварские ворота Китай-города. Название ворот происходит от улицы Варварка, которая вела к ним от Константино-Еленинской башни Кремля. В начале улицы стояла церковь Св. Варвары, построенная в 1514 г. Однако в первой половине XVI в. бытовало и другое, еще более раннее название ворот – Всехсвятские – по церкви Всех святых на Кулишках. Под этим названием они упоминаются при возведении стен Китай-города в 1535–1537 гг. По всей видимости, такое же название – «Всехсвятская» – носила и улица, ставшая лишь с начала XVI в. Варваркой. М. Н. Тихомиров предполагал, что еще до постройки церкви Св. Варвары улица называлась «Варьской», связав происхождения этого названия с варкой соли или одним из видов повинностей населения этого района (ПСРЛ. Т. 29. С. 17; Т. 13. С. 94; *Тихомиров* 1992. С. 140; *Он же*. 1996. С. 73). *С. Н. Т.*

28 об.–9. *...еще один большой двор* – Видимо, рядом с Польским двором, известным с 1513 г., С. Н. Таценко идентифицирует с двором бояр Романовых, что впрочем маловероятно (*Лаврентьев* 1998. С. 8, 9). Скорее можно думать о Гостином дворе, выходившем на Варварку, который был приспособлен для помещения туда пленных полочан.

28 об.–10. *...сидел в плену Довойна...* – Станислав Станиславович Довойна (ум. в 1573 г.) – воевода Полоцка, попал в плен в феврале 1563 г. вместе со своей женой Петронией (Петрониллой) Радзивилл (*Boniecki* 1863. S. 49-51, 273: PSB. T. 7). В 1553 г. он возглавлял литовское посольство в Москву, во время которого произошел серьезный конфликт с русской стороной из-за непризнания послами царского титула Ивана IV. Кроме того, члены посольства общались с представителями политической элиты России, которые выдали Довойне замысел царя и тем самым свели на нет усилия царских дипломатов добиться признания нового титула государя (*Хорошкевич* 2003-а. С. 139). Он и его окружение принадлежали к государственным или, точнее, государевым пленным (*Гессен* 1918; *Он же*. 1923. С. 55-73), которые пользовались известной свободой. Женщины выходили замуж, знатные пленники оказывались даже на пирах у царя, о чем рассказал Р. Барберини (*Барберини* 1843).

28 об.–11. *...поляки вместе с их женами...* – это полочане, отнюдь не поляки. Странно, что Штаден не различает поляков (Polen) и полочан. Имена некоторых женщин известны – кроме уже упомянутой П. Радзивилл, Есманова – жена полоцкого боярина Глеба Есмана, Горностаева дочь, в ревизии 1552 г. названная Мариной Михайловной (Сб. РИО. Т. 71. С. 414-417, 298; БА. Т. II. С. 219). Однако возвращения на родину дождались далеко не все. Среди выведенных в Россию полочан был очевидно и бернардинский монах. Около городовой стены между Острожных и Дмитриевских ворот Казани находился купленный двор Федора Берняодинова (ПКгК. С. 24. В литературе известно о гибели пяти бернардинских монахов: Klasztory bernardinskie w Polsce w jej granicach historycznych // Kalvaria Zebrzydowska. 1985. S. 265. Цит по: *Сагановіч* 1997. С. 213; *Янушкевіч* 2005. С. 10. Прим. 67).

28 об.–12. *...взял город Полоцк* – Захват Полоцка 15 февраля 1563 г. был произведен в результате похода огромного царского войска (РКПП; *Форстен* 1889. С. 87; Veit Seng Neue statliche Bericht von der reussischen Handel (1567); *Сагановіч* 1995; *Он же*. 1997; *Он же*. 1998; *Янушкевіч* 2005. С. 5-12). После взятия в феврале 1563 г. русскими войсками Полоцка царь Иван IV предал жестокой казни многих его защитников и членов местной иудейской общины, перетопив несчастных в Западной Двине. Показание немецкого авантюриста подтверждается свидетельством Псковской Третьей летописи по Строевскому списку: всех иудеев, что жили в городе, Грозный «велел... с семьями в воду в речноую въметати, и утопили их» (ПЛ. Вып. 2. С. 244. Ср.: Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 662). Одновременно с последними были зарубленны татарами и некоторые полоцкие монахи-бернардинцы: *Скрынников* 1992. С. 156. Ср.: *Хорошкевич* 2003-а. С. 333; *Сагановіч* 1997. С. 217). Очевидно, печальный инцидент с полоцкими евреями послужил источником слуха о поголовном истреблении иудеев в Российской державе в годы правления Ивана Грозного. «Они (московиты – *А. А. Б.*) не допускают у себя ни одного еврея с тех пор, как Иоанн Васильевич, прозванный Тираном, приказал собрать всех их (иудеев – *А. А. Б.*), сколько было в стране, и связав им руки и ноги, привести на мост, велел им отречься от своей веры и заставил сказать, что они хотят окреститься и веровать в Бога Отца, Сына и Святого Духа, и в тот же момент приказал всех их побросать в воду», – писал капитан Жак Маржере в своих мемуарах (*Маржерет*. С. 155-156). Несмотря на очевидную фантастичность

этого известия, процедура «водяной казни» изображена иностранным наемником весьма точно (ср. комм. 4~3). *А. А. Б.*

28 об.–13. *Затем...* – Порядок перечисления объектов на Варварке обусловлен движением от Варварских (Всехсвятских) ворот в сторону Кремля. Судя по всему, Штаден здесь имеет в виду двор бояр Романовых. В XVI в. он принадлежал Н. Р. Юрьеву. Дж. Горсей сообщает, что двор Никиты Романовича располагался по соседству с Английским двором (*Горсей*. С. 80; *Шуцкая* 1992; *Лаврентьев* 1998. С. 8-9). *С. Н. Т.*

28 об.–14. *Английский двор* – резиденция Московской торговой компании. Был пожалован царем Иваном Грозным английским купцам в 1555 г. после заключения англо-русского торгового договора. Его деревянные строения и большой сад сгорели в 1571 г., после чего, еще при Иване Грозном, было поставлено каменное здание, рисунок которого сделал М. Груневег. На «Петровом чертеже» объект обозначен с легендой: «Двор англичан, торгующих в Москве» (Петров чертеж // ПМиКМ. № 13; *Горсей*. С. 72; *Кайдашев* 2005. С. 127; *Баталов, Швидковский* 1992. С. 102-109). *С. Н. Т.*

Дворы иностранного купечества на территории иных государств – общее для всего средневековья явление. Временные жители подобных подворий пользовались экстерриториальностью и привилегиями в торговле. В особенности хорошо известна история ганзейских дворов – Стального в Англии, Немецкого в Новгороде и Полоцке (*Рыбина* 1986; *Она же*. 2002; *Halaga* 1975. S. 467-481; *Choroskevic* 1996).

28 об.–15. *...Денежный двор* – Сообщение Штадена является самым ранним упоминанием о Московском денежном дворе и его расположении в середине XVI в. Топографические сведения Штадена находят свое подтверждение в более поздних русских источниках. За Денежным двором стояла церковь Св. Варвары, а на противоположной стороне улицы – Гостиный двор. Оба объекта остались не замеченными Штаденом (Петров чертеж // ПМиКМ. № 12; *Забелин* 1891. Стб. 1152-1154; *Мельникова* 1989. С. 38; *Таценко* 2000. С. 149-152). *С. Н. Т.*

Во времена Штадена Московский денежный двор, где чеканились деньги – одна из основных монет России, переживал отнюдь не лучшие времена. Резко уменьшилось число денег в кладах: с 50-60 % в кладах до 50-х годов до 34 % в 60 – начале 70-х годов. Причины этого исследовательница русской денежной системы А. С. Мельникова видит, с одной стороны, в гибели самого двора во время пожара 1547 г., с другой, в воз-

действии опричнины, в период которой двор остался на территории Земщины. Чрезвычайно важно и еще одно наблюдение А. С. Мельниковой: На Московском дворе в середине 50-х годов денга чеканилась маточником, на котором всадник, отождествлявшийся с личностью царя, имел не трехлучевую корону, а великокняжескую шапку. А. С. Мельникова убедительно связывает возвращение к менее престижному головному убору с деятельностью Избранной рады и событиями середины 50-х годов (*Мельникова*. 1989. С. 40-41), когда право на царский титул было поставлено под вопрос не только самими подданными Ивана IV, во время так называемого «боярского мятежа» отдавшими предпочтение не царевичу Дмитрию в качестве наследника трона, а Владимиру Андреевичу Старицкому, но и ближайшим соседом России – великим князем литовским и королем польским Сигизмундом II Августом (*Хорошкевич* 2003-а. С. 70-87, 102-104, 131-132). Наконец, были и экономические причины сокращения чеканки денег: их вытесняла более крупная копейка, полнее отвечавшая новым условиям активной внешней и внутренней торговли. Однако на чеканке копейки специализировались дворы в Новгороде и Пскове (*Мельникова* 1989. С. 42-43).

29–1. *...все торговые улицы* – Торговые ряды состояли из торговых лавок и складских помещений. Они тянулись вдоль Торговой (Красной) площади от Неглиненских до Водяных ворот Китай-города. При Иване Грозном Торговые ряды были деревянными. Первоначально название торгового ряда соответствовало тому товару, который там продавался. Однако такой порядок, отмеченный Штаденом, позднее стал нарушаться, и в XVII в. стал носить формальный или топографический характер. После московского пожара 1595 г. деревянные торговые ряды были перестроены в каменные (Петров чертеж // ПМиКМ. № 9; ПСРЛ. Т. 34. С. 196; *Богоявленский* 1980. С. 174-180). *С. Н. Т*

29–2. *...вернуться... в какой-нибудь из приказов* – Извозчики Москвы, некоторая достопримечательность каждого средневекового города, описаны и другим иностранцем Мартином Груневегом.

29–3. *Посередине города... двор, в котором, говорят, льют пушки* – «Городом» Штаден обычно именует Китай-город. Однако в данном случае под «городом» понимается вся Москва. Русские летописцы «городом» (или «городом старым») называли Кремль. Известно, что задолго до появления Штадена московский Пушечный двор располагался на левом берегу Неглинной, напротив Троицких ворот Китай-города: «за го-

родом Болшей посад возле Неглимну» – вплоть до XIX в., оставив след в микротопонимике Москвы – Пушечная улица. Сведения об этом дворе Штаден получил от посторонних. Самому ему, видимо, там бывать не приходилось (Петров чертеж // ПМиКМ. № 10; ПСРЛ. Т. 13. С. 153, 333; Т. 29. С. 17; *Сытин* 1929. С. 7-20; *Шмидт* 1951. 292). *С. Н. Т.*

29–4. *...решетчатые ворота... не мог через них проехать верхом или пройти...* – Порядок перекрывать улицы Москвы в ночное время «решетками» (деревянный решетчатый забор с воротами) был установлен при Иване III в 1503 г. Эту особенность ночной жизни столицы наряду с летописцами отмечало большинство иностранцев, писавших о «Московии» XVI–XVII вв. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 371; Иоасафовская летопись. С. 146; Описание Николая Варкоча. С. 166; Иностранцы о древней Москве. С. 84, 137). *С. Н. Т.* См. также комм. 5-1, 5-4.

29–5. *Так же построены... города и предместья* – Эта фраза подытоживает рассказ о решетках. После этого автор возвращается к особым дворам в городе (Москве) – церковным. А после этого в новом абзаце предложение, которое имеет очевидную перекличку с вышецитированной подитоживающей фразой «Однако когда была построена опричнина»... Думается, что вставка о церковных дворах попала на это место по ошибке. Она должна была быть включена в описание Китай-города, или просто «города», как называет его Штаден.

29–6. *...епископы имеют... особые дворы* – Усадьбы епископов и подворья монастырей имелись не только в столице (подворье Троицкого, Кириллова монастырей и др.), но и в городах, в уездах которых располагались эти монастыри.

29–7. В рукописи *Canzleyenn* – описка вместо *Canzeler*. *С. Н. Ф.*

29–8 *...2000 низших из дворян...* – Любопытна приводимая Штаденом цифра приказного дьячества – царской служилой бюрократии.

29 об.–1. *...эти дворы... свободны от государевой службы* – Штаден ошибочно пишет о «службе» (*Herrendienste*) вместо «тягла», перечисляя различные категории лиц, которые либо «исправляют должность в приказах» (auf alle canzeleien warten), либо «служат» (dienen) «великому князю». Речь идет об обеленных дворах духовных лиц (как церковных иерархов, так и рядового белого духовенства), военно-служилой знати, членов приказного (низшее дворянство) и земского (воротные сторожа) аппарата, дворцовых слуг, чужеземцев и дворах, предназначенных для постоя иностранных посольств (о последних см.: *Юзефович* 1988. С. 74-80).

29 об.–2. *...на западной стороне... речки Неглинной...* – Согласно царскому указу об опричнине 1565 г., в состав опричной половины Москвы вошли Чертольская улица (Волхонка) с сельцом Семчинским (район Остоженки), Арбатская улица с Сивцовым «врагом» (район Знаменки, Воздвиженки и Старого Арбата) и левая сторона Никитской улицы. Из московских слобод в состав опричнины вошли дворцовые Ильинская (район Барашевских переулков), Воронцовская (район улицы Воронцово поле) и Лыщиковская (на левом берегу Яузы). *С. Н. Т.*

29 об.–3. *...духовный или мирянин...* – Сообщение Штадена об опричном «переборе» московского населения подтверждается и русскими источниками, правда, в такой же общей форме. В литературе отмечается, что опричные переселения не затронули торгово-ремесленной части московского посада (ПСРЛ. Т. 13. С. 396; *Кобрин.* 1989. С. 66; *Скрынников.* 1992. С. 218). *С. Н. Т.*

29 об.–4. *...взятые в опричнину... дворы... приказать разобрать и перевезти...* – Практика разбора готовых домов и переноса их на новые места облегчалась тем, что и первоначально дома ставились из готовых и подогнанных срубов, продававшихся в предместьях Москвы, как указал М. Груневег.

29 об.–5. *...великий голод и чумное поветрие* – эти бедствия достигли Москвы лишь в 1569 г. (*Гамель* 1865. С. 102). См. комм. 17-2.

29 об.–6. *...торговые люди... скитались...* – Штаден не говорит о насильственных переселениях (ср.: ПСРЛ. Т. 13. С. 396). Причину нестабильности богатого купечества он видит, однако, в царском указе, о котором см. далее.

29 об.–7. *...указ, пришедший из опричнины в земщину* – по-видимому речь шла о послании царя в январе 1565 г. Тогда понятна и реакция купечества. Однако подобному отождествлению противоречит тот факт, что данное сообщение вставлено между известиями 1569 и 1571 г. Таким образом, указ, о котором пишет Штаден, должен был бы относиться к 1570 г. Обычно его отождествляют с составлением списка опричников и земских. Флетчер знал о существовании подобного списка: «и тех, и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников» Возможно, список 1570 г. был типологически близок к опубликованному Д. Н. Альшицем, включившем и земских, и опричников (*Альшиц* 1949. С. 3-71; *Кобрин* 1960. С. 17, 18; *Таценко* 2002. С. 183).

30–1. *...крымский царь. Подошел к Москве...* – речь идет о походе Девлет-Гирея весной 1571 г. Мнения исследователей относительно достоверности сообщения об участии в этом походе Темрюка – тестя царя Ивана см. комм. 21 об.-5.

30–2. *...незащищенный город Ростов* – таковым он остался и позднее. Ростов – город на берегу оз. Неро, существовавший в X–XI вв.в составе Ростово-Суздальского княжества XIII в., с XI в. – епископия, позднее архиепископия. Окончательно присоединен к Владимирскому и Московскому княжеству в 1474 г. (*Семенченко* 1986. С. 171-175). То, что Штаден назвал монастырем, – это или архиепископский двор с собором Успения или Авраамиев монастырь X в., Богоявленский собор которого освящен в присутствии Ивана IV в 1554 г. Монастырскую легенду о безопасности этого святого места Штаден передает единственным. Возможно, он услышал ее в походе 1572 г. (*Титов* 1884. С. 35-43). *С. Ю. Ш.*

30–3. *...увеселительный дворец, Коломенское...* – село к югу от Москвы, храм Вознесения, построенный Василием III в честь рождения Ивана, будущего царя, любимое место его и его отца ближней охоты.

30–4. Нем. *hackellwehr* – «защищенное палисадами переднее укрепление, в отличие от защищенной стенами крепости» (*Grimm.* Bd. IV. Abt. II. Sp. 102). Это слово имеет своим источником нижненемецкий язык, ср. снн. *hakelwerk* – «ограждение земельного участка или подворья (кольями и терном)» (*Lübben.* S. 133). *С. Н. Ф.*

Земляным городом Штаден называет ту часть городского посада, которая располагалась в пределах земляного вала, проходившего по линии современного Бульварного кольца. Построенный во времена Василия III, вал был укреплен тыном. В 1571 г. воины крымского хана Девлет-Гирея, разметав колья на валу, смогли проникнуть в Москву и поджечь посад в районе Старого Ваганькова и Арбата (*Забелин.* Т. 1. С. 54). *С. Н. Т.*

30–5. Нем. *Aprisna* иногда употребляется автором в значении «опричный двор». *С. Н. Ф.*

30–6. *...не осталось и 300 способных к бою* – Описание пожара в Москве вполне соответствует сообщениям других источников, в частности Таубе и Крузе. Пожар был настолько силен, а население города настолько уменьшилось, что в столице не оказалось достаточного числа работоспособных людей, чтобы очистить город от обугленных трупов. Для этого пришлось «наряжать посоху» из других городов (*Зимин, Хорошкевич.* С. 128). Общая картина пожара 1571 г., нарисованная Штаде-

ном, подтверждается другими русскими и иностранными источниками. При совпадении и отличиях в деталях за Штаденом все же остается приоритет, как за современником-очевидцем. Соловецкий летописец рассказывает, что пожар начался «на пятом часу дни», а завершился «до 9 часу». Пискаревский летописец сообщает о трехчасовом пожаре, а также о взрывах пороховых складах в кремлевской стене ниже Фроловской башни и в стене Китай-города, напротив Земского двора (*Горсей*. С. 56-57; Иностранцы о древней Москве. С. 77-79; ПСРЛ. Т. 34. С. 191; *Тихомиров* 1979. С. 198). *С. Н. Т.*

30–7. *Колокола на храме...* – Штаден не конкретизирует, на каком именно. Видимо, речь идет об одном из кремлевских храмов. Можно было бы думать, что о главном из них – Успенском или колокольне Ивана Великого. Однако неизвестно из других источников, чтобы тут была звонница в форме стены. Дальнейшее указание на «церковные башни» заставляет думать о Покровском соборе (Василия Блаженного).

30 об.–1. *...на колокольне посредине крепости...* – это колокольня Ивана Великого.

30 об.–2. *Самый большой упал и треснул* – возможно, это Благовестник.

30 об.–3. *...бывшие в погребах люди задохнулись* – и это сообщение Штадена соответствует действительности. Так, в частности, погиб кн. Иван Дмитриевич Бельский, М. И. Вороной-Волынский и другие воеводы. Подробнее об этом Штаден рассказывает в своей биографии.

31–1. *Строения Опричного двора* – Опричный дворец был московской резиденцией царя во второй половине 60-х годов XVI в. Споры историков, исходивших из письменных сооообщений XVI–XVII вв., о его местонахождении – на Воздвиженке, Арбатской ул. или на Никитской ул. продолжались в течение всего XIX–XX вв. Ход их внимательно проанализировал Н. А. Кренке (*Кренке* 2005. С. 55-58). В результате многолетних раскопок, начиная с 1935 г., когда ими сопровождалось строительство метро, установлено, что территория двора захватывала центр и северную часть двора Московского университета в нынешнем Романовом пер. («северная стена ограды проходила там, где стоят университетские корпуса, выходящие фасадами на ул. Никитскую. Остатки восточной стены могут находиться под проезжей частью Моховой ул. и в пределах сквера перед зданием университета». Там же. С. 66). В настоящее время данные об этом точнее: выделена территория хозяйственных построек Опричного двора, ограниченного Моховой, Воздвиженкой, Большой

Никитской и Романовым переулком (*Кондратьев, Кренке* 2003. С. 504; *Павлов* 1990). В XII–XIII вв. здесь было небольшое сельское поселение, запустевшее в XIII в. В XIV–XV вв. и вплоть до середины следующего века на восточной части существовала усадебная застройка, возможно, с обычными для того времени огородами.. В западной части обнаружены две постройки срубного типа, относящиеся ко второй половине XVI в., а рядом с ними ямы глубоких (до 3 м) погребов. Южнее и восточнее построек находились надворные печи из маломерного плинфообразного кирпича размером 4 х 10,5 х 22 см., характерного для построек Москвы конца XV–XVI вв. В одной из подпечных ям с деревянным опечком под был выстлан кирпичами. В ямах печей этого более раннего «поколения» наиболее интересна находка поддона стеклянного кубка, аналогичного кубку из погребения царицы Анастасии, скончавшейся в 1560 г. (*Воронова, Панова* 1997), рядом с печью «второго поколения» обнаружена пороховница карпатского происхождения второй половины XVI в., стрелы и осколки стеклянных кубков, подобных тем, что изготавливались в Венеции XV в., и их немецким и чешским подражаниям XVI в. и печать владычного наместника времени «независимости» Великого Новгорода не позднее 1480 г. Все эти находки предположительно связаны с опричным дворцом Грозного.

Считается, что после пожара 1571 г. дворец за Неглинной больше не возобновлялся. Однако по имеющимся в источниках данным можно предположить, что царский двор был отстроен заново. В Пискаревском летописце под 1575 г. сохранились сведения о пребывании царя «на Орбате, против Каменново мосту старово». В том же летописце под 1598 г. сообщается о старом государевом дворе за Неглинной, в котором в начале XVII в. жил князь Д. И. Шуйский. Свидетельством восстановления двора после пожара 1571 г. являются новые погреба в западной части комплекса и в центре остатки печей, восстановленных или сложенных позднее 1571 г. из большемерного кирпича 7 х 14 х 29 см (*Кондратьев, Кренке* 2003. С. 498), которые часто встречаются на территории Занеглименья (*Векслер, Осипов* 1996). Обнаруженная печь, обслуживавшая царский двор, имела три топочные камеры диаметром 1,4-1,6 м, соединенные общим котлованом-приямком, откуда и происходила загрузка дров в камеры. Последние представляли из себя открытые очаги округлой формы, кирпичные стенки которых возвышались на 7-8 рядов. По предположению Кондратьева-Кренке, в них помещались медные много-

ведерные котлы, от которых сохранились лишь заклепки. Аналогия этим заклепкам обнаружена вместе с остатками самих котлов в слое порубежной крепости XIV–XV вв. в д. Гальчино на р. Протве (*Кренке, Янишевский* 2001). Котлы на опричном дворе, кажется, можно интерпретировать как остатки пивной поварни, описание которой есть и в русских источниках XVII в. («в очагу котел железной, русла на стану, руселное корыто, что под русла ставят» АЮБ. Т. III. № 321. С. 190. 1668 г.) и в русском дневнике Энгельберта Кемпфера. Он наблюдал изготовление пива в Нижнем Новгороде (*Kämpfer E.* Bd. II. S. 134).

В связи с новыми данными раскопок 2002 г. Н. А.Кренке таким образом представляет местоположение и устройство опричного двора. «...весь комплекс был ориентирован не строго по странам света, но с отклонением на северо-восток», что избавляло от необходимости пересекать овраг с притоком р. Неглинной. «Ворота северной стены выходили в сторону Арсенальной башни Кремля и Китай города... Большая палата и еще две высокие постройки со шпицами находились примерно в центре напротив восточных ворот, чуть южнее у восточной стены стояли хоромы государя. Большая палата, хоромы и церковь за стеной соединялись переходами, шедшими поверху (на столбах?). Калитка в южной стене была «деловым» входом. Перед ней было место, где оставляли лошадей князья и бояре (очевидно, здесь были коновязи). Рядом с этим входом стояли здания приказов. Западную часть огражденной территории занимала большая площадь. Хозяйственный двор находился в северной части комплекса, очевидно, чуть подалее северных ворот». Хозяйственный блок с поварнями, погребами, мыльнями Н. А. Кренке предположительно размещает внутри комплекса за внутренним ограждением. Разумеется, царь, столь опасавшийся за свою жизнь и здоровье, не мог вынести подобный блок за пределы своего «двора» (*Кренке* 2005. С. 61-62).

Н. А. Кренке допускает возможность, что постройки на исследованной территории могли быть уничтожены и предшествующими пожарами 1560 и 1564 гг. Это маловероятно, ибо печать из новгородского владычного архива вряд ли могла попасть в Москву до 1569 г. Дальнейшая история двора, уничтоженного пожаром 1571 г. выглядит так: в западной части откапываются новые погреба, в центре восстанавливаются надворные печи (но уже из большемерного кирпича), которые действовали однако не очень долго. Теперь они, по предположению Н.А. Кренке, обслуживали царский двор. В конце XVI в. территория неожиданно за-

пустевает и снова покрывается огородами, возможно принадлежавшими комплексу начала XVII в., в котором жил Д. И. Шуйский.

31–2. *...на высочайшем холме* – Холм на правом берегу р. Неглинной был останцем третьей надпойменной террасы долины Москва-реки, ограниченного с севера руслом Успенского вражка (ныне под старым зданием МГУ, ул. Моховая, 11), с юга – истоками ручья Ленивка, ныне одноименной улицы в р-не Знаменки. По площади и высоте (140 м.) холм не уступал Боровицкому (*Кондратьев, Кренке* 2003. С. 498), однако имел довольно низкие и сырые лощины (126-130 м.)

31–3. *...на расстоянии ружейного выстрела...* – Квартал, пределами которого Кондратьев и Кренке ограничивают территорию Опричного двора, находится в 109 саженях (около 220 м.) от Кремля (*Кондратьев, Кренке* 2003. С. 504).

31–4. *...стенами... из обожженного кирпича* – К сожалению, остатков стен археологам обнаружить пока не удалось.

31 об.–1. *...два резных и расписных льва* – Лев – символ силы и власти, эмблема владимиро-суздальских князей, наследником которых считал себя и был на самом деле и великий князь московский.

31 об.–2. *...двуглавый орел с распростертыми крыльями* – Двуглавый орел – «орел пластаной, орел с распростертыми крыльями» (*Ларин* 2002. С. 304), эмблема великого князя всея Руси, символ Российского царства. В первом качестве он изображен на государственной печати Ивана III, созданной в 1489 г. или в 1493 г. (*Кучкин* 1999; *Агоштон* 2005. С. 451), во втором (как символ Российского царства) на Большой государственной печати его внука 1563/1573 г. (*Stökl* 1972; *Lind* 1985; *Хорошкевич* 1997-а. С. 184-191). Примечательно, что даже спустя полустолетие, наполненное Смутой и войнами, из народной памяти не изгладилась связь «пластаного орла» со временем опричнины. Так, Ричард Джемс занес в словарь определение «пластаного орла», подробно описывая привилегированное положение англичан в период опричнины, которые «могли делать, что им угодно, не получая ни от кого ни распоряжений, ни взысканий» (*Ларин* 2002. С. 304).

31 об.–3. Нем. *sommerhaus* – «комната в доме в виде зала, используемая летом как жилая и в особенности как столовая» (*Grimm*. Bd. X. Abt. I. Sp. 1532-33). *С. Н. Ф.*

32–1. *...погреб, полный больших кусков воска* – Воск наряду с пушниной был одним из главных экспортных товаров из Руси и России (*Хо-*

рошкевич 1963). Видимо, существовали купцы, специализировавшиеся на торговле именно этим товаром. Один из них – житель Дмитрова был настолько состоятелен, что его потомки имели возможность воздвигнуть крест, который по своим размерам и характеру художественной обработки, хотя и уступает знаменитому кресту великокняжеского дьяка Степана Бородатого, представляет уникальное явление в русской пластике XV в. Впрочем, публикаторы надгробного креста «На Пантелее над вощесником» 1462/1467 гг. – археолог и искусствовед полагают, что данное лицо занималось обработкой воска (*Гаврилов* 1985. С. 219-222; *Попов* 2006. С. 326). Это предположение маловероятно, поскольку никаких аналогий состоятельности ремесленников не имеется, больше процветали купцы, соучаствовавшие не просто в торговле, но внешней торговле с различными европейскими странами, где был очень высокий спрос на пушнину и воск. Царская казна, судя по описаниям иностранцев, была переполнена мехами и изделиями из них. Естественно, что и запасы воска должны были составлять стратегический резерв государя. К сожалению, это единственное упоминание о хранилищах воска в центре столицы и других городах России.

32–2. *...площадь... посыпана белым песком высотой в локоть из-за сырости* – Сообщение Штадена о толстом слое песка подтверждено археологически. Во время работ в 1935 г. в связи с проведением метрополитена были обнаружены следы этого песка (*Пассек* 1936. С. 94).

32–3. *...все приказы* – Вопрос о существовании в опричнине всех приказов до сих пор остается спорным. Так, кажется, Посольский приказ оставался земским. Впрочем, далее Штаден пишет только о делах, касавшихся внутреннего управления.

32–4. *...пока... не ударили в колокол* – подобный порядок судопроизводства и времени производимых казней был закреплен в Стоглаве (см. выше комм. 28-2).

32–5. *...челобитья... направлялись в земщину* – Видимо, речь шла по преимуществу о земельных пожалованиях. Можно предполагать, что и Поместный приказ либо существовал исключительно в земщине, либо дублировался там.

32 об.–1. *...кухни, погреба, хлебни и мыльни* – В результате раскопок 1996–1999 гг. найдены печи «двух поколений» – более древние из плинфообразного кирпича 4 х 10,5 х 22 см., характерного для построек Москвы конца XV–XVI вв. и большемерные 7x14x29, восходящие к 70-м

годам XVI в. В подпечных ямах и рядом с печами обнаружено большое количество количество медных пул (*Гайдуков, Кренке* 1999. С. 129-131). Рядом с печью второго поколения также найдены пула, серебряная копейка 1538–1547 гг. Вероятно, пиво на царском дворе продавалось, как и в царских кабаках, а не было щедрым царским угощением. Общему характеру вещей из раскопа на «Романовом дворе», по преимуществу из обихода воинов, в том числе и иностранных типа Штадена, несколько противоречат многочисленные находки глиняных игрушек (см. комм. 31-1). Несмотря на это можно согласиться с археологами, что ими была вскрыта хозяйственная зона Опричного двора, описанная Штаденом (*Кондратьев, Кренке* 2003. С. 500).

32 об.–2. *...вывешивали... рыб... севрюга и стерлядь* – Видимо, речь шла о сушеных или копченых рыбах и дичи.

32 об.–3. *Хлеб... несоленый* – Сообщение об особенностях хлеба, употреблявшегося Иваном Грозным – единственный намек на то, что Штаден не только был приглашен «Хлеба ести», но и действительно отпробовал его. Иосиф Волоцкий в послании архимандриту Митрофану Андронниковскому писал: «Да лучило ми ся... у великого князя хлеба ести» (ПИВ. С. 176). Обычай сохранялся и в начале XVII в. «Сам император, приглашая послов, говорит, – по словам капитана Маржерета, – не что иное как kleby est sa mnoi, т. е. поешь[те] со мной хлеба « (*Маржерет*. С. 165). Ср. комм. 73-3.

32 об.–4. *...на колоннах и на своде... резьба в виде листвы* – Орнамент в виде акантовых листьев – одна из наиболее характерных особенностей стиля XVI в.

33–1. *...церковь... в форме креста* – Не редкость в русском зодчестве XVI в. Многочисленные миниатюры Лицевого свода изображают именно такой план закладываемых церквей.

33–2. *...фундамент высотою в восемь дубовых бревен...* – Из этой формулировки неясно, что представлял собой фундамент – лежащие друг на друге бревна или обычные вбитые в землю дубовые колоды.

33–3. *...церковь... три года стояла непокрытой* – из этого сообщения можно сделать несколько выводов. Прежде всего о дате постройки здания (если учесть, что опричный двор сгорел весной 1571 г., то церковь должна была быть построена не позже зимы 1567/68 г.), и, во-вторых, о чудовищной нехватке финансовых средств у царя, несмотря на разорение церковных сооружений в Ливонии, где снимались именно крыши,

он не смог в течение трех лет выделить средств и материалов на завершение постройки в столице государства.

33–4. *...в лесу, называемом Клин* – Если идентифицировать этот лес с окрестностями г. Клина, то следует думать, что вырубка елового леса в Клину была некоторым новшеством сравнительно с первой четвертью XVI в. Герберштейн сообщал, что лес для московских построек сплавляли по реке из района Можайска. Видимо, к 60-м годам запасы строевого леса у Можайска несколько оскудели (*Герберштейн* 2008-I. С. 287, 625).

33–5. *...незащищенный посад... Клин* – Сомневаться в том, видел ли Штаден г. Клин, не приходится, поскольку в своей Автобиографии он привел убедительные доказательства участия в новгородском походе Ивана IV. Между тем уже в духовной Ивана III Клин назван городом (ДДГ. № 89. С. 357. 1504 г.). Разъезжая грамота Ивана III сыну Юрию представляет Клин центром одноименной «земли», состоящей из станов и волостей и густо наполненной деревнями на границе с Рузскими и Дмитровскими волостями (Там же. № 96. С. 402-403, 405). В духовной Ивана IV Клин снова фигуририрует как «город ... с волостми , и с селы, и со всеми пошлинами» (Там же. № 104. С. 438. 1572 г.). Город передавали в кормление «...с правдою, и с петном, и с явкою, и с роговым, и со всеми пошлинами», а в 1547–1552 г. там действовала корчма (АСЗ. Т. 1. № 135. С. 106. 1547–1552 гг.). Таким образом, кормленая грамота Д. Ф. Кушелеву 1547–1552 гг. рисует процветающий город с развитой торговлей, к которому вряд ли подходит определение простого посада, хотя подобное определение подчеркивает именно торгово-ремесленную деятельность жителей. Трудно сказать, чем определяется разноречие отечественных и иностранной оценки Клина. Одно из возможных объяснений следует искать в воздействии на развитие Клина новгородского похода Ивана IV, в результате которого город пострадал, хотя о том, насколько сильно, историки спорят. Завещание царя Ивана обычно датируют 1572 годом, однако, как показала Е. И. Колычева, в нем несомненно можно проследить более ранние слои. Не исключено, что текст, касавшийся Клина, был написан ранее похода на Новгород (*Тюльпин* 2002-б. С. 417-419). Согласно новейшей гипотезе – завещание Ивана IV фальсификат.

33–6. *...инструмент в виде... ножа, вставленного в ручку* – Характеристика инструментов, употреблявшихся плотниками при строительстве опричного дворца, указывает на то, что Штаден был свидетелем его возведения. Неназванный им инструмент – это скобель.

33 об.–1. *...не осталось ни кошек, ни собак* – Поджог Москвы Девлет-Гиреем имел место 24 мая 1571 г. Первый монастырь – по-видимому, за Неглинной, откуда огонь переметнулся и на опричный двор.

Результаты поджога столицы таким же образом описывают Таубе и Крузе. «Не осталось ни одного деревянного строения, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня»,– писали немцы (*Таубе, Крузе*. С. 53-54; *Зимин* 2001. С. 271-274; *Скрынников* 1992. С. 421-444).

34–1. *...хотел искоренить всю несправедливость правителей и приказных, так чтобы... новые правители... судили без подарков, даров и подношений* – Мотивация внутриполитической линии царя у Штадена несколько противоречива: искоренение неправильных порядков тот предполагал произвести с помощью физической ликвидации родов (именно родов, а не отдельных личностей), «которые не служили его предкам верой и правдой». Почти того же мнения, по словам Штадена, придерживались и земские, отождествлявшие опричный порядок с опричным двором. Весьма примечательное смешение порядков и людей, живших в соответствии с ними, характерное для истории России даже XX–XXI вв. При этом Штаден термин «судебник» снова употребляет во множественном числе (ср. комм. 3 об.-3).

34–2. *Так пришел конец опричнине...* – его Штаден связывает с набегом Девлет-Гирея. Однако часть исследователей, в частности, Д. Н. Альшиц, отчасти Р. Г. Скрынников, не согласилась с мнением прежнего опричника. Компромиссную позицию занял А. П. Павлов. Эти ученые полагают, что сохранение вплоть до смерти царя особого двора Ивана IV можно рассматривать как продолжение опричнины. Думается, для этого нет оснований, ибо восстановление прежних земельных порядков не создавало почвы для проведения репрессивной политики по отношению к землевладельцам знатного происхождения. Иную точку зрения изложили А. Павлов и М. Перри, определенно связав «бесспорный факт» отмены опричнины с битвой при Молодях и внутриполитическим кризисом (*Pavlov, Perrie* 2003. P. 166-167).

34 об.–1. Речь идет о походе, завершившемся битвой на Молодях.

34 об.–2. *...вбили два частокола* – укрепления вдоль Оки, это прообраз сооруженной позднее Засечной линии, первый опыт ограждения границы с помощью фортификационных укреплений от татарских набегов. Данные Штадена содержат сведения о самом раннем этапе строи-

тельства Засечной черты. Сам тип укреплений сложился давно. Таким же образом возводилась крепость Свияжска (Список книг свияжских. С. 13; *Каргер* 1929. С. 139).

34 об.–3. *Частоколы ставили слуги князей и бояр по числу их имений* – Организация строительства временных частоколов в 1572 г. полностью отвечала средневековой традиции, когда отдельные части городской стены возводились боярскими родами. Штаден сообщает лишь одну подробность, отсутствовавшую в русских нарративных источниках. Он пишет, что разнарядка на строительство производилась в соответствии с размерами земельных владений.

34 об.–4. – *...против нас...* – В «Автобиографии» Штаден рассказывает о своем участии в походе.

35–1. Нем. *wagenborgk* – «военное укрепление, сооруженное из связанных вместе повозок; укрепленный лагерь, разбиваемый войском вокруг крепости перед ее штурмом» (*Grimm.* Bd. XIII. Sp. 445). *С. Н. Ф.*

гуляй-город – временное передвижное (на колесах или санях) деревянное башнеобразное укрепление с бойницами для пищалей и мелких пушек, употреблявшееся в бою, а также для осады городов (в этом случае укреплялось цепями). Собиралось по мере надобности из предварительно заготовленного материала. С начала XVI в. и в следующем столетии получило большое распространение (*Флетчер.* С. 84; РИБ. Т. 13. Стб. 305-306; *Епифанов* 1977-в. С. 334-335). *С. Ю. Ш.*

35–2. *...высшего военачальника крымского царя Дивей-Мурзу* – Дивей-Мурза – из крымского рода мангытов (мансуров), начал свою карьеру в Иране, зимой 1539/40 г. попал в крымский плен, поступил на службу крымскому хану, в течение 50 х годов в связи с переселением ногаев из-за Волги в Причерноморье и на территорию Дикого поля возглавил Ногайский улус Крымского ханства (хотя ассимиляции ногаев в это время и не произошло), в 1560 г. «кровопийца христианский» (по определению А. М. Курбского) совершил нападение на Рыльск, со времени уразы-байрама 1563 г стал мангытским карачи-беком, в этом качестве предлагал Ивану IV воевать Корону Польскую и ВКЛ, но потребовал огромные поминки, на что царский посол в Крым Афанасий Нагой не согласился. Участвовал в походах на Россию 1571 и 1572 гг. После пленения его 30.07.1572 г. в битве при Молодях, когда Девлет-Гирей «едва в Орду утече, а хоругвей великих бусурманских и шатров своих отбежал в нощи» (РИБ. Т. 31. Стб. 287), попал в Новгород и жил там под надзором

кн. Б. Д. Тулупова на ул. Рогатице. Крымский хан Девлет-Гирей сделал несколько попыток (в том числе и путем обмена на плененного думного дворянина В.Г. Грязного) освобождения мурзы. Хан был заинтересован. в нем, поскольку «нагайские люди в Крыме были Девеем верны». Дивей же поступил на царскую службу и в 1581 г. находился в Старице при царском дворе. Воспользовавшись набегом Хр. Радзивила, в 1581 г. бежал и поступил на службу Стефану Баторию (РК 1475–1598. С. 188; РИБ. Т. 31. Стб. 286; НЛ. С. 120; *Трепавлов* 2001. С. 227, 228, 305, 306, 360-362, 420).

35–3. *Никто не знал их языка* – заявление довольно странное, если иметь в виду и постоянные экономические отношения, и непрекращавшиеся военные стычки, и тот факт, что мурзу пленил суздальский сын боярский Темир Алалыкин (Иван Шибаев). Маловероятно, что ассимиляция казанских и крымских татар приводила к потере родного языка. Скорее можно думать, что крымцы пользовались нагайским языком (?).

35–4. *...приказано каждому привести своих пленников* – здесь четко обозначена система распределения пленных между отдельными участниками сражений. Эпизод с идентификацией Дивей-мурзы после битвы на Молодях 27-30 июля 1572 г. показывает, что пленные, добытые в бою, считались добычей отдельных воинов, как это и было раньше – до завоевания Полоцка (*Хорошкевич* 2003-б. S.117-120). Ср. комм. 36-1.

35–5. *Михаил Воротынский* – см. комм. 3-7. В течение 1570–1571 гг. он постоянно находился на южных рубежах страны (РК 1475–1598. С. 232-234, 237, 239) и оказался главным героем битвы при Молодях (*Бурдей* 1963. С. 71-72). Он был вместе с И. В. Шереметевым воеводой Большого полка, во время движения воинства к Оке, во главе полка правой руки стояли Никита Романович Одоевский и Ф. В. Шереметев, передовой полк возглавляли А. П. Хованский и Д. И. Хворостинин. Однако на берегу (исправление издателей разрядной книги – в Серпухове по двум спискам, очевидно неточно) к большому полку присоединились А. Д. Палецкий, Юрий Курлятев и Ю. Францбек с немцы (РК 1475–1598. С. 247). Видимо, в отряде Францбека, как уже говорилось, мог находиться и Штаден.

35 об.–1. *Erp baurenn* – букв. наследственные крестьяне, может быть, действительно холопы, хотя для их обозначения Штаден употребляет другие термины, И. И. Полосин принял термин «мужичье», несвойственный XVI в. В данном случае возможно употребление и старого термина «смерды». В рассказе Пискаревского летописца, почти дословно совпада-

ющего с приведенным Штаденом диалогом (ПСРЛ. Т. 34. С. 225), вообще отсутствует уничижительное обращение к русским военачальникам.

35 об.–2. *Все города ...были поделены между мурзами крымского царя...* – То же сообщение содержит и Пискаревский летописец (ПСРЛ. Т. 34. С. 192), отзвуки его слышны и в исторических песнях о нашествии Девлет-Гирея на Москву (*Миллер* 1913. С. 11, 12; *Epstein*. S. 80. Anm. 10). *С. Ю. Ш.*

36–1. *...добычу поделили не поровну...* – Принцип распределения движимого имущества (возможно, в том числе и пленных) в ногайско-крымском войске отличался от русской системы (ср. комм. 35-4); возможно, данный случай был исключительным, как наказание за предшествующую неверность в 1572 г.

36–2. *князь... обратился в бегство... в Великий Новгород* – Иван IV действительно был в Новгороде весной 1572 г., и ганзейцы на съезде в Любеке 9 июня–15 августа 1572 г. полагали даже, что он собирается перенести сюда свою столицу (Kölner Inventar. Th. 2. S. 377. Цит. по: *Epstein*. S. 80 Anm. 5). Весной 1571 г. во время нападения Девлет-Гирея царь уехал в Вологду, а не в Новгород (см. подробнее: *Казакова* 1977. С. 200-206). Это единственная ошибка Штадена в рассказе о битве при Молодях.

36–3. *Великий князь послал... лживую грамоту* – Ту же версию, но без указания Магнуса, передает и Пискаревский летописец, в московском же речь идет просто о пленнике, которому «Бог вложи совет благ». Фр. Эпштейн полагал, что Штаден, как Таубе и Крузе, передавали поразному один и тот же слух (ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 225). *С. Ю. Ш.*

36–4. *...при монастыре, что стоит под Серпуховым* – Уточнить, при каком из двух – Владычном (основан в 1360 г.) или Высоцком 1374 г.соответственно на правом и левом берегу р. Нары, были похоронены павшие при Молодях православные воины, не представляется возможным Скорее это был первый из них, находившийся в сфере благожелательного внимания царя, пожаловавшего ему в 1572 г. мельницу на посаде (*Рождественский* 1866. С. 262). *С. Ю. Ш.*

36–5. *имения были... улучшены* – Это называлось «одабриванием», т.е. переоценкой качества земли, при которой за 100 четвертей доброй земли засчитывались 125 четвертей «середней» или 150 «худой». *С. Ю. Ш.*

36 об.–1. *...сыновья, достигшие 12 лет... заносились в смотренные списки* – Явный недостаток воинов на втором этапе Ливонской войны заставил пересмотреть возрастную планку службы и понизить ее с 14-15

лет до 12, что обычно происходит в каждой сколько-нибудь длительной войне. Речь идет о конкретных смотренных списках 1572–1573 г., которые должны были учесть реальное положение в начале 70-х годов. Об этом Штаден пишет и в автобиографии.

36 об.–2. *...единая вера...* – Скорее можно говорить о преобладающей православной вере, поскольку в составе Российского царства жили и мусульмане, и язычники, в середине XVI в. появились католики и протестанты разного толка.

37–1. *единый вес, единая мера* – Преувеличение Штадена (*Дмитриева* 2003. С. 480-482, 484-485, 491-493, 499-500), хотя действительно царская власть принимала меры для внедрения единообразных мер. Так. на севере согласно Двинской уставной грамоте 1549/50 г. запрещалось использовать «свои пузы» и предписывалось «держать... пуз, который за моею печатью у моих таможенников» (АИ. Т. I. № 141; *Носов* 1969. С. 337)

37–2. *Бревна отметили сверху донизу, разобрали этот город* – Способ строительства Свияжска в 1551 г. был обычным для русских городов и крепостей. Так же строили дома и в Москве XVI (об этом способе строительства рассказывает М. Груневег по воспоминаниям 1585 г., ср. комм. 29 об.–4) и XVII вв. и в средневековом Новгороде: свидетельство тому буква «а» на одном из нижних венцов дома в раскопках 1951 г. на Славенском конце (*Арциховский, Тихомиров* 1953. С. 46-47).

37 об.–1. *Называет [он] его Свияжском* – Строительством Свияжска руководил дьяк И. Г. Выродков, речным путем поставлявший материал из Углича. В качестве инженера выступал «немчин» Размысл (Асмус) – Эразм (*Каргер* 1929. С. 135-137). О способе строительства города напоминает его герб со схематичным изображением крепости на берегу, на котором стояла шеренга речных судов носами к зрителю (*Фехнер* 1977. С. 219).

С. Ю. Шокарев отметил ошибку Штадена, писавшего будто во главе обоих походов и 1551 г., и 1552 г. стоял царь.

37 об.–2. *...ведет подкопы под город и взрывает его* – Сооружением подкопов (31 августа 1552 г. – между Тарлыковых и Тюменских ворот, у Муралеевых ворот 4 сентября, где взрывом был уничтожен тайник с водой, а 1 октября сметена часть стены) руководил Размысл (*Зимин* 1966. С.119; ПСРЛ. Т. 13. С. 209, 215, 216). См. комм. 37 об.–1, 6С.

37 об.–3. *...город оставляет на разграбление войску* – Обзор литературы о завоевании Казани до 1930 г. см.: *Epstein*. S. 82. Anm. 1. Ср.: КИ 1954; *Волкова* 1988. С. 450-458).

37 об.–4. *ноги... торчали вверх над бревном* – Летописец, повествуя об огромном количестве жертв, заполонивших Казань, умалчивает о способе избавления от тел (ПСРЛ. Т. 13. С. 219). Между тем, подобный способ ликвидации человеческих останков, использование Волги в качестве канализационного резервуара, сохранялся очень долго. Энгельберт Кемпфер в 1683 г. был свидетелем того, как тело повешенного в Кузьмодемьянске преступника выкинули в Волгу (*Kämpfer* 1998. S. 137).

37 об.–5. *русские... заняли Астрахань пушками и войском* – События развертывались не так прямолинейно, как написал Штаден. Захват Астрахани произошел в два этапа, и важно понять, о каком из них говорит автор записок. Город Астрахань, существовавший уже в конце XIII–XIV вв., в 50-70-е годы XV в., превратился в столицу Большой орды и лишь после ее развала в 1502 г., стал столицей нового ханства под властью бывшей большеордынской династии. Однако к середине XVI в. ситуацию в низовьях Волги контролировала не только она. На этот регион имели претензии ногайские мирзы, с одной стороны, и сформировавшееся на среднем течении р. Волги казачество, наиболее активной частью которого было городецкое (Городец – город вблизи Нижнего Новгорода), с другой. Оно де-факто определяло торговлю по реке, жизненно важную для ханства. В конце 1549 – начале 1550 г. городецкие казаки взяли Астрахань, «Волги оба берега отняли» и пленили астраханского хана Дербыша. На его место Иван IV посадил Ямгурчея, уже занимавшего престол с 1546 по 1549 г. Однако тот оказал «нечесть» царскому послу Севастьяну Аврамову, прибывшему в Астрахань в 1552 г. для оформления шерти. Оскорбление посла стало предлогом для того, чтобы пойти навстречу ногайскому мирзе Исмаилу и вернуть Дербыша на прежнее место. Весной 1554 г. на Астрахань вышла рать во главе кн. Ю. И. Пронским и М. П. Головиным. Ямгурчей бежал. Царское войско 2 июля 1554 г. без боя заняло город. На трон был посажен «царевич» Дервиш Алей бен Шейх-Хайдар (Дербыш-Алей русских летописей). Казалось бы, восстановлен статус кво. Однако события 1554 г. оказались лишь первым этапом ликвидации Астраханского ханства, судьба которого была уже предрешена. 10 апреля 1555 г. Иван IV начал употреблять титул царя астраханского (*Каштанов* 1970. С. 170-171), что естественно было сопряжено с получением дани. А тем временем в мае 1555 г. прежний хан Ямгурчей сделал попытку вернуть Астрахань, где уже появился царский наместник Леонтий Мансуров. В Астрахани наступило двоевластие.

Вскоре Дербыш перешел под власть крымского хана, вассала османского султана, и «выбил» Мансурова из его укрепления, острога из камышовых плетней, засыпанных землей, превратив последний в «горелый городок». Но радость хана была кратковременной. В августе 1556 г. отряд казака Ляпуна Филимонова овладел Астраханью, Дербыш бежал сначала в Стамбул, а потом в Мекку. Так завершилась ликвидация независимого Астраханского ханства (*Зайцев И. В.* 2004. С. 61, 142-143, 147-172, 249). В ней весьма заметную роль сыграло волго-донское казачество, умалить «заслуги» которого была призвана легенда о регулярном царском войске, вооруженном артиллерией, уже в 1554 г. завершившем овладение Астраханью. Эту-то легенду и передал Штаден.

38–1. *...отправился в Москву* – Царь Иван покинул Казань через 8 дней после овладения ею.

38–2. *...земли луговых, нагорных и черемис* – Именно эти территории были охвачены так называемой черемисской войной, длившейся вплоть до 1557 г., поскольку население их оказывало царским войскам особенно упорное сопротивление.

38 об.–1. *Несколько сотен стрельцов... перестреляли... татарских гостей* – Этот заключительный эпизод уничтожения казанской знати в летописи не попал. На основе довольно частых и точных совпадений данных Штадена и летописей, можно было бы заподозреть, что в его распоряжении были какие-то письменные материалы. Однако наличие в его повествовании избыточных (сравнительно с данными документальных свидетельств) сведений заставляет думать об их устном источнике и соответственно лице, сообщившем их автору. Среди участников штурма и завоевания Казани Штадену был известен кн. М. И. Воротынский, Ю. И. Темкин-Ростовский, которых впрочем трудно заподозрить в излишней откровенности с немцем-опричником. Однако несомненная связь рассказа о завоевании Казани и Астрахани с другим – о битве при Молодях указывает, что сведения об истории 20 и почти 15-летней давности он получил именно тогда.

Эпштейн высказал предположение, что рассказ о расстреле казанской элиты на пиру восходит совсем к иному событию – расправе Шиг-Алея с его противниками в ноябре 1551 г. (*Epstein*. S. 85. Anm. 6).

38 об.–2. *...народ собирается в путь и идет из обоих царств в землю великого князя...* – Автор имеет в виду восстание поволжских народнос-

тей против Москвы в 1574 г. Тогда же в 1574 г. в центре Башкирии была построена русская крепость Уфа. *И. И. П.*

39–1. *...им это удастся* – насколько серьезно было положение, можно судить по тому, что царь готов был отказаться от Астрахани (*Середонин* 1896. С. 497).

39–2. *...из-за поражения татарского царя...* – 30 июля 1572 г.

39–3. *...войско короля шведского стояло под Везенбергом...* – В 1574 г.

39–4. *...великий князь лично отправился в путь...* – Ошибка Штадена, свидетельствующая о том, что он в это время был уже вдали от Москвы и получал сведения оттуда через третьи руки.

39 об.–1. *К югу лежит Литва, город Киев* – Неточность этого сообщения, скорее всего полученного от жителя России, отражает прежние представления о Киеве, как главном городе Руси и «Литвы».

40–1. *...Соловецкий монастырь...* – Монастырь, возникший в 1429 г., находится на самом большом острове архипелага Соловки, имевшем протяженность с севера на юг 25, а с запада на восток – 16 верст. К XVI в. превратился в один из крупнейших монастырских центров России. Особая эпоха в жизни монастыря связана с деятельностью игумена Филиппа Колычева (1548–1566), необычайно одаренного технически. Многие сельскохозяйственные приспособления, изобретенные им, облегчали сельскохозяйственный труд. Он не ограничился модернизацией этой сферы. Была устроена гавань (в монастыре уже в начале XVI в., судя по Описи 1514 г., использовались лодьи двинские и онежские, в 1549 г. у монастыря было «морьскых судов... четыре лодьи со всем запасом, сь якори и с парусы, да карбасов болших и малых пятнацать»), в 1558–1566 гг. возведен Спасо-Преображенский собор. Здесь в 1548 и 1557 гг. псковские мастера лили колокола (в 1570 г. колоколов времени Филиппа было три – весом 172,5, 80 и 30 пуда, а также 8 «старых» весом 82, 30, 20 и 10 пудов). Расширились земельные владения, прежде всего в Онежской губе Белого моря, где монастырь уже владел четырьмя луками земли и двумя мельницами (ОСМ. С. 36, 51). В 1551 г. монастырь получил д. Сороку при впадении р. Выг в Онежскую губу Белого моря, за ней последовали Сумская и Кемская волости с их слюдяными разработками и соляными варницами, Умба с рыбными «ловищами». Здесь весной в апреле-мае занимались речным ловом рыбы (*Ульрих* 1877. С. 32). На крестьян этих волостей были возложены и транспортные обязанности на многочисленных волоках и речных водопадах, о чем подробно рас-

сказал Т. Сноутем, воспользовавшийся помощью монастырских крестьян в 1556 г. (Английские путешественники. С. 83-84). О выварке соли на Соловках в 1556 г. хорошо было известно в Карелии, где монастырь называли Петци, Пицокан, Петцибю (*Шаскольский* 1973. С. 117). Возможно финское название монастыря – транслитерация русского слова «пещеры», обязанная своим происхождением строительной деятельности Филиппа Колычева, который «начал горы высокие копать» (*Латышева* 1974. С. 38). На Загородной ул. Великого Новгорода монастырь имел подворье с каменной палатой и большим яблоневым садом. А вологодское подворье имело и собственную пристань. Расширялось за счет соседей и московское Соловецкое подворье (*Савич* 1927. С. 49-57; *Тихомиров* 1962. С. 269-273, 302, 338).

40–2. *Ногайцы – свободные люди* – Хотя государственность Ногайской орды и в середине XVI в., как и в его начале (*Kappeler* 2003. S. 70), была менее оформлена, нежели соседних ханств, утверждение Штадена представляется преувеличением (см. подробнее выше: комм. 23-7, 35-2).

40–3. *...много тысяч лошадей в одном табуне... в Русскую землю* – Официально торговля ногайскими лошадьми была разрешена в 1507 г. Ногайский двор образовался в Москве в Замоскворечье около Симонова монастыря. Несмотря на дальность расстояния и не всегда благоприятные условия погоды в Москву регулярно пригоняли около 10 тыс. голов. Особого расцвета эта торговля достигала в 1533/1534 гг., когда гости «из Ногаи» привели 50 000 лошадей (*Зимин* 1950. С. 12) и в 50-е годы: в Москву за 1551–1556 г. поступило 117 700 лошадей (*Флетчер*. С. 153; *Kappeler* 1992-а. S. 94).

40–4. *...великому князю в счет пошлины отходила десятая лошадь...* – Источники изобилуют данными о пошлинах с весовой соляной торговли и других товаров, но данных о размере пошлины от продажи лошадей крайне мало. Лишь в уставной грамоте Великого Устюга 1590 г. читаем: «А хто устюжан посадцких людей или Устюжского уезда крестьян на посаде купит лошадь или менит, и с них имати пятно с купца по две деньги, а с продавца по две ж деньги. А хто иногородцов на Устюге на посаде купит лошадь или менит, и с них имати рублевая пошлина с рубля по четыре деньги, да записного с рубля по деньге» (*Кистерев* 2003-б. С. 21). Конечно, к внешней торговле эти нормы неприменимы, может быть некоторое сходство можно усмотреть во второй из них, относящейся к иногородцам. Пошлина с коневой внутренней торговли с

иногородцами достигает 5 %, если речь идет о московском рубле, и 2,5 % , если используется новгородский. Царь же «натурой» взимал 10 %.

40–5. *...дочь князя Михаила Темгрюковича* – Штаден постоянно путает Темрюка и его сына Михаила. В набеге Девлет-Гирея на Москву в 1571 г участвовал Темрюк, что повлияло на судьбу сына. Михаил Черкасский последний раз в разрядных книгах упоминается под 7079 годом (РК 1475–1598. С. 240).

40–6. *...войско на реке Оке* – В разрядных книгах это имеет название «на берегу».

40 об.–1. *...евреям принадлежат в Литве все корчмы и таможня* – Это утверждение Штадена недалеко от истины, что подтверждают документы Литовской метрики, опубликованные С. А. Бершадским (*Бершадский* 1882). В годы Ливонской войны даже великокняжеская казна оказывалась в долгах у процветавших таможенников, зафиксированных актами Литовской метрики в 8 и 9 книгах публичных дел – №№ 530 и отчасти 531 (LM. Knyga 531; LM. Knyga 531).

40 об.–2. *...замерз и умер с голода* – В целом краткий рассказ Штадена верно передает историю осады и взятия Полоцка царскими войсками 31 января–15 февраля 1563 г. (КПП 1563; *Сагановіч* 1998. С. 266-267; *Хорошкевич* 2003-а. С. 327-337, особенно 327-329, 373; *Баранов* 2004. С. 119-154; *Анхимюк* 2004. С. 155-170; *Янушкевіч* 2005. Р. 7-10; *Straszewicz* 2005. S. 440-458). Это легко объяснимо, поскольку поворотное событие в ходе Ливонской войны и отношений Российского царства (победная реляция об этом событии в летописи включала и точное указание огромного по тем временам числа взятых пленников – свыше 11 тысяч человек; см. ПСРЛ. Т. 13. С. 356) и Великого княжества Литовского привлекло огромное внимание в Европе. Кроме того, в Москве Штаден общался со многими пленными полочанами. Не исключено, что к их рассказам позднее добавилось и изданное в Нюрнберге «Правдивое описание, как был завоеван и захвачен московитом великий купеческий город, что в Литве» Н.Кнора (*Kappeler* 1972. S. 254) и сочинение Фейта Зенга «Новое полное сообщение о русских делах» (*Форстен*. С. 87). См комм. 28 об.-12.

41–1. *Наместника Довойну увели в город Москву в тюрьму...* – Станислав Станиславович Довойно (ок. 1510–1573), дворянин королевы Боны, глава посольства в Москву в 1553 г., отказавшегося от признания царского титула Ивана IV, «называя... князем, как бы некоторого подданного себе или незнаемого суседа», и при помощи боярина С. В. Звяги Лобанова-

Ростовского узнавшего о дипломатических планах российской стороны. Именно после этого посольства началась «титулатурная» распря царя с Сигизмундом Августом. После взятия Полоцка 4 года (1563–1567) провел в московском плену (*Mienicki*. T. V. S. 359; *Mienicki* 1937. S. 404-481; ср.: *Mienicki* 1934. S. 33-96). По-видимому, Штаден рассказывает о судьбе Довойны 1566–первой половины 1567 г., когда его положение, как и других пленных полочан, резко ухудшилось (*Straszewicz* 2005. S. 454). О судьбе его супруги Петрониллы см. комм. 3-11, 41-3.

41–2. *Наливки* – Кладбище в Наливках (между ул. Мытной и Шаболовкой) – первое иноземческое кладбище в Москве, на территории которого обнаружены надгробия 1560–1590 гг., в том числе знакомого Штадена, лиценциата права К. Эльверфельда (*Беляев Л. А.* Лиценциат при дворе Иоанна Грозного. Надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве // *Он же*. 1996. С. 233, 242-245). См. комм. 73–7.

41–3. *...увез с собой в Польскую землю* – Дело об обмене тела Петрониллы Довойно на погребенное в Виленском соборе тело П. И. Шуйского, погибшего в битве при Улле 21 января 1564 г., возбужденное детьми последнего Иваном и Никитой и Станиславом Довойной, длилось до 1569 г., когда Довойно «запечатал» тело супруги и оставил его в Смоленске, а холоп Шуйских сделал то же самое с телом П.И. Шуйского. Однако из-за распри виленского воеводы с Довойной вопрос не был решен (Сб. РИО. Т. 71. С. 599-602, 625). Исход его по опубликованным русским источникам неизвестен (*Шокарев* 2002. С. 210). Ср. комм. 3-11.

41–4. *...закованные в железо, залитое свинцом* – Здесь Штаден умалчивает о полочанах, пользовавшихся свободой в Москве, примеры чего, несколько противоречащие его вышеприведенному высказыванию, достаточно многочисленны в «Описании Московии». Кроме того, можно предполагать, что и такие высокопоставленные пленники, как Ст. Довойно, пользовались определенной свободой. Без этого трудно понять зафиксированную в посольских книгах склонность бывшего полоцкого воеводы к горячительным напиткам (Сб. РИО. Т. 71. С. 374). В других городах России полочане пользовались известной свободой. Так, в Свияжске во второй половине 60-х годов XVI в. на службе под командой пятидесятника дрябского (Список книг свияжских. С. 24-25) находились присланные из Москвы «дряби полоцкие... написаны в государеву служ-бу в пушкари и в стрельцы», они были поселены на восточном посаде

Казани в Новой слободе вдоль Проломной улицы между Проломными воротами нового и старого острога. На северной стороне улицы – 6 человек (Иванко Богданов. Павел Жеравский, Войчеж Ланской, Войчек Скрипцов, Мартын Заболоцкий, Гриша Мыкшенской, Никола Игануcов), а в переулке – дрябь Иванко Андреев. На южной стороне были отведены дворы еще 15-ти человекам: Сеньке Лукашову, Осташу Иванову, Станиславу Гришину, Николаю Опрятке, некоему Станиславу, Сеймену (так!) Филиксову, Адаму Матвееву, Якушу Немчину, Иванке Иванову, Ондрюшке Мартынову, Иванке Мартынову, Петруше Немчину, Станиславу Маркову, Станиславу Янову, Яну Николаеву. Итого в роли защитников Российского царства только в Казани через два года после захвата Полоцка оказался 24 жителя этого последнего города, из них 23 «дряби». Они расположились на месте стрелецкой слободы «Третьякова прибору Мертвова», стрельцы которого в 1565 г. были отправлены в Астрахань «на жилье». Нельзя сказать с уверенностью, были ли эти «дряби» пленными, ибо и многие пленные Ливонской войны поступали на службу царю, или приняли подданство ему в период осады Полоцка (это почти с уверенностью можно утверждать относительно немногочисленных «немчинов»-наемников). Однако жили они вперемешку с такими же новыми поселенцами Казани, выведенными из разных городов – костромитинами, переяславцами, рядовыми ремесленниками – хлебниками, кирпичниками, сапожниками (ПКгК. С. 33, 35, 182, 183).

41–5. *...натолкнуть Римскую империю на войну с Польшей* – Это традиционная политика великих князей всея Руси, начиная с 90-х годов XV в., результат которой зависел от польско-имперских отношений (*Хорошкевич* 1980. С. 78-101, 124-126; *Wijaczka* 1998; *Picková* 2002. Благодарю М. Яницкого (Варшава) за возможность ознакомления с последней из указанных работ).

41 об.–1. *...король стоял под городом Гданьском...* – это было в 1560–1561 гг.

41 об.–2. *В земле самоедов нет государя* – Территория северных самодийских народов (энцев, ненцев, нганасан). Этноним восходит к лаппо-норвежскому sāme-aēnà (*Долгих Б.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970). В отличие от Герберштейна (см. подробнее: *Kappeler* 2003. S. 64-66) и Р. Джемса, принявших русскую народную этимологию («едящие самих себя»), Штаден, вероятно, благодаря общению с Петром Вислоухим, лопским данщиком, у которого он покупал собо-

лей, точно характеризует самоедов как охотников и оленеводов. В 2002 г. это Ненецкий автономный округ.

41 об.–3. *Пустоозеро* – город в устье р. Печоры, острог был срублен во время похода московских воевод в Поморье в 1499–1501 гг. Посад возник во второй половине XVI в. В 1564 г. там стояли две церкви – Преображения и Введения, на 97 дворах жило 230 человек, а через десять лет, по дозорным книгам В. Агалина, 144 двора населяло 282 души. Кроме того, «в Пустоозерский... уезд на морские острова приходят двиняне, устюжане и пенежане да на море промышляют, бьют зверь моржа, а царю... в казну дают... десятую кость, зуб лутчей» (Английские путешественники. С. 55; *Садиков* 1950. С. 209-211; *Тихомиров* 1962. С. 256). *С. Ю. Ш.*

41 об.–4. *Петр Вислоухий* – пустоозерский даньщик. Известен по платежнице 1574 г. с дозорных книг (*Садиков* 1950. С. 480).

41 об.–5. *В Мангазее также нет государя* – область к востоку от Обской губы, известная русским с 80-х годов XV в. и в погоне за «мангазейскими» соболями активно осваиваемая торговцами и промышленниками на протяжении следующего столетия. В 1601 г. возник Мангазейский городок (*Бахрушин* Т. III. Ч. 1. С. 142). *С. Ю. Ш.*

42–1. *Тахчея совсем пустынна* – область по р. Туре, возможно, соответствующей в «Записках» Герберштейна р. Tachnin в Лукоморье, в которой «водится рыба... с частями тела совершенно человеческого вида» Освоение этой территории связано с деятельностью Строгановых, обосновавшихся «на Тахчее» в 1574 г. Однако во второй половине 70-х годов область оказалась под властью сибирского хана Кучума. Не исключено, что позднее именовалась «Епанчин юрт» (*Герберштейн* 2008-I. С. 373; *Бахрушин.* Т. III. Ч. 1. С. 96, 142, 144; Ч. 2. С. 114; *Введенский* 1962; *Купцов* 2005). *С. Ю. Ш.*

42–2. *...в римское время посылали в эту страну тех, кого отправляли в изгнание* – миф, утвердившийся в Европе в эпоху гуманизма в начале XVI в., связан со знакомством, достаточно массовым, с античной литературой и в частности, «Скорбными элегиями» и «Письмами с Понта» римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. – ок.18 г. н. э.), написанными им в конце жизни в изгнании.

42–3. *Иоганн III* – Юхан III (1537–1592), второй сын Густава Вазы, с 1556 г. герцог финляндский, 14 октября 1562 г. женился на Катерине Ягеллонке, тогда же ее отец Сигизмунд II Август заложил ему ряд городов Каркус, Гельмет, Эрмес, Трикатен, Ругиен и Бортнек (см. л. 71 об.), на которые рассчитывал Эрик XIV. В связи с этим попал в опалу у бра-

та Эрика XIV, который заточил молодую чету в тюрьму. Лишь восстание и политический переворот 1568 г. привел Юхана к освобождению и королевскому шведскому трону (1568–1592). Юхан III в 1568–1570 гг. продолжал войну с Данией, начатую в 1562 г., а в 1570–1583 гг. и 1590–1592 гг. вел войны с Россией, добиваясь признания своего королевского титула и равенства с царем.

42–4. *...несколько сотен остались лежать убитыми на том месте* – Конфликт шотландских наемников и ливонского отряда из обедневших дворян в составе шведского войска под Везенбергом в 1574 г. очень подробно откомментирован Эпштейном, поскольку он подробно освещен и ливонскими хронистами – Реннером, Хеннингом и Ниенштедтом и шведским – Хьерном. 5000 шотландцев – пехоты и конников прибыли в Ревель осенью 1573 г. и в начале 1574 г. под руководством Кл. Акенсона Тотта двинулись к Везенбергу. 17 марта 1574 г. шотландская пехота, находившаяся под началом лорда Арчибальда Рутвена, напала на ливонцев, потеряв при этом около 1500 человек, ливонцы отделались небольшими потерями. Радость русских, расположившихся на валу, стене, башнях и ликовавших при виде междоусобного убийства, все хронисты передают в тех же тонах, что и Штаден. Разумеется, они не знают русской пословицы, которую привел Штаден, поскольку у них была иная точка зрения, не изнутри крепости, а снаружи. Источником сведений Штадена был несомненно рассказ русского человека, стало быть в 1574 г. он еще оставался в пределах России. В результате шотландско-ливонской стычки 60 шотландцев перешли на царскую службу (*Busse* 1871. S. 80-82; *Шмурло*. Памятники. Т. I. Ч. 1. № 38; *Флетчер*. С. 349, 357; *Epstein*. S. 99. Anm. 7).

42–1* *...все они все равно будут убиты* – в соответствии с установлениями судебников 1497 и 1550 г. сдача врагу крепости или города приравнивалась к измене и каралась смертной казнью (Судебники. С. 58; *Герберштейн* 2008-I. С. 255). Так и случилось после потери г. Изборска 11 января 1569 г.: были казнены дьяки и приказные люди из Изборска, Феллина, Тарваста и Мариенбурга, обвиненные в предательстве (*Титов* 1903. С. 15).

42 об.–1. *одарил... верховного наместника и немецкого толмача Симона Керкелинга* – т. е. кн. Никиту Ивановича Кропоткина или Д. Б. Приимкова-Ростовского (см. комм. 42 об.-3) и переводчика, которого Эпштейн идентифицирует с ливонцем Симоном Кертлиным (Кер-

клиным) из Керклингена (Гольдингена), участвовавшим в дипломатических переговорах со Швецией (Сб. РИО. Т. 129. С. 377, 383). Его потомки остались на царской службе (СГГД. Ч. II. № 71).

42 об.–2. *...лучший замок в Нарве в Ливонии* – подробное перечисление пожалований толмачу скорее всего возможно было услышать на севере России. Что касается содержания пожалования, то денежная сумма, указанная Штаденом, возбудила подозрение и Полосина, и Эпштейна. Оба они полагали, что речь идет о рублях, а не о деньгах (*Штаден* 1925. С. 118; *Epstein*. S. 101. Anm. 1). Для переводчика, как бы ни были важны его заслуги, это сумма слишком велика. Однако речь может идти не об обычной монете, но о наградных деньгах, как правило, позолоченных – больших и малых (*Спасский* 1977. С. 249, 251), правда против этого предположения говорит число денег: как правило, подобным образом награждались по 1 экземпляру денег или золотых – корабленых, московских (больших и малых), поскольку их полагалось носить на рукаве. (Ср. награды за возвращение Изборска в 1569 г.: РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 241). Не мог ли Штаден к награде толмача отнести награды всем остальным – рядовым защитникам Везенберга? Другое – более вероятное предположение, что «четь [золотой] деньги» Штаден по ошибке передал как 400. В пользу такого толкования говорит запись в пространной редакции разрядной книги о награждениях после похода из Раковора к Юрьеву в том же 1574 г.: головы получили по «чети золотого» (РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 360).

42 об.–3. *Городскому воеводе...* – его имя Штаден не указал, поэтому в литературе возникли гипотезы по этому поводу. И. И. Полосин усомнился в том, что это был кн. Н. И. Кропоткин и предположил,что царское пожалование мог получить Д. Приимков, предшественник первого. Их карьера в годы Ливонской войны складывалась почти одинаково. Кн. Н. И. Кропоткин, голова в полку правой руки кн. В. С. Серебряного в 1558 г., в большом полку в отряде слуги М. И. Воротынского в 1559 г., в передовом полку кн. А. М. Курбского в 1560 г. (РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 29, 50, 80), уже в 1567 г. был оставлен в Раковоре вместе с Ф. Елагиным, в 1570 г участвовал во встрече Магнуса во Пскове (*Там же*. С. 216, 219; Ч. 2. С. 258). В 1573 г. приближен к государю и занесен в список голов, стольников, стряпчих и жильцов «в стану у государя», после чего в том же году оказался одним из воевод в Юрьеве» (*Там же*. С. 324, 346). В 1574 г. Кропоткин и Д. Приимков вместе с С. Ф. Пушкиным возглавляли

передовой полк в походе под Раковор, где Кропоткин и Пушкин остались «наместниками и воеводами» в 1575 г. С осени («с Покрова») того же 1575 г. по 1577 г. наместник в Орешке (Там же. С. 359, 373-374, 400, 430). Однако в 1577 г. назначен головой «из Новагорода» в полк правой руки И. Ю. Булгакова Голицына (Там же. С. 424). С этого времени четко прослеживается его связь с Новгородом. Голова с 55 детьми боярскими из Деревской пятины были включены в 1577 г. в Большой полк под начальство третьего воеводы М. И. Головина, воевода в Невгине возглавлял и 150 детей боярских из Вотцкой пятины (Там же. Ч. 3. С. 478, 513).

Данила Борисович Приимков-Ростовский в 1560 г. был головой в полку правой руки П. И. Шуйского, в походе на Ливонию в июле 1561 г. наместник Алыста возглавлял полк левой руки вместе с М. А. Карповым, в 1567 г упоминается как наместник Опочки (РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 64, 80, 91, 93, 216), в 1573 и 1574 г. наместник в Раковоре (РК 1475–1605. Т. II. Ч. 2. С. 346, 359). После двухлетнего перерыва он снова появляется в 1576 г. в Серпухове, откуда все новгородцы, торопчане, великолучане должны были быть отправлены по домам (Там же. Ч. 3. С. 416-418), а в сентябре 1577 г. во время царского похода из Старицы в Новгород внесен в список дворян, а на обратном пути оттуда значится среди ночных голов на первом стане у монастыря Михаила Клопского (Там же. С. 451, 457). Представляется, что данные в разряде о службе двух «претендентов» на каргопольское пожалование Грозного склоняют к выбору первого из них, как более тесно связанного с русским севером.

42 об.–4. *...пожаловал доход со всего Каргопольского уезда... за... службу* – Каргополь – административный центр уезда насчитывал около 500 дворов, население которых (523 души) кормилось либо торговлей, по преимуществу солью и отчасти рыбой, либо ремеслами, обслуживавшими эту торговлю. Неслучайно уже в начале XVI в. там осели «немчины». В хозяйстве уезда земледелие играло подчиненную сравнительно с торговлей роль. В рассказе Штадена о борьбе горожан с наместником, достоверность которого М. Н. Тихомиров не ставил под сомнение, он подчеркнул силу городской общины, упорно сопротивлявшейся грабежу наместника. В 1565 г. город взят в опричнину (АЮ. Т. I. № 415. С. 442-445; *Чечулин* 1889. С. 42-45; *Тихомиров* 1962. С. 267-268, 233, 236).

43–1. *...кто-нибудь из дворянства отвечал за суд и закон* – Речь идет о наместническом управлении, однако Штаден неточно обозначает срок

(3 года), на которой назначались наместники и волостели. Как правило, это был год (*Зимин* 1974. С. 240-251).

43–2. *...поручил присяжным...* – На протяжении 50-х годов в два этапа была проведена так называемая земская реформа, которая отдавала в руки земских старост и целовальников («присяжных» Штадена) Русского севера сбор дани, кормов и пошлин. Так, в Нижней половине Двинской земли к 1556 г. были избраны новые земские власти – «выборные судьи», обязанные собирать и привозить в Москву «наместничи, и тиуни, и доводчиковы и праведчиковы доходы», здесь на севере выполнявшие функции губных старост. «Излюбленные головы», губные старосты получили от наместников и волостелей право решать почти все уголовные дела (*Носов* 1969. С. 369).

43 об.–1. *...русская марка...* – по всей видимости это гривна, счетная единица, в середине 70-ых годов XVI в., судя по данным Торговой книги, равная 10 новгородкам 9 (т. е. копейкам) или 20 деньгам. В более раннее время в словаре Берлинской библиотеки Q-14 середины XVI в. различалась гривна-марка новгородская, равная 14 деньгам и гривна-марка московская, равная 10 деньгам (*Мельникова* 1989. С. 29-30). Указанный словарь – единственный памятник, кроме «записок» Штадена, знающий термин «марка» применительно к русскому денежному счету и дающий точные сведения о реальном содержании этой счетной единицы. Однако, какую гривну – новгородскую или московскую имел в виду Штаден, с уверенностью сказать нельзя. Более вероятно, вторую, то есть московскую гривну, поскольку основным местом пребывания автора «Записок» была Москва. На севере же России, где бывший опричник провел не менее 2 лет в 1572–1574 гг., очевидно победила московская система денежного счета, приобретя право называться «русской».

43 об.–2. *...сохи... хотели защититься от силы силой* – В рассказе Штадена о произволе каргопольского наместника В. Б. Перхавко усмотрел возмущение (*Перхавко* 2006. С. 446), однако тон повествования довольно-таки спокойный – констатирующий.

43 об.–3. *...каждый волен иметь на св. Николая в доме пиво* – Штаден не совсем точен, не только в этот праздник наиболее почитаемого святого (недаром бытовала пословица «Христос воскрес, Микула выручай», записанная Р. Джемсом в 1619 г. См. *Ларин* 2002. С. 311. В литургию входили канон св. Николая и Чтение от Его жития и его чудес (*Голубцов* 1899. С. 56-57)), но на все двунадесятые праздники каждому предостав-

лялось право пивоварения и употребления горячительных напитков. Датский дипломат Я. Ульфельдт настолько подробно описывает религиозные обряды при его приготовлении, скорее всего в Новгороде, что его сведения кажутся показаниями очевидца и не возбуждают подозрений. Он пишет, что, русские, налив в бочку воду, «погружают в нее изображение святого... привязанное к длинной палке, и тотчас вынимают обратно. Это же они делают, когда кладут солод и хмель. Затем они поднимают палку кверху, а сами... поклоняются этому образу» (*Ульфельдт* 2002. С. 306). После этого невольно задаешься вопросом: чьим иконам поклонялись православные, приурочивавшие изготовление пива к церковным праздникам? И не был ли этот ритуал далеким пережитком язычества?

44–1. *...по английскому пути...* – от Холмогор до Вологды и Москвы (*Каштанов* 1997. С. 109).

44–2. *...крестьяне ...*- См. комм. 42 об.-4.

44–3. *...кто бы он ни был, лишь бы не еврей...* – Об отношении царя к евреям свидетельствуют его зверства в Полоцке. Достоверность сообщения Штадена подтверждают М. Груневег и Д. Принтц (*Градовский* 1891; *Гессен* 1914; *Он же.* 1915. С. 14-19; *Epstein.* S. 103-104. Anm. 12). См. комм. 28 об.-12; 40 об.-1.

44–4. *...спрашивают, чего он желает* – Подобной процедуре подвергались и купцы. Так, Мартин Груневег рассказывает о допросе, сопровождавшем взвешивание товаров на границе в Чернигове, и вторичном в Москве (*Хорошкевич* 2005. С. 296-302).

44 об.–1. *...на почтовых за 6 или 7 дней доставляют в Москву с кем-либо из дворян* – На самом деле путь купеческого каравана или посольства, если его нигде не задерживали, от западной границы до Москвы занимал две недели (*Epstein.* S. 104. Anm. 3).

45–1. *...кормовые деньги у него вычитали* – О порядке взаимоотношений иностранцев после получения имений Штаден пишет только здесь.

45–2. *40 саженей в длину и ширину* – Место для строительства иноземных домов выделялось очень большое. Двор рядового горожанина достигал 12 на 6 сажен (ВКТСМ. С. 221), зажиточного – 40, 5 на 9, а Троице-Сергиева монастыря 20,5 на 14 (АИ. Т. I. № 164. С. 314).

45 об.–1. *В грамоту был внесен особый пристав... вызывать на суд* – В комментарии к автобиографии Штадена грамота иностранцу была идентифицирована как ввозная. Однако в грамотах этой разновидности, адресованных местным жителям, имя пристава не указывалось. Видимо,

формуляр грамоты иностранцам соединял элементы жалованной-несудимой и ввозной.

46 об.–1. *С одной сохи причитается...* – Исчисление подати ведется Штаденом в рублях, талерах и мариенгрошах (о последних см. комм. 5-5). Трудности перевода их в русские номиналы заставили, видимо, А. Г. Манькова, при изучении цен в России XVI в., отказаться от привлечения данных Штадена (*Маньков* 1951), что впрочем не снимает этой задачи в будущем

47–1. *...поместье иностранца в день Георгия пустело* – Это Штаден узнал на собственном опыте, о чем и написал в автобиографии.

47–2. *...касается и выварки селитры, чтобы делать порох, и тому подобного* – См. комм. 24 об.-2.

47–3. В рукописи – *quatuor tempora* (лат.) – четыре поста православной церкви. *Е. Е. Р.*

48–1. *...отвезли доброго доктора... в Москву* – Фр. Эпштейн колеблется в определении происхождения Бомелия – либо немца из Везеля, либо голландца из Боммеля в провинции Гелдерланд, обучался он в Англии (Кембридж), почему и слыл в России англичанином, а привез его посол А. Г. Совин, в 1570 г. спасший его от заточения в тюрьме, куда он попал за колдовство. Слава «лживого колдуна» за непонятную русским ученость (а он был сведущ не только в математике, но и астрологии) – закрепилась за ним и в России. Бомелию, постоянно сопровождавшему царя в Александровой слободе, приписывали дурное влияние на Ивана IV, считая, что он не только просветил царя в астрологии, чуть не совратил его в католичество или протестантизм, но и являлся инициатором опричных зверств в Новгороде. Таубе и Крузе ограничивают «сферу деятельности» Бомелия одними опричниками – дворецкого И. Ф.Гвоздева-Ростовского, спальника Г. Б. Грязного – всего около 100 человек (*Таубе и Крузе*. С. 54), которых он отравил, по предположению А. А. Севастьяновой, в 1572 г. По рассказам Дж. Горсея, обвиненный в связях с Речью Посполитой (в связи с чем высказывались предположения о его участии в заговоре; согласно другой гипотезе, он слишком много знал о боярах), пытался бежать через Псков. Именно оттуда распространился слух, будто Бомелий «много множества роду боярска и княжеска взусти убити цареви» и убеждал царя переселиться в Англию и там жениться (ПЛ. Вып. II. С. 262). К какому времени относится бегство Бомелия, точно сказать нельзя. С. Думшат относит это событие к 1575 г. Тот факт, что

Штаден подробно пишет о попытке его бегства, еще ни о чем не говорит. Он мог получить эти сведения и за пределами России. Горсей застал Бомелия в России в 1579 г., когда тот и подвергся мучительной смертной казни путем расчленения. Вдова Бомелия вернулась в Англию в 1584 г. (*Горсей.* С. 59, 63, 74; *Севастьянова А. А.* Комм.45 // Там же. С. 178; обзор литературы см.: *Epstein.* S. 110. Anm. 2; *Шокарев* 2002. С. 213; *Dumschat* 2006. S. 95, 96. 122, 133, 238, 248, 343- 345, 442, 507-509, 575).

48–2. *...в городах и на проезжих дорогах* – В целом Штаден точно описывает поездки по России купцов, прибывавших с запада. Купеческим караванам с юга иногда удавалось избежать столь пристального внимания представителей российской исполнительной власти (так случилось с армянскими купцами изо Львова в 1584 г.).

48 об.–1. *Ведут его... таким путем, чтобы он не увидел..., что его земля... пустует* – Штаден выдвигает лишь одну причину затрудненного передвижения послов по территории России, имея в виду западное направление (недаром дальнейшее описание дорог он начинает с города Торопца). Желание скрыть степень разорения и опустения – результат Ливонской войны (*Каштанов* 1997. С. 96-117), однако и до нее практика охраны послов и проведения их окольными путями была очень развита. На проселочных дорогах было меньше опасности нежелательных для власти контактов с жителями страны. Увеличение времени пути от границы до столицы иногда определялось отсутствием в Москве великого князя и царя, не доверявшего собственным советникам (*Хорошкевич* 1998. S. 367-377). После введения опричнины были введены ограничения на передвижения дипломатов и по столице. Сложный путь по окраинам Москвы должны были проделать литовские послы Ю. А. Хоткевич, Ю. В. Тишкович, писарь М. Гарабурда в мае 1566 г.: «ехати с болшие дороги с Поклонные горы налево к мелницы на брод, а, переехав реку, по запосаду к Тферской улицы перестрела за два». Того же маршрута должно было придерживаться и посольство Я. Скратошина в 1570 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 340-341, 626). Инструкция приставам, сопровождавшим посольство, иногда содержала предписание передвигаться только по «земским» улицам, поскольку разделение страны и столицы на опричнину и земщину бояре, участвовавшие в переговорах, категорически отвергали. Так, инструкция приставам посольства Халецкого в сентябре 1569 г. гласила: «ехать по запосаду на Переславскую дорогу ку Стретенской улице и к Литовскому двору посадом, куды прямее земскими улицами» (Там же. С. 612).

48 об.–2. *Торопец – это город, полностью построенный из дерева* – Город стоял на острове между одноименной рекой Торопа и оз. Соломаном, вплоть до 1503 г. входил в состав Великого княжества Литовского (*Любавский* 1892. С. 34). По полностью сохранившейся писцовой книге 1540 г. (ТК 1549. С. 277-357; *Янин* 1998. С.190-197) насчитывал 200 «осадных» дворов (предназначенных для пребывания владельцев имений в условиях чрезвычайного положения) в Старом остроге, окруженном деревянной стеной с несколькими башнями – Московской проезжей с Никольскими воротами, Егорьевской и Наугольной стрельней, 518-ью дворами на посаде с двумя монастырями и 12 церквами во главе с собором св. Георгия (*Побойнин* 1899. С. 107, 138, 139; *Тихомиров* 1962. С. 362, 363). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

48 об.–3 *...здесь берет свое начало... Волга и река Двина* – Сведения Штадена слишком общи и для второй половины XVI в. устарелы, они повторяют стандартные представления начала XVI в. На карте Баттисты Аньезе 1525 г. из «большого болота» вытекает и Днепр, и Двина, и Волга (*Michow* 1906. S. 9; Id. 1884-1885. S. 120, 126; *Epstein.* S. 112. Anm 9). Исток Волги находится у одноименного озера, Двина берет начало несколько юго-западнее на высоте 312 м. над уровнем моря.

Обращает на себя внимание, что уже через полтора-два десятилетия после завоевания Казани и Астрахани река Волга даже иностранцем именуется «большой русской», чтобы вскоре превратиться, как писал Г. П.Федотов, в «матушку»: «Волга, татарская река, становится матушкой, кормилицей» (*Федотов.* Т. 1. С. 59-60).

48 об.–4. *город Ржева Володимерова* – находилась, как пишет Штаден ниже, на земле Короны Польской, фактически же на русско-литовской границе и в течение всего средневековья оставалась спорной территорией (*Янин* 1998. С.190-197).

48 об.–5. *город Торжок* – Полосин, а вслед за ним Эпштейн и Шокарев считают, что это ошибка: Торжок вместо Зубцова (*Штаден* 1925. С. 124, прим. 2; *Epstein.* S. 112. Anm. 11; *Шокарев* 2002. С. 213). См. комм. 14 об.-4.

48 об.–6. *Старица* – удел Андрея Ивановича, сына Ивана III, затем его сына Владимира Андреевича. При описании маршрутов послов и купцов конца XV – первой половины XVI в. город практически не упоминается. В 1492 г. он относился к Тверской земле и был лишь «городком» (Сб. РИО. Т. 35. С. 74, 77). Синхронных «Запискам» Штадена све-

дений об этом городе не имеется. Включение Старицы в дорожник Штадена определяется только политическим значением города, как удела кн. Владимира Андреевича. В 1602 г. там побывал шведский посол Г. Гюльденштерн. Это была «большая пространная крепость», окруженная частоколом и местами уже разрушившаяся. Стоял там и царский дворец «со множеством шпицов и выступов». Видимо, во времена Штадена, он был в лучшем состоянии, поскольку Иван Грозный часто бывал в Старице уже без Владимира Андреевича. Посад, по подсчетам М. Н. Тихомирова, достигал 300 дворов (*Щербачев* 1911. С. 12). От времени Владимира Старицкого сохранился Успенский собор 1565 г., украшенный майоликовыми вставками, и почти полный чин икон (*Арсений* 1895; *Жизневский* 1888; *Он же.* 1889). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

48 об.–7. *Рудака и Меньшика, князей Депеленских* (*Rudagk vnndt Meusigk knesi Depelenski*) – Точного толкования этих имен нет. Полосин считал, что речь идет об Оболенских. На основании изысканий В. Б. Кобрина, доказавшего, что кн. Оболенские не имели земель в Старице, в этом усомнился С. Ю. Шокарев (*Штаден* 1925. С. 166; *Кобрин* 1995. С. 95-127; *Шокарев* 2002. С. 214). Кобрин подчеркивал, что «формант -*ский* по преимуществу владельческий» (*Кобрин* 2008. С. 188). Последний идентифицировал Андрея Холопова с Андрейцем Лишним сыном Хлопова, дворовым сыном боярским по Коломне, возможно бывшим и головой в Рыльске в 1585 г. (ТКДТ. С. 160; РК 1475–1598. С. 359).

48 об.–8. ...*Владимир Андреевич, чья дочь за герцогом Магнусом* – Мария Владимировна Старицкая, в монашестве Марфа (ум. 1614) – княжна, дочь кн. Владимира Андреевича Старицкого от второго брака с княжной Евдокией Романовной Одоевской. В 1573 г. в детском возрасте выдана замуж за «ливонского короля» Магнуса. После смерти Магнуса в 1583 г. с помощью Д. Горсея возвратилась в Россию. В 1586 г. пострижена в Богородицком Подсосенском монастыре. Горсей называет ее «ближайшей наследницей московского престола», что и определило ее судьбу (*Горсей.* С. 94; *Цветаев* 1878. С. 58-77; *Зимин* 1986. С. 10, 140). *С. Н. Т.* См. также комм. 11 об.-6.

49–1. *Кимра*, ныне Кимры – село, расположенное при р. Волге и речке Кимерке, севернее Усть-Дубны существовало в XII в. Более поздняя его история документируется с конца 40-х годов XVI в., это крупное торговое село на пути от северных центров солеварения в Дмитров и Москву, в котором наряду с Белоозером, Кашиным, Тверью, Дмитровым

и Холопьим вел соляную торговлю Кирилло-Белозерский монастырь в соответствии с жалованной грамотой Василия III и жалованной подтвердительной Ивана IV от 15 февраля 1546 г. (при первом из них 10000 пудов соли, при втором – 20000). К 4 июня 1549 г. здесь по уставной грамоте царя действовали два таможника, именовавшиеся «дмитровскими и кимровскими» и после отмены тарханов тщательно оберегавшие свои доходы от конкуренции монастырских крестьян, тутошних «жильцов» и всех прочих – крестьян «царевых и великого из подклетных сел и из деревень», царицыной Мироносицкой слободы, кто беспошлинно торговал солью и рыбой, а «на торгу» хлебом и животиной (ААЭ. Т. I. № 223. С. 212-213; РИБ. Т. 32. № 172). Переход села во владение Владимира Старицкого в 1552 г. сопровождался пожалованием Николо-Песношскому монастырю права на беспошлинную покупку 5 000 пудов в год «на Кимре»(10.03.1555 г., *Каштанов* 1962. № 713; *Каштанов* 1988. С. 95). Уже по этим цифрам можно судить о размахе соляной торговли в середине XVI в. и бурном росте села на протяжении конца 40-начала 50-х годов XVI в.

49–2. *Углич* – См. комм. 56 об.-4.

49–3. *Молога* – Быстрый рост города относится к XVII в. (*Головщиков* 1889. С. 00).

49–4. *Рыбная слобода* – Первоначальное название Устье (см. комм. 56 об.-1). В XVII в. – дворцовая слобода (*Головщиков* 1890. С. 7-9), ныне Рыбинск (*Борисов, Марасинова* 2001). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

49–5 *Романов* – получил название от имени основателя города углического князя XIII в. Романа Владимировича. С ликвидацией Угличского княжества оказался в составе Великого княжества всея Руси. В 1570 г. отдан в удел ногайским царевичам сыновьям Юсуфа – Ибрагиму и Элю, которых русскому послу М. Колупаеву передал бий Исмаил, чтобы избавиться от своих противников, мстивших за убийство отца. Братья появились в Москве 24 октября 1564 г. Они получили Романов до декабря 1569 г. (*Гурлянд* 1906. С. 3-5; *Демкин* 1986. С. 99-105; *Теляковский* 1991. С. 5-78; *Трепавлов* 1997).

49–6. *Ярославль – столица княжеств* – Город при впадении Которосли в Волгу, основанный в 1026–1036 гг., столица княжества, Ярославль, присоединен к Владимирскому и Московскому в 60-е годы XV в. последний его правитель скончался 17 апреля 1471 г. (ПСРЛ. Т. 24. С. 188). Согласно ранней Типографской редакции росписи местных князей: «Фео-

доровичь Александръ, прода Ярославль» (Там же. С. 229). Очевидно, в последние годы жизни он владел городом уже без права его передачи. Еще в 1463 г. «князи ярославския соступилися вотчины своея великому князю Ивану Васильевичю печалованием Алексея Полуехтовичя, дияка великаго князя» (ПСРЛ. Т. 37. С. 91). Очевидно, что потерять родовое гнездо им пришлось под нажимом великокняжеской власти. Ключевую роль «посредника» в этом вопросе сыграл известный дьяк Ивана III — выходец из ростовского боярства Алексей Полуектов (*Кучкин* 1987). Сведения Штадена об укреплениях города (см. л. 57) подтверждаются и источниками начала XVII в. (*Мнишек*. С. 74). *А. В. К.*

В литературе долго шла полемика о времени перехода Ярославля в опричнину. На основании сообщения Таубе и Крузе Л. М. Сухотин относил этот факт к 1566 г, П. А. Садиков – 1565 г., С. Б. Веселовский датировал «персональный пересмотр людей» 1567–1568 годами, В. Б. Кобрин утверждал, что до 1569 г. Ярославль не мог быть опричным. Вслед за двумя последними историками А. А. Зимин на основе изучения писцовых книг в корне отверг мысль о взятии Ярославля в опричнину (*Зимин* 2001. С. 197-200).

49–7. *Кострома* – расположена в 360 километрах к северо-востоку от Москвы на берегу Волги недалеко от впадения в нее р. Костромы. Происхождение названия и дата основания города имеют различные толкования. Что касается наименования, то его народно-этимологически связывают со словами «костр», «кострома», «кострума», обозначающими укрепленное место и, соответственно, общее название крепости (Л. Скворцов), с заготовливаемым зимою по берегам рек большими «кострами» лесов, сплавляемым зимой из Буевского и Костромского уездов (А. Козловский), с именем славянского божества Костромы в виде куклы из прутьев и соломы, олицетворяющей силы весны (В. К. Лукомский).

Датой основания города на мысу при впадении р. Сулы в Волгу считается 1152 г., когда кн. Юрий Долгорукий колонизовал, наряду с прочими, земли верхнего Поволжья. Первое летописное упоминание Костромы относится к 1213 г. и связано с междоусобной враждой сыновей кн. Всеволода III Большое гнездо младшего, Юрия, получившего владимирский престол, и старшего, Константина, которому достался Ростов и пять других городов – Белоозеро, Угличе Поле, Ярославль, Кострома, Галич Мерский. Это первоначальное поселение, судя по археологическим раскопкам, располагалось на р. Суле. Во время борьбы кн. Констан-

тина за возвращение престола Кострома встала на сторону кн. Юрия, поэтому во время похода старший сын Всеволода III сжег принадлежавший ему город. В 1238 г. Кострома была разрушена татаро-монголами, в 1364 г. вошла в состав Московского княжества. На протяжении XIV – начала XV в. Кострома, представляя собой хорошо укрепленный город, служила убежищем для семьи московского великого князя: в 1382 г. во время нашествия хана Тохтамыша в городе укрылся князь Дмитрий Донской с семьей, а в 1408 г. – его сын Василий Дмитриевич во время вторжения хана Едигея.

После пожара 1413 г. в 1416 г. костромская крепость была перенесена с берега р. Сулы вниз по течению Волги на высокий холм. Крепость, получившая название Старого города, в плане имела вид неправильного прямоугольника, обнесенного с трех сторон земляным валом, четвертую сторону укреплений образовывал высокий берег р. Волги. У подножия вала был вырыт глубокий ров; на валу и по берегу стояла деревянная дубовая крепостная стена протяженностью более километра с 14-ю четырехгранными башнями. Стена была рублена «в борозду» с верхним боем, ее высота достигала 5 м. Главный въезд в город осуществлялся через Спасские ворота, располагавшиеся «на торгу», вторые ворота, находились с вожской стороны, третьи, Ильинские, – со стороны Дебри (покрытого некогда густым хвойным лесом участка берега), где были насыпаны валы и воздвигнуты крепостные стены из дуба протяженностью более километра с 14-ю боевыми башнями. Крепость имела дополнительные оборонительные сооружения в виде отводных стрельниц у проездных башен и тайника для воды. На территории Старого города находились каменные Успенский собор, построенный по преданию костромским князем Василием Ярославичем Квашней в честь победы, одержанной над татарами у «Святого озера» близ Костомы, и Троицкий собор.

На протяжении XV–XVI вв. костромская рать участвовала в походах московских великих князей: в 1470-х гг. Ивана III против Новгорода (в результате переселения части знатнейших новгородских семей в Кострому новгородское искусство оказало в дальнейшем значительное влияние на развитие костромской городской культуры), в отражении набегов татар в конце 1530-х гг., в казанском походе Ивана IV.

В 1330-х гг. (по другим данным – последняя четверть XIII в.) татарским мурзой Четом, перешедшим на службу к московскому князю Даниле Калите, был основан Ипатьевский монастырь, выполнявший роль

крепости на ближних подступах к городу. В письменных источниках он упоминается в 1435 г. в связи с тем, что там был подписан мирный договор между князьями Василием Темным и Василием Косым. Во второй половине XVI в. большой интерес к монастырю начинают проявлять Годуновы, ведущие свою родословную от мурзы Чета, что выражалось в богатейших вкладах в монастырь со стороны Д. И. и Б. Ф. Годуновых, а также царя Федора Ивановича. В конце XVI в. (1586 г.) в монастыре возводятся каменные укрепления в виде крепостных стен общей протяженностью более 500 м и высотой около 6 м с башнями и воротами и каменный Троицкий собор (1590 г.), расписанный фресками в 1595-1596 гг. Большую роль Ипатьевский монастырь сыграл в событиях Смутного времени, когда в 1613 г. он оказался местом пребывания будущего царя Михаила Федоровича и его матери. Именно сюда и явилась выбранная собором делегация во главе с боярином Ф. И. Шереметевым, чтобы вручить юному царю разоренную державу (ПКгК 1627/28-1629/30; *Козловский* 1840; *Диев* 1858; *Миловидов* 1886; *Сырцов* 1909; *Дунаев* 1913; *Лукомский В. К., Лукомский Г. К.* 1913; *Скворцов* 1913; *Иванов В. Н., Фехнер М. В.* 1955; *Масленицын* 1969; *Иванов В. Н.* 1978; *Брюсова* 1983; *Разумовская* 1989). *Л. А. Т.*

49–8. *...дерптскому епископу...* – с 1552 г. им был Герман, который умер, в июне 1563 г., не согласившись на перемену веры, согласно сообщению Таубе в его послании Тизенгаузену от 24 ноября 1563 г. Тем не менее в Ливонии ходили слухи о его сношениях с Иваном IV относительно сдачи Дерпта царским войскам в обмен на земли в России (Aufzeichnungen 1892. S. 39; *Bergengrün* 1893. S. 421-468; Brief Joh. Taubes 1875. S. 26; см. подробнее: *Epstein.* S. 114. Anm. 2).

49–9. *Любим* – город в устье р. Учи, притоке р. Обноры, впадающей в р. Кострому, с острогом, возведенным в 1546 г., и посадом. *С. Ю. Ш.*

49–10. *Нижний Новгород* – город на Волге в устье р. Камы, строительство каменной крепости в столице Нижегородского княжества начал в 1365 г. кн. Борис Константинович, а завершил в 1372–1375 гг. Дмитрий Константинович. Сохранившийся доныне Кремль (со стенами толщиной 4-4,6 м, с 13 башнями в 3 яруса боя, и в 4 яруса на переломах) был сооружен при Василии III Петром Фрязиным с псковичами (заложен 1 сентября 1509 г). (См. подробнее: *Филатов* 1994. С. 9; *Подъяпольский* 1983. С. 38-50; *Он же.* 2003-б. С. 30-41; *Он же.* 2000. С. 28-52).

49–11. *Балахна* – находится на правом берегу р. Волги в 30 км. от Нижнего Новгорода. Единственный центр соледобычи в Нижегородском Поволжье в средние века. Соляные трубы до сих пор находят на берегу Волги. Соляными колодцами в Усолье владели великие князья и царь, кн. Воротынский, монастыри (так две варницы имел Троице-Сергиев монастырь).

Штаден ошибается, называя Балахну неукрепленным поселением, поскольку в 1536 г. для защиты от казанских набегов «посад велик», населенный соловарами и ремесленниками, обслуживавшими соляной промысел (ПСРЛ. Т. 20. С. 436, 440, 451) была поставлена деревянная крепость. Быстрое развитие промысла во второй половине XVI в. Перетяткович приписывает переселению туда новгородцев, принесших свой технический опыт. О процветании города можно судить по тому, что в Покровском мужском монастыре, основанном иеромонахом Пафнутием в начале XVI в., в 1552 г. в ознаменование взятия Казани был возведен шатровый Покровский собор (*Перетяткович* 1877. С. 114, прим. 2; *Заозерская* 1970. С.29, 69-70; *Ворожейкина* 2002. С. 488-499; *Тихомиров* 1962. С. 24, 168, 444).

49–12. *Двина течет... к городу Полоцку [и] к городу Витебску* – Неожиданная ошибка Штадена. Витебск лежит выше по течению, чем Полоцк. Несмотря на это военные и дипломатические попытки Ивана IV захватить этот город, потерпели неудачу – также кончился поход А. М. Курбского в мае 1562 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 243; Сб. РИО. Т. 71. С. 361-362), 1576 и 1578 гг.

49 об.–1. *Анецкие Воды (Anetzky Woddi)* – Перевод И. И. Полосина этого топонима как Конские воды, Фр. Эпштейном не был принят. Возможно и другое истолкование: ошибка во второй букве слова и характерное московское аканье допускают прочтение Овечьи воды. Это довольно распространенный в районе Дикого поля топоним, в данном случае, по-видимому, расположенный в верховьях Дона, место встречи крымских и ногайских войск и дипломатических представителей, известный уже Н. М. Карамзину по Александро-Невской летописи (Сб. РИО. Т. 41. С. 105, 120; *Карамзин.* Т. IX. Гл. II. Прим. 103; *Сыроечковский* 1932).

49 об.–2. ...*к крепости Тула* – каменный кремль с 9 башнями из тесаного камня и кирпича в 1514 г. был вписан в деревянный острог 1509 г. с 16 башнями и завершен строительством в 1521 г.. Благодаря крепким

стенам в 1552 г. выдержал штурм крымского войска, в составе которого находились янычары, снабженные артиллерийскими орудиями. В городе в конце 80-х годов XVI в. было много лавок и дворов, использовавшихся как осадные в периоды частых крымских набегов, в остальное время в Туле оставались по преимуществу дворники. По их весьма значительному числу – более 300 можно судить о владениях беломестцев-служилых людей. На посаде, один из районов которого именовался Никитским концом, жили ремесленники, занятые по преимуществу в сфере обслуживания жителей осадных дворов и лишь отчасти окружающего сельского населения, изготовления продуктов питания, одежды и обуви, а также оружия (*Сахаров* 1851-б. С. 32-33; *Чечулин* 1889. С. 258-259; *Рудаков* 1916; *Он же.* 1923; *Тихомиров* 1962. С. 382-387).

49 об.–3. *...три пути в Русскую землю* – направлены на запад (Белев), северо-запад (Калуга и Алексин), северо-северо-запад (Серпухов), что четко показывает степень экономического развития, а соответственно и возможностей для грабежа этой части страны.

Так, Калуга, первоначально стоявшая на мысу между двумя оврагами, в конце XV – начале XVI в. перенесенная на берег Оки (*Фехнер* 1971. С. 15), была крупным торговым городом, сюда доставляли хлеб из Северских городов и соль из Нижнего Новгорода через Москву. Ее расцвет связан с правлением Симеона Калужского (1505–1518 гг.). В течение всего столетия город славился изготовлением деревянной посуды – братин и блюд, образцы которых сохранились не только в музеях России, но и шведских. См. комм. 8-4.

Серпухов был известен обработкой железа (возможной благодаря поверхностным залежам болотной железной руды), кожевенным и гончарным делом (*Симсон* 1880; *Тихомиров* 1962. С. 138-144).

50–1. *Смоленск* – столица княжества до начала XV в., до 1514 г. находился в составе Великого княжества Литовского, после чего в результате трех походов Василия III и подкупу его защитников кн. М. Глинским вошел в состав Княжества всея Руси, сохранив некоторые остатки автономии (жалованную грамоту Смоленску см.: СГГД.Ч. 1. № 148. С. 411-413), условия подобной автономии сохранялись и в ВКЛ согласно «ряду» с Витовтом и последующими великими князьями литовскими вплоть до Александра (1505 г.). Уцелели отчасти и городские власти («староста места смоленского»), и структура купечества, хотя некоторая часть его была

выведена в Москву, где смоленские гости образовали собственную корпорацию, весьма активно действовавшую на протяжении XVI в.

В городе была крепость, выстроенная из дуба, посады тянулись вдоль обоих берегов Днепра. Население их занималось торговлей как внутренней, так и внешней. Среди беломестцев выделялись весьма многочисленные жители архиепископской слободки (*Тихомиров* 1962. С. 348-350, 356-360).

50–2. *Дорогобуж* – город на обеих сторонах Днепра с крепостью на левой стороне. Посадское население участвовало в речной торговле со Смоленском. Дорогобуж далеко не всегда оказывался на пути послов в Москву. Как правило, во времена Грозного дорога в ВКЛ пролегала через Оршу.

50–3. *Вязьма* – город на одноименной реке, притоке Днепра, был важным стратегическим пунктом, где соединялись пути на юг по Днепру и восток к Волге. Присоединена к Княжеству всея Руси в 1494 г. В излучине р. Вязьмы при впадении в нее р. Бебря, находилась крепость, опорный пункт русских войск до завоевания Смоленска. Жители посада с собором св. Николая занимались торговлей, из ремесел Вязьма славилась изготовлением саней, в том числе и самых дорогих для царских и великокняжеских выездов (*Виноградов* 1890; *Тихомиров* 1962. С. 364-365).

50–4. *все... принадлежало Польской короне* – Штаден не очень точен. Названные выше земли входили в состав ВКЛ. Изменения границы были неоднократно предметом исследования (*Natanson-Leski* 1922; работа Н. Б. Шеламановой на ту же тему, до сих пор не опубликована).

50–5. *Звенигород* – столица независимого княжества XIV в, затем удела. В XVI в. в Звенигороде сидели крымский царевич Абдыл-Летиф, казанский хан Мухаммед-Эмин, астраханский хан Дербыш-Али в 1552 г., затем казанский хан Симеон (ум. 26 августа 1565 г.), и, наконец, астраханский царевич Михаил (Муртозалей) Кайбулович. См. также комм. 17 об.-5.

50–6. *Другой путь* – Штаден описывает несколько странный маршрут. В начальной его части он указывает малозначительный пункт, который И. И. Полосин перевел как Порхов. Однако в немецком тексте проекта завоевания России Штадена и Г. Г. фон Фельденц отчетливо читается вторая часть топонима – волок. Это может быть и волок, как перешеек между реками или озерами, и часть слова «наволок» – выдающийся в море мыс (*Гемп* 1980. С. 77). Первая часть топонима Эпштейном

прочитана, как Перго (*Epstein.* S. 118). Однако ни Перговолока, ни Пергонаволока найти пока не удалось. С гипотезой И. И. Полосина согласиться тоже трудно, от «Порхова» маршрут направляет путешественника и воина на юго-восток к Торопцу, а затем предлагает вернуться на запад-юго-запад к Великим Лукам, где по словам Герберштейна, проходил путь из Москвы в Литву (*Герберштейн* 2008-I. С. 335). Действительно, торговые связи Торопца и Великих Лук были достаточно прочными на протяжении всего средневековья (*Юрасов* 1996. С. 8). Логичнее было бы думать, что и на этот раз Штаден прокладывает маршрут от Кандалакши на юго-восток, а вовсе не с запада на восток, как полагал И. И. Полосин, но это противоречит тексту, посвященному пути из Польши или Литвы на восток. У Герберштейна описание городов идет в иной последовательности – от Москвы: Волок (нынешний Волоколамск), Великие Луки, Торопец (*Герберштейн* 2008-I. С. 339, 349, 615). Если отважиться на сопоставление рассматриваемого топонима с Пур-наволоком, где находился Михаило-Архангельский собор, а позднее был поставлен Архангельск, то именно он по слуху мог превратиться в Перговолок (*Гнедовский, Добровольская* 1973. С. 73). Однако и у этой попытки такой же изъян, как и у предположения Полосина. Есть и другая возможность поиска прообраза слова, записанного Штаденом: это мог быть Порогволок или Порогнаволок, тем более, что карел Ноусиа в 1556 г. сообщал, что «без волоков в Новгород пути нет» (*Шаскольский* 1973. С. 112). К сожалению, слишком общая характеристика и изобилие порогов затрудняет идентификацию именно того из них, о котором писал Штаден. Наконец, проекты, выдвинутые Штаденом и пфальцграфом Г.Г. фон Фельденц, позволяют выдвинуть еще одну гипотезу – о Переволоке между Белоозером и Каргополем, как прообразе искаженного в копии «Описания Московии» Перговолока.

50–7. *Великие Луки* – город на р. Ловать, до 1478 г. в составе Новгородской земли, затем – Княжества всея Руси, в 1493 г.сооружен «град древян». По словам папского нунция в Речи Посполитой кардинала Коммендоне, это был один из самых крепких городов России. Эпоха расцвета города приходится на конец XV – первую половину XVI в. В начальный период Ливонской войны Великие Луки – «предсердие Москвы» (по определению польских воевод) были сборным пунктом для похода на Полоцк (*Гейденштейн.* С. 107; *Юрасов* 1996. С. 43; ТКВЛ 1999. С. 6-7).

50–8. *Осипов монастырь* – Иосифо-Волоколамский монастырь Успения Пречистой Богородицы. Основан в 1479 г. на территории Волоцкого удела кн. Бориса Васильевича Иосифом (Иваном Саниным), сторонником идеи вотчинного монастырского землевладения. Каменный храм, в 1484 г. сменивший первоначальный деревянный, в 1485 г. был расписан Дионисием. В 1507 г. монастырь перешел под патронат великого князя Василия Ивановича, что изменило и состав братии и вкладчиков, и размеры вкладов. Ко времени смерти Иосифа Волоцкого 9 сентября 1515 г. монастырь стал одним из крупнейших землевладельцев страны. Его территория с тремя церквами, трапезной, поварней, хлебней и прудом в 1543–1566 г. была окружена каменной оградой, превратившись таким образом в своеобразную крепость. А земельные владения монастыря-вотчинника резко увеличивались в конце 40 и в конце 60-х годов, второй период связан с опричными репрессиями знати (АФЗХ. Т. 2; ПИВ; *Зимин* 1977). Ростом экономического значения монастыря объясняется, вероятно, и альтернативное предложение Штадена – держать путь к мелкому городку Волоку на Ламе или Волоцкому монастырю.

50–9. *Ильинский* – ям. Село под этим названием известно уже в 1504 г. (ДДГ. № 95. С. 390). Ныне поселок Ильинское по Рублево-Успенскому шоссе к западу от Москвы.

50–10. *Нотебург* – шведское наименование крепости Орешек на одноименном острове (фин. Пехкинесаар – Ореховый) в истоке Невы в незамерзающих водах из Ладожского оз. Служил опорным пунктом защиты Новгородской земли от шведских нападений. Первоначальный острожек 1220-1230 гг. был дополнен одиночными каменными башнями, а в 1352 г. сменен цельнокаменной крепостью с фланкирующими башнями-кострами. В 1338 г. был отдан в кормление литовскому князю Нариманту. После заключения договора со Швецией, так называемого Магнусова рукописания, возник посад, для защиты которого была воздвигнута вторая линия крепости. В 1478–1612 гг. – торговый и военный центр Княжества всея Руси и Российского царства. В 1510–1520 гг. воздвигнута новая крепость в соответствии с европейской традицией фортификационного искусства, приспособленная для пушечного боя. С 1612 по 1702 г. принадлежал Шведскому королевству и носил имя Нотебурга, после 1702 г. переименован в Шлиссельбург (*Кирпичников* 1980; *Накадзава* 2003) Употребление Ш. шведского топонима, бытовавшего и

до 1612 г., объясняется, вероятно, тем, что информацию о нем Штаден получил во время пребывания в Швеции.

50–11. *монастырь Пречистой Тихвинской* – Богородично-Успенский Тихвинский монастырь известен знаменитой иконой Тихвинской Божьей матери, чудесным образом обретенной в 1383 г., почитание которой во времена Василия III и Ивана IV приобрело особое значение. Отец и мать Ивана Грозного «чадородия ради» в 1526 г. совершили паломничество в Тихвин на поклонение Тихвинской Божьей матери, а их сын считал свое появление на свет ее «подарком». В свою очередь он ездил туда же перед венчанием на царство в 1546 г., возможно, с главным идеологом «коронования» митрополитом Макарием. Основание монастыря состоялось в 1560 г. (*Сербина* 1951. С. 22-25) по распоряжению царя, намеревавшегося, возможно, предпринять это строительство уже в 1546 г., как об этом можно судить по «Сказанию об иконе Тихвинской Богоматери» в редакциях второй половины XVI в. и надписи на среднике иконы Тихвинской Богоматери с чудесами, созданной до 1551 г. (о ней зашла речь на Стоглавом соборе). В то время, судя по Степенной книге и более позднему Лицевому летописному своду, ее идентифицировали с «римляныной», странствовавшей в Рим из Константинополя, но вернувшейся туда же, чтобы покинуть Второй Рим до его завоевания турками и обрести постоянный приют в Русской земле, новом «бастионе» православия. Две копии этой иконы, созданные в 60-е годы, были предназначены для Благовещенского собора в Московском Кремле и Успенского собора в Дмитрове.

Важен и вопрос о фресках, связанных с почитанием этой иконы. К 60-м годам XVI в. большинство исследователей (А. И. Рогов, Г. Н. Бочаров, В. П. Выголов, Н. В. Квливидзе и Т. В. Толстая) относят создание фресковых росписей Покровского собора Александровой слободы, Р. Фречнер почти тем же временем датирует и фресковый цикл Смоленского собора Новодевичьего монастыря, хотя его считали творением и 1598 г. (Е. П. Саликова, Н. В. Квливидзе) и конца 20-х годов XVI в. (Л. С. Ретковская). Р. Фречнер исходит из согласного мнения В. В. Кавельмахера и А. Л. Баталова о сооружении Смоленского собора Новодевичьего монастыря в конце 60-х – 70-х годах XVI в. и из сходства композиций «Осада Константинополя» этих двух фресковых циклов. Кроме того он обнаруживает стилистические и иконографические параллели фресок Смоленского собора во фресках Успенского собора Свияж-

ского монастыря 1558–1561 гг. и Спасо-Преображенского собора Спасского Ярославского 1563–1564 гг. Наконец, немецкий исследователь приходит к выводу об идеологическом назначении Смоленского собора – прославлении победы на Молодях над крымскими татарами в 1572 г. Последнее утверждение Р. Фречнера подкрепляется и сведениями Штадена об этой битве (*Frötschner* 2004. S. 188-234. Там же литература по истории монастыря и иконы; *Кириллин* 2007; *Левшун* 2008. С. 279-287).

50–12. *...на большую дорогу, по которой ездят из Великого Новгорода в Москву* – В некоторых вариантах проекта завоевания России герцога Ганса фон Фельденц маршрут описан более подробно: «Потом выходят на большую дорогу, по которой купцы из Холмогор едут в Великий Новгород; далее достигают большой незащищенной слободы Андома, потом Каргополя. Об этом пути может рассказать господин Герман Флеминг, захваченный русскими, потому что области Каргополь и Карелия граничат друг с другом» (Штаден т. I. С. 260). Пер. *А. Л. Х.*

50 об.–1. *...при помощи и поддержке турецкого царя* – султана Мурада II (1574–1595).

50 об.–2. *...с его двумя сыновьями* – Иваном (1554–1581) и Федором (1557–1598).

51–1. *...дани* – Штаден употребляет термин «дань», тогда как в это время в Крым отправляли только «поминки» – дары, которые крымские ханы хотели снова превратить в ежегодную дань (см. комм. 35-2).

51 об.–1. *Стефан Баторий* (1533–1586) – с 1576 г. король польский и великий князь литовский

51 об.–2. *...посадил... его в Крыму* – В 1551 – начале 1552 г. Девлет-Гирей изгнал хана Сахиб-Гирея и занял его место с согласия султана Сулеймана Великолепного. Эпштейн критиковал сопоставление Штаденом Стефана Батория с крымским ханом, подчеркивая, что отношения трансильванского воеводы с султаном отнюдь не распространялись на отношения польского короля с султаном. Заявление Штадена соответствует настроениям, царившим в Западной Европе, где Батория воспринимали как турецкого ленника. Уверенность в этом была так велика, что старшина гданьских цеховых ремесленников писал датскому королю Фредерику, что жители города предпочли бы перейти под его власть, нежели покориться «турку» (*Epstein*. S. 122. Anm.3). Равным образом и

Иван IV рассматривал Стефана Батория как посаженника «по многомятежному человеческому хотению» (ПИГ. С. 213).

52–1. *...не может дать... битвы в поле* – Штаден был не одинок в оценке военных возможностей царя. Эзельский наместник датского короля К. фон Унгерн писал Фредерику II, что «в настоящее время власть великого князя... настолько слаба, как не была никогда на человеческой памяти и ни у одного из великих князей» (КА-2. № 246. С. 135; *Epstein.* S. 123. Anm. 135).

52 об.–1. *...шурина великого князя из Черкесской земли... несправедливо обошелся с его дочерью* – ходили слухи, что Мария Темрюковна была отравлена. В тексте князь Темрюк Черкасский, тесть (schwiegervater) Ивана IV, ошибочно назван шурином (schwager).

52 об.–2. *князя Михаила* – это единственный раз, когда Штаден правильно назвал Михаила Темрюковича сыном неназванного по имени отца. Однако в том же абзаце он делает привычную ошибку, именуя Темрюка Михаилом.

53–1. *...глава всего христианского мира* – эту характеристику императора, данную Штаденом, Эпштейн считает средневековым пережитком, равно как и пропаганду похода на Россию как части крестового похода на Османскую империю. Что касается второй части, то с этим спорить не приходится. Однако в первом утверждении позволено усомниться, поскольку еще в 1459 г. папа Пий II послал Фридриху III Габсбургу, как главе христианского мира, освященный меч, благословляя его на борьбу с «неверными». Здесь можно обнаружить и другое – попытку Штадена лестью добиться искомого поручения от императора.

53 об.–1. *Печенга... монахом по имени Трифон...* – Троицкий Печенгский монастырь при впадении р. Печенга в одноименный фьорд на 70° сев. ш., самый северный из русских монастырей. По рассказу голландского купца и штурмана Симона фан Салингена, основатель монастыря Трифон (1495–1583) некогда был воином, немало убивал, грабил и разорял, а, раскаявшись, принял обет благочестивой жизни «вдали от всех людей, в пустыне». О дате его ухода на север и основании монастыря точных сведений нет. Царь Федор в 1583 г. в послании датскому королю Фредерику II относил это событие на 100 лет ранее, а его преемник Борис Годунов сообщал датским послам, что «монастырь Печенгский стоит больше 70 лет». На этом основании большинство ученых принимает дату 1532–1533 г., ей однако противоречит сообщение Штадена о том,

что это произошло за 23 года до написания, скорее всего, проекта завоевания Рóссии, адресованного Рудольфу II, то есть до 1578 г. Видимо, сообщение Салингена, впервые посетившего монастырь в 1565 г.(*Кордт* 1902. С. XVIII), и было основой подробного описания «Печенги» Штаденом. Таким образом, если доверять Салингену-Штадену, монастырь основан не позже 1555 г. М. Н. Тихомиров относил это событие к 1553 г. (*Тихомиров* 1962. С. 275). Эта дата согласуется с датой подложной жалованной грамоты, выданной 22 ноября 1556 г. от имени Ивана Грозного (*Чулков* 1901. С. 148; сомнения в подлинности грамоты Ивана IV высказал Е. Е. Голубинский. (*Голубинский* Т. II. Ч. 1. С. 859. Прим. 1). Судя по упоминанию Федора Иоанновича, родившегося в 1557 г., указаниям поздних владений монастыря, противоречиям в грамоте и заявлением Фредерика II в послании царю Федору 1585 г., что строительство монастыря началось за 40 лет до этого (ДА. № 464. С. 129), А. И. Андреев доказал, что это фальсификат, составленный по воспоминаниям о подлинной, но сгоревшей жалованной именно 1556 г. (*Андреев* 1920-б. С. 148-152, 156-157; *Будовниц* 1966. С. 268). Можно предполагать, что фальсификат был составлен именно в связи с переговорами 1585 г.

Монастырь недолго оставался «пустыней». Он находился на торном морском пути с севера России в Северную Европу, известном русским еще в конце XV столетия, а благодаря своим «ухожаям и ловищам» пользовавшимся, судя по договору с Данией 1562 г., особым вниманием Ивана IV (*Ульфельдт* 2002. С. 515). Да и сам Трифон активно участвовал в экономическом развитии края. В 1562–1564 гг. он вместе с братьей ездил в соседний Вардегуз торговать рыбой и ворванью и пригласил голландцев поддерживать непосредственные контакты с «Печенгой». Голландцы последовали приглашению на следующий год. Уже в 1565 г., по словам того же Салингена, в монастыре было около 20 монахов и 30 служек, а еще через 7 лет, в 1572 г., там обитали 50 монахов и 200 бельцов, занятых строительством церкви (*Кордт* 1902. С. XXIV).

Трифон был похоронен в 20 км вверх от монастыря в устье р. Маны, а судьба основанного им монастыря сложилась не очень удачно (литературу о миссионерской деятельности Трифона среди лаппов и по истории монастыря см.: *Epstein*. S. 126. Anm. 4; *Шокарев* 2002. С.126).

53 об.–2. *Вардехуз* – город на севере Норвегии, в русских источниках Воргав (Варгав), входивший в состав Датского королевства. Здесь на службе губернатора города Эрика Мунка около 1562 г. находился

уроженец города Оолтгенеплаат (пров. Зеландия) Филипп Винтеркениг, который в 1563 г. выехал в Антверпен и организовал торговую компанию с купцами Йоханом вон Рейде и Корнелиусом де Мейером с тем, чтобы ежегодно направлять в Варде[хуз] по одному судну. Первый опыт 1564 г. оказался мало удачным, т. к. новый губернатор Якоб Хансен обвинил Винтеркенига в нарушении привилегий городов Бергена и Тронхейма и, конфисковав судно с грузом, посадил штурмана и самого Винтеркенига в тюрьму. Однако колоссальный привоз рыбы в Вардехус заставил Хансена отказаться от меры пресечения Винтеркенига и использовать его судно для вывоза товара, при условии, что тот никогда не появится в городе. Монахи же Печенегского монастыря предложили установить прямые связи в Печенге. Поэтому Винтеркениг, расширив компанию за счет Иоханна Хере и Филиппа Дауси из Антверпена и Йоханна Вестермана, бургомистра Энкхейзена, и сына последнего – Вильгельма, в 1565 г. прибыл в Печенгскую бухту (Мункефьорд) и закупил там треску, китовый жир и семгу, которые и отправил в Антверпен. Сам же нанял русское судно, на котором надеялся добраться до монастыря св. Николая в устье Северной Двины. Недалеко от Печенги он повстречал русский корабль и, став на якорь, начал переговоры об обмене товарами. Сделка не состоялась. Русские торговцы напали на судно Винтеркенига, убили его самого и всю его команду из 13-и человек, а товары захватили. Компаньоны отправили К. де Мейера с двумя суднами, одно из которых зазимовало в Коле, а другое вернулось обратно на родину. Сам де Мейер хотел подать жалобу царю и выехал в Москву, но в Новгороде, под предлогом неправильного указания титула царя, был задержан по инициативе Английской компании и сообщников убийц. К. де Мейеру удалось вернуться в Колу, куда, в том же 1566 г., прибыли еще два судна с секретарем нидерландской компании Симоном фон Салингеном, которые везли сукно, оловянные изделия и перец. В Печенге все три корабля были загружены рыбой и ворванью, с чем и выехали из России (*Велувенкамп* 2006. С. 25-27).

53 об.–3. ...*в страну лопарей* – финно-угорское племя, обитавшее на севере Норвегии, в русских источниках второй половины XVI в. – в Северной земле, и Кольском полуострове (территория, занятая лаппами, именовалась Лопской землей и считалась «искони вечной нашей вотчиной», как писал царь Федор датскому королю Фредерику II в 1586 г. (РИБ. Т. XVI. № 57. С. 231). Действительно, эти земли находились в со-

ставе Новгородской земли с XIII в. и вместе с ней вошли в состав Княжества всея Руси, в пользу главы которого жители Лопского погоста Вотской пятины платили дань. Объемы торговли русских купцов в Лапландии были довольно значительными уже в 1526 г. У 10 человек было захвачено товаров на 100 новгородских рублей и 76 рейнских гульденов (*Хорошкевич* 1980. С. 167, прим. 554, 168).

53 об.–4. *...рыбу, называемую белухой* – это белуха беломорская, животное из семейства дельфиновых (Delphinapterus leucas), обитающее в морях Арктики. *С. Ю. Ш.*

53 об.–5. *Кильдин – это остров* – расположен напротив устья р. Колы, благодаря высокому расположению, более сильному влиянию Гольфстрима на климат и плодородной почве использовался лаппами для летнего выпаса оленей, которые зимой перегонялись на материк (*Флетчер*. С. 101). *С. Ю. Ш.*

53 об.–6. *Кола река или залив* – река с направлением с юга на север имела удобную гавань, расположенный в ее нижнем течении посад, где уже в середине 50-х годов активно производилась выварка соли, стал быстро развиваться с середины 60-х годов XVI в., когда здесь появились, с одной стороны, голландцы и англичане, а. с другой, братья Строгановы. До 1973 г. считалось даже, что поселение Кола возникло около 1565 г. (*Андреев* 1920-а. С. 27; *Шаскольский* 1962. С. 275-276). Однако ознакомление с новым финским источником 1556 г. заставило последнего исследователя перенести эту дату на середину 40-х годов (*Шаскольский* 1973. С. 126; о выварке соли см. с 117). В 1564 г. в Колу из Вардехуза, где его плохо приняли датчане, отправился Филипп Винтеркениг, агент голландских купцов Яна ван Рейде и Корнелиуса де Мейера, которые с 1565 г. отправляли по два корабля ежегодно по маршруту Антверпен-Берген-Вардехуз (*Jansma* 1946. S. 343; *Громыко* 1960. С. 256-257). В 1569 г. эта компания уступила место другой – фан Андрихема из Дельфта (*Jansma* 1946. S. 344).

53 об.–7. *Яков и Григорий Аникеевичи Строгановы* – по меткому определению Т. Янсмы, «русские Фуггеры» (*Jansma* 1946. S. 344), купцы и солепромышленники в Сольвычегодске и Поморье, на Новой земле. Наряду с солью торговали и пушниной, которую при посредничестве голландского купца О. Брюнеля, которого англичане сочли шпионом и отправили в Москву, а Строгановы освободили, в 1570–1577 гг. отправляли в Дордрехт, Антверпен и др. города. Размах этой торговли достиг та-

ких размеров, что датский король Фредерик II в 1577 гг. писал принцу Оранскому, что «некоторые», предпринимая новые плавания в Мальмус (Колу), прогнали его купцов оттуда (Там же. С. 345). Агент Строгановых Брюнель достиг и устья Оби, а на юге агенты Строгановых в 1574 г. добрались до Бухары. Успехи предприимчивых детей Аники Федоровича определялись и поддержкой царя, поскольку они действовали в качестве его агентов, поставщиков и кредиторов. В 1566 г. их земли были переданы в опричнину. В 1572 г. во время набега Девлет-Гирея их отряд в 1000 человек был направлен на юг к Серпухову (*Введенский* 1962; *Тихомиров* 1962. С. 459-466; *Розен* 1957; *Мехреньгина* 2001. С. 15-18; *Соскин* 1997).

54–1. Нем. *Missing*. Ср. в разговорнике Т. Фенне: «медный, медяной – missing(k)» (*Fenne*. Ш. Р. 140), имеется в виду латунь, или желтая медь (ср. *Даль*. Т. II. С. 367). *С.Н.Ф.*

54–2. *Черная река. Это залив* – По мнению Полосина речь идет о р. Вороньей (*Штаден* 1925. С. 177). С. Ю. Шокарев идентифирует ее с маленькой рекой Варзиной, несколько западнее Святого носа. (*Шокарев* 2002. С. 129-130). В лоции О. А. Двинина конца XVIII – начала XIX вв. действительно упоминается «Чорной» (либо остров, либо нос) к востоку от Вороньих луд (каменистых островков без растительности) и от Териберки (*Гемп* 1980. С. 22). И то, и другое предположение спорно. В устье р. Вороньей узкий и сравнительно короткий залив, его совсем нет в устье р. Варзины. Между тем Штаден пишет о заливе, как основной примечательности – побережья. Такой имеет р. Териберка на пол-пути между Колой и Вороньей.

54–3. *Терский нос* – полуостров под 40° в. д., под названием Святой Нос впервые упомянут С. Герберштейном (*Герберштейн* 2008-I. С. 511). Однако, судя по карте гданьчанина С. Нейгебауэра 1612 г., еще в это время носил название Святого носа, он, как и Святоносский залив, сохранил это название до середины XX в.(*Кордт* 1899. № XXVIII). Вслед за В. И. Огородниковым и Г. Миховым эту идентификацию принял и Фр. Эпштейн (*Epstein*. S. 133. Anm.4). И. П. Шаскольский считал первоначальным наименование Терский нос (*Шахматов* 1935. С. 201-204). Область Тер (Тре) издавна принадлежала новгородцам (ГВНП. С. 9, 11, 12 и далее).

54–4. *...на ней живут лопари* – Этим замечанием относительно местного населения Терского носа завершается описание северного побережья Кольского полуострова. Его восточная часть была слабо освоена кочевыми лопарями. В 1574 г на р. Поной с помощью «государева данья»

был поставлен единственный погост с церковью Петра и Павла, вскоре запустевший. Но половину рыбных ловель лопари отдали церкви, от которой в 1581 г. они перешли Троице-Сергиеву монастырю (ААЭ. Т. I. № 309, С. 374; *Тихомиров* 1962. С. 275; *Копанев* 1967. С. 176-194).

Далее Штаден обращается к южному побережью Кольского полуострова, с XVI в. носившего название Терской стороны (оно сохранилось лишь в названии юго-восточной оконечности полуострова – Терский берег). Видимо, ни иноземцы, ни холмогорцы не пользовались пристанями на восточной оконечности полуострова «у студеного моря в дикой Лопи» (ААЭ. Т. I. № 351. С. 273), а прибегали к использованию речно-озерной системы на самом западе Кольского полуострова: р. Кола, Колозеро, из которого она вытекает, оз. Имандра, р. Кандалакша – Кандалакшская губа Белого моря.

54–5. *Кандалакша* – (финск. Kandalahti). Штаден точно осведомлен о существовании посада и монастыря Рождества Иоанна Предтечи 1526 г. на р. Кандалакше. Это поселение было центром взимания дани с населения Кольского полуострова. По сообщению С. Салингена, в 60-е годы здесь жили два данщика (*Филиппов* 1901. С. 299-300) и по словам «русского» карела Ноусиа, записанным шведом Якобом Тейтом в 1556 г., действовали четыре церковных прихода, что само по себе свидетельствует о значительном населении. Тот же Ноусиа рассказывал о торговле лососем и выварке соли в Кандалакше (*Шаскольский* 1973. С. 113, 116, 117, 124). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.* О Салингене см. комм. 59 об.-3.

54–6. *Умба и Варзуга* – реки, в устьях которых стояли посады, где холмогорцы вероятно останавливались по пути к Кандалакше. Умба с ее промыслами принадлежала Соловецкому монастырю. В Варзуге, как и в Умбе, вели лов семги. В 1562–1563 гг. двиняне взяли откуп на варзужские рыбные промыслы, и откупщики в счет «десятой рыбы семги» платили в казну 275 руб. с Умбы, Варзуги, Кеми, Шуи. В результате недовольства варзужан возник конфликт с двинянами, повлекший «Басаргин правеж» 1568 г., следствием которого оказалось запустение дворов, варниц, мельниц и зачисление Варзуги в опричнину, а в 1572 г. – в «дворовые» волости. Однако даже после этого Варзуга осталась значительным поселением. Судя по сотной выписи 1563 г. в Варзуге на обеих сторонах реки располагалось 120 непашенных дворов, где жили 167 человек, в центре был погост с церковью Успения и «двор нетяглой всее волости Варзуской» для приезда царских гонцов. На другой стороне были

две церкви и 70 дворов. А на посаде стоял «дворишко на приезд» Николаевского Корельского монастыря (ААЭ. Т. I. № 348. С. 420; АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 216; *Садиков* 1940. С. 197, 203-207, 462; *Тихомиров* 1962. С. 272). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

54–7. *...на Св. Иоанна* – день Рождества св. Иоанна 24 июня во время летнего солнцестояния, когда дни были самыми длинными, что для Заполярья крайне важно. В средневековье ярмарки устраивались на определенные церковные праздники. На Мурманском берегу кроме 24 июня ярмарки действовали и в Петров день (вернее Петра и Павла) 2 августа (*Тищенко* 1916. С. 108). По мнению Фр. Эпштейна, в XVI в. рыбный промысел процветал как никогда раньше и позже. Он сопровождался и развитием кораблестроения (*Averinzew* 1927. S. 105-112; *Брейтфус* 1913). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

54–8. *Кереть* – устье реки Кереть расположено на южном побережье Кандалакшской губы почти напротив устья Умбы. Как погост Кереть упоминается впервые в 1542 г. К середине XVI в. владения Соловецкого монастыря подошли и к Керети. Однако Кереть и Шуя в это время еще сохраняли земское самоуправление, как явствует из грамоты Ивана IV от 1 ноября 1561 г.: губные старосты вместе с выборными людьми осуществляли суд над лихими людьми. В 1563 г. в Керетьской волости было 60 крестьянских дворов, а в 1571 – после «Басаргина правежа» – 19. В 1584 г. Кереть стала административным центром пяти русских погостов в Лопской земле (*Филиппов* 1901. С. 310. Прим. 21; ДА. № 46. С. 125).

Упоминание слюды и довольно подробное описание технологии ее добычи, может быть, свидетельствуют о том, что Штаден сам побывал на этом посаде. Впрочем, поскольку слюда вывозилась в Северную Европу, рассказ о ней он мог услышать и за пределами России. Аналогичные сведения сообщал и Флетчер (*Флетчер*. С. 101; *Садиков* 1950. С. 103-107; *Тихомиров* 1962. С. 271-272).

54 об.–1. *Кемь – это река* – вытекает из одноименного озера и впадает в Онежскую губу Белого моря напротив Соловецких островов. Погост на Кеми, как и соседняя Шуя, стал жертвой «Басаргина правежа». В 1556 г. в Карелии считалось, что в Кеми проживает 700 человек (Шаскольский. 1973. С. 115, 117). К исходу правления Грозного в Кеми было 96 жилых дворов, со 146 крестьянами и 63 казаками. Пострадав от нападений шведов 1579 и 1590 гг., к 1591 г. население Кеми сократилось до 64 жителей и 52 дворов. Тогда же Кемь была передана Соловецкому монастырю.

Благодаря его усилиям около 1593 г там был построен острог (*Филиппов* 1901. С. 310; *Савич* 1927. С. 62; *Тихомиров* 1962. С. 271). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

54 об.–2. *Шуя Карельская* – посад на такой мелкой реке, что Штаден не счел нужным писать о ней. Зато залив – один из наиболее заметных на западном побережье Онежской губы. Новгородцы, очень активно осваивавшие эту местность (ГВНП. №№ 297-298, 302), пересекали Шуйский залив по льду через Кузовы острова к Соловкам (*Голубцов* 1950. С. 271-302). Русскому карелу Ноусиа Шуйский посад представлялся весьма значительным, по его словам 1556 г. здесь жили 400 человек, из беломорских он уступал только Кеми (*Шаскольский* 1973. С. 115, 117). Главное же, что отметил Штаден – это опустошение опричниками. Двиняне, взявшие на откуп рыбные промыслы, вчинили иск к жителям Беломорья. Спор о долге между холмогорцами и варзужанами перерос в вооруженный конфликт, в результате которого погибли 4 человека. Для разбора дела и суда явился «царев посланник» Басарга Федоров сын Леонтьев в сопровождении десяти недельщиков, который «по царскому наказу» потребовал с ответчиков «в ыску Истомы Бачюрина с товарищи... 1760 руб. 6 алтын 3 деньги... в четырех головах убитых, и в царских прогонах, и в боярских пошлинах, и в пожелезном». Эти деньги были собраны со всех волостей – Шуи, Кеми, Керети, Кандалакши и Умбы за то, что те, по словам С. Салингена, «не предупредили раздора, произошедшего между жителями Холмогор и варзужанами». Известно, как произошла расплата в Сумской, соседней с Шуйской волости. Портной мастер Иванов, Пахомов и Антропов дали запись старосте Сумской волости, что жители Сумской волости выручили их и «того иску (в данном случае 290 руб.) за нас платили всею Сумскою волостью». Иванов, Пахомов и Антропов, повидимому, виновники кровавого инцидента, обязались «за тою их порукою не красти, не розбивати, не воровати, ни в Варзугу не въезжати». Можно полагать, что таким же образом поступили и жители остальных волостей. А результат Басаргина правежа в 1574–1575 гг. зафиксировали писцы В. Агалин и С. Соболев: волости «запустели от лета 7076-го от лихого поветрия, и от глоду, и от Басаргина правежу, и от двинского иску». Так, в Шуе даже в 1589 г. на 55 жилых дворов приходилось 67 пустых дворовых мест, на 10 действующих варниц – 12 запустевших (АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 213, 216; *Филиппов* 1901. С. 305, 306; *Савич* 1927. С. 73; *Садиков* 1950. С. 199, 200). *С. Ю. Ш.*

54 об.–3. О каких именно князьях-постриженниках в Соловецком монастыре и вкладчиках говорит Штаден, неясно. С. Ю. Шокарев называет лишь одного нетитулованного потомка смоленских князей И. В. Полева, по духовной которого монастырь получил с. Пузырево в Бежецком верху в 1556 г. (АСЭИ/АСМ. Т. I. С 124, 125; *Шокарев* 2002. С. 132). Причина ошибки Штадена, вероятно в том, что он перепутал Кирилло-Белозерский монастырь с Соловецким.

В силу своей удаленности и труднодоступности монастырь служил местом ссылки. Здесь использовали глубокие ямы, в которые вплоть до середины XX в. сажали провинившихся с точки зрения светских или церковных властей (*Колчин* 1887/1888).

54 об.–4. *Сума* – река, вытекает из Сумозера и впадает в Онежскую губу Белого моря. Сумский посад существовал уже в конце XV в. Через него проходила дорога из Шуи вдоль беломорского берега в Сороку к Выгозеру, Повенцу, Онежскому оз. (*Шаскольский* 1973. С. 124). Знаменитая новгородская посадница Марфа Борецкая дала участок земли на р. Суме вкладом в Соловецкий монастырь (ГВНП. № 307. По датировке В. Л. Янина, это произошло в 1471–1475 гг.; *Янин* 1991. С. 257-258). Жители занимались рыбной ловлей и солеварением. В 1556 г. царь пожаловал Соловецкому монастырю сумские земли и угодия с 24 варницами, а к 1564 г. монастырь стал полным владельцем посада и волости с 40 деревнями, 175 дворами и 267 душами. В конце 70-х годов монастырь выстроил здесь острог. Несмотря на все превратности судьбы во второй половине XVI в. (Басаргин правеж, нападения шведов) последние даже в 1591 г. именовали посад «Великими Сумами» (*Досифей*. Ч. I. С. 178-180; *Тихомиров* 1962. С. 271; *Борисов* 1966. С. 71). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

54 об.–5. *Именга* – река, впадает в Онежскую губу в самой южной ее части западнее устья Онеги. К посаду с церковью (упомянута в 1564 г.) примыкала волостка, в которой в 1559 г. Соловецкому монастырю принадлежали «сошные пашни три сошки и полполтрети обжи» (АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 156, 175). *С. Ю. Ш.*

54 об.–6. *Золотица* – считается, что это река, впадающая в Белое море со стороны восточного (Зимнего) берега за устьем Двины. Помещение ее Штаденом между устьями Онеги и Двины С. Ю. Шокарев полагает ошибочным На самом деле существовали три одноименные реки: две первые действительно впадали в Белое море у Зимнего берега – Верхняя, Нижняя, а третья Онежская (?) – у Летнего (*Копанев* 1978.

С. 81). Посад (нынешняя Нижняя Золотица) в 1559 г. принадлежал Соловецкому монастырю: «на усть Золотицы погост, а в нем церковь Николая Чудотворца, сошные пашни обжа». Он был известен своими варницами (АЮ. Т. I. № 90. С. 130). При распространенности почитания культа святого Николая, покровителя плавающих и путешествующих в России (и на севере особенно) и полной неграмотности Штадена в церковно-религиозных вопросах естественно смешение знаменитого Николо-Карельского монастыря в устье Двины с церковью, посвященной тому же святому, в небольшом погосте и перемещение Золотицы значительно западнее на территорию этого монастыря (АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 155; Описи Соловецкого монастыря XVI в. С. 51). В описи 1549 г. указано, что монастырь держал «невод вопче у Золотца». Название реки возможно происходит от знаменитого растения солодки, корень которого до сих пор активно используется в медицине. В средневековье оно именовалось «золотно коренье». Ричард Джемс, занесший название солодки в свой словарь 1619 г., полагал, что она растет в Татарии и по берегам Волги (*Ларин* 2002. С. 243). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

Однако это не единственный топоним с таким звучанием. В рядной и дельной Якова Александрова сына с Настасьей Степановой 1423 г. среди заволоцких земель упомянута р. Золотица, а в купчей Афанасия Осиповича 1419-1420 г. – «ловища на Выгу ув Золотца камени», в таком же документе некоего Кирилла не позднее 1459 г. значится «в Выгу реки в Золотце участок» (ГВНП. № 221, 287, 297. С. 244, 289, 295). В 1465-1478 г. «участок земли ловецкой» перешел Вяжицкому Никольскому монастырю, еще один «у Золотьтця участок» в 1478-80 г. стал соловецким (Там же. № 303, 313, 320. С. 303, 307, 308). В 1543 г. окрестности Выг-озера были переданы в кормление Федору Зещевитову (Акты Юшкова. № 141. С. 121). Созвучие названия порога и реки могло ввести Штадена в заблуждение. *А. Л. Х.*

54 об.–7. *Николаевский монастырь* – Основан в 1410 г. на западном левом берегу Пудожемского устья р. Западной Двины. В 1545 г. получил жалованную Ивана IV на свои земли. «Морским» Штаден называет берег вероятно потому, что именно здесь на самом глубоком месте (в бухте «св. Николая» или в «Корельском устье») приставали морские корабли англичан, для которых монастырь и первый английский двор рядом с ним служили исходным пунктом продвижения в Россию (*Каштанов* 1997. С.107). Даже в XVII в. сохранялся топоним «Морская корабельная

пристань». Монастырь, судя преимущественно по материалам начала XVII в., занимался соледобычей и торговлей солью на Варзуге и в Усть-сысольске (*Тихомиров* 1962. С. 94, 235, 272).

54 об.–8. *Холмогоры* – город, расположенный на острове ближе к левой стороне Двины ниже впадения в нее р. Пинеги. Центр торговли рыбой, солью, хлебом и многими другими товарами. Среди ремесел важное место занимало канатное дело, заведенное англичанином Ричардом Гре-ем. Сведения о монополии англичан на торговлю в этом городе ошибочны. Сюда наряду с англичанами ездили и голландцы (*Тихомиров* 1962. С. 243, 250-251).

54 об.–9. *Торгующие здесь образуют компанию* – Английская «Московская компания», первоначально со 190 членами-учредителями, получила королевский привилей 26 февраля 1555 г. Королева в число членов компании не входила, хотя и содействовала ее деятельности. Поддерживал ее и русский царь, предоставлявший компании довольно широкие права (*Гамель* 1865. С. 31, 82, 83, 91, 92 ; *Willan* 1953; *Id.* 1956; *Veale* 1966. P. 171, 182-183, 188-189). *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

54 об.–10. *Уна* –местечко на западном (Летнем) берегу Двинской губы, соляные промыслы которого принадлежали Никольскому Карельскому монастырю (*Тихомиров* 1962. С. 231). Охарактеризовав Двину и Холмогоры, самый важный пункт в этом районе, Штаден возвращается к Двинской губе, с расположением поселений на которой он не очень хорошо был знаком. См. комм. 54 об.-6.

54 об.–11. *Ненокса* – местечко на западном (Летнем) берегу Двинской губы, где соль добывалась «на великих местах». Соляные промыслы принадлежали Никольскому Карельскому монастырю, равно как «корабельное пристанище» в устье Двины «у Ненокотцкого усолья» (*Тихомиров* 1962. С. 231).

54 об.–12. *Семь островов* – находятся в Баренцовом море к востоку от о. Кильдин на пол-пути к Терскому носу и ошибочно помещены Штаденом в Белое море. Не исключено, что просто неверно названа группа Соловецких островов, тем более что при описании их он говорил лишь об одном острове. Вернувшись на север от устья Двины, далее Штаден ведет описание более восточных территорий, где упоминает лишь самые основные гидронимы и топонимы.

55–1. *Мезень* – река, впадающая в Мезенскую губу Белого моря.

55–2. *Лампожня* – Штаден ошибочно превратил поселение Лампожня в реку. Это центр торговли русских с ненцами (канинскими и тиунскими «самоедами»): «самоедцы приезжают в Лампожню торговать с русаки... да с тое же деи с Лампожни лампожничи дают... великому князю в казну три рубля». Одним из главных товаров был «рыбий зуб», охотники на моржей, по словам Ченслера, привозили его на оленях.Торговля носила нерегулярный характер – торговцы встречались два раза в год (Английские путешественники. С. 55, 113). В связи с проникновением печерян и пермяков ненцы стали терять свои звериные ухожаи и рыбные ловли. В 1545 г. они получили жалованную и несудимую грамоту на свои прежние земли (ААЭ. Т. I. № 204. С. 182-184).

55–3. *Здесь выходит на поверхность, как в штольнях, серебряная руда* – Серебряную и медную руду на Цильме в 1491 г. нашли немецкие рудознатцы Иван и Виктор (ПСРЛ. Т. 24. С. 209; Т. 28. С. 156; Т. 33. С. 128). *С. Ю. Ш.*

55–4. *...кораблей у них тоже нет...* – Утверждение не вполне точное. Англичане Ченслор и Бэрроу отметили оживленное плавание русских по Белому морю (Английские путешественники. С. 53-54, 101-125). В XVI в. русские плавали в Гренландию, на Шпицберген и Новую землю (*Brinner* 1912. S. 329, 357; *Замысловский* 1884. С. 117, прим. 17; *Epstein*. S. 139. Anm. 4). Хорошо известны попытки Ивана IV создать собственный флот на Балтике. Он с помощью Дженкинсона выписывал корабельного мастера из Англии, в 1581 г. немецкий корабел на Двине выстроил два корабля, голландцы должны были создать целый флот для Белого моря (*Хорошкевич* 1974. С. 82-86). Сигизмунд Август в послании французскому дипломату Дансэ 17 октября 1569 г. в качестве главного результата торговли любечан с Россией называл обучение русских морскому делу (*Epstein*. S. 140. Anm.4).

55–5. *...до всех этих четырех морей* – Распространенное в XVI в. заблуждение о южных границах России, которое разделяли и имперский посол Даниель Принтц, и Павел Одерборн, возможно в результате дезинформации, полученной от царских дипломатов в период Регенсбургского съезда 1576 г. Иван IV сам ссылался на завоевание Владимиром Киевским Корсуня и выход его к Черному морю (*Беляшевский* 1900. С. 136; *Epstein*. S. 140. Anm. 6).

55–6. *Пречистое* – Название происходит от церкви: «на усть-Онеге погост, а в нем церковь Никола Чудотворец, а другая Успение Пречис-

тое, и к тому погосту деревня церковная, пашни обжа» (АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 155. 1559 г.). *С. Ю. Ш.*

55–7. *Турчасов* – Впервые упоминается как посад в 1539 г. В 1559 г. там были две церкви (Николы со Спасским приделом и теплая Иоанна Предтечи) 83 тяглых двора, «на посаде лавки под онбары», главный соляной склад Соловецкого монастыря. Казаки набивали соль в рогожи и отправляли в Каргополь и Вологду. В 1598 г. в Турчасове было уже два гостиных двора (АСЭИ/АСМ. Т. I. С. 151; *Савич* 1927. С. 134; *Тихомиров* 1962. С. 266, 270). *С. Ю. Ш.*

55 об.–1. В данном рассказе обращает на себя внимание точность описания местности, где расположен Каргополь – «на перевале» (это вершина моренной гряды, водораздела Беломорского и Балтийского бассейнов, по словам И. И. Полосина). Очевидно, Штаден зафиксировал собственные впечатления. *С. Ю. Ш.* О Каргополе см. комм. 42 об.-4.

55 об.–2. *В полумиле от этого озера... Белоозеро...* – на самом деле между оз. Лаче и Белоозером – 150 км, согласно Книге Большому чертежу – 150 верст путевых, приравненных к 1080 м. (КБЧ. С. 134; *Петров* 1950. С. 106). *С. Ю. Ш.* Фр. Эпштейн объясняет эту ошибку невниманием переписчика, который перенес текст из одной из следующих фраз (*Epstein*. S. 141. Anm. 3).

55 об.–3. *Кириллов монастырь* – основан в 1397 г. Кириллом Белозерским на р. Шексне. К XVI в. стал одним из крупнейших монастырей России, владения которого простирались по территории от Москвы и Владимира до крайнего севера Активно участвовал в соляной торговле. По жалованной 1546 г. получил право покупки 10 000 пудов соли в Каргополе (АЮ. Т. I. № 86, 87. С. 127-129; *Бахрушин.* Т. I. С. 45; *Копанев* 1951). Его подворья находились во многих городах России – Москве, Угличе и др.

55 об.–4. *...женский монастырь, где живут княгини великого князя и его сына* – Воскресенский Горицкий монастырь. В 1563 г. туда была отправлена Ефросинья Старицкая, в 1574 г. – четвертая жена царя – Анна Алексеевна Колтовская, около 1575 г.- вторая жена царевича Ивана – Прасковья Михайловна Петрово-Соловово. Осведомленность об этом, свидетельствующая о пребывании Штадена в России, может уточнить время пострижения последней: 1574–1575 г. (ср. *Антонов* 2003. С. 22-23).

55 об.–5. *...в этом городе и монастыре лежат многие из сокровищ великого князя* – Они были отправлены туда в связи с навязчивой идеей

царя об измене его подданных и фантастическими проектами бегства в Англию (*Казакова* 1978).

55 об.–6. *Вологда* – крупный центр соляной торговли. С появлением англичан началось производство канатов. Вологда была взята в опричнину в 1565 г. С помощью вызванных из Англии строителей, архитекторов, плотников, каменщиков в 1567 г. состоялась закладка каменных стен, в феврале 1567 г. царь приезжал «досмотрети градсково основания» и «всякого своего царского... строения». Строительство стены однако не было завершено. В 1568 г. был воздвигнут собор и по словам Горсея «огромное казнохранилище» (*Казакова* 1977. С. 200-206). Известие о строительстве дворца передали Гваньини и Поссевино, однако Горсей сообщил и другой слух о размещении казны в монастырях (*Горсей*. С. 59, 63; *Гваньини*. С. 41; *Поссевино*. С. 47). Вологда уже в конце XV в. рассматривалась как место хранения государевой казны (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 530). *С. Ю. Ш.*

56–1. *...ловить осетра, устремляющегося в... Белоозеро* – Это сообщение о передвижении белуги на икрометание в Волгу подтверждается и сведениями Герберштейна (*Герберштейн* 2008-I. С. 313, 437). *С. Ю. Ш.*

56 об.–1. *Устье* – См. комм. 49-4.

56 об.–2. *Вверх по Волге* – Следует: «по Мологе». *И. И. П.*

56 об.–3. *...посад, называемый Холопий* – Старый Холопий городок, известие о торгах в котором передает Герберштейн. В противовес легенде об основании поселения беглыми холопами из Новгорода М. Н. Тихомиров связывает название с работорговлей, которая там производилась. В середине XVI в. Холопий находился во владении князей Прозоровских, которые тщетно боролись с властями Симонова монастыря, стремившимися удержать ярмарку в своей вотчине – Веси Егонской. В 1563 г. торговля в Холопьем была прекращена, по мнению М. Н. Тихомирова, в связи с недовольством царя ярославскими князьями, к которым принадлежали и Прозоровские (*Герберштейн*. 2008. I. С. 153; *Бережков* 1890. С. 40-53; *Тихомиров* 1962. С. 208-209). *С. Ю. Ш.*

56 об.–4. *...до Углича. Этот город совсем опустел* – Сведения Штадена об Угличе несколько расходятся с показаниями других иностранцев и отечественных источников конца столетия: Флетчер ставил Углич на 11-ое место среди 16 главных городов страны, на посаде города в начале XVII в. сгорело 15 церквей и 550 дворов (ПСРЛ. Т. 26. С. 286), что М. Н. Тихомиров считает некоторым преувеличением. При Андрее Васи-

льевиче Большом, брате Ивана III, город переживал время расцвета, строились каменные церкви и дворец, сохранившийся до нашего времени. Вероятно, Штаден застал период упадка города, наступивший в результате ливонских «вселений» (из Дерпта в 1565 г.) и опричных переселений и испомещений из Углича и в Углич (*Зимин* 2001. С. 96, 98 и др.). Однако благодаря удобному расположению на торговых путях (здесь помимо главной водной артерии страны проходил и короткий путь из Москвы в Белоозеро) Углич мог восстановиться к концу столетия (*Флетчер*. С. 12, 15; *Герберштейн* 2008-I. С. 353, 355; *Тихомиров* 1962. С. 213-216).

56 об.–5. *...Дмитров. Этот город также пустует* – город, основанный Юрием Долгоруким в 1154 г. в излучине р. Яхромы, в конце XIII – начале XIV вв. стал столицей одноименного княжества, но уже в 1360 г. превратился в вотчину московских князей, которые передавали его в удел младшим сыновьям, последним из коих был Юрий Иванович (1505–1533). Время расцвета города приходится на конец XV – начало XVI вв. (*Попов* 1973), когда на валу была сооружена стена, по словам Ульфельдта 1578 г. из бревен, грязи и соломы (*Ульфельдт* 2002. С. 314). После этого город постепенно деградировал, особенно быстро в опричное время.

57–1. *Переславль Залесский* – перенесен Юрием Долгоруким от озера Клещина в устье р. Трубеж в 1152 г.и вскоре стал крупным городом, в 1302 г. присоединен к Московскому княжеству. В XVI в. был окружен валом и деревянной стеной. Многочисленные храмы и монастыри и удобные для охоты окрестности привлекали великих князей. Занятием городского населения оставалась рыбная ловля, обслуживание царской сокольничьей, монастырских и боярских слободок. Единственным товаром, который вывозился из города, был хлеб. Разорение города связано с выселением 470 (?) купцов на рубеже 60-70-х годов (*Таубе и Крузе*. С. 48; *Тихомиров* 1962. С. 167-170).

57–2. *Александрова слобода* – Верный своему принципу рассматривать города с точки зрения их обороноспособности, с одной стороны, и возможностей обогащения в случае планируемого их захвата, с другой, Штаден в данном контексте ограничивается характеристикой стены государева двора и царского имущества, обойдя своим вниманием церкви. Его характеристика крепости, сооруженной из дерева в начале правления Елены Глинской и обложенной кирпичем при ее сыне, весьма подробна (в особенности при сравнении описания Ульфельдта. См.: *Уль-*

фельдт 2002. С. 318). Он внимательно рассмотрел ее конструкцию, обычную для древнерусского строительства. Остатки этой стены обнаружены в ходе археологических раскопок 1999–2004 гг. (*Фролов* 2005. С. 115; *Он же*. 2006. С. 27-29). Ср. комм. 16–4.

Что же касается второго пункта Штаденовской описания, то странно, что он упомянул лишь имущество, вывезенное из ограбленных в опричнину русских городов – Твери, Торжка, Великого Новгорода и Пскова, что вполне соответствует действительности (см.подробнее: *Кавельмахер* 2002. С. 457-487). Трудно однако было не заметить колокола.

57–3. *Троица* – Характеристика Троице-Сергиева монастыря, как самого богатого, полностью соответствует действительности (Герберштейн 2008 II. С. 383-385; *Черкасова* 2004).

57–4. *...вал в три сажени шириной* – Вал, упомянутый Штаденом, частично проходил по линии современного Бульварного кольца Москвы. Первые сведения о земляном вале относится ко второй половине XIV в. Как полагала М. В. Фехнер, он защищал лишь северо-западную и северную часть московского посада, от истока ручья Рачка (район современной Мясницкой) до среднего течения ручья Черторый, в районе Арбата. Земляной вал как бы дополнял собой естественные укрепления Москвы. После сожжения Москвы Девлет-Гиреем вал был значительно укреплен и досыпан. Дж. Горсей, очевидно, по ошибке говорит о строительстве в правление Ивана Грозного каменной стены вокруг Москвы. А. А. Севастьянова полагает, что эта была стена Китай-города или часть укреплений Белого города. В 1585–1589 гг. деревянно-земляные укрепления вала были заменены каменной стеной Белого города (*Фехнер* 1949. С. 116. Карта. Вклейка между с. 112-113; Иностранцы о древней Москве. С. 84, 86; *Горсей*. С. 93, 194, № 148; ПСРЛ. Т. 14. С. 37). *С.Н.Т.*

57 об.–1. *...на постройку домов или дворов* – Переселены были купцы из Переславля Залесского, из Новгорода Великого (60 купеческих семейств с опричной Торговой стороны и 40 – с земской Софийской), из Твери, Торжка, Мурома, Пскова, Белоозера, с Двины (*Горсей*. С. 49; *Флоря* 1977. С. 153-155; *Перхавко* 1997). *С. Ю. Ш.*

57 об.–2. *...здесь в Болвановке* – р-н современной Таганской пл. О численности иноземного населения слободы можно судить по сообщению Горсея о создании царем для борьбы с крымцами отряда в 1200 человек из лифляндцев, французов, голландцев, шотландцев и англичан,

использовавших новейшее вооружение – длинные луки (*Горсей.* С. 70, 71), участвовавших в битве при Молодях 1572 г.

57 об.–3. *...выгоревший женский монастырь* – На юго-западе, а не на юге, как у Штадена, Москвы при Иване Грозном располагались два Девичьих монастыря: Алексеевский девичий и Новый девичий. Первый стоял «за Черторьем», второй находился «у града Москвы, за посадом, близ монастыря святаго Савы». Трудно сказать, какой из них имеет в виду Штаден. По всей видимости, оба монастыря в 1571 г. были выжжены крымскими всадниками. После нашествия Девлет-Гирея Алексеевский девичий монастырь был перенесен с правого на левый берег ручья Черторый в район современных Зачатьевских переулков (ПСРЛ. Т. 13. С. 18, 45, 395). *С. Н. Т.*

По мнению С. Ю. Шокарева (*Шокарев* 2002. С. 140), это был Новодевичий монастырь, основанный Василием III в 1524 г. или, согласно В. Д. Назарову, в 1525 г. (*Назаров В. Д., Рыков Ю. Д.* Введение // АРГ/АММС. С. 267-273), сгорел 24 мая 1571 г., после чего 26 июля того же года царь дал жалованную тарханно-несудимую грамоту на все владения монастыря взамен сгоревшей 1548 г. (Там же. № 128. С. 305-309; *Рыков Ю.Д.* Комм. // Там же. С. 488, 500).

57 об.–4. *...охотники и конюхи* – Сведения Штадена о топографии вообще не отличаются точностью. Комментируемый текст – один из редких случаев, когда автор правильно указывает части света. Западный район Москвы, Занеглименье, издавна был связан с дворцовым хозяйством. Именно эта часть города вошла в опричнину. Охотники (псари, кречетники, сокольники) жили в специальных слободах, которые находились на Воздвиженке и под Новинским предместьем. На Старом Ваганькове стоял Псаренный двор. Конюхи размещались в Конюшенной слободе, в районе улицы Пречистенки, Староконюшенного и Гагаринского переулков (ПСРЛ. Т. 13. С. 395; Сигизмундов план // ПМиКМ. № 16; *Богоявленский* 1930. С. 120, 121). *С. Н. Т.*

57 об.–5. *...пушечники* – Точнее, не на севере, а на востоке, в Заяузье. Штаден сам указывал, что на Болвановье, за рекой Яузой, жили немецкие стрелки. О расположении русских стрельцов в том же районе сведений, современных Штадену, нет. Однако по данным на период XVII в. известно, что в Заяузье находилась одна из стрелецких слобод.(*Богоявленский* 1930. С. 122). *С. Н. Т.*

57 об.–6. *...пограничной чертой между опричниной и* земщиной – Ливонские жители, выселенные из Дерпта и других городов, по сообщению М. Груневега, вплоть до 1585 г. жили в районе Лубянки в маленьком переулке, название которого он исказил.

57 об.–7. *...сто тысяч человек* – Фр. Эпштейн называет эту цифру фантастической, это мнение поддержал и Ф. Кемпфер (*Staden* 1998. S. 106) Действительно, учитывая численность населения даже самых больших европейских городов (от 5 до 10 тысяч человек) и соответственно тогдашних воинских контингентов, иначе ее оценить нельзя В дальнейшем изложении проекта Штаден называет размеры воинских отрядов, необходимые на отдельных этапах его грандиозного плана. Представляется однако, что сам он не удосужился посчитать, какое же число воинов требуется для осуществления его плана завоевания России: 800 – в Коле, по 500 – на о. Кильдин и на Соловках (на Соловках половину должны составлять моряки), 800 – в Холмогорах, 1000 – в с. Пречистое (1/2 моряков), 3000 – в Каргополе, 3000 – в Белоозере (пешие и конные пополам), 2000 – в Рыбинске, 2000 – в Звенигороде, 1500 – в Коломне, 1500 – в Новодевичьем монастыре, 1500 – в Коломенском, 2000 – в Болвановке, 1500 – в немецкой Пушкарской слободе. Итого 21 тысяча человек, то есть в 5 раз меньше, чем Штаден заявил в начале изложения своего плана.

58–1. *...несколько крепостей...* – Это крепости и округа Гапсаль, Леаль и Лоден, которые датский король выкупил у шведских ландскехтов, которым их король отказал в уплате. В течение 1575–1576 гг. они были захвачены царскими войсками. *С. Ю. Ш.*

58–2. *Отобрать... всю Норвегию* – Штаден явно несколько преувеличивает внешнеполитические притязания Ивана IV. В русско-датских отношениях (за исключением Ливонии) основным камнем преткновения было разграничение территорий в Лапландии. Иван IV претендовал на сохранение тех земель, жители которых были данниками Новгорода Великого. Это убедительно показывают многочисленные публикации датских и русских документов Ю. Н. Щербачева, Г. В. Форстена, О. А. Йонсена. Однако хозяйственное освоение Лопской земли происходило медленнее, нежели с норвежской стороны, где почти на границе вырос г. Вардехус, в который специально с целью наблюдения за границами в 1571 г. был назначен фогт (*Johnsen* 1923; *Epstein*. S. 147-148. Anm. 16; *Ульфельдт* 2002. С. 505-571). Противоречия в связи с территориальными притязаниями в Лапландии не носили системного характера. Да-

же территориальные споры в Ливонии, оказавшие влияние на ход Ливонской войны и судьбы участвовавших в переговорах 1562 г. русских политиков (в частности, И. М. Висковатого). трудно причислить к системным. В связи с этим предложение привлечь датского короля к захвату России представляется более чем фантастическим.

58–3. *...ганзейские и приморские города* – По-видимому это тавтология, обычная для ганзейских и имперских документов с 40-х годов XVI в. (*Frensdorff* 1899. S. 136). Речь идет о членах Ганзейского союза во главе с Любеком, Гамбургом и Бременом, процветание которых в течение нескольких столетий зиждилось на торговле с Русью. В ситуации конкуренции с голландцами и англичанами они, прежде всего Любек, продолжали торговлю с Россией невзирая на Ливонскую войну, угрожавшую балтийским городам – тоже членам Ганзы – Риге и Ревелю (Таллинну). Последних поддерживали другие города, в первую очередь Бремен (*Simson* 1907. S. 414-417; *Zins* 1967. S. 68-70)

58–4. *...с принцем Оранским* – Вильгельм I Оранский Молчаливый (1533–1584) – принц Оранский, граф Насаусский, лидер Нидерландской буржуазной революции. После прихода к власти герцога Альбы бежал в Германию и организовал походы в Нидерланды в 1568 и 1572 гг. В 1572 г. ассамблеей Генеральных штатов в Дордрехте провозглашен статхалдером (наместником) восставших северных провинций.

58–5. *...задаток... сто тысяч талеров* – Обещая несметные богатства в будущем, Штаден покушается на вечно пустующую казну императора (*Huber*. Bd. IV. S. 367f.) , что естественно обрекает весь грандиозный проект на провал.

58–6 *...таких... достаточно... в христианском мире* – В этом отношении Штаден не ошибается (см. обзор литературы: *Epstein*. S. 150. Anm. 3). Более того, Иван IV действовал, как будто, в соответствии с советами Штадена. Он охотно подбирал тех, кому нечего было терять. См., например, представителей семьи Фаренсбахов, судьбы которых в XVI в. проследила Т. А. Опарина.

58 об.–1. *...плавал к тому месту* – Из дальнейшего следует, что это устье Онеги.

58 об.–2. *Симон ван Салинген* – голландский купец и шкипер, выходец из Фландрии, который, служа секретарем в Антверпенской торговой компании, в 1566 г. был направлен в Печенгу. В Коле он встретил Корнелиуса де Мейера, который здесь пребывал после неудачной попытки

проникнуть в Новгород. Компаньоны решили предпринять еще одну попытку. В русской одежде им удалось через Кандалакшу, Кереть, Кемь и Шую добраться до Онеги и каргопольским трактом – в Москву, но по совету знакомого по Антверпену гостя Степана Твердикова не стали добиваться аудиенции у царя и направились в Новгород. Позднее Салинген неоднократно посещал Печенгу, Колу, Шую, Суму, Соловки. В конце 1582 – начале 1583 г. поступил на службу датскому королю Фредерику II, в 1584 г. исполнял обязанности секретаря и переводчика у Т. Нормана де Лановерта, назначенного собрать дань и десятину в Лапландии. В 1586 г – комиссар там же. В 1591 г., находясь в Гамбурге как копенгагенский бюргер и minister ordinarius датского короля, составил отчет о состоянии Лапландии (в том числе о поездках в ее российскую часть в 60-е годы). В 1595 г. член посольства, направленного для размежевания датско-российской границы в Лапландии и в 1598 г. – посольства по случаю восхождения на трон Бориса Годунова В 1601 г. по поручению Кристиана IV составил карту Скандинавии, Лапландии и Финляндии (*Bjørnbo, Petersen* 1909/11; *Palmén* 1909/11; *Велувенкамп* 2006. С. 28; обзор литературы: *Epstein.* S. 151-152. Anm. 7). См. также комм. 54-4. *С. Ю. Ш., А. Л. Х.*

59–1. *...четыре года тому назад, когда я был там* – Единственное более или менее точное указание о том, когда Штаден покинул Россию. Не исключено, что речь идет уже о поездке из Швеции или Германии в Россию. Но если принять первый вариант, нужно думать, что еще летом 1574 г. он был в Онеге.

59–2. *...плавать в Берген в Норвегию и в Исландию...* – Торговля ганзейских городов в Бергене развивалась с XIII в. в непрерывной борьбе с местным купечеством, поддержанным королевской властью. Жители Бергена пытались принять активное участие в англо-российской торговле (сохранился торговый контракт Ант. Нильсена из Бергена с Этмундом Робертусом из Лондона 1557 г), поэтому конкуренцию гамбургцев датский король стремился уничтожить (*Epstein.* S. 152. Anm. 4, 8).

59–3. *... одного из братьев Вашего Имп. Вел.* – Братья Рудольфа II – эрцгерцоги Эрнст, Маттиас и Максимилиан.

59–4. *...который завоевал бы эту страну и управлял бы ею...* – В отличие от предложений практически воплотить идею завоевания России, сама идея была вполне в стиле времени. Эрцгерцог Эрнст неоднократно выступал в качестве кандидата на польский трон (в 1572, 1575 и позднее –

в 1587 и 1593 гг.), а в промежутке – в 1580 г – в Чехии и Португалии. Иван IV в 1576 г. готов был поддержать его кандидатуру в обмен на Киев и Ливонию – «искони вечные» царские вотчины.

59–5. *[проповедников] наверняка можно получить в университетах* – предложение проповеди католичества – несколько неожиданное в устах мародера и разбойника, политика-фантазера – свидетельствует , с одной стороны, о том, что недоучившийся «семинарист» заметил, какую роль в жизни русских людей играла религия, а, с другой, понимал, какое это мощное оружие в подчинении страны. Тем самым он предвосхитил планы А. Поссевино.

59 об.–1. ...одна вытекает из Ильмень-озера... – Ошибка Штадена. Имеется ввиду оз. Имандра. *Е. Е. Р.*

другая... впадает... у Колы в Западное море – Снова ошибка: из Нотозера берет начало р. Тулома – левый приток Колы. См. также комм. 53 об.-6, 19 об.-5.

59 об.–2. *...продают наших турку* – См. комм 9 об.-2.

60–1. Нем. *Comisse schreiber*; *Commisz* – «quod militibus distribuntur: во Франции существовал обычай распределять между солдатами на смотровом плацу вплоть до окончания смотра королевскую комиссию (commisz), т. е. мясо, хлеб и вино; под этим подразумевают грубо обработанные продукты (*Grimm*. Bd. II. Sp. 630). *С. Н. Ф.*

По Фр. Эпштейну – это наиболее раннее свидетельство о новой для XVI в. военной должности (*Epstein*. S. 154. Anm. 12)

60–2. *...они ничего не понимают в войне* – в военное время крестьяне должны были выполнять транспортные, дорожные повинности, а в мирное время – городовые по строительству оборонительных сооружений.

60–3. *...река имеет порог* – Онежский порог (ныне Порог) в 25 км. выше устья реки упоминается в указной грамоте Ивана IV новгородским наместникам и волостелям о провозе соли соловецкими монахами 1559 г. как пункт взимания пошлины, от которой они были освобождены. Окрестные волости и местности именовались: «Подпорожье», «у Петра святого под порогом», «выше порога Корельская» (АСЭИ/АСМ. Т. I. С.149, 154).

60 об.-1. *Живут здесь только крестьяне...* – черносошное крестьяне севера.

61–1. *...приходят в незащищенный город Каргополь на гору* – Сообщение можно считать намеком на то, что автор посетил этот город. См. 43 об.

61 об.–1. *...монастыри и церкви необходимо запретить* – Радикализм по отношению к православным церковным учреждениям сочетается с требованием строительства католических (или протестантских?) храмов рядом с первыми. Впечатление такое, будто его фантазия уносит далеко не только от реальности, но и от логики. И рисуется образ немецкого Хлестакова...

61 об.–2. *...с мужским Кирилловым монастырем и женским монастырем...*– См. комм. 55 об.-3, 55 об.-4.

61 об.–3. *...сходятся три реки* – Шексна, Волга и Молога.

62–1. *...изобразить великую тиранию великого князя* – вольно или невольно совету Штадена последовали Стрыйковский, Гваньини, Шлихтинг, Поссевино, Одерборн, однако их сочинения дошли до русского читателя с опозданием, но значительно меньшим, чем самого Штадена, раньше всех – Гваньини – уже в третьей четверти XVII в

62 об.–1. *В крепости стоит белокаменная церковь...* – одноглавый четырехстолпный Воскресенский собор, построенный в 1462–1494 гг. кн. Борисом Васильевичем Волоцким. *С. Ю. Ш.*

62 об.–2. *...монастырь Осипов, богатый деньгами и добром* – См. комм. 50-8.

62 об.–3. *...выгоревший женский монастырь* – Новодевичий. См. комм. 57 об.-3. Штаден оба раза подчеркивает бедственное состояние монастыря. В 1572 г. царь распорядился «Новодевич монастырь строить», но это Штаден уже не застал, поскольку с позднего лета 1572 г. уже не был в Москве

63 об.–1. *...казну... со всеми коронами, скипетрами...* – О великокняжеских регалиях («шапках», крестах) дают представление духовные Ивана III и Василия III (ДДГ. № 89, 100; *Базилевич* 1926). Возможно Штаден их и называет коронами, хотя в его время к «шапке Мономаха» добавились и казанская и, возможно, астраханская. Более новой регалией является скипетр, он вошел в титул царя Федора –«скифетродержателя Российского царствия» (*Хорошкевич* 1997-а. С.194). Г. Штекль, опираясь на духовную грамоту Ивана IV, относил его появление ко времени Ивана Грозного (*Stökl* 1972. S. 23-31), когда он начал сменять традиционный для средневековой Руси посох.

63 об.–2. *...и его сына* – Здесь, в отличие от других случаев, Штаден пишет об одном сыне. Ошибка легко объяснима, поскольку только старший Иван (1554–1581) был реально действующим, которому отец иногда доверял участие в военных действиях. Не является ли это ошибкой переписчика, который после 1581 г. мог слышать о трагической гибели старшего сына Ивана IV? К сожалению, пока не ясно, к какому времени относится копия, на этот вопрос нельзя дать точного ответа.

64–1. *...в христианскую землю* – Из этого замечания явствует, что Россию он за таковую вобще не принимал. В «Автобиографии» он причислил всех русских к язычникам.

64–2. *...обоих сыновей...* – В этом же абзаце выше Штаден два раза пишет об одном сыне.

64–3. *...побросать убитых с бревнами в воду* – Штаден решил творчески использовать опыт «тирана Васильевича» по «ликвидации» подданных, с которым познакомился в Новгороде в январе 1570 г., и применить его по отношению к будущим русским пленным. Это тот самый пассаж, который процитировал К. В. Базилевич в своей лекции 1949 г., за что и подвергся критике.

64–4. *...великий князь взывает к Богу через Николая и... святых* – один из главных упреков западного христианства и в особенности протестантства, который выдвигает Штаден против веры царя, дословно повторяя ответы Яна Рокиты, неожиданный в почти религиозно индифферентном сочинении Штадена, заставляет думать, что он либо был сам, либо узнал от других о диспуте Рокиты с царем. Впрочем упреки в идолопоклонстве звучали не только на этом диспуте. Почитание св. Николая также привлекло внимание критиков православия. Историк литературы А. Брюкнер привел пословицу: «Когда умрет Бог, им станет Николай» (*Brückner* 1909. S. 16). Та же тема звучала в одном из полемических ливонских стихотворений середины XVI в.: «забывший своего бога Николая, он такой жестокий тиран, что никто не может этого выразить» (*Pabst* 1844. S. 212; *Epstein*. S. 159. Anm. 6).

64 об.–1. *Он считает, что раз завоевал Ливонию, значит, он служит Богу правильно, а наше богослужение ложно* – Скорее, наоборот: истинность православной веры подвигла его, подлинного носителя этой веры (*Хорошкевич* 2003-а. С. 203-204), к походу на Ливонию. К этому добавились мотивы защиты православных церквей и верующих в Дерпте и других городах (*Angermann* 1973).

65–1. *..не знают никакого другого языка* – Довольно странное утверждение, поскольку многочисленные толмачи Посольского приказа владели латынью, польским, татарским. Попавший в плен в 1558 г. Федор Писемский удивлял знанием нескольких иностранных языков (хронисты путались в перечислении их, но у всех неизменно присутствовала латынь), польский знал и царь, испытавший влияние польской традиции даже в названии собственного государства (см. обзор литературы: *Epstein*. S. 160-161. Anm. 3).

65–2. *...заново выучиться* – Намек на Елисея Бомелия. Ср. комм. 48-1.

65–3. *...страну можно... поделить на две или три части* – Идея изложена неясно, лишь из последующего вытекает, что речь идет о России.

65–4. *Озерище* – крепость в северной части Полоцкой земли в верховьях р. Оболи, правого притока Двины, захваченная царскими войсками 22 июля 1564 г. и ставшая затем предметом долгих дипломатических споров. Российская сторона настаивала на своем праве сохранить крепость в составе Российского царства, 17 мая 1570 г. дипломаты Речи Посполитой даже шли на эту уступку, но требовали возвращения Полоцка. Соглашение не состоялось: «Никак то статися не может, что государя нашего вотчина Полоцкая делити» (Сб. РИО. Т. 71. С. 655-656). По Ям-Запольскому миру крепость вернулась в состав Речи Посполитой.

65 об.–1. *...Рязанская земля так прекрасна* – так же описывали Рязанскую землю и другие иностранные авторы, начиная с Герберштейна (*Герберштейн* 2008-I. С. 305).

65 об.–2. *...навоз уносит водой...* – К характеристике своего великого, но явно незнакомого ему предшественника, Штаден добавляет замечание о навозе. Ему, привыкшему на родине к рациональному использованию навоза, показалось примечательным небрежение этим главным сельскохозяйственным удобрением средневековья. Несколько странно его утверждение: «Эта земля – ворота в Русскую землю и город Москву», здесь Штаден меняет ориентиры и становится на позицию крымского хана. Вероятно, это произошло под впечатлением нападения на Рязань крымского хана Девлет-Гирея в 1564 г. (*Новосельский* 1948; *Зимин* 2001. С. 124, 126).

66–1. *...королева Англии и Шотландии... должна отказаться от этой Русской земли и Испании и не использовать их* – Очевидно, автор не слишком хорошо представлял себе политическую ситуацию на Британских островах, поскольку он ошибочно именовал королеву Англии Ели-

завету I (1558–1603) королевой Шотландии. Этот титул все еще принадлежал Марии Стюарт, находившейся в Англии на положении почетной пленницы.

Как явствует из дальнейшего текста, Штаден полагал, что после захвата русских земель императором Рудольфом, государи европейских держав, заинтересованных в торговле с Московией, станут выплачивать ему определенные суммы за доступ на этот рынок. В особенности это касалось Англии, которая имела привилегированные позиции в торговле с Русским государством, начиная с 1555 г. Оценивая геополитическое положение Англии, занимавшей серединное положение на торговых путях вдоль европейского побережья Атлантики, Штаден верно констатировал, что англичане продвинулись в своей торговой экспансии далеко на северо-восток, однако, они были заинтересованы и в поддержании регулярных экономических отношений с Испанией (этим, по-видимому, продиктован его пассаж об Испании, лежащей «ниже» Англии к югу). Одним из негативных последствия Реформации для Англии стала утрата ею многих традиционных рынков сбыта для английских сукон в Европе. С 1568 по 1573 гг. торговля Англии и Испании была прервана, к большому ущербу для местного купечества и предпринимателей-суконщиков. Однако в 1573 г. ее удалось восстановить, несмотря на то, что дипломатические отношения Англии и Испании в целом оставались напряженными (с 1571 по 1578 эти державы не обменивались послами).

Видимо, Штаден рассчитывал, что если русские земли перейдут под контроль императора, а англичане откажутся платить ему за право торговать в этом регионе, король Испании Филипп поддержит притязания Рудольфа и окажет давление на Елизавету, возможно, угрожая ей новым разрывом англо-испанских торговых отношений. *О. В. Дмитриева.*

66–2. *...при поддержке персидского короля нетрудно будет воевать с турецким царем* – идея тройственного союза Империи, Персии и России эпизодически возникала и у императора Максимилиана II, и у князя А. М. Курбского, и Годунова (*Übersberger* 1906. S. 397-399; *Шмурло.* T. III. Ч. 2. С. 303; *Epstein.* S. 163. Anm. 2; *Магилина* 2009).

67 об.–1. *...князя Михаила Черкасского* – Обычная ошибка Штадена.

67 об.–2. *...когда я был послан в Польшу* – видимо, графом Г. Фельденц фон Лютцельштейн, стало быть в середине-конце 1578 г.

68–1. *...своими глазами лицезреть Ваше Римское Императорское Величество...* – Когда именно это произошло, неясно. Скорее всего, почти одновременно с поездкой в Польшу.

68–2. *...денег на почестие он туда с ними шлет... велит... остерегаться неприятных неожиданностей* – Не исключено, что это сообщение отчасти связано с «делом» Ганса Шлитте, который в 1547 г. посетил Россию, а в начале 50-х годов пытался навербовать для царя Ивана IV специалистов различного профиля, выступая посредником между русским царем и императором Священной Римской империи Германской нации (см. подробнее публикацию новых материалов с обзором обширной литературы: Фречнера Р. Новые источники о миссии Ганса Шлитте. Об особенностях московской дипломатической практики в середине XVI в. в европейском контексте; Приложение. Источники в оригинале и в русском переводе. (В печати: *Он же.* «Дело Шлитте» // *Герберштейн* 2008 II. С. 132-137, 140-147).

IV. Автобиография[1]

69 об.–1. О разновременности написания этой части комплекса со всем остальным свидетельствует употребление термина Московия для обозначения России. Очевидно, автобиография была написана за пределами России в том регионе, где официальным наименованием Российского царства был термин «Московия».

70–1. *...родился...* – Из дальнейшего изложения следует, что это произошло в 1542 или 1543 г.

70–2. *Вальтер фон Штаден-старший* – упоминается 28.09.1528 г. как опекун дочери Гердта фон Штадена. 2.01.1544 г. он, его жена Катарина и Генрих Вульф продали Фридриху фон Штадену из Зёста и еще двум лицам земли, унаследованные ими от Гердта фон Штадена.

70–3. Вальтер Старший умер до 12.11.1546 г., так как в это время опекуны его несовершеннолетних детей *Вальтер-младший*, бывший в то время, как и в 1550, 1552, 1553 и 1557 гг. бургомистром г. Алена (не за-

[1] Большая часть комментариев данного раздела являются сокращенным пересказом соответствующих примечаний Фр. Эпштейна.

нимая в дальнейшем этой должности, он сохранил титул с определением «бывший»), и Йоханн Хокер получали для них ренту с имущества в Алене, хотя мать детей Катарина в документе не упоминается (*Epstein.* S. 167. Anm. 67).

70–4. Члены рода Оссенбах часто упоминаются как бургомистры и граждане г. Алена.

70–5. *Мать мою звали Катарина Оссенбах; она умерла в чуму* – Год смерти матери Генриха Штадена невозможно определить из-за неопределенности указания на «чумной год», в Мюнстере жестокие чумные эпидемии свирепствовали в 1550-х – 1554, 1558, 1560, 1567, 1574–1575, 1578 и в конце 1580-х гг. (*Epstein.* S. 168. Anm. 1).

70–6. *Иоганн* (Йоханн) *фон Гален* – в 1587 г. исполнял должность мастера ткачей в г. Алене (*Epstein.* S. 168. Anm. 2).

70–7. *Берндт фон Штаден* – пастор в Унтропе в Вестфалии 8.06.1557 г. был представлен бургомистром и советом г. Алена на должность викария в старой церкви Св. Андрея в Алене. 11.06.1557 г. он был утвержден в должности. В 1597 г. лишен викариата в связи с женитьбой (*Epstein.* S.168. Anm. 3).

70 об.–1. *Стефан Гевенер* – комментаторам неизвестен. Ганс Гевенер – гражданин г. Любека упоминается с 1556 по 1589 г. В 1589 г. его имущество унаследовали вдова и трое детей. Он был судовладельцем и неоднократно выступал в качестве торговца недвижимостью. Фамилия Гевенер была распространена в Нижней Саксонии (*Epstein.* S. 169. Anm. 1).

70 об.–2. *Мне нужно так заборонить дорогу, чтобы... Штаден не смог ее... отыскать* – Обычай боронить дорогу после отъезда-отбытия того, чье возвращение нежелательно, существует у многих народов. Особенно часто так поступают после отъезда погребальных дрог или катафалков.

70 об.–3. Поскольку работы на любекском валу велись с большим перерывом между 1560 и 1573 годами, Фр. Эпштейн считает, что Штаден находился в этом городе в 1560 г. (*Epstein.* S. 169. Anm. 3).

70 об.–4. ...установленные знаки (*zeichen*) – знаки или марки, для учета выполнения городовой повинности в Любеке. В случае необходимости производства экстраординарных работ на валу к их исполнению должны были привлекаться все горожане, имевшие отапливаемое жилище, либо платить 4 пфеннига или дневную марку. Раздатчики (они же сборщики) марок обязаны были присягать в том, что будут честно исполнять свои обязанности. С начала XVII в. норма, исчисляемая по числу

привезенных тачек, устанавливалась руководителем работ и двумя бюргерами согласно проекту правил земляных работ (*Epstein*. S. 169. Anm. 4).

70 об.–5. *Филипп Гландорф* – член городского совета в Риге в источниках не упоминается. Возможно, имеется в виду рижский бюргер Винцент Гландорф, который в 1560-е гг. был старшиной, главой конвента Св. Духа в Риге и ратманом. В день казни в Риге графа Артца 29.12.1563 г., после возвращения с экзекуции, В. Гландорфа хватил удар (*Böthführ* 1876. S. 361; *Epstein*. S. 170).

70 об.–6. *Из-за [наступления] великого князя...* – Царские войска угрожали Риге в 1559, 1560 и 1561 гг. (*Зимин, Хорошкевич* 1982. С. 94; *Скрынников* 1992. С. 132, 133, 154).

71–1. *...набрал себе столько знаков, что после этого освободился от постройки вала* – Аналогичная система контроля и учёта действовала и в Риге, где раздавались свинцовые значки (*Epstein*. S. 169. Anm. 4).

71–2. *...город Вольмар* – г. Валмиера (Латвия).

71 об.–1. Имеется ввиду советник магистра ордена *Иоганн* (Йоханн) (фон) *Бокхорст*, упоминающийся во многих документах 1550-х гг. Член ливонского посольства в Москву в 1554 г., согласившегося платить царю дерптскую «дань». Ум. 17 марта 1560 г. (*Epstein*. S. 171).

71 об.–2. *...ненемецкий язык (undeutsche Sprache)* – здесь имеется в виду латышский. Определение «*undeutsch*» (снпем. *Undudesch*) применялось ко всем народам Балтики ненемецкого происхождения. Ср. у Т. Фенне: «латыш – undutscher» (*Fenne*. Vol. 3. P. 128). *С. Н. Ф.*

71 об.–3. *Каркус* (эст. Каркси) – В 1560 г был захвачен царскими войсками.

71 об.–4. *Георг фон Вольсторф* (Юрген Вольсторп, Вольферсдорф) был капитаном герцога Юхана Финляндского (будущего Юхана III) в Гельмете. В письме к юрьевскому наместнику кн. А. М. Курбскому от 17.12.1563 г. он «вместе со всем дворянством области Гельмет» протестовал против предательства графа Артца и писал, что они признают только власть польского короля и герцога финляндского. Довольно часто упоминается в начале 1570-х гг. Так, Даниил Принтц писал 15.05.1576 г. императору Рудольфу II: «Также должен верноподданейше Вашему императорскому Величеству доложить, что мне сообщил тайно бывший капитан Гельмета Георг фон Вольферсдорф, что Иоганн Таубе, бывший советник великого князя в России (поступавший на польскую службу – *А. Л. Х.*) предложил ему 200 конных и 100 пеших». Вольсторф отклонил

это предложение, предпочитая служить императору, а не польскому королю (*Epstein*. S. 172).

71 об.–5. Граф Иоганн Арцский (*фон Арц*) – «полномочный полковник и губернатор над ломбардцами в Лифляндии» находился на службе герцога Юхана Финляндского. Когда Юхан был арестован своим братом шведским королем Эриком XIV и войска короля заняли замок Каркус, Артц завязал сношения с юрьевским наместником кн. А. М. Курбским, собираясь передать русским замки Юхана в обмен на гарантии сохранения своей собственности и положения в Гельмете. Однако привести свой замысел в исполнение не успел, и 1.12.1563 г. был схвачен и приговорен В. Кетлером к смертной казни. Казнен 29.12.1563 г. (*Epstein*. S. 173).

72–1. *Эмбах* – р. Эмайыги (эст.).

72–2. *Иоахим Шретер* – дерптский бюргер, известный деятель русской партии. В 1560–1570-х гг. упоминается как член городского совета, который однако в 1565–1568 гг. бездействовал. В известном сообщении о посещении библиотеки Ивана Грозного пастором Веттерманом участвовал и И. Шретер (*Epstein*. S. 175).

72 об.–1. *боярин Аталык Квашнин* – Квашнин Иван Иванович – голова. Из дворянского рода, восходящего к боярину Ивана Калиты, брат знаменитого юрьевского воеводы Ждана Ивановича Квашнина, посла в Империю. Как и брат, располагал землями в Юрьеве: в сентябрьском разряде 1576 г. назван «юрьевским помещиком». В 1572 г. голова у 100 немцев в большом полку в сражении при Молодях. В 1574 г. «город делал» в Салаче. С 1578 г. осадный голова в Кореле. 4 ноября 1580 г. сдал город шведам. В 1585 г. второй воевода в Заволочье, с 1587 г. наместник и первый воевода в Заволочье. В 1590 г. голова в царевом полку в походе царя Федора Ивановича на Нарву, в том же году послан на службу в Псков, где был до 1592 г. (ДСМ. С. 175; РК 1475–1598. С. 256, 291, 358, 377, 416, 467; *Веселовский* 1974. С. 17). *С. Н. Т.*

72 об.–2. *...200 миль пути* – Имеются в виду немецкие мили, равные 5 верстам.

73–1. *spann* – нижненем.: «деревянный сосуд (с ручкой) (иногда кожаный); мера» (*Lübben*. S. 364). *С. Н. Ф.*

73–2. *stücke* – в немецких средневековых документах XIV–XV вв. термин употреблялся для обозначения «гривны». Мнение С. Н. Таценко о том, что Штаден получил золотой, мало вероятно. Скорее это мог быть талер с надпечаткой.

73–3. *Великий князь улыбнулся и сказал: «Хлеба есть», просил меня такими словами быть его гостем* – Сведения Штадена о его приглашении к царскому «столу» вызывают некоторые сомнения. В данном случае следует иметь в виду, что приглашение к «столу» иностранца могло иметь место только в качестве определенной дипломатической акции – выражения высшей степени уважения к монарху, представителем которого являлся приглашенный. Подобные случае известны и XVI и в XVII вв. Причем, приглашение в форме «отведать хлеба-соли» упоминается С. Герберштейном (*Герберштейн* 2008-I. С. 55). Однако если последний был послом императора, то Штаден таковым не являлся. Наконец, обращает на себя лапидарность самого сообщения Штадена на фоне иных известий, например, детального изложения Штаденом его ссоры с Эльверфельдом.

По Штадену, Иван IV лично пригласил его к «столу». Подобные сведения сообщает также Герберштейн. Однако обычно в дипломатической практике миссия приглашения возлагалась на подданных. В 1578 г. датский посол Якоб Ульфельдт услышал от «глашатая» (лат.: praeco; датск. перевод XVII в.: Tolcken): «Царь приглашает вас сегодня на пир; встаньте и воздайте благодарность его величеству» (*Ульфельдт* 2002. С. 195, 254, 322). В обычной практике XVII в. приглашение к «столу» передавал стольник от имени государя. Из делопроизводственных материалов этого времени следует, что тогда это уже являлось устоявшейся практикой дипломатических отношений (Книга «посольских приемов» 1624–1635 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 15. Л. 50).

Участие в «столах» могло быть двояким. Во-первых, приглашение к «столу» как особая монаршая милость, либо как служебное назначение для участия в церемонии. Приглашение к «столу», помимо дипломатов, получали лица, обладавшие высшими чинами (боярина или окольничего). Исключительным явлением было приглашение к «столу» как знак особой милости московского дворянина или стольника. Иностранцы, принявшие православие и перешедшие на русскую службу, иностранцами не считались и могли участвовать в церемониях. В XVII в. эти лица должны были обладать чином не ниже «московского дворянина» или «стольника». *К. В. П.*

Однако не исключено, что в XVI столетии, особенно в период увлечения царем немецкими наемниками и «советниками», церемониал был менее строгим, и царь среди нескольких сотен людей разного ранга мог действительно позвать и толмача на свою трапезу. Ср. комм. 32 об.–4.

73–4. *...у князя Владимира [Андреевича], чья дочь за герцогом Магнусом...* – См. комм. 48 об.-8.

73–5. *Иоганн Таубе* (ок. 1525–1583) – ливонский дворянин, приближенный Ивана Грозного («его царского величества советник и главный начальник, свободный господин и князь»). Служил печатником епископа дерптского. В 1559 г. попал в плен к русским, отказался служить царю и был заключен в тюрьму. В 1563 г. согласился вступить в русскую службу. Обладал большим влиянием как политический советник царя, ему принадлежала идея создания вассального России Ливонского королевства. В 1565–1571 гг. служил в опричнине. В 1569 г. вел переговоры Ивана Грозного с герцогом Магнусом. В 1570–1571 гг. участвовал в походе Магнуса на Ревель, а после неудачи похода пытался поднять восстание против русских воевод в Дерпте, после этой очередной неудачи бежал в Речь Посполитую. В 1572 г. совместно с Э. Крузе составил «Послание» к гетману Хоткевичу, описывающее историю опричнины (*Браудо* 1890. С. 389-395; *Таубе и Крузе*. С. 10-59; *Таубе* 1963. С. 170-189; *Скрынников* 1992. С.58, 59). В 1577 г. царь Иван Грозный обратился из Вольмара с посланием к И. Таубе и Э. Крузе (ПИГ. С. 371).

73–6. *Элерт Крузе* (ум. после 1587) – ливонский дворянин, советник Дерптского магистрата, опричник, приближенный Ивана Грозного. В 1560 г. попал в плен к русским, в 1563 г. был зачислен в службу, в 1565–1571 гг. служил в опричнине. В 1569 г. вел переговоры Ивана Грозного с герцогом Магнусом. В 1570–1571 гг. участвовал в походе Магнуса на Ревель, а после неудачи похода пытался поднять восстание против русских воевод в Дерпте, но тоже неудачно, после чего бежал в Речь Посполитую. В 1572 г. вместе с Таубе составил «Послание» к гетману Ходкевичу.

73–7. *Каспар* [Петер] *Эльверфельд* – лиценциат права, ланддрост (староста) Петерсхагена в 1555 и 1556 гг. Взят в плен русскими в Ливонии в 1558 г. Принят на царскую службу и стал советником царя по Ливонии, пользовался, судя по посланию Фейта Зенга маркграфу Альбрехту от 20 декабря 1566 г., значительным влиянием, был опричником (*Кобрин* 2008. С. 96). Информатор Зенга мюнстерский бюргер Герман Писпинк среди иноземцев, окружавших царя Ивана, на первое место ставил именно его, постоянного (ежедневного) советника царя (*Карамзин*. Т. IX. Гл. II Прим. 166). В 1570 г. попал в опалу, был заключен в тюрьму и умер от чумы в Москве, вероятно, в 1571 г. Был похоронен на иноземном кладбище при слободе Наливки в Замоскворечье. В 1989 г.

его надгробие было обнаружено во время земляных работ и поступило в собрание Музея истории города Москвы (*Беляев* 1996. С. 233-245). Ср. комм. 41–2.

73–8. Нем. *drost* – «*управляющий*» в северо-немецких областях: Фризии, Вестфалии и др. (ср. *Grimm.* Bd. II. Sp. 1437-1438), снем. dros(se)te – высший управляющий владетельного князя, его главный приказной в военное и мирное время» (*Lübben.* S. 86). В тексте – средне-верхненемецкая форма (в действительности сннем. drost сответствовало свн. truh(t)seze (*Kluge.* S. 157). *С. Н. Ф.*

73 об.–1. *Он же скачет на судный двор...* – Источники не отмечают существования особого Судного двора (приказа) в XVI в. Однако, допустимо, что таким образом Штаден назвал Земский приказ, который исполнял судебные функции по отношению к московскому населению. На «Петровом чертеже» Земский двор на Никольской обозначен как Судный: «Судный двор, где разрешаются гражданские тяжбы и определяются наказания за более легкие преступления, как, например, за кражу и тому подобное» (Петров чертеж // ПМиКМ. № 32). *С. Н. Т.*

75–1. О клятве опричников см.: комм. 10-5.

75–2. *Я заплатил [судебные] издержки, сколько полагалось...* – Размеры судебных пошлин определены ст. 38 и 65 Судебника. Шкала их была соотнесена с социальным положением судей и истцов (Судебники. С. 162).

75–3. *...в ту пору в Москву приехал герцог Магнус...* – Магнус находился в Москве с 10 июня по 6 июля 1570 г. См. комм. 11 об-6.

76–1. *Адриан Кальб* – бывший советник дерптского епископа Германа. О нем Фейт Зенг писал в 1567 г. «Он очень угоден великому князю, и он ему во многом доверяет» (*Форстен* 1889. С. 92). В послании от 20 декабря 1566 г. Фейт Зенг ставил Кальба по влиянию на царя на второе место после К. Эльверфельдта, но выше, нежели Таубе и Крузе (*Карамзин.* Т. IX. Гл. II прим. 166. Ср. комм. 75-3 наст. изд.)

76–2. *...сундуки с английского торгового двора...* – Речь идет, как явствует из дальнейшего текста, о Московском Английском дворе на ул. Варварка, а не о дворе в Холмогорах, как полагал ранее С. Таценко (*Штаден* 2002. С. 219).

76–3. *...были полны глупостей* – Другие варианты перевода: *были ограждены вздорными документамии* (И. И. Полосин), *хитроумно закрыты* (Фр. Кемпфер). Если принять перевод С. Н. Фердинанд, можно предполагать, что в ящиках были и рукописи – глупости для вояки-

авантюриста. Однако и перевод и тем более толкование слова narheit сомнительны, поскольку Эльверфельд предлагал Штадену все продать.

76–4. В рукописи – *midt Freuell.*

76 об.–1. ...*я смог похоронить его в склепе* ... — Сооружением склепа, вероятно, и можно объяснить хорошую сохранность надгробного камня. Ср. комм. 41-2.

76 об.–3. *Великий князь велел выдать мне грамоту* – Грамота, полученная Штаденом от великого князя, судя по её пересказу, принадлежала к разновидности жалованных несудимых двусрочных (Ср. АСЗ. Т. I. № 290. С. 282-283. 15.XI.1560 г.). Сходства с пережитками проездного суда XIV–XV вв., которое усмотрел С. Таценко, на наш взгляд, не имеется (*Штаден* 2002. С. 219-220).

76 об.–4. *От этого однако вполне можно было уберечся* – наречие *hier* можно перевести иначе: *этим.* В переводе С. Н. Фердинанд и Фр. Кемпфера получается, что защита требовалась лишь на Рождество и в день Петра и Павла (*«в эти дни... уберечься»* – *Staden* 1998. S. 41). Более расширительное толкование наречия hier содержит оценку документа, как действующего весь год.

76 об.–5. ...*дьяк Осип Ильин* – См. комм. 22-5 и 84 об.-2.

76 об.–6. *Из-за недостатка времени я не мог* (могу – *Staden* 1998. S. 41) *больше писать* – Неясно, к чему относится эта загадочная фраза. Чего и почему не мог писать? Если это относится к Описанию, то следует думать, что Штаден начал его еще во время пребывания в России.

...*Когда великий князь взял себе в опричнину Старицу*... – По мнению А. А. Зимина это произошло в 1569 г.

77–1. ...*уравнял меня с князьями и боярами четвертой степени* – Четвертая степень (или четвертая статья) у Штадена приведена не совсем верно. По Тысячной книге 1550 г. бояре и окольничие значатся вне статей, в то время как основная масса детей боярских делится на три статьи (с земельным окладом по 200 четей, 150 четей и 100 четей). Вероятно, Штаден причисляет бояр и окольничих к первой статье и прибавляет к ней еще три. Судя по всему, Штаден был причислен к действительной третьей статье с окладом в 100 четей (см.: ТКДТ. С. 53, 54). *С. Н. Т.*

77–2. *Эти два [села] были вотчинами, а шесть сел были поместьями* – Вотчина и поместье – две формы феодального землевладения. Во второй половине XVI в. имели единый источник – государево пожалование. И та, и другая обеспечивались военной службой. Основное разли-

чие состояло в праве отчуждения: поместье запрещено было дарить или продавать. Однако во второй половине XVI в. свободное владение вотчиной также было ограничено. Всякое отчуждение должно было совершиться с «доклада» государю (*Кобрин* 1985. С. 68-109, 133-135). *С. Н. Т.*

77–3. *...годовое жалование в соответствии с числом имений* – денежный оклад, соответствовавший размеру земель.

77–4. *...двор был исключен из городских книг и обелен в знак того, что был свободен от службы государю* – Перевод Фр. Кемпфера несколько отличается: «*Ворота были побелены*» (*Staden* 1998. S. 43). Обеление двора предусматривало освобождение от уплаты различных налогов, а не от государевой службы. Городовые книги XVI в., судя по контексту, аналогичны переписным книгам Москвы XVII–XVIII вв., которые составлялись в финансовых целях (см. напр.: ПКМ 1665-1676). *С. Н. Т.*

77–5. *Иоганн Зёге* (Цёге) вероятнее всего принадлежал к балтийскому дворянскому роду, с XVII в. писавшемуся Цёге фон Мантейфель. Зёге имели владения в Курляндии и на острове Эзель. С второй половины XVII в. выезжают на службу в Россию (*Epstein*. S. 183).

77 об.–1. *...по приказу татарского царя* – крымского хана Девлет-Гирея.

78–1. *Семен Курцов* – по русским источникам неизвестен. Возможно, приходился родственником казначею Н. А. Фуникову (Курцеву) и кириловским монахам Курцевым, упоминаемым в послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (ПИГ. С. 175, 359).

78–2. *Сокольничий* – При дворе великих князей Руси, как и во всей Европе, соколиная охота была не только излюбленным, но и обязательным, крайне дорогим и в высшей степени престижным развлечением всех государей. Ей посвящались трактаты (например «Книга об искусстве соколиной охоты» императора Священной Римской империи и короля Сицилии Фридриха II Штауфена, ее изображали придворные художники). Сокола с русского севера часто входили в состав даров иностранным государям. С XV в. известны попытки экспорта этих ловчих птиц, которые в Европе высоко ценились, поскольку они водились лишь в Ирландии, откуда их и привозили по преимуществу. Подробное описание охоты оставил в своих Записках С. Герберштейн (*Герберштейн* 2008-I. С. 335, 507).

78–3. *Ганс Купфершмидт* (буквально – «медник») – оружейник из Люцерна. Происходил из Тонона в Верхней Савойе. Упоминается в ис-

точниках под 1568 г. Известно о его ссорах с собратьями по ремеслу (Heer der Stockel. Bd. 1. S. 654; *Epstein*. S. 184).

78–4. *...в водном деле* – В рукописи: *его ремесло лучше, чем мое. С. Н. Ф.*

78 об.–1. *...и осмотрел решетчатые ворота, а также сторожки* – Фр. Кемпфер предлагает иной перевод: *этот отвечал за уличные решетки и сторожки* (*Staden* 1998. S. 47).

78 об.–2. *...sonnder Freuntschafft* – без друзей, или без связей, последний перевод более соответствует реалиям России.

78 об.–3. *...тын должен доходить до решетчатых ворот* – Несмотря на то, что городские дворы и усадьбы на Руси имели довольно большую площадь, жители очень ее оберегали, как об этом можно судить на примере Великого Новгорода, где уличане в XV в. порой вступали в конфликт с постояльцами Готского и Немецкого дворов (*Клейненберг, Севастьянова* 1984. С. 157-164). Такая полицейская мера, как установка решетчатых ворот в Москве, обострила вопрос о сооружении заборов дворов и усадеб, которые должны были вплотную примыкать к воротам, не давая запоздалому путнику, а тем более злоумышленнику возможности нарушать ночной покой и безопасность горожан.

78 об.–4. *...этот [грех] ему был отпущен в замке Гельмет в Ливонии* – Фр. Кемпфер предлагает иной перевод: «*поэтому он потерял свой замок Гельмет*» (*Staden* 1998. S. 47). Фр. Хан, принятый в опричнину, имел поместье в Ржевском у. (см. о нем: *Кобрин* 2008. С. 36).

78 об.–5. *Морген* – средневековая немецкая мера площади = 561 кв. сажен (*Павловский* 1902. С. 931).

78 об.–6. *На это он снова ответил, что я сын бургомистра, а он сын дворянина* – Доказывая свое дворянское происхождение, иноземцы на русской службе в XVI–XVII вв. получали повышенный по сравнению со своими соотечественниками поместный и денежный оклад (см.: *Лаврентьев* 1998. С. 45-49).

79–1. «*Травник*» (или «Лечебник»). Переводы подобной литературы в России XVI в. были обычным явлением. Этим занимался Н. Булев в 30-е годы, еще один подобный памятник был переведен с польского на русский язык в 1588 г. (*Карамзин*. Т. III. Стб. 150, 151, прим. 447; *Соболевский* 1903. С. 50).

79–3. *...управлял крестьянами по ливонскому обычаю...* – крестьяне Ливонии подвергались жесточайшей эксплуатации и терпели ущемления по национальному принципу. Они были местными жителями – эс-

тами, латышами, леттами и т. д. Землевладельцы были выходцами из Германии (*Дорошенко* 1960; *Лиги* 1961. С. 81-93).

79 об.–1. *...вновь прибывшего немца...* – Бюрократическая процедура оформления земельных пожалований изложена им несколько сбивчиво. Видимо, Штаден сам еще не очень разбирался в структуре государственных учреждений. Он направил своего приказчика в Разрядный приказ, где, как он неточно пишет, «исполняют все военные и посольские дела». Однако он должен был обращаться в Посольский приказ. Память из Посольского приказа с подписью дьяка поступала на Казенный двор, где снова составлялась память в Поместный приказ с конкретным указанием о размере пожалования. Штаден забыл упомянуть о том документе, который выдавался на руки челобитчику – «ввозной грамоте», многочисленные образцы которой составили основной фонд личных архивов служилых людей XVI в. (АСЗ. Т. 1-3). Во ввозных грамотах точно указывалось местоположение и размеры поместья, причем эти данные приводились согласно последнему писцовому описанию. Несколько странно – в нарушение установленного порядка, что Штаден позаботился об оформлении документа на право владения лишь после того, как его имение запустело. Впрочем, не исключено, что ввозную получал не он, а его приказчик Эверт Бремен.

80–1. Четверть или четь – мера поверхности. Производная от меры сыпучих тел. Составляла 1/2 десятины, (десятина = 1 га.) (*Никитский* 1894. С. 414-416; *Бассалыго* 1999. С. 303). При трехпольной системе земледелия обычно указывалось количество четвертей в одном поле (*Кобрин, Леонтьева, Шорин* 1984. С. 196, 197). *С. Н. Т.*

80–2. *В то время отравили великую княгиню...* – Изложение Штадена настолько нечетко, что комментаторам трудно определить точно, о какой из цариц шла речь. Эпштейн, приводя сведения о подозрениях Ивана IV в отравлении трех своих жен, не делает окончательного вывода (*Epstein*. S. 187. Anm 5). Во время пребывания Штадена в Москве речь могла идти только о второй жене царя. Исследования последнего времени подтвердили справедливость подозрений Ивана Грозного о причине смерти царицы Анастасии. Обнаруженное при антропологическом исследовании останков царицы высокое содержание солей ртути в волосах, обрывках погребальной одежды и тлена позволяют сделать однозначный вывод об отравлении царицы Анастасии Романовны (*Воронова, Панова* 1997. С. 82-86). По мнению С. Ю. Шокарева, это убийство не бы-

ло связано с политикой, а могло являться результатом дворцовых интриг, как и отравление первой жены Ивана III Марии Борисовны (*Шокарев* 2000. С. 47-48).

Однако с С. Ю. Шокаревым в том, что «это убийство не было связано с политикой», никак нельзя согласиться. В начале 1560 г. царь Иван сделал попытку придать царице Анастасии статус реального политика (возможно, за этим стояли её родичи – род Захарьиных-Юрьевых). 3 февраля 1560 г. была оформлена меновная с Чудовым монастырем. Последний отдавал с. Зюзино Старое Губцово в Радуеве ст. взамен за деревни Ильинское Новиково, Ларинское и Суконниково в Шахове стане Московского уезда. Мену совершил окольничий и оружничий Л.А. Салтыков Морозов. В качестве новых владельцев чудовских земель названы сам царь, «его царица и великая княгиня Анастасия и их дети». (*Кистерев* 2003-а. № 46. С. 125-126. 3.II.1560 г.). Ни один из подобных документов самого царя, его отца и деда не содержал указаний о женах государя. Попытка царя Ивана ввести царицу Анастасию в реальные соправительницы не могла не вызвать сопротивления знати. В связи с этим стоит напомнить негодование А. М. Курбского по поводу особой роли Софьи Палеолог.

Царь обвинял в отравлении своих жен «бояр» и врагов, однако, в более позднее время ходили слухи об отравлении Марии Темрюковны, скончавшейся в бытность Штадена в Москве, самим царем. Мысль об отравлении Марии Темрюковны Грозный изложил в послании к церковному собору по поводу вступления в четвертый брак в 1572 г. (*Шокарев* 2000. С. 47-49; *Воронова, Панова* 1998). По-видимому, этот слух распространился по России в те времена, когда Штаден еще находился в центре страны.

80–3. *...вдова по имени Катарина Шиллинг* – действительно была выведена из Дерпта вместе с жителями этого города. В их списке она занесена в особый раздел, озаглавленный «вдовы, которых все хорошо знают» (wittfrauen, die ein jeder woll kennet) См.: *Bruiningk* 1904. S. 42. Цит. по: *Epstein*. S. 187. Anm. 7. Вероятно, Штаден был с ней знаком в Москве, и от нее-то почерпнул сведения о её биографии и встрече с царем и царицей.

80–4. *Великий князь надеялся, что она поможет великой княгине* – Знахарки пользовались большим авторитетом при великокняжеском дворе Василия III и царском дворе Ивана IV (*Забелин*. Т. 2. С. 399-402).

80–5. *Иоганн Дрейгер* – Дрейер Ганс, дерптский гражданин. В 1558 г. старшина, во время штурма Дерпта, сообщил русским, что жители задержали советника дерптского епископа – Крузе, скрывавшего свое имя и положение (*Schirren* 1861. S.164; *Epstein*. S. 188. Anm.4). Вместе с Таубе царь отпустил часть пленных ливонцев.

80 об.–1. *Великий князь послал Иоганна Таубе в Ливонию, чтобы тот заманил к нему герцога Магнуса* – Эта поездка состоялась в начале 1569 г.

81–1. *...на дороге* – В переводе Фр. Кемпфера – «*на обочине*» (*Staden* 1998. S. 53).

81–2. Эпизод с корчмой Штадена и бегством Кальба произошел на протяжении конца 1569 – начала 1570 г.

81–3. *Просил в челобитье окрестить его по русскому обычаю* – Штаден упоминает об одной челобитной, направленной в казну. В XVII в. переход в православие происходил согласно трем разновидностям челобитных: челобитная о крещении; челобитная о государевом жаловании за крещение в православную христианскую веру; две первые разновидности могли быть объединены, образуя третью (*Цветаев* 1883. С. III). Таким образом, принятие православия на протяжении XVI – начала XVII вв. перешло из-под патроната частных лиц под патронат царя, составив таким образом часть внутренней государственной политики (*Опарина* 2007.С. 16). Само же крещение в это время состояло лишь из «миропомазания» (*Красножен* 1917. С. 15). Среди упомянутых Штаденом иноземцев православным стал и Каспар Витенберг, что П. Одерборн ставил ему в упрек (ср. *Fechner*. Bd. I. S. 69. Anm. 2).

81–4. *...святейшие христиане на земле...*- Об этом же писал и Гваньини, правда, по его словам, русские приравнивали себя к грекам (См. подробнее: *Опарина* 2007).

81 об.–1. *Patenn pfenning* – «деньги, в подарок от крестных родителей» (*Grimm*. Bd. VII. Sp. 1500). *С. Н. Ф.*

81 об.–2. *...он был сильно избит в своем собственном имении соседями-боярами, с которыми он завел неразумные дела* – Ссоры с соседями и опустошение недавно полученных имений характерны не только для центрального региона России, но и Прибалтики этого времени. Если выходцы из Ливонии не могли приспособиться к русским условиям, то и русские помещики, получавшие имения в Прибалтике, оказались столь же беспомощными.

81 об.–3. *...имение в уезде Ржевы Владимирской* – Часть Ржевского уезда была взята в опричнину по указу об опричнине в январе 1565 г. (*Зимин* 1964. С. 308).

82–1. *...22 были запряжены в сани...* – Речь идёт о походе в Великий Новгород, куда Штаден отправился лишь на одной лошади. В период Ливонской войны лошади представляли не меньшую ценность, нежели различные виды движимого имущества. Дефицит их – единственного тогдашнего средства транспортировки по суше чувствовался повсеместно. Даже орудия огромного калибра перетаскивались на руках, о чем подробно написал Я. Ульфельдт, посетивший Россию в 1578 г.

82–2. *...получить хлеб в голодное время* – Ср. Таубе и Крузе: «все посевы в полях, селах, городах и дворах были сожжены и уничтожены, так что во всей стране начался такой голод, какого не было со времен разрушения Иерусалима. Один человек ел другого, даже матери ели своих детей; трупы выкапывались из могил и съедались вместе с другими противоестественными вещами» (*Таубе и Крузе*. С. 50). Другие источники о голоде конца 1560–1570-х гг.: ПСРЛ. Т. 34. С. 192; ЧОИДР. 1883. Кн. 2. С. 25; *Зимин* 1950. С. 21; *Тихомиров* 1979. С. 197, 198; *Корецкий, Морозов* 1984. С. 214; *Анхимюк* 1992. С. 128, 129). *С. Н. Т.* Ср. комм. 16 об.-8.

82 об.–1. *...к великокняжескому подклетному селу Воробьево* – «Подклетное» или дворцовое село Воробьево. В XVI–XVII вв. являлось загородной царской резиденцией. Связано с именами Василия III и Ивана IV Грозного. В середине XVI в. поблизости от села располагалась стрелецкая слобода. В 1547 г. в селе спасался от восставших москвичей Иван IV (*Зимин* 1960. С. 298, 306-308, 346).

82 об.–2. *В ту пору я по-прежнему жил на моем дворе в опричнине* – Пребывание Штадена в Москве можно отнести к весне 1570 г.

83–1. *В Москве я пожаловался в суд* – По-видимому, суд происходил согласно ст. 27 Судебника 1550 г., регламентировавшей имущественные споры между чужеземцами (Судебники. С. 148).

83-2. *Князьям и большим боярам не разрешалось принимать от них подарков...* – Ст. 8 Судебника 1550 г. установила очень строгие правила взимания пошлин: « А возмет боарин, или дворецкои ... на ком что лишек, и на том взяти втрое» (Судебники. С. 143).

83 об.–1. *Верховный князь Василий Томкин...* – Если исходить из биографических данных В.И. Темкина (см. комм. 3-10) можно думать, что это был опричный суд.

83 об.–2. *...осенила себя крестным знамением, по обыкновению... «Клянусь святым крестом...»* – клятвы, как уже говорилось (комм. 8 об.-2, 10-5), сопровождались ритуалом крестоцелования или крестного знамения.

84 об.–1. *...два боярских сына – Невежа и его брат Тишата...* – См. комм. 22-5.

84 об.–2. *У меня был слуга, ливонец, по имени Андрей. Он приехал в Москву с одним поляком* – Поляк, не названный Штаденом по имени, не принадлежал к пленным полочанам. Видимо, он был одним из тех многочисленных перебежчиков, которые в течение Ливонской войны легко меняли подданство, надеясь на более благоприятные условия жизни вдали от родины.

85-1. *...получил мою печать...* – Личными печатями в XVI в. пользовались достаточно широко – во Пскове купцы уже в самом начале столетия (*Хорошкевич* 2003-в. С. 25-38).

85–2. Способы умерщвления, практиковавшиеся царским войском, приводили в ужас многих европейцев.

В связи походом Ивана Грозного на Ливонию в 1577 г. на континенте распространилось сочинение под названием «Достоверное, жалостное известие и рассказ знатного человека из Риги о жесточайшей тирании московитов, написанное 30 августа [15]77 г. Оно первоначально было напечатано в Кенигсберге, а затем в Аугсбурге, Любеке, Ростоке и Гданьске (*Pirożyńska, Pirożyński*. S. 99).

85 об.–1. *Gamagun* – Возможно, это связано со словом «гаман» или «гамза» – «кожаный кошелек для денег» или «гамза», «гомза», – деньги, кошелек (кожаный») с деньгами или для денег (*Фасмер* I, С. 391, 435; *Даль* Т. 1. С. 343). Азартные игры на деньги в Москве были популярны и в начале XVII в. (*Богоявленский* 1980). *С. Н. Ф., А. Л. Х.*

85 об.–2. *Все должны были поделить поровну. Но этого не произошло* – Новгородская добыча, вероятно, приравнивалась к военной. Естественно поэтому царь присвоил её всю себе, почти как это было при взятии Полоцка (*Хорошкевич* 2000-б. С. 290). В Полоцке, добычу свозили в храмы повидимому на Городище, где остановился сам царь в Софийском соборе, в Новгороде – в Антониевом или Хутынском монастыре (НЛ. 2003-II. С. 339, 341, 343).

85 об.–3. *Они сказали: «Дайте нам расписку...»* – По-русски запись, кабала (*Fenne*.Vol. 2. P. 65), в русско-ганзейской торговле – Handschrift.

Этим документом также оформлялась торговля в кредит, весьма распространенная в особенности во внешней торговле на северо-западе страны (*Хорошкевич* 1977. С. 125-140; *Она же*. 2003-г. С. 176, 179-180).

86–1. *...отправил их другим путем в эту землю* – В литературе были приняты разные чтения. Фр. Кемпфер настаивал на неисправленном чтении и полагал, что речь здесь идет о возвращении *в их страну – Ihr lant* (*Staden* 1998. S. 69). Другой вариант – *Inglant*. Если признать второе чтение правильным, то путешествие не названных по именам купцов в Англию можно было бы связать с теми двумя русскими, которым принадлежит составление «нидерландской части» Русской торговой книги (статьи 53-211 по нумерации И. Н. Шмелевой, убедительно датированной М. М. Громыко 1575 годом (*Громыко* 1960). Однако, при более внимательном чтении, выясняется, что никаких признаков слова *Inglant* в рукописи нет. *А. Л. Х., Е. Е. Р.*

86–2. *...иконы и подобную ерунду* – типичная для католиков и протестантов оценка церковного убранства православных храмов.

86 об.–1. *...поклонился ее женской прислуге* – Возможен иной вариант перевода: *поклонился ее комнате. С. Н. Ф.*

87–1. *...в имение, называемое Новое* – идентификации пока не поддается.

87–2. *Слово «вич» – княжеское и дворянское* – Не слово, а суффикс для обозначения отчества. Несмотря на заявления Штадена об овладении русским языком, он явно преувеличивал степень своих познаний в этой сфере.

87 об.–1. *...войти в соболиную казну* – то есть, по Фр. Кемпферу, участвовать в казенной торговле соболями (*Staden* 1998. S. 75). О ее роли в экономике и внешней политике Руси и России см.: *Martin* 1983. P. 459-470.

88–1. *...получить... кабалу, как там водится* – Штаден говорит о двух видах холопства, получивших распространение в XVI в. К первому относится так называемое докладное, которое касалось сельских или слуг-министериалов (у Штадена – слуга, которому он доверял свое имущество). Их холопское состояние оформлялось специальной грамотой. Служилая кабала заключалась на один год и в случае надобности продлевалась (*Панеях* 1975. С. 10, 13). Ко второму относится кабальное холопство. Приведенный Штаденом формуляр предусматривал отработку долга с процентами за взятые в долг деньги.

88–2. *...все станет по-старому* – то есть, дело разрешится в пользу боярина. *С. Н. Ф.*

88 об.–1. *Голова* – должность в стрелецком войске, командиры отрядов, назначавшиеся из дворян.

89 об.–1 *Дмитрий Пивов* – Пивов Дмитрий Михайлович – дьяк, опричник. Из смоленского дворянского рода, испомещенного в Ярославле. В 1550 г. записан в Тысячную книгу по Ярославлю по III статье. В 1566 г. участвовал в Земском соборе. В 1568 г. вместе с кн. В. И. Темкиным ездил в Соловецкий монастырь собирать сведения, компрометирующие митрополита Филиппа (ТКДТ. С. 63,144; *Кобрин* 1960. С. 57; *Скрынников* 1992. С. 236).

89 об.–2. *Чилибей* – см. комм. 22 об.-2.

90–1. *...дал ему княгиню* – царь выбрал Ф. А. Басманову в невесты Варвару Васильевну Сицкую, племянницу царицы Анастасии, дочь князя Василия Андреевича Сицкого и Анны Романовны Юрьевой (*Кобрин* 1995. С. 48, 159).

90 об.–1. *Федор Санин* – Лица с таким именем и фамилией обнаружить пока не удалось. Приблизительно до 1580 г. некий Мартын Санин владел дер. Павловичи Переяславского у., которую получил в поместье его отец Иван (АСЗ. Т. 1. № 87. С. 67-68). Имеют ли они отношение к искомому Федору, неизвестно.

92 об.–1. *...один бюргер, живущий теперь в Кённерне под ангальтскими князьями...* – Здесь Штаден допустил сразу две ошибки: Кённерн никогда не принадлежал к княжеству Ангальт, которое после 1570 г. управлялось только одним князем. Совместное правление Иоахима Эрнста и Бернгарда VII в Кённерне закончилось в 1570 г. (*Epstein.* S. 200. Anm. 7, 8). Соблазнительно было бы думать, что ошибки объясняются написанием автобиографии до 1570 г., однако других доказательств подобной датировки данного текста, несомненно предшествовавшего созданию «Описания Московии», нет. Может быть, что автор занимался составлением биографии тотчас по выезде из России и еще не вполне был в курсе перемен 1570 г.

93 об.–1. *Андреас Вольф* – один из горных мастеров Гарца, поступивших на службу царю, скорее всего, благодаря связям Штадена с Хартманном Кругманном (*Epstein.* S. 201. Anm. 6).

94–1. *Каждый должен... по саженям* – Порядок раскладки городовой повинности пропорционально земельным владениям сложился в XV в.

Аналогичный существовал и в Великом княжестве Литовском (*Хорошкевич* 1983. С. 37-52).

94–2. *князь Дмитрий Хворостинин* – Хворостинин Дмитрий Иванович, в монашестве Дионисий (ум. 1590) – кн., боярин. Из стародубских Рюриковичей. В Дворовой тетради 50-х гг. записан по Коломне и Белой. В 1557–1558 гг. голова в Шацке. В 1563 г. голова в царевом полку, отличился при осаде Полоцка. Взят в опричнину. В 1569 г. окольничий, воевода сторожевого полка опричных войск под Калугой. В 1570 г. был на береговой службе, полк под его командованием нанес жестокое поражение крымцам. В битве при Молодях руководил обороной гуляй-города, и выйдя «с немцами» против татар, ударил им во фронт, а кн. И. М. Воротынский напал сзади. Участвовал во взятии Пайды. В 1573–1574 гг. находился в опале. С 1584–1585 г. – боярин. Флетчер пишет, что кн. Д. И. Хворостинин «старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками» (ТКДТ. С.158; *Флетчер*. С. 80; *Кобрин* 1960. С. 80). *С. Н. Т.* Ср. комм. 35-3.

94–3. *...послал меня с 300 князьями и боярами...* – Штаден пишет, будто отряд, командовать которым якобы было вверено ему, состоял из князей и бояр, что маловероятно. Видимо, это некоторое преувеличение ради поднятия собственного престижа в глазах будущего читателя. Ср. комм. 15-2.

94–4. *...чтобы я последил на реке, где будет переправляться царь* – Дватцатитысячное войско крымского хана подошло к Оке из Сенкина перевоза между устьями Протвы и Лопасни. Воевода М. И. Воротынский находился в 3 верстах от Серпухова, но не оказал помощи передовому отряду из 200 человек боярских детей, в котором находился Штаден. Отряд был полностью разбит.

94 об.–1. *...не числился более в смотренном списке князей и бояр; по причине, что всех немцев записали в один смотренный список* – Действительно в смотренных списках, составленных после битвы при Молодях, иноземцы отсутствовали. См. комм. 3-21.

95–1. *...я все бросил* – В 1573/74 г. в писцовой книге Манатьина стана Московского уезда значилось опустевшее «Андреевское поместье Немчинова», которого И. И. Полосин, обративший внимание на этот факт, отождествлял со Штаденом (*Калачов* 1851. С. 37; *Epstein*. S. 202. Anm. 9).

95–2. *Рыбная слобода* – ныне Рыбинск. Не путать с г. Устье, при впадении р. Шексны в Волгу. *С. Ю. Ш.*

95–3. *Я был хорошо знаком с Давидом Кондиным, собиравшим подати в стране лаппов* – Давида Кондина Эпштейн идентифицирует с «мурманским нашим данником Васюнькой Кониным» 1556 г. (Сб. РИО. Т. 129. С. 18), что однако мало вероятно. Более правдоподобно другое его предположение, что это Давид Канице, упомянутый Салингеном среди сборщиков дани (*Филиппов* 1901. С. 310). Территориальная принадлежность севера Карелии на протяжении второй половины XVI в. была спорной. На русско-датских переговорах и 1562 г., и 1578 г. вопрос оставался открытым. Сохранилась средневековая неразбериха: дань с земель лаппов поступала не в то государство, которое претендовало на эти территории. (КА-1. № 64. С. 120; *Ульфельдт* 2002. С. 572-574).

95–4. *Mekeler* – промежник (*Fenne*.Vol. II. P. 36). *С. Н. Ф.*

95 об.–1. ...*подъехали три галеры с валлонцами* – Перевод спорный, последние два слова написаны нечетко *midt wahlenn. С. Н. Ф.* Все издатели исправляют текст, считая, что речь идет о валлонцах.

95 об.–2. *Когда мы вернулись обратно в море, они впервые заметили, что мы хотим в Голландию* – Эпизод, произошедший у берегов Фландрии, показывает, что Голландия и Фландрия еще не заключили Гентского соглашения об объединении северных провинций, восставших против испанского владычества, и южных, оставшихся верными Испании. Гентское мирное соглашение состоялось в ноябре 1576 г. Стало быть, Штаден покинул Россию никак не позднее лета 1576 г. (*Штаден* 1925. С. 48), на самом деле это произошло еще раньше – в конце 1574 – начале 1575 г.

95 об.–3. *Генрих Крамер* – лейпцигский торговец. Вел широкую восточную торговлю. В 1574 г. под видом посланника проник в Россию и был принят с надлежащим почетом, но обман впоследствии раскрылся и, когда в 1586 г. Крамер вновь приехал в Россию, то был арестован и лишился всех своих товаров. Ликвидация этого инцидента затянулась до царствования Бориса Годунова (Прим. И. И. Полосина). В начале 80-х гг. вел торговые отношения с Штаденом. В 1593 г. находился в составе посольства Н. Варкоча в Россию (*Epstein*. S. 204; Проезжая по Московии. С. 142, 144, 150, 154). *С. Н. Т.*

95 об.–4. *Каспар Шельгаммер* – лейпцигский торговец. Родом из Глаухау. В Лейпциге с 1559 г. Компаньон Г. Крамера (*Epstein*. S. 204-205).

95 об.–5. *Они отправили с русским на несколько тысяч гульденов сокровищ... в казну великого князя* – кажется, Штаден ошибается в том, кто оказался посредником между Г. Крамером и К. Шельхаммером. Это был

не русский, но находившиеся на службе у немецких компаньонов Ганс фон Эссен и Лоренц Бук, отправившиеся в Москву в 1573 г. Они по собственной инициативе 14 мая 1574 г. объявили себя представителями императора Максимилиана II, уполномоченными приобретать меха для имперской казны Н. Н. Бантыш-Каменский ошибочно полагал, что «Юрий» Крамер сам прибыл в столицу России 10 мая 1574 г.(*Бантыш-Каменский* 1894. С. 8). В связи с обнаружением обмана Иван IV счел нужным обсудить этот вопрос с имперскими послами Иоганном Кобенцелем и Даниелем Принтцем (ПДС. Т. I. Стб. 195-497; *Вержбовский* 1901). По этому же поводу он писал и в Любек в 1580 г. Дело Крамера оказалось предметом обсуждения на переговорах с имперскими представителями Николаем Варкочем в 1593 г. (ПДС. Т. I. Стб. 1282-1283, 1406-1408), с Абрахамом графом Донна в 1597 г. (Там же. Т. II. Стб. 550-552), и думского дьяка Афанасия Власьева в Вене в 1599 г.(Там же. Т. II. Стб. 550-552. Подробнее см.: *Epstein.* S. 205-206). Можно было бы предполагать, что в этой афере пострадал и Штаден, сетовавший о том, что не добрался до «соболиной казны» царя Ивана, если бы не его собственные заявления, что он три года скитался по России и в 1574 г., вероятнее всего, находился на севере страны.

95 об.–6. *...каменных ядер...* – точнее шлаковых ядер. Такой тип ядер обязан своим изобретением герцогу Юлию Брауншвейг-Вольфенбюттельскому (1568–1589), их производство в массовом масштабе он наладил на рудниках Гослара и Гиттельда (*Sack* 1870. S. 308-314; *Bodemann* 1872. S. 211; *Zimmermann* 1904-1905. S. 48). Поскольку Штаден поддерживал торговые отношения с Г. Крамером и К. Шельхаммером, в свою очередь связанным с герцогом Юлием, он, как полагает Эпштейн, мог получить эту партию от лейпцигской компании (*Epstein.* S. 206).

96–1. *...я направил свой путь к королю Швеции* – к Юхану III.

96–2. *Попросил короля об опасной* (охранной) *грамоте...* – Другое чтение слова *bestallung* – указ об определении на службу в данном контексте не подходит. *Е. Е. Р.*

96–3. *Канцлера звали Винцеслаус* – Шведский канцлер Венцеслаус Херольд, которому 14 марта 1562 г. согласно королевскому распоряжению был пожалован ежегодный хлебный оклад, около 20 октября 1569 г. стал секретарем немецкой канцелярии. В 1575 г. участвовал в переговорах с Ригой (*Epstein.* S. 207. Anm. 2 ; *Napiersky* 1890. S. 20. Anm 3).

96–4. ...*дал 3 опасные грамоты одному по имени Герт Фризе* – Герд (Герхард) Фризе (Фриссе) – вероятный уроженец г. Эмдена в Восточной Фрисландии 1558 г. рождения, часть жизни провел в Риге, с ратом которой постоянно судился из-за недвижимости, и в Швеции, где обрел вторую родину. Пользовался большим влиянием на европейскую политическую элиту (герцога Карла Зюдерманландского, шведского короля Юхана III, герцога Кристофа Мекленбургского, графа Эдварда II Остфрисландского, женатого на дочери Густава Вазы – Катарине). Юхан III и граф Эдвард II в 1577 г. активно поддержали претензии Фризе к Риге, потребовав ареста спорных владений и самих владельцев – рижских бюргеров, сам Фризе получил разрешение на каперство, основной целью которого было прекращение торговли с русскими (*Epstein*. S. 207. Anm. 2).

96–5. ...*под державой графа фон Эмден в Восточной Фризии* – Граф Эмдена Эдвард II (1558–1599 г.), в 1559 г. женился на Катарине, дочери Густава Вазы.

96–6. *Когда я прибыл в Эмден...* – Время встречи Штадена с Карлом Зюдерманландским Эпштейн относит к концу 1578-началу 1579 г., исходя из сведений о путешествиях Карла (*Epstein*. S.208. Anm.5).

96–7. ...*он открыл это герцогу Карлу, брату шведского короля* – Карл Зюдерманландский, младший сын Густава Вазы, в 1592—1611 г. король Швеции.

96 об.–1. ...*своему шурину герцогу Георгу Гансу* – Герцог Георг Ганс фон Фельденц и Лютцельштейн (1543–1592) – пфальцграф, в 1563 г. женился на дочери короля Густава Вазы Анне, чем и объясняются приезды её брата Карла Зюдерманландского в Эльзас. В 1564 г. тайно вступил на службу французскому королю, служил однако и гугенотам. В конце 70-начале 80-х годов пытался создать антимосковскую лигу и привлечь в нее Немецкий орден и императора (*Epstein*. S. 38-49).

Неизвестная версия описания севера Русской земли Генрихом фон Штаденом. Послание шведскому королю:

1с. ...*здесь ловят лосося и белорыбицу* – Штаден называет белорыбицу *witte balken* (у С. Герберштейна – транслитерация названия).

2с. ...*[морское] течение простирается обратно до Новой Земли* – Гольфстрим.

3с. *...послание к господину шурину Вашего Королевского величества, графу...*– См. комм. 96-4.

4с. *Кий-остров перед Двиной, в одной миле от земли Bleubten...* – топоним не установлен.

5с. *...между этими двумя озерами лежит Перговолок (Pergovolock)* – неопределенность формулировки относительно Переволока могла привести к появлению села Переволок в проекте Г. Г. фон Фельденца. (см. комм. 7ПФ). Возможно, это тот самый Перговолок, о котором Штаден уже писал в Описании Московии (см. комм. 50-7).

6с. *...господин Асмус* – Размысл (см. комм. 37-1, 37 об.-1).

7с. *Три года я на свой страх и риск совершал путешествия по Русской земле* – это заявление касается отнюдь не всего времени пребывания в России, но того последнего периода, когда Штаден в результате отмены опричнины остался не у дел; считая от битвы на Молодях, можно думать, что Штаден покинул Россию летом 1575 г.

8с. *Гак* – сннем. *Hake* – «род плуга, определенная земельная мера» (половина средней гуфы [от 9 до 15 га] состоит из двух гаков (*Lübben*. S. 133). *С. Н. Ф.*

9с. *Кведлинбург* – Кведлинбург, город на севере Саксонии в Хальберштатском аббатстве, основан германским королем Генрихом I как центр одноименного аббатства (*Титмар*. I. 18. С. 12). Сообщение Штадена о переговорах с аббатиссой Кведлингбурга, находящегося недалеко от его родного города, свидетельствует о том, что его посещение императора Рудольфа состоялось до переговоров со шведским королем.

10с. *...император Генрих* – Штаден ошибается, именуя Генриха I Птицелова (правил с 919 по 962 г.) императором, он носил лишь титул короля, проводил активную внешнюю политику и на Балтике и на юго-восточных границах, где построил несколько крепостей для защиты от венгерских набегов. Умер в Мемлебене, похоронен в городском соборе Кведлинбурга (*Титмар*. II. 31. С. 29).

11с. *...пожертвовал для своего захоронения... гребень* – среди названных Штаденом предметов, хранившихся в казне собора, были и некоторые более позднего происхождения. Вдова Генриха I Матильда на 30-й день после смерти супруга основала женский монастырь (*Титмар*. I. 21; II, 4, 31. С. 13, 19, 29). Оттон I (избранный король с 26.V.961 г., помазанник папы, завоевав Северную Италию, стал императором Священной Римской империи Германской нации с 962 по 973 гг.) подтвердил права

монастыря на земли. Его преемник Оттон II (император 973—983 гг.) завещал часть имущества сестре абатиссе Кведлинбурга Матильде, дочери Оттона I и Адельгейды. Наконец Оттон III (император 996—1002) за поддержку в борьбе за Италию щедро одарил свою сестру Адельгейду (999—1043), абатиссу Кведлинбурга, а после 1014 г. — Гернроде, Фрозе и Вредена, с 1039 г. – Гандерсгейма (*Титмар*. IV. 3; V. 3, 4, 7; VII. 53, 67. С. 213, 217, 219). Сохранился деревянный с золотой филигранной вставкой пастырский посох и ее костяной гребень с драгоценными камнями (*Swarczenski* 1954. Tabl. 25; *Schramm, Mütherich* 1962. S. 152-153).

12с. *...за небольшую сумму...* – или *«за приличествующую сумму»* (снем. *billich*. Ср. *Lübben*. S. 54). *С. Н. Ф.*

Проект пфальцграфа Георга Ганса фон Фельденца для похода против Москвы:

1ПФ. *Contrary* – встречный, противный (англ.). *С. Н. Ф.*

2ПФ. *...благороднейшие и богатейшие купцы из Москвы...* – Строгановы.

3ПФ. *...сидят в том монастыре шесть князей...* – их имена установить не удалось.

4ПФ. *Datum* – все изложенное здесь. *С. Н. Ф.*

6ПФ. В скобках – текст, приписанный на полях.

7ПФ. *...село Переволок* – см. комм. 5с.

8ПФ. Автор проекта нечетко представляет систему рек бассейна Юго-Восточной Балтики. Он то называет Двину Витебской, то разделяет ее на собственно Двину и Великую.

9ПФ. *...его всякий раз разбивал швед* – в период Ливонской войны.

10ПФ. *...от того, кто был у него в покоях* – Генриха Штадена.

АРХИВЫ, БИБЛИОТЕКИ, НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

БАН – Библиотека Российской академии наук.
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).
ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ЛОИИ – Ленинградское Отделение Института истории АН СССР
МИГМ – Музей истории города Москвы
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОИДР – Императорское Общество Истории и древностей Российских при Императорском Московском университете
ОПИ – Отдел письменных источников
ОПИ ЯГМЗ – Отдел письменных источников Ярославского государственного музея-заповедника.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ – Российская государственная библиотека (Москва).
РИО – Императорское Русское Историческое общество
РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).
СПбДА – Санкт-Петербургская Православная духовная академия
ЦГИАК - Центральный государственный исторический архив в г. Киеве.
ЯГМЗ – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
AGAD – Archiwum Główne akt dawnych (Warszawa).

ПУБЛИКАЦИИ «ЗАПИСОК О МОСКОВИИ» ГЕНРИХА ШТАДЕНА

Полосин 1925-а – Полосин И.И. Записки Генриха Штадена, старицкого помещика и опричника царя Ивана // Материалы Общества изучения Тверского края. Вып. 3. 1925

Полосин 1925-б – Полосин И.И. Вступительная статья // Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.

Штаден 1925 – Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1925

Штаден 2002 – Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. М., 2002.

Epstein – Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hrsg. von Fr. von Epstein. 2, erw. Auflage. Hamburg, 1964

Epstein 1930 – Heinrich von Staden. Aufzeichnungen uber den Moskauer Staat. Hrsg. von Fr. vow Epstein. Hamburg, 1930

Staden 1967 – Staden Heirich, von. The Land and Government of Muscovy. A sixteenth-century account / Transl. and edited by T. Esper. Stanford, California, 1967.

Staden 1998 – Heinrich von Staden aus Ahlen. Von Westfalen nach Moskau: mein Dienst in der Schreckenstruppe des Zaren Iwan / Hrsg. von Fr. Kämpfer u.a. Mûnster, Hamburg, 1998

Eine unbekannte Version 1960 – Eine unbekannte Version der Beschreibung Nordrusslands durch Heirich von Sdaden. Neue Staden-Dokumente aus dem Stockholmer Reichsarchiv / Unter Mitarbeit von Walthner Niekerken und Walther Kirchner. Hrsg. von Fr. von Epstein.

ЖУРНАЛЫ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи Археографическою экпедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836

Абрамович Д.И. 1930 – Абрамович Д.И. Києво-Печерський патерик (Вступ. текст. Примітки) // Пам'ятки мови та письменства Давньої України. Т. 4. Київ, 1930

АГР – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Подг. А.Федотов-Чеховский. Т. I–II. Киев, 1860–1863.

АЕ – Археографический ежегодник

АКР. Ч. 1 – Археологическая карта России. Тверская область / Подг. Г.Г. Король. Ч. 1. М., 2003

Акты Юшкова – Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А.[И.] Юшков. Ч. 1 (1257–1613 гг.). М.,1898.

Алексеев А.И. 1995 – Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего Синодика Московского Богоявленского монастыря // Историческая генеалогия. 1995. № 6

Альшиц 1949 – Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // ИА. Т. 4. М.; Л.,1949.

Английские путешественники – Английские путешественники в Московском государстве XVI века / Пер. Ю.В. Готье. М., 1937

Антонов 1997 – Антонов А. В. Перечни актов ярославских, переяславских, костромских и галичских монастырей XIV – начала XVII века // РД. Вып. 1. М., 1997.

Антонов 1999 – Антонов А.В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века // РД. Вып. 5. М., 1999

Антонов 2001 – Антонов А.В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века // РД. Вып. 7. М., 2001

Антонов 2004 – Антонов А. В. «Боярская книга» 1556/57 года // РД. Вып. 10. М., 2004

Антонов, Кром 2002 – Антонов А.В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // АРИ. Вып. 7. М., 2002

Анхимюк 2001 – Анхимюк Ю.В. Документы и записи Плещеевых в разрядной книге из собрания Забелина // РД. Вып. 7. М., 2001.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. Отв. редакторы А.А. Новосельский, Л.В. Черепнин. М., 1975

АРГ/АММС – Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. / Отв. ред. В.Д. Назаров. Изд. подг.: Т.Н. Алексинская, К.В. Баранов, А.В. Маштафаров, Ю.Д. Рыков. М., 1998

АРГА 1450-1610 – Акты Ревельского городского архива 1450–1610 гг. / Подг. А.А.Чумиков // ЧОИДР. 1898. Ч. IV.

АРИ – Архив русской истории.

Артемидор – Артемидор. Сонник / Сост., общ. ред. Р.В. Грищенкова. СПб., 1999

Архив Строева. Т. 1 – Архив П.М. Строева. Т. 1. Пг., 1915

Арциховский, Тихомиров 1953 – Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. I / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М., 1997; Т. II / Сост. А.В. Антонов. М., 1998; Т. III / Сост. А.В. Антонов. М., 2002

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. / Сост. С.Б. Веселовский. Подг. И.А. Голубцов, А.А. Зимин, Л.В. Черепнин. М., 1952; т. III / Подг. И.А. Голубцов. Отв. ред. Л.В. Черепнин. М. 1964

АСЭИ/АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Т. 1 / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1988

Афанасьев. НРЛ – Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Предисл., сост. и коммент. В. С. Кузнецовой. Новосибирск, 1990

Афанасьев. НРС – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Подгот. текста, предисл. и примеч. В.Я. Пропп. Т. 1–3. М., 1957.

АФЗХ/АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства Акты Московского Симонова монастыря 1506–1613 / Подг. Л.И. Ивина. Л., 1983

Ахмед Ибн–Фадлан – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн–Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г.: Статьи, пер. и коммент. Харьков, 1956

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884

БА – Белорусский архив. Т. II. / Подг. Д.И. Довгялло. Минск, 1928

Баранов 2004 – Баранов К.В. Записная книга полоцкого похода 1562/63 года // РД. Вып.10. М., 2004

Барбаро и Контарини – Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России XV в. М.; Л., 1968

Бархатная книга – Родословная книга князей и дворян российских и выезжих..., которая известна под названием Бархатной книги. Ч. 1. М., 1787

Бассалыго 1999 – Бассалыго Л.А. Новгородские писцовые книги рубежа XV–XVI вв.: Справочник по статьям доходов, мерам и ценам // ПКНЗ. Т. 2.

Бершадский 1882 – Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы по истории евреев в России. Документы и регесты к истории литовских евреев. Т. 1 (1380–1550); Т. 2 (1550–1589). СПб., 1882.

Библия – Библия. Острог, 1581

Библия 1499 г. Т. 8 – Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе. Т. 8. М., 1992.
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев.
Браудо 1890 – Браудо А.И. Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру // ЖМНПр. 1890. № 10.
Буслаев 1884 – Буслаев Ф.И. Русский Лицевой Апокалипсис. Свод изображений из Лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 82. М., 1884
Былины Пудожского края – Былины Пудожского края / Подг. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941
Вейсман – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899.
Вержбовский 1901 – Вержбовский Ф. Материалы по истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 4. Донесение Иоанна Кобенцеля. Варшава, 1901
ВИ – Вопросы истории.
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины.
ВККМСМ – Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. А.И. Алексеев // Вестник церковной истории. М., 2006. № 3
ВКТСМ – Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987.
Воображены подобия князей – Воображены подобия князей. Стенопись Архангельского собора Московского кремля / Пред. Е.В. Сизова. М., 1968
Временник Ивана Тимофеева – Временник Ивана Тимофеева / Подгот., пер. и коммент. О.А. Державиной. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951
ВС Вятской губернии – Великорусские сказки Вятской губернии с приложением шести вотяцких сказок: Сборник Д.К. Зеленина / Изд. подгот. Т.Г. Иванова. СПб., 2002.
ВС Пермской губернии – Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д.К. Зеленина / Изд. подг. Т.Г. Берегулевой-Дмитриевой. М., 1991.
ВСЭС – Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы. М., 2001
ВЦИ – Вестник церковной истории
Гамель – Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII вв. СПб., 1865-1869.
ГАР – Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. / Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина. Отв. ред Л.В. Черепнин. М., 1978.
Гваньини – Гваньини А. Описание Московии / Пер. с лат., ввод. статья и коммент. Г.Г. Козловой. М., 1997.
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
Гейденштейн – Гейденштейн Р. Записки о московской войне (1578–1582). СПб., 1889.
Гемп 1980 – Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания. Л., 1980.

Герберштейн 2008– Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I–II. М., 2008
Голубиная книга – Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков / Сост., вступит. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. М., 1991
Григорий Синаит – Григорий Синаит. Творения / Пер., примеч. и послесловие еп. Вениамина [Милова]. М., 1999
Гурлянд 1901 – Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586–1631 гг. Ярославль, 1901
ДА – Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 / Сообщил Ю.Н. Щербачев // ЧОИДР. 1893. Кн. 1 (164).
ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссиею. Т. I (конец X – 1613 г.). СПб., 1846.
Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882 (репринт – М., 1955).
Даль. ПРН – Пословицы русского народа: Сб. В.И. Даля / [Изд. подгот. В.И. Чичеров]. М., 1957
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950.
ДИКК – Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР: вторая половина XVI – середина XVII в. / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань, 1990
ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976
ДЛВ – Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571–1580 гг. / Подг. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. III. Москва, Варшава, 1998
Добрыня Никитич и Алеша Попович – Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974
ДПП – Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1994
ДРВ – Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российской касающихся, издаваемая Николаем Новиковым. Ч. XIII. М., 1790.
Древнерусские патерики – Древнерусские патерики / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников; отв. ред. А.С. Демин. М., 1999
ДРК – Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) / Подг. П.Н. Милюков. М., 1901.
ДСМ – Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подг. В.И. Буганов // ИА. 1959. № 4
Духовные стихи. Ч. 2 – Духовные стихи («Слезы покаяния») / Изд. М.Б. Панишин. Ч. 2. Рига, 1995

Еврейская энциклопедия – Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб., Б.г.

Евсеев. Ч.1 – Евсеев И.Е. Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. Ч.1. СПб., 1897.

Житие протопопа Аввакума – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подг. Н.К. Гудзия и др. Вступит. ст. В.Е. Гусева. М., 1960.

Житие Феодосия Печерского – Житие Феодосия Печерского / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. СПб., 2000

ЖМНПр – Журнал Министерства народного просвещения.

Закарпатские сказки – Закарпатские сказки Андрея Калина. Ужгород, 1957

ЗАРГ – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / Подгот. Р.Б. Мюллер. Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986

Зимин 1950 – Зимин А.А. Краткие летописцы XV – XVI вв. // ИА. Т. 5. М.; Л., 1950

ЗОРСА – Записки Отделения русско-славянской археологии имп. Археологического общества.

ЗЧ – Зубовские чтения.

ИА – Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954); журнал (с 1954 по 1962).

ИАЯСМ ДКК – Исторические акты Ярославского Спассого монастыря, изданные И.А. Вахрамеевым. Дополнение. Кормовая книга. М., 1896.

Иванишев 1-2 – [Иванишев Н.Д.] Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные Временною комиссиею, высочайше учрежденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 1–2. Киев, 1849.

ИДМ – Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв. / Сост. М.М. Сухман. М., 1991

ИЗ – Исторические записки

Из рассказов Дон Хуана – Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Измарагд – Измарагд. М., 1912

Изюмов 1917 – Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастря 1575–1694 [7084–7202] гг. М., 1917

Иоасафовская летопись – Иоасафовская летопись / Подг. А.А. Зимин, С.А. Левина. М., 1957

Иоганн де Родес – Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII века / Публ. Н.А. Бондарко, С.В. Лобачева, Г.В. Селезнева // Русское прошлое: Историко–документальный альманах. СПб., 2001. Кн. 9.

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук

ИС – «Иное сказание» // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Подг. А.И. Плигузов, А.И. Тихонюк. М., 1989
ИФСП – Инока Фомы слово похвальное / Подг. Н.В. Понырко, Я.С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982
КА-1 – Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. Вып. 1. 1326–1569 / Изд. Ю.Н. Щербачев // ЧОИДР. Т. 255. 1915. Кн. 4
КА-2 – Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. Вып. 2. 1570–1576 / Изд. Ю.Н. Щербачев // ЧОИДР. Т. 257. 1916. Кн. 2.
Калачов 1851 – Калачов Н.В. Писцовые книги Московского уезда. М., 1851
Каппелер 2005– Каппелер А. Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о побеге Курбского // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.
Каппелер, Скрынников 1999 – Каппелер А., Скрынников Р.Г. Забытый источник по истории России эпохи Ивана Грозного // ОИ. 1999. № 1
КБЧ – Книга Большому чертежу / Подг. К.И. Сербина. М.; Л. 1950
КИ 1954 – Казанская история / Подг. Г.Н. Моисеева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954
Кирша Данилов – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. текста, статья и коммент. С.К. Шамбинаго. М., 1938
Кистерев 2003-а – Кистерев С.Н. Акты Московского Чудова монастыря. 1507–1606 годов. // РД. Вып. 9. М., 2003
Кистерев 2003-б – Кистерев С.Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. М., 2003.
Клычков. Т. 1 – Клычков С.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2000
Кобрин 1957 – Кобрин В.Б. Несколько документов из истории феодального землевладения XVI в. в Юрьево-Польском уезде // АЕ за 1957 год. М., 1957
Кобрин 1958-а – Кобрин В.Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ. Т. XIV. М.; Л., 1958
Копанев 1953 – Копанев А.И. Уставная грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // ИА. Т. VIII. М., 1953.
Кордт 1899 – Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Сер.1. Вып.1. Киев, 1899
Корецкий, Морозов 1984 – Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984
Корогодина 2006 – Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб., 2006.
КП МВКЛ. Т. II. – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (с 1573 по 1580 г.). Т. II / Подг. И.Н. Данилевич, М.А. Оболенский. М., 1845.
КПП 1563 – Книга Полоцкого похода 1563 г.: Исследование и текст / Подг. К.В. Петров. СПб., 2004.
Крашенинников 1896 – Крашенинников М. Неизданное письмо Иоанна Грозного к императору Максимилиану II (1566 г.) // ЖМНПр. Т. 303. Январь 1896
КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Кудрявцев 1997 – Россия в первой половине XVI века: взгляд из Европы / Подг. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997
Кунцевич 1914 – Кунцевич Г. Акт Литовской метрики о бегстве А.М. Курбского // ИОРЯС. Т. XIX. № 2. 1914
Курбский. История – Князя А.М. Курбского История о великом князе Московском (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913
Кушелев-Безбородко – Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. СПб., 1860; вып. 4. СПб., 1862
Легенди та перекази – Легенди та перекази / Упоряд. та прим. А.Л. Іоаніді // Українська народна творчість. Київ, 1985
Легенды. Предания – Легенды. Предания. Бывальщины / Сост. Н.А. Криничная. М., 1989
ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии
Лицевой Апокалипсис – Лицевой Апокалипсис рукописной традиции XVI века с толкованием святого Андрея, архиепископа Кесарийского. М., 2000.
ЛМ-530 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 530 (1566-1572): Viešųjų reikalų knyga 8 / Parengė Darius Baronas ir Liudas Jovaiša. Vilnius, 1999
ЛМ-531 – Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 531 (1567-1569): Viešųjų reikalų knyga 9 / Parengė Lina Anužytė ir Algirdas Baliulis. Vilnius, 2001
Лобакова 2006 – Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006
ЛР – Летописец русский (Московская летопись) // ЧОИДР. 1895. Ч. III.
Маржерет – Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / Сост. Ю.А. Лимонов. Пер. Т.И. Шаскольской под ред. Н.В. Ревуненковой. М., 1982
Маслов 1916 – Маслов Ф.И. Масловский архив: Книги сбора ямских денег с Рославльского уезда и посада 1584-1586 гг. // ЧОИДР. Т. 257. Ч. II. 1916
Масса – Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937
Маштафаров 2003 – Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // РД. Вып. 9. М., 2003
Мейерберг – Мейерберг А. Путешествие в Московию / Пер. А.Н. Шемякина // Утверждение династии [Андрей Роде, Август Мейерберг, Самуэль Коллинз, Яков Рейтенфельс] / Подг. С.Ю. Шокарев. М., 1997
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
Мильков 1999 – Мильков В.В. Древнерусские апокрифы // Памятники древнерусской мысли: Исследования и тексты. Вып. 1. СПб., 1999
Мнишек – Дневник Марины Мнишек / Пер. В.Н. Козлякова. СПб., 1995
НIVЛ – Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000
Накадзава 2003 – Накадзава А. Рукописание Магнуша. Исследование и тексты. СПб., 2003
Народная проза – Народная проза / Сост., вступит. статья, подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева // Библиотека русского фольклора. Т. 12. М., 1992

Народное движение – Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601-1608: Сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М., 2003.

Никольский 1916 – Никольский Н. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам: из истории северно-русской литературы XVII века. СПб., 1916

Никольский 1919 – Никольский Н.В. Сборник исторических материалов о народах Поволжья. Казань, 1919

НЛ – Новгородские летописи. СПб., 1879

НЛ. 2002 – Русские летописи. Новгородские летописи. Кн. I–II. Рязань, 2002

НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. А.Н. Насонов. М.; Л., 1951

НЭ – Нумизматика и эпиграфика

ОАПП 1626 г. – Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977

ОИ – Отечественная история

Олеарий – Олеарий Адам. Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно / Пер. А.М. Ловягина. М., 1906.

Описание Николая Варкоча – Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора в 1593 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

Оповідання про бунт Люципера і ангелів – Оповідання про бунт люципера і ангелів / Підгот. до друку В.С. Харитонов // Українська література XIV–XVI ст.: Апокрифи. Агіографія. Паломницькі твори. Історіографічні твори. Полемічні твори. Перекладні повісті. Поетичні твори. Київ, 1988

ОСМ – Описи Соловецкого монастыря XVI в. Комментированное издание / Отв. ред. М.И. Мильчик. Сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003.

Павловский 1902 – Павловский И.Я. Немецко-русский словарь. Рига, Лейпциг, 1902

Памятники Водлозерья – Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В. П. Кузнецова. Петрозаводск, 1997

Памятники СРЛ – Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. СПб., 1860.

ПДС – Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. I: Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (1488–1594). СПб., 1851

Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным – Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. / Подг. С.Ю. Шокарев // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. 1. М., 2000.

Петрей де Ерлезунда – Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском / Пер. А.Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии. М., 1997

ПИВ – Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А.А. Зимин, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959
ПИГ – Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье; пер. и комм. Я.С. Лурье. М.; Л., 1951.
ПИГАК – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1981 (Репринт – М., 1993).
ПКгК – Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. / Подг. М.[Г.] Худяков. Л., 1932
ПКгК 1627/28–1629/30 – Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. К 850-летию Костромы и 60-летию Костромской области. Кострома, 2004
ПККУ – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / Сост. Р.Н. Степанов. Казань, 1978
ПКМ 1665-1676 – Переписная книга Москвы 1665–1676. М., 1996
ПКМГ – Писцовые книги Московского государства XVI в. / Под ред Н.В. Калачова. Ч. 1. Отд. 1. СПб, 1872; отд. 2. СПб., 1877
ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. Т. 2. СПб., 1999; Т. 3. М., 2001; Т. 5. М., 2004
ПЛ – Псковские летописи / Подг. А.Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; вып. 2. М., 1955
Плутарх. Римские вопросы – Плутарх. Римские вопросы / Пер. Н.В. Брагинской // *Он же.* Застольные беседы. Л., 1990
ПМиКМ – Планы Москвы и карты Московии. Из собрания Музея истории Москвы. Часть первая. XVI–XVIII вв. Авторы-составители: В.М. Кольникова, Ю.И. Михайлова, С.Н. Таценко. М., 2006.
ПМЯУ – Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в.: Вотчинные земли / Сост.: Беликов В.Ю., С.С. Ермолаев, Е.И. Колычева. СПб., 1999
Поссевино – Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983.
Поучение Петра митрополита – Поучение Петра митрополита // *Кушелев-Безбородко.* Вып. 4. СПб., 1862.
Принтц Даниил фон Бухау 1876-77 – Принтц Даниил фон Бухау. Начало возвышения Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника августейших императоров Максимилиана II и Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя московского / Пер. с латинского И.А. Тихомиров // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. 4. С. I–III, 1–46; Кн. 4. Отд. 4. С. 47–75. То же отд. оттиск. М., 1877
Продолжатель Феофана – Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Подг. Я.Н. Любарский. СПб., 1992
Продолжение ДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики. Т. 7. М., 1791.
ПРП – Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 4. М., 1956; вып. 5. М., 1959
ПСА – Правила святых апостол, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. М., 1876

ПСГ – Псковская судная грамота. М., 1952
ПСПКЗУ. Вып. 1 – Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. М., 1992
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927; т. 2. СПб, 1908; т. 3. СПб., 1841; т. 4. Ч. 1. Вып. 2. М., 2000; т. 6. СПб., 1853; т. 13. СПб., 1862; т. 14. СПб., 1910; т. 15. СПб., 1863; т. 15. Вып. 1. Пг., 1922; т. 18. СПб., 1913; т. 21. Ч. 1. М., 1908; т. 21. Ч. 2. СПб., 1913; т. 24. Пг., 1921; т. 28. М.; Л., 1963; т. 33. Л., 1977; т. 34. М., 1978; т. 37. Л., 1982; т. 39. М., 1994; т. 43. М., 2004
Радлов – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. 1893–1911
Рамазанова 1997 – Рамазанова Н.В. «Русскаго светилника, Филиппа премудраго, восхвалим» (служба святому в источниках XVI–XVII вв.) // Рукописные памятники. Публикации и исследования. Вып. 4. СПб., 1997
Ранняя русская лирика – Ранняя русская лирика: Репертуарный справочник музыкально–поэтических текстов XV–XVII веков / Сост. Л.А. Петрова и Н.С. Серегина. Л., 1988
РД – Русский дипломатарий
РЗ X-XX – Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984; т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985
РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1875; т. 13. СПб., 1909; т. 16. СПб., 1897; т. 31: Сочинения князя Курбского / Под ред. Г.З. Кунцевича. Т. 1. СПб., 1914
РИЖ – Русский исторический журнал
РК 1475-1598 – Разрядная книга 1475—1598 гг. / Сост. В.И. Буганов. М., 1966
РК 1475-1605 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977; Т. 1. Ч. 3. М., 1978; Т. 2. Ч. 1. М., 1981; Т. 3. Ч. 1. М., 1984
РК 1550-1636 – Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975–1976
РК 1559-1605 – Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974
РКПП – Разрядная книга полоцкого похода царя Ивана // Сапунов А. Витебская старина. Т. 4. Витебск, 1885
Россия XVI в.: воспоминания иностранцев. 2003 – Россия XVI в.: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003
Россия и греческий мир. Т. 1 – Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2004
РП – Русские повести XV–XVI веков. / Сост. М.О. Скрипиль. Под ред. Б.А. Ларина. М.; Л., 1958
РУПК – Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / Сост.: С.Н. Кистерёв, Л.А. Тимошина. М., 1997
Рыбников. Т. 2-3 – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 2. М.. 1862; ч. 3. Петрозаводск, 1864
СА – Советская археология

Сага о Харальде Суровом – Сага о Харальде Суровом / Пер. А.Я. Гуревича, О.А. Смирницкой [стихи] // Снорри Стурлусон. Круг земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич и др. М., 1995
Сага об Олаве – Сага об Олаве, сыне Трюггви / Пер. М.И. Стеблин-Каменского, О.А. Смирницкой [стихи] // Снорри Стурлусон. Круг земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич и др. М., 1995
Сахаров 1851-а – Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // ЗОРСА имп. Археологического общества. Т. I. СПб., 1851
Сб. А.М. Смирнова – Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А.М. Смирнова / Изд. подгот. Т.А. Новичкова. Кн. 1. СПб., 2003
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884; т. 59. СПб., 1887; т. 71 СПб., 1892; т. 95. СПб., 1895; т. 116. СПб., 1902; т. 129, СПб., 1910
СГГД. Ч. 1 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813
СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995; т. 3. М., 2004
Северные сказки. Кн. 2 – Северные сказки: Сборник Н.Е. Онучкова. Кн. 2. СПб., 1998
Семен Денисов 2002 – Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко. М., 2002
Сибирский сб. – Сибирский сборник XVIII в. / Предисл. и публ. А.А. Турилова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002
Синб. сб. – Синбирский сборник.. Т. 1. М., 1844
Сказание о спасении от поляков – Сказание о спасении от поляков Михаила Федоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина / Записал Н.Н. Виноградов. Кострома, 1993
Сл.ДР – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VII. М., 1988–2004
Сл.РЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 2000
Словарь библейского богословия – Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура и др. 2-е изд. Bruxelles, 1990
Смирнов С.И. 1912 – Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: тексты и заметки. М., 1912
СН – Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982
СНМ. Московская губ. – Списки населенных мест Российской империи. Московская губерния. СПб., 1862
СПБелоз. Кн. 1 – Сказки и песни Белозерского края: Сборник Б.М. и Ю.М. Соколовых. Кн. 1. СПб., 1999
Список книг свияжских – Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1568 гг.). Казань, 1909.

Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893-1912 (репринт – М., 1989)

Станиславский 1976 – Станиславский А.Л. Книга раздач денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4

Старинная Москва – Старинная Москва. № 6. М., 1989

Статут ВКЛ 1588 – Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Рэдкал.: І. П. Шамякін і інш. Мінск, 1989

Стеблин-Каменский 1979 – Стеблин-Каменский М.И. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов / Изд. подгот. С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1979

Стихи духовные – Стихи духовные / Сост., вступит. статья, подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1991

Строев 1877 – Строев П.М. Списки иерархов Российской империи. СПб., 1877

Судебники – Судебники XV–XVI веков / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952

Талмуд – Талмуд: Мишна и Тосефта / Критич. пер. Н. Переферковича. Т. 4. СПб., 1901

Таубе и Крузе – Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М.Г. Рогинского // РИЖ. Кн. 8. Пг., 1922

Тигрица и грифон – Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира / Подгот. текста, пер. и исслед. А.Г. Юрченко. СПб., 2002

Титмар 2005– Титмар Мерзебургский. Хроника в 8 книгах / Изд. подготовил И.В. Дьяконов. М., 2005

Титов 1881-а – Титов А.А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881

Титов 1881-б – Титов А.А. Вкладная и записная книга Иосифо-Волоколамского монастыря и упраздненные монастыри и пустыни Ярославской епархии. Ярославль, 1881

Титов 1895 – Титов А.А. Синодик Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1895

Титов 1903 – Титов А.А. Синодики XVII в. Переславского Никитского монастыря. М., 1903

ТК 1549 – Торопецкая книга 1549 года / Подг. М.Н. Тихомиров и Б.Н. Флоря // АЕ за 1963 год. М., 1964

ТКВЛ 1999 – Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подг. А.В. Юрасов. М., 1999

ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Толкование на Апокалипсис – Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского / Пер. с греч. М., 1992 [*репринт*]

Толковая Библия – [Лопухин А.П.] Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2. 2-е изд. Стокгольм, 1987

Толстой Ю.А. 1875 – Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593 гг. / Подг. Ю.А. Толстой. СПб., 1875

Традиционный фольклор Новгородской области – Традиционный фольклор Новгородской области: Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 г.) / Изд. подгот. М.Н. Власова и др. // Памятники русского фольклора. Вып. 2. СПб., 2001

Українські замовляння – Українські замовляння / Упоряд. М.Н. Москаленко. Автор передмови та комент. М.О. Новикова. Київ, 1993

Ульфельдт 2002– Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Перевод Л.В. Годовиковой, ред. перевода В.В. Рыбаков. Отв. ред. Дж. Линд и А.Л. Хорошкевич. М., 2002.

УСЛ.1917-1952 – История СССР. Указатель советской литературы за 1917–1952 гг. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. М., 1956

Устрялов 1842 – Устрялов Н. Сказания князя Курбского. Изд. 2. СПб., 1842.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. IV. М., 1987

Филиппов 1901 – Филиппов А. М. Русские в Лапландии: сообщение Симона ван Салингена. Ао 1591 // Литературный вестник. Т. I. Кн. 1. Ч. III. СПб., 1901.

Флетчер – Флетчер. О государстве Русском / Пер. О.Н. Бодянского. СПб., 1906

Фольклор Тверской губернии – Фольклор Тверской губернии: Сб. Ю.М. Соколова и М.И. Рожновой 1919–1926 гг. / Изд. подгот. И.Е. Иванова и М.В. Строганов. СПб., 2003

Форстен 1889 – Форстен Г.В. Акты и письма к истории балтийского вопроса. СПб., 1889.

Франческо да Колло 1996 – Франческо да Колло. Доношение о Московии / Подг. О. Симчич. М., 1996

Чин 1639 – Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных внидет кто // Потребник мирской. М., 1639

Чумиков 1898 – Чумиков А. Акты Ревельского городского архива // ЧОИДР. Т. 187. 1898. Ч. IV

Шлихтинг – Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А.И. Малеина. Л., 1934

Шмидт Г. 1901 – Шмидт Г. Иван Бох в Москве в 1578 году // Записки АН. Сер. VIII. Т. V. Ч. 3. 1901

Шмурло. Памятники. Т. I. Ч. 1 – Памятники культурно-дипломатических сношений России с Италией / Подг. Е.Ф. Шмурло. Т. I. Ч. 1. Л., 1927

Шмурло. Т. II. Ч. 1; Т. III. Ч. 2 – Шмурло Е.Е. Россия и Италия. Т. II. Ч. 1. СПб., 1908; Т. III. Ч. 2. СПб., 1915.

Aufzeichnungen 1892 – Aufzeichnungen des rigischen Ratssekretärs Johann Schmiedt zu den Jahren 1558-1562 / Hrsg. von A. Bergengrün. Leipzig, 1892.

AW – Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego X. [Księstwa] Litewskiego. Wilno.

Bergengrün 1893 – Bergengrün A. Christian Hillebrandts Bericht über den Aufenthalt Bischof Hermanns von Dorpat in Moskau 1558/59 // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / Hrsg. von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands. Bd. 15. Riga, 1893

Bienemann – Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562. Riga, 1865-1876. Bd. I-IV.

BKE – Beiträge zur Kunde Liv-, Est- und Kurlands.

Brief Joh. Taubes 1875 – Brief Joh. Taubes an Heinr. v. Tiesenhausen, 1563 Nov. 24 // Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst von 1874. Riga, 1875

Das Speisungsbuch von Volokolamsk – Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16 Jahrhunderet / Hg. L. Steindorff. Köln, Weimar, Wien, 1998

Deutsche BL – Deutsches biographisches Lexikon.

EFE – Elementa ad Fontium Editiones. Roma.

Fenne. Vol. 2 – Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607 / Ed. L.L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. 2. Copenhagen, 1970

Fenne. Vol. 3 – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. 3. Russian – Low German Glossary / Ed. A.H. van den Baar. Copenhagen, 1985.

FOG – Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte.

Grimm – Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1852–1911.

Henning 1594 – Henning S. Lifflendische Churlendische Chronica. Leipzig, 1594.

HGbll – Hansische Geschichtsblätter / Hrsg. vom Verein für Hansische Geschichte. Köln, Weimar, Wien.

HZ – Historische Zeitschrift. München, Berlin.

JGO – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.

Kämpfer E. Bd. II – Kämpfer E. Werke. Bd. II. Rußlandtagebuch / Hrsg. von M. Schippan. München, 2003

Kölner Inventar. Th. 2 – Kölner Inventar. Th. 2. (1572-1591) / Hrsg. von K. Höhlbaum. Leipzig, 1903.

LUB – Lübeckisches Urkundenbuch.

Lünig 1712 – Lünig J. Chr. Literae procerum Europae ab a.1552 usque ad a. 1712 latina lingua exaratae. Leipzig, 1712.

Lünig 1720 – Lünig J. Chr. Theatrum ceremoniale historico-politicum. Leipzig, 1720

Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte – Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands / Hrsg. von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands.

NM – Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Bd. 1-4. Lfg. 1-17. Giessen, 1976-1990.

PSB – Polski słownik biograficzny. Kraków.

Russow 1584 – Russow B. Chronica der Provintz Lyfflandt. Bart, 1584
SB – Sitzungsberichte Riga der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands
Schiller-Lübben. I – Schiller K.: Mittelniederdeutsches Wörterbuch / Hrsg. von K. Schiller und A. Lübben. Bd. I. Bremen, 1875
Schlüter 1911 – Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert / Hrsg. im Auftrage der baltischen geschichtsforschenden Gesellschaften. Dorpat, 1911
SRL – Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 2. Riga, Leipzig, 1853.
Stryjkowski. T. 2. – Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846

ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамович Г.В. 1991 – Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991

Аверинцев 1991 – Аверинцев С.С. Гог и Магог // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1991

Агапкина 2002 – Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002

Агоштон 2005 – Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: к истории формирования русской государственной символики. М., 2005

Александров 1893 – Александров А. Физиолог // Ученые записки Императорского Казанского университета. Кн. 4. Казань, 1893.

Алексеев А.А. 1999 – Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999

Алексеев А.И. 2006 – Алексеев А.И. Древнейшая кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов. СПб., 2006

Алексеев Ю.Г. 1998 – Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: очерк развития апппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998

Алмазов Т. 3. – Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной восточной Церкви: опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Т. 3. Одесса, 1894.

Альшиц 1956 – Альшиц Д.Н. Неизвестные послания Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. XII. М.; Л., 1956

Альшиц 1985 – Альшиц Д.Н. Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник // ВИД. [Вып.] XVI. Л., 1985

Альшиц 1988 – Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.

Андреев А.И. 1920-а – Андреев А.И. К истории русской колонизации Западной части Кольского полуострова // Дела и дни. Кн.1. Пг., 1920

Андреев А.И. 1920-б – Андреев А.И. О подложной грамоте Печенгскому монастырю 1556 г. // РИЖ. Кн. 6. Пг., 1920

Андреев И.Л. 2006 – Андреев И.Л. Страсти по Вербному шествию // Памяти Лукичева.

Антонов 1998 – Антонов А.В. От составителя // АСЗ. Т. II. М., 1998

Антонов 2003 – Антонов А.В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI вв. // РД. Вып. 9. М., 2003.

Анучин 1890 – Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда: Археолого–этнографический этюд // Древности: Труды императорского Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890

Анхимюк 1992 – Анхимюк Ю.В. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // АРИ. Вып. 2. М., 1992

Анхимюк 2004 – Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // РД. Вып.10. 2004

Арбман 2003 – Арбман Х. Викинги. СПб., 2003

Арсений 1895 – Арсений. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. М., 1895

Арьес 1992 – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. В.К. Ронина. М., 1992

Афанасьев 1986-а – Афанасьев А.Н. Дедушка домовой // *Он же.* Народ – художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986

Афанасьев 1986-б – Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина // *Он же.* Народ – художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986

Афанасьев 1996-а – Афанасьев А.Н. Колдовство на Руси в старину // *Он же.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996

Афанасьев 1996-б – Афанасьев А.Н. Ведун и ведьма // *Он же.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996

Афанасьев. ПВС – Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 1. М., 1865, т. 2. М., 1868, т. 3. М., 1869 (репринт – М., 1994).

Базилевич 1926 – Базилевич К.В. Имущество московских князей XIV–XVI вв. // Труды ГИМ. Вып. 3. Разряд общеисторич. М., 1926

Байбурин 1993 – Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно–семиотический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993

Бантыш-Каменский Т. I – Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России с державами иностранными. Т. I. М., 1894

Баранов 1994 – Баранов К.В. Ростовские предки опричника // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994

Барберини 1843 – Барберини Р. Путешествие в Московию ... в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках / Пер. В. Любич-Романович. СПб., 1843

Бартенев Ч. II. – Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Ч. II. М., 1916

Бартошек 1989 – Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989

Баталов 1996 – Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996

Баталов, Швидковский 1992 – Баталов А.Л., Швидковский Д.О. Английский мастер при дворе Ивана Грозного // Архив архитектуры. Вып. 1. М., 1992

Бахрушин – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I, т. II , т. III. Ч. I. М., 1952 – 1954
Бахрушин 1917 – Бахрушин С.В. Московский мятеж 1648 года // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917
Бахрушин 1987 – Бахрушин С.В. Зернь // *Он же*. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1987
Бахтин 1996 – Бахтин А.Г. К вопросу о характере и движущих силах восстания 1551-1557 гг. в Среднем Поволжье // Марийский археографический вестник. № 6. Йошкар-Ола, 1996.
Беликов, Колычева 1992 – Беликов В.Ю., Колычева Е. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII в. // АРИ. Вып.2. М., 1992.
Белова 1995 – Белова О.В. Бес // СД. Т. 1.
Белова 2000 – Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2000
Белова 2001 – Белова О.В. Библейские сюжеты в восточнославянских народных легендах // ВСЭС
Белокуров 1898-а – Белокуров С.А. Планы Москвы XVII в. М., 1898
Белокуров 1898-б – Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.
Белокуров 1906 – Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906
Беляев 1996 – Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв. М., 1996.
Беляков 2003 – Беляков А.В. Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела // Тюркологический сборник 2002: Россия и тюркский мир. М. 2003
Беляков 2006 – Беляков А.В. Помещение Посольского приказа XVII века // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV-первой трети XVII века. М., 2006
Беляшевский 1896 – Беляшевский Н.Ф. О дневнике А. Полубенского из эпохи войн за Ливонию // Археологические известия и заметки. М., 1896. № 6-10
Беляшевский 1900 – Беляшевский Н.Ф. Донесение князя Александра Полубенского // Труды X археологического съезда в Риге. М., 1900
Бережков 1890 – Бережков М.Н. Старый Холопий город на Мологе и его ярмарка // Труды VII археологического съезда в Ярославле. Т. I. М., 1890
Бернадский 1961 – Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961
Бернштейн 2002 – Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. М., 2002
Богатырев 1981 – Богатырев С.Н. Путила Михайлов: поместный дьяк и опричный казначей // Реализм исторического мышления: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981
Богатырев Ч. 2 – Богатырев С.Н. Ближняя Дума в третьей четверти XVI в. Ч. 2 (1560–1570) // АЕ за 1993 г. М., 1995
Богданович 1895 – Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродна, 1895

Богоявленский 1910 – Богоявленский С.К. Управление Москвы в XVI–XVII вв // Москва в ее прошлом и настояшем. Т. III. М., 1910
Богоявленский 1912-а – Богоявленский С.К. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // ЧОИДР. 1912. Кн. II. Ч. III.
Богоявленский 1912-б – Богоявленский С.К. Войско в Москве в XVI и XVII веках // Москва в ее прошлом и настоящем . Т. IV. М., 1912
Богоявленский 1930 – Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1930
Богоявленский 1980 – Богоявленский С.К. Топография торговых рядов на Красной площади // Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980
Большаков, Рожков 1925 – Большаков А.М., Рожков Н.А. История хозяйства России в материалах и документах. Т. I. Л., 1925
Борисов 1966 – Борисов А.М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба монастырей с северными крестьянами в XVI-XVII веках. Петрозаводск, 1966
Борисов, Марасинова 2001 – Борисов Н.С., Марасинова Л.М. Рыбинск, Мышкин, Пошехонье: архитектурно-художественные памятники XVII–XIX вв. М., 2001
Бочаров 1995 – Бочаров Г.Н. К реконструкции первоначального облика Васильевских дверей 1336 года // Александрова слобода: материалы научно-практической конференции. Владимир, 1995
Брейтфус 1913 – Брейтфус Л.Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане, его прошлое и настоящее. СПб., 1913
Брюсова 1983 – Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М, 1983
Будовниц 1966 – Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. (по житиям святых). М., 1966
Будовская 1995 – Будовская Е.Э. Банник // СД. Т. 1.
Булычев 2005 – Булычев А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.
Бурдей 1963 – Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 г.// Из истории межславянских культурных связей. М., 1963
Бушев 1976 – Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1568-1612 гг. М., 1976
Валенцова, Виноградова 2004 – Валенцова М.М., Виноградова Л.Н. Мести, метение // СД. Т. 3.
Вальдман 1973 – Вальдман К.Н. Об изображении Белого моря на картах XV–XVI вв. // ИГЗО.
Варенцов , Коваленко 1999 – В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV-начала XVIII вв. СПб., 1999.
Варенцов 1989 – Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989
Васильев 1893 – Васильев В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. 1893. Ч. III.
Введенский 1962 – Введенский А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.

Вдовина 1979 – Вдовина Л.Н. Пища // ОРК. XVII век. Ч. 1. М., 1979
Векслер, Осипов 1996 – Векслер А.Г., Осипов Ф.О. Дворовые печи-поварни // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996
Велувенкамп 2006 – Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России 1550–1785. М., 2006
Вендина 2002 – Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002
Веселовский 1909 – Веселовский С.Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII в. // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909
Веселовский 1947 – Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. Т. 22. М., 1947.
Веселовский 1963 – Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963
Веселовский 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974
Веселовский 1975 – Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие ХУ-XVII вв.М., 1975.
Веселовский. Т. 1. – Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915
Вилинский Ч. 1-2 – Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, ч. 1, 1913; ч. 2, 1911.
Виноградов 1890 – Виноградов И.П. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890
Виноградова 2001 – Виноградова Л.Н. Полесская народная демонология на фоне восточнославянских данных // ВСЭС
Виноградова, Толстая 1995 – Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Веник, метла // СД. Т. 1
Виппер 1922 – *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1922
Власова 1995- Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб., 1995
Волкова 1988 – Волкова Т.Ф. Казанская история // СККДР. Втор. пол. XIV–XVI в. Ч. 1. Л., 1988
Волконская 1900 – Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900
Ворожейкина 2002 – Ворожейкина М.Е. Техника русского средневекового солеварения // *Ульфельдт.*
Воронова, Панова 1997 – Воронова Н., Панова Т. Химик уточняет историю. Жена Ивана Грозного, царица Анастасия была отравлена – это подтвердил химический анализ, проведенный в наше время // Наука и жизнь. 1997. № 4
Воронова, Панова 1998 – Воронова Н.В., Панова Т.Д. Наветом и отравами царицу изведоша // Наука в России. 1998. № 3
Гаврилов 1985 – Гаврилов С.А. Борисоглебский крест 1467 г. // СА. 1985. № 2
Гадзяцкий 1941 – Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941
Гайдуков 1993 – Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993

Гайдуков, Кренке 1999 – Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Медные монеты XV–XVI вв. из раскопок на «Романовом дворе» в Москве // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докладов. М., 1999

Гальковский. Т. 1-2 – Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 1–2. (репринт).

Ганина 2002 – Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд: слова, понятия, реалии // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002

Гессен Й. 1918 – Гессен Й. Пленные в России с древних времен. Выкуп пленных. Пг., 1918

Гессен Й. 1923 – Гессен Й. Жизнь пленных в Московском государстве. Государственные пленные // Русское прошлое. Т. 2. 1923

Гессен Ю. 1914 – Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914

Гессен Ю. 1915 – Гессен Ю. Евреи в Московском государстве XV–XVII вв. // Еврейская старина. 1915. № 7

Гнедовский, Добровольская 1973 – Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вокруг Архангельска. М., 1973

Головщиков 1889 – Головщиков К.Д. Город Молога (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. Ярославль, 1889

Головщиков 1890 – Головщиков К.Д. Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее. Ярославль, 1890

Голубинский 1903 – Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви // ЧОИДР. 1903. Ч. 1

Голубинский Т. II. Ч. 1 – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Ч. 1. М., 1917

Голубцов А. 1899 – Голубцов А. Чиновник Новгородского Сфофийского собора // ЧОИДР 1899. Кн. 2

Голубцов И.А. 1950 – Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода XVI–XVII вв. // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 20

Голубцов И.А. 1952-а – Голубцов И.А. Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1533 г. Схематический план. Приложение // История Москвы. Т. 1. М., 1952

Голубцов И.А. 1952-б – Голубцов И.А. Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 г. Схематический план. Приложение // История Москвы. Т. 1. М., 1952

Горская 1977 – Горская Н.А. Пища // ОРК XVI в. Ч. 1.

Горский 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000

Горшков 2004 – Горшков И.Д. К вопросу об истории создания «Сказания» Альберта Шлихтинга // ЗЧ. Вып. 2. Струнино, 2004

Горшков 2005 – Горшков И.Д. Образ опричника в «Сказании» Альберта Шлихтинга // ЗЧ. Вып. 3. Струнино, 2005

Горяинов 2004 – Горяинов А.Н. Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 3. М., 2004

Государев двор 2006 – Государев двор в истории России XV-XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. Александров. 30.X – 01.XI.2003. Владимир, 2006

Готье 1906 – Готье Ю.В. Замосковный край. М., 1906

Градовский 1891 – Градовский Н.Д. Отношение к евреям в древней и современной Руси: мотивы историко-национальные с точки зрения русско-православной. СПб., 1891

Граля 1994 – Граля И. Иван Михайлов Висковатый: карьера государственного деятеля в России. М., 1994

Громов 1977 – Громов Г.Г. Жилище // ОРК XVI в. Ч. 1. М., 1977

Громыко 1960 – Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. Вып. 17. М., 1960

Грыцкевіч 2006 – Грыцкевіч А. Радзівіл Мікалай (Мянушка Руды) Вялікая княства Літоускае // Энцыклапедыя у двух тамах. Т. 2. К-Я. Мінск, 2006

Гурлянд 1900 – Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900

Гурлянд 1903 – Гурлянд И.Я. Можжевеловая повинность: материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII в. Ярославль, 1903

Гурлянд 1906 – Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // Труды Тверского областного археологического съезда (Тверь, 1904). Тверь, 1906

Данилов 1880 – Данилов И. О значении и собирании древних русских юридических символов // Сборник Археолог. ин-та. Т. 4. 1880

Дашкевич 1992 – Дашкевич В.Я. До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу // Українці: народнө вөрування, повір'я, демонология. 2-е вид. Київ, 1992

Дворкин 2005 – Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005

Демкин 1986 – Демкин А.В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в.// Аграрный строй в феодальной России: XV-начало XVIII в. М., 1986

Диев 1858 – Диев М. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М, 1858

Дик, Соловьев 1947 – Дик Н.Е., Соловьев А.И. Рельеф и геологическое строение // Природа города Москвы и Подмосковья. М.; Л., 1947

Дитятин 1905 – Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства. Ростов-на-Дону, 1905

Дмитриева 2003 – Дмитриева З.В. Метрология // Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. СПб., 2003

Добиаш-Рождественская 1917 – Добиаш-Рождественская О.А. Культ св. Михаила в латинском Средневековье V–XIII века. Пг., 1917

Доннерт 1965 – Доннерт Э. Россия и балтийский вопрос в политике Германии 1558-1583 гг. // ИЗ. Т. 76. М., 1965

Дорошенко 1960 – Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960
Досифей. Ч. I. – Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. I. М., 1836
ДПИВН – Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл / Сост. И.А. Стерлигова. СПб., 1996
Дубаков, Тюменцев 2003 – Дубаков А.В., Тюменцев И.О. Образование Астраханской епархии. Первая царицынская церковь // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской православной церкви. Волгоград, 2003.
Дунаев 1913 – Дунаев Б. И. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. М, 1913
Дьяконов 1894 – Дьяконов С.А. Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI в. // ЖМНПр. Ч. 292. Апрель 1894
Епифанов 1977-а – Епифанов П.П. Войско и военная организация // ОРК. XVI в. Ч. 2.
Епифанов 1977-б – Епифанов П.П. Оружие и снаряжение // ОРК. XVI в. Ч. 2.
Епифанов 1977-в – Епифанов П.П. Крепости // ОРК XVI в. Ч. 1.
Еремина 1991 – Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991
Ерошкин 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 2. М., 1968.
Ерусалимский 2003 – Ерусалимский К.Ю. История одного развода: Курбский и Гольшанская // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 3. Київ, 2003.
Ерусалимский 2004 – Ерусалимский К.Ю. Как сделана «История» А.М. Курбского: проблемы хронологии текста // Герменевтика древнерусской литературы Вып. 11. М., 2004.
Ерусалимский 2005-а – Ерусалимский К.Ю. Потомки А.М. Курбского // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005.
Ерусалимский 2005-б – Ерусалимский К.Ю. Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 5. Київ, 2005.
Ерусалимский 2006 – Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // ОИ. 2006. № 3.
Живов 1994 – Живов В.М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994
Жизневский 1888 – Жизневский А.К. Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 г. Тверь, 1888
Жизневский 1889 – Поход Великого государя святейшего Никона, патриарха Московского... в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889.
Жилина 1999 – Жилина Н.В. Тверской Кремль: этапы строительства укреплений и хронология культурного слоя // Кремли России. Тезисы докл. всеросс. симпозиума (Москва, 23-26 ноября 1999 г.). М., 1999.
Жмакин 1881 – Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881

Журавлев 2005 – Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005
Забелин 1891 – Забелин И.Е. Материалы по истории, археологии и статистике г. Москвы. Ч. 2. М., 1891
Забелин 1901 – Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор, или дворец. М., 1901
Забелин 1905 – Забелин И.Е. История Москвы. М., 1905.
Забылин 1990 – Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990 (репринт).
Загоровский 1991 – Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991
Загоровский 1994 – Загоровский В.П. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья // Проблемы историческойдемографии и исторической географии Центрального Черноземья. Москва, Курск, 1994.
Загоскин. Т. II. Ч. 1 – Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. II. Ч. 1. 1879.
Зайцев 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004
Замысловский 1884 – Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России конца XVI – начала XVII вв. СПб., 1884
Заозерская 1970 – Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. М., 1970
Зарубин 1982 – Зарубин Н.Н. Библиотека Ивана Грозного и его книги // Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Подгот. к печ., примеч. и доп. А. А. Амосова. Под ред. С.О. Шмидта. Л., 1982
Заходер. Т. 2 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Т. 2. М., 1967
Здравомыслов 1918 – Здравомыслов К.Я. Отчет о 56-м присуждении наград гр. Уварова // Записки имп. Академии наук по ист.-фил. отд. Т. XIII. № 2. 1918
Зеленин 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991
Зеленин 1994 – Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественною смертью у русских и у финнов) // *Он же*. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913. М., 1994
Зеленин 1995 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995
Зеленин 1999 – Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // *Он же*. Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1917 – 1934. М., 1999
Зимин 1954 – Зимин А.А. О складывании приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории Академии наук. Вып. 3. М., 1954
Зимин 1958-а – Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958
Зимин 1958-б – Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV–XVI вв. // ИЗ. Т. 63. М., 1958

Зимин 1960 – Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.
Зимин 1962 Зимин А.А. Историческая песня о Кострюке-Мастрюке // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. T. 33. Seљ. 3. Praha, 1962
Зимин 1964 – Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964
Зимин 1966 – Зимин А.А. Размысл Петров // Военно-исторический журнал. 1966. № 1.
Зимин 1972 – Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.
Зимин 1973 – Зимин А.А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великого княжеств и московское боярство конца XV – первой трети XVI века // История СССР. М., 1973. № 3.
Зимин 1974 – Зимин А.А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ Т. 94. М., 1974.
Зимин 1977 – Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI вв.). М., 1977;
Зимин 1982 – Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
Зимин 1986 – Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
Зимин 1988 – Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
Зимин 1991 – Зимин А.А. Витязь на распутье. М., 1991
Зимин 1999 – Зимин А.А. Правда русская. М., 1999.
Зимин 2001 – Зимин А.А. Опричнина. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 2001.
Зимин 2002 – Зимин А.А. Побег князя Андрея Курбского в Литву // Русский родословец. 2002. № 1 (2).
Зиновьев 1985 – Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985
Злотников 1916 – Злотников М.Ф. Подьячие Ивановской площади // Сб. статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916
Иванов В.Н. 1978 – Иванов В.Н. Кострома. М., 1978
Иванов В.Н., Фехнер М.В. 1955 – Иванов В.Н., Фехнер М.В. Кострома. М, 1955
Иванов П.В. 1992 – Иванов П.В. Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонология. 2-е вид. Київ, 1992
Иванова 1975 – Иванова Г.Н. Рейнская керамика в Пскове // СА. 1975. № 4.
ИГЗО – История географических знаний и открытий на севере Европы. Л., 1973
Ильин 1973 – Ильин М.А. Путь на Ростов Великий (от Москвы до Александрова). М., 1973
Ильин 1977 – Ильин М.А. Архитектура // ОРК XVI в. Ч. 2.
ИМР – История московских районов / Под ред. К.А. Аверьянова. М., 2005.
Кабанов 1917 – Кабанов А.К. Разинцы в Нижегородском крае (приемы бунта и усмирения) // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917

Кавельмахер 1985 – Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М., 1985
Кавельмахер 1995 – Кавельмахер В.В. Памятники архитектуры древней Александровой слободы. Владимир, 1995
Кавельмахер 2002 – Кавельмахер В.В. Государев двор в Александровой слободе // *Ульфельдт* 2002
Казакова 1974 – Казакова Н.А. Начальный текст новгородско-немецких договоров XII–XV вв. // ВИД. [Вып.] VI. Л., 1974
Казакова 1977 – Казакова Н.А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // ВИД. [Вып.] X. Л., 1977.
Кайдашев 2005 – Кайдашев С.В. Уклад жизни на старом Английском дворе в Москве в XVI–XVII вв. // ЗЧ. Вып. 3. Струнино, 2005.
Калугин 1998 – Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998
Карамзин – Карамзин Н.М. История государства Российского Т. III, VII, IX. М., 1989 (Репринт издания: СПб., 1842-1844)
Каргер 1929 – Каргер М.К. Крепостные сооружения Свияжска: Материалы по истории деревянного крепостного зодчества // Изв. Общ-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XXXIV. Вып. 3–4. Казань, 1929
Карташев Т. 1 – Карташев Е.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991.
Каштанов 1962 – Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть 2 // АЕ за 1960 г. М., 1962
Каштанов 1963 – К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. М., 1963. № 2. С. 96-117
Каштанов 1970 – Каштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в.: по актовым материалам // Из истории Татарии. Сб. IV. Казань, 1970
Каштанов 1988 – Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988.
Каштанов 1997 – Каштанов С.М. На путях к Москве: по запискам англичан середины XVI века // АЕ за 1997 год.
Кириллин 2007 – Кириллин В.М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери Одегитрия. М., 2007
Кирпичников 1980 – Кирпичников А.Н.Древний Орешек: историко-археологический очерк о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980
Кирпичников 1990 – Кирпичников А.Н. Город Торжок // Города Верхней Руси. Торопец, 1990.
Кистерев 1998 – Кистерев С.Н. Абдыл-Летиф и Мухаммед-Эмин на Руси рубежа XV–XVI веков // Звенигород за шесть столетий. Сборник статей. М., 1998
Клейненберг, Севастьянова 1984 – Клейненберг И.Э., Севастьянова А.А. Уличане на страже своей территории: по материалам ганзейской переписки // Новгородский исторический сборник. .№ 2 (12). Л., 1984.
Клингер 1911 – Клингер В. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

Клюг 1994 – Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Пер. А.В. Чернышова. Общ. ред. П.Д. Малыгина, П.Г. Гайдукова. Тверь, 1994

Ключ 1982 – Ключ к пониманию Св. Писания. Bruxelles, 1982

Ключевский 1871 – Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (репринт – 1988)

Кляус 1997 – Кляус В.Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997

Князьков 1987 – Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII вв. // ИЗ. Т. 115. М., 1987

Коборин 2008 – Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008

Кобрин 1958-б – Кобрин В.Б. Из истории земельной политики в годы опричнины // ИА. № 3. М., 1958.

Кобрин 1960 – Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960.

Кобрин 1969-а – Кобрин В.Б. О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV–XVI вв. // Ученые Записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 309. М., 1969.

Кобрин 1969-б – Кобрин В.Б. Легенда и быль о новгородце Петре Волынском // ВИ. 1969. № 3

Кобрин 1985 – Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М., 1985.

Кобрин 1989 – Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.

Кобрин 1995 – Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995.

Кобрин, Леонтьева, Шорин 1984 – Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984

Козловский 1840 – Козловский А. Взгляд на историю Костромы. М, 1840

Козловский. Т. I – Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. I. Варшава, 1913

Козляков 2004 – Козляков В.Н. Новый документ об опричных переселениях // ЗЧ. Вып. 2. Струнино, 2004

Колобков 2000 – Колобков В.А. Реформа опричнины // История во времени. Третьи Зиминское чтения: доклады и сообщения научной конференции. М., 2000

Колобков 2004 – Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. Л., 2004.

Колчин 1987/1888 – Колчин М.А. Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. // Русский архив. Т. 56, 57. Окт-дек. 1887, янв.-март 1888

Кондратьев, Кренке 2003 – Кондратьев И.И., Кренке Н.А. Опричный двор Ивана Грозного: археолого-геоморфологические и исторические данные // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.

Кононовіч 1999 – Кононовіч В.І. Радзивиллы // Белларуская минуўшчіна. 1999. № 5
Копанев 1951 – Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951
Копанев 1967 – Копанев 1967 – Копанев А.И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв.// Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967
Копанев 1978 – Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978
Кордт 1902 – Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с Республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сб. РИО. Т. 116. СПб., 1902
Корецкий 1962 – Корецкий В.И. О земельных владениях Адашевых в XVI веке // ИА. 1962. № 6.
Корецкий 1987 – Корецкий В.И. Политическая борьба и сословные учреждения времени опричнины // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987
Кормина, Штырков 2001 – Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции) // ВСЭС
Костомаров 1917 – Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1917
Кочкуркина 1986 – Кочкуркина С.И. Корела и Русь.Л., 1986
Красножен 1917 – Красножен М. Церковное право. Юрьев, 1917
Кренке 2005 – Кренке Н.А. Результаты археологических раскопок на месте Опричного двора Ивана Грозного в Москве // ЗЧ. Вып. 3. Струнино. 2005.
Кренке, Янишевский 2001 – Кренке Н.А., Янишевский Е.Е. Мастерская медника на городище Гальчино // Макарьевские чтения. Вып. VIII. Можайск. 2001
Кримьский 1996 – Кримьский А. Історія Туреччини. Звідки почалася Османська держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своєі слави й могутности. Київ, Львів, 1996
Криничная 1991 – Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991
Криничная 2004 – Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004
Куза 1989 – Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989
Кузьмин 2006 – Кузьмин А. В. Вяземские; Вяземский Афанасий Иванович // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М., 2006
Кукушкина, Назаренко, Хорошкевич – Кукушкина М.В., Назаренко А.В., Хорошкевич А.Л. Новая схема Москвы Конрада Буссова 1611 г. // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Тез. докладов. Москва, 3-5 декабря 1996 г.
Кунцевич 1910 – Кунцевич Г. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария (15 сентября – 31 декабря 1563 г.). СПб., 1910
Купцов 2005 – Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005
Кучкин 1984 – Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984

Кучкин 1987 – Кучкин В.А. К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987

Кучкин 1999 – Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999

Кушева 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963

Лаврентьев 1998 – Лаврентьев А.В. Люди и вещи: памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв. их создатели и владельцы. М., 1998.

Лаппо-Данилевский, Миклашевский 1902 – Лаппо-Данилевский А.С., Миклашевский А.Н. "Мостовые и решеточные деньги" в Новгороде и Москве в XVII в. Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII века // Записки имп. Академии наук, сер. VIII, ист.-фил. отд. Спб., 1902. Т. V. № 4.

Ларин 2002 – Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002

Латышева 1974 – Латышева Г.Г. Публицистический источник по истории опричнины: к вопросу датировании // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сб. трудов. М., 1974

Лебедев 1985 – Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985

Левкиевская 2001-а – Левкиевская Е.Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // ВСЭС

Левкиевская 2001-б – Левкиевская Е.Е. Материалы к Словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) / Демонология // ВСЭС

Левкиевская 2002 – Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002

Левкиевская 2003 – Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М., 2003.

Левкиевская 2004 – Левкиевская Е.Е. Невидимый // СД. Т. 3.

Левко 2004 – Левко О.Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси. Минск, 2004

Левшун 2008 – Левшун Л.В. Чудесное как предмет научного // Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. Вып. 1. Минск, 2008

Леонид (Кавелин) 1878 – Леонид (Кавелин), архим. Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 3. М., 1878

Леонтьев 1961 – Леонтьев А.К. Образование приказной системы в Русском государстве: из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI в. М., 1961.

Лиги 1961 – Лиги Х. О развитии мызно-барщинного хозяйства в Эстонии в середине XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961

Лимонов 1987 – Лимонов Ю.А. Владимиро–Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987

Линд 2000 – Линд Дж.Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни. М., 2000
Лисейцев 2006 – Лисейцев Д.В.Система обеспечения иностранных посольств в России XVI в. и спорные вопросы формирования приказной системы Московского государства // Репрезентация власти.
Литвак 2002 – Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002
Лихачев Д.С. 1972 – Лихачев Д.С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972
Лихачев Н.П. 1888 – Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
Лихачев Н.П. 1900 – Лихачев Н.П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 70-113.
Лихачев Н.П. 1903 – Лихачев Н.П. «Государев родословец» и род Адашевых // ЛЗАК. Вып. XI. СПб., 1903
Лихачев Н.П. 1922 – Лихачев Н.П. Площадные подьячие XVI столетия // Сборник, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922
Лопяло 1972 – Лопяло К.К. Реконструкция плана центральной части Кремлевского дворца, XV–XVI вв. // Подобедова О.П. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
Лопяло 1989 – Старинная Москва. Реконструкции. К.К. Лопяло. М., 1989
Лукомский В.К., Лукомский Г.К. 1913 – Лукомский В.К., Лукомский Г.К. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. СПб, 1913 (репринтное издание – М., 2002)
Лурье 1951 – Лурье Я.С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана Грозного // ПИГ
Лурье 1958 – Лурье Я.С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году (По материалам Венского архива) // АЕ за 1957 год. М., 1958.
Лурье 1961 – Лурье Я.С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
Лущихин 1947 – Лущихин Н.Н. Гидрографическая сеть // Природа города Москвы и Подмосковья. М.; Л., 1947
Любавский 1892 – Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892
Любавский 1901 – Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.
Любименко 1912 – Любименко И.И. История торговых сношений России с Англией. Вып.1: XVI век. Юрьев, 1912.

Любименко 1916 – Любименко И.И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII вв. // Исторические известия. 1916. № 3–4

Магилина 2009 – Могилина И.В. Московское государство и проект антитурецкой коалиции в конце XVI – начале XVII в. АКД. Волгоград, 2009

Макарий – Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 3. М., 1995; кн. 4. Ч. 2. М., 1996

Макаров. Кн. 1 – Макаров М.Н. Русские предания. Кн. 1. М., 1838.

Максимов Е.Н. 1975 – Максимов Е.Н. Образ Христофора Кинокефала // Древний Восток. Сб. 1. М., 1975

Максимов С.В. 1994 – Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994

Малыгин 1996 – Малыгин П.Д. Новый Торг – Торжок в контексте политической истории Новгородской земли XII–XIII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3-5 декабря 1996 г.). М., 1996

Малэк 2003 – Малэк Э. Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003

Манукян 2009 – *Манукян А.М.* О происхождении техники «золотой наводки» в домонгольской Руси // Искусство христианского мира. Вып. XI. М., 2009

Маньков 1951 – Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951

Марзалюк 1998 – Марзалюк І. Магілеэ у XII–XVIII стагоддзях. Людзі і рэчы. Мн., 1998.

Масленицын 1969 – Масленицын С. Кострома. Л, 1969

Махов 2006 – Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М., 2006

Мельникова 1989 – Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989.

Мехреньгина 2001 – Мехреньгина З.Н. История Сольвычегодских соляных промыслов // История отечественных производств, промыслов и инженерных сооружений. Материалы первой межрегиональной конференции (г. Тотьма, 3-5 апреля 2000 г.) М., 2001.

Миллер 1913 – Миллер В.Ф. О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного // ЖМНПр. 1913. Ч. 46. № 7

Миловидов 1886 – Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886

Милорадович 1992 – Милорадович В.П. Заметки о малорусской демонологии // Українці: народні вірування, повір'я, демонология. 2-е вид. Київ, 1992

Милюков 1992 – Милюков Н.П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; СПб., 1892

Милютин 1859 – Милютин В.[А.] О недвижимых имуществах духовенства в России // ЧОИДР. Кн. IV. 1859.
Мицик 2009 – Мицик Ю. Один з учнів М.В.Довнар-Запольского (проф. П.П.Смирнов) // Мицик Ю. Albaruthenica. Студі з історіі Білорусі. Кіів, 2009
Мнева 1977 – Мнева Н.Е. Монументальная и станковая живопись // ОРК XVI в. Ч. 2.
Моисеев 2006-а – Моисеев М.В. Посольские дары – «поминки» в контексте взаимоотношений России с кочевниками в XVI веке // Репрезентация власти.
Моисеев 2006-б – Моисеев М.В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006.
Мороз, Никитенков – Мороз Е.В., Никитенков В.И. Акты Виленской Археографической комиссии как источник по истории денежного хозяйства Беларуси в XIV–XVII веках // Бересцейскі хранограф. Вып. 2. Брэст, 1999
Морозов Б.Н. 2004 – Морозов Б.Н. Новый документ: была ли Александрова слобода при Иване Грозном городом или царской резиденцией? // АЕ за 2003 год. М., 2004. С.110–114
Морозов Б.Н. 2006 – Морозов Б.Н. Неизвестные документы об Александровской слободе в правление Ивана Грозного (Была ли городом Слобода и действовал ли в ней «Дворовый» Посольский приказ?) // Государев двор 2006
Морозов Д.А. 2006 – Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков: дополнение к древнерусской дипломатике // Памяти Лукичева
Мулюкин 1908-а – Мулюкин А.[С.] О свободе приезда иностранцев в Московское государство // ЖМНПр. Т. XV. Нов. сер. 1908
Мулюкин 1908-б – Мулюкин А.С. Иностранцы свободных профессий // ЖМНПр. Т. XV. Нов. сер. 1908 Октябрь
Мясоедов 1910 – Мясоедов В.К. Васильевские врата // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Т. 3. 1910
Назаров 1963 – Назаров В.Д. Указная книга Московского Судного приказа. // АЕ за 1962 год. М., 1963.
Назаров 1969 – Назаров В.Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // ВИ. М., 1969. № 2
Назаров 1975 – Назаров В.Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975.
Назаров 1976 – Назаров В.Д. Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10.
Назаров 2009 – Назаров В.Д. Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабелитации (эпизод из политической жизни российского двора в середине XVI в.) // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сб. статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009
Насонов 1946 – Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // ИЗ. Т. 18. М., 1946
Некрасов А.И. 1926 – Некрасов А.И. Книгопечатание в России XVI и XVII веках // Книга в России: Русская книга от начала письменности до 1800 года. М., 1926

Некрасов А.М. 1990 – Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990.

Немировский 1959 – Немировский Е.Л. Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания. М., 1959

Немировский 1982 – Немировский Е.Л. Андрей Чохов. М., 1982

Никитенков, Никитенкова – Никитенков В.И., Никитенкова П.П. Денежное хозяйство на белорусских землях в конце XV – 70-х годах XVI века // Берасцейскі хранограф. Вып. 1. Брэст, 1997

Никитский 1894 – Никитский А.И. К вопросу о мерах в древней Руси // ЖМНПр. Т. 292. Апрель 1894

Николаева 1950 – Николаева Т.В. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // ИЗ. Т. 31. 1950

Новодворский 1904 – Новодворский В.[В.] Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904

Новосельский 1948 – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948

Носов 1957 – Носов Н.Е. Очерки местного управления в Русском государстве в первой трети XVI века. М., 1957

Носов 1967 – Носов Н.Е. Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления (на перепутье к земским реформам) // Труды ЛОИИ. Т. 8. Л., 1967

Носов 1969 – Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Опарина 1998 – Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998

Опарина 2007 – Опарина Т.А. Иностранцы в России в XVI–XVII вв. М., 2007

ОРК XVI в. – Очерки русской культуры XVI в. / Под ред. А.М.Сахарова. Ч. 1–2. М., 1977.

ОРК XVII в. – Очерки русской культуры XVII в. Ч. 1. / Под ред. А.В. Арциховского. М., 1979.

Островский 1905 – Островский Д. Вновь открытое описание России XVI века // Исторический вестник. Вып. 5. 1905.

Охотникова 1988 – Охотникова В.И. Корнилий // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.

Павлов 1990 – Павлов А.П. Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализаци указа об опричнине) // История СССР. 1990. № 5

Павлов 2006 – Павлов А.П. Эволюция государева двора в 60 – начале 80-х гг. XVI в. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006

Паламарчук. Т. 2 – Паламарчук П.Г. Сорок сороков: Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 2. М., 1994

Памяти Лукичева – Памяти Лукичева: Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006.

Панеях 1975 – Панеях В.М. Холопство XVI–XVII веков. Л., 1975

Панова 2006 – Панова Т.Д. Та самая Царская невеста // Наука и жизнь. М., 2006, № 3
Панченко, Успенский 1983 – Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха. Статья первая // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983
Папков 2004 – Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. Белгород, 2004
Пассек 1936 – Пассек Т. С. Культурный слой древней Москвы // По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936
Пашкова 2002 – Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000
Перетяткович 1877 – Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв.: очерки из истории края и его колонизации. М., 1877
Перхавко 1997 – Перхавко В.Б. «Выводы» и «своды» купцов в феодальной России // Купечество в России. XV – середина XIX вв. М., 1997. С. 112–147.
Перхавко 2006 – Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. М., 2006.
Петров В.А. 1950 – Петров В.А. Географические справочники XVII в. // ИА. Т. V. М.; Л., 1950.
Петров К.В. 2005 – Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. СПб., 2005.
Пешехонов 2003 – Пешехонов И.В. Народные представления о нечистой силе на Куликовом поле // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Сб. статей. Т. 2. Тула, 2003
Писарев 1904 – Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904
Платонов 1923 – Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пг., 1923
Платонов 1995 – Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.
Плешанова 1966 – Плешанова И.И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. Вып. VI. М., 1966
Побойнин 1899 – Побойнин И.И. Торопецкая старина: исторический очерк города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. // ЧОИДР. 1899. Кн. 3
Подвигина 1976 – Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976
Подъяпольский 1983 – Подъяпольский С.С. Архитектор Петрок Фрязин // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: стиль, атрибуции, датировки. М., 1983
Подъяпольский 1995 – Подъяпольский С.С. О первоначальном виде столпа Ивана Великого // Реставрация и архитектурная археология: новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995
Подъяпольский 2000 – Подъяпольский С.С. Итальянские мастера в России XV–XVI вв. // Россия и Италия. Встреча культур. Вып. 4. М., 2000

Подъяпольский 2002 – Подъяпольский С.С. О датировке памятников Александровой слободы // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV – начала XX вв. Сб. статей. Т. 2. М., 2002.

Подъяпольский 2003-а – Подъяпольский С.С., Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В., Яковлев Д.И. Новые данные о кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.

Подъяпольский 2003-б – Подъяпольский С.С. Московский кремлевский дворец в XVI в. по данным письменных источников // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003

Подъяпольский 2003-б – Подъяпольский С.С., Кочетков Н.Л., Лелекова О.В. Архитекторы итальянского Возрождения в России // Архитектурное наследство. № 45. М., 2003.

Подъяпольский 2005-а – Подъяпольский С.С. О первоначальном виде столпа Ивана Великого // Реставрация и архитектурная археология: новые материалы и исследования. Вып. 2. М., 2005

Покровский А.А. 1913 – Покровский А.А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913

Покровский А.А. 1914 – Покровский А.А. Начало книгопечатания на Руси и московская синодальная типография: Каталог русского отдела международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге. 1914

Покровский И.М. Т. I – Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XVII вв., их открытие, состав и пределы. Т. I. (XVI–XVII вв): опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1897

Полосин 1928 – Полосин И.И. Новый источник по истории русского севера // Север. Вологда, 1928. 33. 7/8

Полосин 1930 – *Полосин И.И.* Шуваловщина в 1858-1878 гг. (Из истории аграрной реформы в Верейском уезде Московской губ.). Очерк первый // Московский край в его прошлом. Ч. 2., М., 1930 (Труды изучения Московской области. Вып. 6).

Полосин 1945 – *Полосин И.И.* Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569–1582) // ВИ. 1945. № 5–6.

Полосин 1946 – *Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Т. XXXV. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1946. С. 25–55.

Полосин 1949 – *Полосин И.И.* Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им В.И. Ленина. Т. LX. Кафедра истории СССР. Вып. 2. М., 1949.

Полосин 1950 – *Полосин И.И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // ИЗ. Кн. 34. М., 1950

Полосин 1963 – Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI–начала XVII в. М., 1963.

Померанцева 1975 – Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975

Померанцева 1975 – Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975

Попов 1973 – Попов Г.В. Художественная жизнь Дмитрова конца XV–XVI вв. М., 1973

Попов 2006 – Попов Г.В. Белокаменный крест 1462/1457 года из Борисоглебского монастыря в Дмитрове // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М., 2006

Пропп 1986 – Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986

Прыжов 1991 – Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1991.

Пушкарев 1980 – Пушкарев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.

Раденкович 1989 – Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989

Разумовская 1989 – Разумовская И.М. Кострома. Л, 1989

Раппопорт 1961 – Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в X–XVвв. // МИА. М., 1961. № 105

Репрезентация власти – Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVII века. М., 2006

Рикман 1949 – Рикман Э.А. Топография Кашина в XIV–XV вв. // Краткие сообщения института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Вып. XXX. М., 1949

Рогачевский 2001 – Рогачевский А.Л. К истории обычного права в России в XIX в. (из архива Русского Географического общества). Часть I. Клятва и божба // Юридическая мысль. СПб., 2001. № 3

Рогожин, Эскин 2006 – Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы и приказное делопроизводство России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева

Рождественский 1866 – Рождественский В.А. Историческое описание Серпуховского Владычного общежительного девичьего монастыря.М., 1866

Рожков 1906 – Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906

Рожков 1923 – Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923

Розен 1957 – Розен Б.Я. Северная соль. Архангельск, 1957

Романов 1952 – Романов Б.А. Комментарий // *Судебники*

Рудаков 1916 – Рудаков А.П. Тульский кремль. Тула, 1916

Рудаков 1923 – Рудаков А.П. Очерки из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1923

Румянцов 1869 – Румянцов В.Е. Древние здания Московского Печатного двора. М., 1869

Рыбина 1986 – Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде. М., 1986

Рыбина 2002 – Рыбина Е.А. Торговля Великого Новгорода. Новгород, 2002

Рыков 1978 – Рыков Ю.Д. «История о великом князе Московском» А.М. Курбского и опричнина Ивана Грозного // ИЗ. Т. 93. М., 1978

Рыков 1982 – Рыков Ю.Д. Князь А.М. Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. М., 1982.
Рыков 2009 – Рыков Ю.Д. Путило Михайлов – дьяк и опричный казначей. М., 2009
Савва 1917 – Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. Вып.1. Харьков, 1917.
Савельева 1973 – Савельева Е.А. «Морская карта» Олауса Магнуса и ее значение для европейской картографии // ИГЗО.
Савич 1927 – Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв.: опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси. Пермь, 1927
Сагановіч 1995 – Сагановіч Г.М. Полацкая война 1563–1579 гг. // Адраджение. Вып. 1. Мінск, 1995.
Сагановіч 1997 – Сагановіч Г.М. Дзве гісторыі Полацка // Беларускі гістарычны агляд. 1997. Т. 4. Сш. 1–2 (6–7). Снежань 1997.
Сагановіч 1998 – Сагановіч Г.М. Захоп Полацка Іванам IV паводле нямецкіх «лятучых лісткоў» 1563 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1998.
Садиков 1922 – Садиков П.А. Царь и опричник (Иван Грозный и Василий Грязной и их переписка 1574–1576) // Века. Ч. 1. Пг., 1922
Садиков 1940 – Садиков П.А. Из истории опричнины XVI в. // ИА. Т. III. М; Л., 1940
Садиков 1950 – Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
Самоквасов Т. II – Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства. Т. II. М., 1909
Сапунов Т. 1 – Сапунов А.П. Витебская старина. Т. 1. 1883.
Сахаров 1851-6 – Сахаров И.П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851
Седакова 1990 – Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточнославянский и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990
Седакова 2004 – Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004
Селиванов 1990 – Селиванов Ф.М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М., 1990
Семенченко 1986 – Семенченко Г.В. Присоединение Ростовского княжества к Москве // ВИ. 1986. № 7.
Сербина 1951 – Сербина К.Н. Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951.
Сергеевич Т. 2 – Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 2. СПб., 1900
Сергеевич Т. III. – Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. III. СПб., 1903
Середонин 1896 – Середонин С.М. Наказ кн. Мих. Ив. Воротынскому и роспись полкам 1572 года // ЗАО. Т. VIII. № 1–2. Н.с. / Труды Отделения русской и славянской археологии. Т. I (1895). СПб., 1896

Сизов 1964 – Сизов Е.С. Датировка росписи Архангельского собора Московского кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964

Симсон 1880 – Симсон П.Ф. История Серпухова. М., 1880

Скворцов 1913 – Скворцов Л. Материалы для истории Костромы. Кострома, 1913

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев.

Скобелкин 2002-а – Скобелкин О.В. Западноевропейцы в русском войске XVI в. // ИЗ. Вып.18. Воронеж, 2002.

Скобелкин 2002-б – Скобелкин О.В. Иностранные известия об иноземцах в русском войске в XVI в. // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое и Новейшее время. Вып. 1. Воронеж, 2002.

Скобелкин 2006 – Скобелкин О.В. Прием «выходцев» на государево имя в XVI – начале XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006.

Скрынников 1969 – Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969

Скрынников 1977– Скрынников Р.Г. Бегство Курбского // Прометей. Т. 11. М., 1977.

Скрынников 1992 – Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

Сметанина 1978 – Сметанина С.И. К вопросу о правительственной политике в отношении церковного землевладения в годы опричнины // История СССР. 1978. № 3.

Сметанина 1982 – Сметанина С.И. Землевладение Рязанского края и опричная земельная политика. АКД., М., 1982

Смирнов И.И. 1951 – Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. 2 изд. М., 1951

Смирнов И.И. 1958 – Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958

Смирнов П.П. 1915 – Смирнов П.П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. Ч. III. 1915

Смолицкая, Горбаневский 1982 – Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимика Москвы. М., 1982

Снегирев 1826 – Снегирев И.М. О скудельницах или убогих домах в России // Труды и записки ОИДР. 1826. Кн. 1

Соболевский 1903 – Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси // Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 74. СПб., 1903

Соборник – Соборник. М., 1647

Соколова 1979 – Соколова В.К. Весеннее-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начала XX в. М., 1979

Сокуров 2006 – Сокуров В.Н. Кабардинцы в составе государева двора (XVI–XVII вв.) // Государев двор 2006.

Соловьев А. 1917 – Соловьев А. Московский печатный двор. Историческая записка о Московской синодальной типографии. М.,1917

Соловьев С.М. Т. 6 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Т. 6 // *Он же.* Сочинения. Кн. III. М., 1989.

Сорокатый 1997 – Сорокатый В.М. Роспись Троицкой (ныне Покровской) церкви Александровой слободы // Древнерусское искусство. СПб., 1997

Соскин 1997 – Соскин А.И. История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997

Соснер 2005 – Соснер И.Ю. Белев в его прошлом и настоящем. М., 2005

Сотникова 2000 – Сотникова М.П. О денежном чекане удельного княжества Кашинского (первая четверть XV в) // VIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17-21 апреля 2000 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000

Сотникова 2005 – Сотникова М.П. Деньги удельного Кашина // Государственный Эрмитаж. Материалы и исследования отдела нумизматики. СПб., 2005

Спасский 1977 – Спасский И.Г. Деньги // ОРК XVI в. Ч. 1

Старостина 1991 – Старостина И.П. Судебник Казимира // Древнерусские государства на территории Восточной Европы. 1988/89 гг. М., 1991

Сташевский 1908 – Сташевский Е. Д. К вопросу о том, когда и почему возникли «чети». К., 1908

Стефанович 2004 – Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004

Стромилов 1883 – Стромилов Н.С. Александрова слобода // ЧОИДР. 1883. Ч. II

Сухотин 1931, 1935, 1940 – Сухотин Л.М. К пересмотру вопроса об опричнине // Записки Русского научного иститута в Белграде. Вып. 5, 13, 17. Белград, 1931, 1935, 1940

Сыроечковский 1932 – Сыроечковский В.Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. Сер. VII. Вып. 3. Л., 1932

Сыроечковский 1935 – Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М., 1935

Сыроечковский 1940 – Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940

Сыромятников 1915 – Сыромятников Б.М. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / Ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915

Сырцов 1909 – Сырцов М.Я. Город Кострома в ее прошлом и настоящем. Кострома, 1909

Сытин 1929 – Сытин П.В. Пушечный двор в Москве XV–XVII вв. // Московский краевед. Вып. 2. М., 1929

Сытин 1958 – Сытин П.В. Из истории московских улиц. Очерки. М., 1958

Сытин Т. 1 – Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. М., 1950

Таубе 1963 – Таубе М.А. Иоганн Таубе, советник Ивана Грозного // Новый журнал. № 71. 1963

Таценко 2000 – Таценко С.Н. Топография Московского денежного двора в XVI веке. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000
Таценко 2002 – Таценко С.Н. Комментарии // *Штаден* 2002
Теляковский 1991 – Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова // Старина и святыни города Романова / Сост. А.Л. Беляев, А.Ю. Плотников. Ярославль, 1991
Титов 1884 – Титов А.А. Ростов Великий: историческое обозрение. М., 1884
Тихомиров 1958 – Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // ВИ. 1958. № 5.
Тихомиров 1962 – Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962
Тихомиров 1973 – Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973
Тихомиров 1979 – Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
Тихомиров 1992 – Тихомиров М.Н Древняя Москва XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992
Тищенко 1916 – Тищенко А.В. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.
Толочко 1993 – Толочко О.П. Смерть митрополита Константина [До розуміння давньоруської моделі святості] // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 2. Київ, 1993
Толстая 2001 – Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // ВСЭС
Толстой Н.И. 1995 – Толстой Н.И. Заметки по славянской демонологии. Откуда дьяволы разные? // *Он же*. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
Трепавлов 1997 – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии. XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997
Трепавлов 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2001
Туминская 2005 – Туминская О.А. Юродство Христа ради во времена Иоанна Грозного: к толкованию понятия «буйство во Христе» // ЗЧ. Вып. 3. Струнино, 2005.
Турилов, Чернецов 1997 – Турилов А.А., Чернецов А.В. К характеристике народных верований восточных славян (по данным письменных источников) // Материалы по археологии России: Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Вып. 3. М., 1997
Турилов, Чернецов 2002 – Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002
Тюльпин 2002-а – Тюльпин А.Г. Отверь (Тверь) // *Ульфельдт* 2002.
Тюльпин 2002-б – Тюльпин А.Г. Клин // *Ульфельдт* 2002.
Тюльпин 2005 – Тюльпин А.Г. Вокняжение Бориса Александровича Тверского в 1425 году // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005.
Уваров 2000 – Уваров П.Ю. Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. М., 2000

Ульрих 1877 – Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношении. СПб., 1877

Успенский Б.А. 1982 – Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982

Успенский Б.А. 1985 – Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы культурного наследия. М., 1985

Успенский Б.А. 1996 – Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Он же*. Избранные труды. Т. 1. М., 1996.

Успенский Г. Ч. II – Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. II. Об обычаях россиян в гражданском их состоянии и правительстве. Отд. I. Харьков, 1812

Федотов 1991 – Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991

Федотов. Т. 1 – Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской культуры и истории / Сост. В.Ф. Бойков. Т. 1. СПб., 1991

Фехнер 1949 – Фехнер М.В. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 12. Т. II. М.; Л., 1949

Фехнер 1956 – Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956

Фехнер 1971 – Фехнер М. В. Калуга. М., 1971

Фехнер 1977 – Фехнер М.В. Великие Булгары, Казань, Свияжск. М., 1977

Филатов 1994 – Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. Нижний Новгород, 1994

Флоринский 1888 – Флоринский А. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1888

Флоря 1973 – Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске: конец XVI – начало XVII в.// Средние века. Вып. 36. М., 1973

Флоря 1975 – Флоря Б.Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975

Флоря 1977 – Флоря Б.Н. Привилегированный слой купечества и городская община в Русском государстве: вторая половина XV – начало XVII в. // История СССР. 1977. № 5

Флоря 1978 – Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978

Флоря 1994 – Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. М., 1994.

Флоря 1996 – Флоря Б.Н. Изменение социального состава Московского кремля в конце XV – начале XVI в. // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996

Флоря 2002 – Флоря Б.Н. Иван Грозный. 2-е изд. М., 2002

Фролов 2005 – Фролов М.В. Археологические исследования в Александровской слободе в 2004 г. // ЗЧ. Вып. 3. Струнино, 2005

Фролов 2006 – Фролов М.В. Итоги археологических раскопок 2003 года на территории Александровской слободы // Государев двор 2006

Фруменков 1979 – Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979.

Хант 2003 – Хант П. Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. Сб. 9 (19). СПб., 2003

Хорошкевич 1974 – Хорошкевич А.Л. Борьба России за создание флота на Балтийском море в концеXIV – начале XVI вв. // Военно-исторический журнал. 1974. № 5.

Хорошкевич 1977 – Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV вв. // История СССР. 1977. № 2.

Хорошкевич 1980 – Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980

Хорошкевич 1983 – Хорошкевич А.Л. «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-е годах XV в. // Русский город: исследования и материалы. Вып. 6. М., 1983

Хорошкевич 1984 – Хорошкевич А.Л. Московское восстание 1584 года и «Петров чертеж» столицы // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию члена-корр. АН СССР С.В. Бахрушина. М., 1984

Хорошкевич 1987 – Хорошкевич А.Л. «Незваный гость» на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987

Хорошкевич 1988 – Хорошкевич А.Л. Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. Ч. 1. М., 1988

Хорошкевич 1991 – Хорошкевич А.Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х-середине 50-х годов // История СССР. 1991. № 6

Хорошкевич 1996-б – Хорошкевич А.Л. Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996

Хорошкевич 1997-а – Хорошкевич А.Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX вв. М., 1997.

Хорошкевич 1997-б – Хорошкевич А.Л. Мегалополис средневековья // Истории Москвы с древнейших времен до наших дней. Т. I. XII–XVII века. М., 1997

Хорошкевич 1998 – Хорошкевич А.Л. «Fremde» auf der Strasse nach Smolensk in der Mitte des 16. Jahrhunderts (Die Kontrolle der Gesandten auf dem Weg zwischen Smolensk und Moskau) // «Der Fremde im Dorf». Überlegungen zum Fremden und zum Eigenen in der Geschichte. Rex Rexheuser zum 65. Geburtstag / Hrsg. von H.-J. Bömelburg und B. Eschment. Lüneburg. 1998

Хорошкевич 2000 – Хорошкевич А.Л. План Москвы и памятники московского церковного зодчества в «Записках» Мартина Груневега 1585 г. // Русское искусство позднего средневековья. XVI век. Тез. докладов международной конференции. Москва, 12-14 января 2000 г. СПб., 2000.

Хорошкевич 2001-а – Хорошкевич А.Л. Иван Петрович Федоров. Судьба христианина в России времени Ивана Грозного // Russische und Ukrainische Geschichte vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 58. / Hrsg. von R. Crummey, H. Sundhaussen, R. Vulpius. Wiesbaden 2001.

Хорошкевич 2001-б – Хорошкевич А.Л. «Град» и «место» в «Истории о великом князе московском» А.М. Курбского // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7-8 декабря 1999 г.). М., 2001.

Хорошкевич 2001-в – Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001

Хорошкевич 2003-а – Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003

Хорошкевич 2003-б – Хорошкевич А.Л. Захват Полоцка и бегство кн. А.М. Курбского в Литву // Swiat pogranicza / Red. nauk. M. Nagielski, A. Rachubŕ, S. ierzyński. Warszawa, 2003

Хорошкевич 2003-в – Хорошкевич А.Л. Псковские грамоты XVI в. из Рижского городского архива // Метаморфозы истории. Вып. II. Псков, 2003

Хорошкевич 2003-г – Хорошкевич А.Л. Культура внешней торговли по словарю Тенниса Фенне // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв. Проблема культуры и культурного наследия. М., 2003

Хорошкевич 2004-а – Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von A.Kappeler. Wiesbaden, 2004.

Хорошкевич 2004-б – Хорошкевич А.Л. Санитария и медицина средневекового города под эгидой государства // Новгородские археологические чтения. Новгород, 2004.

Хорошкевич 2005 – Хорошкевич А.Л. Мартин Груневег о границе и таможенных установлениях в России 1585 г. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005

Хорошкевич 2006-а – Хорошкевич А.Л. Гостеприимство Висковатого // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006.

Хорошкевич, Зимин 1965- Хорошкевич А.Л., Зимин А.А. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. // История СССР. 1965. № 5

Худяков И.А. 2001 – Худяков И.А. Великорусские сказки. Великорусские загадки / Изд. подгот. Е.А. Костюхин, Л.Г. Беликова. СПб., 2001.

Царевская 2003 – Царевская О.А. Магдебургские врата. Новгород, 2003

Цветаев 1878 – Цветаев Д.В. Мария Владимировна и Магнус Датский // ЖМНПр. Ч. CXCVI. 1878
Цветаев 1890 – Цветаев Д.В. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890.
Черепнин 1960 – Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960
Черкасова 1996 – Черкасова М.С. Землевладение Спасо-Ярославского монастыря в XIV–XVI вв. // Ярославская старина. Вып. 3. Ярославль, 1996
Черкасова 2004 – Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004
Чернин 2005 – Чернин С.Б. Культ св. Никиты, новгородского епископа как социокультурное явление // Мавродинские чтения 2004. СПб., 2005
Чернышев 1928 – Чернышев И. Терминология русских картежников и ее происхождение // Русская речь. Т. II. Л., 1928
Чеховський 2001 – Чеховський І. Г. Демонологічні вірування і народний календар українців Карпатського регіону. Чернівці, 2001
Чечулин 1889 – Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889
Чулков 1901 – Чулков Н. и И. К истории разграничения России с Норвегией // Русский архив. Т. I. СПб., 1901.
Чумичева 1993 – Чумичева О.В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993
Шаскольний 1962 – Шаскольний И.П. О возниковении города Колы // ИЗ. Т. 71. М., 1962.
Шаскольский 1952 – Шаскольский И.П. О первоначальном наименовании Кольского полуострова // Известия Всес. географич. Общества. 1952. № 2.
Шаскольский 1973 – Шаскольский И.П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI в. // ИГЗО.
Шахматов 1935 – Шахматов М.В. Исполнительная власть в Московской Руси // Записки Русского свободного университета. Т. 1. Прага, 1935
Шевченко 1996 – Шевченко С.Н. Московская городская лексика в «Записках о Московии» Г. Штадена // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) М., 1996
Шемякин 1994 – Шемякин А.И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 1994
Шереметев 1908 – Шереметев П.С. О князьях Хованских. М., [1908].
Ширння 2005 – Ширння Н.И. Работы Кавельмахера В.В. на памятниках Александровой слободы // ЗЧ. Вып. 3. Струнино, 2005.
Шмидт С.О. 1950 – Шмидт С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН. Сер. ист. и филос. Т. VII. Вып. 5. 1950
Шмидт С.О. 1951 – Шмидт С.О. Продолжение Хронографа 1512 г. // ИА. Т VII. М., 1951.

Шмидт С.О. 1974 – Шмидт С.О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.
Шмидт С.О. 1984 – Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984
Шмидт С.О. 1999 – Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.
Шмидт, Князьков 1985 – Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М., 1985.
Шокарев 2000 – Шокарев С.Ю. Семейное окружение Ивана IV Грозного в свете новых исследований // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XIX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 22–26 ноября 1999 года. СПб., 2000
Шокарев 2002 – Шокарев С.Ю. Предисловие // *Штаден* 2002
Шумаков 1910 – Шумаков С.А. Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910
Шумаков. Вып. 2-3 – Шумаков С.А. Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 2. М., 1899; Вып. 3. М., 1917
Шумилов 2006 – Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: Становление, основные этапы развития (IX—XVII вв.). СПб., 2006
Шуцкая 1992 – Шуцкая Г. Двор бояр Романовых. // Советский музей. № 5. 1992
Щедровицкий 1992 – Щедровицкий Д.В. Шеол // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1992
Щербачев 1911 – Щербачев Ю.Н. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. Материалы иностранные.
Эскин 1994 – Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994
Юзефович 1988 – Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М.. 1988.
Юзефович 2007 – Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007
Юрасов 1996 – Юрасов А.В. Великие Луки в XIII–XVII вв.: историческая топография средневекового города. Псков, 1996
Юрганов 1992 – Юрганов А.Л. О Стародубском «уделе» М.И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // АРИ. Вып. 2. М., 1992.
Юрганов 1998 – Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998
Юшко 2005 – Юшко А.А. Звенигород московский и удел московских князей. М., 2005
Юшков 1950 – Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10.

Яковенко 1992 – Яковенко Н.М. «Чоловік добрий» і «чоловік злий»: з історії ментальних установок в Україні-Русі кінця XVI – середини XVII ст. // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 1. Київ, 1992

Янин 1991 – Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991

Янин 1998 – Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998

Янушкевіч 2005 – Янушкевіч А. Захоп Полацка маскоўскім войскам у 1563 г. // Commentarii polocenses historici. Полоцкія гісторычныя запіскі. Т. II. Mensci, 2005.

Ящуржинский 1992 – Ящуржинский Х.П. О превращениях в малорусских сказках // Українці: народні вірування, повір'я, демонология. 2-е вид. Київ, 1992.

Angermann 1973 – Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg, Lahn. 1973

Arbusow 1897 – Arbusow L. Mitteilungen über das genaue Datum der Flucht des Fürsten Ŕ.M. Kurbskij // Sitzungsberichte der Rigischen Gesellschaft für Altertumskunde. Riga. 1897

Arbusow 1918 – Arbusow L. Jun. Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 4-te Ausg. Riga, 1918.

Auerbach 1985 – Auerbach I. Andrej Michajloviè Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. München, 1985.

Auerbach 1990 – Auerbach I. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajloviè Kurbskij und sein Kreis // NM Bd. 4. Lfg. 15-17. 1990.

Averinzew 1927 – Averinzew S. Russische Fischerei im Barentz-Meer // Norddeutsche Fischereizeitung. 15.III.1927.

Bär 1900 – Bär M. Geschichte des Königlichen Staatsarchivs zu Hannover / Mitteilungen der Kgl. Preuss. Archivverwaltung. Hf. 2. Leipzig, 1900.

Bär 1917 – Bär M. Eine bisher unbekannte Beschreibung Russlands durch Heinrich von Staden // Historische Zeitschrift, 1917. Bd. 117. 3. Folge. Bd. 21.

Bergengrûn 1899 – Bergengrûn A. // Sitzungsberichte der Gesellschaft fûr Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Jg. 1898. Riga, 1899

Bielski 1856 – Bielski M. Kronika Polska. Sanok, 1856.

Bjørnbo, Petersen 1909/11 – Bjørnbo A.A., Petersen C. Anecdota cartographica septentrionalia. Hafniae, 1908, № 10

Bodemann 1872 – Bodemann E. Die Volkswirtschaft des Herzogs Julius von Braunschweig // Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. N.F., Jg. 1. 1872

Böhm 1899 – Böhm M. Ein angebliches Fürstenbergs-Portrait // Sitzungsberichte der Dorptschen Gesellschaft für Altertumskunde von 1898. Dorpat, 1899

Boniecki 1863 – Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim księstwe Litewskiem XV i XVI wieku. Warszawa, 1863

Bonwetsch 1973 – Bonwetsch B. Russland und der Separatfrieden im Ersten Weltkrieg // Geschichte und Gesellschaft. № 3. 1977.
Böthführ 1876 – Böthführ H.J. Die rigische Ratslinie von 1226–1876. Riga, 1876
Brinner 1912 – Brinner L. Die Erschließung des Nordens für Walfischfang // HGBll. Jg. 18. 1912
Brückner 1909 – Brückner A. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1909
Bruiningk 1904 – Bruiningk H.v. Über die Abführung der Einwohner Dorpats // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Jg. 1903. Riga, 1904
Busse 1871 – Busse K.H. v. Herzog Magnus. König von Livland. Leipzig, 1871
Choroskevic 1996 – Choroskevic A. Der deutsche Hof in Novgorod und die deutsche Herberge (Fondaco dei Todeschi) in Venedig im 13./14. Jht. Eine vergleichende Vorstudie // Zwischen Lübeck und Nowgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Lüneburg, 1996
Die deutsche Ostpolitik. 1964 – Die deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg // Deutsche Kriegsziele 1914–1918 / Hrsg. von E.W. Graf Lynar. Frankfurt / M., 1964
Donnert 1963 – Donnert E. Der livländische Ordensritterschaft und Russland. Berlin, 1963
Dumschat 2006 – Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Ruâland. Stuttgart, 2006
Epstein 1924 – Epstein F.T. Die Hof- ubd Zentralverwaltung im Moskauer Staat und die Bedeutung von G. K. Kotoschichins Werk "Ueber Russland unter der Herrschaft des Caren Alexej Michajlovitsch" für die russische Verwaltungsgeschichte. Phil. Diss. Berlin, 1924
Epstein 1972 – Epstein F.T. Außenpolitik in Revolution und Bürgerkrieg, 1917-1920 // Osteuropa-Handbuch. Sowjetunion. Außenpolitik Bd. I: 1917-1955. Hrsg. von D. Geyer. Köln, 1972.
Epstein 1973 – Epstein F.T. Germany and the East. Selected Essays / Hrsg. von R. F. Byrnes. Bloomington, 1973.
Epstein 1978 – Epstein F.T. Die Hof- und Zentralverwaltung im Moskauer Staat und die Bedeutung von G. K. Kotošichins zeitgenössischem Werk über Russland unter der Herrschaft des Zaren Aleksej Michajloviè' für die russische Verwaltungsgeschichte. Hamburg, 1978.
Esper 1967 – Esper T. Introduction // *Staden* 1967
Fechner. Bd. I – Fechner A.W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd.1. Moskau, 1876
Flier 1994- Flier M. Breaking the Code: the Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Medieval Russian Culture. V. 2. Berkeley, 1994.
Frensdorff 1899 – Frensdorff F. Das Reich und die Hansestädte // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germ. Abt. Bd. 20. 1899
Frötschner 2004 – Frötschner R. Heilige Rus'- Neues Israel – Drittes Rom. Die Verehrung des Gottesmutterikone von Tichvin als Element der politischen

Mythologie des Moskauer Reiches unter Grossfürst Vasilij III und Zar Ivan IV // JGO. Jg. 52, 2004. Hf. 2.
Grala 1999 – Grala H. «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heralgyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. N.S. Warszawa, 1999. T. IV (XV).
Günther 1891 – Günther L. Die Idee der Wiedervergeltung. Abt. II. Erlangen, 1891.
Halaga 1975 – Halaga O.R. Typy kupeckých domov a novgorodský Peterhof // Slovanský pøehled. T. 61. Kosice, 1975
Hansen 1858 – Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858.
Hansen 1886 – Hansen v. // BKE. Bd. III. № 3. Riga, 1886
Hansen 1894-a – Hansen G. von. Aus baltischer Vergangenheit. Reval, 1894
Hansen 1894-b – Hansen G. von. Publikationen aus dem Revaler Stadtarchiv // BKE. Bd. V. № 4. 1894.
Hansen 1896 – Hansen G. von. Katalog des Revaler Stadtarchivs. Reval, 1896
Heer der Stockel. Bd. 1 – Heer der Stockel. Bd. 1. Schwabish Hall, 1978
Höhlbaum 1876 – Höhlbaum K. Zeitungen über Livland im 16. Jahrhundert // BKE. Bd. II. № 2. 1876.
Höhlbaum 1889 – Höhlbaum K. Die Admiralsakten von Pfalzgraf Georg Hans, Graf zu Veldenz, im Stadtarchiv Köln // Mitteilungen aus dem Stadtarchiv von Köln. Hf. 18. 1889.
Huber. Bd. IV – Huber A. Geschichte Õsterreichs. Bd. IV. Wien, 1892.
Iljinskij 1927 – Iljinskij G. Noch einmal der Name von Moskau // Zeitschrift für slawische Philologie. 1927. № 4.
Issatschenko 1957 – Issatschenko À.V. Herbersteiniana I. Sigmunds von Herberstein Rußlandsbeinricht und die russische Sprache des XVI. Jhs. // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1957. Bd. II. Hf. 3
Janicki 2006 – Janicki M.A. Tlumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów novożytnych między władzą i społeczeństem. Materiały konferencji naukowej. Kraków 14 kwietnia 2004 / Pod red. W. Chorążyczewskiego i W. Krawczuka. Kraków, 2006
Jansma 1946 – Jansma T.S. Oliver Brunel te Dordrecht: de noordoostelijke doorvaart en het westeuropeesch-russisch contact in de zestiende eeuw // Tijdscrift voor geschiedenis. Jaarg. 59. Afd. 2-3. Groningen, 1946
Johansen 1963 – Johansen P. Stand Heinrich von Staden im Dienste Revals? // JGO. Bd. 11. 1963.
Johnsen 1923 – Johnsen O.A. Finmarkenspolitiske historie, aktmässig fremstillet // Videnskapsselkapets Skrifter. II. Hist.-filos. Klase. 1922. № 3. Kristiania, 1923
Kämpfer Fr. 1991 – Kämpfer Fr. "Die völker CIRCASSI oder CYKY" // Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas / Festschrift für Günter Stökl zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 1991.
Kappeler 1972 – Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern, 1972

Kappeler 1988 – Kappeler A. Die deutsche Flugschriften über die Moscowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliterarur des 16. Jahrhunderts // Russen und Russland aus deutscher Sicht 9.-17.Jh. / Hrsg. von M. Keller. 2. Aufl. München. 1988

Kappeler 1992-a – Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // FOG. Bd. 46. Berlin, 1992

Kappeler 2002-b – Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992

Kappeler 2003 – Kappeler A. Herberstein als Ethnograf: die Nichtrussen des Moskauer Reiches und an dessen Grenzen in der "Moscovia" // Russland, Polen und Österreich in der frühen Neuzeit / Festschrift für Walter Leitsch zum 75. Geburtstag. Wien, Köln, Weimar, 2003

Keussler 1906 – Keussler F. von. Heinrich Stadens Nachrichten über die Livländer in Moskau zur Zeit Ioanns Groznys // Rigaer Sitzungsberichten. 1905. Riga, 1906

Keussler 1909 – Keussler F. von. Das angebliche Grab Fürstenbergs in Ljubim // SB Riga, Jg. 1908. 1909

Kivimae 1996 – Kivimae J. Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late Mediaeval Russia and Livonia // FOG. Bd. 52. Berlin, 1996

Kleis 1927 – Kleis R. Magnus // Eesti biografisk leksikon. H. 2. Tartu, 1927

Kluge – Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York.

Krug 1837 – Krug Ph. Bericht über die "Biblioteka inostrannych pisatelej o Rossii" // Шестое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград.. СПб., 1837

Kugler, Ranke 1838 – Kugler F., Ranke E.F. Beschreibung und Geschichte der Schloßkirche in Quedlingburg und der in ihr vorhandenen Altertümer. Berlin, 1838

Kugler. T. I – Kugler F. Kleine Schriften und Studien zur Kunstgeschichte. T. I. Stuttgart, 1853

Leimus 1995 – Leimus I. Das Münzwesen Livlands im 16. Jahrhundert (1515–1581/94). Stockholm, 1995.

Lind 1985 – Lind J.H. Ivan IV's great state seal and his use of some heraldic simbols during the Livonian war // JGO. 1985. N.F., Jg. 55. Hf. 4 (Ср.: Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые герольдические символы времен Ливонской войны // АРИ. Вып. 5. М., 1995. С. 227–239).

Listy Zygmunta Augusta – Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / Oprac., wstęp, komentarze I. Kaniewska. Kraków, 1997.

Lübben 1888 – Lübben A. Mittelniederdeutsche Handwörterbuch. Darmstadt, 1888 (Репринт – 1990).

Martin 1983 – Martin J. Muscovy's Northeastern Expansion: the Context and a Cause // Cahiers du monde russe et soviйtique. 1983. T. 24.

Martin 1985 – Martin J. Muscovite Travelling Merchants: The Trade with the Muslim East (15th and 16th Centuries) // Central Asia Survey. 1985. V. 4. № 3.

Michow 1884-1885 – Michow H. Die ältesten Karten von Rußland // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte. 1882-1883. Hamburg, 1884-1885

Michow 1906 – Michow H. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie 1525–1631 // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg. Bd. 21. 1906.

Mienicki 1934 – Mienicki R. Egzulancy połoccy (1563–1580 r.). Karta z dziejów ziemi Połockiej // AW. T. IX.1931/1932.

Mienicki 1937 – Mienicki R. Stanislav Dowojno – wojewoda polocki // AW. T. XII. 1937

Mienicki T. V – Mienicki R. Dowojno Stanislav // PSB. T. V.

Miller. Bd. VII – Miller G. Fr. Sammlung russischer Geschichte / [Hrsg. Miller G.Fr.] Bd. VII. SPb.

Monluc 1971 – Monluc B. de. The Habsburg-Valois Wars and the French Wars of Religion / Åd. J. Roy. L., 1971

Napiersky 1890 – Napiersky J.V. Das Kalandhaus in Riga und die frieseschen Händel // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte. Bd. 14. Riga, 1890

Natanson-Leski 1922 – Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczy Pospolitej. [Cz] I. Granica moskiewska w epoce Jagie?ońskiej. Warszawa, 1922

Pabst 1844 – Pabst Ed. Vier politische Gedichte // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Kurlands. Riga, 1844

Pabst 1858 – Pabst Ed. Zur Geschichte des Meisters Wilhelm von Fürstenberg // Das Inland. Jg. 23. № 31. Dorpat, Bd. 4. VIII. 1858

Palmén 1909/11 – Palmén E.G. Simon van Salingen karta öfver Norden 1601 // Fennia. 31. Helsingfors. 1909-11. № 6

Paul 1926 – Paul J. Die nordische Politik der Habsburger vor dem dreissigjährigen Kriege // HZ. Bd. 133. 1926.

Pavlov, Perrie 2003 – Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. Edinburgh, 2003

Picková 2002 – Picková D. Habsburkové a Rurikovci na prahu novoveku . Přispevek k dejinám rusko-habsburských vstahů na přelomu 15. a 16. stoletß. Praha, 2002

Pirożyńska, Pirożyński – Pirożyńska Cz. und Pirożyński J. Berichterstattung aus und űber Polen in den "Wiener Fuggerzeitungen" (Österreichische Nationalbibliothek, cod. 8949-89-75) // Quellenstudien zur Geschichte aus ősterreichischen Sammlungen / Hrsg. von W. Leitsch und J. Pirożyński. S.l., s.d.

Rasmussen 1935 – Rasmussen K. Magnus // Dansk biografisk lexikon tillige omfattende Norge for Tidsrummet 1537-1814 / Udgivet af C.F. Bricka. Bd. 9. Kjøbenhavn, 1935.

Reimann 1876 – Reimann E. Das Verhalten des Reiches gegen Livland // HZ. Bd. 35. 1876

Renner 1988 – Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vassal des Zaren Ivan Groznyj // Deutschland-Livland-Russland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Lüneburg, 1988

Rußland, Deutschland, Amerika. 1978 – Rußland, Deutschland, Amerika. Festschrift für Fritz T. Epstein zum 80. Geburtstag / Hrsg. von A. Fischer, G. Moltmann, K. Schwabe. Wiesbaden, 1978

Sack 1870 – Sack J. Herzog Jul. von Braunschweig – Lüneburg als Fabrikant des Bergwerks-Erzeugnisse des Harzes // Zeitschrift des Harzvereins für Geschichte und Altertumskunde. 1870. № 3.
Schiemann 1874 – Schiemann Th. Salomon Hennings livländisch-kurländische Chronik. Mitau, 1874.
Schiemann 1889 – Schiemann Th. Ein abenteuerlicher Anschlag // Baltische Monatsschrift. Bd. 36 (N.F. № 18). 1889
Schiemann 1892 – Schiemann Th. Des Pfalzgrafen Georg Hans Anschlag auf Livland. Actenstücke aus dem geheimen Staatsarchiv zu Berlin aus den Jahren 1578 und 1579 // Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. Bd. XV. Hf. 1. 1892.
Schirren 1861 – Schirren C. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbstständigkeit. Berlin, 1861
Schramm, Mütherich 1962 – Schramm P.E., Mütherich F. Denkmale der deutschen Könige und Kaiser. München, 1962.
Simson 1907 – Simson P. Die Organisation der Hanse in ihrem letzten Jahrhundert // HGbll. Jg. 13. 1907.
Sodmann 1973 – Sodmann T. Der Untergandg des Mittelniederdeutschen als Schriftsprache // Niederdeutsch. Sprache und Literatur. Eine Einfuhrung / Hrsg. V. J. Goossens. Bd. I: Sprache. Neumunster, 1973
Sommerlad 1918 – Sommerlad Th. Die geschichtliche Stellung der russischen Ostseeprovinzen // Auslandsstudien an der Universität Halle Wittenberg. Hf. 6. Halle, 1918
Staehlin. Bd. I – Staehlin K. Geschichte Russlands. Bd. I. Berlin, Leipzig, 1923
Stieve 1880 – Stieve F. Die Verhandlungen über die Nachvolge Kaiser Rudolfd II. in den Jahren 1581-1602 // Abhandlungen der königlicher Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Hist.Cl. Bd. 15. I. Abt. 1880
Stieve 1900 – Stieve F. Rudolf II, deutscher Kaiser: Abhandlungen, Vorträge und Reden. Leipzig, 1900
Stökl 1972 – Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972
Straszewicz 2005 – Straszewicz M. Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców połockich // Przegłąd historyczny. T. 96. Z. 3. 2005.
Swarczenski 1954 – Swarczenski H. Monuments of Romanesque Art. L., 1954
Übersberger 1906 – Übersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV. Jhts. Wien, 1906.
Veale 1966 – Veale E.M. The Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966
Verlinden. T. I – *Verlinden Ch.* L'ésclavage dans l'Europe médieval. T. I. Peninsul Ibérique-France. Brugge, 1955
Voigt 1995 – Voigt G. Russland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843-1945. Berlin, 1995
von Walther Niekerken hrsg. von Fr.T. Epstein u. Walther Kirchner // JGO. 1960. Bd. 8. Hf. 3.
Walde. Bd. I-II – Walde O. Storhetstidens litteraera krigsbyten, en kultuhistorisk-bibliografisk studie. Bd. I-II. Uppsala, Stockholm, 1916-1920.

Wijaczka 1998 – Wijaczka J. Stosunki dyplomatyczne Polski z Rzeszą Niemiecką w czasach panowania cesarza Karola V (1519–1556). Kielce, 1998
Willan 1953 – Willan T. The Moscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953
Willan 1956 – Willan T. The Early History of Russia Company 1553–1603. Manchester, 1956
Zelenin 1927 – Zelenin D. Russische Volkskunde. Berlin, 1927
Zimmermann 1904-1905 – Zimmermann P. Herzog Julius zu Braunschweig und Lüneburg in volkswirtschaftlicher Beziehung // HGbll. Jg. 11, 1904-1905
Zins 1967 – Zins H. Anglia a Bałtik w drugiej połowie XVI wieku. Wrocław, Warszawa, Kraków. 1967

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

---

[1] Именной и географический указатели составлены Н.А. Богаевой (т. 2 со с. 244 до конца), А.А. Булычевым и Ю.Д. Рыковым к их текстам во 2-м томе публикации, А.Л. Хорошкевич к т. 1 и т. 2 до с. 244 при содействии и помощи А.Г. Тюльпина.
Список принятых сокращений: архиеп. – архиепископ, б-н – боярин, библ. – библейский персонаж, в-да – воевода, вел. кн. – великий князь, герц. – герцог, гр. – граф, д. – дочь, дв-н – дворянин, ж. – жена, кн. – князь, кн-ня – княгиня, кнж. – княжна, кор. – король, крым. – крымский, лит. – литовский, литер. – литературный персонаж, маркгр. – маркграф, митр. – митрополит, м-рь – монастырь, ног. – ногайский, преп. – преподобный, св. – святой, с.б. – сын боярский, фольк. – фольклорный персонаж, ц. – царь, ц-ца – царица, яросл. – ярославский

[2] Не исключено, что это обедневшие потомки князей Пенинских, связанные с кн.Владимиром Андреевичем Старицким. Среди них были и более состоятельные: дворецкий князя и вкладчик в Иосифо-Волоколамский монастырь Юрий Андрееевич Оболенский Пенинский (*Зимин* 1958. С. 44; *Он же.*1978, С. 133)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Список сокращений: в-во – воеводство; вол. – волость; г. – город; губ. – губерния; дер. – деревня; ж. – женский; зал. – залив; кн-во – княжество; кр. – крепость; м. – мужской; м-рь – монастырь; о-в – остров; обл. – область; оз. – озеро; п-ов – полуостров; пуст. – пустошь; р. – река; рч. – речка; руч. – ручей; с. – село; ст. – стан; сц. – сельцо; у. – уезд

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТАМ ГЕНРИХА ШТАДЕНА и Г.Х. фон ФЕЛЬДЕНЦ

Замеченные опечатки:
В томе первом настоящего издания
на стр. 90, 122, 150, 154
слово **Сњli** следут читать **Coeli**

Научное издание

Генрих Штаден

ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ

Том второй
Статьи и комментарии

Макет и оформление
С. Ермолаев; Г. Якушин

Издательство «Древлехранилище»
Лицензия № 00226 от 11.10.99
Тел./факс.: (095) 245–30–98

Формат 60x84/16. П.л. 29,875.
Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Заказ № 788.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, http://www.grif-tula.ru

ШТАДЕН

ЗАПИСКИ
О
МОСКОВИИ

Генрих Штаден

ЗАПИСКИ
О МОСКОВИИ

ТОМ ВТОРОЙ
СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ

